

Вальтер
Скотт

Вальтер Скотт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двадцати томах

Под общей редакцией

Б. Г. РЕИЗОВА, Р. М. САМАРИНА,

Б. Б. ТОМАШЕВСКОГО

Издательство

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1964 Ленинград

Вальтер Скотт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том шестнадцатый

СЕНТ-РОНАНСКИЕ ВОДЫ

Перевод с английского

Е. А. ЛОПЫРЕВОЙ

и

Н. Я. РЫКОВОЙ

Издательство

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1964 Ленинград

И ()
С-44

WALTER SCOTT
ST. RONAN'S WELL

Редакция перевода
Ю. Б. Корнеева

Комментарии
Е. А. Лопыревой

СЕНТ-РОНАНСКИЕ ВОДЫ

Встарь, говорят, здесь весело бывало;
Не то уж ныне — проклят этот край.

Вордсворт

ВВЕДЕНИЕ

В основе предлагаемого читателям романа лежит план, несхожий с планом произведений, уже опубликованных, хотя он представляется нам вполне оправданным для таких литературных произведений.

*Celebrare domestica facta*¹ — вот, выражаясь кратко, задача романа. Автор ставит своей целью дать представление о неустойчивых нравах нашего времени и описывает сцены, подсказанные событиями, которые разыгрываются вокруг нас ежедневно, так что читатель с первого же взгляда может сверить копии с подлинниками. Надо признаться, автор обратился к этому виду романа скорее по той соблазнительной причине, что, позволяя избежать всем надоевших характеров и положений, такой роман представляет для него известную новизну, нежели потому, что сочинитель желал бы соревноваться с многочисленными и грозными соперниками, уже стяжавшими себе заслуженные почести на этом поприще. Своими талантливыми

¹ Прославить события обыденной жизни (лат.).

произведениями здесь особенно прославились дамы, по самой женской природе своей наделенные острой наблюдательностью и даром сатирического изображения. Можно было бы составить даже целый список таких сочинительниц, начиная от автора «Эвелины» и заключая автором «Супружества». Туда вошли бы имена столь блестящих и талантливых писательниц, как мисс Эджуорт, мисс Остин, мисс Чарлот Смит, а также еще многих других, чьи успехи способствовали закреплению этого вида романа почти исключительно за женщинами-писательницами. Поэтому автор не без робости принимался за литературный жанр, так удачно разрабатываемый последнее время. Однако это чувство должно было поневоле отступить перед необходимостью искать новизны, без чего могло бы возникнуть опасение, как бы повторные набеги автора в область литературы не наскучили наконец публике, столь долго проявлявшей к нему снисходительность.

Местом действия своей маленькой драмы из современной жизни автор избрал целебный источник; их немало в обеих частях Британии, и в каждом таком месте имеется полная возможность поправлять свое здоровье или вести беззаботную жизнь. Ведь облегчение от недугов больному часто приносят не столько полезные свойства самой минеральной воды, сколько полная перемена уклада его каждодневной жизни. Он отрывается от своего грессбуха и счетных книг, от свода судебных постановлений, от актов и купчих крепостей, от конторки и полок с товарами, то есть от всего, что дома является для него причиной постоянного беспокойства, лишает аппетита, мешает привычным прогулкам, портит пищеварение и вообще подтачивает жизнь. На воды тянется всякий, кто переезжает с места на место в тщетных попытках избавиться от надоевшего ему спутника — *самого себя*; туда же являются дамы и джентльмены, движимые противоположным стремлением — поскорее зажить вдвоем.

На таких водах — что вполне естественно — общество придерживается гораздо более снисходительных правил, чем те, которыми руководится модный свет или замкнутые аристократические круги столицы. Если

претензии на родовитость, знатный титул или богатство соответствуют целям и облику их носителя, они не подвергаются здесь придирчивой проверке, а вызванные самой обстановкой некоторая временная близость и короткость в отношениях не бывают долговечны: как бы далеко эти отношения ни зашли, вовсе не предполагается, что им суждено пережить один сезон. Ни одна дружба не бывает столь пылкой и в конце концов столь преходящей, как дружба, завязанная при знакомстве на водах. Поэтому сочинитель, избравший для своего романа подобное место действия, предпринимает попытку показать такое общество, рассказывая о котором он может живописать самые противоположные нравы и сталкивать проясняющие друг друга забавные характеры с меньшим риском для правдоподобия, чем если бы он взялся описывать это пестрое сборище в каких-либо других условиях.

К тому же среди завсегдатаев минеральных вод часто встречаются не только смешные, но также опасные и отвратительные характеры. Лишенные нравственных устоев игроки, бессердечные авантюристы и вообще те, кто выискивает себе средства к существованию, потакая порокам и безрассудствам людей богатых и беспутных, те, кто хитростями и кознями умеют довести слабость до преступления, а опрометчивость — до губельного безумства, — все они непременно оказываются там, где обычно собираются их жертвы: так стервятники слетаются на поле кровавой битвы. Это чрезвычайно облегчает задачу романиста, особенно когда его рассказ доходит до мрачных и печальных эпизодов. Мошенники, шулера и обманщики, привыкшие вести беспутную жизнь на задворках общества и, подобно паразитам, благоденствовать за счет его испорченности, всегда гнездятся там, где они легко и словно невзначай встречают доверчивых людей, которые в другом месте могли бы избежать их тенет. Но, наряду с такими действительно опасными для общества злодеями, в шумной толпе модного курорта — к вящему удовольствию избранного круга и к изумлению и смущению менее искушенной публики — попадают и «эксцентрические личности», как называют

их наши журналы. Иногда и в самом деле помутившись рассудком, а чаще всего страдая излишним тщеславием, они стремятся привлечь к себе внимание какой-нибудь странностью в одежде или речи, в обращении или разговоре, а подчас во всем этом сразу. Их кривлянье, подобно выходкам Дрокенсера, имеет целью доказать, что они никого не боятся, и, следует признать, в таком кривлянье чаще бывают повинны англичане, чем уроженцы двух других частей Соединенного королевства. Причина таится, вероятно, в том, что сознание своего благополучия и гордое чувство независимости, вообще присущее английской нации, у иных ее представителей бывает преувеличено до нелепости или по меньшей мере до странности. Напротив, сообразительный ирландец старается согласовать свое поведение с обычаями самого лучшего общества или общества, которое ему кажется таковым, а хитрый шотландец по самому складу своего характера не склонен без нужды привлекать к себе внимание окружающих. Бывают, впрочем, исключения из этого правила, и, вероятно, поэтому на курортах, куда съезжаются богатые бездельники и где каждый разрешает себе поступать так, как ему заблагорассудится, попадают добровольные шуты всех национальностей. Впрочем, столь очевидные соображения едва ли необходимы для того, чтобы оправдать выбор романистом целебного источника в качестве места действия своего вымышленного повествования. Спору нет, держась в границах вероятного, трудно предположить, что где-нибудь еще существует такая смесь разнообразнейших характеров, какие всегда встречаются в толпе у любого целебного источника. Несомненно также, что при соединении вместе людей различного рода могут происходить и часто происходят события, весьма непохожие на события тихой повседневной жизни.

Однако недостаточно ведь, чтобы жила оказалась богатой и легко доступной; надо, чтобы рудокоп, занятый разработкой ее, имел сам, как говорят в горном деле, точное представление о своем «поле» и обладал умением извлечь из него прибыль. В этом отношении автору «Сент-Ронанских вод» не слишком повезло. По

укладу своей жизни ему — по крайней мере в последние годы — не часто случалось оказываться в центре особо важных и шумных событий; не часто посещал он и общество, а только это и вырабатывает в наблюдателе умение «на лету подстрелить любую глупость». Потому, вероятно, и получилось, что характеры у него выписаны без той силы и точности, которые даются писателю, лишь когда он близко знаком со своим предметом. Автор все же удовлетворен хотя бы тем, что высказался здесь против карточной игры — воистину дьявольского порока, ибо в нем нет ничего, что служит оправданием для других пороков: игра целиком построена на голом расчете и хладнокровнейшем эгоизме. Характер путешественника, любящего соваться не в свое дело, самодовольного, раздражительного и «надоедного», как выражаются наши дамы, но при всем том щедрого и доброжелательного, отчасти списан с натуры. Фабула романа вполне современна и после всего сказанного едва ли нуждается в дополнительных разъяснениях, будь то в форме примечаний или в виде более развернутого предисловия.

Следует заметить, что английские критики (правда, не самые влиятельные) не раз нападали на «Сент-Ронанские воды» с превеликим шумом и гамом. Многие из их братья заявляли, что автор исчерпал себя, или, применяя технический термин, «исписался». И, так как на редкость долгая полоса удач слишком часто заставляет иных замечать и преувеличивать любой промах, когда он все-таки приключается, автора открыто упрекали в стихах и прозе, что, предприняв эту неудачную попытку, он совершил литературное самоубийство. Таким образом, одно время к югу от Твида мнение публики было не на стороне «Сент-Ронанских вод».

На родине сочинителя, однако, случилось иначе. Многие характеры были признаны подлинно шотландскими, и, несмотря на зловещие пророчества хулителей романа, счастье, сопутствовавшее до сих пор писаниям автора «Уэверли», не покинуло его после этого нового опыта, хотя и созданного в необычном для него стиле.

Эбботсфорд, 1 февраля 1832 года.

Глава I

ХОЗЯЙКА СТАРОГО ПОДВОРЬЯ

Мой сказ закончу живо:
Она варила пиво,
Торгуя им счастливо.

Скелтон

Хотя едва ли какая из европейских стран шла такими быстрыми шагами по пути благосостояния и развития, как последние полвека шла Шотландия, совы султана Махмуда даже в эти счастливые времена все-таки нашли бы для себя в Каледонии немало деревень, лежавших в развалинах. По причине какого-нибудь бедствия или ради выгод нового местожительства обитатели старинных селений нередко бывали вынуждены перебираться с облюбованного прадедами и скорее безопасного, чем удобного, места на другое, где растущие промыслы и торговля могли бы развиваться свободнее. Потому-то иные поселения, известные в истории Шотландии и нанесенные Дэвидом Макферсоном на его превосходную историческую карту, теперь можно обнаружить среди вересковой пустоши лишь по окружавшим их когда-то деревьям, и в лучшем случае только несколько разбросанных там и сям развалин, которые легко принять за загоны для скота, указывают, что некогда и здесь жили люди.

Небольшое селение Сент-Ронан лет двадцать тому назад еще не дошло до того полного упадка, какой мы сейчас описывали, но все же быстро клонилось к нему. В расположении деревушки было нечто столь романтическое, что всякий путешественник, проезжая мимо, невольно хватался за рисовальный карандаш. Поэтому, рассказывая о ней, мы постараемся сделать свое описание столь же выразительным, как иные из таких зарисовок. Однако по причинам, представляющимся нам важными, мы воздержимся от точных указаний на местонахождение деревушки и заметим лишь, что она стояла по южную сторону Форта и не далее чем милях в тридцати от английской границы.

Большая река стремится свои воды по узкой долине, достигающей в ширину местами то двух миль, то едва четверти этого расстояния. Почва здесь наносная, тучная, и долина издавна разгорожена на участки, довольно густо заселена и обработана со всем искусством, доступным шотландскому земледелию. По обе стороны она ограничена грядой холмов, которые — особенно те из них, что тянутся справа, — пожалуй, можно было бы назвать горами. На холмах берут начало ручьи, и каждый, сбегая к реке, образует свою собственную лощинку, пригодную для трудолюбивого земледельца. Вдоль по их течению кое-где высятся прекрасные раскидистые деревья, которых пока еще не настиг топор, и почти всюду по обе стороны ручьев пятнами и полосами виднеется подлесок, а над ним поднимаются обрывы, довольно безотрадные зимой, но летом рдеющие темным пурпуром вереска и сверкающие золотом раkitника и дрока. Такие пейзажи характерны для краев, которые, подобно Шотландии, изобилуют холмами и быстрыми потоками и где путешественнику подчас неожиданно открывается какой-нибудь укромный уголок, полный простой и дикой прелести, тем более пленяющей его сердце, что он мнит, будто она открылась ему первому и теперь принадлежит ему одному.

В одном из таких уголков, там, откуда уже открывается вид на реку, на расширяющуюся долину и на

противоположную гряде холмов, стояла — а если не-
радивость и запустение еще не завершили своего дела,
то и посейчас стоит — старинная, заброшенная дере-
вушка Сент-Ронан. Местоположение ее было чрезвычай-
но живописно. Главная улица селения, извиваясь,
взбиралась на очень крутой холм, по склону которого
на своего рода небольших террасах теснились дере-
венские хижины и, подобно домам швейцарских посел-
ков в Альпах, словно карабкались вверх к развалинам
старинного замка, еще видневшимся на гребне горы:
неприступность замка, видимо, и побуждала когда-то
окрестных жителей селиться под защитой его стен.
И правда, замок был раньше грозной крепостью, по-
тому что со стороны, противоположной селению, его
стены вздымались над страшным обрывом, упираясь
в самый край скалы, подножие которой омывал поток,
тоже носивший имя святого Ронана.

С южной стороны, там, где склон не обрывается так
отвесно, почва поднималась тщательно выровненными
террасами, шедшими одна за другой к вершине
холма. От террасы к террасе встарь вели каменные
лестницы, украшенные грубой резьбой. В мирные вре-
мена на этих террасах располагались сады замка, а
в случае осады они тоже служили обороне, так как
господствовали одна над другой и их легко было защи-
щать поочередно. К тому же они простреливались из
самого замка, посреди которого высилась огромная
квадратная башня, окруженная, как водится, строе-
ниями пониже, а также высокой зубчатой стеной.

Выступ, на котором стоял замок, был как бы обо-
собленной частью склона довольно большой горы,
подступавшей к замку с севера, и с этой стороны его
стены были последовательно прикрыты тремя глубо-
кими рвами. Укрепления дополнялись еще одним,
очень глубоким рвом, вырытым перед главными воро-
тами, в которые упиралась улица, поднимавшаяся,
как мы уже говорили, от селения.

В старых садах замка и со всех сторон вокруг него,
кроме крутой западной, разрослись большие деревья;
они скрывали под своей темной листвой скалы и древ-
ние, обвалившиеся стены и еще более подчеркивали

высоту полуразрушенной башни, которая громоздилась посередине.

Присев на пороге этого старинного здания, вход куда в былые дни «привратник важный преграждал»,¹ посетитель мог обозревать сверху вниз заброшенную деревню; при живом воображении можно было представить, что деревенские хижины, сбегавшие вниз по крутому холму, были словно по волшебству внезапно задержаны на бегу и в причудливом беспорядке застыли на месте до наших дней. Так случилось бы, останови свою игру Амфион, когда дома, из которых должны были составиться древние Фивы, плясали под звуки его лиры. Но в душе такого зрителя грусть, навеянная видом заброшенной деревни, быстро одолевала шаловливые порывы фантазии. Построенные совсем просто, как строились шотландские жилища около столетия тому назад, хижины деревни почти все давно уже были покинуты; провалившиеся крыши их почернели, а рухнувшие стены свидетельствовали, что запустение торжествует тут свою победу над нищетой. Поверх иных хижин, словно ребра скелетов, виднелись частично или полностью сохранившиеся гляцевитые от сажи стропила, и лишь в нескольких домах, кое-как еще прикрытых соломой, очевидно, жили люди. Впрочем, жильем эти дома назвать было трудно — дым очага, где на торфяном топливе готовили скудную пищу, выходил не только через трубу, как ему полагалось, но и через прочие щели в крыше. А тем временем природа, которая все изменяет и все обновляет, уже вытесняла и скрывала под буйной растительностью гибнувшие и пропадавшие следы человеческого труда. Тонкие подстриженные деревца, насаженные когда-то вокруг садилов, сделались высокими толстыми деревьями; яблони и груши протягивали свои ветви далеко за пределы тесных дворов; живые изгороди разрослись и стали густым непокорным кустарником, а заросли крапивы, болиголова и щавеля прикрывали обвалившиеся стены, словно стараясь поскорее

¹ Смотри старинную балладу о короле Эстмире в «Памятиках» Перси. (Прим. автора)

превратить все это запустение в живописную лесную опушку.

Два строения в Сент-Ронане находились все-таки в довольно приличном состоянии: одно — существенно необходимое для духовного блага местных жителей, другое — для удобства путешественников. То были дом пастора и местный постоялый двор. О первом достаточно сказать, что он не представлял исключения из общего правила, которого, видимо, придерживаются шотландские помещики, отводя своим священникам не только самое дешевое, но и безобразнейшее и неудобнейшее жилье, до какого может только додуматься строительный гений. Пасторский дом располагал обычным количеством труб, а именно двумя: они торчали по обе стороны дома, словно ослиные уши, и, как всегда, плохо выполняли свое назначение. На случай непогоды и ветров имелось в нем обычное число щелей и отверстий, на которые обыкновенно сетует своим собратьям каждый наделенный бенефицием пресвитерианский пастырь в Шотландии. Для полноты картины прибавим, что, поскольку священник был холост, свиньи пользовались правом беспрепятственного доступа в сад и во двор, разбитые окна были заклеены оберточной бумагой, а запущенный и убогий с виду низенький домик, в котором жил разорившийся арендатор, не делал чести усадьбе человека, не только носившего сан священника, но бывшего также ученым и джентльменом, хотя отчасти и чудачком.

Рядом стояла церковь святого Ронана — небольшое старинное здание с земляным полом, уставленное жалкими скамейками, в свое время сделанными из резного дуба, но заботливо чиненными и перечиненными простыми еловыми досками. Однако снаружи церковь отличалась изящными очертаниями, потому что была построена еще в католические времена, а ведь архитектуре католиков нельзя отказать в той привлекательности, которой мы, как добрые протестанты, не находим в их учении. Церковка едва поднимала свою серую сводчатую кровлю над осыпающимися могильными холмиками и была так мала, а могилы, подступавшие к ней со всех сторон и до половины за-

крывавшие узкие англосаксонские окна, так уменьшали ее высоту, что ее тоже легко было принять за склеп или большой надгробный памятник, если бы приземистая башенка со старинным колоколом не отличала ее от них. Но когда седой церковный сторож своей трясущейся рукою поворачивал ключ в замке, любитель старины входил в древнюю постройку, относящуюся — судя по ее архитектурному стилю и по надгробиям сент-ронанских Моубреев, на которые обыкновенно указывал посетителю сторож, — еще к тринадцатому столетию.

Эти сент-ронанские Моубреи в старину были, видимо, очень сильны. Они считались друзьями и союзниками дома Дугласов в те времена, когда буйная сила этого гордого рода заставляла трепетать самих Стюартов на их шотландском троне. По выражению нашего простодушного старинного историка, в те дни никто не посмел бы спорить ни с кем из Дугласов и даже ни с кем из сторонников рода Дугласов: «Осмелюсь он — и не избыть ему беды». Поэтому владельцы Сент-Ронана процветали заодно с ними и захватили в свои руки почти всю богатую долину, над которой господствовал их замок. Однако прошли хорошие времена, и при Иакове II большая часть благоприобретенных земель была у них отобрана, а последующие события еще ослабили их власть. Однако в середине семнадцатого века род Моубреев играл все-таки еще довольно заметную роль, и сэр Реджиналд Моубрей прославился тем, что после злополучной данбарской битвы упорно держался в своем замке против войск Кромвеля. Разъяренный столь неожиданно оказанным ему в таком глухом углу сопротивлением, Кромвель велел взорвать крепость и срыть стены.

После этой катастрофы старый замок был предоставлен разрушению. Однако сэр Реджиналд, подобно Уильяму Уорти в балладе Аллена Рэмзи, возвратившийся после революции на родину, построил себе дом во вкусе наступившей эры, разумно согласовав размеры постройки с уменьшившимся благосостоянием семьи. Дом был поставлен почти в середине поселка (соседство которого в те дни не считалось неудоб-

ством), на самом гладком месте, какое удалось выбрать на подъеме горы. Как мы уже говорили, дома там были, так сказать, врезаны в крутой склон, и на каждый дом почти только и приходилось ровной земли, что та, на которой он стоял. Но перед домом лэрда был двор, а позади садик; рядом ступеней он соединялся с другим садом, занимавшим три террасы и спускавшимся наперегонки с садами старого замка почти к самому берегу ручья.

Моубреи безвыездно жили в своей новой усадьбе, но лет за пятьдесят до начала нашего рассказа она сильно пострадала от случайного пожара, и тогдашний лэрд, незадолго перед тем унаследовав милях в трех от поселка более приятное и удобное поместье, решил покинуть обитель своих предков. А так как в ту пору (вероятно, с целью оправдать расходы по переезду) он велел вырубить старую рощу, где гнездились грачи, в народе стали говорить, что упадок Сент-Ронана начался в день, когда «лэрд Лоренс и грачи снялись с места».

Покинутая усадьба не досталась, однако, филинам и совам: напротив, ее стены на многие годы стали свидетелями таких веселых пиршеств, каких они не видавали в те дни, когда усадьба служила мрачным обиталищем суровым шотландским баронам былых времен. Короче говоря, она превратилась в трактир. Над входом повесили большой щит, на одной стороне которого был намалеван святой Ронан, уловляющий, как о том правдиво повествует легенда, дьявола за хромую ногу своим крючковатым епископским посохом, на другой — герб рода Моубреев. Это был самый посещаемый трактир во всей округе, и немало ходило рассказов о пирушках, задаваемых в его стенах, и о проделках, которые учинялись под влиянием здешнего вина.

Все это, однако, давным-давно миновало, соответственно эпиграфу на обложке моей книги:

Встарь, говорят, здесь весело бывало;

Не то уж ныне — проклят этот край.

Сначала трактир держала одна почтенная чета — муж и жена, оба из любимых слуг семейства Моуб-

реев. В их руках дело процветало многие годы, и они умерли довольно богатыми, оставив после себя единственную дочь. В их полную собственность постепенно перешли не только трактир, который они вначале получили в аренду, но и прекрасные луга, тянувшиеся вдоль ручья. Ибо, едва случалась хоть малая нужда в деньгах, сент-ронанские лэрды прибегали к продаже земли участками как к простейшему средству выдать замуж дочку, купить младшему сыну офицерский патент или выйти из других сходных затруднений. Поэтому Мег Додз, вступив в права наследства, оказалась богатой невестой и в качестве таковой гордо отвергла притязания трех преуспевающих фермеров, двух захудалых лэрдов и одного конского барышника, по очереди делавших ей брачные предложения.

Многие бились об заклад, что победит барышник, но даже самые проницательные обманулись в своих ожиданиях. Мег предпочла сохранить вожжи в собственных руках и не пожелала обзаводиться помощником, который вскоре мог бы заявить права хозяина. И вот, оставшись незамужней, как королева Бесс, и проявляя не менее жестокий произвол, чем та, она самолично правила делами и командовала не только своими слугами и служанками, но и любым гостем, завернувшим к ней на двор. Если же путник осмеливался противиться августейшей воле Мег или выражал недовольство столом и помещением, которые ей было угодно ему определить, его тотчас постигало изгнание. Он получал на свое требование тот ответ, которым, по словам Эразма Роттердамского, утихомиривали в его время все жалобы на немецких постоялых дворах: «*Quære aliud hospitium*»,¹ или, как выражалась Мег: «Ну и отправляйтесь на другое подворье!» Поскольку это было равносильно изгнанию вдаль, миль на шестнадцать в сторону от резиденции Мег, присуждаемой к нему злополучной особе оставалось лишь постараться умиловить гневную хозяйку, смиренно подчиняясь ее воле и своей судьбе. К чести Мег Додз надо сказать, что ее суровую, почти

¹ Ищи другого пристанища (лат.),

деспотическую власть нельзя было назвать тиранией, ибо в общем-то она осуществляла ее ко благу подданных.

Погреб старого лэрда ломились от прекрасных вин, каких не возили туда и при нем самом; все дело заключалось лишь в том, чтобы уговорить Мег разыскать в подвале именно то вино, какого вам хотелось. Надо прибавить, что часто, если ей казалось, будто веселая компания уже получила «свою меру», она упрямилась и отказывала в добавке. Она весьма гордилась своей кухней, присматривала за тем, как готовилось каждое кушанье, а иные блюда стряпала сама, не позволяя никому вмешиваться. Такими блюдами были куриный суп с черемшой и превкусные рубленые котлетки, которые в своем роде могли поспорить даже с телячьими котлетами нашей старой приятельницы — миссис Холл из Феррибриджа. Столовое белье, простыни, наволочки и все прочее у Мег было из лучшего домотканого полотна и содержалось в полном порядке. Поистине круто приходилось горничной, если зоркие глаза хозяйки обнаруживали какое-нибудь упущение по части строжайшей чистоты, которая у нее была заведена. В самом деле, зная шотландское происхождение Мег и ее профессию, никак нельзя было понять такой чрезвычайной и щепетильной опрятности, если не предположить только, что она являлась для Мег постоянным и удобным поводом бранить своих служанок. Тут она проявляла такую энергию и такое красноречие, что, очевидно, это занятие приходилось ей особенно по душе.

Надо еще отметить умеренность счетов, которыми заканчивался пир у Мег: гостю, подымавшемуся из-за стола с самыми мрачными предчувствиями, счет ее часто приносил истинное облегчение. Шиллинг за утренний завтрак, три шиллинга за обед, включая пинту старого портвейна, и полтора шиллинга за плотный ужин — таковы, даже в начале девятнадцатого века, были цены в сент-ронанском подворье при этой старосветской хозяйке. И, подавая счет, она еще вздыхала и всегда приговаривала, что-де ее добрый отец

не назначил бы и половины того, да в наши тяжелые времена брать меньше никак нельзя.

Несмотря на такие прекрасные и редкостные свойства, сент-ронанское подворье разделило упадок поселка, к которому оно принадлежало. Причины были различные. Ушла в сторону большая почтовая дорога, так как кучера в один голос твердили, что здешняя крутая улица — смерть для коней. Поговаривали, будто Мег наотрез отказывалась угощать возниц и принимать участие в обмене овса, которым следовало кормить лошадей, на эль и виски и будто это обстоятельство изрядно повлияло на суждение сих почтенных джентльменов; уверяли даже, что дорогу достаточно было только немного выровнять, и подъем стал бы легче. Но так или иначе, перемена большой дороги причинила Мег великую обиду, и ей трудно было простить это местным жителям, большинство которых она помнила с детства. «Их папаши, — говорила она, — не учинили бы ничего подобного с одинокой женщиной». Изрядный убыток принесло ей и запустение самого поселка, в котором прежде числилось несколько мелких лэрдов и арендаторов, не реже двух-трех раз в неделю собиравшихся раньше у Мег под названием Клуба стрекотунов и попивавших дешевый эль с прибавкою виски или бренди.

Нрав хозяйки отвадил всех посетителей, принадлежащих к обширному сословию людей, в чьих глазах своеобразный характер не является достаточным оправданием для нарушения внешних приличий и кто, не имея слуг у себя дома, любит изображать знатную персону в трактире и ждет поклонов, уважительных речей и извинений в ответ на ругань, которой они осыпают стол, служанок и все заведение. С любым, кто пытался вводить такие порядки в Сент-Ронане, Мег Додз отлично умела рассчитаться той же монетой: счастье их, если им удавалось уйти, сохранив невыцарапанными свои глаза и не оглохнув до такой степени, словно им довелось слышать грохот пушек на поле битвы.

Почтенная Мег самой природой была предназначена для подобных столкновений. Не только ее

гордый дух почерпал в них радость, но и внешние ее данные, как выражается Тони Лэмкин, «находились для того в соответствующем сочетании». У нее были черные волосы с сильной проседью, которые, когда она приходила в бурное волнение, спутанными прядями выбивались из-под чепца, длинные костлявые руки, снабженные крепкими когтями, серые глаза, тонкие губы, плотный стан, плоская, но широкая грудь, вместительные легкие и голос, которому под силу было заглушить целый хор рыбных торговков. В хорошую минуту она говаривала о себе, что «лает страшней, чем кусает». Да и каким зубам было сравниться с языком, который, когда ему давали волю, работал так, что наверняка было слышно от церкви до самого сент-ронанского замка!

Однако в наше пустое и легкомысленное время выдающиеся дарования Мег не привлекали путешественников, и они все реже заглядывали в ее подворье. В довершение всех бед некая великосветская причудница из числа помещиц этой округи вдруг выздоровела от какой-то воображаемой болезни, потому что пила минеральную воду из родника, бывшего в полутора милях от поселка. Разыскали модного доктора, который взял на себя труд произвести анализ воды целебного источника и опубликовать его вместе со списком удивительных случаев излечения. Ловкий подрядчик снял в аренду землю, настроил жилых домов, лавок и провел улицы. Наконец исхлопотали разрешение на подписку для постройки гостиницы, которую важности ради называли отелем. И тут уже все покинули Мег Додз.

У нее оставались все же друзья и доброхоты, и многие из них полагали, что, поскольку она женщина одинокая и, как считали, зажиточная, ей лучше прекратить дело и снять с дома вывеску, больше не привлекаящую посетителей. Но гордая Мег не желала признавать свое поражение ни открыто, ни тайно.

— Дверь дома моего отца, — заявляла она, — будет растворена навстречу гостям, пока дочь его не вынесут ногами вперед. И вовсе не ради корысти — здесь корысти мало. Какая уж тут корысть! Один убыток!

Но все-таки никому меня не одолеть. Пусть они себе строят отель, пусть строят, если им порядочный трактир не годится! Пусть разводят свои отели сколько душе угодно! Они увидят, что матушка Додз сумеет держать гостиницу, да, сумеет, и ничуть не хуже ихнего! Пусть они устраивают подписку и цепляются сколько хватит духу друг за дружку, словно дикие гуси в небе, и тот, кто переживет других (а на это уж вовсе грешно рассчитывать), пусть забирает себе весь капитал. Она все равно не поддастся ни одному из них и будет держаться до последнего вздоха.

К счастью для решительной и доблестной Мег, пока трактир терял посетителей, земли ее поднимались в цене. Это обстоятельство, в соединении с привычной предусмотрительностью и бережливостью, с лихвою восполнило убытки, записанные на правой странице счетной книги, и помогло Мег не отступать от своего гордого обета.

Кроме того, она вела теперь свое предприятие с самой тщательной оглядкой на сократившиеся доходы: назло сборщику податей позакрывала окна в половине дома, поубавила мебели, отказалась от пары почтовых лошадей и уволила на пенсию правившего ими старого горбатого кучера, сохранив его в то же время в качестве помощника при еще более древнем конюхе. Эти реформы втайне уязвляли ее гордость, и ради утешения она договорила с знаменитым Диком Тинто, чтобы он хорошенько подмалевал отцовскую вывеску, на которой уже почти ничего нельзя было разобрать. И Дик соответственно позолотил епископский посох, а дьявола сделал таким безобразным, что тот стал пугалом для школьной мелюзги и наглядным подкреплением к рассказам священника о враге рода человеческого, страх перед которым пастор старался вложить в детские сердца.

Украшенный подновленным знаком ее профессии, дом Мег Додз, или Мег Дортс, как ее часто называли по причине строптивого нрава, все-таки продолжали посещать кое-какие верные клиенты. К ним относились члены килнакелтийского Охотничьего клуба. Когда-то

они отличались и на скачках и в отъезде поле, а теперь стали просто компанией почтенных седовласых джентльменов, которые сменили борзых и гончих на такс и вместо охоты на лисиц любили в качестве приятной подготовки к обеду у Мег проехаться легким галопом на своих спокойных лошадках. «Все это люди порядочные, — рассказывала Мег, — умеют и спеть и пошутить; ну и что с того? Их обычная порция — полная пинта шотландского вина да жестянка эля, налитая доверху, и никто не скажет, чтобы им от этого худо приходилось. Теперешних вертопрахов одна несчастная кварта доконает, а тем молодцам и целная бутылка нипочем».

Появлялась еще компания, принадлежавшая к старинному братству крючка и лески из Эдинбурга; весной и летом они часто посещали Сент-Ронан. Это были гости особо приятные для Мег, и в ее доме им разрешались такие вольности, как никому другому. «Старые хитрецы, — рассказывала она, — отлично знают, какая сторона ломтя намазана маслом. Никто никогда не видал, чтобы они ходили к источнику, как называют тот вонючий старый родник. Нет, нет! Они, бывало, поднимутся рано, поедят овсянки, глотнут, пожалуй, по наперстку бренди да отправляются в горы. Засядут где-нибудь в вереске, съедят там по куску холодного мяса, а вечером возвращаются с полной корзиной свежей форели — ее им на ужин готовили. Выпьют еще по кружечке пива да глотнут пунша и сидят себе, распевая свои песни и запевки, как они их называют, до десяти часов, а там и в постель, прочитав молитву. Ну, и что с того?»

В-третьих, можно упомянуть еще весельчаков и повес, наезжавших из столицы в Сент-Ронан, потому что им нравился примечательный характер Мег, а еще больше — отличное качество ее вина и скромные счета. Это были члены Клуба озорников, Клуба сумасбродов и прочих обществ, с тою целью и основанных, чтобы забывать обо всех заботах и о всякой умеренности. Эти лихие парни не раз учиняли шум и переполох в доме Мег, и не раз учиняла она бурю по этому поводу. К каким только ухищрениям и уловкам

не прибегали они, стараясь лестью или силой раздобыть себе еще вина, когда совесть Мег подсказывала ей, что с них уже довольно. Иногда это им так и не удавалось, как, например, в тот раз, когда на обеде Клуба озорников их председатель был ошпарен глинтвейном при неудачной попытке улестить грозную даму поцелуями или когда у превосходнейшего президента Клуба сумасбродов голова оказалась пробитой ключами от погреба из-за того, что он попробовал силой завладеть этими эмблемами власти. Но храбрецы ничуть не сетовали на такие буйные вспышки горячего нрава своей хозяйки, для них это были «милые капризы нашей Фанни», или, как говорится, *dulces Amaryllidis irae*.¹ А Мег, со своей стороны, сама частенько именуя их «последними пропойцами» и «чистокровными негодьями с Хай-стрит», никому не позволяла при себе говорить о них дурно. «Они просто взбалмошные мальчишки, вот и все, — заявляла она. — Вольешь вина — выплеснешь разум, да и старую голову не посадить на молодые плечи. Молодой конь несется вскачь с горы и в гору! Ну и что с того?» — неизменно прибавляла она в заключение.

Нельзя не вспомнить среди постоянных посетителей Мег «верного среди неверных» — красноногого помощника шерифа в этом графстве. Когда служебный долг призывал его в те края, он всегда с нежностью припоминал ее крепкий эль и выдержанное антильское вино и объявлял, что судебные или прочие подоспевшие дела «будут им решаться в такой-то день и час в доме Маргарет Додз, держащей виноторговлю в Сент-Ронане».

Нам надо еще рассказать, как обходилась Мег со случайными посетителями, которые, не зная других учреждений поближе и помоднее и согласуясь более с состоянием своего кошелька, чем со своими привычками, заявлялись на ее постоялый двор. Ее гостеприимство в этом случае было опаснее, чем радушие дикарей к пассажирам корабля, выброшенного бурей на берег. Если оказывалось, что гости прибыли по

¹ Сладостный гнев Амариллиды (лат.).

доброй воле или если с виду они приходились ей по вкусу (а вкусы ее были весьма прихотливы), особенно же если они хвалили то, что им подавали, и явно не собирались наводить критику и доставлять ей лишние хлопоты, — все было хорошо. Но если они попадали в Сент-Ронан только потому, что гостиница у источника оказалась переполненной, или если ей не нравился у них, как говорят моряки, «покрой парусов», да если они еще позволяли себе осуждать ее порядки и блюда, им доставалось от Мег полной мерой. Она считала, что вот из таких-то личностей и состоит та неблагодарная и скаредная публика, ради которой она содержала трактир себе в убыток и которая покинула ее, так сказать, сделав жертвой своего патриотического долга.

Отсюда и идут разноречивые сведения о маленькой гостинице в Сент-Ронане, которую иные обласканные хозяйкой приезжие расхваливали, как самую опрятную и удобную старомодную гостиницу во всей Шотландии, где за вами отлично ухаживают и прекрасно кормят, да притом за весьма умеренную плату, в то время как другие, менее удачливые, рассказывали лишь о полутемных комнатах, о старой неуклюжей мебели и об отвратительном характере трактирщицы Мег Додз.

Читатель, если ты приходишь с солнечной стороны Твида или же, будучи шотландцем, имел счастье родиться не больше чем лет двадцать пять назад, такой портрет королевы Елизаветы, наряженной в зеленый передник и высокую шляпку кумушки Куикли, может показаться тебе несколько неправдоподобным. Но я взываю к тем моим сверстникам, кому приходилось за последние тридцать лет ездить и ходить по нашим дорогам, проселкам и тропинкам, и спрашиваю: неужели каждый из них не припомнит такую Мег Додз или кого-нибудь вроде нее? Ведь во времена моего повествования я сам даже побоялся бы тронуться из шотландской столицы в любом направлении, из боязни наткнуться на такую кумушку Куикли, которая могла бы заподозрить, будто я вывожу ее перед читателями в виде Мег Додз. Но в

наши дни, если даже где-нибудь и сохранились еще две-три особи этого редкого вида диких кошек, их когти, вероятно, сильно притупились от старости. И теперь этакая Мег Додз — словно злой великан Римский Папа в «Пути паломника», наверно, только и может, что посиживать у дверей своей всеми забытой гостиницы и издали улыбаться путникам, с которыми она когда-то обходилась столь круто,

Глава II ПРИЕЗЖИЙ

Quis novus hic hospes?

*Dido apud Virgilium.*¹

Эй, девушка! Там господин приехал!

Бутс, вольный перевод «Энеиды»

Как-то погожим летним днем в старинные каменные ворота гостиницы Мег Додз въехал одинокий всадник и, сойдя с коня во дворе, передал поводья горбатому конюху.

— Снеси мои дорожные мешки в дом, — приказал он. — Да, впрочем, погоди, — мне самому, пожалуйста, это легче сделать, чем тебе.

И он помог жалкому, тощему конюху расстегнуть пряжки ремней, на которых держались простые и презираемые нынче седельные сумы. Тут же он строго наказал, чтобы коня разнуздали и поставили в чистое и удобное стойло, ослабили на нем подпругу, а на спину накинули попону; однако велел его не расседлывать, пока сам не придет поглядеть, как коня будут чистить.

Его товарищ по странствиям, на взгляд конюха, вполне заслуживал такого ухода. То был сильный, горячий конь, годный и в путь-дорогу и для охоты, хотя и довольно поджарый после длинного перехода.

¹ Что это за новый гость? Дидона у Вергилия (лат.).

Впрочем, судя по блестящей шерсти, о нем, видимо, всячески заботились и старались содержать в отличном состоянии. Пока конюх выполнял указания новоприбывшего, тот подхватил свои дорожные мешки и вошел в трактирную кухню.

Там он застал хозяйку, и притом не в очень радужном расположении духа. Мег отослала кухарку с каким-то поручением и теперь, учинив тщательную проверку кухонного имущества, к своему неудовольствию обнаружила, что доски для резки хлеба все с трещинами, а то и вовсе расколоты, горшки же и кастрюли начищены не так старательно, как того требовали строгие представления хозяйки о чистоте. Такие открытия, наряду с другими, менее важными, изрядно ее раздражили. И передвигая и переставляя посуду на полках, она вполголоса осыпала упреками и угрозами отсутствующую преступницу.

Появление гостя не заставило ее прервать это приятное занятие — мельком взглянув на вошедшего, она резко повернулась к нему спиной и продолжала свое дело и свой укоризненный монолог. По правде сказать, ей показалось, будто она признала в приезжем одного из тех весьма полезных посланцев коммерческого мира, которые сами себя (а вслед за ними и слуги в гостиницах) именуют «путешественниками» *rag excellence*¹ и которых прочий люд зовет разъездными купцами и коммивояжерами. Дело в том, что к клиентам подобного рода Мег питала особую неприязнь. В старой сент-ронанской деревушке не имелось ни одной лавки, и вышеупомянутые торговые эмиссары ради пользы дела обосновывались в отеле, то есть в новой гостинице, посреди быстро растущего и соперничающего с деревушкой поселка, за которым укрепилось название Сент-Ронанские воды. Редко какого отбившегося от своих купца случай или тяжкая необходимость вынуждала остановиться в Старом городке, как к тому времени стали называть место около замка, где находилась резиденция Мег. Поэтому, едва успев заключить, что наш путник принадлежит, ве-

¹ По преимуществу (франц.).

роятно, к этому неприятному для нее сословию, Мег вернулась к своему прежнему занятию и, не подавая виду, что заметила вошедшего гостя, продолжала свои укоры по адресу отсутствовавших служанок:

— Ах, Бинни, дрянная девчонка! А эта негодница Эппи, вот чертово отродье! Еще одной тарелки не хватает! Да они меня скоро совсем по миру пустят!

Приезжий повесил свои мешки на спинку стула и молча ожидал какого-нибудь знака приветствия. Наконец, уразумев, что если он хочет привлечь внимание хозяйки, то — будь он даже призрак, которому не полагается начинать беседу, — ему придется заговорить самому, гость обратился к Мег со следующими словами:

— Я вижу как будто мою старую знакомую, миссис Маргарет Додз?

— Ну и что с того? А вы-то сами кто? — буркнула Мег, с еще большим рвением продолжая тереть медный подсвечник. Холодный тон ясно указывал, как мало интереса вызывала в ней беседа.

— Я, почтенная миссис Додз, путешественник, которому хотелось бы остановиться здесь дня на два, на три.

— А по-моему, вы ошиблись, — заявила Мег. — Здесь вашим мешкам и сумкам не место; не туда вы заехали, приятель, вам надо перебраться пониже.

— Вы, видно, не получили моего письма, миссис Додз? — спросил приезжий.

— А как мне было его получать, по-вашему? — возразила хозяйка. — Почтовую контору-то у нас забрали, перевели вниз, к этим самым водам или как их там.

— Да ведь это рукой подать, — заметил приезжий.

— Ну, значит, и вам туда идти недалеко, — ответила хозяйка.

— Так ведь если бы вы послали за моим письмом, — сказал молодой человек, — вы бы узнали...

— В мои годы мне больше узнавать нечего, — отрезала Мег. — Если люди хотят мне что-нибудь сообщить, пусть передают письмо Джону Хислопу, посыльному: он по этой дорожке ходит взад-вперед

уже лет сорок. А у почтовой начальницы, как ее там внизу величают, письма могут себе лежать в окошке вместе с булками и пряниками хоть до первого мая, пока не пропадут вовсе. Буду я руки об них пачкать! Подумаешь — начальница! Шельма продувная! Я-то отлично помню, как она приносила покаяние, когда, не дождавшись свадьбы...

Приезжий рассмеялся и вовремя для доброй славы начальницы почты успел перебить хозяйку и объяснить, что направил сундук и свои удочки ее верному другу посыльному, а сам надеется, что она не прогонит со двора старого знакомого; ведь не может же он ночевать в пяти милях от Сент-Ронана, когда знает, что синяя комната у нее стоит пустая.

— Удочки! Старый знакомый! Синяя комната! — с удивлением повторила Мег.

Оглянувшись на приезжего и наконец удостоив его некоторым вниманием, она спросила:

— Так, значит, вы не разъездной купец?

— Нет, — сказал путешественник, — я разъезжаю по другим делам.

— Ну, одно скажу — я рада этому. Терпеть не могу слушать, как они ни с того ни с сего вставляют английские словечки. Впрочем, я знавала среди них и порядочных людей. Ну, и что с того? Это случилось, правда, еще в те времена, когда они останавливались здесь, как прочие степенные люди. А с тех пор, как они всем выводком друг за дружкой, словно стая диких гусей, перекочевали вниз, в тот новомодный отель, у них в «гостиной зале», как они выражаются, такие делишки, слышала я, стали твориться, каких не учинят и пьяные молодые лэрды.

— А это все потому, что там нет вас, миссис Маргарет. Уж вы бы навели у них порядок!

— Ах, хитрец, ловко ж ты придумал, как обойти меня! — воскликнула Мег.

Тут она оборотилась и удостоила его более пристального и внимательного рассмотрения, чем вначале.

Наружность приезжего говорила, казалось ей, в его пользу. Это был человек хорошего сложения, ро-

стом, пожалуй, выше среднего, а возрастом — между двадцатью пятью и тридцатью годами. На первый взгляд ему легко было дать все тридцать. Но, взглядевшись попристальней, вы начинали думать, что горячее солнце каких-нибудь иных стран, более жарких, чем Шотландия, а быть может, и перенесенные лишения и горести, не согласуясь с бегом времени, отметили его лицо печатью заботы и зрелости. У него были прекрасные глаза и зубы; прочие черты лица едва ли можно было назвать красивыми, но зато в них выражались ум и проницательность. Он отличался той спокойной и в то же время далекой от неуклюжести и жеманства свободой обращения, которая считается главным признаком джентльмена. Судя по простоте одежды и по отсутствию при нем слуг, его нельзя было признать за человека богатого, однако Мег не могла сомневаться, что по сословию он был выше обычных ее постояльцев. Пока добрая хозяйка предавалась этим наблюдениям, ее все мучило какое-то смутное чувство: ей казалось, будто она уже видела своего гостя раньше, но когда и при каких обстоятельствах — этого она совершенно не могла припомнить. Особенно озадачивало ее холодное и саркастическое выражение его лица: ей никак не удавалось связать это выражение с воспоминаниями, которые в ней пробуждала наружность приезжего. Наконец, со всей любезностью, на какую она была способна, Мег сказала ему:

— Или я видела вас прежде, сэр, или это был кто-то очень на вас похожий. И откуда вам знать про синюю комнату, раз вы впервые в наших краях?

— Вовсе не такой я чужак здесь, как вы предполагаете, Мег, — дружески заговорил приезжий. — Меня ведь зовут Фрэнк Тиррел!

— Тирл! — воскликнула Мег с великим удивлением. — Не может быть! Неужели вы Фрэнси Тирл, тот сорванец, что ловил здесь рыбу и лазил за птичьими гнездами семь-восемь лет тому назад! Да нет, Фрэнси был совсем мальчишка!

— А вы прибавьте семь-восемь лет к возрасту этого мальчишки, Мег, вот и выйдет как раз тот

человек, что стоит сейчас перед вами, — грустно сказал приезжий.

— Пожалуй, что и так, — сказала Мег, бросая взгляд на отражение собственного лица в медном кофейнике, начищенном ею до такого блеска, что он вполне мог сойти за зеркало. — Да, пожалуй, что и так: все люди стареют, прежде чем умереть. Все-таки сдается мне, мистер Тирл — ведь мне теперь не годится называть вас просто Фрэнси...

— Зовите меня как хотите, хозяйushка, — сказал приезжий. — Я уж давно не слыхал, чтобы кто-нибудь звал меня именем, напоминающим о прежней ко мне ласке, и нынче оно звучит для меня приятней княжеского титула.

— Ну тогда, мастер Фрэнси — если такое наименование вам не обидно, — вы, я надеюсь, не набоб?

— Нет, нет, по чести могу вас в этом уверить, мой старый друг. Ну, а если бы я был набоб?

— А ничего; только я, пожалуй, попросила бы вас проехать подальше, где бы вам служили хуже, чем у меня. Ох, эти набобы! Весь наш край они заволокли! На двадцать миль в округе поднялась из-за них цена на кур и яйца. Да мне-то что? Почти все они селятся внизу, у источника. Им, видите ли, эта вода помогает, а то у них цвет лица медно-красный и требует промывки, совсем как мои кастрюльки, которых никому, кроме меня, не отмыть.

— Ну, моя милая, — сказал Тиррел, — из всего этого я заключаю, что мне можно у вас остаться и пообедать.

— Почему же нет? — отозвалась миссис Додз.

— И что мне отведут синюю комнату на одну-две ночи, а то и дольше того?

— Ну, этого я не знаю, — ответила хозяйка. — Синяя комната у меня самая лучшая, а кто тянется к лучшему, тот не из самых бедных на этом свете.

— Это уж воля ваша, хозяйка. Определяйте сами, сколько хотите, — сказал приезжий, — а я пока схожу, присмотрю за конем.

— Добрый человек и к своей скотине добр, — промолвила Мег, когда приезжий вышел из кухни. —

Что-то в нем всегда было особенное, в этом мальчишке. Ну, и к худу же он изменился лицом с тех пор, как я видела его в последний раз! Зато в память былых времен я угощу его отменным обедом!

Со свойственной ей решительностью Мег взялась за соответствующие приготовления и так погрузилась в кулинарные дела, что две служанки по возвращении под хозяйский кров избегли жестокого выговора, который в награду за их пресловутое неряшество и небрежность уже готовила им госпожа. Она простерла свою любезность до того, что, когда Тиррел пришел в кухню за своими сумками, она по всем правилам отчитала Эппи: «Почему эта неповоротливая лентяйка не снесла вещи джентльмена к нему в комнату?»

— Благодарю вас, хозяйюшка, — сказал Тиррел, — но в этих мешках у меня акварельные наброски и рисунки, и я предпочитаю перенести их сам.

— Значит, вы еще занимаетесь этим делом? — спросила Мег. — Ужасную грязь разводили вы из-за них встарь.

— Я не могу жить без рисования, — сказал Тиррел, беря свои сумки.

Затем служанка, как положено, проводила гостя в его уютную комнату. Вскоре, к его удовольствию, заботливые руки Мег поставили на стол целое блюдо котлет с овощами и кувшин превосходного эля. В виде признательности за оказанную честь Тиррел попросил Мег принести ему бутылочку, запечатанную желтым сургучом. «Если у вас, конечно, еще остался тот прекрасный кларет», — прибавил он.

— Остался! Еще бы не остаться! — сказала Мег. Я его не всякому подаю. Ах, мастер Тирл, опять вы взялись за прежнее! Раз вы зарабатываете на жизнь рисованием, как говорите, так стаканчик рому с водой обошелся бы вам дешевле, а пользы принес бы столько же. Впрочем, конечно, поступайте сейчас по-своему, а то потом, может быть, и не придется.

Позвякивая ключами, Мег выплыла из комнаты и, переверолошив весь погреб, вернулась с бутылкой такого кларета, какого ни в одной гостинице не подали

бы самому королю, и притом даже по королевской цене. Хозяйка почувствовала себя вполне вознагражденной, когда приезжий заверил ее, что букет этого вина он помнит и по сей день. Проявив таким образом свое гостеприимство, она удалилась, предоставив гостю спокойно наслаждаться всем тем, что красовалось на столе.

Но на сердце у Тиррела лежала тяжесть, которой не снять было ни хорошим угощением, ни даже вином: ведь вино не в силах развеселить душу, если в ней кроется тайная горечь и противится его оживляющему влиянию. А Тиррел только что вернулся в края, которые любил в ту прекрасную пору, когда юность и веселье внушают нам счастливые надежды, так редко сбывающиеся с наступлением зрелости. Он подвинул стул в амбразуру старинного окна, поднял раму, чтобы насладиться свежим воздухом, и, окидывая взором места, которых не видел в течение последних бурных лет, обратился мыслями к былому. Перед ним уходил вниз конец опустевшей деревни, и развалины ее домов кое-где выглядывали из-под одевавшей их густой зелени. Еще ниже на лужайке расположилась окруженная кладбищенскими крестами церковь святого Ронана, а дальше, у впадения сентронанского ручья в реку, протекавшую по широкой нижней долине, белели в закатных лучах новые, либо только что выстроенные, либо еще недостроенные дома вокруг целебного источника.

«Время меняет все вокруг нас. Как же любви и дружбе пережить наши жилища и сооружения?» — таков был ход естественных, хотя и избитых мыслей, нахлынувших на Тиррела.

Он сидел, погружаясь в мрачную задумчивость, когда их течение нарушил приход услужливой хозяйки.

— Я надумала предложить вам чашку чая, мастер Фрэнси, — просто так, ради старого знакомства. Велю этой вертушке Бинни подать сюда чай и сама заварю его. Как! Вы еще не допили вино?

— Я больше не буду пить, миссис Додз, — ответил Тиррел, — и прошу вас забрать бутылку.

— Забрать бутылку, когда вы не выпили и половины! — сказала Мег, темнея лицом. — Вино-то, надеюсь, здесь ни при чем, мистер Тиррел?

В ответ на этот вопрос, заданный почти во враждебном тоне, Тиррел стал смиренно уверять хозяйку, что кларет у нее «безупречный, даже превосходный».

— Так почему ж вы его не допили? — резко бросила Мег. — Незачем спрашивать вина больше, чем вам может пригодиться. Вы, верно, думаете, у нас тоже заведен такой «табльдот», как они там, внизу, называют свой новомодный общий стол? Мне сказывали, что все прокисшие остатки ставят у них в буфет: в бутылке вина на самом дне, а у каждой на горлышке привязана бумажка, чтобы знать, кто из постояльцев ее хозяин. Так они и стоят в ряд, словно докторские лекарства. И в самой полной из них вина не наберется на одну честную шотландскую мерку.

— Наверное, — заметил Тиррел, стараясь в угоду своей старой приятельнице поддержать ее предубеждения, — наверное, вино не так уж хорошо, чтобы хотелось выпить полную меру.

— Вот-вот, дружок, а ведь те, что торгуют им, могли бы не скупиться. Они свое вино получают за бесценок, и оно наверняка не видывало ни французских, ни португальских виноградников. Так вот, говорю я вам, здесь у нас не новомодный отель, где бутылку оставляют на завтра, если гостю не под силу с ней справиться. Раз вино раскупорили — надо его пить, если оно, разумеется, пробкой не пахнет.

— Вполне с вами согласен, Мег, — сказал постоялец, — но я много проехал сегодня и разгорячен ездой. Лучше мне не доканчивать бутылку, а выпить чашку чаю, что вы мне посулили.

— Ну, тогда все, что я могу сделать, это отставить бутылку в сторону — для вас из этого вина получится завтра подливка к дикой утке. Вы как будто говорили, что останетесь здесь на денек-другой?

— Вы не ошиблись, Мег, таково мое намерение, — ответил Тиррел.

— Хорошо, будь по-вашему, — сказала миссис Додз. — Тогда хоть вино не пропадет, однако, можете мне поверить, дружок, такому кларету не часто приходится кипеть в кастрюльке. А помню я времена, когда вы, не боясь головной боли, вытягивали до дна целую бутылку, а то и две, если вам удавалось у меня выклянчить вторую. Впрочем, вам тогда мог пособить братец — ах, веселый был мальчик Вэлентайн Балмер! Вы тоже были лихим пареньком, мастер Фрэнси. Скольких хлопот стоило мне держать вас обоих в узде, когда вы, бывало, затеете что-нибудь! Но вы-то были чуточку поспокойней, чем Вэлентайн. И какой красивый был мальчишка! Глаза — прямо алмазы, щеки — что розовый цвет, волосы пышней, чем куст вереска. До него ни на ком не видела я бакенбард — впрочем, нынче всякий норовит обойти цирюльника. А смеялся он так, что мертвого поднимет! И бранили-то его, и хохотали над ним, и ни на кого другого не глядели, когда этот Вэлентайн жил здесь. Как теперь поживает ваш братец Вэлентайн Балмер, мастер Фрэнси?

Тиррел опустил глаза и только вздохнул в ответ.

— Ах, вот что! — воскликнула Мег. — Неужели бедный мальчик так рано покинул наш горестный мир? Увы, всем нам идти одним путем: все мы — битые кувшины, разошедшиеся бочки, все мы — сосуды с течью, и не удержать нам в себе вина жизни, нет, где уж там! А этот бедный мальчик Балмер, не был ли он родом из Балмер-Бэй, той гавани, где выгружают голландскую водку, как вы полагаете, мастер Фрэнси? Там еще и черным чаем торгуют. А чай-то, что я вам приготовила, как он вам показался, мастер Фрэнси?

— Чай превосходный, хозяйюшка, — ответил Фрэнсис Тиррел.

Однако по тону, каким это было сказано, ей стало ясно, что она затронула в разговоре предмет, пробудивший в нем неприятные мысли.

— А когда же умер этот бедный юноша? — продолжала Мег, которой не были чужды свойства праматери Евы и которой поэтому захотелось узнать,

что же так взволновало постояльца. Но, обманув ее ожидания, он повернулся к окну и, вглядываясь в отдаленные строения вокруг источника святого Ронана, постарался направить ее мысли в другую сторону. словно впервые заметив эти новые дома, он равнодушно произнес:

— А у вас, однако, завелись веселые соседи, хозяйка.

— Соседи! — подхватила Мег, и гнев ее тотчас разгорелся, как случалось всегда, едва касались этого болезненного места. — Называйте их соседями, коли хотите, а для Мег Додз было бы легче, если б черт унес их всех подальше.

— Наверное, — сказал Тиррел, словно не замечая ее неудовольствия, — это тот отель Фокса, о котором мне рассказывали?

— Фокс,¹ — сказала Мег, — как раз та самая лиса, что унесла всех моих гусей. Я давно бы прикрыла свое заведение, мастер Фрэнси, если б жила только с него. Ведь всех здешних помещиков я помню с пеленок и почти всех кормила пряниками и сахарным печеньем из собственных рук. А они предпочтут увидеть, как на доме моего отца провалится крыша и задавит меня, но не соберут по медной полушке, чтобы было чем подпереть ее. Зато каждый из них отвалил по пятидесяти фунтов на постройку отеля на ихних водах. И много же заработали они на нем! Ведь Сэнди Лоусон обанкротился и за целый год не отдал им и полпенни арендной платы.

— Знаете, хозяйюшка, я считаю, что раз источник так славится своей целебной силой, здешним помещикам следовало бы предложить вам проповедовать его свойства.

— Мне, проповедовать! Я, право, не держусь кверкской веры, мастер Фрэнси, и не слыхивала, чтобы трактирщица принялась проповедовать — разве что матушка Бакен в западной стороне. А если б пришлось мне взяться за это дело, так ведь во мне шотландская

¹ Фокс — лисица (англ.).

кровь, и у меня хватило бы ума не читать проповедей в том самом помещении, где танцуют всю неделю каждый вечер, не исключая субботы, да еще до самой полночи. Нет, нет, мастер Фрэнси, пусть уж этим занимается мистер Саймон Четтерли — так, кажется, зовется юркий маленький попик, выписанный к ним из города. Он играет в карты, шесть дней в неделю танцует, а на седьмой читает вслух требник в балльном зале, и пьяный цирюльник Тэм Симсон помогает ему вместо причетника.

— Я уже, кажется, слышал что-то о мистере Четтерли, — сказал Тиррел.

— Вы, верно, вспомнили ту проповедь, что он напечатал, — сердито сказала хозяйка. — Этот безмозглый дурак, этот пустой болтун говорит, что его грязная, вонючая лужа — настоящая купель Вефизды! Ему бы следовало знать, что слава про этот родник пошла в мрачные времена папизма. И хоть ключ окрестили именем святого Ронана, я никогда не поверю, чтобы этот добрый человек отвечал за такой источник. Мне говорили знающие люди, что он вовсе и не католик был, а просто талдей, или халдей, или вроде того. А не выпить ли вам еще чашечку чаю, мастер Фрэнси? С кусочком бисквита? Я его пеку на домашнем масле, а не на остатках кухонного жира, как все то, что продают внизу у кондитера. У него в печенье больше дохлых блох, чем тмину. Нечего сказать, кондитер! Пусть мне дадут на пенни ржаной муки, да еще на пенни патоки, да два-три зернышка тмина, и я напеку сластей получше тех, что выходят из его печи.

— Ничуть не сомневаюсь, миссис Додз, — согласился постоялец. — Дивлюсь только, как удалось обосноваться здесь чужим людям, когда тут есть такая давнишняя и хорошо известная гостиница, как ваша. Все дело, вероятно, в минеральной воде. Но как случилось, хозяйка, что об этой воде вдруг заговорили?

— Не знаю, сэр. Вода считалась у нас никуда не годной, разве что какие-нибудь бедняки купали в ней

золотушного ребенка, когда у них не было на что купить солей. Но миледи Пенелопа Пенфезер захворала какой-то особенной болезнью, какой до нее никто на свете не хворал, и ее надо было лечить по-особенному, как еще никого не лечили. Что ж, оно, пожалуй, и правильно. Сами знаете, ей ума не занимать, и у нее в поместье Уинди Уэй, том самом, что ее светлости угодно называть Воздушным замком, гостят все эдинбургские умники. У каждого из них свое умение — один сочиняет стихи и рассказы, не хуже чем Роб Бернс или Аллен Рэмзи. Другие лазают по горам и долам и расколачивают молотком камушки, словно они спятили с ума, мостивши дорогу, — говорят, будто им хочется узнать, как мир сотворен! Есть среди них и такие, что бренчат на всяческих скрипках и гитарах. А несколько несчастных рисовальщиков торчат по окрестным утесам, взгромоздившись на верхушку как вороны: вашим делом занимаются, мастер Фрэнси. Потом еще те, что побывали в чужих краях или говорят, будто побывали, а это, сами знаете, все одно. Да еще разные девицы, неряхи длиннохвостые; они щеголяют разными глупостями, которые надоело проделывать самой миледи, точь-в-точь как ее вертлявые служанки, что донашивают ее платья. И вот после счастливого, по их словам, выздоровления ее светлости вся эта перелетная стая отправилась однажды вниз и расселась у родника. Там они пообедали на голой земле, словно цыгане какие, и тут начались песни и романсы во славу источника, как они величают наш ручеек, и в честь леди Пенелопы Пенфезер. Наконец они порешили выпить всем кругом по полному стакану воды из ключа, от чего, говорят, со многими по дороге домой приключилась изрядная беда. Все это называлось у них пикником, будь они неладны! Так под дудку ее светлости закрутилась вся эта карусель, и каких только лихих плясок не отхватывали они с тех пор! Потому что затем налетели туда каменщики и кондитеры, проповедники и актеры, епископальники и методисты, шуты и скрипачи, паписты и пирожники, доктора и аптекари, да

еще, конечно, лавочники, что торгуют разной чепухой и мишурой и ломают за нее тройную цену. И стал расти новый поселок у источника, и зачах добрый старый Сент-Ронан, где порядочные люди умели радоваться и веселиться задолго до того, как народились эти шуты и в их безмозглых головах завелись такие дурацкие причуды.

— А что сказал на все это ваш хозяин, сент-ронанский лэрд? — спросил Тиррел.

— О каком это *моем* хозяине вы спрашиваете, мастер Фрэнси? Сент-ронанский лэрд мне вовсе не хозяин, вы это и сами должны бы помнить. Нет уж, слава богу! Мег Додз сама себе и хозяйка и хозяин. Хватит того, что дверь у меня открыта даже в троицу и в Мартынов день, мастер Фрэнси. Ведь у почтенного мастера Байндлуза, помощника шерифа, в его кабинетике, в одном из отделений письменного стола, лежит старый кожаный кошель — там найдется и грамота, и инвеститура, и судебное извещение вдобавок, все точка в точку. Справьтесь, коли хотите.

— Я совсем забыл, — сказал Тиррел, — что гостиница принадлежит вам. Зато я помню, что у вас есть земли в округе.

— Может быть, да, а может быть, и нет — ответила Мег. — А если да — так что с того? Вам, кажется, хотелось узнать, что же сказал на все эти нововведения наш лэрд, дед которого был когда-то хозяином моего отца? Лэрд кинулся на деньги, как петух на крыжовник, и сдал в аренду весь этот славный луг у источника, тот, что зовется Сент-Уэлхолм. Был это, пожалуй, лучший кусок земли во всех его владениях. И эту землю он отдал, чтобы ее кромсали, и крошили, и ковыряли, как только вздумается Джоку Эшлеру — он каменщик, но теперь вздумал называться архитектором. В новом мире и слова новые — лишняя забота для старых людей вроде меня. Стыд и срам молодому лэрду, что он пустил отцовское наследство по ветру, а оно, похоже, так и будет. И горько мне это видеть, хоть и не моя печаль, что станется с ним и с его имуществом.

— А поместьем владеет все тот же Моубрей? — спросил мистер Тиррел. — Тот старый джентльмен, с которым я еще повздорил...

— Из-за того, что стреляли куропаток на Спрингвелхедской пустоши? — договорила Мег. — Ох, сынок! Славный мистер Байндлуз ловко вызволил вас тогда. Нет, нет, в поместье сидит теперь не старик, а его сын, Джон Моубрей. А тот уж лет шесть-семь как спит крепким сном у сент-ронанской церкви.

— И он не оставил других детей, — спросил Тиррел дрогнувшим голосом, — кроме теперешнего лэрда?

— Другого сына он не оставил, — ответила Мег. — И этого за глаза довольно. Разве что нашелся бы у него сынок получше этого...

— Значит, кроме этого сына, после него детей не осталось? переспросил Тиррел.

— Да нет, — сказала Мег, — есть еще дочка, мисс Клара, она ведет хозяйство лэрда, если можно назвать это хозяйством. Он сам ведь больше пропадает внизу у источника, так что им в Шоуз-касле много варить не приходится.

— Мисс Клара, наверно, очень скучает в отсутствие брата? — спросил приезжий.

— Вовсе нет! Он часто берет ее с собой, и она носится взад и вперед вместе с разодетыми в пух и прах болтунами, которые туда съезжаются, здоровается с ними за руку и не отстает от них в танцах и потехах. Я думаю, беды с нею не приключится, но стыдно все-таки дочери ее отца водиться со всяким сбродом, со студентами-медиками, учениками стряпчих, разъезжими купцами и прочей дрянью, что понаехала к источнику.

— Вы слишком строги, миссис Додз, — возразил постоялец. — Мисс Клара, наверно, так ведет себя, что достойна всяческой свободы.

— Я не собираюсь говорить ничего дурного о ее поведении, — заявила хозяйка, — и, насколько я знаю, нет для этого никаких поводов, мастер Фрэнси. Мне только больше нравится, когда масть к масти подби-

рается. Никогда я не досадовала, если здешние помещики в былые годы устраивали балы в моем домишке. Съезжались они сюда — старики в каретах, запряженных длиннохвостыми вороными конями, brave кавалеры — на своих охотничьих лошадях, порядочные дамы садились позади своих муженьков, а девушки-хохотушки — на мохнатых пони. Вот было веселье! Ну и что с того? Бывали и крестьянские балы. Тут приходили крепьши фермерские сынки в новешеньких синих чулках и замшевых штанах. Эти сборища проходили прилично: ведь люди все были свои, все знали друг друга. На одном балу фермер плясал в одной паре с фермерской дочкой, на другом — кавалер со знатной дамой. Подчас иной джентльмен из Килнакелти-клуба пройдет по кругу со мною, потехи ради, а я, бывало, так смеюсь, что мне не под силу браниться. И, право, никогда я не спорила против таких простых увеселений, хотя мне, бывало, потом за неделю уборки не управиться с беспорядком.

— Однако, хозяйюшка, — заметил Тиррел, — следовать вашим правилам довольно трудно для приезжих вроде меня; как найти себе пару на таких семейных вечерах?

— Ну, мастер Фрэнси, об этом беспокоиться нечего, — хитро подмигнув, ответила хозяйка. — Парень без девушки не останется, как ни верти. А на худой конец, лучше уж потрудиться и поискать себе пару на один вечер, чем связываться с кем-нибудь, от кого на завтра не знаешь как отделаться.

— А так иногда случается? — спросил приезжий.

— Случается ли? Это среди публики у источника? — воскликнула хозяйка. — Да прошлый сезон еще к концу не пришел, как молодого сэра Бинго Бинкса — паренька из Англии в красном мундире, того, что завел себе целую почтовую карету и сам в ней за кучера, — уже изловила Рэчел Бонниригг, долговязая дочка старой леди Лаупенгерт. Они дотанцевались вдвоем до того, что о них стали говорить больше чем следовало. Мальчишка и рад бы на попятный, да

старуха взялась за него ретиво, и с помощью консисторского суда и еще чего-то девушка быстро стала сиятельной леди Бинкс, несмотря на всю неохоту сэра Бинго. Сейчас он не решается везти ее к своим в Англию, и они так и сидят круглый год здесь на водах — вот до чего могут воды довести!

— И Клара — я хотел сказать: мисс Моубрей — встречается с такими дамами? — спросил Тиррел с плохо скрытым беспокойством.

— Что она может поделать, бедное создание! — сказала хозяйка. — Ей приходится водиться с теми, с кем водится брат, ведь она от него зависит, ясное дело. Но, впрочем, мне и самой кое-что сделать следует, пока не стемнело, дел хватает. Заболталась я с вами, мастер Фрэнси.

Мег решительно зашагала прочь, и молодой человек вскоре услышал, как она громким, звучным голосом отчитывает своих служанок.

Тиррел с минуту посидел в раздумье, потом взял шляпу и вышел. Сначала он заглянул в конюшню: конь, насторожив уши, приветствовал его тихим дружеским ржаньем, которым лошади всегда встречают появление любящего и любимого друга. Убедившись, что для его верного товарища сделано все надлежащее, Тиррел воспользовался долгими, медлительными сумерками и посетил старый замок — дорога к нему и ранее была самой приятной его вечерней прогулкой. Пока хватало света, он оставался там, любясь видом, который мы пытались описать в первой главе. Он снова погрузился в свои думы, и тускнеющие краски лежавшей перед ним местности напомнили ему угасающий цвет жизни, когда юность и надежда уже перестают золотить ее.

Потом он быстрым шагом вернулся в гостиницу. Прогулка и легкий ужин, состоявший из гренок с сыром и домашнего эля, настроили его мысли на более веселый или по крайней мере на более спокойный лад. И в синюю спальню, которой он все-таки удостоился, Тиррел вошел в качестве если и не совсем счастливого, то все-таки довольного жильца.

Глава III

СОСТАВ МИНИСТЕРСТВА

Правительство любому строю нужно:
Царица есть у пчел, вожак у ланей,
Власть консулам вручали в древнем Риме;
В Афинах власть была в руках архонтов.
Мы, сударь, учредили комитет

«Хроника Сент-Ронанских вод»

На следующий день Фрэнсис Тиррел окончательно обосновался в комнатах, где квартировал раньше, и объявил, что намерен прожить здесь еще несколько дней. Старик, издавна отправлявший в Сент-Ронане должность посыльного, доставил его дорожный сундук и удочки, а также письмо к Мег, написанное на прошлой неделе, в котором Тиррел просил ее приготовиться к приезду доброго знакомого. Мег весьма благосклонно приняла изрядно запоздалое извещение. Она заявила, что «это очень любезно со стороны мастера Тирла» и что «Джон Хислоп хоть и не так уж проворен, но зато надежнее всякой ихней почты, даже самой спешной». С удовлетворением отметила она также, что в багаже ее постояльца не оказалось футляра с ружьем.

— Ведь эта самая стрельба уже раз довела до беды и его и меня: окрестные лэрды подняли крик, будто я устраивала в своем доме приют для браконьеров и стрелков по чужой дичи! А как было помешать двум отчаянным мальчишкам забираться на чужие поля? Они бродили по самому краю соседской земли, где им позволили охотиться, — им было не до межевых столбов, когда куропатка взлетела.

Следующие несколько дней Тиррел вел такой тихий и замкнутый образ жизни, что Мег, будучи сама весьма беспокойным и суетливым созданием, стала сердиться — он задавал ей куда меньше хлопот, чем она ожидала. Крайнее безразличие и равнодушие постояльца ко всему на свете внушало ей чувство, какое испытывает, вероятно, умелый наездник, оседлавший слишком смиренного скакуна и досадующий, зачем он почти не чувствует коня под собою? Гуляя по окрест-

ным лесам и холмам, Тиррел выбирал самые глухие и уединенные места. Часто удочка его просто оставалась дома или служила только предлогом для того, чтобы не спеша брести вдоль какого-нибудь ручейка. Успехи же его в рыбной ловле были так слабы, что Мег уверяла, будто волынщик из Пиблза успеет наловить полную корзинку форелей, пока мастер Фрэнси выудит полдюжины. В конце концов Тиррелу ради спокойствия хозяйки и спасения своей репутации пришлось изловить крупного лосося.

Рисование (или «малевание», как называла это занятие Мег) подвигалось тоже очень медленно. Правда, вернувшись с прогулки, постоялец часто показывал хозяйке наброски, которые обычно заканчивал дома, но она расценивала их очень невысоко.

— Что проку, — говаривала она, — в клочках бумаги, на которых что-то намазано черным и белым! И по-вашему, мастер Фрэнси, это кусты, деревья и утесы? Неужели вы не можете рисовать зеленым, голубым и желтым, как другие? Так не проживешь! Вам бы натянуть большой кусок холста, как делает Дик Тинто, да рисовать людей. Им на себя куда приятней глядеть, чем на разные утесы над рекой. Я бы даже не возражала, если бы приходил кто-нибудь с источника и сидел бы тут, чтобы вы делали с него портрет. Они, поди, и не так еще время тратят, а вы уж наверняка заработали бы на этом по гинее с души. Дик-то получал и по две, да он уж наловчился и руку набил — ведь пока ходить научишься, сначала и ползать доведется.

В ответ на такие уговоры Тиррел уверял Мег, что рисунки, которым он посвящает свое время, нынче в большой цене и художник подчас получает за них больше, чем за портреты или пейзажи в красках. Он прибавил, что рисунками часто иллюстрируют известные поэтические произведения, и дал понять, что и сам занимается такого рода работой.

О великих достоинствах своего жильца как художника Мег поспешила объявить Нелли Троттер — рыбной торговке, чья тележка служила единственным нейтральным средством сообщения между Старым

городком и Сент-Ронанскими водами. Мег благоволила к Нелли Троттер, потому что та на своем пути к новому поселку проезжала мимо гостиницы и хозяйка всегда могла забрать у нее лучшую рыбу. По правде сказать, матушку Додз так раздражали и даже расстраивали известия о разных личностях, достигших высокой степени в области науки и искусства и каждодневно прибывавших в отель, что она была вне себя от радости, когда ей представилась счастливая возможность побить противника его же оружием. И поэтому она трубила, как могла, о талантах своего постояльца.

— Мне надо выбрать самое лучшее, Нелли, что только есть в твоей тележке, — если мы столкнемся, конечно. Ведь я все это беру для самого лучшего живописца. Твои красавцы и красавицы ничего бы не пожалели, лишь бы поглядеть, что он рисует. Проведет три прямых да три косых черточки и сразу получает пригоршню золота. И он вовсе не какой-нибудь неблагодарный бездельник вроде Дика Тинто: тот положил в карман мои двадцать пять шиллингов, да и отправился вниз пропивать деньги в ихнем распрекрасном отеле. Нет, он скромный, тихий юноша; знает, где ему лучше, и живет себе спокойно в старом пристанище. Вот как! Передай им все это и послушай, что они скажут.

— Ну, сударыня, это я наперед знаю, нечего мне зря и ноги топтать, — ответила Нелли Троттер. — Они скажут, что вы старая дура, да и я тоже. И что мы, пожалуй, знаем толк в курином бульоне или в печеной рыбе, но во все остальное нам совать нос нечего.

— Чтоб они сказали такое, наглецы, негодяи! — закричала Мег. — Да я тридцать лет веду свое хозяйство! Пусть только попробуют сказать мне это в лицо! У меня слова не пустые! Я, может быть, уже толковала со священником и показывала ему один такой листок из тех, что мастер Тирл разбрасывает по своей комнате! И, может быть, священник мне рассказывал, как лорд Бидмор на его глазах отдал пять гиней за картинку похуже этой! Ведь всему свету из-

вестно, что наш пастор долго служил учителем в доме этого лорда!

— Знаете, — возразила ее приятельница, — если я и перескажу им все это, они мне едва ли поверят. Среди них столько знатоков и они так высоко ставят себя и так низко — всех остальных, что коли вы не пошлете им эту самую картинку, так, по-моему, они не поверят ни одному моему слову.

— Не поверят словам порядочной женщины! Даже двух сразу! — воскликнула Мег. — О, времена безверия! Ну хорошо, раз уж на то пошло, Нелли, так ты снесешь вниз эту картинку, или набросок, или как там его (я-то всегда считала, что бросают только худое); ты снесешь его, чтобы устыдить всю эту чванливую компанию. Но смотри же, принеси листок обратно, ведь это вещь ценная. И помни, Нелли: не выпускай его из рук, я не очень-то верю в их честность. Да, ты можешь еще сказать, что у него есть иллюстрированное произведение — *иллюстрированное*, запомни это слово, Нелли, и ввертывай почаще; надо этим словом начинить свой рассказ, как индюка — салом.

И, снабженная верительными грамотами, словно герольд, направляющийся из одного государства в другое, Нелли покатила свою тележку с рыбой вниз, к сент-ронанскому источнику.

На минеральных водах, как и повсюду, где только собирается вместе род людской, формы правления устанавливаются обычно по прихоти случая или обстоятельств и бывают самыми различными. Но, во избежание последствий безвластия, почти везде избирается какое-нибудь руководство. Иногда вся власть вверяется руководителю развлечений. Правда, как и все деспотические формы правления, строй такого рода ныне вышел из моды, и за последнее время власть этого сановника стала ограниченной даже в Бате, где когда-то единолично правил всемогущий Нэш. Теперь, в качестве более либерального способа правления, получили распространение распорядительные комитеты, избираемые из числа наиболее постоянных посетителей курорта. Такому комитету

и была вверена власть над новорожденной республикой, получившей название Сент-Ронанских вод. Надо заметить, что отправление этим маленьким сенатом столь высоких обязанностей осложнялось тем, что, как во всякой республике, подданные разделились здесь на два враждебных и соперничавших между собою лагеря. Каждый день они вместе ели, пили, плясали и веселились — и в то же время с ожесточением, присущим политическим партиям, ненавидели друг друга, старались всеми правдами и неправдами привлечь на свою сторону всякого новоприбывшего и со всем остроумием и язвительностью, на какие только были способны, высмеивали нелепые затеи и безумства, в которые пускалась противная сторона.

Во главе одной из этих партий стояла сама леди Пенелопа Пенфезер, та самая, которой Сент-Ронанские воды были обязаны своею славой и даже своим существованием. Ее влияние уравнивалось лишь влиянием вождя другой фракции — владетельного мистера Моубрея сент-ронанского, или сквайра, как его обычно именовали в обществе на английский манер, столь ненавистный хозяйке старого подворья.

Знатность и богатство леди, ее притязания на таланты, красоту (хотя уже несколько поблекшую) и значение в свете, которое она самочинно приписывала себе, собирали вокруг нее художников, поэтов, философов, ученых, ораторов, заморских искателей приключений *et hoc genus omne*.¹

С другой стороны, влияние сквайра, человека родовитого, который имел владения в здешнем краю, держал борзых и пойнтеров и на худой конец умел хоть поговорить об охотничьих и скаковых лошадях, обеспечивало ему в трех ближних графствах поддержку всего сословия молодых повес, как чистокровных, так и полукровок. Когда оказывались необходимы дополнительные приманки, он всегда мог пожаловать друзьям право охоты в своих угодьях, а ведь одного этого достаточно, чтобы у любого молодого шотландца любых времен сразу закружилась голова.

¹ И всех людей подобного рода (лат.).

За последние полгода значение мистера Моубрея еще возросло благодаря тесной дружбе с сэром Бинго Бинксом, тем мудрым английским баронетом, который, стыдясь, по общему мнению, возвращаться в родные края, обосновался в Сент-Ронанских водах и наслаждался здесь счастьем, любезно навязанным ему каледонским Гименеем в лице мисс Рэчел Бонниригг. Поскольку этот джентльмен действительно правил принадлежавшей ему настоящей почтовой каретой, отличавшейся от почтовых карет его величества короля английского лишь тем, что она чаще опрокидывалась, его влияние среди людей известного круга оказывалось непререкаемым, и сент-ронанский сквайр, как человек из них двоих более умный, пожинал все выгоды, которые могла в этом смысле принести ему дружба сэра Бинго.

Эти две борющиеся за власть партии по силе настолько равнялись друг другу, что преобладание каждой из них часто определялось движением солнца по поднебесью. Так, с утра и до полудня, когда леди Пенелопа уводила свою паству в тенистые дубравы, чтобы посещать там руины какого-нибудь памятника древних времен, вкушать на траве завтрак и портить хорошую бумагу плохими рисунками, а хорошие стихи — декламацией, одним словом

Стихами бредить меж дерев зеленых, —

в это предобеденное время власть ее светлости над повесами и бездельниками представлялась абсолютной и ничем не ограниченной, все и вся втягивалось в некий *tourbillon*,¹ осью и центром которого являлась она сама. Подчас следовать за ней бывали вынуждены даже охотники, стрелки и горькие пьяницы. Надувшись, пренебрежительно посмеиваясь над ее поэтическими празднествами и подбивая на смешки младших нимф, которым надлежало бы проявлять подобающую чувствительность, они все же тащились в ее свите.

¹ Вихрь (франц.)

После обеда, однако, все менялось. Наисладчайшие улыбки ее светлости, самые нежные ее приглашения часто не в силах были привлечь к чайному столу нейтральную часть дам и кавалеров. Теперь ее общество ограничивалось лишь теми, кого здоровье и состояние финансов вынуждали пораньше покинуть обеденный стол, да наиболее преданными и рьяными из ее ближайших приспешников и вассалов. Случалось иногда, что колебалась верность даже и этих последних. Ее собственный поэт-лауреат, для которого она вытягивала пожертвования из каждого новоприбывшего, до того осмелел, что однажды в присутствии ее светлости спел за ужином песенку довольно двусмысленного содержания. В другой раз ее главный художник, делавший иллюстрации к сочинению «Любовь растений», в ответ на обычную дозу критики со стороны ее светлости позволил себе в хмельном задоре не только начисто отвергать ее мнение о своем творчестве, но и договорился до того, что-де с ним следует обходиться как с джентльменом.

Эти распри уладил распорядительный комитет, который ходатайствовал перед леди Пенелопой за раскаявшихся наутро грешников и на умеренных условиях добился возвращения им ее милости. Много совершал комитет и других актов умягчения власти в целях успокоения раздора и поддержания мира среди сограждан. Процветание поселка всецело зависело от его деятельности, и, если б не это высокое учреждение, Сент-Ронанские воды, вероятно, давно бы опустели. Поэтому мы обязаны хоть кратко описать могущественный сенат, которому обе партии, соединившись вместе и как бы жертвуя собственными интересами, вручили бразды правления.

Каждого из лиц, в него входивших, избирали, видимо, так, как в сказке про Фортунио красавица выбирала себе товарищей — то есть за его особый дар. Первым в списке стоял врачеватель — доктор Квентин Квеклебен. Свою привилегию распоряжаться на водах всеми лечебными делами он основывал на принципе, по которому право владения на новооткрытые земли исстари закреплялось за первым пиратом,

учинившим грабеж на их берегах. Признание заслуг доктора, который впервые провозгласил и установил целебные свойства источника, имело следствием возведение его здесь как первейшего врача и ученого. В качестве ученого он был вправе заниматься всем — от варки яиц до чтения лекций. Он, как многие из его собратий, действительно мог предложить пациенту с дурным пищеварением и отраву и противоядие, поскольку был таким же знатоком в гастрономии, как сам доктор Редгил или какой-нибудь другой знаменитый врач, писавший по вопросам кулинарии, вроде доктора Монкрифа из Типпермалоха, покойного доктора Хантера из Йорка или доктора Китчинера из Лондона. Но всевластие всегда вызывает зависть, и врачеватель благоразумно уступил обязанности заведующего провиантом и главного кравчего другому джентльмену, который в качестве знатока искусств и судьи хорошего тона постоянно и *ex officio*¹ занимал место во главе стола. За собой же доктор сохранил право съедать все лучшие блюда с общего стола и привилегию иногда критиковать их. В заключение характеристики ученого доктора нам остается сообщить читателям, что это был высокий тощий джентльмен с хмурым лицом и в плохо сделанном черном парике с баками, которые отставали от его впалых щек. Девять месяцев в году он проводил в Сент-Ронане и, как подозревали, выколачивал здесь немалые деньги, особенно потому, что превосходно играл в вист.

Вторым по действительной власти, хотя, пожалуй, первым по чину, был знаток искусств мистер Уинтерблоссом — человек обходительный, щепетильный и изысканный в обращении. Он пудрил волосы и носил косичку, у колена — пряжки с поддельными бриллиантами, а на пальце — перстень с печаткой размером побольше, чем у сэра Джона Фальстафа. Было у него в лучшую пору именице, которое, как и подобает джентльмену, он промотал, живя на широкую ногу. Короче говоря, он был как бы одним из тех почтенных

¹ По обязанности (лат.).

звеньев, что соединяют современного фата с фатом прошлого столетия, и мог сравнить безумства обоих, проверив их на своем собственном опыте. Когда он стал постарше, он набрался благоразумия и кое-как расстался с рассеянным образом жизни, правда, успев уже расстроить и здоровье и состояние.

Теперь мистер Уинтерблоссом жил на скромную ренту и, заняв место постоянного председателя за табльдотом на Сент-Ронанских водах, нашел способ, как примирить скудные средства с большим обществом и всегда накрытым столом. Он развлекал собравшихся анекдотами, предметом которых были Гаррик, Фут, Боннел Торнтон или лорд Келли, и изрекал свое мнение по всем вопросам, требовавшим хорошего вкуса. Он превосходно резал жаркое и умел без ошибки наделить каждого гостя тем, что ему подобало, а в награду за свои труды никогда не забывал приберечь лакомый кусок для себя самого. Добавим, что он был знатоком изящных искусств и, во всяком случае, разбирался в живописи и музыке. Впрочем, ему доступна была лишь техническая сторона искусства, а не то в нем, что согревает сердце и возвышает душу. И в самом мистере Уинтерблоссоме не было ничего сердечного или возвышенного. Был он хитер, эгоистичен и сластолюбив, хотя последние два свойства скрывал от окружающих под лоском внешней любезности. Поэтому, исполняя за столом обязанности хозяина и как будто во всех тонкостях следуя правилам хорошего воспитания, он не позволял прислуге подавать остальным гостям, пока не бывали полностью удовлетворены его собственные прихоти.

Мистер Уинтерблоссом был также обладателем нескольких любопытных гравюр и других предметов искусства, показывая которые он помогал иногда скоротать в гостинной пасмурное утро. Собрана была его коллекция *viis et modis*,¹ как говаривал, многозначительно подмигивая, законник — другой важный член комитета.

¹ Всеми правдами и неправдами (лат.).

Об этой личности сказать почти нечего. Он был широк в кости, шумен в обращении, красен лицом, весьма немолод, и звали его Миклем. Будучи местным адвокатом и присяжным стряпчим, он улаживал дела сквайра с изрядной выгодой его или своей, а то и обоих. Посредине его широкого грубого лица, как медный угольник на диске старинных солнечных часов, торчал сдвинутый набок нос. В своем деле он держался таким забиякой, словно оно было военным, а не штатским занятием. Старик вел все формальности по разбивке на делянки для построек сент-ронанской поймы, которую так оплакивала матушка Додз, и находился в прекраснейших отношениях с доктором Квеклебенем, который всегда рекомендовал его своим пациентам, когда дело доходило до составления завещания.

После законника шел воин — капитан Мунго Мак-Терк, бывший лейтенант шотландского полка в отставке, и притом довольно давней. Вину он предпочитал крепкий пунш и *per diem*¹ приканчивал — в чистом виде или в виде пунша — почти целую бутылку виски, если удавалось ею раздобыться. Он именовался защитником мира и спокойствия на том же основании, на каком констеблям, полицейским с Боу-стрит и тому подобным чинам, снабженным дубинками для проламывания голов и непременно и законным участникам любой драки и свалки, присваивается наименование блюстителей порядка. Основание это заключалось в том, что его доблесть принуждала других к осторожности. Капитан бывал главным третейским судьей при разборе тех пустых распрей, которые во всех подобных местах легко вспыхивают по вечерам и преспокойно улаживаются на утро, а подчас и сам заводил ссору, желая сбить спесь с какого-нибудь чрезмерно задиристого ново-приезжего. Эта должность доставляла капитану Мак-Терку великое уважение обитателей Сент-Ронанских вод, ибо он был из тех, кто рад сразиться с первым встречным, кому отказать в этом нельзя было ни под

¹ В день (лат.).

каким предлогом, поединок с кем представлял значительную опасность (Мак-Терк не раз доказывал на деле, что умеет затушить свечу выстрелом из пистолета) и, наконец, столкновение с кем не приносило противнику ни чести, ни славы. Капитан всегда ходил в синем сюртуке с красным воротником, сохранял выскомерное молчание, заедал крошеный лук-порей куском сыра, а цветом лица напоминал копченую селедку.

Остается упомянуть еще пастыря — кроткого мистера Саймона Четтерли, который случайно попал на Сент-Ронанские воды с берегов то ли Кэма, то ли Айзиса и более всего гордился знанием греческого языка да своим любезным обхождением с дамами. По будним дням, как уже намекала тетушка Додз, сей преподобный джентльмен либо заседал за карточным столом, либо пребывал в бальном зале, в зависимости от того, кому в тот вечер он был нужен в качестве партнера — молодой девице или пожилой матроне. По воскресеньям же он читал молитвы в столовом зале — для всех, кто пожелает его слушать. Кроме того, он умел придумывать шарады и разгадывать загадки и был главным помощником мистера Уинтерблоссом по части изобретения запутанных и романтических маршрутов на холм, который высился позади отеля и на который зигзагами, словно ходы сообщений между траншеями, вели извилистые тропинки. С вершины его открывался чудесный вид, а тропинки, выбранные мистером Уинтерблоссом и преподобным мистером Четтерли, поднимались в гору достаточно круто, чтобы джентльмен мог в качестве опоры предложить даме свою руку, а дама — принять ее, ничуть не нарушая приличий.

Числился в этом славном комитете еще один участник — мистер Майкл Мередит, которого мы можем назвать увеселителем, или, если угодно, местным Джеком Пудингом. Его делом было по мере сил отпускать шуточки и распевать забавные песенки. Однако, к несчастью, этот деятель вынужден был вскоре удалиться с Сент-Ронанских вод: позабыв, что на нем нет все-таки пестрого кафтана, гарантирующего права

и привилегии шутовского сословия, он как-то отпустил остроту насчет мистера Мак-Терка. Шутка задела капитана за живое, и мистер Мередит уж сам рад был убраться хоть к черту на кулички. Где-то миль за десять от Сент-Ронана он нашел себе тайное убежище и теперь отсиживался там, выжидая, пока вмешательство его собратьев по высокому комитету сможет уладить дело.

Мы со всем доступным беспристрастием представили читателю джентльменов, правивших делами быстро растущего поселения. Каждый из них имел, разумеется, свои тайные симпатии: законник и воин втихомолку склонялись на сторону сквайра, а пастырь, мистер Мередит и мистер Уинтерблоссом предпочитали поддерживать леди Пенелопу. Таким образом, лишь один доктор Квеклебен, памятуя, вероятно, что джентльмены так же подвержены расстройствам желудка, как дамы — расстройствам нервной системы, оказывался единственным, кто и на словах и на деле хранил самый строгий нейтралитет. Но так как эти мужи совета принимали близко к сердцу судьбы всего предприятия и так как каждый из них понимал, что его собственные выгоды, нужды и удовольствия в некоторой мере зависят от процветания поселка, они не позволяли своим личным пристрастиям влиять на их общественные обязанности и действовали каждый в своей сфере на благо и пользу общины.

Глава IV

ПРИГЛАШЕНИЕ

В углу картины подпись живописца.

Прайор

Шум, всегда возникающий при конце обеда и переходе из столовой в гостиную, наконец затих. Стук ножей, вилок и тарелок, суетливый топот деревенских увальней, прислуживавших за столом и то пинавших друг друга ногами, то преправившихся в дверях,

в которые они стремились выйти все трое зараз, звон разбитых рюмок и бокалов, в суматохе сброшенных на пол, громкие вскрики хозяйки и не громкая, но яростная брань хозяина, — все стихло. Тем из гостей, кто имел своих слуг, соответственные Ганимеды подали соответственные бутылки с остатками водки или вина, которые вышеназванные Ганимеды еще не допили с вечера. Прочие гости, уже приученные мистером Уинтерблоссом к соблюдению такого обряда, терпеливо ожидали, пока собственные особые и многообразные нужды достойного председателя будут наконец удовлетворены. Его приказания выполняли опрятная молодая женщина и некий неуклюжий подросток, входившие в состав прислуги при гостинице; однако мистер Уинтерблоссом не позволял им заняться ни одним из гостей, пока не будут, как говорит гимн:

Исполнены его потребности все.

— Дайна, а где же мой херес? Поставь-ка бутылочку сюда. Дайна. Вот и хорошо, голубушка. А ты, Тоби, принеси мне кувшинчик горячей воды, да смотри, чтоб кипела. Да постарайся уж как-нибудь не облить по дороге леди Пенелопу.

— Зачем же? Ведь ее светлости и так уже пришлось жарко сегодня, — сказал сквайр.

Впрочем, на это саркастическое замечание леди Пенелопа ответила лишь презрительным взглядом.

— И принеси мне сахару, Дайна, самого лучшего индийского сахару. Да еще, Дайна, лимон, самый свежий, из тех, что привезли утром. Сходи-ка, Тоби, за ним в буфет, да уж постарайся как-нибудь не слететь вниз головой по лестнице. А ты, Дайна — да стой же, Дайна, — не забудь мускатного ореха и имбирю, голубушка. И потом положи-ка мне, Дайна, подушку за спину и поставь скамеечку под ноги, а то у меня палец на ноге что-то опять разболелся после утренней прогулки на вершину Бельведера с ее светлостью.

— Ее светлость может в обычном разговоре называть эту возвышенность как ей угодно, хотя в до-

кументах следует ее именовать Маунт-грэнзи, ибо под таким названием она значится в старинных судебных извещениях и свидетельствах о ней, — вставил стряпчий.

— И еще, Дайна, подыми-ка мой носовой платок, — продолжал председатель, — и дай-ка мне, Дайна, сухарик, и... и... кажется, мне больше ничего не нужно. Поухаживай за гостями, голубушка. С превеликим удовольствием пью за здоровье всех присутствующих. Не сделает ли ваша светлость мне честь пригубить стаканчик негуса? Приготовлять негус я научился у сына старого Дартинефа — он всегда употреблял индийский сахар и прибавлял тамаринду. Тамаринд удивительно улучшает вкус. Дайна, не забудь напомнить отцу, чтобы он послал за тамариндом. Дартинеф кое-что смыслил в этом деле и, пожалуй, почти не отставал от своего отца, я с ним встречался в Бате в... Пойдите, когда же это было? Гаррик как раз покидал сцену, значит, это было в... — И речь Уинтерблоссом лилась не переставая.

— А это что такое, Дайна? — спросил он, когда она подала ему свернутый в трубочку листок.

— А это Нелли Троттер (в отеле ее звали Нелли Топ-Топ) принесла от рисовальщика, что живет у той тетки (так грубо определила почтенную миссис Маргарет Додз эта зазнавшаяся вертихвостка)... у той тетки в Старом городке, в Клейкемском подворье. — Это название, кстати сказать, гостиница Мег получила из-за применения, которое на вывеске нашел для своего епископского посоха святой Ронан.

— Вот как! — сказал мистер Уинтерблоссом, важно вынимая очки и протирая их, прежде чем развернуть лист. — Наверно, пачкотня какого-нибудь мальчишки. Папаша и мамаша мечтают устроить его в нашу даровую школу, вот и подбираются ко мне, хотя, чтобы я принял в нем участие. Но я уже выдохся — я устроил за прошлый год троих юнцов. Пожалуй, ничего из этого не вышло бы, не пользуйся я особым влиянием у секретаря, который очень считается с моим мнением. Но уж так и быть... Ах, черт побери! Да что же это? Здесь видно и умение и пони-

мание гармонии! Кто бы это мог быть, миледи? Вы только посмотрите на линию горизонта — право, здесь что-то есть. Вот так рисунок, прелесть, право! Да кто же он такой, черт возьми? И как он попал в эту конуру в Старом городке, к этой злющей хрычовке — тысяча извинений, ваша милость! — что держит там постоянный двор?

— Мне кажется, миледи, — заговорила вдруг молоденькая девушка лет четырнадцати, и от сознания, что она говорит вслух, да еще перед таким многочисленным собранием, глаза у нее делались все круглей и круглей, а щеки все красней и красней, — мне кажется, миледи, это тот самый джентльмен, которого мы встретили на прогулке в новом лесу. Сразу было видно, что он джентльмен, только никто его не знал, и вы еще сказали, что он хорош собою.

— Я вовсе не говорила, что он хорош собою, Мария, — возразила леди, — дамы не говорят так о мужчинах. Я только сказала, что с виду он интересен и благовоспитан.

— А это, миледи, — с поклоном сказал, улыбаясь, молодой священник, — отзыв еще более лестный, и тут, наверное, все поддержат меня. Мы можем приравновать вас к этому незнакомцу.

— Ах, нет, — мило разболтавшись, с искренней и вместе с тем деланной наивностью настаивала Мария. — Ваша милость запомнили: вы тут же сказали, что не можете счесть его джентльменом, потому что он не побежал за вами с перчаткой, которую вы обронили. Тогда я сама пошла за перчаткой вашей милости, а он и не подумал предложить мне свои услуги, и я его разглядела лучше, чем ваша милость. И скажу про него, что он, несомненно, красив, хоть и не очень любезен.

— Вы слишком разговорились, мисс, — сказала леди Пенелопа, и от естественной краски, разлившейся по ее лицу, цвет румян, которые ее обычно заменяли, сильно сгустился.

— А вы что скажете на это, сквайр Моубрей? — спросил элегантный сэр Бинго Бинкс.

— Скажу, что это прямой вызов на бой, сэр Бинго, — ответил сквайр. — Когда дама роняет перчатку, джентльмену остается только уронить платок.

— Как вы стараетесь все перетолковать, мистер Моубрей, и притом всегда в мою пользу, — с достоинством сказала леди. — Я полагаю, мисс Мария сочинила свой рассказик вам в угоду. Миссис Диггз будет вполне права, если станет сетовать, что я ввожу ее дочь в общество людей, поощряющих такое поведение.

— Ну-ну, миледи, — вмешался председатель, — не стоит обращать внимание на шутку. Рисунок же действительно превосходен, и поэтому я просил бы вашу милость удостоить нас своим мнением — совместимо ли с приличиями для нас пойти навстречу этому кавалеру?

— По-моему, — сказала леди, лицо которой еще пылало гневом, — *кавалеров* у нас и так достаточно; жаль, что у нас гораздо меньше *джентльменов*. Вот поэтому *дамам* на Сент-Ронанских водах, пожалуй, и делать нечего.

Такого рода намеки безотказно действовали на сквайра, который умел показать свою воспитанность, когда хотел. В конце концов ему удалось умиротворить миледи. Но, сменив гнев на милость, она потребовала, чтобы впредь он в обеспечение своей учтивости приводил сюда свою сестру, иначе она не будет больше доверять ему.

— Миледи, — ответил Моубрей, — Клара чуточку своевольна, и вашей милости придется самой заняться ее приручением. Что бы вы сказали, если бы мы затеяли поездку в мое старое логово? Конечно, в доме холостяка нечего ждать порядка, но Клара сочтет честью...

Леди Пенелопа с радостью приняла предложение устроить пикник и, вполне примирившись с Моубреем, стала расспрашивать, может ли она пригласить и неизвестного художника, «если, разумеется, — добавила леди, оглядываясь на Дайну, — он человек порядочный».

Дайна поспешила уверить леди, что «джентльмен, живущий у Мег Додз, — насквозь джентльмен и, кроме того, прорисованный поэт».

— Прорисованный поэт? Да что ты, Дайна! — воскликнула леди Пенелопа. — Ты, верно, хочешь сказать — «прославленный поэт»?

— С вашего позволения, вы совершенно правы, ваша милость, — ответила Дайна, приседая.

Веселый трепет нетерпеливого возбуждения тотчас охватил всю партию синих чулков; впрочем, для враждебной партии такая новость тоже не была во все безразлична. Первые, то есть синие чулки, принадлежали к тем, кто, подобно юному Асканию, всегда надеется наткнуться на редкостную дичь, хотя чаще им удается вспугнуть всего лишь какую-нибудь скучную личность.¹ Остальные, покинув дома свои обычные дела и интересы, радовались случаю превратить самое обыденное происшествие в событие чрезвычайной важности.

— Прославленный поэт! — говорили принадлежавшие к первому роду. — Кто бы это мог быть?

Перебирали все имена, обследовали всю Великобританию, от холмов Шотландии до озер Камберленда и от Сиднемского луга до Сент-Джеймской площади, и в поисках имени, соответствующего такому сильному эпитету, доходили даже до берегов Босфора.

— Ведь он не только пишет дивные стихи, но и рисует бесподобно! Кто бы это мог быть? — вопрошали они.

А прочие бездельники, за отсутствием собственной догадки, подтягивали хором:

— Кто же, кто же это?

Винный клуб, куда входили самые избранные и самые стойкие приверженцы сквайра Моубрея и баро-

¹ Асканию было одинаково любезно то и другое — «*Optat argum, aut fulvum descendere monte leonem*»,² но современные троянцы гораздо привередливей на охоте, чем был он (*Прим. автора.*)

² Он желал, чтобы с горы спустился кабан или рыжий лев (*лат.*).

нета, джентльмены, коим не под силу отказаться от бутылки кларета, чтобы приберечь ее для завтрашней пирушки, и коим нет никакого дела до вышеупомянутых изящных искусств, — этот Винный клуб тоже ухитрился на свой манер заинтересоваться художником.

— Знаете, баронетик, — говорил сквайр, — это тот самый малый, которого мы с вами видели внизу, у Ивовой заводи, в субботу. Он одет довольно порядочно и забросил двенадцатифутовую леску одной рукой — наживка упала на воду легче пушинки.

— Уф! — словно пес в слишком тесном ошейнике, выдохнул в ответ собеседник.

— Мы еще видели, как он вытащил лосося, — продолжал Моубрей. — Помните, отличная была рыбина, с отметинами на жабрах, весом, пожалуй, фунтов на восемнадцать.

— Шестнадцать, — со всеми признаками удушья проворчал сэр Бинго.

— Вранье, Бинг, — заявил его приятель. — Восемнадцать, а не шестнадцать!

— Нет, шестнадцать, черт побери! — каркнул баронет.

— Поспорим на дюжину бутылок с голубой печатью для всей компании? — предложил сквайр.

— Нет, будь я проклят! — прохрипел баронет. — Только для наших.

— Идет! — промолвил сквайр.

— Идет! — отвечивал баронет, и оба вытащили красные записные книжки.

— Кто же будет судьей в споре? — спросил сквайр. — Сам великий поэт, я полагаю? Его ведь собираются пригласить сюда. Впрочем, наши кривляки ему, наверно, придутся не по нутру.

— Сам напишу ему, Джон Моубрей! — сказал сэр Бинго.

— Это вы-то, баронет? Вы напишете? Черт побери, меня не надуешь! Где вам! — усомнился сквайр.

— Напишу! — прорычал сэр Бинго более членораздельно, чем обычно.

— Да ведь вы не умеете! — заявил Моубрей. — Кроме тех прописей, за которые вас секли в школе, вы во всю свою жизнь не написали ни строчки.

— Умею и напишу! — сказал сэр Бинго. — Два против одного — напишу!

На этом дело остановилось, так как комитет приступил к бурному обсуждению наиболее приличного способа вступить в сношения с таинственным незнакомцем, и мистер Уинтерблоссом своим когда-то звучным, а теперь, на старости лет, весьма пискливым голосом уже взывал к собравшимся: «К порядку! К порядку!» Оба героя вынуждены были умолкнуть и, навалившись локтями на стол, могли лишь кашлем и зевотой выражать свое равнодушие к обсуждаемому предмету. Все прочие спорили так, словно дело шло о жизни и смерти.

— Необходимой подготовкой к приглашению, — высказалась леди Пенелопа Пенфезер, — должен стать визит, который от лица всех нас нанесет художнику кто-нибудь из джентльменов — например, мистер Уинтерблоссом, если он согласится взять на себя этот труд.

Мистер Уинтерблоссом выразил свое полное согласие с мнением миледи: он, конечно, рад был бы представлять общество, собравшееся на Сент-Ронанских водах. Однако, идя к художнику, надо подняться на холм. Миледи известно, что подагра, этот жестокий враг мистера Уинтерблоссоба, только и ждет, как бы напасть на него. Для того чтобы лететь по приказу дам, здесь, наверное, найдутся другие джентльмены, моложе и достойней его — старого Вулкана. Он может указать хотя бы на храброго Марса или красноречивого Меркурия.

Тут мистер Уинтерблоссом отвесил по поклону в сторону капитана Мак-Терка и преподобного Саймона Четтерли. Затем он откинулся на спинку кресла и стал потягивать свой негус с самодовольной усмешкой человека, который тремя изящными фразами отделался от хлопотливого поручения. При этом он, вероятно по рассеянности, сунул в карман рисунок, ко-

торый, обойдя стол, вернулся к председательскому месту, откуда началось его путешествие из рук в руки.

— Шорт побери, сударыня, — сказал капитан Мак-Терк, — я шитал бы шестью подшиниться приказу вашей милости, но, клянусь, я никогда не хожу первый ни к кому, кто до этого не бывал у меня, разве что с вызовом от лица своего приятеля или с чем-нибудь в этом роде.

— Гляньте-ка на нашего знатока, — сказал сквайр баронету. — Он собирается прикарманить рисуночек.

— Ну-ка, Джонни Моубрей, выложи это ему напрямик, — шепнул баронет.

— Благодарю покорно, сэр Бинго, — также шепотом ответил сквайр. — Уинтерблоссом нам под стать, хоть и постарел изрядно. Он не потерпит таких шуток. У него еще сохранилась пара уогденских пистолетов, которые славно служили ему в свое время. В стог сена он попадет не хуже любого из нас. Впрочем, погодите, теперь они взялись за пастора.

В самом деле, гости всем скопом старались уговорить мистера Четтерли нанести визит неведомому гению. Однако, хотя он улыбался и мялся и никак не осмеливался произнести слово «нет», он все-таки смиреннейшим образом попросил разрешения отклонить от себя эту миссию.

Дело в том, сказал он в свое оправдание, что, возвращаясь однажды из сент-ронанского замка через так называемый Старый городок, он остановился у дверей Клейкемского подворья (он произносил это название на английский манер, с открытым «э» вместо первого «е»), в надежде получить стакан сиропа или глоток чего-либо прохладительного. Он даже высказал вслух свое пожелание и довольно громко постучал. Вдруг рама в окошке над дверью взлетела вверх, и, прежде чем он понял, что произойдет, на него хлынул настоящий потоп, промочив его, как он выразился, до нитки. А старая ведьма крикнула изнутри, что если для прохладения ему одного ведра мало, у нее найдется другое. Такое сообщение заставило его отступить со всею поспешностью,

ибо принимать душ повторно он вовсе не был склонен.

Все очень смеялись над несчастным приключением священника, о котором он рассказывал с видимой неохотой, и то лишь потому, что был вынужден привести вескую причину, не позволявшую ему выполнить приказ дам. Но сквайр и баронет веселились гораздо дольше, чем позволяла пристойность. Откинувшись в креслах, засунув руки в карманы и хохоча во все горло, они потешались над ним без всякого стеснения. Сердитый и расстроенный страдалец пытался принять насмешливый вид, но в конце концов лишь вызвал этим еще один взрыв всеобщего веселья.

Мистеру Уинтерблоссому удалось все-таки установить кое-какой порядок. Однако он увидел, что злоключения молодого священника не только насмешили, но и устроили собрание никто не решался отправиться с чрезвычайной миссией во владения королевы Мег, которая, пожалуй, могла пренебречь уважением, подобающим священной особе посла. Тогда решили, что, взамен личного визита, незнакомцу будет послано любезное письмо, которое мистер Уинтерблоссом составит от лица всего общества. Однако Дайна уверила собравшихся — и это усугубляло и без того немалые затруднения, — что никто из прислуги ни за какие деньги не возьмется снести такое письмо: когда назад тому два сезона подобное событие уже имело место, Мег заподозрила за этим приглашением попытку сманить ее жильца и так отделала парня, принесшего письмо, что тот бежал прочь из этой местности и счел себя в безопасности лишь в деревне, находившейся в десяти милях отсюда. Рассказывали, будто он записался потом в рекруты, предпочитая встретиться лицом к лицу с французами, чем возвращаться домой, где ему угрожала немилость Мег Додз.

Общество как раз обсуждало эти новые трудности, когда за дверьми послышались громкие крики. Первым предположением было, что Мег самолично яви-

дась к отелю во всей своей грозной силе, дабы предупредить задуманное вторжение. Но из расспросов выяснилось, что это ее подружка Нелли Троттер, или Нелли Топ-топ, пыталась опрокинуть соединенные силы всей челяди и проложить себе путь наверх, в господские комнаты, с целью востребовать назад, по ее выражению, «картинку матушки Додз».

Сокровище, припрятанное нашим знатоком, затрепетало у него в кармане. Он сунул полкроны в руку Тоби, умоляя его передать монету торговке и уговорить ее отступить. Тоби, прекрасно знакомый с характером Нелли, опустил монету в свой собственный карман и схватил с буфета большой стакан виски. Вооружившись таким образом, он смело предстал перед воительницей, ибо такой груз, как бы решительно бедная Нелли ни была настроена, мог задержать ход ее корабля не хуже рыбы-прилипалы. Применяв свое средство, Тоби сумел отвести грозу, надвигавшуюся на все общество в целом, а на мистера Уинтерблоссома в частности, и в конце концов принес гостям утешительное известие, что Нелли Топ-топ согласилась — после того как она проспится на гумне — передать их послание незнакомцу в Клейкемское подворье Старого городка.

Чтобы придать своим действиям законный характер, мистер Уинтерблоссом сначала внес в протоколы общества запись о полученных им полномочиях, а затем в самых отборных дипломатических выражениях составил свое послание и запечатал его печатью Сент-Ронанских вод, изображавшей что-то вроде нимфы, сидящей рядом с чем-то, что должно было изображать урну.

Обе враждующие партии не хотели полагаться лишь на одно это официальное приглашение. Леди Пенелопа держалась того мнения, что следует найти способ намекнуть незнакомцу — безусловно, одаренному талантом, — что в обществе, куда его приглашают, есть избранные души, которые почитают себя вправе посягнуть на его уединение.

Поэтому ее светлость возложила на изящного мистера Четтерли обязанность сочинить на этот случай

стихи и тонко выразить в них желание общества видеть у себя неведомого художника. Муза оказалась, однако, неблагосклонной к бедному мистеру Четтерли, ибо за полчаса он произвел только две строчки, каковые, списав их с закапанной кляксами рукописи, мы приводим здесь вместе с вариантами, подобно тому, как доктор Джонсон, публикуя перевод «Илиады», принадлежавший перу Александра Попа, печатал также все его помарки и поправки:

Сент-Ронанские нимфы, собравшись на совет,
• (девы)
• (дамы, каких не видел свет)
Младому юноше, кому в стихах и красках равных нег,
• (пастушку)
• (пришельцу)
• на обед,

Поскольку божественная муза явно отказывалась содействовать этому опыту, пришлось сочинить красноречивое послание в прозе, которое и было тайно вручено попечениям Нелли Топ-топ. Выспавшись на гороховой соломе и приступая к снаряжению своей тележки для возвратного пути на берег морской (по дороге к которому Нелли должна была проехать через Старый городок), сие доверенное лицо приняло для передачи еще одно письмо. Оно было написано самим сэром Бинго, как он это и грозился сделать. Баронет взял на себя такой труд в целях разрешения спора, ибо рассудил, что джентльмен, одетый по моде и умеющий с одного маху и с такой точностью закинуть леску в двенадцать футов длиною, может счесть приглашение старого Уинтерблоссом пустой болтовней, как может пренебречь и милостями сентиментального синего чулка и всей ее *côterie*,¹ беседы которой, по мнению сэра Бинго, по вкусу напоминали жидкий чай и ломоть хлеба с маслом. Таким-то образом удачливый мистер Фрэнсис Тиррел, к великому своему изумлению, получил ни много, ни мало сразу три приглашения из Сент-Ронанских вод.

¹ Кликки (франц.).

Глава V

ЭПИСТОЛЯРНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Но можно ль отвечать, не прочитав сперва?

Прайор

Стремясь по мере сил подкрепить все наши важнейшие факты таким же числом подлинных документов, мы после долгих розысков добились возможности представить читателю следующие точные копии писем, вверенных попечению Нелли Топ-топ.

«Мистер Уинтерблоссом из Силверхеда, выполняя указания леди Пенелопы Пенфезер, сэра Бинго и леди Бинкс, мистера и мисс Моубрей (сент-ронанских) и всех остальных особ, обитающих в отеле и в пансионе в Сент-Ронанских водах, выражает от их имени надежду, что джентльмен, остановившийся в Клейкемской гостинице в Старом сент-ронанском городке, окажет им честь своим присутствием в столовом зале, когда ему это заблагорассудится, и будет посещать их в дальнейшем так часто, как ему будет угодно. *Общество*, собравшееся на Сент-Ронанских водах, считает необходимым направить мистеру... настоящее приглашение, так как, согласно местным *правилам*, столовый зал могут посещать только леди и джентльмены, проживающие на Сент-Ронанских водах. Однако все они будут счастливы сделать исключение ради джентльмена, столь преуспевающего в изящных искусствах, как мистер..., пребывающий в Клейкемской гостинице. Если мистер..., ближе ознакомившись с нашим обществом и его правилами, пожелает переселиться на воды, мистер Уинтерблоссом, ни в коей мере, впрочем, не желая связывать себя определенными обещаниями на этот счет, полагает, что, несмотря на чрезвычайный съезд в этом сезоне, мистера... можно будет устроить в меблированных комнатах так называемого Лилипут-холла. Облегчению этого дела весьма способствовало бы, если бы

мистер... соблаговолил прислать точную мерку своего роста, ибо капитан Рэнлтри, проживающий в данное время в Лилипут-холле, видимо, намерен отказаться от складной кровати ввиду того, что ее длина оказалась для него недостаточной. В заключение мистер Уинтерблоссом заверяет мистера..., что он высоко чтит его талант, и просит принять уверения в совершенном личном почтении

Сквайру...

Клейкемская гостиница

Старый городок в Сент-Ронане.

Отель, пансион, меблированные комнаты и т. д. и т. д. в Сент-Ронанских водах».

Вышеприведенное приглашение (мы всегда строго сохраняем орфографию) было написано ровным, круглым канцелярским почерком, который, подобно характеру мистера Уинтерблоссом, был аккуратным и заурядным, хотя и с некоторым жеманным пристрастием к росчеркам и завитушкам.

Другое письмо было полным контрастом к официальному сообщению мистера Уинтерблоссом с его дипломатической важностью и точностью. Академические шутки и цветы классического красноречия молодого священника смешивались здесь с полевыми цветами богатого воображения леди Пенелопы. Вот это письмо:

«Дриады и наяды, слетевшиеся стаей к целебному сент-ронанскому ключу, с изумлением прослышали, что юноша, коего Аполлон в щедрую минуту наделил двумя ценнейшими из своих даров, своевольно бродит по владениям этих нимф, блуждая по рощам и по берегам ручья, но до сих пор еще не явился воздать дань уважения охраняющим их божествам. Поэтому его призывают пред их лицо. Скорое послушание сулит ему прощение, но, в случае упорства, пусть он остерегается снова браться за лиру или палитру.

Постскрипtum: Очаровательная Пенелопа, давно включенная в сонм богинь за свою красоту и добродетели, раздает нектар и амброзию, сливающие у смертных за чай и пирожные, в меблированных комнатах поблизости от священного родника по четвергам в восемь часов вечера. В этот час не отказываются там присутствовать и музы. Незнакомцу предлагается прибыть и принять участие в этих вечерних забавах.

Пост-постскрипtum: Некий пастушок, по своему честолюбию стремясь к удобствам, которых не предоставляет ему занимаемое им узкое ложе, покидает его через день-другой.

«Сомнения нет, внаем его взять можно»

«Как вам это понравится».

Пост-пост-постскрипtum: Ирида в клетчатом плаще, известная у смертных под именем Нелли Топ-топ, принесет нам ответ незнакомца на наш милостивый призыв».

Письмо было написано изящным курсивом и украшено тонкими хвостиками, черточками и усиками, так искусно свитыми, что получались узоры, изображавшие лиры, палитры, вазы и другие символы соответственно смыслу письма.

Третье послание было полной противоположностью первым двум. Почерк был некрасив и неровен, словно у недоучившегося школьника, но, видимо, письмо все же стоило автору таких трудов, как если бы оно являло собой образец самой изощренной каллиграфии. Вот каково было его содержание:

«Сэр,

Джек Моубрей пабился со мной об заклат, что ласось, что вы паймали в прошлую субботу, весит окола васимнатцати фунтов, а я гаворю окола шистнатцати. Вы, гаварят, разбираетесь в рыболовстве, так что мы бирем вас судьей. Вы, надеюсь, придете сами или саапщите про это — уверен, вы скажети по

честь. Мы паспорили на дюжину вина, чтоб угостить всех наших в отеле в панидельник, и мы просим вас придти тоже. Моубрей считает вы придете. Ваш почтенный слуга

Бинго Бинкс из Блок-холла, баронет.

Постскриптум. Пасылаю три витка лески из индийской пеньки и пять черных мушек, что изготавил мой конюх. Надеюсь, они себя оправдают, коли пагода и вода хороши будут».

В течение трех дней ни на одно из приглашений не последовало ответа. И хотя это обстоятельство втайне скорее усиливало, чем ослабляло заинтересованность обитателей Сент-Ронанских вод, оно вызвало в обществе великий гнев против незнакомца, как против человека дурно воспитанного и грубого.

Тем временем Фрэнсис Тиррел, к своему изумлению, начал, подобно иным философам, понимать, что человек менее всего одинок, будучи в одиночестве. Душевное состояние заставляло его искать тишины, однако он мог быть уверен, что во время самой уединенной прогулки ему встретится кто-нибудь из постояльцев отеля, для которых он вдруг стал предметом такой заботы и интереса. Совершенно не догадываясь, что причина, навлекающая эти частые встречи, скрыта в нем самом, он начал подумывать, уж не являются ли леди Пенелопа с ее девами, мистер Уинтерблоссом со своим серым пони и священник в коротком черном сюртуке и панталонах сизого цвета просто многочисленными типографскими оттисками с одних и тех же лиц и не обладают ли они такой быстротой передвижения, что оказываются вездесущими. Он никуда не мог пойти, чтобы не встретить их на прогулке, и притом не один раз на дню. Иногда присутствие нежной Ликориды угадывалось неподалеку по сладкому лепету в тени деревьев, иногда, считая себя в совершенном уединении, Тиррел вдруг слышал хрип флейты — это священник наигрывал «Грамакри Молли», а если ему случалось отправиться на речку,

он не сомневался, что сэр Бинго или его приятели будут подсматривать, как он удит рыбу.

Старания Тиррела избежать этого преследования, а также раздражение, которое он выказывал при встречах, доставили ему среди обитателей отеля славу мизантропа. Он стал предметом всеобщего любопытства, и тот, кому удавалось за очередным обедом дать подробный отчет, где был и чем занимался утром мизантроп, мог рассчитывать на самое глубокое внимание. Нелюдность Тиррела ничуть не отбивала у обитателей отеля охоту искать его общества, а трудность удовлетворения только обостряла упомянутое желание: так рыболов сильнее всего стремится к успеху, закидывая свою удочку на самую хитрую и осторожную форель в заводи.

Короче говоря, любопытство, возбужденное мизантропом в душах жителей Сент-Ронанских вод, было так горячо, что, несмотря на неприятные свойства, о которых говорило это прозвище, нашелся лишь один человек, не мучимый желанием видеть его в отеле, чтобы поближе и не спеша рассмотреть его. Дамам особенно хотелось расспросить незнакомца, действительно ли он мизантроп? Всегда ли он был мизантропом? Что заставило его стать мизантропом? И нет ли какого-нибудь средства излечить его от мизантропии?

Как мы сказали, лишь одна личность не испытывала особого желания завязать более близкое знакомство с мнимым Тимоном клейкемским, и этой личностью был мистер Моубрей сент-ронанский. Через достойного Джона Пернера, по собственному определению — ткача, а на самом деле — известного в Старом городке браконьера, который обычно сопровождал Тиррела для того, чтобы показывать рыбные места на речке, нести мешок и тому подобное, сквайр удостоверялся, что мнение сэра Бинго касательно спорного веса той рыбы было более справедливо, чем его собственное. Это угрожало ему потерей авторитета, не говоря уже об оплате изрядного счета. Последствия могли оказаться даже еще серьезней — могло дойти до полной эмансипации сэра Бинго. До сих пор сэр Бинго был его послушной тенью и сто-

ронником. Уверившись же в превосходстве своего мнения по такому важному пункту и победив в споре, сэр Бинго мог либо совсем перестать считаться со сквайром, либо вообразить, что Моубрей, так долго состоявший центральной планетой кружка, согласится в будущем на роль простого спутника и станет вращаться вокруг него самого, сэра Бинго.

Поэтому Моубрей уповал на то, что строптивое настроение Тиррела затянется и помешает разрешению спора, в то же время втайне испытывая сильную вражду к этому незнакомцу, ставшему (поскольку Тиррелу не удалось поймать лосося хотя бы на фунт тяжелее) причиной неприятного и затруднительного положения, в котором оказался сквайр. И он громко поносил бесхарактерность всех хлопотавших о дружбе с Тиррелом и ссылался на оставленные без внимания письма как на яркий пример его наглости, которая доказывала, что он не джентльмен.

Но хотя обстоятельства говорили против Тиррела и хотя он и в самом деле по нраву своему предпочитал уединение и не испытывал влечения к такому же-манному и суетному обществу, поступки его, с виду столь невежливые, объяснялись весьма легко — он просто не получал этих писем, требовавших ответа.

То ли не желая без рисунка показываться на глаза своей приятельнице Мег Додз, то ли по забывчивости, вызванной двойной порцией спиртного, которым ее угостили на водах, Нелли Топ-топ протарахтела со своей тележкой прямо в милую ее сердцу родную деревню Скейт-роу. Оттуда она переправила письма с первым попавшимся голодранцем, державшим путь в Старый городок, так что в конце концов — правда, с изрядным опозданием — они все-таки дошли до Клейкемской гостиницы и попали в руки мистера Тиррела.

Прибытие этих документов отчасти объяснило ему странное поведение соседей с Сент-Ронанских вод. Уразумев, что они невесть почему вообразили его каким-то дивом, и считая такую репутацию смешной и обременительной для себя, он поспешил написать мистеру Уинтерблоссому записку в стиле, принятом у простых смертных. В ней он сообщал, что запоздал с

ответом, так как поздно получил письмо, и, выразив по этому поводу свое огорчение, заявлял о намерении пообедать на следующий день со всем уважаемым обществом на водах; сожалел, что прочие обстоятельства, состояние здоровья и настроение не позволяют ему в течение его пребывания здесь обедать с ними часто и наконец просил не хлопотать о его переезде на воды, поскольку он вполне доволен тем, как устроен сейчас. В отдельном письме на имя сэра Бинго он написал, что, к своему удовольствию, может удостоверить вес рыбы, так как отметил цифру в своем дневнике («Черт побери, — сказал тут баронет, — неужели этот молодец и денник для коней себе здесь завел?»). Далее Тиррел писал, что хотя решение вопроса может по-настоящему обрадовать лишь одну из сторон, он желает обоим, то есть и победителю и побежденному, весело провести время за вином и сожалел, что лишен возможности участвовать в пирушке. В письмо он вложил листок, где написал, каков был вес рыбы, и скрепил цифру своей подписью. Вооруженный этим свидетельством, сэр Бинго тотчас предъявил свои претензии на вино. Он шумно ликовал по поводу своей правоты, клялся громче и членораздельнее, чем ему когда-либо удавалось, что-де «этот Тиррел, черт побери, вполне порядочный человек», и заявлял, что рассчитывает познакомиться с ним поближе. Приунывший сквайр в глубине души проклинал приезжего на чем свет стоит и, чтобы утихомирить своего приятеля, вынужден был признать свой проигрыш и назначить день для распития заклада.

В гостиных отеля все общество чуть ли не с помощью микроскопа изучало ответ Тиррела мистеру Уинтерблоссому и напрягало всю свою изобретательность, стараясь за самыми банальными выражениями угадать глубокий эзотерический смысл, таинственный и намеренно скрытый от глаз читателя. Мистер Миклем, адвокат, читая письмо, особенно напирал на слово «*обстоятельства*» и старался истолковать его.

— Ах, бедняга! — вывел он свое заключение. — Сидеть за печкой у Мег Додз ему, поди, дешевле, чем тянуться за нашим обществом!

Доктор Квеклебен, словно пастор, выбирающий из библейского текста одно слово, на котором он собирается особенно настаивать в проповеди, твердил вполголоса:

— Состояние здоровья? Хм... состояние здоровья... Не острый припадок, ведь за врачом не посылали... Наверно, что-нибудь хроническое, пожалуй вроде подагры... Потом эта его нелюдимость, блуждающий безумный взгляд, неровная походка... Встретив нечаянно незнакомого человека, он вздрагивает, круто поворачивается и уходит в раздражении... Мистер Уинтерблоссом, будьте добры, велите, чтобы мне показали старые газеты. Очень неудобно, что вы не позволяете проглядывать их.

— Ничего не поделаешь, приходится, доктор, — отозвался председатель. — Никто из нашей компании почти ничего, кроме газет, не читает. Не убрать — так от старых газет давно и клочка не осталось бы.

— Ну, ну, распорядитесь, пожалуйста, — сказал доктор. — Помнится, я видел объявление, что какой-то молодчик сбежал от своих родственников. Мне бы надо перечитать описание его наружности. Где-то в аптеке у меня, кажется, хранится смиренная рубашка.

Такое предположение перепугало мужскую половину общества — никому уже не казался приятным завтрашний обед с джентльменом, состояние духа которого внушало столь мало доверия. Зато барышни помоложе шептались друг другу: «Ах, бедняжка! Даже если доктор прав, то как знать, что довело его до болезни, милая? Он ведь жалуетесь на свое настроение — ах, бедный, бедный!..»

Так в результате хитроумных комментариев, которым обитатели Сент-Ронанских вод подвергли простое письмо, уместившееся на осьмушке листа писчей бумаги, пославший его был лишен состояния, разума и сердца, «всех сразу, по очереди или по частям», как кратко и определенно выражается в своих приговорах закон. Одним словом, так много говорилось за и против мизантропа, столько высказывалось мнений и столько отстаивалось предположений о его

нраве и характере, что когда гости, собираясь приступить к обеду, в урочный час встретились в гостиной, они, кажется, уже не были уверены, как войдет в дверь их новый сотрапезник — шагом или ползком. И когда Тоби громовым голосом объявил: «Мистер Тиррел», то в джентльмене, вошедшем в комнату, они увидели так мало чего-либо из ряда вон выходящего, что на миг были разочарованы. Дамы — те даже усомнились, действительно ли то смешение гениальности, человеконенавистничества, безумия, ума и чувствительности, которое они себе воображали, могло воплотиться в представшем перед ними благовоспитанном и даже элегантном молодом человеке. Хотя он явился одетым просто (что, положим, оправдывалось дальней дорогой, а также свободными правилами общежития, принятыми на Сент-Ронанских водах), но даже в самых мелких подробностях его одежды никто не мог заметить никакой небрежности или беспорядка, какие бывают свойственны облачению отшельника-мизантропа, безразлично — в здравом он уме или вовсе без оногo. Он обошел гостей, приветствуя каждого, и по очереди с их глаз спадала пелена. С удивлением они увидели, что все такие несообразности существовали только в их воображении и зависели от их собственного предвзятого мнения и что каково бы ни было положение в обществе и судьба мистера Тиррела, он, как и подобает джентльмену, держался сдержанно и учтиво. Он поблагодарил мистера Уинтерблоссом за приглашение и сделал это так, что тому понадобилось припомнить всю свою воспитанность, чтобы не отстать от гостя. Затем, не желая оставаться в неловком положении человека, на которого обращено всеобщее внимание, он постарался незаметно смешаться с толпой гостей. При этом он вовсе не напоминал ни сову, которой хочется забиться в чашу, ни увальня, отвыкшего от людей и робеющего в обществе, куда он попал против своей воли, — наоборот, он и тут сохранял вид джентльмена, который умеет оставаться самим собой и в кругу более высоком, чем его собственный. К леди Пенелопе он обратился в стиле романтического послания мистера

Четтерли, о котором ему пришлось упомянуть. Он опасается, сказал он, что должен принести Юноне жалобу на небрежность Ириды, ибо по своей нерасторопности та не вручила ему вовремя некий верховный приказ, на который он не осмелился бы ответить иначе, как безмолвным повиновением, если, разумеется, это приглашение (как могло показаться по содержанию письма) не предназначалось иному, гораздо более одаренному смертному, чем тот, кому доставил его случай.

Леди Пенелопа уверила его собственными устами — а многие молодые дамы сделали то же, пользуясь своими очами, — что никакой ошибки не случилось, что он и есть тот музами одаренный смертный, коего нимфы решили призвать пред свое лицо, и что всем им прекрасно известны его таланты как стихотворца и живописца. Тиррел строго и твердо отвел обвинение в стихотворстве и заявил, что не только никогда не брался сам за это искусство, но и читает-то стихи неохотно, разве что произведения самых первоклассных поэтов, да и то иные — как ему ни страшно вымолвить, — наверно, понравились бы ему больше, будь они написаны смиренной прозой.

— Теперь вам надо отречься еще от умения рисовать, — сказала леди Пенелопа, — и мистера Тиррела придется счесть самым ужасным притворщиком и обманщиком из всей мужской половины рода человеческого, ибо он намерен лишить нас счастливого случая насладиться плодами его несравненных дарований. Будьте уверены, я постараюсь предостеречь против вас моих молодых подружек: у такого притворства, вероятно, есть особая цель.

— А я, — сказал мистер Уинтерблоссом, — могу предъявить преступнику улики.

С этими словами он развернул набросок, похищенный им у Нелли Топ-топ. Он уже подчистил и подклеил его, а в этом искусстве он был выдающимся мастером, выровнял сгибы, залатал протертые места и подправил рисунок не хуже, чем мой старый друг миссис Уир подправила бы какой-нибудь потерпевший от времени шекспировский том первого издания.

— Вот и *corpus delicti*¹ налицо, — ухмыляясь и потирая руки, вставил стряпчий.

— Если вам угодно называть эту пачкотню рисунком, — сказал Тиррел, — то мне придется признаться, что здесь повинен я. Я всегда рисовал для собственного удовольствия, но раз моя хозяйка миссис Додз раскрыла, что я зарабатываю этим себе на пропитание, то зачем мне отказываться от этого листка?

Такое признание, сделанное без малейшего следа неловкости или *retenue*,² видимо, чрезвычайно поразило все общество. Председатель дрогнувшей рукой торопливо запрятал рисунок в портфель, несомненно опасаясь, как бы художник не востребовал его или же не назначил за него платы. Миледи растерялась, как неученая лошадь, которой надо сменить ногу в галопе. Леди Пенелопе теперь приходилось оставить то уважительное и простое обращение, к которому ее принуждала манера Тиррела, и впредь держаться с ним покровительственного тона, как с человеком зависимым. Такой переход не сделаешь в один миг.

— Вот они, «обстоятельства», так я и думал! — пробормотал законник.

А сэр Бинго тихонько сказал на ухо своему другу сквайру:

— Видно, запарился, сбился с ноги и прочь с дорожки! А жаль, славный, поди, был конек, черт его побери!

— Кляча из кляч! — шепнул в ответ Моубрей. — Я его сразу раскусил!

— Спорю и ставлю двадцать пять фунтов, дружище, и сам спрошу его, кем он был прежде.

— Согласен, иду на двадцать пять, но с условием — вы с ним переговорите не позже, чем через десять минут, — сказал сквайр. — Да, впрочем, вы не осмелитесь, Бинги: он глядит строго и, видно, не робкого десятка, при всей его учтивости.

— Идет, — сказал сэр Бинго уже не так самоуверенно и, вероятно, решив действовать осторожно. —

¹ Состав преступления (*лат.*).

² Сдержанности (*франц.*).

У меня наверху есть стопка золотых, а заклады мы передадим Уинтерблоссому.

— Золотых у меня нет, но я выпишу чек на Микелема, — ответил сквайр.

— Надеюсь, не так, как в прошлый раз: я не собираюсь снова оставаться в дураках, Джек, друг мой, вы влопались!

— Сначала выиграйте заклад. Ох, Бинги, я еще увижу, как этот бродячий щеголь проломит вам голову, — ответил Моубрей. — Уж лучше вы сразу сговаривайтесь с капитаном. Ну и попадете вы в переделку! Я могу еще освободить вас, Бинги, от этого пари. Платите мне гинею штрафа, да поспешите, пока я не выписал чек!

— Ну и черт с ним, выписывайте! — сказал сэр Бинго. — Вы проиграли, Джек, могу вас уверить.

Он зашаркал к Тиррелу, поклонился и представился в качестве сэра Бинго Бинкса.

— Имел честь... писать... сэр... — Это все, что протиснулось сквозь его горло, вернее — сквозь туго затянутый шейный платок.

«Проклятый олух! — подумал Моубрей. — Он совсем от рук отобьется, если станет действовать так быстро. И дважды будь проклят этот бродяга, который невесть откуда взялся и невесть почему портит мои дела!»

Пока его друг с вытянутым от таких размышлений лицом стоял, поглядывая на свои карманные часы, сэр Бинго, с инстинктивным приливом тактичности, которую чувство самосохранения пробудило в его не чересчур сообразительной и не чересчур догадливой голове, начал свои расспросы с общих замечаний о рыбной ловле, стрельбе и охоте. Оказалось, что в этой области Тиррел мог похвалиться далеко не поверхностными познаниями. В частности, о рыбной ловле и стрельбе он говорил даже с горячностью, так что сэр Бинго начал проникаться к нему изрядным уважением и почти уверился, что молодой приезжий не мог быть бродячим художником, за которого выдавал себя, и что, во всяком случае, по рождению не был предназначен для этой цели. Поэтому сэр Бинго ре-

шил тут же, без дальних проволочек задать ему свой вопрос:

— Осмелюсь заметить, мистер Тиррел, вы ведь нашего поля ягода... осмелюсь заметить...

— Если вы хотите сказать, сэр Бинго, что я охотник, то вы правы. Я охочусь издавна и довольно искусен в этом деле, — ответил Тиррел.

— Значит, вы раньше этими штуками не занимались?

— О чем вы говорите, сэр Бинго? — сказал Тиррел. — К сожалению, я не понимаю вас.

— Да этими самыми картинками, — сказал сэр Бинго. — Я вам сделаю заказ на целый ворох, если вы ответите мне, честное слово!

— А вас так интересуют мои дела, сэр Бинго? — спросил Тиррел.

— Да нет... разумеется... не так уж... — проговорил сэр Бинго, запинаясь, потому что сухой тон Тиррела пришелся ему далеко не так по вкусу, как пришелся бы бокал сухого хереса. — Только, черт дери, я говорил про вас, что вы свойский парень... и я побился об заклад, что вы не всегда занимались этим ремеслом. Вот и все.

— Спор ведется с мистером Моубреем, я полагаю? — спросил Тиррел.

— Да, с Джеком, — ответил баронет. — Вы попали прямо в точку. Ну что, переспорил я его?

Тиррел нахмурился и посмотрел сначала на мистера Моубрея, потом на баронета и, пораздумав мгновение, обратился к последнему.

— Вы, сэр Бинго, остры в суждении и умеете изящно вести расспросы. Вы совершенно правы — я не готовился с детства к профессии художника и не всегда занимался рисованием, хотя сейчас и занимаюсь им. Вот ответ на ваш вопрос.

— Значит, Джек продулся! — воскликнул баронет в восторге, хлопая себя по ляжке и с торжествующей улыбкой оглядываясь то на сквайра, то на своего судью в споре.

— Погодите-ка минутку, сэр Бинго, — произнес Тиррел, — мне нужно сказать вам еще два слова.

Биться об заклад — дело почтенное. Исконное право и привилегия каждого англичанина — ставить ставки на что ему вздумается и учинять допрос, не разбирая пути, словно он скачет на лихом скакуне по широкому полю. Но я уже дважды своими ответами помогал разрешать ваши споры и этим отдал дань обычаям страны. А потому прошу вас впредь не превращать меня и мои дела в предмет ваших закладов.

«И не стану, будь я проклят!» — решил про себя сэр Бинго. Вслух он пробормотал какие-то извинения и искренне обрадовался, что прозвучавший в это время звонок к обеду предоставил ему законный предлог, волоча ноги, отойти в сторону.

Глава VI

ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА

«И если, сэр, иные толки верны,
С голландцами-то будут шутки скверны.
Австрийцы же » — «Фасоль я обожаю,
И зелени другой ее предпочитаю!»

.....
Здесь веселей гостей не отыскать.

«Ах, вы, мадам, хотите в вист сыграть?»

«Застольная беседа»

Поднявшись, чтобы идти в столовую, леди Пенелопа завладела рукой Тиррела со снисходительной и ласковой улыбкой, которая должна была внушить удостоенному такой чести гостю, насколько велика оказанная ему милость. Однако безрассудный художник не только не проявил никакого смущения при столь незаслуженном внимании, но, по-видимому, счел эту любезность вполне естественной по отношению к человеку, знакомство с которым только что состоялось. Усадив леди Пенелопу во главе стола рядом с председателем и поместившись сам между ее милостью и леди Бинкс, несчастный, очевидно, вовсе не понимал, насколько он тем самым вознесен над своим истинным положением в обществе, и держал

себя так уверенно, словно его посадили на нижнем конце стола рядом с почтенной миссис Блоуэр с Баухед, которая прибыла на Сент-Ронанские воды, чтобы избавиться от последствий обжорства, или, как она предпочитала выражаться, «инфленцы».

Равнодушие Тиррела совершенно спутало карты леди Пенелопы и еще больше подстрекнуло ее желание разгадать его тайну — будь у него эта тайна — и привлечь его на свою сторону. Читатель, если вы бывали на каких-нибудь водах, вы знаете, что хотя их завсегдатаи не всегда слишком учтивы с рядовыми людьми, появление неизвестного красного зверя вызывает у всех чрезвычайное и еле сдерживаемое приличиями любопытство. Амазонки, возглавляющие отдельные партии, словно охотники Буэнос-Айреса, готовят свои лассо и изо всех сил маневрируют, стараясь заарканить ничего не подозревающую диковинку и затащить ее в свой зверинец. Мы можем в нескольких словах разъяснить, почему леди Пенелопа Пенфезер так рьяно занималась этой охотой.

Она была дочерью графа и обладала привлекательной наружностью. Черты ее лица в молодости можно было назвать даже красивыми, хотя теперь они, пожалуй, стали слишком резкими, чтобы мы были вправе утверждать это по-прежнему. Нос заострился, и щеки потеряли свою девическую округлость. Пятнадцать лет она в качестве признанной красавицы правила обществом и задавала тон, но так как жених за этот срок не появился или, во всяком случае, не появился в подходящий момент, ее светлость, сделавшись независимой благодаря наследству после смерти старой тетки, начала восхвалять дружбу, разлюбила проводить летний сезон в городе и стала вздыхать о зеленых полях и лужайках.

К счастью для леди Пенелопы, как раз тогда, когда она переменила таким манером свой образ жизни, ей открылись с помощью доктора Квеклебена целебные свойства Сент-Ронанского источника. Внеся свою долю в устройство этого *utbs in rige*,¹ возникшего

¹ Города в деревне (лат.).

вокруг родника, она, в качестве законодательницы мод, обосновалась в маленькой колонии, которую сама же помогла открыть и заселить. Поэтому миледи справедливо ожидала, что все новоприбывшие в ее земли должны нести ей дань уважения и знаки покорности.

В остальном леди Пенелопа почти ничем не отличалась от многолюдного сословия, к которому принадлежала. По существу, она была женщиной честных правил, но слишком ветреной, чтобы позволить честным правилам стеснять свои прихоти. Поэтому миледи не была чересчур разборчива в друзьях и знакомых. Добродушная, но в то же время капризная и вздорная, она охотно выказывала сердечность и щедрость, покуда это не мешало ее причудам и не грозило особым беспокойством. Она могла объехать с подписным листом хоть весь свет и куда угодно сопровождать какую-нибудь свою молодую приятельницу. Но притом ее ничуть не заботило, что ее ветреная подопечная кокетничает направо и налево. Зато у многочисленного сословия барышень она слыла милейшей дамой. Кроме того, леди Пенелопа много жила в свете, хорошо знала, когда надо вставить слово, и, сославшись на свое незнание, умела избежать опасного спора, сохранив в то же время понимающий вид. Поэтому обычно никто не догадывался о ее глупости, пока она сама не пробовала выказать свой замечательный ум. Последнее время это случалось уже нередко, может быть потому, что, невольно замечая, как часто приходится ей теперь прибегать к ухищрениям туалета, она воображала, будто новый свет, по словам поэта просветил ее разум, пробившись сквозь щели, открывающиеся по вине времени. Однако многие из ее друзей полагали, что добрый дух леди Пенелопы сделал бы лучше, посоветовав ей оставаться в рядах посредственности в качестве светской и воспитанной дамы, а не покровительствовать талантам и не выставять напоказ свои новоявленные претензии в вопросах вкуса. Но миледи придерживалась иного мнения, и ей, несомненно, было виднее.

По другую сторону Тиррела сидела леди Бинкс, в девичестве — прекрасная мисс Бонниригг. На Сент-Ронанских водах помнили, как в прошлом сезоне она отплясывала самые отчаянные шотландские танцы, скакала на самом резвом пони, хохотала громче всех при самой грубой шутке и носила юбки короче, чем любая из нимф источника, заставляя все общество попеременно восхищаться, смеяться и дивиться ей. Мало кто догадывался, что, скрывая свой настоящий характер, она рядилась в своенаравие и безрассудство ради того, чтобы хорошо выйти замуж. Она остановила свой взор на сэре Бинго, а ей были известны его заявления, что-де «его может изловить только самая лихая девчонка» и что в жене нужна «отчаянность», без чего «не бывает хорошего охотника». И вот она добилась своего и стала несчастна. Вся ее буйная веселость была напускной: на самом деле она была вдумчива, честолюбива и способна на глубокое чувство. Особой щепетильностью она не отличалась: открывая свою охоту на сэра Бинго, она знала, что он болван и скотина. Но она не понимала сама себя и не могла предположить, что, став «плотью от плоти его», она будет испытывать такой стыд и гнев, видя, как по глупости своей он делается всеобщим посмешищем и добычей грабителей, и такое отвращение, когда его грубость обратится на нее самое. Правда, он, в общем, был довольно безобидной лошадкой, которую можно было заставить идти довольно сносным аллюром, то крепко взнуздывая и подтягивая повод, то похлопывая и убажывая. Но нерешительность и проволочки супруга, оттягивавшего огласку их тайного брака, так ожесточили ее против него, что теперь она никак не была склонна к мирным действиям. Помощь в заключении брака ей оказала не только шотландская Фемида, обычно снисходительная к ошибкам красавиц: на сцену, не вмешайся тут Гименей, видимо, был готов выступить и Марс. Был где-то *de par le monde*¹ у юной леди брат-офицер и, как выяснилось, как раз в отпуску. В одиннадцать часов вечера,

¹ На свете (франц.).

с крепкой дубовой тростью в руке, он выскочил из наемной кареты у дверей гостиницы Фокса. Ему сопровождал другой джентльмен, как и он сам, в походной треуголке и в мундире с черным воротником. Из вышеупомянутого экипажа вынесли, как сообщил верный Тоби, небольшой дорожный мешок, инструмент работы Андреа Феррары и ящичек красного дерева длиной восемнадцать дюймов, глубиной три и шириной около шести. На следующее утро в неурочно ранний час и при участии капитана Мак-Терка и мистера Моубрея открылись торжественные переговоры — «палаверы», как жители Мадагаскара именуют собрание своих народных представителей. В результате за завтраком все присутствующие были осчастливлены известием, что сэр Бинго уже в течение нескольких недель состоит супругом их общей любимцы, каковой союз, скрываемый до сей поры по семейным обстоятельствам, он теперь может признать во всеуслышание, чтобы наконец лететь на крыльях любви за своей печальной голубкой, которая укрывалась в тени листвы, пока препятствия к их взаимному счастью не были устранены. И хотя все это звучало довольно складно, впоследствии кроткая голубка леди Бинкс не могла вспомнить об этих событиях без чувства глубочайшей обиды и жесточайшего негодования против главного их героя — сэра Бинго.

В довершение всех этих неприятных обстоятельств, семья сэра Бинго не согласилась, чтобы он, идя навстречу желаниям супруги, привез ее в свое родовое поместье. И то, что он стыдился ее и не решался поступить наперекор своим родным, перед неудовольствием которых испытывал ребяческий страх, хотя никогда не следовал ни одному их доброму совету, было еще одним ударом по ее гордости и еще одним поводом для того, чтобы презирать бедного сэра Бинго.

Манеры молодой леди переменились не меньше, чем ее характер: раньше она была чересчур беззаботна и вольна в обращении, теперь стала сдержанна, замкнута и надменна. Сознание, что многие сторонятся ее в обществе, заставляло ее назойливо подчер-

кивать свой титул и во всем видеть недостаток уважения к себе. Полновластно распоряжаясь кошелем сэра Бинго, она не знала ограничений в расходах на платья или новый выезд. Теперь, в противоположность своим девичьим привычкам, она предпочитала богатство и наряды веселью и пыталась роскошью своего обихода привлечь то внимание, ради которого более не старалась быть ни приятной, ни забавной. Тайным источником постоянного унижения была для нее необходимость выражать свою почтительность леди Пенелопе Пенфезер, которую она считала неумной и чьи претензии на значение в обществе, понимание литературы и покровительство художникам и поэтам она видела насквозь и презирала, ибо была достаточно проницательна. Эта вражда оказывалась тем тягостней, что молодая леди Бинкс понимала, насколько поддержка леди Пенелопы нужна ей, чтобы сохранить свое положение в далеко не избранном кругу сент-ронанского общества. Она видела, что, не будь этой поддержки, она может утратить и то, что имеет. Добрые чувства леди Пенелопы к леди Бинкс тоже не были особенно искренни. Она разделяла старинную и естественную нелюбовь незамужних нимф известного возраста к нимфам, делающим блестящие партии у них под носом, и сильно подозревала леди Бинкс в тайной неприязни к себе. Однако та носила громкое имя, да и роскошный образ жизни супруги сэра Бинго делал честь Сент-Ронанским водам. Поэтому обе дамы удовлетворяли свою взаимную вражду тем, что время от времени под маской вежливости отпускали друг другу язвительные словечки.

Такова была леди Бинкс. Однако половина всех барышень на Сент-Ронанских водах завидовала ее нарядам, каретам и прислуге. И, глядя на нее, сидевшую среди них с омраченным досадой красивым лицом (ибо она была хороша собой и прекрасно сложена), они думали только о том, как она гордится тем, что достигла своей цели, и как воображает, что благодаря своему богатству и алмазному обручу на лбу она теперь не ровня всем остальным. Поэтому они покорно терпели ее властное и тираническое обра-

щение, которого отнюдь не смягчали воспоминания о времени, когда в своей прежней роли сорванца-девочки ей приходилось быть предметом их сплетен и ехидства. Леди Бинкс вовсе не собиралась забывать обид, нанесенных юной мисс Бонниригг. А прелестные девицы покорно сносили ее злобу, подобно молодым лейтенантам на корабле, которые терпят брань грубого капитана, клянясь в душе выместить все на своих подчиненных, когда они сами станут капитанами. Так — королевой и мученицей — сидела на своем месте за обеденным столом леди Бинкс и терзалась то от глупых речей своего супруга и повелителя, то от мимоходом сделанного саркастического выпада леди Пенелопы, на который она хотела бы, но не смела ответить.

Время от времени она поглядывала на своего соседа Фрэнсиса Тиррела, но ни разу не обратилась к нему и молча принимала от него разные услуги, к которым обязывала его обычная вежливость. Она отлично заметила, что он говорил с сэром Бинго, и, зная по опыту, с каким видом ее почтенный повелитель отступает после неудачного спора, а также памятуя его умение попадать в такие переделки, она ничуть не сомневалась, что он претерпел от Тиррела какое-то унижение. Поэтому она испытывала к новому гостю смешанное чувство, не зная, благоволить ей к человеку, оскорбившему того, кого она ненавидела, или сердиться на него, так как унижение, перенесенное мужем, естественно задевало и ее. Возможно, были у леди Бинкс и другие мысли. Так или иначе, она посматривала на Тиррела с пристальным, хотя и безмолвным вниманием; он же почти не говорил с ней, будучи вынужден беседовать с леди Пенелопой Пенфезер, совершенно завладевшей им.

Из вежливых, хотя и уклончивых ответов Тиррела на вопросы о том, чем он занимался прежде, ее милости удалось уразуметь лишь, что он много путешествовал по отдаленным областям Европы и даже Азии. Леди несколько растерялась, но не отступила. Поскольку он был здесь человеком новым, она указала ему на некоторых из присутствовавших и лю-

безно предложила представить его, так как знакомство с ними могло быть для него полезно или приятно. Но посередине разговора она вдруг прервала свою речь и спросила:

— Вы не прогневаетесь, мистер Тиррел, если я скажу вам, что уже несколько минут слежу за вами и что я разгадала ваши мысли? Все время, пока я рассказывала вам об этих милых людях, а вы мне отвечали такими учтивыми замечаниями, что они могли бы с полным правом и великой пользой войти в «Домашний разговорник для обучения иностранцев, как изъясняться по-английски в обычных обстоятельствах», вы все время думали только об этом кресле напротив, которое стоит пустое между нашим председателем и сэром Бинго.

— Признаюсь, сударыня, — ответил он, — мне показалось странным, как такое почетное место не занято, хотя за столом гости сидят довольно тесно.

— О, продолжите ваши признания, сэр! Признайтесь, что пустое место — кресло Банко — для поэта привлекательней занятого, даже если бы это кресло занимал какой-нибудь олдермен. А что, если Чернокудная Дама вдруг проскользнула бы к столу и заняла это кресло? Достало бы у вас мужества выдержать ее появление, мистер Тиррел? Уверяю вас, это не так уж невероятно.

— Что невероятно, леди Пенелопа? — удивленно спросил Тиррел.

— Вы уже испугались? Ну, тогда я опасаясь, вы не вынесете роковой встречи!

— Какой встречи? Разве ожидают еще кого-нибудь? — спросил Тиррел и, как ни старался, а все же не мог скрыть любопытства, хотя и подозревал, что все это не более чем мистификация со стороны ее милости.

— Как я рада, что нашла ваше уязвимое место! — воскликнула она. — Ожидают! Разве я сказала: «Ожидают»? Нет, нет, больше никого не ожидают.

Скользя, как ночь, из края в край,
Она своей чарует речью...

Но, впрочем, вы теперь в моей власти, а я проявлю великодушие и все объясню вам. Мы зовем — разумеется, между собою — мисс Клару Моубрей — сестру джентльмена, что сидит рядом с мисс Паркер, — Чернокудрой Дамой, и это место оставлено для нее. Ожидали... — да нет, я опять забыла! — думали, что, может быть, она осчастливит нас сегодня и посетит наш многолюдный и веселый пир. Ее брат — наследственный владетель здешнего замка, и она из любезности принята у нас в качестве почетной гостьи. Ни я, ни леди Бинкс ничуть не возражаем против этого... Она оригинальная девушка, эта Клара Моубрей, она очень забавляет меня, я всегда даже рада встрече с ней.

— Если я правильно понял вашу милость, она сегодня не появится? — спросил Тиррел.

— Пожалуй, сейчас уж поздно даже для нее, — ответила леди Пенелопа. — Обед запоздал на полчаса, и за это время наши бедные больные чуть не поумирали с голоду, как вы можете судить по подвигам, которые они сейчас совершают за обеденным столом. Но Клара — странное создание, и если ей придет в голову явиться сейчас, она сейчас и явится. Она очень склонна к причудам... Многие считают ее красивой, однако, по-моему, она похожа на существо из потустороннего мира и всегда напоминает мне Призрачную Даму из романа Мэтью Льюиса.

И она прочла нараспев:

— Но я прошу лишь об одном —
Ты не откажешь мне
Вручить на память перстень свой,
О рыцарь на коне!

И вы, конечно, помните, что ответил крестоносец:

У дочки из рук взял перстень лорд Брук
И поклялся своей душой,
Что будет она мне навеки жена,
Когда я вернусь домой.

Ведь вы, мистер Тиррел, наверно, и людей рисуете, не только пейзажи? Вы должны сделать для меня набросок — так, просто пустячок. Я считаю, что искусство гораздо свободней в набросках, чем в законченных картинах. Обожаю такие неожиданные вспышки таланта — они подобны молнии, сверкнувшей из туч! Вы мне сделаете набросок для моего будуара, любимой унылой каморки в моем Воздушном замке?.. А Призрачную Даму вы срисуете с Клары Моубрей...

— Это было бы не очень лестно для вашей подруги, миледи, — возразил Тиррел.

— Подруги? Мы не так уж накоротке, хотя Клара мне нравится. У нее лицо совершенно в сентиментальном духе. Помнится, в Лувре — я была там в тысяча восьмисотом году — я видела античную головку, очень похожую на нее. У нее совсем античное лицо и глубоко запавшие глаза... Кто знает, быть может, горести тому виною! Но из какого дивного мрамора изваяны ее черты! Над глазами — дуги черного агата, нос прямой, а рот и подбородок совершенно греческие. Роскошные длинные гладкие черные волосы, и кожа невиданной белизны — белей белейшего пергамента! И ни следа краски в лице, ни следа... Если бы она решилась подбавить самую капельку румянца, она, пожалуй, могла бы сойти за красавицу. Ее и так многие считают красивой, хотя, по правде сказать, мистер Тиррел, женскому лицу необходимы краски: ему необходимы три цвета... Но все-таки в прошлом сезоне она считалась Мельпоменой нашего источника. А леди Бинкс — тогда она не была еще леди Бинкс — называлась у нас Эвфрозиной. Не так ли, дорогая?

— Кто назывался, сударыня? — переспросила леди Бинкс гораздо резче, чем надлежало даме с такой прекрасной наружностью.

— Жалею, что оторвала вас от ваших мечтаний, душечка, — сказала леди Пенелопа. — Я только говорила мистеру Тиррелу, что вы были раньше Эвфрозиной, хотя сейчас и перешли под знамена кавалера Пенсерозо.

— Уж не знаю, кем я была раньше, — ответила леди Бинкс, — знаю только, что сейчас я не мастерица разбираться в остроумии и учености вашей милости.

— Бедняжка! — шепнула Тиррелу леди Пенелопа. — Мы ведаем, кто мы такие, и не ведаем, кем станем. А теперь, мистер Тиррел, я достаточно долго служила вам Сивиллой и объясняла наш Элизиум, и в награду вы должны доверить мне свои тайны.

— Будь у меня тайны, которые могли бы хоть чуть-чуть заинтересовать вашу милость... — возразил Тиррел.

— О, жестокий! — воскликнула леди. — Он не желает понять меня... Говоря простыми словами, мне хочется заглянуть в ваш портфель. Я хочу узнать, что в мире спасли вы от неизбежной гибели, чему доставили бессмертие вашим карандашом. Вам не понять, мистер Тиррел, вам поистине не понять, как я обожаю ваше безмолвное и ясное искусство, которое уступает одной поэзии и равно только музыке или даже превосходит ее.

— У меня не много найдется вещей, достойных внимания такого судьи, как ваша милость, — ответил Тиррел. — Пустяки, вроде того, что вы видели, я подчас оставлял под деревом, в тени которого рисовал.

— Как Орlando разбрасывал свои стихи по Арденнскому лесу? О, безумная расточительность! Вы слышали, мистер Уинтерблоссом? Нам надо ходить вслед за мистером Тиррелом и подбирать, что он роняет по дороге.

Тут речь ее милости перебил хохот, донесшийся со стороны, где сидел сэр Бинкс. Леди покарала его гневным взглядом и выразительно продолжала:

— Мистер Тиррел, вы не должны так поступать! В мире есть законы, дорогой сэр, с которыми и гений должен соразмерять свой полет. Надо поговорить с гравером — впрочем, может быть, вы сами гравируете?

— Я бы это заподозрил, судя по легкости штриха мистера Тиррела, — ухитрился наконец вставить слово мистер Уинтерблоссом.

— Раз уж меня обвиняют в этом грехе такие сведущие судьи, — сказал Тиррел, — я не стану отрицать, что и мне подчас случалось испортить медную дощечку — правда, лишь в виде опыта.

— Ни слова более! — воскликнула леди. — Мое заветное желание исполнилось! Мы давно мечтаем увековечить лучшие из примечательных и романтических уголков нашей маленькой Аркадии. Места, посвященные дружбе, искусствам, любви и нежности, должен обессмертить правдивый резец, который не захочет опорочить славы гравера. Вы, мистер Тиррел, потрудитесь над этой задачей! А мы внесем свою долю в виде примечаний и разъяснений. Мы все окажем вам помощь, но пусть иным из нас будет позволено остаться неизвестными... Вы понимаете, мистер Тиррел, благосклонность фей должна сохраняться в тайне... Вам же будет разрешено совершить набег на наш альбом — там есть милые вещицы, сочиненные мистером Четтерли. Мистер Эджит, принадлежащий к тому же братству, что и вы, окажет вам, я надеюсь, свою помощь, а доктор Квеклебен напишет несколько научных заметок. Что касается подписного листа...

— Вот и финансы! Призываю вашу милость к порядку! — воскликнул стряпчий, прерывая леди Пенелопу с наглой фамильярностью, которая, несомненно, казалась ему самому веселой шуткой.

— Разве я вношу беспорядок? — выпрямляясь в кресле, спросила леди.

— Призываю к порядку! Никакие денежные распоряжения не могут издаваться без согласия распорядительного комитета!

— Но кто же говорил о деньгах, мистер Миклем? — возразила леди Пенелопа. — У этого старого кляузника, — шепнула она Тиррелу, — только и на уме, что его грязные деньги.

— Вы заговорили о подписном листе, миледи, а это тоже деньги — разница лишь во времени уплаты. Подписка является договором *de futuro*¹ с некоторой

¹ На будущее (лат.).

tractus temporis in gremio.¹ Слышал я не раз, как иные почтенные люди, из тех, что живут на наших водах, плакались на подписные листы. Это просто беда, жалуются они, либо от других отставай, либо плати звонкой монетой за книжки с балладами и картинками и за прочую чепуху, что тебе и даром не нужна.

Многие из сидевших на нижнем конце стола поддерживали стряпчего кивками и невнятным гулом голосов. Оратор собрался было говорить дальше, но Тиррел постарался привлечь к себе внимание, пока спор не зашел слишком далеко. Он заверил общество, что ее милость введена в заблуждение своим собственным добросердечием. У него, сказал он, нет готовых произведений, достойных внимания и заботы присутствующих, и поэтому он выражает свою глубочайшую признательность леди Пенелопе за ее доброту, но не в силах выполнить ее приказ. Кое-кто захихикал, ибо ее милость, как лукаво заметил стряпчий, оказалась несколько излишне рьяной в своем стремлении оказать покровительство художнику.

Отложив на время ответные удары, для которых, и в самом деле, не оставалось времени, так как обед давно закончился, леди Пенелопа подала дамам знак покинуть столовую. Джентльмены остались одни, и бутылка пошла вкруговую.

Глава VII

ЧАЕПИТИЕ

...Напиток этот
Всех нас, не опьяняя, веселит.

Каупер

По принятому на Сент-Ронанских водах обычаю одна из дам время от времени устраивала после обеда чаепитие для всего общества. Разумеется, для этого требовалось принадлежать к числу тех, кто по своему

¹ Временной отсрочкой платежа (*лат.*).

положению и роли в этом маленьком кругу был достоин занять на целый вечер место хозяйки. Врученную ей власть леди обыкновенно сохраняла и при переходе гостей в большой зал, где две скрипки, контрабас и *quantum sufficit*¹ сальных свечей (против употребления которых часто негодовала леди Пенелопа) давали обществу возможность закончить вечер, как говорится, «порхая шаловливо на носках».

На этот раз мистер Фрэнсис Тиррел, бывший гвоздем вечера, настолько не оправдал пылких ожиданий леди Пенелопы, что она уже горевала, зачем ей пришлось в голову заняться им, а более всего — зачем она сегодня добивалась права взять на себя роль распорядительницы чаепитием и зря потратилась на отборные китайские чаи. Ее милость, призвав собственную служанку и свою *fille de chambre*,² поручила им готовить чай, а мальчику на побегушках, лакею и кучеру — разносить его, каковые обязанности им помогали исполнять два обшитых позументом и густо напудренных выездных лакея леди Бинкс, чьи ливреи затмили более скромные одеяния челядинцев леди Пенелопы и заставили померкнуть даже блестящие короны у них на пуговицах. Покончив с этими распоряжениями, она стала всячески чернить и честить того, кто столько времени был предметом ее любопытства.

— Этот мистер Тиррел, — заявила она властным и решительным тоном, — по-видимому, совсем заурядная личность, самый обыкновенный человек. Избрав своим жилищем старый постоялый двор, он, пожалуй, понимал свое положение лучше, чем мы, когда приглашали его в отель. Он сам лучше нас знает свое место — ни в его наружности, ни в беседе нет ничего необычайного, вовсе нет ничего, так сказать, *frappant*.³ Не верится даже, чтобы он сам сделал тот набросок! Правда, мистер Уинтерблоссом расхвалил этот рисунок, но ведь всем известно, что любая гравюра и любой рисуночек, как только мистер Уинтерблоссом

¹ Достаточное количество (лат.).

² Горничную (франц.).

³ Поразительного, примечательного (франц.).

ухитрится им завладеть и присоединить их к своей коллекции, становятся в тот же миг вещью невиданной красоты. У коллекционеров всегда так: любой гусь у них превращается в лебедя.

— А лебедь вашей светлости оказался просто гусем, моя дорогая леди Пен, — сказала леди Бинкс.

— Мой лебедь, дорогая леди Бинкс? Понять не могу, чем я заслужила такой подарок.

— Не сердитесь, дорогая леди Пенелопа. Я имею в виду, что недели две, а то и больше, вы только и говорили об этом мистере Тирреле, а за обедом вы только и говорили, что с ним.

Услышав, что в этом коротком диалоге столько раз повторилось слово «дорогая», около них собрались дамы. Это слово сулило приятное развлечение. И, как в подобных случаях водится и у простолюдинов, вокруг бойцов образовался круг.

— Он сидел между нами, леди Бинкс, — с достоинством ответила леди Пенелопа. — У вас ведь по обыкновению болела голова, и, чтобы не посрамить всех нас, я говорила одна.

— И притом за двоих, с позволения вашей милости, — возразила леди Бинкс. — То есть за себя и за меня, — прибавила она, желая смягчить свои слова.

— Сожалею, — сказала леди Пенелопа, — что говорила за милейшую леди Бинкс, которая сама умеет вести беседу в столь изысканном стиле. Во всяком случае, мне и в голову не приходило завладевать разговором. Повторяю, я ошиблась в этом человеке.

— Я тоже думаю, что вы ошиблись, — сказала леди Бинкс, и в голосе ее послышалось не только простое согласие с заявлением леди Пенелопы.

— Сомневаюсь, художник ли он вообще, — заметила леди Пенелопа. — А если художник, тогда он рисует по заказу какого-нибудь журнала, или словаря, или чего-нибудь в этом роде.

— Я тоже сомневаюсь, чтобы он был художником по профессии, — откликнулась леди Бинкс. — А если да, так, верно, он отличный художник, потому что мне редко приходилось встречать такого воспитанного человека.

— Среди художников встречаются очень воспитанные люди, — сказала леди Пенелопа. — Это занятие для джентльмена.

— Разумеется, — ответила леди Бинкс. — Но тем, кто победнее, часто приходится бороться с нуждой и зависимостью. В обычном обществе они оказываются в положении купцов, столкнувшихся со своими покупателями, а это трудная роль. Разные есть люди: одни бывают скромны и сдержанны, потому что сознают свои заслуги; другие говорят дерзости и капризничают, стараясь выказать свою независимость; третьи становятся назойливыми, воображая, что держатся свободно; а иные даже раболепствуют и унижаются, если их натуре свойственна подлость. Но настоящая непринужденность дается им редко. Поэтому я полагаю, что этот мистер Тиррел либо перво-классный художник, уже совершенно не нуждающийся в унизительном для него покровительстве, либо он не художник по профессии.

Леди Пенелопа кинула на леди Бинкс взгляд, очень похожий на взгляд Валаама, который тот кинул на свою ослицу при неожиданно открывшейся у нее способности вступать в спор. Про себя она пробормотала:

— Mon âne parle, et meme il parle bien! ¹

Однако она отклонила ссору, которую, видимо, хотела затеять леди Бинкс, и ответила добродушно:

— Ну, дорогая Рэчел, не будем пререкаться из-за этого человека! Ваше доброе мнение даже немножко поднимает его в моих глазах. Таковы уж мы, женщины, милая моя! Мы можем признаться в этом, пока здесь нет этих самодовольных, жалких созданий мужского пола! Мы еще увидим, что он представляет собою, ему недолго разгуливать перед нами в шапке-невидимке. Вы что-то сказали, Мария?

— Да вот я говорю, дорогая леди Пенелопа, — начала мисс Диггз, чью резвую болтовню мы уже изобразили читателю, — я говорю, что он очень красив,

¹ Осел мой говорит, и даже верно! (франц.).

только у него слишком длинный нос и слишком большой рот. Зато зубы словно жемчуг, а глаза-то! Особенно когда вы с ним разговариваете, миледи. Вы, наверно, не рассмотрели его глаза — они глубокие, и темные, и блистают огнем, как писала та леди о Роберте Бернсе, вы еще читали нам ее письмо...

— Право, мисс, вы делаете успехи, — сказала леди Пенелопа. — Я вижу, надо выбирать, что при вас читаешь или говоришь. Да пожалейте же нас, миссис Джонс, довольно вам бренчать чашками и блюдецками. Кончайте, пожалуйста, эту вашу увертюру, и пусть наконец начнется первый акт чаепития.

— Ваша милость говорит о молитве? — спросила впервые допущенная в это почтенное общество простоватая миссис Блоуэр. Она деловито развернула индийский платок, служивший, вероятно, парусом на грот-мачте одного из люгеров ее мужа, возивших контрабанду, и старательно разложила его на коленях, чтобы уберечь во время чая с пирожными, которым собиралась отдать должное, свое черное шелковое платье с цветами. — Ваша милость говорит о молитве? Вот как раз идет наш священник. Пожалуйста сюда, сэр, ее милость ждет, чтобы вы прочли молитву.

Вслед за священником ковылял и мистер Уинтерблоссом, потому что большой палец на ноге уже успел наемкнуть ему, что пора покинуть столовую. Каждая черточка в лице бедной вдовушки вопила о ее желании приобщиться через председателя к местным законам и обычаям, но хотя мистер Уинтерблоссом понял муки ее любопытства, он презрел их и прошел на другую сторону комнаты.

Минуту спустя она была утешена приходом мистера Квеклебена. Доктор держался того правила, что любой пациент стоит внимания, и по опыту знал, что *гонорария*,¹ которые ему предстоит получать от купчихи с Бау-хед, будут ничуть не меньше, а то и больше, чем вознаграждение от миледи. Поэтому он спокойно уселся рядом с миссис Блоуэр, весьма участ-

¹ Гонорары (лат.).

ливо расспросил ее о здоровье и выразил надежду, что она не забывает принимать по столовой ложке спирту, выпаренного до получения residium¹ и назначенного ей от плохого пищеварения.

— Знаете, доктор, — сказала простодушная женщина, — парила я, парила бренди, и сил моих не хватало смотреть, как добро губится. Потом, когда уж из одной бережливости пришлось мне потушить огонь, я взяла да и выпила с полнаперсточка (хотя нельзя сказать, чтоб я к этому была приучена), и представьте себе, доктор Квеклебен, мне помогло!

— Не сомневаюсь, сударыня, — сказал доктор. — Вообще я не сторонник алкоголя, но бывают случаи... бывают особые случаи, миссис Блоуэр. Мой уважаемый учитель, один из величайших людей нашей профессии, какие когда-либо существовали, ежедневно после обеда принимал внутрь полный стакан старого рому с сахаром.

— Ах, боже мой, вот это был бы приятный доктор! — сказала миссис Блоуэр. — Может статься, он разобрался бы и в моей болезни. А жив он сейчас, как вы думаете, сэр?

— Он умер много лет назад, сударыня, — отвечал доктор, — и, поверьте, мало кто из его учеников достоин сейчас занять его место. Если я и могу, пожалуй, считаться исключением, так только потому, что я всегда был его любимцем. Ах, как я помню его старую красную мантию! Под ней скрывалось больше искусства врачевания, чем под всеми докторскими одеяниями целого нынешнего университета.

— Вот, сэр, слыхала я про одного врача, — сказала миссис Блоуэр. — Его ужас как хвалят в Эдинбурге. Зовут его Мак-Грегор, что ли... Откуда только к нему не съезжаются!

— Я знаю, о ком вы говорите, сударыня. Это человек способный, спору нет, способный. Но бывают такие болезни, как у вас, например, да, пожалуй, как у многих, кто приезжает пить здешнюю воду... Нельзя сказать, чтобы этот доктор хорошо разобрался

¹ Осадок (лат.).

в таких болезнях... Он судит поспешно, чересчур скоро и поспешно. А я — я сначала предоставляю болезни идти своим чередом, а затем изучаю ее, миссис Блоуэр, и выжидаю перемены погоды.

— Вот это верно, — вздохнула вдова. — Мой Джон Блоуэр, бедняга, тоже все ждал перемены погоды.

— К тому же этот доктор заставляет голодать своих больных, миссис Блоуэр. Он голодом принуждает болезнь к сдаче, как солдаты — крепость. Он не считается с тем, что дружественное население страдает от голода не меньше, чем вражеский гарнизон, гм, гм!

Тут он многозначительно кашлянул и затем продолжал:

— Я не являюсь сторонником слишком сильных, крайних средств, миссис Блоуэр. Надо ведь поддерживать человека. Подкрепляющая диета, лекарства, вводимые в разумных дозах, конечно, по совету медика, — таково мое мнение, говоря по дружбе, миссис Блоуэр, а другие пусть морят своих пациентов голодом, если им нравится.

— Мне голодать не подходит, доктор Кикербен, — сказала испуганная вдовушка, — для меня это вовсе не годится! Мне дня не прожить, коли понемножку не поддерживать себя, как того природа требует. Ведь с тех пор, как Джон Блоуэр помер, за мной смотреть некому. Премного благодарна, сэр (это было сказано слуге, разносившему чай), и тебе тоже, голубчик (а это — мальчику, подававшему пирожное). А не кажется ли вам, доктор, — доверительным шепотом продолжала она, — что чай-то у ее милости жидковат... Не знаю, как по-вашему, а по-моему — просто водица. Да и эта миссис Джонс режет пирожное слишком тонко.

— Так уж принято, миссис Блоуэр, — ответил доктор Квеклебен, — а чай у ее милости превосходный. Когда пьешь минеральную воду, то вначале она, случается, отбивает вкус; оттого вы и не чувствуете, как хорош чай. Мы должны поддерживать организм, укрепляя пищеварительную систему... Разрешите-ка, миссис Блоуэр, — вы ведь у нас человек новый, и мы

должны о вас заботиться... У меня есть с собой один эликсир, с помощью которого можно мигом исправить дело.

С этими словами доктор Квеклебен достал из кармана коробку с набором медикаментов.

— Я всегда во всеоружии, — сказал он. — Вот по-настоящему полезная фармакопедия, а все остальное — вздор и надувательство. Имей такой набор весной, а осенью ездí недельки на две, а то и на месяц на Сент-Ронанские воды — и раньше своего срока не помрешь.

С хвастливой миной доктор вынул из своей коробки большой флакон или, скорее, бутылочку, наполненную ярко окрашенной жидкостью, и влил три полных столовых ложки в чашку миссис Блоуэр. Попробовав, та сразу заявила, что и поверить нельзя, до чего вкус чая улучшился и какой он стал приятный и живительный.

— Может быть, доктор, ваше лекарство и мне поможет? — сказал мистер Уинтерблоссом, ковыляя к ним с протянутой чашкой.

— Никак не советую вам принимать его, — сказал доктор Квеклебен, весьма хладнокровно захлопывая коробку. — Ваша болезнь одоматозного характера, и вы лечите ее по-своему. Вы ведь и сами врач не хуже меня, а я не привык вмешиваться в чужую практику.

— Ладно, доктор, — сказал Уинтерблоссом. — Придется мне подождать, пока явится сэръ Бинго: обычно у него с собой охотничья фляга с лекарством, которое, наверно, ничуть не хуже вашего.

— Долго же вам придется дожидаться сэра Бинго, — ответил доктор. — Этот джентльмен предпочитает сидячий образ жизни и уже второй раз заказал себе магнум.

— Неподходящее имя для знатного человека «сэръ Бинго». Как по-вашему, доктор Коклеен? — спросила миссис Блоуэр. — Вот мой Джон Блоуэр, бедняга, случись ему только быть чуточку навеселе, «оказаться против ветра», как он говаривал, так он все пел песенку про пса, что звался Бинго и жил, кажись, у одного фермера.

— Наш Бинго пока еще щенок, сударыня, а если и пес, как бездомный, — сказал Уинтерблоссом и, весьма довольный собственным остроумием, улыбнулся своей неподражаемой улыбкой.

— А то и бешеный — ведь он воды в рот не берет, — вставил мистер Четтерли и тоже мило улыбнулся в восторге, что, так сказать, «перешиб» каламбур председателя.

— Ишь какие они оба шутники, — сказала вдова, — да и сэр Бунги охулки на руку не положит. Беда только, что он так засиживается за бутылкой, а? Джон Блоуэр тоже любил, грешным делом, выпить, бедняга. Бывало, как причалит к миске пунша с подветренной стороны, так его и не оторвать. Однако вот и со стола убирают. Ведь это ужас, доктор, чтобы мы блага земные так и принимали, ни до еды, ни после молитвы не прочитав? Этот мистер Читерлинг, если он на самом деле священник, будет в ответе, что пренебрегает службой господней.

— Да ведь, сударыня, — сказал доктор, — мистер Четтерли едва достиг сана полномочного священника.

— Уполномоченного? Ах, доктор, вы опять, верно, шутите, — вздохнула вдова. — Совсем как мой бедный Джон Блоуэр. Когда я уговаривала его попросить прихожан помянуть в своих молитвах «Красотку Пегги» (судно-то было по мне названо, доктор Китлебен) со всем ее грузом, так он, бывало, отвечал: «Пусть молится за нее, кто решится, — она ведь у меня застрахована, Пегги Брайс!» Весельчак весельчаком, а хоть и любил пошутить, был он все-таки человек положительный, не хуже других капитанов, что снимались с якоря на Литском рейде. После его смерти осталась я одна-одинешенька, ох, нет мне покою ни днем, ни ночью... А на душе, на душе-то как тяжело, доктор! И не могу сказать, чтобы с тех пор, как я живу здесь, мне полегчало, разве что вот сейчас. Уж вы мне все-таки скажите, доктор, сколько я вам должна за этот эликсир? Он мне так сильно помог, да и душу я себе облегчила беседой с вами.

— Что вы, что вы, сударыня, — сказал доктор, увидев, что вдова вытащила кошель из толстой кожи, в каких моряки обычно держат табак, но сейчас до отказа набитый банкнотами. — Что вы, что вы, сударыня! Я ведь не аптекарь, у меня диплом Лейпцигского университета, я настоящий доктор, сударыня. Мой эликсир всегда к вашим услугам, а если вам понадобится совет, я ваш покорный слуга.

— Как я признательна вам за вашу доброту, доктор Киклпин! — сказала вдова, убирая деньги. — А кошель этот служил бедному Джону Блоуэру для табаку, кисетом, как говорится: вот я и ношу его в память мужа. Он был хороший человек и оставил мне всего вдоволь. Да нет добра без худа — быть одинокой женщиной, доктор Китлпин, тяжкая доля...

Доктор Квеклебен подвинул свой стул поближе к вдове и утешения ради повел с нею разговор куда нежнее прежнего и, очевидно, уже не предназначавшийся для слуха остальных гостей.

Одним из главных преимуществ жизни на водах является то, что дела каждого обитателя находятся как бы под особым наблюдением всего общества. Поэтому всякие там ухаживания, *liaisons*¹ и вообще тому подобные отношения, которые, естественно, завязываются среди гостей, доставляют удовольствие не только заинтересованным сторонам, но, вероятно, и наблюдателям, точнее говоря — всему обществу, членами которого в настоящий момент являются названные стороны. Леди Пенелопа, верховная богиня здешних краев, бдительно следившая за всем своим кружком, тотчас заметила, что доктор внезапно углубился в нежную беседу со вдовой и то ли как любезный кавалер, то ли как медик и врач осмелился даже завладеть ее хорошенькой пухлой ручкой.

— Боже мой, — сказала миледи, — что это там за миловидная дама, на которую с таким необыкновенным вниманием поглядывает наш превосходный и ученый доктор?

¹ Связи (франц.).

— Недурна, немолода и наклонна к полноте, — отозвался мистер Уинтерблоссом, — вот все, что я о ней знаю. Особа из торгового мира.

— Это, господин председатель, тяжело груженная колониальными товарами карака под названием «Красотка Пегги Брайс», — сказал священник, — в настоящее время не имеющая хозяина, ибо покойный Джон Блоуэр из Норт Лита спустил шлюпку и отплыл по направлению к Стиксу, не оставив на борту судна команды.

— Доктор, по-видимому, собирается определиться на корабль рулевым, — сказала леди Пенелопа, наводя на парочку свой лорнет.

— Я бы сказал, что ему хочется переименовать «Красотку Пегги» и сменить ее судовой регистр, — заметил мистер Четтерли.

— Тут уж он с нею поквитается, — поддержал Уинтерблоссом. — Она переименовала его шесть раз за пять минут, что я стоял рядом с ними и слушал беседу.

— А что вы думаете об этом, дорогая леди Бинкс? — спросила леди Пенелопа.

— Да, сударыня? — откликнулась леди Бинкс, не расслышав или не поняв вопроса и как бы опоминаясь от своей задумчивости.

— Мне хотелось знать ваше мнение о том, что там происходит, леди Бинкс.

Леди Бинкс повернулась в ту сторону, куда смотрела леди Пенелопа, не скрываясь, как принято в модном свете, оглядела вдову и доктора и затем, медленно опуская руку с лорнетом, безразлично произнесла:

— Я, право, не вижу там ничего такого, о чем стоило бы раздумывать.

— Чудесно, наверное, быть замужем, — сказала леди Пенелопа. — Душа, очевидно, так переполнена собственным счастьем, что не остается ни времени, ни охоты веселиться, как все прочие. Мисс Рэчел Бонниригг смеялась бы до упаду над тем, что оставляет совершенно равнодушной леди Бинкс. Замужество,

вероятно, приносит такое блаженство, что больше уже ничего не нужно.

— Тот, кому удастся по-настоящему убедить в этом вашу милость, будет счастливым человеком, — вставил мистер Уинтерблоссом.

— Как знать, может быть, найдет и на меня такая причуда — ответила леди. — Впрочем, нет, нет, нет, трижды нет!

— Скажите еще шестнадцать «нет», — сказал любезный председатель, — и пусть все эти отказы станут одним согласием.

— Если я повторю «нет» тысячу раз, все равно ни одному кудеснику не сделать из этой кучи и одного «да», — заявила ее милость. — Вспомним королеву Бесс! Она показала всем нам, как надо беречь власть, раз она тебе досталась. Что там за шум?

— Просто обыкновенная послеобеденная ссора, — объявил священник. — Я слышу, как наш неразговорчивый капитан призывает спорщиков утихомириться, пугая дьяволом и дамами.

— Знаете, дорогая леди Бинкс, все это совсем неплохо со стороны вашего супруга и повелителя, а также со стороны Моубрея, который мог бы вести себя поумней; да и со стороны всех прочих тоже. Они каждый вечер ссорятся и только волнуют нас, размахивая друг у друга перед носом пистолетами, словно раздраженные охотники, которых дождливая погода задержала дома двенадцатого августа. Мне уж наскучил этот миротворец: едва он притушит ссору в одном месте, глядишь — она вспыхнула в другом. Как вы считаете, душенька, может быть, нам издать приказ, чтобы следующую ссору, которая возникнет, они уже *bona fide*¹ довели до поединка? Мы отправимся вместе с ними в качестве зрителей и разделимся на партии. А если дело кончится похоронами, так мы и на них явимся в полном составе. Черное ведь всем к лицу, не так ли, дорогая леди Бинкс? Взгляните-ка на глубокий траур вдовушки Блоуэр — вы ей не завидуете, душенька?

¹ Достойным образом (лат.).

Леди Бинкс едва было не ответила резкостью на речь леди Пенелопы, но сдержалась, сочтя, вероятно, неблагоразумным идти на открытый разрыв с миледи. В тот же миг двери гостиной распахнулись, и появилась молодая дама в амазонке и с черной вуалью на шляпе.

— О ангелы и силы небесные! — воскликнула леди Пенелопа с трагическим жестом. — Дорогая Клара, почему вы так поздно? И почему в таком костюме? Пройдите в мои комнаты, горничная выберет вам что-нибудь из моих платьев — мы ведь одного роста. Идите же, прошу вас, по крайней мере я потом буду чваниться каким-нибудь своим туалетом, если разок увижу его на вас!

Все это было сказано с выражением самой горячей дружбы, какая только бывает между женщинами. Прекрасная хозяйка тут же наградила мисс Моубрей нежным поцелуем, которыми дамы — благослови их господа! — любят с ненужной щедростью осыпать друг друга к великому неудовольствию и зависти присутствующих мужчин.

— Вы дрожите, дорогая Клара, вы вся горите? Ну конечно, у вас жар, — с нежным беспокойством продолжала леди Пенелопа. — Послушайте меня, вам надо лечь в постель.

— Право, вы ошибаетесь, леди Пенелопа, — отвечала мисс Моубрей, видимо, ничуть не удивляясь преувеличенной ласковости леди Пенелопы. — Мой пони шел резвой рысью, мне стало жарко — вот вам и разгадка. Налейте мне чашку чая, миссис Джонс, и дело с концом.

— Свежего чаю, Джонс, да поскорее, — сказала леди Пенелопа, увлекая свою равнодушную приятельницу к себе в уголок, как ей угодно было называть конец гостиной, где находилась ее резиденция. Дамы приседали, когда они проходили мимо, джентльмены кланялись, но новая гостья отвечала им не более любезно, чем того требовала простая учтивость.

Леди Бинкс не поднялась навстречу ей: выпрямившись в своем кресле, она лишь принужденно кивнула головой. Мисс Моубрей ответила на ее приветствие

столь же гордо, и они не обменялись ни одним словом.

— Кто она такая, доктор? — спросила вдова Блоуэр. — Помните, вы мне обещали рассказать все про здешнюю знать. Почему леди Пенелопа за ней так ухаживает? И отчего эта дама явилась в амазонке и фетровой шляпе, когда все мы (тут она оглядела самое себя) в шелках и атласе?

— Кто она такая, миссис Блоуэр, мне сообщить вам нетрудно, — ответил обязательный доктор. — Это мисс Клара Моубрей, сестра владельца замка, того джентльмена в зеленом сюртуке со стрелой на пелерине. Но зачем она надевает костюм для верховой езды или почему она делает еще что-нибудь — не под силу выяснить докторскому искусству. По правде сказать, я думаю, что она немножко... самую малость... так сказать, тронута. Называйте это нервами, или ипохондрией, или как хотите.

— Господи помилуй, вот бедняжка! — с состраданием воскликнула вдова. — И в самом деле, похоже на то. Но ведь нельзя же давать ей разгуливать на свободе, доктор, ведь она может сама изувечиться или другого изувечить. Смотрите-ка, она берется за нож! Ах, она просто хочет отрезать себе ломтик булки, не дожидаясь, чтобы ей услужили эти пудренные лакейские мартышки. Пожалуй, доктор, это разумно, ведь она может отрезать себе кусок, какой ей надо — толстый или тонкий. Ох, господи, да она взяла самую крошечку! Такой кусочек можно просунуть канарейке в клетку между прутьями. Лучше бы она подняла свою длинную вуаль и сменила бы юбку для верховой езды. В самом деле, ей надо растолковать, как вести себя по правилам, доктор Киклшин.

— Какие бы правила мы ни вводили, она на них не посмотрит, миссис Блоуэр, — сказал доктор. — По соизволению брата и по капризу леди Пенелопы, которая решила потакать Кларе Моубрей, ей все сходит с рук. А им следовало бы подумать о ее поведении.

— Ох, пора, пора подумать! Разве годится такой молодой девушке врываться к нарядным дамам,

словно прискакав прямо с Литских песков? А как миледи с ней носится! Они, право, друг друга стоят.

— Пожалуй, что и так, — сказал доктор Квекленбен. — Одна ничуть не лучше другой. О леди Пенелопе-то, впрочем, было кому хорошенько подумать. Мой покойный друг, граф Фезерхед, был человек рассудительный и руководил семьей по всем правилам медицины. От минеральной воды или от моего ухода, а только здоровье леди Пенелопы отличное, и оно тут ни при чем: просто она капризница, и характер у нее вздорный — вот и все. При ее титуле и богатстве это позволительно. Однако другой способ лечения мог бы довести ее до беды.

— Да, да, ей друзей не занимать стать, — согласилась вдова. — Ну, а эта девочка Моубрей? Бедняжка! Почему так вышло, что о ней никто не позаботится?

— Мать ее умерла, отец же ни о чем другом не думал, кроме своих забав, — ответил доктор. — Брат ее воспитывался в Англии, а если бы жил тут, так тоже заботился бы только о своем благе. Воспитание она получила из собственных рук, книги читала те, что находила в библиотеке, набитой старыми рыцарскими романами, общество у нее было случайное, друзья — кто попало. При ней не было наконец домашнего врача — поблизости не было даже порядочного лекаря. Нечего и удивляться, что бедная девочка выросла такой странной.

— Ах, бедняжка! Выросла без доктора! Даже без лекаря! — воскликнула вдова. — Но знаете, доктор, может быть она, бедненькая, всегда была здорова и поэтому не нуждалась...

— Ха-ха-ха, сударыня, это значит лишь, что она нуждалась во враче гораздо больше, чем если бы была болезненной. Искусный врач знает, как умерить крепкое здоровье, миссис Блоуэр. Здоровье — чрезвычайно тревожный признак, если подходить к организму *secundum artem*.¹ Внезапная смерть приключается чаще всего, когда люди находятся в добром

¹ Согласно науке (лат.).

здоровье. Ох, состояние полного здоровья — вот в чем главная опасность для пациента, на взгляд врача!

— Так, так, доктор! Я-то прекрасно понимаю, как важно иметь подле себя человека искусного, — сказала вдова.

Доктору так захотелось уверить миссис Блоуэр в том, насколько для нее опасно одно только предположение, будто ей можно жить и дышать без разрешения врача, что тут его голос перешел в нежный умоляющий шепот, и сообщивший нам эти строки наблюдатель уж не мог дальше разобрать ни звука. Речь доктора, как это случается подчас с великими ораторами, «не была слышна на галерее».

Тем временем леди Пенелопа продолжала осыпать Клору Моубрей своими ласками. Любила ли миледи в глубине души молодую девушку — утверждать довольно трудно. Так ребенок, наверно, любит свою игрушку. Но Клара не всегда оказывалась послушной игрушкой и в своем роде была так же капризна, как ее светлость. Однако причуды бедной Клары бывали причудами на самом деле, а ее светлость свои большей частью выдумывала. Не соглашаясь с резкими суждениями доктора относительно Клары, надо все же признаться, что ее настроение действительно отличалось неустойчивостью и случайные порывы легкомыслия сменялись у нее долгими промежутками печали. К тому же светскому обществу ее легкомыслие казалось гораздо большим, чем было на самом деле. Ей никогда не приходилось испытывать сдерживающего влияния подлинно хорошего общества, и она несправедливо презирала то, с которым ей по временам приходилось сталкиваться. К несчастью, некому было внушить ей ту важную истину, что иные формы и ограничения нужно соблюдать не столько для других, сколько ради нас самих. Поэтому она одевалась, вела себя и судила по-своему, и хотя ее наряды, манеры и мнения удивительно шли ей, они, как венки Офелии и обрывки ее странных песен, должны были по сути дела вызывать сострадание и грустные чувства, а не только забавлять окружающих.

— А почему вы не приехали к обеду? Мы ожидали вас, ваш трон был приготовлен.

— Я не приехала бы и к чаю, будь моя воля. — ответила мисс Моубрей. — Но брат говорит, что вы, ваша милость, собираетесь посетить Шоуз-касл. Желая утвердить вас в этом приятном намерении, он считал совершенно необходимым, чтобы я приехала и сказала: «Пожалуйста, приезжайте, леди Пенелопа». И вот я явилась и говорю: «Приезжайте, пожалуйста!»

— Неужели ваше лестное приглашение относится только ко мне, моя дорогая Клара? Леди Бинкс будет обижена.

— Привозите и леди Бинкс, если она захочет сделать нам честь (тут обе обменялись принужденным поклоном), привозите мистера Спрингблоссом, то бишь Уинтерблоссом,¹ везите всех здешних львов и львиц — у нас на всю коллекцию хватит места. Братец, кажется, приведет весь свой медвежий батальон. Обезьяны, без которых не обходится ни один караван, дополнят зверинец. Как вас будут угощать в Шоуз-касле — слава богу, дело не мое: это уж забота Джона.

— Нам не требуется угощения по всем правилам, душенька, мы удовольствуемся простым *déjeuner à la fourchette*.² Мы знаем, Клара, вам легче скончаться, чем выступать хозяйкой на званом обеде.

— Ничего подобного: я буду жить долго, составлю завешание и всякие званые обеды оставляю в наследство дьяволу, который их придумал.

Супруге баронета, которая сама ходила раньше в кокетках и сорванцах, а сейчас играла роль строгой дамы, развязность молодой девушки пришлась не по нраву, и она громко объявила:

— Мисс Моубрей высказывается в пользу

Шампанского с цыпленком на закуску.

— Предпочитаю цыпленка без шампанского, с вашего разрешения, — ответила мисс Моубрей. — Мне

¹ Спрингблоссом — по-английски «весенний цвет», уинтерблоссом — «зимний цвет».

² Завтраком на скорую руку (франц.).

известно, что иным дамам приходится дорого расплачиваться за свое жёлание всегда иметь шампанское к обеду. Кстати, леди Пенелопа, вам не удастся держать ваш зверинец в такой строгости, как Барбоса с Полканом. Проходя их помещение в нижнем этаже, я слышала, как они там ворчали и грызлись.

— Это час кормления, душенька, — сказала леди Пенелопа, — а все животные низших видов в это время склонны к драке. Вы видите, мы наших ручных и ученых зверей не держим под замком, и они ведут себя хорошо.

— О да — в присутствии укротительницы, разумеется. Ну, придется мне рискнуть и снова пройти через холл, несмотря на этот рык и ворчанье. Мне бы, как принцу в сказке, иметь про запас бараньи окорока, чтобы швырять их вашему зверью, если оно на меня кинется. Помните, жил-был принц, который хотел добыть воды из Львиного источника? Впрочем, я лучше пройду другим ходом, не встречаясь с ними. Недаром честный ткач Основа говорит:

Когда б, как львы, они пришли сюда,
То их самих настигла бы беда.

— Проводить мне вас, дорогая? — спросила леди Пенелопа.

— Не надо, у меня и самой духу хватит пройти через холл: ведь любые из них сходны со львами только шкурой.

— Но почему вы уходите так рано, Клара?

— Да ведь поручение исполнено — я пригласила вас и всех ваших, не так ли? Сам лорд Честерфилд признал бы, что я выполнила все требования вежливости.

— Но вы и слова ни с кем не молвили! Нельзя же быть такой нелюбезной, моя дорогая, — сказала леди Пенелопа.

— Обращаясь к вам и леди Бинкс, я обращалась и ко всем остальным. Впрочем, я буду пайнкой и сделаю как мне велят.

Тут она оглядела собрание и с преувеличенной любезностью и учтивостью, едва скрывавшими пре-

зрение, сказала по несколько слов каждому из гостей:

— Мистер Уинтерблоссом, надеюсь, что подагра немного отпустила вас? Мистер Роберт Раймер (слава богу, я удержалась и не назвала его Томасом!), надеюсь, публика оказывает музам покровительство? Ваш карандаш, мистер Килевин, наверное, по-прежнему трудится без отдыха? Мистер Четтерли, паства ваша, несомненно, все совершенствуется? Доктор Квеклебен, я надеюсь, ваши пациенты выздоравливают? Вот и все, кого я знаю в этом уважаемом обществе. Прочим — кто болен — желаю доброго здоровья, а кто здоров — веселья!

— Неужели вы в самом деле покидаете нас, душенька? — сказала леди Пенелопа. — Так носить верхом вредно для ваших нервов, право же, вредно. Вам следует беречь себя. Не поговорить ли мне с Квеклебеном?

— Не надо мне ни лекарей, ни знахарей, моя дорогая. Зачем вы подмигиваете леди Бинкс? Зряшные намеки, со мной ничего такого нет, уверяю вас. Я не хочу, чтобы на Сент-Ронанских водах меня все жалели и все мне дивились, как леди Клементине. Не хочу я быть и Офелией, хоть и повторю вслед за ней: «Доброй ночи, сударыни; доброй ночи вам, милые дамы!» Теперь же... нет, нет, я не скажу: «Подайте мне карету!», а только — «Коня, коня!»

С этими словами она выскользнула из комнаты через боковую дверь, предоставив дамам обмениваться понимающими взглядами и многозначительно покачивать головами.

— Бедная девушка чем-то встревожена, — сказала леди Пенелопа, — такой странной я вижу ее в первый раз.

— Что до меня, — сказала леди Бинкс — я думаю, что, как говорит в комедии миссис Хаймор, напрасно она старается свою дерзость выдать за безумие.

— Нехорошо, милая леди Бинкс! — упрекнула ее леди Пенелопа. — Пожалейте мою любимицу. Уж

кому-кому, а вам-то следует быть снисходительней к милым эксцентрическим выходкам. Простите меня, душенька, но должна же я защитить отсутствующую подружку. Ведь я уверена, что у леди Бинкс хватит великодушия и искренности, и она не станет

Уловки осуждать, что помогли возвыситься самой,

— Не знаю, о каком возвышении вы говорите, миледи, — возразила леди Бинкс, — и поэтому не пойму, какие я должна была применять уловки для достижения его. По-моему, нет ничего особенно странного в том, что леди из старинной шотландской семьи выходит замуж за английского баронета.

— Конечно нет, но знаете ли, чего только на свете не считают странным, — кольнула ее леди Пенелопа.

— Если вам завиден мой бедный чудак, сэр Бинго, я помогу вам раздобыть себе такого же, милая.

— Ничуть не сомневаюсь в вашей сноровке, дорогая, но уж если мне понадобится, я и сама раздобуду себе такого. Ну вот наконец и все эти чудачки!.. Джолиф, предложите джентльменам чаю, а потом приготовьте здесь все для танцев и расставьте столы для карт в соседней комнате.

Глава VIII

ПОСЛЕ ОБЕДА

Берут стаканы, пьют и вскоре
От дружбы переходят к ссоре.

Прайор

Если читателю доводилось присматриваться к нравам собачьего племени, он, наверно, заметил, что ссоры женского пола у них сильно отличаются от ссор мужского. Особы, принадлежащие к первому роду, задиристы и обидчивы, а свое раздражение, неприязнь и ревность, возникающие в присутствии соперниц, склонны выражать внезапным лаем и стре-

мительным нападением, которое производится по возможности врасплох. Однако эти взрывы озлобления не ведут к очень глубоким и затяжным столкновениям — схватка начинается и заканчивается в один миг. Не такова вражда среди мужественных псов. Раз возникнув и подогреваемая оскорбительным и вызывающим рычанием с обеих сторон, она непременно приводит к яростному и упорному поединку. Если эти brave псы равны по силе, то они, катаясь по загону, будут долго рвать, грызть и душить друг друга. Чтобы разъединить бойцов, нужно притушить их ярость ведром холодной воды либо изо всех сил тянуть за ошейники, и, только почти задохнувшись, они разжимают пасти.

Это грубое сравнение, взятое из жизни собак, все-таки вполне приложимо к людям. Пока дамы, как только что описывалось, занимались за чайным столом перестрелками и перепалками, у джентльменов, оставшихся в столовой, уже не раз назревали более серьезные столкновения.

Мы говорили, какие веские причины заставляли мистера Моубрея отнестись с враждебным предубеждением к молодому человеку, приглашенному к обеду с общего согласия. Этого предубеждения отнюдь не уменьшило поведение Тиррела, который хоть и был хорошо воспитан, но держался со всеми на равной ноге, что сент-ронанскому лэрду казалось чрезмерной самонадеянностью.

Что касается сэра Бинго, то в нем уже росла настоящая ненависть, какую человек низкой души всегда испытывает к противнику, перед которым ему случилось однажды позорно отступить. Он не забыл, как Тиррел пресек его непрошеную назойливость, он не забыл его взгляда и тона при этом. И хотя в то мгновение сэр Бинго смолчал, в сердце его засела обида, требовавшая отмщения. За вином в нем стала пробуждаться храбрость, отсутствие которой в более трезвые минуты оказывало сдерживающее влияние на его драчливый характер. Эта храбрость быстро распалила его злобу, и он уже несколько раз, выдавая свое раздражение, затевал споры с Тиррелом без

всякой причины, и притом более резко, чем то дозволяло их столь недавнее знакомство. Тиррел замечал его враждебность, но обращал на его слова столько же внимания, сколько вызвали бы в нем выходки великовозрастного школьника, которому не стоит отвечать, хотя бы его глупость и заслуживала того.

Один раз внешним поводом для грубой выходки баронета, носившей совсем ребяческий характер, послужило следующее. Разговор коснулся охоты, то есть одной из самых волнующих тем для молодых шотландских помещиков, и Тиррел упомянул своего любимого сеттера, собаку редкой красоты, которую он не взял с собой, но которую ему должны были привезти на следующей неделе.

— Сеттер! — насмешливо заметил сэр Бинго. — Вы, наверно, хотели сказать — пойнтер.

— Нет, сэр, — возразил Тиррел. — Мне отлично известна разница между сеттером и пойнтером, и я знаю, что старомодный сеттер нынче не в чести у охотников. Но я люблю свою собаку как друга и ценю ее охотничьи качества. Сеттер к тому же понятливей, привязчивей, и с ним лучше коротать вечера у камина, чем с пойнтером. Этому причиной, — добавил он, — вовсе не недостаток у него сообразительности. Но грубые псары и конюхи обыкновенно так плохо обращаются с пойнтерами, пока те находятся в их ведении, что псы теряют все, кроме своих охотничьих навыков, и пойнтер в конце концов только и умеет, что находить дичь и делать стойку.

— А кому нужно, чтобы он годился на что-нибудь еще? — спросил сэр Бинго.

— Многие, сэр Бинго, придерживаются того мнения, — ответил Тиррел, — что и собаки и люди, которые хороши на охоте, могут подчас пригодиться и для дружеского общения.

— То есть для того, чтобы вылизывать тарелки и скрести кастрюли, вероятно, — пробормотал сэр Бинго sotto voce¹ и прибавил несколько громче и членораз-

¹ Тихим голосом, в сторону (итал.).

раздельнее: — Никогда не слыхивал, чтобы с сеттером охотился кто-нибудь, кроме браконьеров.

— Теперь это вам известно, сэр Бинго, — ответил Тиррел, — и, надеюсь, вы не впадете снова в такую грубую ошибку.

Тут блюститель мира и порядка счел свое вмешательство необходимым и, преодолев привычную молчаливость, произнес следующую содержательную речь:

— Шорт побери! А по-моему, коли вы хотите знать мое мнение, здесь и спорить не о чем. Потому что — шорт побери! — мне кажется, знаете ли, вы оба правы, шорт побери! Хорошо моему другу, уважаемому сэру Бинго, имея конюшни для лошадей и конуры для псов и все такое, держать полдюжины грязных псов, что визжат и воют весь день и всю ночь у меня под окном, шорт побери! Они там визжат и воют, а я — шорт побери! — предпочел бы, чтобы они визжали и были где-нибудь в другом месте. На свете немало людей, по сути дела настоящих джентльменов, которые ничуть не хуже моего уважаемого друга сэра Бинго, только они, может быть, бедны. А если человек беден — будь это я, например, или этот достойный джентльмен мистер Тиррел, ведь нет такого правила или закона, чтобы ему не держать пса для охоты или своего удовольствия? И если нет у него конюшни или конуры, чтобы дергать там свою животину, так разве он не может дергать ее у себя в спальне или на подстилке у камина, поскольку матушка Додз к себе на кухню их ни за что не пустит? Так что, если мистер Тиррел считает, что ему для этого сеттер подходит больше пойнтера, то, шорт побери, по-моему против этого нет закона, умереть мне на этом месте!

Если читателю эта речь покажется слишком странной для такого случая, пусть он припомнит, что капитану Мак-Терку приходилось, вероятно, переводить ее с перифрастического языка Оссиана, на каком она первоначально возникла в его мозгу.

Мужу мира и порядка отвечал муж закона:

— Ну, на этот раз вы ошиблись, капитан! Против сеттеров есть закон. Я берусь доказать, что они-то и есть те «бrehливые собаки», о которых говорится в одном старинном шотландском статуте и которых за-прещается укрывать у себя под страхом...

Тут капитан принял важный вид и прервал его весьма строго:

— Шорт побери, мистер Миклем, я хотел бы знать, что вы имеете в виду, заявляя мне, будто я ошибаюсь, сэр, и упоминая о «бrehливых собаках»? Вам следует понять, и запомнить, и твердо усвоить, что я ни разу в жизни не ошибался, разве что принимая вас за джентльмена, сэр.

— Не имел намерения оскорбить вас, капитан! Да и ваше дело блюсти порядок, а не заводить ссоры, — сказал муж закона и тихонько зашептал на ухо своему патрону:

— Он сварлив, словно старый шотландский терьер, что кидается на всякого, кто ни подойдет. Но вот что я скажу вам, Сент-Ронан: честное слово, по-моему это тот самый мальчишка Тирл, против которого еще во времена вашего отца я поднимал дело за то, что они — с ним был еще один висельник — охотились на Спрингвелхедской пустоши.

— Верно, верно, Мик, — так же шепотом ответил ему лэрд. — Теперь благодаря вам мне становится понятно, почему он все время так не нравился мне. Я чувствовал, что это какой-то проходимец. Ну, я выведу его на чистую воду, попомните мое слово!

— Тише, тише, погодите, Сент-Ронан! Помалкивайте пока. Ведь я возбудил процесс по желанию вашего батюшки перед сессией суда, но только старый помощник шерифа оказался на стороне этого мальчишки, и некоторые судьи посчитали, что парни нечаянно забрели на пустошь. Поэтому добиться решения в нашу пользу не удалось. У вашего отца тогда разыгралась подагра, а мне не хотелось тревожить его. Я боялся, как бы их не оправдали вчистую, и предпочел отложить разбор дела. Так что, Сент-Ронан, тут вам лучше действовать осторожно — в суд-то их вызывали, да ведь не осудили же.

— А нельзя ли снова поднять дело? — спросил мистер Моубрей.

— Фью! Нет, теперь пиши пропало; уж лет шесть-семь, как оно прекращено за давностью. Да, Сент-Ронан, это просто позор, что применение законов об охоте, которые остаются последней защитой помещиков от посягательств низшей братии, ограничено такими короткими сроками. Браконьер может себе сказать взад-вперед, словно блоха под одеялом, — прошу прощения, сэр, — да носиться сорокой из одного графства в другое, как ему заблагорассудится, и если вы не поспеете придавить его в тот же миг, так кушайте на здоровье одни отмены и давности.

— В самом деле, позор, — громко сказал Моубрей, отворачиваясь от своего агента и наперсника и обращаясь ко всему обществу, но при этом в упор глядя на Тиррела.

— Позор, сэр? — переспросил Тиррел, почувствовав, что замечание относится именно к нему.

— Позор, что на наших угодьях развелось столько браконьеров и бродяг, сэр, — ответил сент-ронанский лэрд. — Я даже сожалею, что разрешил строить поселок у источника, как только вспомню, сколько из-за этого бродяг с ружьем за плечами является в мои владения.

— Да что вы, Сент-Ронан! — вскричал муж закона. — Не разрешить строить поселок у источника! Да на что была бы тогда похожа вся здешняя округа, хотел бы я знать? Таких перемен, такого процветания не видали здесь с сорок пятого года! Нет, нет, из-за браконьерства и воровства дичи Сент-Ронанские воды бранить нечего. Всем этим сбродом мы обязаны Старому городку. У нас на водах против незаконной охоты имеются определенные и строгие правила.

— Понять не могу, — сказал сквайр, — почему мой отец решил продать старый постоялый двор той ведьме, что держит его из пустого упрямства и пригревает у себя всяких браконьеров и бродяг. И зачем ему понадобилось учинить такую глупость?

— Вероятно, вашему отцу понадобились деньги, сэр, — сухо сказал Тиррел. — А у моей почтенной хо-

зайки миссис Додз они нашлись. Вам, наверно, известно, что я остановился там?

— О сэр, — с презрительной учтивостью отвечал Моубрей, — как вы сами понимаете, я не говорю о присутствующих. Я только хотел отметить то обстоятельство, что нам досаждают разные посторонние люди, которые охотятся на наших угодьях, не имея на то ни права, ни разрешения. Я просто прикрою за это ее гостиницу, вот и все. Ведь мы страдали от этой напасти еще во времена моего отца, не так ли, Мик?

Но мистер Миклем, в ком выражение лица Тиррела не вызывало никакой охоты подтверждать этот факт, только буркнул что-то в сторону гостей, а шепотом особо предостерег своего патрона, что не стоит дразнить гусей.

— Он меня раздражает, хоть я и сам не пойму, откуда берется моя неприязнь, — сказал Сент-Ронан. — Однако ссориться с ним безо всякого повода было бы все-таки глупо, и поэтому, дружище Мик, я постараюсь потерпеть и держаться тихо.

— А чтобы это удалось, — добавил Миклем, — вам, я думаю, лучше не пить больше вина.

— Пожалуй, — согласился сквайр. — У меня от каждой рюмки, выпитой в его обществе, делается изжога. И хотя он ничем не отличается от остальных моих собутыльников, но в нем есть что-то невыносимое для меня.

С этими словами он отодвинул стул и — *regis ad eхemplar*¹ — вслед за лэрдом поднялись и все остальные.

Сэр Бинго встал из-за стола с великой неохотой, которую и выразил злобным ворчанием, переходя за остальными в соседнее помещение, служившее прихожей и отделявшее столовую от чайной комнаты, как она называлась. Намереваясь присоединиться к дамам, гости стали здесь разбирать свои шляпы (хотя в старину джентльмены брались за шляпы лишь при выходе из дому).

¹ По примеру государя (лат.).

Тиррел обратился к разряженному лакею, который стоял тут же, и попросил передать свою шляпу, лежавшую на столе позади слуги.

— Кликните своего собственного слугу, сэр, — заявил ленивый парень с подлинно лакейской наглостью.

— Вашему хозяину, — сказал ему Тиррел, — следовало бы поучить вас приличному обхождению, мой друг, прежде чем приводить сюда.

— Мой хозяин — сэр Бинго Бинкс, — по-прежнему нахально ответил избалованный лакей.

— Ну-ка, Бинги, вперед! — шепнул Моубрей, который знал, что после вина храбрость баронета достигнет уровня, нужного для драки.

— Да, этот парень — мой слуга, — сказал сэр Бинго громче и членораздельней обычного, — Кому-то это не по нраву?

— Тогда я умолкаю, — с полнейшим хладнокровием ответил Тиррел. — Я бы удивился, окажись слуга сэра Бинго воспитанней хозяина.

— Что вы этим хотите сказать, сэр? — сказал сэр Бинго, выступая вперед с весьма грозным видом, ибо он недаром отличался на Файвз-Корте. — Что вы этим хотите сказать, черт вас побери, сэр! Вы и глазом не моргнете, как получите у меня!

— А вы и охнуть не успеете, как я вздую вас, сэр Бинго, если вы сейчас же не оставите этот тон!

И гость взмахнул дубовой тростью, которую держал в руке. Как ни малоприметен был взмах, но он доказывал некоторое знакомство с благородным искусством фехтования. Узрев сие, сэр Бинго счел благо-разумным несколько попятиться, хотя его и подталкивали вперед иные из его друзей, которые в своем рвении о его чести предпочитали увидеть, как ему переломают ребра в доблестном поединке, чем быть свидетелями того, как его достоинство будет замарано позорным отступлением. Тиррел, видимо, собирався доставить им это удовольствие. Однако в тот самый миг, когда его рука уже поднималась, выражая достаточно определенное намерение, кто-то прошептал у самого его уха следующие многозначительные слова:

— Достойно ли мужчины это?

Даже волнующий голос нашей неподражаемой миссис Сиддонс, когда она, бывало, потрясала театр шепотом, произнося эти шекспировские слова, не оказывал на слушателей такого могущественного действия, какое произвел этот неожиданный вопрос на того, к кому он был сейчас обращен. Тиррел забыл все — ссору, обстоятельства, в которых находился, всех окружающих. Толпа словно вдруг растаяла, и в мире, казалось, не осталось другой цели, как только следовать за тем, кто только что обратился к нему.

Но как ни быстро он обернулся, исчезновение его тайного увещателя совершилось еще стремительней, ибо среди пошлых лиц, окружавших его, он не увидел ни одного, к кому мог бы отнести звуки, возымевшие такую власть над ним.

— Посторонитесь! — сказал он толпившимся вокруг, и в голосе его прозвучала готовность, если понадобится, силой проложить себе дорогу.

Мистер Моубрей Сент-Ронан выступил вперед.

— Пойдите-ка, сэр, — сказал он, — так не годится. Вы явились сюда, где вас никто не знает, и напускаете на себя такую важность, словно, черт вас побери, вы принц или герцог. Нам надо знать, кто вы и что вы, а не то мы не дадим вам разговаривать дальше таким надменным тоном.

От этих слов гнев Тиррела сразу как будто стих, а нетерпеливое желание покинуть отель еще усилилось. Он повернулся к Моубрею, подумал мгновение, словно собираясь с мыслями, и ответил так:

— Мистер Моубрей, ни с кем здесь я не ищу ссоры, а менее всего хотел бы повздорить с вами. Я явился сюда по приглашению и, хотя не ждал от этого визита особого удовольствия, все же не думал наткнуться на неучтивость. Мое предположение оказалось ошибочным, и поэтому я пожелаю всем собравшимся покойной ночи. Мне надо еще проститься с дамами.

Промолвив это, он, как бы в нерешимости, сделал несколько шагов к двери в комнату, где играли

в карты. Но вдруг, ко всеобщему изумлению, остановился, пробормотал, что «теперь не время», круто повернулся и, высокомерно кивнув расступившимся перед ним джентльменам, скорым шагом направился в противоположном направлении, в сторону холла.

— Черт возьми, неужели вы позволите ему уйти, сэр Бинго? — воскликнул Моубрей, которому, видно, хотелось втравить своего друга в новую ссору. — Держите-ка его — видите, он струсил!

Подбодренный такими словами, сэр Бинго с вызывающим видом стал на пути Тиррела, загораживая ему выход. Тогда гость, выразительно обозвав баронета дураком, схватил его за шиворот и с силой отшвырнул в сторону.

— Всякий, кому я понадобится, может найти меня в Старом городке, — объявил он. И, не дожидаясь последствий своего резкого поступка, тотчас покинул гостиницу.

Однако во дворе он остановился, словно раздумывая, куда идти, и как бы собираясь задать кому-нибудь вопрос, вертевшийся у него на языке. Наконец на глаза ему попался конюх, стоявший неподалеку от входа с прекрасным пони на поводу под дамским седлом.

— Чей это... — начал Тиррел и запнулся, не будучи в состоянии договорить.

Но парень ответил так, будто выслушал вопрос до конца.

— Владелица этого пони — мисс Моубрей из Сент-Ронана, сэр. Она сейчас уезжает, и мне велено поводить его. Не всякая леди до этого додумается, сэр.

— Она возвращается к себе в Шоуз по дороге мимо Оленьего камня?

— Наверно, сэр, — ответил конюх. — Этот путь короче, а мисс Клара не боится плохих дорог. Она проскачет по любой!

Тиррел отвернулся от конюха и поспешно пошел прочь. Однако он направился к Старому городку не обычным путем, а углубился в молодой лесок по тропинке, которая следовала течению ручья и пересе-

кала верховую дорогу, ведущую к поместью мистера Моубрея у романтического поворота, носившего название Оленьего камня.

Здесь, на небольшом полуостровке, образованном излучиной ручья, стоял на зеленом склоне грубо вытесанный каменный столб. По преданию, он отмечал место гибели оленя редкой силы, величины и прыти. Долгий летний день бежал он, преследуемый охотниками, и здесь его настигла смерть, к великой чести и вящей славе одного из старинных сент-ронанских баронов и своры его верных гончих. При вырубках леса, происходивших ввиду постоянной нужды в деньгах у сент-ронанских владельцев гораздо чаще, чем советует Понти, деревья по соседству с этим массивным обелиском получили пощадку. Старые дубы, может быть, еще внимали кликам охотников, приветствовавших конец оленя, и были свидетелями того, как воздвигался простой памятник, увековечивший великое событие. Под широко раскинутыми ветвями здесь даже в полдень царили сумерки; теперь же, когда солнце клонилось к закату, в тени дубов уже стояла ночная тьма. Особенно темно было в одном месте, на расстоянии пистолетного выстрела от Оленьего камня, где несколько таких дубов простирали свои могучие ветви над глубокой ложиной, по которой вилась верховая дорожка в Шоуз-касл. Так как в поместье Моубрея чаще ездили по проезжей дороге, которая шла стороной, эта тропа оставалась почти в первобытном виде, всюду на ней лежали большие камни, и местами ее пересекали овраги. Она пленяла глаз любителя живописных пейзажей своей прихотливостью, но была трудна, а для всадника, чей конь шел не твердой поступью, даже опасна.

Пешеходная тропинка к Оленьему камню, выходящая здесь к верховой дороге, была проложена на общественный счет по указанию мистера Уинтерблоссома, у которого хватило вкуса, чтобы оценить красоту этого уединенного уголка, где в былые времена с удобством устроился бы в засаде какой-нибудь грабитель со своей шайкой. Об этом невольно подумал Тиррел, проходя знакомым путем и торопясь к месту,

подходящему для осуществления его цели. Он сел у одного из старых, развесистых деревьев, где, скрытый громадными ветвями, мог на большом расстоянии наблюдать дорогу от отеля, будучи сам невидим для всякого, кто двигался бы по ней.

Между тем его внезапный уход возбудил в только что покинутом им обществе изрядное волнение и заставил многих делать на его счет далеко не лестные выводы. Особенно гремел сэр Бинго. Чем более увеличивалось расстояние между ним и его противником, тем яростней он бушевал, клялся «наказать негодяя за его низость», «изгнать его вон из округа» и сыпал уж не знаю какими страшными угрозами.

В старинных рассказах о всякой *diablerie*¹ дьявол всегда оказывается рядом с тем, кто лелеет дьявольские замыслы: нечистому стоит лишь подтолкнуть такого человека под руку, и все эти замыслы будут осуществлены. Это свойство князя тьмы было присуще благородному капитану Мак-Терку, и притом в такой степени, что при малейшем намеке на ссору и поединок он незамедлительно оказывался тут как тут. Вот и сейчас он очутился рядом с сэром Бинго и в качестве миротворца тотчас высказал свое мнение о событиях:

— Шорт побери! Вы совершенно правы, мой дорогой сэр Бинго, все это действительно задевает вашу шесть и шесть Сент-Ронанских вод, да и порошит нас всех и марают наше имя, шорт побери! Это дело требует разрешения — ведь, по-моему, он осмелился толкнуть вас, мой дорогой друг!

— Толкнуть меня! — закричал в смятении сэр Бинго. — Ну нет, капитан Мак-Терк, до этого не дошло! Да посмей он только, я бы выкинул его в окошко, будь он проклят! Наглец хотел взять меня за шиворот, и только я отступил на шаг, чтобы схватиться с ним, как этот негодяй, черт побери, пустился наутек.

— Верно, совершенно верно, сэр Бинго, — согласился законник. — Это настоящий негодяй, браконьер

¹ Чертовщине (франц.).

и бродяга! Трех дней не пройдет, как я выставлю его вон из наших краев. Не стоит вам и думать о нем, сэр Бинго.

— Вот что, шорт побери, мистер Миклем, — с весьма строгой миной сказал блюститель порядка, — зря вы путаетесь не в свое дело. Для шести и доброго имени Сент-Ронанских вод и всех нас будет гораздо лучше, если сэр Бинго последует совету лиц, смыслящих поболее вас в делах такого рода. С вами стоит посоветоваться, когда речь идет о мелких долгах, здесь же, мистер Миклем, встал вопрос о достоинстве джентльмена а это, сдается мне, не по вашей шасти.

— Нет, клянусь святым Георгием, не по моей! — ответил Миклем. — Разбирайтесь тогда сами, капитан, и могу себе представить, до чего вы доразбираетесь!

— В таком случае, — сказал Мак-Терк, — не угодно ли вам, сэр Бинго, пройти со мною в курительную комнату. Там за сигарой и рюмкой дшина мы обсудим, как нам поступить при сложившихся обстоятельствах, без урона для шести всего общества.

Баронет принял это приглашение, вероятно, столько же прельщенный тем занятием, за которым капитан собирался преподать ему свои воинственные советы, сколько и удовольствием, которое ему сулили сами эти советы. И вслед за своим гордо выступавшим советником, чья военная поступь сделалась еще тверже, а выправка от предвкушения надвигающейся ссоры еще строже, — баронет направился в курительную комнату. Там, со вздохом закулив сигару, сэр Бинго приготовился внимать наставлениям мудрости и доблести, которые бурным потоком готовились излиться из уст капитана Мак-Терка.

Тем временем все остальные джентльмены присоединились к дамам.

— Здесь была Клара, — сказала сквайру леди Пенелопа. — Мисс Моубрей только что появилась среди нас, чтобы, подобно солнечному лучу, на миг ослепить нас и тотчас покинуть.

— Ах, бедная Клара, — сказал Моубрей, — несколько минут тому назад в прихожей мне показа-

лось, что она мелькнула в толпе, но я не был уверен в этом.

— Так вот, — сказала леди Пенелопа, — она приглашает всех нас в Шоуз-касл позавтракать à la fourchette в четверг. Надеюсь, вы поддерживаете приглашение сестры, мистер Моубрей?

— Разумеется, леди Пенелопа, — ответил Моубрей. — Я очень рад, что Клара была так мила и подумала об этом. Другой вопрос, конечно, как мы справимся с приемом, — ведь ни она, ни я не привыкли принимать гостей.

— О, я уверена, все выйдет прелестно, — сказала леди Пенелопа. — Клара мила со всеми и всегда, а вы, мистер Моубрей, умеете быть воспитанным человеком, если захотите.

— Как вы строги ко мне! Ну что ж, постараемся выказать благовоспитанность. Да и как мне не постараться, если за то я увижу вас у себя в Шоуз-касle, куда так давно не заглядывали гости. Мы с Кларой живем сами по себе, каждый на свой лад.

— Не прогневайтесь на меня, мистер Моубрей, — сказала леди Бинкс, — но только, по-моему, вам не следовало бы позволять своей сестре столько разъезжать верхом без провожатого. Я знаю, ни одна женщина не сидит в седле так крепко, как мисс Моубрей, но все-таки может приключиться беда.

— Беда? — переспросил Моубрей. — Ах, леди Бинкс! С дамами при наличии провожатого беда приключается так же легко, как и без него.

Леди Бинкс, которая в девичестве часто скакала по здешним лесам в сопровождении сэра Бинго, вспыхнула, метнула гневный взгляд и замолкла.

— Да, впрочем, что тут опасного, — добавил Джон Моубрей шутливо. — В наших лесах не водятся волков, которые могли бы съесть наших милых Красных Шапочек. Львов у нас тоже никаких не встретишь... кроме светских львов вокруг леди Пенелопы.

— Тех самых, что впряжены в колесницу Кибелы, — сказал мистер Четтерли.

К счастью, леди Пенелопа не поняла сравнения, которое прозвучало несколько иначе, чем рассчитывал мистер Четтерли.

— Кстати, — спросила она, — а что вы сделали с главным львом сегодняшнего праздника? Я нигде не вижу мистера Тиррела. Он, наверно, приканчивает добавочную бутылку с сэром Бинго?

— Мистер Тиррел, сударыня, — ответил Моубрей, — с успехом изображал сегодня и льва рыкающего и льва посрамленного: он сначала затеял ссору, а затем сбежал, отступив перед грозным гневом доблестного рыцаря леди Бинкс.

— Надеюсь, этого не случилось, — сказала леди Бинкс. — Неудачные воинственные выступления моего супруга до сих пор не отбили у него охоты к ссорам, но достанься ему хоть одна победа, и он будет бойцом до конца своих дней.

— Нет худа без добра, — шепнул Уинтерблоссом Моубрею, — бойцы на свете не заживаются.

— Ну нет, — ответил Моубрей. — У леди Бинкс недаром вырываются такие горькие слова — ее отчаяние понятно и вполне законно, ибо сэр Бинго в этом смысле не подает никаких надежд.

Затем Моубрей простился с леди Пенелопой и в ответ на просьбу остаться и принять участие либо в танцах, либо в картах, заявил, что сейчас не может терять времени.

— Наверное, — сказал он, — старые слуги в Шоуз-касле, услышав от Клары о событиях, назначенных на четверг, со страху уже совсем потеряли голову, и так как моя сестра, разумеется, не подумает заняться ответственными приготовлениями, мне придется взять эти заботы на себя.

— Если вы поедете быстро, — заметила леди Пенелопа, — вы можете даже предупредить переполох, нагнав нашу милую Клару на пути домой. Она иногда, словно Бетти Фой, предоставляет своему понн брести шажком по тропе, как ему вздумается.

— Но зато другой раз, — вставила маленькая мисс Диггз, — она несется галопом, сломя голову, так что

уходя вниз по долине, и чутко ловил ухом каждый звук, примешивавшийся к шуму ветерка или к журчанию ручья.

«Заговорить с ней среди всего этого сборища грубиянов и дураков, — таковы были, между прочим, его размышления, — было бы безумием ничуть не меньшим, чем та трусость, что мешала мне до сих пор подойти к ней там, где наша знаменательная встреча прошла бы никем не замеченной. Но теперь, теперь-то мое решение твердо, да и место благоприятствует свиданию. Я не хочу ждать, пока случай снова столкнет нас под сотней злобных взглядов, не хочу, чтобы за нами следили, дивились нам, тарашили на нас глаза и понапрасну старались разгадать причину волнения, которое мне не под силу было бы скрыть. Чу! чу! Слышен конский топот! Да нет, это просто капризное бормотание воды, струящейся по камешкам. Неужели она направилась в Шоуз-касл другой дорогой? Но звуки становятся все отчетливей, я вижу ее, она быстро несется по тропе. Достанет ли у меня мужества выступить вперед? Да, да, я сделаю это! Пришла пора. Настал час, и будь что будет».

Однако, едва приняв это решение, он опять заколебался, не зная, как лучше осуществить его. Показать издали? Но это могло дать леди возможность повернуть обратно и избежать разговора, на который он уже отважился. Притаиться и ждать, пока лошадь на всем скаку не поравняется с местом его засады? Но это грозило опасностью для всадницы. Пока же он будет раздумывать, как ему поступить, удобный момент для появления перед мисс Моубрей может вообще миновать. Понимая это и не желая упускать представившегося случая, он принял поспешное и отчаянное решение. И в тот миг, когда пони замедлил ход на подъеме, Тиррел выступил на середину лощины шагах в шести от молодой девушки.

Она натянула поводья и остановилась, словно пораженная громом.

— Клара!

— Тиррел!

То были единственные слова, произнесенные ими. Наконец Тиррел, медленно волоча точно свинцом налитые ноги, двинулся вперед, постепенно сокращая расстояние между ними. И только тогда, заметив, что он приближается, мисс Моубрей громко закричала:

— Не подходите! Ни шагу далее! Я могу еще смотреть на вас издали, но если вы подойдете ближе — я сойду с ума!

— Чего вы боитесь? Чего вам бояться? — глухо вымолвил Тиррел, продолжая подвигаться вперед, пока между ними не остался лишь один шаг.

Тогда Клара бросила поводья, молитвенно сложила руки и, протягивая их к нему, едва слышно прошептала:

— Всемогущий боже! Если этот призрак — плод моего больного воображения, пусть он сгинет! Если это явь — дай мне силы вынести его присутствие! Заклинаю тебя, ответь мне, Фрэнсис ли Тиррел ты во плоти и крови? Или ты лишь одно из тех мимолетных видений, что так часто пересекают мою дорогу и смотрят на меня, но исчезают, чуть я начинаю вглядываться в них?..

— Да, я Фрэнсис Тиррел во плоти и крови, — ответил он, — равно как и та, с кем я говорю, подлинно Клара Моубрей.

— Тогда помилуй господи нас обоих! — в смятении сказала Клара.

— Аминь! — откликнулся Тиррел. — Но что явилось причиной такого бурного волнения? Вы ведь только что видели меня, мисс Моубрей, ваш голос еще звучит в моих ушах, вы говорили со мной, и притом среди толпы чужих людей. Почему же вам не сохранять спокойствие теперь, когда нас никто не видит и не слышит?

— Правда? — сказала Клара. — Значит, это вас я только что видела? Я так и думала, я что-то сказала вам... После того как мы расстались, рассудок мой был одно время помрачен... Но сейчас-то я здорова, совсем здорова... Я позвала их всех к нам в Шоуз-касл, брат хотел, чтобы я позвала их. Надеюсь, что мистера Тиррела я тоже увижу среди гостей... Хотя,

кажется, между братом и вами стоит какая-то старинная вражда?

— Увы, Клара, вы ошибаетесь! Я едва знаю в лицо вашего брата, — ответил глубоко опечаленный и растерянный Тиррел, не зная, как ему говорить с нею, чтобы облегчить, а не усугубить ее умственное расстройство, в котором он больше не мог сомневаться.

— Верно, верно, — сказала она, припоминая. — Мой брат был тогда еще в школе. Это с моим отцом, с моим бедным отцом была у вас ссора. Но вы придете в Шоуз-касл в четверг к двум часам дня, не правда ли? Джон будет рад вам; он умеет быть приветливым, если захочет. И мы поговорим о былом... Сейчас мне надо спешить, чтобы все наладить. Прощайте.

Она хотела проехать, но он осторожно придержал лошадь под уздцы.

— Я провожу вас немного, Клара, — сказал он. — Дорога трудна и опасна, вам не следует ехать так быстро. Я пойду рядом, и мы поговорим о минувших днях; так нам удобней будет беседовать, чем на людях.

— Правда, правда, вы правы, мистер Тиррел, будь по-вашему. Брат велит мне иногда появляться в обществе и ездить вниз, в этот противный отель. Я бываю там, чтоб угодить ему, да и эти люди ни в чем не связывают меня: я могу приходить и уходить когда вздумается. Знаете, Тиррел, очень часто, когда я там сижу и Джон следит за мной, я могу держаться легко и быть веселой, словно мы с вами никогда и не встречались.

— Лучше бы нам вовсе не встречаться, — сказал Тиррел дрогнувшим голосом, — раз все пришло к такому концу.

— А как же было греху и безрассудству не кончиться печалью? И когда же своеволие приводило к счастью? Разве тихий сон слетает к подушке злодея? Вот что я повторяю себе, Тиррел, и вы тоже должны твердить себе это, и тогда вы научитесь нести свою долю так же легко, как я несую свою. Зачем жаловаться,

когда мы всего лишь получили по заслугам? Вы, кажется, плачете? Что за ребячество! Правда, говорят, будто слезы облегчают; раз так, то плачьте, плачьте, я не буду смотреть...

Тиррел шел рядом с ее пони, напрасно стараясь побороть свое волнение и найти силы для ответа.

— Бедный Тиррел! — помолчав, сказала Клара. — Бедный Фрэнк Тиррел! Быть может, и вы, в свою очередь, скажете: «Бедная Клара!» Но я крепче вас духом — буря может согнуть, но ей никогда не сломить меня.

Опять последовало долгое молчание, ибо Тиррел все не мог решить, как ему говорить с молодой девушкой, чтобы не пробудить в ней воспоминаний — мучительных и даже опасных при ее расстроенном здоровье. Наконец она заговорила снова:

— Но к чему все это, Тиррел? Да и зачем вы сюда приехали? Зачем было мне видеть, как вы только что спорили с самыми отъявленными спорщиками и задирали самых отчаянных задир среди этих бездельников, кутил и пропойц? Раньше вы были сдержанней и рассудительней. Другому — да, тому другому, кого мы с вами знавали когда-то, — ему бы еще пристало совершать такие глупости, ему бы это, пожалуй, было к лицу. Но вы-то, который считает себя человеком благоразумным? Стыдитесь, стыдитесь! И уж если мы заговорили об этом, разве благоразумно было вообще приезжать сюда? К чему хорошему может привести ваше пребывание здесь? Не для того же вы явились, чтобы возобновить свои мучения и умножить мои?

— Умножить ваши мучения? Упаси боже! — ответил Тиррел. — Нет, я приехал сюда лишь оттого, что после стольких лет скитаний мне страстно захотелось вновь посетить этот край, где схоронены все мои надежды.

— Да, вы верно сказали, схоронены, — отозвалась она. — Растоптаны и схоронены в самую пору цветения. Я часто думаю об этом, Тиррел, а по временам — помоги мне боже! — не могу думать почти ни о чем

другом. Посмотрите на меня; вы помните, какова я была? Глядите же, что сделали со мною горе и одиночество.

Она откинула обвивавшую ее шляпу вуаль, которая до сих пор скрывала ее черты. Это было то самое лицо, что он прежде знал в полном расцвете юной красоты. Краса осталась, но цвет увял навеки. Ни быстрый бег коня, ни причиненные неожиданной встречей боль и смятение не вызвали и самого мимолетного подобия румянца на щеках бедной Клары. Лицо ее было мраморно-белым, словно лицо прекрасной статуи.

— Возможно ли? — спросил Тиррел. — И во всем этом повинна печаль?

— Печаль — болезнь души, но болезнь тела — ей сестра, — ответила Клара. — Они близнецы, Тиррел, и редко живут врозь. Подчас первой приходит болезнь тела, она туманит наш взор и лишает силы наши руки, хотя в нас еще горит жар души и мысли. Но знайте: вскоре за ней идет ее грозная сестра. Из своего кувшина она окропит холодной росой наши надежды, нашу любовь, память, наши воспоминания и чувства, и мы поймем тогда, что им не пережить гибели наших телесных сил.

— Увы! — сказал Тиррел. — Неужто пришло к тому?

— Да, к тому, — ответила она, больше следуя поспешному и прихотливому ходу своих мыслей, чем оттого, что уяснила себе смысл его горестного восклицания. — К тому все должно идти, пока наши бессмертные души связаны тленным веществом, из которого состоит наше тело. Но грядет иная жизнь, и там все будет иначе, Тиррел. Дай-то бог, чтобы она наступила скорее!

Ее охватило грустное раздумье. Тиррел боялся его нарушить. Ее торопливая речь слишком явно доказывала беспорядочность мыслей, и, чтобы выражением своего горя не потрясти и не расстроить ее еще сильнее, он должен был скрывать боль собственного сердца, боль, которую обостряла череда мучительных воспоминаний.

— Я не думала, — продолжала она, — что после этой ужасной разлуки, после стольких лет я буду при встрече с вами так спокойна и рассудительна. Но хотя то, чем мы были когда-то друг для друга, позавать нельзя, все это уже прошло, и мы теперь только друзья, не правда ли?

Тиррел не мог вымолвить ни слова.

— Я не могу медлить дольше, — опять заговорила Клара, — не то меня застигнут здесь сумерки. Мы встретимся вновь, Тиррел, встретимся друзьями, только друзьями. Вы приедете в Шоуз-касл повидаться со мною? Нам теперь незачем таиться. Бедный отец спит в могиле, и все свои предрассудки он унес с собою. Мой брат Джон — человек добрый, хотя подчас бывает суров и строг. В самом деле, Тиррел, я думаю, он меня любит, только мне страшно, когда он нахмурится, если я чересчур развеселюсь и разболтаюсь... Но он меня любит, по крайней мере я так думаю, потому что сама-то люблю его. Вот я и заставляю себя ездить вниз, в отель, выслушиваю там всякие глупости и, в общем, отлично справляюсь с комедией жизни. Знаете, ведь все мы — актеры, а мир всего-навсего — подмостки.

— А у пьесы, которую мы играем, печальный и тяжелый конец, — с горечью прибавил Тиррел, не в силах больше сдерживаться.

— Правда, ваша правда, Тиррел. Впрочем, чего иного и ждать тем, кто обручается в пору безрассудной юности? Ведь мы с вами захотели быть мужчиной и женщиной на пороге детства. Подростками мы пустились в испытания и страсти, свойственные молодости, и вот мы состарились раньше срока, и зима нашей жизни наступает раньше, чем разгорелось лето. О Тиррел! Как часто, часто думаю я об этом! Да что я говорю — «часто»? Увы! Когда же придет время, чтобы я могла думать о чем-либо ином?

Бедная девушка горько зарыдала, и слезы ее хлынули ручьем, видно, давно уже она так не плакала. Лошадь ее шла по тропе по направлению к дому, а Тиррел шагал рядом и тщетно старался придумать,

что ему сказать несчастливце, не пробуждая в ней, да и в себе самом, тягостных чувств. Все, что он мог бы сказать, все это не годилось. Ему было ясно, что рассудок ее, правда в малой степени, но все-таки омрачен тенью безумия, которое расстроило, хотя и не совсем погубило в ней способность к здравому суждению.

Наконец, стараясь говорить как можно спокойнее, он стал спрашивать, все ли у нее есть и не нужно ли ей чего? Не может ли он чем-нибудь облегчить ее положение? И не может ли она пожаловаться на что-либо, от чего он в состоянии избавить ее? Она кротко ответила, что обычно тиха и покойна, пока брат позволяет ей оставаться дома. Если же ее принуждают выходить на люди, она переживает то же, что испытывала бы, вероятно, вода ручья, дремлющая в хрустальной заводи под скалой, когда, покинув свое тихое ложе, она бешеным водопадом свергается вниз.

— Но мой брат, — сказала она, — считает, что он прав; может быть, он и в самом деле прав. Бывает, что об иных вещах и впрямь думаешь слишком много. Да если бы он и ошибался, так почему мне не сделать усилия над собой для его удовольствия? Вокруг меня теперь так мало людей, которым я могу доставить удовольствие или причинить огорчение. К тому же, Тиррел, я ведь по временам весела в разговоре, почти так же весела, как и прежде, когда вы меня, бывало, корили за мои безумства. Ну, вот теперь я уж все рассказала вам. От себя я задам только один вопрос, один-единственный, и то если у меня хватит силы: а он-то жив ли?

— Жив, — промолвил Тиррел, но так тихо, что, вероятно, только напряженное внимание, с которым мисс Моубрей ожидала ответа, помогло ей разобрать едва слышное слово.

— Жив! — вскричала она. — Жив! Он жив, и, значит, ваша рука не запятнана кровью навеки! О Тиррел, если бы вы знали, какую радость приносит мне эта вест!

— Радость? — откликнулся Тиррел. — Радоваться тому, что жив негодяй, навсегда сгубивший наше счастье? Жив и даже может предъявить свои права на вас?

— Никогда, никогда он этого не посмеет! — дико вскрикнула Клара. — Пока умеет топить вода, душиť веревка и пронзает сталь, пока есть пропасть под скалою и омут в реке — никогда, никогда!

— Не надо так волноваться, дорогая Клара, — сказал Тиррел. — Я сам не помню, что говорю. Он жив, это правда, но он далеко и, я уверен, никогда не появится в Шотландии.

Он хотел сказать еще что-то, но, охваченная страхом и волнением, девушка нетерпеливо ударила лошадь хлыстом. Норовистый пони, почувствовав, что его подгоняют и в то же время удерживают на месте, вышел из повиновения и встал на дыбы. Тиррел испугался за Клару, но, зная ее как отличную наездницу, счел более безопасным отпустить повода. Лошадь рванулась и так быстро понеслась по крутой и неровной тропе, что сразу скрылась из виду.

Пока Тиррел стоял, соображая, не следует ли ему пойти вслед за мисс Моубрей и удостовериться, что на пути в Шоуз-касл с ней ничего не случилось, он услышал быстрый конский топот, приближавшийся по дороге, которая шла от гостиницы. Не желая, чтобы его сейчас заметили, он отступил в сторону и скрылся в зарослях. Вскоре из своей засады Тиррел увидел, как сент-ронанский лэрд в сопровождении конюха проскакал мимо и понесся той же дорогой, по которой только что проехала его сестра. С появлением брата Тиррел мог не беспокоиться за мисс Моубрей, и, таким образом, главная причина, почему он хотел следовать за ней, отпала. Все происшедшее во время свидания заставило его погрузиться в глубокое и печальное раздумье. Он почти убедился, что его дальнейшее пребывание поблизости от Клары могло только сделать их обоих еще более несчастными, и в то же время не мог оторваться от этих мест, как не мог отречься от чувства, укоренившегося в его сердце.

В расположении духа, которому едва ли можно было позавидовать, вернулся он к себе в Старый городок.

В комнате Тиррела не оказалось света, когда он вошел туда, а служанки матушки Додз, в противоположность расторопным лакеям в отеле Лонга, не спешили снабдить постояльца свечами. Тирелл никогда не был особо требователен к слугам, а сейчас даже рад был избежать необходимости говорить с кем бы то ни было и о таком пустячном деле; поэтому он спустился в кухню, чтобы самому взять то, что ему было нужно. Сойдя вниз, он в первую минуту не заметил, что владычица этих мест в сей миг обреталась в своем святилище; тем более не обратил он внимания на величественное и негодующее выражение лица почтенной матроны. Ее недовольство сначала выражалось лишь отрывистыми восклицаниями.

— Хорошенькое дело! — бормотала она. — Да прилично ли это? Перебудить всех в порядочном заведении в такой час! Вот и держи постоянный двор — да лучше держать сумасшедший дом!

Затем, видя, что ее воркотня остается без ответа, хозяйка заняла позицию между постояльцем и дверью, через которую он хотел выйти со своей зажженной свечой, и потребовала, чтобы он объяснил свое поведение.

— Какое поведение, сударыня? — переспросил постоялец таким несвойственным ему суровым и раздраженным тоном, что она чуть не пожалела, зачем вывела его из всегдашнего терпеливого безразличия. Сама затеяв ссору, она теперь даже оробела, так как для любого завязтого и опытного забияки всегда есть что-то устрашающее в гневном отпоре обычно тихого и мирного человека. Однако, протрубив сигнал к наступлению, она уже не могла отступать, ибо этого ей не позволяла гордость, и поэтому, несколько сбавив тон, она продолжала:

— Я хотела только спросить вас, мастер Тирл, как человека разумного, можно ли считать ваше поведение добропорядочным? Живете вы уже больше

десяти дней, еда у вас самая лучшая, вино самое лучшее, и комнату вы занимаете самую лучшую в доме. И подумать только! Вы отправляетесь вниз и заводите дружбу со всем этим пустоголовым сбродом на источнике. Скажу вам напрямик: мне вовсе не нравятся этикие обходительные люди, что умеют говорить любезные слова, когда у них на уме совсем другое, так что...

— Миссис Додз, — прервал ее Тиррел, — мне сейчас не до пустяков. Премного благодарен вам за все заботы обо мне, однако распоряжаться своим временем — здесь ли или в другом каком месте — я буду в соответствии со своими собственными представлениями о том, что мне нужно и что мне приятно. Если же я вам надоел как постоялец, пришлите мне завтра утром счет.

— Счет? — воскликнула миссис Додз. — Завтра утром? Почему же не подождать до субботы? Тогда бы мы с вами и рассчитались сполна, как в прошлую субботу.

— Ну хорошо, поговорим обо всем этом завтра, миссис Додз. Спокойной ночи. — И он ушел.

Матушка Додз с минуту постояла в раздумье.

— Какой черт в него вселился? — произнесла она наконец. — Слова ему поперек не скажи! Да и меня тоже черт дернул ему перечить, он ведь славный мальчик и жилец хороший. У него, поди, есть что-то на душе... В деньгах нужды у него быть не может — если б на то похоже было, я бы о такой мелочи и спорить не стала. Да нет, тут не в деньгах дело! Он выкладывает шиллинги на стол, словно камушки; если у людей денег мало, они с ними так легко не расстаются. Мне ли не знать, какой вид у постояльца, когда у него в кошельке дно виднеется! Ну, да ладно! Надеюсь, он забудет к утру про все эти глупости, а уж я постараюсь придержать язык. Вот напасть! Правильно говорит наш священник — с языком сладить трудно. По правде сказать, мне и самой-то стыдно теперь!

Глава X

ДЕЛА ФИНАНСОВЫЕ

Постой, дай мне совет, я в нем
нуждаюсь...

А ты из тех, кто помогает другу
Советом лучше, чем деньгами скряга
Или драчун клинком. Тебе я верю.
Прошу помочь лишь словом, а не делом.

«Нашла коса на камень»

События, рассказанные нами в последней главе, происходили в понедельник, и, следовательно, оставалось всего двое суток до приема, на который должен был собраться в залах поместья Моубреев цвет общества Сент-Ронанских вод. Это был слишком короткий срок для приготовлений, которых требовал такой из ряду вон выходящий случай, ибо хотя усадьба была расположена в живописной местности, дом находился в плачевном состоянии и годами не видел гостей. Гостеприимством лэрда пользовался подчас лишь какой-нибудь веселый холостяк или сотоварищ по охоте на лисиц, да и то подобные происшествия случались все реже, так как хозяин почти совсем переселился к источнику и обыкновенно старался принимать друзей там, где это можно было сделать, не расходуясь самому. Кроме того, здоровье сестры служило ему прекрасной отговоркой на случай, если какие-нибудь джентльмены выказывали излишнюю склонность (как это по простоте раньше водилось в Шотландии) считать дом своего друга своим собственным. Однако сейчас, к великой радости всех его сотоварищей, Моубрею деваться было некуда: приглашение было сделано и принято. И они предвкушали обещанный прием с тем нетерпением, какое вызывает у всех бездельников надежда на что-нибудь новенькое и развлекательное.

Мистер Моубрей и его верный помощник мистер Миклем приняли на себя немало забот, чтобы сколько-нибудь пристойно подготовиться к предстоящему празднику. В своих стараниях они были предоставлены самим себе, потому что Клара весь вторник и среду

упрямо не выходила из своей комнаты. Ни угрозы, ни ласки не помогали брату испытать намерения мисс Моубрей на предмет надвигающегося и столь важного четверга. Надо отдать справедливость Джону Моубрею: он любил сестру, насколько вообще был в состоянии любить кого-либо помимо себя самого. Убедившись после многих напрасных попыток, что он не может уговорить Клару оказать ему помощь, лэрд без всяких жалоб принялся за работу и постарался сделать все, что только мог, руководствуясь лишь собственным суждением и соображением.

Однако это оказалось далеко не таким легким делом, как можно было предположить, ибо Моубрею хотелось выказать хороший вкус и проявить в этом торжественном случае такую изысканность, какой мужчине трудно добиться без женской помощи. Правда, все более существенное для трапезы можно было достать за наличные на ближайшем рынке, и оно было соответственно закуплено. Но лэрд понимал, что так у него может получиться вульгарное, хоть и обильное деревенское угощение, а не изысканный завтрак, о котором на столбцах местной газеты сообщалось бы как о приеме, устроенном «Джоном Моубреем сент-ронанским, эсквайром, в честь шумного и элегантного общества, съехавшегося на наши прославленные воды». Наверно, произойдет куча ошибок и нарушений правил при подаче блюд на стол, так как Шоуз-касл не мог похвалиться ни опытной домоправительницей, ни служанкой, которая обладала бы сотней рук, чтобы выполнять ее указания. В домашнем хозяйстве царила самая мелочная экономия, едва совместимая с обыкновенными приличиями, и только конюшни были превосходны и содержались отлично. Но разве конюх может так же успешно действовать в обеденном зале, как он действует в стойлах? И разве сумеет егерь придать настрелянной им дичи соблазнительный вид, украсить птицу на блюде цветами и полить пикантным соусом? С таким же успехом можно требовать, чтобы отважный воин принял на себя обязанности гробовщика и распоряжался похоронами убитого им врага.

Короче говоря, Моубрей до тех пор беседовал, советовался, спорил и препирался с глухой кухаркой и щуплым старичком, носившим у него имя дворецкого, пока не потерял всякую надежду навести какой-либо порядок в этом хаосе и хоть сколько-нибудь воздействовать на закоснелые умы, с которыми ему приходилось иметь дело. Тогда он проклял все на свете, сдал то, что относилось до угощения, на руки лицам, коим надлежало о нем заботиться, а сам занялся убранством дома. Но и здесь он оказался почти в том же беспомощном положении. Под силу ли мужскому уму потребные для этого ухищрения? Может ли взор мужчины судить о том, насколько должна тонуть в полумраке убранная к приему гостиная? И как ему разобраться, что яркий дневной свет допустим, если он падает на довольно сносную картину, и совершенно недопустим, когда делает очевидной грубую мазию на портрете некоего прадедушки в парике? А раз мужчины даже не знают, как затянуть комнату той волшебной паутиной света и тени, что так красит обстановку, наряды и лица гостей, то где же им справиться с еще более таинственными задачами — как расставить мебель, словно вы и не думали расставлять ее, как сделать, чтобы кресла, поставленные будто бы непреднамеренно и случайно, оказывались словно как раз на самом удобном и подходящем для вас месте? Как избежать и скучной чопорности и беспорядка и, не заставляя гостей рассаживаться строго по кругу, не подвергать их опасности разбить себе нос о какую-нибудь скамеечку в неуказанном месте? Как добиться того, чтобы обстановка комнаты, так сказать, соответствовала характеру беседы — свободной без сумятицы и разумно направленной без принужденности и натянутости?

И, наконец, по плечу ли неуклюжему мужскому полу сообразить, как использовать для украшения комнат разный старый хлам? Ведь надо пустить в дело старые табакерки, набалдашники, коробочки для притираний, бисерные четки — всю ерунду, которая водится у старосветских дам в ящичках бюро. Непрежно перемешав эти вещицы со всякими другими

ненужными предметами, какие заполняют обыкновенно витрину ссудной кассы, их надо разложить на виду по мраморным угловым шкафчикам и рабочим столикам наборного дерева и, таким образом, найти подходящее употребление всем побрякушкам и безделушкам, которые с сорочьей бережливостью ухитрились накопить за последние сто лет старые деды и причудницы, проживавшие в доме. В каком восхищении любовался я подчас искусством, с которым бывает подобрана милыми ручками вся эта pseudo-bijouterie.¹ Прадедовский перстень-печатка покоился, бывало, рядом с погремушкой первенца и куском коралла, который грызли его молочные зубки, а старинная боцманская дудка, доставшаяся от какого-нибудь дядюшки-моряка, или его серебряная табакерка, приводящая на память Оруноко, уютно соседствовали с футляром для материнского гребня из слоновой кости, до сих пор источающим запах мускуса, и с другим черепаховым футлярчиком от очков какой-то незамужней тетки, и с лапкой черного дерева, при помощи которой во времена длинных жестких корсетов наши бабушки любили почесывать себе спину и лопатки. Лежало там и серебряное ситечко, на которое в более экономную эпоху хозяйка, слив из чайника последнюю каплю, выкладывала спитой чай и затем великодушно угощала им гостей, чтобы они ели его, посыпав сахаром, поверх хлеба с маслом. Благословен будь обычай, спасающий от цепких когтей служанок и от плавилиного котелка ювелира ненужную утварь минувших времен, которая теперь радует антиквара и украшает горки и столики! Но кто решится разложить все это, не руководствуясь вкусом женщины? А мистериу Моубрею, который обладал великим запасом таких сокровищ, неоткуда было ждать женского совета.

Рассказ о затруднениях хозяина и так чересчур затянулся, не то я упомянул бы еще о полной его неопытности в искусстве приукрашать неказистое. Где было ему знать, что латаный ковер можно прикрыть

¹ Подделка, мишура (франц.).

новым половиком, а выцветший и потертый диван застлать индийской шалью? Однако я сказал уже достаточно, даже более чем достаточно, чтобы сделать его неприятное положение понятным любому одинокому холостяку, который без помощи матери, сестры или кузины, без ловкой домоправительницы или опытного кухонных дел мастера, без представительного лакея взялся бы подготовить дом к приему с надеждой устроить все изящно и *comme il faut*.¹

Сознание собственной беспомощности тем более тяготило Моубрея, что хозяин знал, каких строгих критиков встретит он в дамах, особенно в лице своей всегдашней противницы леди Пенелопы Пенфезер. Поэтому лэрд трудился не покладая рук и целых два дня подряд без передышки приказывал, доказывал, рассказывал и указывал. В этих трудах ему сочувствовал — мы не можем сказать «содействовал» — его преданный агент и поверенный. Из комнаты в комнату засеменял Миклем за лэрдом, стараясь выразить столько же участия, сколько выказывает своему расстроенному хозяину домашний пес, с жалким видом заглядывая ему в лицо и тщетно пытаясь уверить, что он разделяет хозяйские огорчения, хотя не понимает ни причины их, ни глубины и вовсе не в силах облегчить их.

Наконец в среду, накануне назначенного дня, устроив кое-что по своему вкусу и оставив в покое многое из того, что он охотно переделал бы, Моубрей сел обедать со своим верным соратником. Браня на чем свет стоит злосчастную затею и бормоча проклятия по адресу капризной старой девы, которая втянула его с сестрой в эти неприятности, напросившись в гости, он объявил, что теперь все остальное может идти к чертям, ибо он больше палец о палец не ударит, не зовись он Джоном Моубреем.

Осуществляя свое доблестное решение, он вместе со своим искушенным в законах советником принялся за обед. Они весьма быстро справились с поставленным на стол блюдом котлет и прикончили добрую

¹ Прилично (франц.).

половину бутылки старого портвейна в качестве рас-творителя к ним.

— Вот мы и сыты, — сказал Моубрей, — хоть и обошлись без всяких фрикасе.

— Набили брюхо, и ладно, — ответил стряпчий, утирая жир с подбородка, — а чем — овсянкой или похлебкой — все едино.

— Ломовая лошадь тоже так думает, — сказал Моубрей, — но леди и джентльмены придерживаются иного мнения, а мы должны равняться по другим.

— Тем хуже для них, Сент-Ронан, да и для Шотландии тоже. Вот из-за этих-то чаепитий и прочих глупостей многим приходится у нас менять нобли на пенсы, а теплые родовые замки на наемные углы.

Молодой лэрд помолчал, потом наполнил свой стакан, подвинул бутылку своему старшему другу и вдруг спросил:

— Вы верите в счастье, Мик?

— В счастье? — повторил адвокат. — Не пойму вашего вопроса.

— А я верю в счастье, в то, что бывает счастье или несчастье в картах.

— Вот было бы для вас счастье, если бы вы их в руки не брали, — заметил его наперсник.

— Не о том речь, — сказал Моубрей. — Чему я дивлюсь, так это невезению, что более сотни лет преследует нас, несчастных лэрдов сент-ронанских. Мы всё идем под гору, и никак нам не подняться. Такого нестойкого, как выражается наш священник, рода еще свет не видывал. Когда-то моим предкам принадлежало пол-округи, а теперь и последние борозды из рук уходят.

— Уходят! — сказал стряпчий. — Да они по ветру летят! И этот замок вылетел бы вслед за всем остальным, если бы ваш дедушка не приколотил его накрепко, обратив в майорат.

— К черту этот майорат! — воскликнул Моубрей. — Хочешь сохранить поместье — делай его майоратом, да только пока оно того стоит. Прикрутить человека к такому бедному поместью, как Сент-Ронан, все рав-

но что держать лошадь на привязи посреди вересковой пустоши!

— Однако вы все-таки учинили изрядную потраву, сдав участок из своего наследственного владения под дома у источника, — сказал Миклем. — Ведь вы тогда натянули привязь, пожалуй, чуть-чуть больше, чем имели право.

— Разве я сделал это не по вашему совету? — возразил лэрд.

— Отрицать не стану, — ответил стряпчий. — Видно, я по своей простоте и добродушию начинаю баловать вас, Сент-Ронан, словно старая бабка малое дитя.

— Вот-вот, и подаете ребенку нож, чтоб он порезал себе пальцы, — подхватил любитель наслаждений. — Целы были бы эти акры, кабы не ваши проклятые советы.

— А вы еще ворчите, — сказал делец, — что у вас нет права пустить все имение по ветру, словно стаю диких уток над болотом! Да не вам бы говорить! Ведь поскольку вами совершенно нарушение условия (так заявил, прочтя представленную мной докладную записку, и адвокат Уайзбихайнд), ваша сестра или муженек вашей сестры, если ей вздумается выйти замуж, может поднять дело и за две-три судебных сессии оттягать у вас весь Сент-Ронан.

— Моя сестра никогда не выйдет замуж, — сказал Джон Моубрей.

— Это легко сказать, — возразил стряпчий. — Да ведь мало ли что может помешать кораблю добраться до гавани. Будь известно что-нибудь о правах вашей сестры на имение, многие богачи ничуть не посчитались бы с тем, что у нее не все дома.

— Послушайте-ка, мистер Миклем, — сказал лэрд, — я был бы премного обязан вам, если бы вы говорили о мисс Моубрей с уважением, как того заслуживает моя сестра и дочь моего отца.

— Ну, не сердитесь, Сент-Ронан, не сердитесь, — сказал муж закона. — Слова не в счет, важно только, чтобы тебя понимали, — разумеется, когда речь идет о деле. Вы сами знаете, мисс Клара не такая, как все.

Будь я на вашем месте — мой долг говорить с вами напрямик — будь я на вашем месте, я подал бы в палату лордов такую просьбицу на рассмотрение и стал бы по закону *curator bonis*¹ своей сестры — ввиду «неспособности управлять своим имуществом».

— Миклем, вы настоящий... — начал Моубрей и оборвал на полуслове.

— Кто же я, мистер Моубрей? — спросил Миклем довольно строго. — Кто же я? Я хотел бы знать, кто я, по-вашему?

— С вашего разрешения, вы очень хороший юрист, — ответил сент-ронанский лэрд, который понимал, насколько он в руках у своего поверенного, и не посмел дать воли своему порыву. — Только я должен заявить вам, что, раньше чем предпринять против бедной Клары такие меры, как вы советуете, я лучше передам ей все имение, а сам до конца жизни определюсь в конюхи или фореиторы.

— Знаете, Сент-Ронан, — сказал муж закона, — если вам хочется сохранить старый дом, так надо идти другой дорогой, а не становиться фореитором или конюхом. И чего вы не вышли в адвокаты, как все добрые люди? У моего старого хозяина была латинская поговорочка: *Rerum dominos gentemque togatam*,² а сие означало, по его словам, что всем лэрдам надо становиться адвокатами.

— А все адвокаты, кажется, становятся, нынче лэрдами, — ответил Моубрей. — Они тысячами скупают наши акры и, по старой сказке, расплачиваются одними расписками в своевременном получении, как выражаются ваши ученые друзья, мистер Миклем.

— Ну вот и вы тоже скупали бы землю, — сказал адвокат.

— Да нет, — возразил лэрд, — я не того склада, такое ремесло не для меня. Я бы только зря извел кучу муки на свой рогатый парик да сносил с десятков бумазейных камзолов. По утрам я бы слонялся по колледжу и бездельничал в Аутер-хаузе, вечерами же

¹ Опекун (лат.).

² Мира владыки облечены в тогу (лат.).

торчал в театре, а юриспруденцию изучал мало и не пошел бы дальше судьи по разбору дел о мелких долгах.

— Вы, может быть, и не разбогатели бы, да зато ничего не потеряли бы. Если бы вы не стали заправским юристом, так могли бы раздобыть себе место шерифа либо комиссара — из наследственных — и жили бы припеваючи. Не сделались бы богачом, так по крайней мере спасли бы то, что имеете.

— Так-то оно так, — ответил Моубрей, — только тогда не представилось бы случая удвоить его. А мне это удалось бы, останься эта непостоянная шлюха Фортуна хоть на миг верна мне. Знаете, Мик, у меня за этот год бывало и по сто тысяч на руках, бывало и по пятьдесят, а теперь и вовсе ничего нет. Остались у меня только крохи этого жалкого поместья, которое слишком мало, чтобы от него был прок, пока оно в моих руках. А ведь продай я его, я мог бы начать сызнова и поправил бы свои дела.

— Ну конечно, все, чего вы добиваетесь, это пустить по ветру последнее, — заметил его советчик. — Что вам от этих ста тысяч фунтов, когда их выигрываешь лишь затем, чтобы спустить снова?

— Как что? — переспросил Моубрей. — Для смелого человека это то же, что для полководца выиграть битву. Пусть потом его побьют, в свой черед, — все равно он уже знает, что счастье ему дается не хуже, чем всякому другому, и теперь у него хватит духу на новую попытку. Через день-другой у нас здесь объявится граф Этерингтон. Говорят, он играет по крупной, и будь у меня хоть пять сотен для начала, я бы сейчас же потягался с ним.

— Жаль мне вас, мистер Моубрей, — сказал Миклем. — Я веду дела вашего дома и в какой-то мере мог бы назвать себя слугой вашей семьи, а теперь вынужден смотреть, как все идет прахом! И в этом повинен тот, на кого я надеялся, что при нем дела семьи выправятся и пойдут лучше прежнего. Ведь надо отдать вам справедливость, вы всегда понимали свою выгоду, — в меру ваших возможностей, разумеется.

Слезы навертываются на мои старые глаза, когда я гляжу на все это.

— Вам тут плакать нечего, Мик, — ответил Моубрей. — Не в моих, так в ваших карманах кое-что застрянет, приятель. Ваши услуги без оплаты не останутся, старый друг, вы свое заслужили.

— Заслужить-то заслужил, — согласился стряпчий, — да иную работу не станешь делать и за двойную плату. Однако, если уж вам потребовались деньги, придется их достать, только я уверен, уйдут они туда же, куда ушло все остальное.

— Ну нет, тысяча дьяволов! — вскричал Моубрей. — Это дело верное. Этерингтону не одолеть было Джека Вулверайна ни в одной игре, а я побью Вулверайна запросто и в чем угодно. Однако надо же начинать с чего-нибудь, деньжонок надо достать, Мик.

— Пожалуй что... то есть если можно будет достать, разумеется, — ответил законник.

— Ну, это уж дело ваше, дружище, — сказал Моубрей. — Этот юнец, вероятно, уже завтра будет здесь и привезет полные карманы денег. Он собирает арендную плату в своих владениях, имейте в виду, Миклем.

— Хорошо тем, кому есть что собирать, — отозвался Миклем. — А нам сейчас собирать нечего. Только уверены ли вы, что с этим графом стоит связываться? Почем знать, обыграете ли вы его, а если обыграете, то расплатится ли он с вами? Видел я таких, что отправлялись за шерстью, а возвращались восвояси остриженными. Хотя вы умный молодой джентльмен и, надо полагать, видали виды, и опыта у вас не меньше, чем у других, и все такое, но почему-то вы всегда оказываетесь в проигрыше, как вам, впрочем, и самому слишком хорошо известно...

— На черта мне ваша болтовня, дорогой Мик! Не можете протянуть руку помощи, так хоть не топите меня в потоке пустых слов. Что ж, я был новичком, а за науку приходится платить. Тут, Мик, пустяками не отделаешься. Дело прошлое. Теперь мне больше учиться нечему, я сам себе господин.

— Ну, ну, хотел бы я, чтоб это было так, — сказал Миклем.

— Так оно и будет, так и будет, мой верный друг! — бодро ответил Моубрей. — Вам остается только снабдить меня средствами для начала.

— Какими средствами? О чем вы говорите? У вас как будто средств нет.

— Но зато у вас они есть, дружище! Продайте несколько ваших акций. Я оплачу разницу — лаж, проценты, все, все!

— Да, да, все, а то и ничего, — проворчал Миклем. — Но коли вы так настаиваете, я подумаю. К какому сроку нужны деньги?

— Сейчас! Сегодня! Не позже чем завтра! — закричал будущий должник.

Стряпчий длинно и выразительно свистнул.

— Это невозможно, — заявил он.

— И все-таки это необходимо, Мик, — ответил Моубрей, зная по опыту, что «невозможно», произнесенное его добрым другом, да еще в таком тоне, в переводе означало всего-навсего «чрезвычайно трудно» и «очень дорого».

— Тогда, — сказал Миклем, — пускай мисс Клара продаст свои акции, раз уж вы о них заговорили. — Не понимаю, почему вы об этом раньше не подумали.

— Лучше б у вас язык отсох, чем предлагать мне сейчас такое! — вскричал Моубрей, вздрогнув, словно ужаленный гадюкой. — Отнять эти жалкие гроши! Пустячную сумму, оставленную Кларе теткой на ее собственные прихоти! Ее собственный небольшой капитал, который она тратит на разные добрые дела! Бедная Клара, да у нее и так почти ничего нет! А почему не взять лучше у вас, почтенный Миклем, у вас, который называет себя другом и слугою нашей семьи?

— Все это верно, Сент-Ронан, — ответил Миклем, — да служба не вотчина, а дружба начинается дома, как говаривали мудрые люди в те поры, когда мы еще на свет не родились. И в этом деле, считаю я, ближайшей родне и братья на себя весь риск. Вы, Сент-Ронан, ближе и дороже вашей сестре, чем

бедному Сандерсу Миклему, в ком благородной крови не наберется и голодной блохе на ужин.

— Я этого не сделаю, — говорил Сент-Ронан, в волнении шагая взад и вперед по комнате: при всем своем эгоизме он любил сестру, и любил особенно из-за тех обстоятельств, которые делали его покровительство необходимым для ее благополучия. — Ни за что я не стану грабить ее. Лучше пойду волонтером, отправлюсь на континент и погибну как порядочный человек.

Он продолжал ходить по комнате в мрачном молчании, которое начинало уже беспокоить Миклема, не помнившего, чтобы патрон принимал что-либо так близко к сердцу. Наконец он сделал попытку привлечь внимание лэрда и вывести его из угрюмой задумчивости:

— Мистер Моубрей...

Никакого ответа.

— Так вот, Сент-Ронан, я полагаю...

По-прежнему ни слова в ответ.

— Я обдумал дело и...

— И что же, сэр? — немилостиво отозвался Сент-Ронан, круто оборачиваясь.

— Если уж говорить напрямик, я считаю, что из этого дела все равно ничего путного не выйдет. Окажись деньги сегодня у вас в кармане, ведь наутро они перейдут в карман графа Этерингтона.

— Вы дурак! — сказал Моубрей.

— Может быть, — ответил Миклем, — но сэр Бинго Бинкс тоже дурак, а за последние дни он обыграл вас два-три раза...

— Неправда! И не думал он обыгрывать меня! — яростно закричал Сент-Ронан.

— А я отлично знаю, — dokonчил Миклем, — что вы проиграли ему пари насчет той рыбы и не далее как сегодня еще насчет чего-то.

— Повторяю, вы дурак, Миклем! В моих действиях вы разбираетесь хуже, чем в космографии. Бинго робеет, нужно немножко отпустить леску, вот и все. Потом я прекрасно подсеку рыбку. Это дело верное, так же как и с тем, с другим. Знаю я, на какую при-

манку они ловятся! И вот из-за проклятых пяти сотен мимо меня пройдут десять тысяч!

— Раз вы так уверены, что оберете его, то есть я хотел сказать — так уверены, что сорвете банк, то чем повредите вы мисс Кларе, пустив в ход ее капитал? За риск вы можете вернуть ей вдесятеро больше.

— Разумеется, могу, клянусь небом! — воскликнул Сент-Ронан. — Мик, вы правы. Я мелочный трусливый глупец. За свои жалкие пять сотен Клара получит тысячу фунтов, черт возьми! И я свезу ее в Эдинбург, даже в Лондон, мы там проведем весь сезон, я приглашу к ней лучших врачей, соберу самое лучшее общество, чтоб повеселить ее! А если она им покажется несколько странной — черт побери, я сумею за нее вступить, ведь я брат ее! Да, да, вы правы: никакой беды не случится, если я возьму у нее сотен пять на несколько дней — ведь это может принести только выгоду и ей и мне. Ну-ка, налейте стаканы, дружище, и выпьем за успех, так как вы совершенно правы.

— Пью за успех от всей души, — ответил Миклем, чрезвычайно обрадованный тем, что пылкий характер патрона подтолкнул его к нужному решению. Однако он захотел все-таки на всякий случай выгородить себя. — Только тут правы-то вы, а не я. Я бы ничего не присоветовал, кабы не ваши уверения, что вы-де побьете этого английского графа, да и сэра Бинго тоже. А если вы твердо надеетесь на успех, то со стороны любого из ваших друзей было бы неумно и невеликодушно мешать вам.

— Верно, Миклем, верно, — ответил Моубрей, — однако кости и карты — всего лишь кость да картон. И самая резвая беговая лошадь может поскользнуться, не добежав до столба. Лучше бы не впутывать сестрины деньги в такое дело... Впрочем, горевать рано! Если не повезет, я сумею вывернуться не хуже всякого другого. Так что готовьте-ка наличные денежки, Мик.

— Ну то-то! Но вот что еще надо сказать вам. Акции положены в банк на мое имя и на имя банкира Тэма Терппенни, как опекунов мисс Клары. Добудьте

от нее письмо, в котором она поручала бы нам продать акции и выплатить вам полученную сумму, и Тэм Тернпенни на основании этого документа незамедлительно выложит вам пятьсот фунтов. Вы ведь, наверно, захотите продать весь пакет? Это даст больше шестисот, а то и целых семьсот фунтов. Я считаю, что вам лучше продать все: стоит ли такую малость делить?

— Верно, верно, — ответил Моубрей. — Если идти нам с вами в подлецы или вроде того, так не зря же. Заготовьте мне образец письма, а Клара перепишет, — если, конечно, согласится. У нее, знаете, может оказаться свое собственное мнение, как у всякой женщины.

— А уж тут, — сказал Миклем, — ничего не поделаешь, спорить с ней — все равно что уговаривать ветер. Но разрешите дать вам совет: я бы на вашем месте сказал мисс Кларе только, что вам очень нужны наличные деньги. Насколько я понимаю, ей едва ли будет по душе, чтобы вы на теткин деньги пытались счастья в орла и решку с лордами и баронетами. У нее, я знаю, странные понятия в иных вопросах: все доходы с этого капитала она тратит лишь на дела милосердия.

— Значит, я рискую ограбить и бедняков и свою сестру зараз, — промолвил Моубрей, снова наливая вина и себе и своему другу. — Ну, Мик, деваться некуда! Выпьем за Клару, она-то ангел, а вот я... Что я такое — я и сам не скажу и никому другому не позволю сказать. Только на этот раз я выиграю, непременно выиграю — ведь от этого зависит состояние Клары.

— Зато, думаю я, — сказал Миклем, — коли дело обернется плохо — ведь бог свидетель, часто срываются и самые умные расчеты, — нас утешит сознание, что в конце концов в накладе останутся одни бедняки, да и тем приход не даст умереть голодной смертью. Вот если бы ваша сестра тратила свои деньги на себя — тогда дело другое.

— Довольно, Мик! Молчите, ради бога, мой почтенный друг, — сказал Моубрей. — Все это так.

В черный день не найти советчика лучше вас — дюжина казуистов не могла бы так славно примирить совесть человека с его потребностями. Но поберегитесь, мой усердный исповедник и советник, не перестарайтесь! Смотрите, как бы ваши шуточки не отбили у меня всякую охоту к этому делу. Давайте-ка ваше послание, и я пойду с ним к Кларе, хотя, пожалуй, я предпочел бы сойтись с лучшим стрелком Британии на зеленой лужайке в десяти шагах.

С этими словами он вышел из комнаты.

Глава XI

БРАТСКАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ

Мой родич быть мне близок должен
сердцем.

Когда я вижу, как играют дети
И как Уильям рвет цветы для Эллен,
А та ему для лески мушек ловит,
Не верю я, что минет лет десяток,
И алчность, подозренье, равнодушие
Навеки разорвут святые узы,
Связующие брата и сестру.

Неизвестный автор

Расставшись со своим зловредным советчиком, чтобы предпринять действия, которые тот, не очень расхваливая, все же подсказывал ему, Моубрей направился в маленькую гостиную, которую его сестра привыкла называть своей и где проводила почти все время. Комната была убрана тщательно и прихотливо и по своему изяществу и порядку представляла полный контраст другим помещениям старого и запущенного дома. На маленьком рабочем столике лежали предметы, говорившие о художественных склонностях обитательницы и в то же время намекавшие на неустойчивость характера. Там были неоконченные рисунки, ноты с помарками, вышивки всех родов и прочие мелочи, сделанные женскими руками. Видно было, что за них принимались со старанием, что над ними

трудились со вкусом и умением и что их бросили, так и не доведя до конца.

Сама Клара сидела на низеньком диванчике у окна и читала книгу или только переворачивала страницы, делая вид, что читает. Увидев брата, она тотчас вскочила и с самой искренней радостью бросилась к нему.

— Добро пожаловать, дорогой Джон! Как мило, что ты навестил затворницу сестру! А я тут стараюсь приневолить свои глаза и мысли к чтению этой глупой книги — ведь говорят, будто мне нехорошо много думать. Не знаю, в чем дело — повесть скучна или я не умею сосредоточиться, но глаза мои лишь скользят по странице, словно во сне, когда снится, что читаешь, а ты не понимаешь ни слова. Поговори со мной, так будет лучше. Чем мне угостить тебя, чтобы доказать, как я рада тебе? Боюсь, что могу предложить тебе только чашку чая, а ты до него не большой охотник.

— Сейчас я с удовольствием выпью чашку, — сказал Моубрей. — Мне надо поговорить с тобой.

— Тогда Джесси быстро приготовит нам чаю, — сказала мисс Моубрей и, позвонив, отдала распоряжение горничной. — А за то ты не будь неблагодарным, Джон, и не мучь меня разговорами о церемониале своего праздника. «Довлеет дневи злоба его» — в свое время я выйду к гостям и для твоего удовольствия постараюсь сыграть свою роль как можно лучше. Но думать об этом заранее — голова и сердце разболются. Так что, пожалуйста, пощади меня, не будем говорить об этом.

— Ах ты моя дикарочка! — сказал Моубрей. — С каждым днем ты все больше боишься встреч с людьми; когда-нибудь ты убежишь у нас в лес и одичаешь там, как принцесса Карабу. Нет, я постараюсь не мучить тебя. Если в этот великий день что-нибудь пойдет вкривь и вкось — пусть бранят болвана, который не нашел себе в помощь советницы. Но я хотел поговорить с тобой, Клара, о более важном деле, о деле чрезвычайной важности.

— О каком деле? — воскликнула, вернее почти закричала Клара. — Господи боже мой, что это? Ты сам не знаешь, как пугаешь меня!

— Да что тебе померещилось? — сказал брат. — В моем деле нет ничего необыкновенного. Право, это довольно обычная неприятность, и, насколько мне известно, она часто случается в жизни. Мне до зарезу нужны деньги.

— И это все? — спросила Клара.

По тону ее брат понял, что теперь, узнав, в чем суть, она склонна настолько же преуменьшать беду, насколько раньше, до его объяснения в страхе готова была преувеличить ее.

— Все? Действительно, в этом все дело, но оно сулит изрядные хлопоты. Если я не достану некоторой суммы, мне придется очень трудно. Я даже вынужден обратиться к тебе с просьбой — может быть, ты поможешь мне?

— Помогу ли я тебе? — переспросила Клара. — Разумеется, и с великой радостью! Но ты сам знаешь, мой кошелек не очень тяжел... Впрочем, у меня сейчас осталось еще около половины того, что я получила прошлый раз, и, конечно, Джон, я буду рада, если мои деньги тебе пригодятся. Особенно я радуюсь тому, что, значит, и нужда твоя не так уже велика.

— Увы, Клара, если ты хочешь помочь мне, — сказал брат, уже почти раскаиваясь в своих замыслах, — тебе надо прирезать курицу, которая несет золотые яйца: ты должна дать мне взаймы весь свой капитал.

— А почему бы и нет, если этим я окажу тебе услугу, Джон? — простодушно отозвалась девушка. — Разве ты не попечитель мой по родству? Разве ты не добр ко мне? И разве мое маленькое состояние не вполне в твоём распоряжении? Я знаю, ты все сделаешь как нельзя лучше.

— А вдруг нет? — сказал Моубрей, отшатываясь от нее. — А если я не уверен в этом?

Ее доверчивость и готовность показали ему горше всех ожидаемых споров и возражений. Хитрости и уловки, к которым ему пришлось бы прибегнуть в этом случае, чтобы вынудить ее согласие, заглушили бы голос совести. Тут была та же разница, что отличает убийство прирученного и покорного животного от охоты на дикого зверя, когда возбуждение от долгой

погони заглушает в охотнике тайное сознание собственной жестокости. Именно эта мысль посетила сейчас Моубрея. «Боже мой, ведь это все равно что стрелять в птичку на ветке!» — подумал он.

— Клара, — обратился он к ней, — боюсь, что эти деньги едва ли будут истрачены так, как тебе хотелось бы.

— Трать их как тебе нравится, братец, — отвечала она, — и я буду считать, что все хорошо.

— Я и делаю все для этого, — подхватил он, — во всяком случае, я делаю то, что нужно делать, ибо другого выхода не вижу. Теперь от тебя требуется только переписать эту бумагу и распроститься с банковскими дивидендами, по крайней мере на время. Я надеюсь увеличить вдвое эту маленькую сумму, пусть только фортуна будет дружна со мной.

— Не доверяй фортуне, Джон, — сказала Клара, улыбаясь, хотя во взоре ее промелькнуло горестное выражение. — Увы! Фортуна не в ладах с нашей семьей — во всяком случае, в последнее время.

— Фортуна любит смелых — это я знаю с детства из грамматических прописей, — отвечал брат, — и я должен довериться ей, будь она изменчивей, чем флюгер на коньке дома. Но если... но если она обманет меня?.. Что сделаешь, что скажешь ты, Клара, если, наперекор моей уверенности, наперекор моим надеждам и ожиданиям, я не верну тебе этих денег в скором времени?

— Что я сделаю? — воскликнула Клара. — Я должна буду обойтись без них, сам понимаешь. А что я скажу? Я ничего не скажу тебе, ни слова.

— Так я и думал, — сказал Моубрей. — Ну, а твои собственные расходы на добрые дела? А твои слепые и увечные? А все твои нищие?

— Ну, с этим-то я справлюсь. Смотри-ка, Джон, сколько здесь всяких недоделанных вещей. Героиня любого романа в беде всегда обращается к игле и карандашу, не правда ли? И поверь мне, хотя последнее время я стала неусидчива и не очень прилежна, если я возьмусь за дело, ни одна из этих Эмелин и Этелинд не угонится за мной — такие горы безделу-

шек буду отправлять на продажу и такую уйму денег заработаю. Леди Пенелопа и все эти господа на Сент-Ронанских водах наверняка кинутся раскупать мои работы, разыгрывать их в лотерею и будут делать все на свете, чтобы поддержать грустную и задумчивую мастерицу. Я засыплю их ландшафтами с ярко-зелеными деревьями и синими-пресиними речками, портретами, от которых содрогнутся сами оригиналы, носовыми платками и тюрбанами с хитрым шитьем, которое поспорит с запутанными тропками, проложенными к нашему Бельведеру, — поверь, я составлю себе состояние за первый же сезон!

— Нет, Клара, мы придумаем кое-что получше, — серьезно сказал Джон, ибо, пока сестра говорила все это, добрые намерения взяли верх в его сердце. — Если твоя великодушная помощь не спасет меня на этот раз, я брошу все это дело. Надо мной посмеются, пошутят раз-другой; какой-нибудь весельчак спросит: «Черт побери, Джек, куда девалась твоя удаль?» — вот и все. Собаки, лошади и все прочее пойдет с молотка. Оставим только твою лошадку, а я обойдусь парой крепких ног. Последние акры старой земли дадут нам возможность вести такую жизнь, какая нравится тебе и какую я научусь любить. Буду работать в саду, буду сам ходить в лес и ставить метки на деревьях; буду сам рубить их, сам вести свои счетные книги и пошлю к дьяволу Сандерса Миклема.

— Вот это самое лучшее из всех твоих решений, Джон, — сказала Клара, — и, если наступит такой день, счастливей меня на свете никого не будет. У меня тогда не останется ни одной заботы, а если и останется, так ты о ней не узнаешь и не услышишь. Она скроется здесь, — промолвила она, кладя руку на грудь, — здесь я схороню ее, словно урну с погребальным пеплом в глубине холодной гробницы. Ах, пусть бы мы повели такую жизнь с завтрашнего дня! Если для этого уж так необходимо сначала избавиться от этих денег, брось их в речку и считай, что ты проиграл их в карты или на бегах.

Любовно устремленные на брата глаза Клары сияли сквозь слезы, навернувшиеся от волнения, которое

охватило ее при этих словах. Моубрей же не мог под-
нять на нее взгляда, и щеки его горели румянцем
ложного самолюбия и истинного стыда.

Наконец он взглянул ей в лицо.

— Моя дорогая сестренка, — заговорил он, — как
неразумно ты рассуждаешь, и как неразумно с моей
стороны стоять здесь и слушать тебя, когда у меня
столько дел на руках! Мой план отлично удался, а
если нет, у нас есть и твой про запас, и, клянусь, я
выполню его без спора. Пустячные деньги, которыми
по твоему письму я получу право распоряжаться, мо-
гут принести мне счастье, а пока есть надежда на ус-
пех, сдаваться нельзя. Выйди я сейчас из игры, мы не
разбогатеем и не обеднеем от этих нескольких сотен.
Так что, видишь, дело наше верное. Надо признаться,
счастье иногда оборачивается против меня, но при
равных условиях и честной игре я могу побить лю-
бого, не зовись я Моубреем. Прощай, дорогая Клара!

С этими словами он нагнулся и нежнее обычного
поцеловал ее.

Прежде чем он успел выпрямиться, она ласково
обхватила его руками за шею и сказала с выраже-
нием глубокой нежности:

— Милый брат, самое малое твое желание всегда
было и будет законом для меня. О, если бы и ты ис-
полнил одну-единственную мою просьбу!

— Какую просьбу, глупышка? — сказал Моубрей,
мягко высвобождаясь из ее рук. — Что это у тебя за
просьба, которая нуждается в таком торжественном
предисловии? Ты ведь знаешь, я не люблю предисло-
вий и, когда мне случается взяться за книжку, всегда
их пропускаю.

— Тогда скажу без предисловий: не можешь ли
ты, братец, ради меня избегать ссор, которые постоян-
но возникают между обитателями отеля там внизу, на
Сент-Ронанских водах? Всякий раз, бывая там, я
узнаю о какой-нибудь новой стычке. И всякий раз,
едва склонив голову на подушку, я вижу во сне, что
ты становишься жертвой такой ссоры. Вот и вчера...

— Ну, Клара, если ты начнешь рассказывать свои
сны, мы никогда не кончим. Спать для тебя, наверно,

самое главное занятие — ведь ешь ты не больше воровья. Но покорнейше прошу: спи без всяких снов или храни их про себя. Почему ты так ухватила за меня? Ну, чего ты боишься? Неужто ты воображаешь, что этот болван Бинкс или кто другой из этих господ с Сент-Ронанских вод посмеет наступить мне на ногу? Какого черта, я даже буду рад, если кто-нибудь из них наберется задора — у меня по крайней мере будет предлог проткнуть его шпагой. Ей-ей, я мигом покажу им, как вести себя!

— Нет, Джон, не таких людей я опасаясь, — ответила ему сестра. — Случается, правда, что, впадая в бешенство, грус становится опасней иного храбреца — и все же такие люди не страшны мне. Но бывают люди, по виду которых не угадаешь их свойств. Их мужество, их отвага скрыты, словно металл в глубине рудника, и таятся под покровом ничем не примечательной, даже обыкновенной внешности. Ты можешь встретиться с людьми такого рода, а ты горяч и опрометчив, ты любишь упражняться в остроумии, не всегда взвешивая последствия, и...

— Честное слово, Клара, — ответил Моубрей, — ты сегодня решила читать мне проповеди! Такой логике и глубокомыслию позавидовал бы даже наш священник! Твою речь надо лишь поделить на главки, сдобрить выводами практическими и выводами богословскими и затем читать с церковной кафедры перед всеми прихожанами ради их поучения и наставления. Но я-то, милая моя Клара, в церковь не ходок! И хотя я свою голову зря подставлять не собираюсь, все же запугать меня трудно. Кто же это собирается ко мне сунуться? Мне это надо знать, Клара, ведь, упрасывая меня остерегаться ссор, ты, наверно, имеешь в виду какого-то определенного человека.

Если Клара и побледнела, то при ее обычно снежно-белом цвете лица это не было заметно. Однако голос ее срывался, когда она стала торопливо уверять брата, что на уме у нее никого не было.

— Ты помнишь, Клара, — спросил брат, — как много лет назад, когда мы оба были детьми, пошел слух, будто в верхнем саду бродит призрак?

Помнишь, как ты все просила меня остерегаться его и держаться подальше от мест, где он появился? А помнишь ли ты, как я нарочно пошел выслеживать этот призрак и застал там пастуха в натянутой поверх одежды белой рубашке, который сбивал груши? Помнишь, какую трепку я ему задал? Я все тот же Джек Моубрей, я по-прежнему рад встретить врага лицом к лицу, по-прежнему готов сорвать маску с обманщика. Твои страхи, Клара, принудят меня только быть настороже, чтобы в конце концов открыть их настоящую причину. Раз ты предостерегаешь меня от ссоры с кем-то, значит ты сама знаешь кого-то, кто недалеко от ссоры со мной. Ты девушка взбалмошная и вздорная, но у тебя хватит рассудка, чтобы в вопросах чести тревожиться самой и меня тревожить лишь тогда, когда для этого будут надлежащие основания.

Клара пыталась возражать, всячески стараясь убедить брата, что слова ее исходят только из опасений за последствия, которые может иметь его поведение, и что жизнь, которую он ведет, заставляет ее страшиться, как бы он не впутался в ссоры, раздиравшие достойное общество на Сент-Ронанских водах.

Маленькими глотками попивая чай из давно поставленной перед ним чашки, Моубрей с видом сомнения и даже недоверия слушал ее речи и наконец ответил:

— Ну, Клара, прав я или неправ в своих догадках, но после того, что ты сделала для меня сегодня, мучить тебя долее было бы жестоко. Однако будь справедлива к собственному брату и пойми, что когда ты хочешь о чем-нибудь просить меня, откровенное изложение твоего желания послужит цели гораздо лучше, чем всякие хитроумные окольные способы воздействовать на меня. Брось об этом думать, милая Клара, ты плохой стратег; впрочем, будь ты самим Макиавелли в юбке — и то тебе не удалось бы обойти Джона Моубрея.

Сказав это, он покинул комнату и, хотя сестра дважды окликнула его, не обернулся на ее призыв. Правда, она так тихо вымолвила это слово: «Брат,

брат...» — что, быть может, оно и не достигло его слуха.

— Вот он ушел, — сказала она себе, — а у меня так и не достало силы высказаться! Я как те несчастные призраки в старых песнях, на которых лежит страшное заклятие, не позволяющее им ни проливать слезы, ни исповедаться в своих преступлениях. Да, заклятие лежит на этом бедном сердце, и либо оно будет снято, либо сердце мое разорвется!

Глава XII

ВЫЗОВ

Я принес записочку, которую, с вашего позволения, должен вручить вам. К услуге этой меня понуждает дружба, а для вас здесь нет никакой обиды, потому что я-то желаю добра каждой из сторон.

«Король и не король»

Всякий внимательный читатель припомнит, что Тиррел покинул Фокс-отель, не испытывая к собравшемуся там обществу тех дружеских чувств, с какими входил в гостиницу. Тиррел даже подумал было, что история эта, вероятно, так просто не кончится, но под напором более важных и более настоятельных событий эта мысль только промелькнула у него в уме и сразу исчезла. Затем миновало два дня, от сэра Бинго Бинкса не было ни слуху ни духу, и Тиррел вовсе забыл обо всем этом деле.

Истина же заключалась в том, что хотя ни одна старая хозяйка так не хлопотала, сгребая в кучку угольки в своем затухшем очаге и стараясь мехами вздуть в нем огонь, как трудился капитан Мак-Терк, любезно принявший на себя задачу разжечь до яркого пламени гаснущие искры баронетовой храбрости, все же в бесплодных переговорах прошло два дня, прежде чем ему удалось добиться желанной цели.

Всякий раз, придя к сэру Бинго, он заставлял его в новом настроении, и всякий раз баронет проявлял склонность рассматривать вопрос под любым углом зрения, кроме того, который капитан почитал единственно правильным. Сэр Бинго оказывался в настроении мрачном, в настроении беззаботном, в настроении напиться и в настроении ругаться, словом, в любом, кроме воинственного. Когда же капитан Мак-Терк стал толковать ему о чести общества, проживающего на Сент-Ронанских водах, сэр Бинго принял оскорбленный вид, послал к дьяволу Сент-Ронанские воды со всеми обитателями и намекнул, что с них довольно той чести, которую он им оказывает своим присутствием, а делать их судьями своих поступков совсем не намерен. Тот парень — просто какой-то проходимец, и он не станет с ним возжаться. Ввиду такого своеволия Мак-Терк охотно применил бы строгие меры к самому баронету, однако ему воспрепятствовали в этом Уинтерблоссом и другие члены высокого комитета, которые считали сэра Бинго слишком важным и знатным членом общества, чтобы столь необдуманно и грубо изгонять его с Сент-Ронанских вод, куда не так уж часто наезжали вельможи. В конце концов они решились ничего не предпринимать без совета Моубрея, а тот был занят подготовкой к своему празднеству, назначенному на четверг, и последние дни не появлялся у источника.

Тем временем бравый капитан испытывал такие душевные муки, словно была замарана его собственная безупречная репутация. Он шагал взад и вперед по комнате, подсакивая на носках, и досадливо дергался с самым вызывающим видом. Он задира л нос вверх, словно свинья, которая принюхивается к надвигающейся грозе. Он разговаривал одними междометиями, а то и не разговаривал вовсе и — что, вероятно, лучше всего выразило глубину его негодования — на глазах у всех отказался выпить за здоровье сэра Бинго рюмку коньяку, поставленного баронетом.

Наконец весь поселок переполошила весть, привезенная неким бойким заезжим торговцем, что молодой граф Этерингтон, появление которого в качестве звезд

ды первой величины ожидалось на модном небосклоне, действительно едет на Сент-Ронанские воды и намерен пробыть здесь час, день, неделю или сколько ему заблагорассудится, ибо нельзя было ожидать от сиятельного графа, чтобы он сам знал заранее, чего ему захочется.

Все заходило ходуном. Обитатели Сент-Ронанских вод перелистывали придворные календари, устанавливая возраст его светлости, производили запросы о размерах его состояния, толковали о его привычках, гадали о его вкусах, и вся изобретательность распорядительного комитета была пущена в ход, чтобы с самой лучшей стороны представить Сент-Ронанские воды этому баловню счастья. В Шоуз-касл поскакал нарочный с этим приятным известием, и оно еще более разожгло в Моубрее надежды, подвигнувшие его на присвоение сестриного капитала. Однако он не счел нужным явиться по этому вызову на воды, ибо, не зная, как понравятся его светлости собравшиеся там господа, он не желал, чтобы граф сразу причислил его к ним.

В другом положении находился сэр Бинго Бинкс. Стойкость, с которой он сперва сносил всеобщее осуждение, пошатнулась, когда он сообразил, что особа столь высоких качеств, какие молва приписывала графу Этерингтону, может застать его физически в Сент-Ронане, но поскольку дело касалось его общественной репутации — уже на дороге в старинный город Ковентри. Притом графу предстояло узнать, что изгнание в сей град сэр Бинго навлек на себя самым непростительным нарушением современного морального кодекса — а именно несоблюдением привычных правил в вопросах чести. Хотя баронет выказывал некоторую вялость и неохоту к действию, однако он вовсе не был окончательным трусом, а если и был им, то принадлежал к той разновидности трусов, которые, будучи доведены до крайности, все-таки принимают бой. И он, как подобает мужчине, послал за капитаном Мак-Терком. Тот явился с лицом торжественным и мрачным, но немедленно просиял, когда сэр Бинго без дальних околичностей уполномочил его передать

вызов «этому проклятому бродяге художнику, оскорбившему его три дня тому назад».

— Боше мой, мой превосходный и добрейший друг, я буду счастлив оказать вам такую услугу! — воскликнул капитан. — И хорошо, что вы подумали об этом, потому что кабы не иные ваши добрейшие и превосходные друзья, которые любят совать свой нос куда их не просят, я уже давно справился бы у вас со всей уштивостью, как это вы решаетесь садиться с нами за один стол, когда грязь с ворота вашего сюртука, замаранного пятернею Тиррела, до сих пор не смыта... Да вы меня понимаете... Но так получается гораздо лучше, и я быстрее молнии понесусь к этому парню! Правда, все это следовало сделать гораздо раньше, но вы уж предоставьте мне сочинить какое-нибудь оправдание — я сумею выразиться изящно! Лучше поздно, чем никогда, сэр Бинго, и лучше как-нибудь, чем никак! Вы, пошалуи, заставили его потерпеть, но зато, дружок, теперь вы должны задать ему перцу.

Капитан не стал дожидаться, что скажет на это сэр Бинго, опасаясь, как бы столь неожиданно и наспех доверенный ему вызов не оказался сведенным на нет какими-нибудь условиями возможного примирения. Однако со стороны отважного сэра Бинго таких предложений не последовало. Когда же его приятель поспешно схватил свою трость и направился к выходу, баронет проводил его тупым и упрямым взглядом, который, как он сам полагал, должен был выражать твердую решимость не отступать от дела. А когда сэр Бинго увидел, как за капитаном захлопнулась дверь, и услышал его замирающие шаги, он лихо просвистал вслед ему несколько тактов из песенки о Дженни Саттон в знак того, что ему плевать, чем бы все это ни кончилось.

Быстрее, чем подобало офицеру в отставке, у которого обыкновенно слишком много досуга, и куда скорей, чем то позволяло присущее ему достоинство, капитан Мак-Терк прошел расстояние между беззаботным поселком у источника и развалинами Старого городка, где, как последний оплот былого величия

Сент-Ронана, высилась резиденция нашей приятельницы Мег Додз.

Будучи человеком слишком привычным к войне, чтобы робеть перед суровым приемом, капитан направил свои стопы прямо ко входу в Клейкемскую гостиницу. Однако, едва Мег появилась в приоткрытой двери, его воинский опыт сразу подсказал ему, что, входя в дом, ему, очевидно, придется натолкнуться на оборону.

— Дома ли мистер Тиррел? — прозвучал вопрос. Но на это послышался вопрос же:

— А ты кто таков?

В качестве учтивого ответа и в то же время в целях подтверждения своих мирных намерений капитан вручил матушке Додз перепачканную нюхательным табаком четвертушку обыкновенной игральной карты с его именем и званием на обратной стороне. Но матушка Додз с оскорбительным презрением отвергла представленные ей таким образом сведения.

— Знать я не желаю ваших карт! Все на свете пошло хуже с тех пор, как с легкой руки дьявола эти фокусы вошли в моду. Да и плох язык, что не поворачивается, когда надо назвать свое собственное имя, — сказала Мег. — А эти каракули на вашей картонке мне вовсе ни к чему.

— Я капитан Н-ского полка Мак-Терк, — кратко отвечив капитан, решив пренебречь тирадой Мег.

— Мак-Терк? — переспросила Мег с таким выражением, что владелец этого имени вынужден был подтвердить:

— Да, моя милая, Мак-Терк, Гектор Мак-Терк. Вам мое имя почему-то не нравится, хозяйюшка?

— С чего бы ему мне не нравиться? — возразила Мег. — Для язычника имя самое распрекрасное. Только, капитан Мак-Терк (если вы и в самом деле капитан), поворачивайте-ка налево кругом да шагайте к себе домой под Дамбартонский марш, потому что ни с мастером Тирлом, ни с кем другим из моих жильцов вам говорить не придется.

— А почему мне нельзя говорить с ними? — спросил ветеран. — И это само пришло в вашу глупую

голову или жилец дал вам такие распоряжения, почтеннейшая?

— Может быть, давал, а может быть, и не давал, — твердо отвечала Мег. — И, по-моему, у вас не больше оснований именовать меня «почтеннейшая», чем у меня звать вас «почтеннейший», что никак не сходится ни с моим мнением, ни с истинной правдой.

— Да она вовсе спятила! — вознегодовал капитан Мак-Терк. — Потихе! Потихе! Нельзя же так оскорблять порядочного джентльмена, когда он является от лица другого порядочного джентльмена. Станьте-ка поближе к косяку и дайте мне пройти, не то, клянусь богом, я заставлю вас потесниться, а это вам едва ли придется по вкусу.

И он двинулся вперед, как человек, который намерен силой проложить себе дорогу. Однако Мег, не удостаивая его дальнейшими переговорами, взмахнула метлой, которой орудовала более подходящим к ее назначению способом в тот момент, когда капитан Мак-Терк прервал ее хозяйственную деятельность.

— Знаю я, зачем вы пришли, капитан, и вас самого я отлично знаю. Вы из тех, кто любит дергать людей за уши, чтобы стравливать их, как мальчишки стравливают своих псов. Но до моих постояльцев, до моего мастера Тирла вам с вашим богомерзким поручением не добраться, потому что я-то умею соблюдать мир и порядок в моем доме.

И вслед за этими словами она снова взмахнула метлой, наглядно выражая свои мирные намерения.

Наш ветеран мысленно препоручил себя святому Георгию, отступил на два шага и вскричал:

— Ну, эта баба либо с ума сошла, либо пьяна вдребезги!

Оба эти предположения так не понравились Мег, что она бросилась прямо на отступающего противника и решительно пустила в ход свое грозное оружие.

— Это я-то пьяна? Ах ты клеветник и негодяй! (Удар метлой в качестве вводного предложения.) Да я, грешная, кроме чая в рот ничего не беру! (Еще удар.)

Крича, и ругаясь, и выказывая изрядную ловкость, капитан оборонялся тростью от града сыпавшихся на него ударов. Кругом уже собирались зеваки. Неясно, удержался б он или нет в пределах галантности или уступил жажде мести и стремлению к самозащите, но только приход Тиррела, возвратившегося с короткой прогулки, положил конец сражению.

Мег, весьма почитавшая своего постояльца, устыдилась собственной горячности и ускользнула в дом, не преминув порадоваться, что ей все-таки удалось близко познакомить свою метлу с башкой старого нечестивца. Спокойствие, воцарившееся с ее отбытием, позволило Тиррелу справиться у Мак-Терка, которого он наконец узнал в лицо, что было причиной этой удивительной схватки и не к нему ли относился визит капитана. На это старый воин весьма взволнованно отвечал, что Тиррелу это стало бы известно давным-давно, если бы дверь у него открывал порядочный человек, умеющий вежливо ответить на вежливо заданный вопрос, а не эта сварливая, полоумная баба, которая пострашнее орлицы, овчарки, медведицы, да и любого зверя женского пола.

Отчасти подозревая цель его прихода и не желая разглашать ее без нужды, Тиррел пригласил капитана к себе в отведенную ему гостиную, попросил извинения за грубость хозяйки и предложил перейти прямо к делу, которому обязан честью видеть его у себя.

— Вы совершенно правы, добрейший мистер Тиррел, — сказал капитан, обдергивая рукава сюртука, поправляя шейный платок и жабо и пытаясь вернуть себе хладнокровие, подобавшее его миссии, хотя по временам все еще вскипая негодованием против обхождения, которому подвергся. — Шорт побери, да если бы это был мужчина, пусть бы сам король!.. Ведь я пришел к вам, мистер Тиррел, с учтивым предложением... и весьма учтиво со мной обошлись! Старую суку следует забить в колодки, будь она проклята! Мой друг сэр Бинго... Шорт возьми, ввек не прощу ей такой наглости, и если только найдется констебль хоть за десять миль отсюда и хорошая плеть для нее..

— Я вижу, капитан, — прервал его Тиррел, — вы сейчас слишком расстроены, чтобы изложить мне дело, которое привело вас ко мне. Пойдемте-ка в мою спальню: холодная вода и полотенце помогут вам несколько успокоиться.

— И не подумаю я заходить к вам, мистер Тиррел, — раздраженно отвечал капитан. — Я не собираюсь успокаиваться и не собираюсь задерживаться в этом доме ни на минуту и покину его, как только передам вам порушение моего друга. А что до этой проклятой бабы Мег Додз...

— В таком случае разрешите мне прервать вас, капитан Мак-Терк. Ведь ваше дело ко мне, по-видимому, не стоит ни в какой связи с этим удивительным столкновением с моей хозяйкой, за которое я никак не отвечаю...

— А если бы я думал, что вы за него в ответе, сэр, — сказал капитан, в свою очередь прерывая Тиррела, — вам пришлось бы дать мне удовлетворение, не сходя с места. Я с радостью выложил бы пять фунтов молодчику, который решился бы сказать: «Капитан Мак-Терк, а женщина-то была в своем праве!»

— Уж я-то никак не подхожу к роли такого молодчика, потому что действительно не знаю, кто был прав, а кто нет. Однако, поскольку вы шли ко мне, я очень сожалею, что вас приняли так дурно.

— Ну, раз вы сожалеете, — сердито сказал муж мира и порядка, — то и я сожалею, и делу конец. А что касается моего поручения к вам, то вы, конечно, помните, как нелюбезно и невежливо вы обошлись с моим другом, сэром Бинго Бингсом?

— Ничего подобного я не припоминаю, капитан, — отвечал Тиррел. — Я только помню, что вышеназванный джентльмен позволил себе глупейшим образом биться об заклад касательно моих дел, и знаю, что из уважения к присутствующим и особенно к дамам я обошелся с ним весьма сдержанно и снисходительно.

— Отличное у вас представление о снисходительности, добрейший мистер Тиррел! Ведь вы взяли близкого моего друга за шиворот и убрали с дороги, словно собачонку! Он, могу вас заверить, отнюдь не счи-

тает, что вы были к нему снисходительны, и не собирается быть снисходительным к вам. Посему мне надлежит либо передать ему от вас соответствующие извинения, либо вам обоим следует тихо и мирно встретиться где-нибудь, прихватив по приятелю с каждой стороны. Вот с каким поручением я пришел к вам, а эта проклятая баба со своей метлой, из ярой ненависти к кротким и миролюбивым действиям...

— Давайте, капитан Мак-Терк, позабудем пока о миссис Додз, — сказал Тиррел. — Возвращаясь к нашему делу, должен вам заметить, что вызов, по моему, изрядно запоздал. Вы человек военный, и вам лучше знать, но я-то всегда полагал, что такие разногласия обычно улаживаются тотчас же по возникновении. Впрочем, я не стану препятствовать желанию сэра Бинго ни на основании этой задержки, ни по какой другой причине вообще.

— Разумеется, не станете, разумеется, не станете, мистер Тиррел, — отвечал капитан. — Я вправе думать, что вам известно, как подобает поступать джентльмену. А что касается промедления, так знаете ли, сударь, люди бывают различных сортов, так же как огнестрельное оружие. Бывают ружья с чувствительным спусковым крючком, которые мигом стреляют и как раз в нужный момент, — таков, мистер Тиррел, человек чести. Иной же схватится сразу, а потом уклоняется от дела, как дрянное бирмингамское ружьецо, что иногда выпалит, когда курок еще на предохранителе, а другой раз затравка горит, а оно и вовсе не стреляет. А бывают и такие, что сначала дают осечку, вроде тех мушкетов, сказал бы я, которыми орудуют темнокожие в Индии: фитиль приходится раздувать и все такое прочее, вот вам и отсрочка, но в конце концов ружье грохнет как надо.

— И доблесть вашего друга сэра Бинго как раз этого рода, — не таково ли ваше заключение, капитан? Я бы скорее сравнил ее с детской пушкой, которая стреляет, когда дергают за веревочку: в конце концов такое орудие ничем не лучше хлопушки.

— Не могу допустить таких сравнений, сэр, — сказал капитан. — Вы сами понимаете, что, поскольку я явился сюда в качестве друга сэра Бинго, обидные замечания на его счет оскорбительны и для меня.

— Я не имел намерения оскорбить вас, капитан, и совсем не хочу увеличивать число своих противников и прибавлять к ним имя такого отличного офицера, как вы, — отвечал Тиррел.

— Вы слишком любезны, сэр, — сказал капитан, важно задирая нос. — Но, шорт побери, это было хорошо сказано! Ну, сэр, значит, я не буду иметь удовольствия передать от вас сэру Бинго какие-нибудь объяснения? Могу вас уверить, что прилично уладить это дело мне будет только приятно.

— У сэра Бинго мне незачем просить извинений, капитан Мак-Терк. Я полагаю, что обошелся с ним мягче, чем того заслуживала его дерзость.

— Ох, ох, — вздохнул капитан, как настоящий житель шотландских гор. — Тогда, значит, говорить не о шем. Давайте назначим место и время. Оружием, вероятно, будут пистолеты, я полагаю?

— Для меня все это совершенно безразлично, — сказал Тиррел. — Но если говорить о времени, я предпочел бы закончить дело как можно скорее. Что вы скажете, если я предложу встретиться сегодня же в час пополудни? Место назначьте сами.

— В час пополудни сэр Бинго встретится с вами, — торжественно объявил капитан. — Место встречи — у Оленьего камня. Там нам не помешают, потому что все общество отправляется сегодня на реку варить уху. А с кем мне обсудить условия поединка, мой дорогой друг?

— По правде сказать, капитан, это затруднительный вопрос, — ответил Тиррел. — Никого из моих друзей здесь нет. Ведь вам, пожалуй, неудобно представлять обе стороны сразу?

— Это полностью, абсолютно и окончательно исключается, мой дорогой друг, — отвечал Мак-Терк. — Но если вы мне доверяете, я приведу для вас секунданта с Сент-Ронанских вод, и как бы мало вы его ни знали, он сумеет договориться об условиях для

вас не хуже, шем если бы вы дружили лет двадцать подряд. Я приведу также нашего доктора, если ухитрюсь оторвать его от женской юбки — он крепко нацелился на пухленькую вдовушку Блоуэр.

— Я ничуть не сомневаюсь, что вы устроите все как следует, капитан. Значит, в час пополудни у Оленьего камня. Пойдите-ка, разрешите проводить вас.

— Шорт побери, это, пожалуй будет не лишним, — согласился капитан. — В длинном темном коридоре у той ведьмы с метлой могут оказаться преимущества; ведь местность она знает лучше моего. Уж я бы с ней рассчитался, найдись в здешнем приходе позорный столб, добрые плети и пара колодок, будь она проклята!

С этими словами капитан пустился в обратный путь и по дороге время от времени воспламенялся, припоминая беспричинное нападение Мег Додз, но снова успокаивался и впадал в счастливое и безмятежное состояние духа при мысли о только что достигнутом приятном соглашении между его другом сэром Бинго Бинксом и мистером Тиррелом.

Нам приходилось слышать о людях, несомненно, доброго нрава, полных благожелательности, чье любимое удовольствие — наблюдать, как несчастный преступник, униженный и совершенным преступлением и приговором, который он навлек на себя, заканчивает позорной и мучительной смертью свою гнусную и жалкую жизнь. Подобная же противоречивость характера заставляла почтенного капитана Мак-Терка, достойного служаку и человека поистине честного, благонамеренного и добродушного, находить величайшую радость в том, чтобы славливать своих друзей и затем выступать в качестве судьи на чреватых опасностью поединках, которые соответственно его кодексу чести казались ему совершенно необходимыми для восстановления мира и добрых отношений. Трудиться над объяснением таких странностей мы предоставляем краниологам, поскольку с выводами этической философии они, кажется, не считаются.

Глава XIII

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

Э в а н с. Скажи-ка мне, добрый служитель мастера Слендера, дружище Симпл по имени, в какую сторону глядел ты, высматривая мастера Кайюса?

С им п л. Сэр, я смотрел и в сторону замка, и в сторону леса, и повсюду; смотрел и в сторону старого Виндзора, да повсюду.

«Виндзорские проказницы»¹

Сэр Бинго Бинкс принял сообщение капитана с той же угрюмой и упрямой миной, с какой посылал вызов. Свое согласие на поединок он выразил лишь весьма недовольным звуком, исходившим словно из самого его нутра и едва пробившимся сквозь туго затянутый пестрый шейный платок, какие носил еще Белчер. Так немилостиво откликается сонный путешественник на известие, принесенное полуодетым конюхом постоянного двора, что скоро пробьет пять и вот-вот затрубит рожок почтовой кареты. Но капитан Мак-Терк никак не пожелал счесть ворчание баронета за достойную оценку своих трудов и хлопот.

— Только-то? Что же вы хотите этим сказать, сэр Бинго? — спросил он. — Скольких трудов стоило мне вывести вас на правильную дорогу! Да разве вам удалось бы, протянув столько времени с вызовом, пристойно выкрутиться из этого дела, не возмись я за него сам и не преподнеси я этот вызов нашему джентльмену в приятной форме, как французский повар, что на моих глазах готовил вкусное блюдо из протухшей кильки?

Сэр Бинго через силу пробурчал несколько слов, понимая, что ему надо все-таки выразить капитану благодарность и признать его заслуги. Впрочем, старый служака вполне удовлетворился этим невнятным бормотанием, ибо устройство личных дел такого рода

¹ Перевод С. Маршака и М. Морозова.

всегда было его любимым занятием. Затем, держа в памяти свое любезное обещание Тиррелу, он поспешно, словно торопясь по благороднейшему делу милосердия, отправился искать кого-нибудь в секунданты для противной стороны.

Особой, наиболее подходящей для выполнения этого человеколюбивого акта, Мак-Терк счел мистера Уинтерблоссом и немедленно сообщил достопочтенному джентльмену о своем желании. Но мистер Уинтерблоссом хотя был человеком светским и знал толк в этих делах, однако не предавался им с таким жаром, как муж мира и порядка — капитан Гектор Мак-Терк. Мистер Уинтерблоссом был *bon vivant*¹ и терпеть не мог всякого беспокойства, а его проникательный эгоизм подсказывал ему, что всем замешанным в этой истории она принесет немало неприятностей. Поэтому он сухо ответил, что совсем не знает мистера Тиррела и что ему неизвестно даже, порядочный ли это человек. Кроме того, он не получил форменного письменного предложения на этот счет, а потому вовсе не расположен присутствовать на поле боя в качестве секунданта Тиррела. Отказ поверг бедного капитана в отчаяние. Он взывал к патриотизму Уинтерблоссом и заклинал своего друга подумать о репутации Сент-Ронанских вод, являющихся как бы их общей отчизной, и о чести общества, к которому они оба принадлежали и которое мистер Уинтерблоссом в известном смысле законно представлял, считаясь с общего согласия его бессменным председателем.

Капитан напомнил Уинтерблоссому, сколько дуэлей завязывалось с вечера и разлаживалось наутро без соответствующих последствий. Об их поселке начинают поговаривать довольно странно; и считая сильно задетой свою собственную честь, он, Мак-Терк, уже подумывает, не следует ли ему выбрать кого-нибудь и потребовать к ответу ради доброго имени всего сент-ронанского общества в целом. И вот как раз теперь, когда представился прекрасный случай поправить дело, мистер Уинтерблоссом поступает

¹ Любитель хорошо пожить (*франц.*).

столь бессердечно, жестоко и несправедливо, позволяя себе отказываться от такой простой обязанности, какую ему предлагают выполнить. Сухой и малоразговорчивый в обычных обстоятельствах, капитан на этот раз говорил красноречиво и почти трогательно. Он даже прослезился, перечисляя различные ссоры, из которых ничего не вышло, как он ни старался в свое время высидеть из них порядочный поединок. Теперь наконец хоть один начинает наклеиваться, но он тоже может не вылупиться, потому что Уинтерблоссом не хочет сделать такого пустякового одолжения.

В конце концов достойный джентльмен не выдержал осады и сдался.

— На мой взгляд, — сказал он, — это совершенно безумная затея. Но желая сделать приятное сэру Бинго и капитану Мак-Терку, я согласен пройти с ними в полдень до самого Оленьего камня, несмотря на то, — добавил он, — что день выдался туманный и раз-другой я уже чувствовал легкое покалывание, которое, вероятно, предвещает визит моей старой приятельницы подагры.

— Все это пустяки, мой превосходный друг, — отвечал ему капитан. — Глоток из фляжки сэра Бинго мигом приведет вас в порядок. А пускаясь в подобное предприятие, уж поверьте мне, он такую вещь, как фляжка, дома не оставит, или я в нем очень ошибаюсь.

— Однако, — сказал Уинтерблоссом, — уступая вам в этом, капитан Мак-Терк, я никоим образом не беру на себя неременной обязанности поддерживать оружием этого мистера Тиррела, мне вовсе неизвестного, и соглашаюсь идти на условленное место лишь в надежде предотвратить беду.

— Ну, об этом вам, мистер Уинтерблоссом, беспокоиться нечего, — ответил капитан. — Одна-другая такая беда, как вы это называете, послужат лишь к чести Сент-Ронанских вод. Да к тому же, я уверен, что, каковы бы ни были последствия, они в данном случае никак не окажутся слишком страшными. Ведь с одной стороны здесь выступает молодой человек, о

котором — если ему не повезет — никто не пожалеет, потому что его никто не знает, а другую сторону представляет сэр Бинго, о котором пожалеют еще меньше, потому что его знают слишком хорошо.

— И останется леди Бинго прекрасной и богатой молодой вдовой! — подхватил Уинтерблоссом, заламывая свою шляпу с грацией и кокетством былых времен и все-таки вздыхая, ибо мимолетный взгляд в зеркало успел напомнить ему, что время, выбелив его волосы, округлив брюшко, избороздив морщинами чело и согнув плечи, больше не позволит ему «стать в ряды претендентов на такой приз», по собственному выражению.

Получив согласие Уинтерблоссом, капитан отправился хлопотать дальше — требовалось еще обеспечить на поле сражения присутствие доктора Квеклебена. Этот последний, хоть и подписывался доктором медицины, отнюдь не отказывался выступать и в роли простого костоправа, если подвертывалось дельце, сулящее кругленькую сумму, как этого наверняка следовало ожидать здесь, поскольку главным заинтересованным лицом являлся богатый баронет. Поэтому, даже не дослушав предложения капитана, доктор, словно ястреб, почуявший свежую кровь, проворно схватил большой сафьяновый футляр, в котором носил подсобные инструменты. Раскрыв его перед мистером Мак-Терком, он выставил напоказ его грозное сверкающее содержимое и пустился в подробные разъяснения, точно разбирал какой-нибудь длинный любопытный текст. Однако муж брани счел необходимым сделать ему некоторое предупреждение.

— Ох, — остановил он его, — прошу вас, доктор, спрячьте вы эту вашу сумку куда-нибудь за пазуху или в карман, скройте ее с глаз долой и ни за что не вынимайте и не открывайте ее перед противниками. Ведь хотя все эти скальпели, и зажимы, и пинцеты, и прочие вещи — орудия весьма хитрые и красивые с виду и к тому же полезные, когда до них доходит дело, но я видывал, доктор Квеклебен, как при одном взгляде на них из человека мигом уходило все мужество, а сам владелец этих орудий оставался с носом.

— Честное слово, капитан Мак-Терк, вы рассуждаете так, словно окончили медицинский факультет! Эти предательские вещи, я отлично знаю, могут сыграть подлую штуку со своим хозяином! Один вид моих щипцов, без всяких усилий с моей стороны, излечил однажды застарелую зубную боль, не проходившую три дня подряд, помешал извлечению кариозного зуба мудрости, которые для того только и вырастают, и заставил меня отправиться домой, не получив моей гиней. Подайте-ка мне то пальто, капитан, спрячем в него инструменты, и пусть они посилят в засаде, пока им не наступит срок вступить в действие. Пожалуй, что-нибудь и случится — сэр Бинго хороший стрелок по куропаткам.

— Почем знать! — ответил Мак-Терк. — Я видел, как пистолет заставлял дрогнуть руку, привыкшую довольно крепко держать охотничье ружье. Этот Тиррел с виду парень не робкого десятка. Я все следил за ним, передавая вызов, и могу поручиться: он тверд, как камень.

— Ну, что ж, я заготовлю бинты *secundum artem*, — отвечал муж медицины. — Постараемся не допустить кровотечения, хотя сэр Бинго — человек полнокровный. Так, значит, в час дня у Оленьего камня? Я буду точен.

— А разве вы не пойдете вместе с нами? — спросил капитан Мак-Терк, который, видимо, предпочел бы не спускать глаз со своего воинства на дороге, чтобы кто-нибудь не ускользнул случайно из-под его опеки.

— Нет, — ответил доктор. — Мне надо сначала извиниться перед почтенной миссис Блоуэр, которой я обещал свою поддержку на крутом спуске к речке, куда все отправляются сегодня есть уху.

— Боже мой, я надеюсь, мы наварим такой ухи, что жителям Сент-Ронана и не снилась! — сказал капитан, потирая руки.

— Не говорите «мы», капитан, — сказал осторожный доктор Квеклебен. — Я-то, во всяком случае, не имею к поединку никакого отношения, мое дело сторона. Нет, нет, я вовсе не желаю, чтобы меня накры-

ли как сообщника. Вы хотите без всякой задней мысли встретиться со мною у Оленьего камня? Я рад сделать приятное моему достойному другу капитану Мак-Терку, и я спокойно, не предполагая ничего особенного, иду в том направлении, вдруг слышу — стреляют; спешу на выстрелы и, к счастью, появляюсь как раз вовремя, чтобы предотвратить роковой исход; случайно при мне сумка с инструментами — я обыкновенно беру их с собой, отправляясь на прогулку — *pinquam pop paratus*,¹ — и затем в качестве доктора делаю свое заключение о ране и состоянии пациента. Вот, капитан, как надо давать свидетельские показания у шерифа, у коронера и у всех прочих. Незачем себя запутывать — таково правило нашей профессии.

— Ну ладно, доктор, — отвечал капитан. — Вам лучше знать, как вести себя. Вы только будьте на месте, чтобы оказать помощь, если что случится, и тогда все правила будут честно соблюдены. Ведь мне, как человеку порядочному, оберегая от урона свою собственную честь, следует позаботиться, чтобы было кому вступить за моего друга в споре со смертью.

Исполнился роковой срок, и в час пополудни к назначенному месту явился капитан Мак-Терк, ведя на поле битвы доблестного сэра Бинго, который отнюдь не рвался вперед, как борзая в своре, а брел сердито, словно бульдог на поводу у мясника, понимающий, что хочешь не хочешь, а ему придется драться, раз хозяин велит. Баронет все-таки старался не показывать, что его мужество поколебалось и пошло на убыль, но песенка о Дженни Саттон, которую он не переставал насвистывать всю дорогу от гостиницы, совсем замерла на последней полумиле пути. Впрочем, судя по тому, как двигался его рот, как вытягивались вперед губы и как тупо смотрели его глаза, можно было предположить, что он и сейчас слышит те же звуки и продолжает насвистывать «Дженни Саттон» в своем воображении. Вслед за этой счастливой парой прибыл минутой позже мистер Уинтерблоссом; оказался точен и доктор.

¹ Я всегда наготове (лат.).

— Знаете, сэр Бинго, — сказал Уинтерблоссом, — вся эта история выглядит ужасно глупо, и, по-моему, ее можно легко прекратить. Для всех участников будет меньше вреда, если поединок отменить. Ваша жизнь нужна другим, сэр Бинго, не забывайте этого: ведь вы, сэр Бинго, человек женатый.

Сэр Бинго пожевал свою табачную жвачку, перевернул ее языком и сплюнул не хуже заправского кучера.

— Мистер Уинтерблоссом, — вмешался капитан, — в этом деле сэр Бинго доверился мне, и ваше вмешательство, должен сказать откровенно, мне весьма неприятно, — если только вы не считаете, конечно, что можете направлять его действия лучше, чем это делаю я. Собственному вашему другу, мистеру Тиррелу, вы можете говорить что угодно, и если вы уполномочены сделать от его имени какие-либо предложения, я охотно прислушаюсь к ним в качестве секунданта моего достойного друга, сэра Бинго. Но скажу вам напрямик, не очень-то я люблю переговоры на поле боя. Сам я, разумеется, шеловек тихий и миролюбивый, но мы должны прежде всего соблюдать свою честь. Кроме того, я настаиваю, чтобы любой шаг к примирению исходил с вашей стороны или от вас самих.

— Как это с *моей* стороны?! — возразил Уинтерблоссом. — Ну, знаете, капитан Мак-Терк, хотя я по вашей просьбе и явился сюда, но мне хотелось бы лучше разобраться в этом деле, прежде чем объявлять себя секундantom человека, которого я видел только раз.

— И которого, может быть, второй раз и не увидите, — сказал доктор, поглядывая на часы. — Прошло уже десять минут сверх назначенного срока, а мистера Тиррела нет как нет.

— Эй, что вы там говорите, доктор? — спросил баронет, выходя из своего оцепенения.

— Вздор он мелет, просто вздор! — вмешался капитан, вытаскивая большую старомодную луковицу с почерневшим серебряным циферблатом. — Сейчас по самому точному времени не больше трех минут вто-

рого, а я намерен считать мистера Тиррела шеловком слова — в жизни не видывал, чтобы вызов принимали так спокойно.

— Наверно, так же спокойно, как он двигается сюда, — сказал доктор. — Сейчас ровно столько времени, как я говорил. Не забывайте, что я ведь медик, мне приходится высчитывать пульс с точностью до секунды и до полсекунды. Мои часы должны идти вернее солнца.

— А я тысячу раз нес караул по моим, — ответил капитан, — и ни один шорт не посмеет сказать, будто Гектор Мак-Терк хоть раз сдал дежурство с ошибкой на десятую долю секунды. Они мне достались от бабушки, леди Килбреклин, и я намерен отстаивать их доброе имя против любых шасов, какие только заводятся ключом.

— Тогда посмотрите опять на свои часы, капитан, — сказал Уинтерблоссом, — потому что время не ждет никого и, покамест мы спорим, идет себе вперед. Честное слово, этот Тиррел, кажется, собирается надуть нас.

— Эй, что вы там говорите? — спросил сэр Бинго, снова стряхивая с себя свою мрачную задумчивость.

— Не стану я из-за этого смотреть на шасы, — сказал капитан, — да и вовсе не расположен сомневаться в порядочности вашего друга, мистер Уинтерблоссом.

— *Моего* друга? — переспросил мистер Уинтерблоссом. — Еще раз говорю вам, капитан: этот мистер Тиррел совсем, совсем не друг мне. Он ваш друг, капитан Мак-Терк! И я заявляю, что если он заставит нас прождать здесь еще хоть минуту, то, надо думать, его дружба немногого стоит.

— Как же вы смеее утверждать, будто такой шеловек приходится другом мне? — грозно нахмурившись, спросил капитан.

— Ну-ну, что вы, капитан! — спокойно и даже пренебрежительно отвечал Уинтерблоссом. — Приберегите все это для глупых мальчишек. Я слишком долго живу на свете и не стану ни заводить ссор, ни принимать их близко к сердцу. Умерьте-ка ваш пыл:

не стоит тратить его попусту на такого стреляного воробья, как я. Однако, на самом деле: неплохо бы узнать, собирается ли этот господин явиться — прошло уже двадцать минут сверх срока. Похоже, что он оставил вас в дураках, сэр Бинго!

— В дураках? — закричал сэр Бинго. — Я так и знал, черт возьми! Я спорил с Моубреем, что он прощелыга! Вот он и надул меня, пропади он пропадом! И более получаса я ждать его не стану, будь он хоть фельдмаршал, черт его побери!

— В этом деле вам следует руководствоваться мнением вашего друга секунданта, дорогой сэр Бинго, — сказал капитан.

— И не подумаю! — возразил баронет. — Хорош друг, нечего сказать, — притащить меня сюда зря! Я знал, что этот парень прощелыга, но я не понимаю, как вы-то, со всей вашей болтовней насчет чести и прочего, могли оказаться таким простофилей и вести переговоры с каким-то бродягой, который попросту в конце концов сбежал!

— Если вы так сожалеете, что пришли сюда понапрасну, — заговорил капитан весьма надменно, — и если полагаете, что я обошелся с вами, по вашим словам, как с простофилей, то я без всяких возражений могу заступить место Тиррела и сойтись здесь с вами, приятель.

— Ну и валяйте на здоровье, раз вам так хочется, а я брошу крону, кому стрелять первому, — сказал сэр Бинго. — Я совсем не желаю, чтобы меня таскали сюда зря, черт побери!

— А уж я постараюсь задать вам ради вашего успокоения, — заявил вспыльчивый горец.

— Что вы, что вы, джентльмены! — воскликнул миролюбивый мистер Уинтерблоссом. — Стыдитесь, капитан! Да вы с ума сошли, сэр Бинго! Ссориться со своим секундантом, это же неслыханно!

Увещания Уинтерблоссом заставили обе стороны несколько опомниться и охладили их пыл. Теперь они только похаживали взад-вперед друг мимо друга, мрачно поглядывали на противника, когда им случалось поравняться, и ошетинились при этом, словно

два пса, которые собираются подраться, но пока оттягивают начало враждебных действий. Они представляли забавный контраст, разгуливая таким образом: прямой и жесткий, как палка, старый солдат ступал, приподнимаясь на носок при каждом шаге, а грузный баронет тяжело волочил ноги, выработав себе завиднейшую поступь, похожую на походку неуклюжего йоркширского конюха. Его низкая душа наконец воспламенилась. Как железо или какой-нибудь другой грубый металл, который накаляется медленно, она долго сохраняла тайный и злобный жар обиды. Эта обида привела баронета к месту поединка, теперь она подстрекала его сорвать свою злость и досаду на первом попавшемся. Он, по собственному выражению, уже «разогрелся», и раз уж он собрался драться, то, словно Боб Эйкрз, не хотел, чтобы столько отменного пыла и полновесной храбрости пропало даром. Однако храбрость его держалась главным образом на злости, и, увидев, что капитан ничуть не пугается и не старается утишить его гнев, баронет стал внимательней прислушиваться к доводам Уинтерблоссом, который все умолял их не омрачать своей частной ссорой славы, так счастливо добытой ими сегодня без всякого риска и пролития крови.

— Прошло уже три четверти часа, — говорил тот, — после срока, назначенного этому так называемому Тиррелу для встречи с сэром Бинго Бинксом. Чем стоять здесь и препираться без всякого проку, я предлагаю заняться письменным изложением обстоятельств, сопутствовавших этому делу, для сведения обитателей Сент-Ронанских вод. Я считаю, что такой меморандум надо по всей форме скрепить нашими подписями. По моему скромному рассуждению, его следует представить затем на рассмотрение распорядительного комитета.

— Возражаю против того, чтобы заявление, под которым будет моя подпись, еще кем-то обсуждалось, — взорвался капитан.

— Ваша правда, ваша правда, капитан, — согласился уступчивый Уинтерблоссом. — Вам, конечно, лучше знать, и вашей подписи, разумеется, совершенно

достаточно для подтверждения происшествия. Однако, поскольку такого важного события еще не случилось со дня основания Сент-Ронанских вод, я предлагаю всем подписать этот, так сказать, *procos verbal*.¹

— Нет уж, меня-то прошу уволить, — заявил доктор, не очень довольный тем, что ни главным участникам поединка, ни секундантам не понадобились услуги Махаона. — Меня прошу уволить. Мне вовсе не к лицу оказаться столь очевидно замешанным в дело, направленное к нарушению общественного спокойствия. Подумаешь, велика важность простоять здесь часок в хорошую погоду! По-моему, гораздо более важную службу сослужило Сент-Ронанским водам то обстоятельство, что я, Квентин Квеклебен, доктор медицины, излечил леди Пенелопу Пенфезер от ее седьмого по счету нервного припадка, да еще при симптомах лихорадки.

— Я никак не собирался умалять значения вашего искусства, — ответил мистер Уинтерблоссом. — Но я полагаю, что после урока, полученного этим молодцом, к нам больше не посмеют соваться неподходящие люди. А я, со своей стороны, внесу предложение, чтобы отныне к обеду за общий стол приглашали только тех, чьи имена по всем правилам занесены в список наших членов, вывешенный в главном зале. Выражаю надежду, что и сэр Бинго и капитан не откажутся принять благодарность всего нашего общества за отвагу, оказанную ими при изгнании самозванца. Сэр Бинго, разрешите мне прибегнуть к вашей фляжке, я чувствую, что у меня стреляет в колене, — это, верно, от сырой травы.

Сэр Бинго, польщенный значением, которое приобретала, таким образом, его персона, охотно предоставил болящему глоточек своего лекарства, изготовленного, как мы подозреваем, каким-нибудь искусным фармацевтом в глуши Гленливата. И, наполнив стаканчик до краев, он преподнес его старому воину в виде недвусмысленного знака примирения. Едва нос

¹ Протокол (франц.).

капитана учуял буйный аромат этого питья, как стаканчик был опрокинут с признаками самого недвусмысленного одобрения.

— Современные молодые люди, сдается мне, подают кое-какие надежды, — промолвил капитан, — раз они начинают отставать от своей голландской и французской водицы и наушаются ценить настоящий шотландский продукт. Честное слово, натошак нет ничего лучше для порядочного человека, если ему удастся, разумеется, раздобыться такой бутылочкой.

— Да и после обеда тоже, — подтвердил доктор, в свой черед принимая стакан. — По букету он стоит всех вин Франции и к тому же действует сильнее.

— А теперь, — объявил капитан, — чтобы нам не уйти с поля, унося на сердце что-нибудь недостойное такого виски, и поскольку репутации капитана Гектора Мак-Терка ничто угрожать не может, я, так и быть, скажу, что сожалею о небольших разногласиях, возникших между мною и моим почтенным другом, сэром Бинго, здесь присутствующим.

— Ну, раз уж вы так учтивы, капитан, — ответил сэр Бинго, — тогда я тоже сожалею. Ведь сам дьявол расстроился бы, видя, как пропадает такой прекрасный день для рыбной ловли. Подумать только: ветер с юга, свежий воздух на реке, вода уже спала — все точка в точку! Я, право, к этому часу забросил бы леску уже раз шесть.

Эти свои выразительные жалобы он заключил возлиянием, прибегнув к тому же лекарству, которым только что потчевал своих спутников. Затем в полном составе они возвратились в отель, и вскоре следующий документ возвестил обществу о событиях минувшего утра:

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сэр Бинго Бинкс, баронет, оскорбленный неучтивым поведением некоего приезжего, назвавшегося Фрэнсисом Тиррелом и в настоящее время проживающего — или недавно проживавшего — в Клейкемском подворье в Старом городке, уполномочил капитана Гектора Мак-Терка посетить упомянутого мистера

Тиррела и потребовать у него либо извинений, либо личного удовлетворения в соответствии с законами чести и как то водится между джентльменами, вследствие чего упомянутый Тиррел добровольно согласился встретиться с упомянутым сэром Бинго Бинксом, баронетом, у Оленьего камня, вблизи Сент-Ронанского ручья, сего дня, в среду ... августа. Ввиду условленного поединка мы, нижеподписавшиеся, находились на указанном месте от часу до двух пополудни, но названный Фрэнсис Тиррел не появился и не дал ничего знать о себе. Мы доводим сие до всеобщего сведения, дабы все, особливо же почтенные гости, съехавшиеся в отель Фокса, были должным образом осведомлены о нраве и поведении названного Фрэнсиса Тиррела на случай, если бы ему вздумалось снова втереться в общество порядочных людей. Отель и гостиница Фокса на Сент-Ронанских водах, ...го августа 18.. года.

Подписи: *Бинго Бинкс,*
Гектор Мак-Терк,
Филип Уинтерблоссом».

Пониже следовало отдельное свидетельское показание:

«Я, Квентин Квеклебен, доктор медицины, член королевского Общества естествоиспытателей, член обществ таких-то и таких-то, в ответ на предложение сообщить, что мне известно о вышеизложенном событии, настоящим удостоверяю и подтверждаю, что, оказавшись случайно сегодня в час пополудни у Оленьего камня близ Сент-Ронанского ручья и проведя около часу в непредвиденной беседе с сэром Бинго Бинксом, капитаном Мак-Терком и мистером Уинтерблоссом, я в течение этого времени не видел там некоего Фрэнсиса Тиррела (как он сам себя именует), чьего прихода или известия от него на этом месте, видимо, ожидали упомянутые мною джентльмены».

Это заявление было помечено тем же числом и местом, что и предыдущее, и было подписано августейшей рукою Квентина Квеклебена, доктора медицины и т. д., и т. п.

Затем, со ссылкой на недавно случившееся неприличное вторжение в сент-ронанский свет некоего постороннего лица, последовало со стороны распорядительного комитета имеющее силу закона постановление, гласившее, что «впредь никто на Сент-Ронанских водах не должен быть приглашаем на обеды, балы и другие увеселения, если его имя не будет по всем правилам занесено в книгу, хранящуюся для этой цели в гостинице Фокса». И, наконец, в адрес сэра Бинго Бинкса и капитана Мак-Терка был принят вотум благодарности ввиду их смелых действий и понесенных ими трудов при изгнании из сент-ронанского общества посторонней особы.

Обнародованные заявления тотчас стали гвоздем дня. Все бездельники кинулись читать и перечитывать их. Из толпы болтунов и сплетников без конца неслись разные восклицания вроде: «Боже мой!», «Упаси нас господи!», «Подумать только!», и не счесть было охов и ахов, исходивших от барышень-попрыгуний, не пересчитать клятв и проклятий, которыми сыпали щеголи в панталонах и лосинах. Репутация сэра Бинго взлетела вверх, словно акции при известии о новой реляции герцога Веллингтона, и, что было всего удивительней, баронет поднялся даже во мнении своей супруги. Вспоминая злосчастного Тиррела, все покачивали головами и отыскивали в его речах и манере держаться многочисленные доказательства того, что он просто проходимец и мошенник. Правда, иные из гостей, бывшие не столь горячими приверженцами распорядительного комитета (где есть правительство, там найдется и оппозиция), перешептывались между собою, что, по справедливости судя, Тиррел, каков бы он ни был, явился к ним, как случается с дьяволом, лишь тогда, когда его позвали. А почтенная вдовушка Блоуэр порадовалась, что, слава богу, «из-за их сумасбродств с нашим добрым доктором Кикербеном ничего не приключилось».

Помпей. Ну вот вам и доказательство.

«Мера за меру»¹

Как всему свету известно, городок ... лежит милях в четырнадцати от Сент-Ронана. Это главный город графства, которое, по сведениям путеводителя для туристов, считает одной из важных своих достопримечательностей те самые Сент-Ронанские воды, к вящей славе каковых, несомненно, послужат наши анналы, повествующие об истории первых лет жизни этого шумного и многолюдного курорта. До поры до времени нам незачем более точно определять место действия нашего рассказа, и поэтому взамен пропуска, сделанного в первой строке, мы вставим вымышленное название и назовем этот городок Марчторном. Тогда автору не придется испытывать затруднений, спотыкаясь, как это нередко уже с ним случалось, перед некрасивым зиянием между словами, которое не всегда удастся сразу заполнить соответственно прочим обстоятельствам повести.

Итак, Марчторн был заштатный шотландский городишко, на главной улице которого по базарным дням толпилось изрядное количество дородных крестьян в тяжелых плащах, предлагавших на мену или продажу все, что они привозят со своих ферм. В прочие дни недели навстречу приезжему попадались лишь редкие унылые горожане, словно сонные мухи, ползавшие по улицам и не сводившие глаз с башенных часов в ожидании, когда же радостный звон оракула времени возвестит им наконец, что наступает час пропустить полуденную чарочку. Узкие окна едва позволяли разглядеть разнообразное содержимое лавок, где каждый торговец, или купец, как он предпочитает *more scotico*¹ именовать себя, торговал всем, что только можно себе вообразить. Фабрик в городе

¹ На шотландский манер (лат.).

не существовало, и только предусмотрительные городские власти на своей мануфактуре усердно заготавливали ут́ок и основу, поставка которых в конце каждого пятилетия давала городу Марчторну право выткать для себя четвертушку парламентского депутата.

В таких городках один из самых лучших домов принадлежит обыкновенно помощнику шерифа, особенно если тот состоит поверенным нескольких зажиточных местных лэрдов. Хорошим домом владел и мистер Байндлуз. Правда, его дом не походил на изящные особняки английских адвокатов с их кирпичной кладкой и медными дверными молотками. Это было мрачное с виду, торчавшее по самой середине города высокое тощее здание с узкими окнами и острым шипцом, выложенным лесенкой, или, как говорится, «вороньим ходом». Нижние окна дома были закрыты железными решетками, потому что мистер Байндлуз, как это часто случается, заправлял также и недавно открытым в городе Марчторне отделением одного из двух самых больших шотландских банков.

К дверям этого-то строения по старинным, но опустелым улицам сего прославленного града медленно подъезжал однажды некий экипаж, который, появившись он на Пиккадилли, послужил бы поводом для непрерывного смеха на целую неделю, а разговоров породил бы на весь год. То была двухколесная повозка, но она не домогалась какого-нибудь современного названия вроде «тильбюри», «тандем», «деннер» и тому подобное, а претендовала лишь на скромное наименование некоего полузабытого экипажа — «уиски», а согласно иным источникам — «тим-уиски». Была эта повозка — или когда-то была — выкрашена в зеленый цвет и прочно и — безопасности ради — низко сидела на своих старомодных колесиках, которые по обычным представлениям были несоразмерно малы для довольно большого кузова, на них покоившегося. Имелся у этой повозки кожаный верх, в настоящее время высоко поднятый, то ли ввиду утренней прохлады, то ли по причине застенчивого характера того нежного создания, что скрывалось сейчас

за кожаной завесой в этом почтенном образчике допотопного каретного мастерства.

Но, очевидно, искусство возничего отнюдь не прельщало эту прекрасную и скромную даму, и управление лошадью, видимо столь же старой, как и экипаж, который она тащила за собой, было всецело предоставлено некоему старику в кучерской куртке. Его седые волосы, обрамляя лицо, выбивались из-под бархатной жокейской шапочки старинного фасона, а левое плечо поднималось выше головы, так что, казалось, ему не составило бы особого труда, подобно жареной куропатке, засунуть шею себе под мышку. Сей лихой конюший восседал на скакуне не моложе того, который трудился меж оглоблями экипажа и которым он управлял при помощи вожжей; подгоняя одного коня своей единственной шпорой и подстегивая другого кнутом, возница заставлял их бежать довольно порядочной рысью по мощеной дороге. Наконец колесница поравнялась с жилищем мистера Байндлуза, и лошади остановились у входа — событие достаточно важное, чтобы вызвать любопытство обитателей и этого и всех соседних домов. Прялки были отставлены, иголки воткнуты в недоконченный рубец, и множество носов, оседланных очками или без них, высунулось из ближних окон, откуда удачливым их владелицам видна была входная дверь мистера Байндлуза. Сквозь упомянутые нами прутья оконных решеток виднелись лица хихикающих клерков, весьма забавлявшихся зрелищем вышедшей из этого пышного экипажа пожилой леди, платье и внешний вид которой соответствовали моде разве что тех времен, когда и повозка ее была новой. Короткий атласный плащ, подбитый серой белкой, и черный шелковый чепец с креповой рюшкой теперь не порождают того восторга, какой эти наряды, несомненно, вызывали в пору своей свежести. Однако в чертах дамы было нечто, что возбудило бы горячие чувства в сердце мистера Байндлуза, пояись она и гораздо хуже одетой: он узнал в ней свою старинную клиентку, которая всегда оплачивала судебные издержки наличными и на чьем счете в банке лежала

весьма солидная сумма. И в самом деле, то была не кто иная, как наша уважаемая приятельница миссис Додз, владелица Клейкемского подворья в Старом городке святого Ронана.

А приезд ее предвещал дело чрезвычайной важности. Мег была особой, весьма и весьма неохотно покидавшей свой дом, где — во всяком случае, по ее личному мнению — ничто не шло как следует без ее неусыпного надзора. Поэтому, как ни ограничена была ее орбита, Мег крепко держалась в центре ее, и, как ни малочисленны были ее сателлиты, они вынуждены были совершать свои обороты вокруг нее, она же пребывала на месте. И едва ли сам Сатурн так удивился бы, нанеси ему Солнце мимоходом свой визит, как поражен был мистер Байндлуз этим неожиданным-негаданным посещением своей старинной приятельницы. Он прикрикнул на клерков, пресекая их неуместное любопытство, тут же приказал старой Ханне, своей экономке (мистер Байндлуз был законеный холостяк), накрыть стол в зеленой гостиной и, продолжая на ходу отдавать распоряжения, вскоре оказался около повозки Мег, быстро отстегнул кожаный фартук, опустил верх и сам помог своему старому другу выйти из уиски.

— Неси-ка лакированную чайную шкатулку, Ханна, да завари самого лучшего чаю, да вели Тиб разжечь камин — утро что-то сыровато... А вы проваливайте отсюда, лентяи, нечего вам хихикать в окнах; смейтесь лучше над собственными пустыми карманами — вам не скоро удастся набить их, негодяи вы этикие!

Все это почтенный стряпчий проговорил, как мог бы сам выразиться, *in transitu*,¹ остальное досказал уже у самой повозки.

— Ай-ай-ай, миссис Додз, неужто это вы *in propria persona*?² Вот уж не ждал вас в такую рань! Как поживаете, Энтони? Так вы, значит, Энтони, опять стали ездить? Ну-ка, Энтони, пособи́те мне отстегнуть

¹ На ходу (лат.).

² Собственной особой (лат.).

фартук, вот так. Обопритесь на мою руку, миссис Додз, помогите и вы хозяйке, Энтони. Поставьте лошадей в конюшню, мои молодцы дадут вам ключ. Очень, очень рад, миссис Додз! Вот наш старый городишко и дождался, что вы опять ступили на его мостовую. Пожалуйте сюда, сейчас мы соорудим какой-нибудь завтрак, а то вам, верно, пришлось раненько подняться сегодня.

— Сколько хлопот я вам причиняю, мистер Байндлуз! — говорила старая леди, под руку с хозяином входя в дом. — Беда, сколько хлопот, да мне никакого покою не стало бы, коли я не посоветовалась бы с вами об одном важном деле.

— Рад служить вам, мой старый друг, — сказал стряпчий. — Да присядьте, присядьте же, дорогая миссис Додз, ведь ни обед, ни обедня делу не вредят. Вас, поди, утомила поездка, а одним духом жив не будешь, миссис Додз, надо подкрепить и плоть. Не забывайте, пожалуйста, что ваша жизнь для нас драгоценна, миссис Додз, вам надо беречь свое здоровье.

— С чего это моей жизни быть драгоценной? — воскликнула Мег Додз. — Ну, что вы, мистер Байндлуз! Вы, верно, смеетесь надо мной. Кому вздумается пожалеть о старой сварливой трактирщице, мистер Байндлуз? Разве один-два нищих вспомнят меня, да, может быть, мой дворовый пес: за ним, беднягой, уж не будет без меня такого хорошего ухода.

— Что вы, что вы, миссис Додз! — с дружеским упреком сказал адвокат. — Вашему старому приятелю обидно слушать, когда вы так неуважительно говорите о себе. И зачем вам покидать нас? За последний десяток лет вы, по-моему, еще никогда так хорошо не выглядели, благодарение господу. Но, может быть, вы решили привести в порядок свои дела, как надлежит предусмотрительной женщине и хорошей христианке? Ох, это ужасно — скончаться без завещания, если нам дано было время подумать о нем.

— Хорошо, хорошо, я, пожалуй, как-нибудь на днях подумаю об этом, мистер Байндлуз. Но сейчас-то я приехала не за этим.

— За чем угодно, миссис Додз, вы здесь всегда желанная гостя, и у нас весь день впереди, чтобы обсудить любое дело — *festina lente*,¹ как выражаемся мы, юристы, обсудить целиком и полностью. А вот и чай для вас — Ханна, я надеюсь, заварила его вам по вкусу.

Мег отхлебнула чаю, признала искусство Ханны в таинствах китайского зелья, сделала еще глоток, потом попробовала съесть кусочек хлеба с маслом, но все это без особого успеха: несмотря на уверения стряпчего о ее прекрасном виде, миссис Додз в действительности выглядела так, будто вот-вот совсем разболеется.

«Черт побери, что тут кроется?» — подумал стряпчий. В своем деле, требовавшем острой наблюдательности, он собаку съел, и от него не ускользнули эти явные признаки волнения.

— Никогда я не видал, сударыня, чтобы вы принимали какое-нибудь из ваших дел так близко к сердцу. Не обанкротился ли должник, на которого у вас лежит вексель? Или, может быть, собирается обанкротиться? Ничего, не горюйте, небольшую потерю вы можете себе позволить. А дело, видно, не грозит вам большими убытками, не то я уже прослышал бы о нем.

— По правде говоря, дело идет как раз о потере... Что бы вы сказали о потере друга, мистер Байндуз?

У юриста в его длинном списке возможных потерей и убытков такой потери вовсе не числилось, и он не сразу понял, что подразумевала старая леди, прибегнув к столь сентиментальному обороту. Но едва он нашелся и, сведя концы с концами, вымолвил свое обычное: «Что поделаешь, все мы смертны, *vita incerta, mors certissima!*»² — и стал было переходить к более содержательным фразам, которые привык произносить после похорон, приступая к вскрытию завещания, оставленного покойником, как миссис

¹ Поспешай медленно (лат.)

² Жизнь неверна, одна смерть придет наверняка (лат.).

Додз соблаговолила выступить в роли истолкователя собственных туманных речей.

— Видно, — сказала она, — мне самой придется объяснить вам мою беду, мистер Байндлуз, не то вам вовек не догадаться. Так что, коли вы притворите дверь и посмотрите, не подслушивает ли в коридоре кто-нибудь из ваших насмешников, я, пожалуй, растолкую вам, что со мной стряслось.

Мистер Байндлуз поспешно поднялся и пошел выполнять приказ. Он осторожно заглянул в контору банка, увидел, что его ленивые ученики прилежно сидят за своими конторками, повернул, будто в припадке рассеянности, ключ в двери и вернулся в кабинет, изрядно любопытствуя, что же такое случилось с его старой приятельницей. Откинув в сторону всякие дальнейшие попытки строить предположения, он просто подсел к ней поближе и стал ждать, когда ей заблагорассудится сделать свое сообщение.

— Не знаю, помните ли вы, мистер Байндлуз, — сказала она, — что жили у меня лет шесть-семь назад два постояльца, двое отчаянных мальчишек из Англии, у которых были неприятности со старым Сент-Ронаном из-за того, что они охотились на Спрингвелхедской пустоши?

— Прекрасно помню, словно это вчера было, сударыня, — ответил адвокат. — К тому же за хлопоты, которые совсем того не стоили, вы подарили тогда мне банковый билет и просили не поднимать дела против бедных мальчуганов — у вас всегда было доброе сердце, миссис Додз.

— Может быть, и так, а может быть, и нет, мистер Байндлуз, — это уж как мне человек приглянется. А что до тех мальчиков, так они оба уехали из наших краев, и притом, кажется, в ссоре. Но теперь один из них, тот, который был постарше и поразумней, снова приехал недели две назад и поселился у меня.

— Вот и хорошо. Только, я надеюсь, он не учинил опять такой же проделки, кумушка? — сказал адвокат. — С новым шерифом и с коронными судьями мне не так легко договориться, как раньше, миссис Додз.

Да и новый прокурор очень строг к браконьерам — его ведь выдвинули новые люди. Мало кому из наших старых друзей по Килнакелти удастся нынче принимать участие в судебных сессиях, миссис Додз.

— Тем хуже для Шотландии, мистер Байндлуз, — возразила старая дама. — То были приличные, рассудительные люди, и они не стали бы очень привязываться к бедному мальчугану из-за какой-то болотной курочки или зайца. Ведь он же не настоящий браконьер Сэр Роберт Рингхорс говаривал, что молодежь попадает больше по коршунам да сорокам, чем по дичи. Но что поделаешь — новые хозяева, новые правила. Теперь все время — кому штраф, кому тюрьма, а дичи ни на перышко не прибавилось. Когда мне в хозяйстве понадобится парочка-другая куропаток — потому что после двенадцатого августа все спрашивают дичь, — то я уже заранее прикидываю, во что они мне обойдутся. Ну что ж, за риск надо платить. Сам Джон Пернер — а он ходит по болотам лет тридцать назло всем лэрдам — говорил мне, что нынче ему при каждом его выстреле чудится веревка на шее.

— Значит, вам мой совет нужен по другому делу и охота тут ни при чем? — спросил Байндлуз. Хотя сам он и грешил отступлениями, а не терпел, чтобы другие уходили в сторону от предмета разговора.

— По правде сказать, ни при чем, — сказала Мег, — но я хотела поговорить с вами, мистер Байндлуз, как раз об этом бедном мальчике. Надо вам знать, что этот паренек — Фрэнсис Тирл — очень мне понравился, так понравился, что я даже сама себе дивлюсь, мистер Байндлуз. Впрочем, в этом нет греха.

— Нет, нет, какой тут грех, миссис Додз! — сказал юрист, подумав про себя: «Ого! Туман начинает рассеиваться! Молодой браконьер, я вижу, попал в самую точку и подстрелил эту старую бездетную тетерку! Ну, сейчас уж непременно речь пойдет о свадебном контракте. Однако пусть она говорит сама».

— Вы, миссис Додз, — сказал он вслух, — женщина разумная и, конечно, можете представить себе, какое значение имеют иногда в жизни человеческой разные случайности и неожиданные перемены.

— Но я никак не могу представить себе, — возразила миссис Додз, — что же такое ухитрилась учинить злоба людская с бедным мальчиком? Как я вам толковала, мистер Байндлуз, он жил да поживал у меня в Клейкемском подворье больше двух недель, жил тихо, как ягненок на зеленом лужку, скромней постояльца у меня не бывало, ел и пил достаточно для моей прибыли, но не сверх того, что шло ему на пользу — и душе и телу, и точней точного расплачивался по счетам вечером каждую субботу, не пропуская не единой.

— Прекрасный клиент, спору нет, миссис Додз, — поддакнул адвокат.

— Что и говорить, другого такого мне встречать не приходилось, — отвечала достойная дама. — Но каковы же коварство и злоба людская! Эти праздншатаи и вертихвостки под горою у своего гнилого пруда, который они называют источником, прослышали о моем бедном мальчике, о рисуночках, что он пристрастился делать, и положили заманить его к себе в отель, где они занимались всяческими рассказнями про меня и мастера Тирла.

— Надо подавать в консисторский суд, — заявил стряпчий, снова бросаясь по ложному следу. — Я из них душу вытрясу, миссис Додз, достаньте мне только солидные свидетельства, подтверждающие эти факты. Я их заставлю и штраф заплатить и прощения просить. Они у меня закаются задевать ваше доброе имя!

— Мое доброе имя! При чем тут мое доброе имя, мистер Байндлуз? — раздраженно вскричала клиентка. — Вы, верно, даже в такую рань успели хватить малость! Да посмей кто-нибудь тронуть мое доброе имя, я обойдусь и без суда и без совета! Я могла бы палететь на них, как ястреб на стаю гусей! И решишь хоть самая лучшая из этих вертихвосток выразиться о Мег Додз без надлежащего почтения и учтивости, уж я проверю, свои у нее на голове кудри или чужие. Мое доброе имя, подумать только!

— Ну-ну, миссис Додз, я не понял вас, вот и все, — сказал стряпчий, — просто не понял. Вы, разу-

меется, сумеете постоять за себя перед соседями, как никто во всей округе. Но расскажите наконец, что случилось, — в двух словах.

— В двух словах, стряпчий Байндлуз, случилось... вроде как убийство, — сказала Мег, понижая голос, словно ей было страшно даже вымолвить такое слово.

— Убийство! Да что вы, миссис Додз, да не может этого быть! Шериф об этом ничего не знает, и прокурору не известно ни слова! Как могло у вас случиться убийство, и я не слыхал бы о нем? Думайте, бога ради, что вы говорите, этак и в беду попасть недолго.

— Мистер Байндлуз, я говорю только то, что знаю, — сказала миссис Додз. — В некотором роде вы — судия во Израиле, по крайней мере вы грамотей и облечены властью. Так вот, я говорю вам в сокрушении сердца: бедного мальчика, что остановился у меня, убили либо похитили эти разбойники из нового поселка у источника, и я заставлю суд поднять против них дело, пусть это обойдется мне хоть в сотню фунтов.

Адвокат слушал ее в изумлении, дивясь и самому обвинению и настойчивости, с которой Мег, видимо, собиралась поддерживать его.

— У меня одно утешение, — продолжала она, — что моей вины тут нет, как бы дело ни обернулось. Поклясться могу, мистер Байндлуз, что я прошлась-таки метлой по затылку этого кровожадного филистимлянина в отставке Мак-Терка, прежде чем он добрался до мастера Тирла и поговорил с ним. Но мастер Тирл, бедное кроткое дитя, смыслит в злобе человеческой столько, сколько теленок в ноже мясника. Он сам захотел выслушать этого старого бесовестного кровопийцу и согласился встретиться с кем-то из их шайки точно в назначенное время в тот же самый день. Вот и пошел он, как обещался, но с того часу никто его и в глаза не видал. А эти проклятые злодеи теперь хотят опозорить его и болтают, будто он сбежал из наших краев, потому что боялся сойтись с ними лицом к лицу! Похоже это на правду — чтобы он сбежал от них? И не рассчитавшись

со мной! Это он-то, при его аккуратности! И оставил чемодан, и удочку, и свои карандаши, и картинки, над которыми столько корпел! Нет, нет, хотите верьте, хотите нет, мистер Байндлуз, только я-то знаю наверняка, что где-то между Клейкемским подворьем и Оленьим камнем на него напали злодеи. Я все это обдумала, все сообразила, и я доберусь до правды, не будь мое имя Мег Додз, и притяну всех их к ответу. Вот-вот, мистер Байндлуз, это и правильно: берите-ка ваше перо, чернильницу, и примемся за дело...

С превеликим трудом путем настоящего допроса удалось мистеру Байндлузу добиться от своей клиентки подробного отчета о предпринятых джентльменами с Сент-Ронанских вод действиях против Тиррела, насколько, разумеется, Мег могла знать или хотя бы подозревать о них. По ходу следствия стряпчий делал себе заметки обо всем, что казалось ему важным. Наконец, пораздумав, он задал своей гостье вполне естественный вопрос: «Как это ей стал известен такой важный факт, как сговор о встрече для враждебных действий между капитаном Мак-Терком и ее жильцом, раз, по собственному ее утверждению, встреча назначалась *intra parietes*¹ и притом *remotis testibus*?²

— Каждая хозяйка всегда отлично знает, что делается у нее в гостинице, — ответила Мег. — Ну, и что с того? А если уж вы хотите знать, так я просто подслушивала у замочной скважины.

— Значит, вы утверждаете, что слышали, как они улаивались о поединке? — сказал стряпчий. — И вы ничего не предприняли, чтобы помешать беде, хотя вы сами, миссис Додз, говорили мне о своем расположении к этому юнцу! Право, миссис Додз, не ожидал я от вас ничего подобного.

— По правде сказать, мистер Байндлуз, — отвечала Мег, утирая глаза передником, — вот это-то и расстраивает меня больше всего. К чему эти ваши укоры, когда у меня на сердце и так тяжело: ведь я

¹ В помещении (лат.).

² Без свидетелей (лат.).

знаю, что чуточку и сама виновата. Но, видите ли, в моем доме случалось немало этих самых вызовов, когда в прежние годы останавливались у меня во время своих поездок лихие молодцы из Клуба сумасбродов или озорников; однако у них всегда хватало здравого смысла помириться и обойтись без поединка, так что я и теперь никак не предполагала ничего опасного. Да и рассудите сами, мистер Байндлуз, ведь не годится же, чтобы постоялец такого скромного и порядочного заведения, как мое, струсил перед кем-то из этого праздношатающегося сброда, что селится в отеле под горой.

— Значит, миссис Додз, вам хотелось, чтобы ваш постоялец подрался на дуэли ради прославления вашей гостиницы, — заметил Байндлуз.

— Ну и что с того, мистер Байндлуз? Разве все такие драки затеваются не ради славы? И, наверно, уж лучше сражаться за доброе имя крепко построенного дома в три этажа и с четырехскатной шиферной крышей, чем за честь какого-то дрянного мальчишки из тех, что поднимают этакий шум вокруг своей репутации! Уж поверьте, мой дом, тот, что зовут Клейкемским подворьем, стоял в Старом городке, когда они еще на свет не родились, и будет стоять и после того, как их повесят, а кое-кто из них этого непременно дождетсЯ!

— Ну, а может быть, вашему постояльцу не так уж хотелось сражаться за честь вашего дома и он предпочел попросту уйти от греха? — спросил мистер Байндлуз. — Ведь, насколько я понимаю, встреча не состоялась.

— Не так уж хотелось? — возразила Мег, видимо твердо решив не принимать ни одного из предположений своего стряпчего. — Плохо вы его знаете, мистер Байндлуз. Посмотрели бы вы на него, когда он рассердится! Я и сама-то побаивалась спорить с ним, а на свете не так уж много людей, перед которыми я робею. Какая там встреча! Да, разумеется, никакой встречи и не было — они не посмели встретиться с ним по-честному. Только я уверена, что тут случилось кое-что похуже дуэли. Мой Энтони слышал два

выстрела, когда поил старого пони у ручья чуть ниже по течению, а оттуда рукой подать до тропинки, что ведет к Оленьему камню. Я его бранила, зачем он не пошел посмотреть, что там было, да он подумал, не вышел ли это старый Пернер на охоту со своей двустволкой, и ему вовсе не было завидно попасть в свидетели, если того притянут к суду за браконьерство.

— Ну, я думаю, — сказал помощник шерифа, — Энтони слышал просто выстрелы браконьера — это вполне правдоподобно. Поверьте мне, миссис Додз, вашему постояльцу не пришлось по вкусу пикник, на который его приглашал капитан Мак-Терк, и, будучи человеком смирного нрава, он прямиком отправился в свои родные места, если есть у него такие. Мне, право, жаль, что вы задали себе столько хлопот и затеяли такое путешествие по такому пустому поводу.

Миссис Додз с минуту сидела, глядя себе под ноги с весьма мрачным и недовольным видом, а когда заговорила, то в голосе ее послышалась явная досада:

— Ладно, ладно, как говорится, век живи, век учись. Я думала, вы мне друг, мистер Байндлуз, и всегда держала вашу сторону, когда люди ругали вас и говорили, что вы-де такой-сякой и чуть ли не просто старый скупердяй и пройдоха, вот что, мистер Байндлуз. И мои денежки всегда хранились у вас, хотя Тэм Тернпенни живет, конечно, поближе и, говорят, дает на полпроцента больше вашего, если вклад лежит долго, а ведь я-то свои редко трогаю.

— Но там вы не получаете банковской гарантии, сударыня, — побагровев, возразил мистер Байндлуз. — Не хочу никого порочить — мне это не к лицу, однако есть же разница между Тэмом Тернпенни и банком, я полагаю.

— Ладно, ладно, при чем тут банк. Я говорю, что считала вас своим другом, мистер Байндлуз, и вот притащилась к вам из собственного дома, а чего ради, оказывается?

— Вот напасть, — сказал растерявшийся судейский грамотей, — что же тут можно придумать, раз все это ни к чему не ведет? Будьте же хоть чуточку

рассудительны, миссис Додз, поймите, ведь здесь нет никакого corpus delicti.

— Corpus delicti? А это что? — спросила Мег. — Что-нибудь такое, наверно, за что надо платить — все ваши строгие речи этим кончаются. Неужто не найдется для меня какого-то corpus delicti, или Habeas corpus, или любого другого corpus, который мне понадобится, раз я готова явиться и отсчитать за него наличными?

— Господь сохрани нас и помилуй! — сказал адвокат, теряя терпение. — Вы совсем не понимаете существа дела! Когда я говорю, что здесь отсутствует corpus delicti, это значит, что у нас нет улик и нам нечем доказать, что преступление было совершено.

— Так, значит, по-вашему, убийство — это не преступление? — возразила Мег, которая слишком крепко придерживалась своего взгляда на этот предмет, чтобы ее можно было легко переубедить. — А я вам говорю, что это преступление против законов божеских и человеческих и что любого красавчика можно вздернуть за это!

— Все это мне прекрасно известно, — отвечал стряпчий, — но, поверьте мне, миссис Додз, в этом деле нет свидетелей убийства, нет доказательств, что человек был убит, и не представлено его мертвое тело, а все это и называется у нас corpus delicti.

— Ну, тогда пусть дьявол его у вас и добивается, — сказала разгневанная Мег, подымаясь с места, — а я отправляюсь домой! И я велю найти тело мальчика, даже если придется на мой счет перекопать и перерыть землю на три мили в окружности. Я его найду, хотя бы для того только, чтобы похоронить бедняжку по-христиански и добиться наказания для Мак-Терка и всей его кровожадной шайки с Сент-Ронанских вод, да еще для того, чтобы посрамить такого старого, выжившего из ума дурака, как вы, Джон Байндлуз. — И в гневе она собралась уже кликнуть свою повозку.

Однако не в интересах и не в привычках стряпчего было расставаться со своими клиентами в таких плохих отношениях. Он стал умолять ее смириться

и напомнил ей, что бедные ее лошадки не успели отдохнуть после такого перегона — довод, неотразимый для слуха старой владелицы постоянного двора, которая сызмальства привыкла считать надлежащий уход за почтовыми лошадьми одной из своих священных обязанностей. Сердитая и угрюмая, она все-таки опустила в кресло, а мистер Байндлуз стал тщетно ломать себе голову, изобретая способ образумить свою гостью. Но тут его внимание было вдруг привлечено каким-то шумом в коридоре.

Глава XV

ЛЮБИТЕЛЬ СТАРИНЫ

Вот ко мне
Приходит со своею зубочисткой
Приезжий иностранец на обед.

«Король Иоанн»¹

Шум, встревоживший, как сказано об этом в конце прошлой главы, мистера Байндлуза, происходил оттого, что кто-то в спешке и нетерпении колотил в дверь конторы, находившейся вместе с прочими помещениями банка по левую сторону разделявшего дом коридора, по правую сторону которого была расположена гостиная, где стряпчий сейчас принимал миссис Додз.

Обычно в контору мог войти всякий, кому это было нужно. Однако в настоящий момент, как ни торопился стучавший, конторские клерки не могли его впустить, ибо сами находились в плену вследствие мер, заботливо принятых осторожным мистером Байндлузом, никак не желавшим, чтобы они подслушивали, о чем будет с ним совещаться миссис Додз. Поэтому в ответ на сердитый и нетерпеливый стук новоприбывшего они только тихонько посмеивались изнутри, несомненно находя весьма забавным, что

¹ Перевод Н. Рыковой.

предосторожность хозяина теперь мешала им выполнять их прямые обязанности.

Выбрав на чем свет стоит своих клерков — «сущее его наказание», — мистер Байндлуз бросился в коридор и впустил гостя в конторское помещение. Поскольку двери между ним и гостиной остались открытыми, чуткое ухо матушки Додз, опытное, как известно читателю, в деле собирания сведений, смогло уловить все-таки, о чем шла речь. Разговор касался как будто выплаты крупной денежной суммы. Мег окончательно уверилась в этом, когда к концу беседы, длившейся минут пять, незнакомец повысил и без того резкий и пронзительный голос и произнес следующее:

— Какой лаж? Ни одного фартинга, сэр, ни одного каури, ни одного пайса! Какой может быть лаж при учете векселя Английского банка? Да вы, сэр, меня за дурака принимаете! Неужто мне не известно, что при пересылке денег в Лондон вы и так оставляете себе проценты за сорок дней?

Тут Мег услышала, как мистер Байндлуз невнятно пробормотал что-то насчет принятого в делах обычая.

— Обычай? — вскричал клиент. — Быть не может! Тогда это просто дурацкий обычай! Нечего мне толковать про ваши обычаи! Ну, знаете, я отлично помню все валютные курсы по всему свету! Мне случилось выписывать векселя даже в Тимбукту! Мои друзья на Стрэнде учитывали этот вексель наравне с векселями Брюса из Гондара. А вы толкуете мне про лаж при обмене почтового векселя Английского банка! Что вы его разглядываете? Вексель кажется вам сомнительным? Я могу переменить на другой.

— Этого вовсе не требуется, — ответил Байндлуз. — Вексель годится. Но обычно его подтверждают индоссаментом, сэр.

— Разумеется. Дайте мне перо — не тростью же мне писать, как вы полагаете? Что за чернила! Желтей перечного соуса! Ну, не важно, вот моя подпись — Перегрин Тачвуд — меня называли родовым именем лордов Уиллоуби. Здесь все, что мне причитается?

— Все, что вам причитается, сэр, — отвечал Байндлуз.

— Ну, знаете, друг мой, вам следовало бы еще доплатить мне, а не насчитывать себе лаж.

— Уверяю вас, этого у нас не водится, — сказал банкир, — совершенно не водится, но вот если вы зайдете ко мне выпить чашку чаю...

— Пожалуй, зайду, — согласился приезжий. Продолжая на ходу разговаривать, он вышел из конторы и вслед за мистером Байндлузом направился в гостиную. Теперь его слова слышались вполне явственно.

— Чашка чаю оказалась бы кстати, особенно — настоящего чаю, но что касается вашего лажа...

Тут незнакомец вошел в гостиную и приветствовал миссис Додз. Увидев перед собой, по ее выражению, приличного и разумного человека, и притом, как она поняла, с карманами, набитыми шотландскими и английскими банкнотами, она в ответ на его поклон присела как можно учтивей.

При ближайшем рассмотрении мистер Тачвуд оказался коренастым подвижным толстяком, сохранившим, несмотря на добрые шестьдесят лет, силу и гибкость, свойственные более юному возрасту. Лицо его выражало самоуверенность и некоторую долю пренебрежения ко всем тем, кому не довелось повидать и испытать того, что видел и перенес он сам. В коротких черных волосах виднелась проседь, но они еще не были совсем выбелены сединой. Глубоко посаженные черные блестящие глазки в сочетании с коротким вздернутым носом выдавали нрав раздражительный и вспыльчивый. Лицо, из-за частой смены климата принявшее кирпичный оттенок, на расстоянии двух-трех ярдов выглядело здоровым и гладким, но вблизи оказывалось изрезанным тысячей морщинок, пересекавшихся во всевозможных направлениях и таких мелких, будто они были нанесены кончиком тончайшей иглы.¹ Он был в синем сюртуке и светло-коричневом жилете, короткие сапожки были

¹ Этой особенностью отличалось лицо прославленного казачьего атамана Платова (*Прим. автора*)

отлично начищены, а шелковый шейный платок повязан с аккуратностью, достойной военного. Старомодной была только треугольная шляпа, на которой сбоку красовалась маленькая кокарда.

Миссис Додз, привыкшая определять людей с первого их появления, говорила потом, что уже те три шага, которые он сделал от двери к чайному столу, позволили ей безошибочно признать походку человека вполне обеспеченного. «А в этом, — подмигнув, прибавляла она, — нас, трактирщиков, обмануть трудно; если жилет шит золотом, а кошелек пуст, так уж, по мне, пусть лучше жилет будет просто на пуху».

— Туманное выдалось утро, сударыня, — произнес мистер Тачвуд, как бы желая испытать общество, в котором он очутился.

— Для хлебов утро приятное, как говорят у нас, — ответила Мег не менее важно.

— Правильно, правильно, сударыня; именно приятное, хотя давненько не слыхивал я, чтобы так говорили. Раза два обкатил я вокруг света с тех пор, как последний раз слышал это выражение.

— Значит, вы из наших краев? — спросил стряпчий, ловко вставляя вопрос, который, как он надеялся, заставил бы незнакомца высказаться откровенно, и, сделав паузу, прибавил: — Но я все-таки полагаю, сэр, что Тачвуд — не шотландская фамилия; я по крайней мере не слыхал такой.

— Не шотландская? Нет, не шотландская, — ответил путешественник. — Но ведь можно было побывать тут, и не будучи уроженцем этих мест. Или, будучи здешним уроженцем, можно было по какой-нибудь причине сменить свое имя — немало найдется причин, по которым люди меняют имя.

— Разумеется, — согласился стряпчий. — Бывают причины весьма веские, как, например, в частом случае наследования земли, когда введение в права связывается с принятием имени и герба.

— Вот-вот, либо когда человек натворил в своих краях что-нибудь такое, после чего ему под своим

собственным именем больше и показаться нельзя, — сказал мистер Тачвуд.

— Такое предположение мне высказывать не пристало, — возразил стряпчий. — Во всяком случае, если вы знали нашу округу раньше, теперь вы, наверно, не нарадуетесь, насколько все у нас изменилось после американской войны. По склонам холмов вместо вереска растет клевер, рента поднялась раза в два-три, а то и в четыре, старые, закоптелые замки снесены, и помещики живут в таких же хороших домах, какие видишь в Англии.

— Много этим дуракам проку от таких перемен! — выпалил вдруг Тачвуд.

— Вас как будто не радуют все эти наши усовершенствования, сэр? — удивленно спросил адвокат, наткнувшись на инакомыслящего в вопросе, где он рассчитывал на полное сочувствие.

— Радуют? — откликнулся приезжий. — Так радуют, как меня обрадовал бы черт — он-то, по-моему, и пустил в ход многие из этих усовершенствований. Вы вбили себе в голову, что все надо менять. Бушуете вы, как вода, и не будет вам успеха. В вашем захолустном уголке, скажу я вам, за последние четыре десятка лет произошло больше перемен, чем в иных восточных державах за четыре тысячелетия, по-моему.

— А почему бы не быть переменам, если они к лучшему? — спросил Байндлуз.

— Они вовсе не к лучшему! — горячо возразил Тачвуд. — Когда я уезжал, здешние крестьяне были, правда, бедны как церковные мыши, но зато честны и трудолюбивы. Они мужественно несли свою долю, выпавшую им на этом свете, и с надеждой ожидали своей доли на том. Теперь они просто батраки, за ними нужен глаз да глаз, и то они поминутно оглядываются на часы, как бы им не потрудиться для своего хозяина лишнюю секунду сверх положенного срока. Они больше не читают по будням библию, чтобы поспорить в воскресенье со священником из-за какого-нибудь неясного текста, и все их богословие надергано из сочинений Тома Пейна и Вольтера.

— Истинную правду говорите вы, сударь, — сказала Мег Додз. — Пачка таких богопротивных книжонок оказалась раз в моей собственной кухне. Но я-то живо выставила из своего дома оболтуса разносчика, что принес эти книжки! Мало им сбивать девушек с толку разными балладами и кружить им головы лентами! Они хотят выманить самое душу, всучивая свой товар, как сказала бы я, в обмен на деньги, чтогодились бы их бедному отцу, когда он окажется без работы или расхворается...

— Что им отец, сударыня! — сказал путешественник. — О своем отце они думают столько, сколько Регана с Гонерильей.

— Я вижу, сэр, — ответила Мег, — вы разбираетесь в нашем деле. Они о своем гоноре только и думают, а что все они наперечет круглые дуры, я им твержу с утра до вечера, да им впрок не идет.

— И притом, сударыня, эти бестии все стали корыстны, — сказал мистер Тачвуд. — Бывало, шотландец и в руки не возьмет шиллинга, если он его не заработал, а сам, как араб в пустыне, всегда был готов помочь любому встречному. Теперь другое. На днях, едучи верхом, я уронил хлыст, и какой-то парень, чинивший изгородь, сделал три шага и поднял его. Я благодарю его, а мой приятель надвинул шапку на глаза и послал меня к черту с моей благодарностью, «раз на этом дело кончается» — добавил он, под стать святому Эгидию.

— Ну-ну, — вмешался адвокат, — вы, может быть, и правы, сэр, и, разумеется, богатство портит людей, однако край у нас богатый, этого отрицать нельзя, а богатство, вы сами знаете...

— Я знаю, что всякому богатству приходит конец, — ответил Тачвуд не обинуясь. — Да и вправду ли мы так богаты? Конечно, вам легко хвастать новыми строениями и распаханной землей, но это ведь имущество, а не капитал, так же как у толстого человека жир — не признак силы и здоровья.

— Однако, мистер Тачвуд, — сказал Байндлуз, чувствуя, что в этих нововведениях и усовершенствованиях есть и его доля, — однако если многие земле-

владельцы живут как настоящие помещики, а у арендаторов хозяйство ведется не хуже, чем у лэрдов, и если они встречаются троицу и Мартынов день так же спокойно, как я сажусь за обед, если все это не признаки богатства, так я уж не знаю, где его еще искать.

— Это признаки безумия, сэр, — сказал Тачвуд, — нищего безумия, которое еще больше нищает от старания казаться богатым. А откуда у них берутся средства, которые они выставляют напоказ, вам как человеку, причастному к банковским операциям, вероятно, знать лучше моего.

— Мне подчас случается дисконттировать вексель по ссуде, мистер Тачвуд. Но без ссуды мир остановился бы на мертвой точке: ссуда — это смазка, чтобы колеса катились.

— Вот они и катятся под горку ко всем чертям, — заметил Тачвуд. — Когда я уезжал, вы тут хлопотали об учреждении банка воздушных замков, а теперь вся страна сплошной такой банк. А кому придется расплачиваться? Ну, да все равно, мне на все это недолго любоваться. Настоящий Вавилон какой-то, просто голова кружится, особенно если вы провели жизнь с людьми, которые любят сидеть, а не носиться, и предпочитают молчание болтовне, с людьми, которые едят, когда голодны, пьют, когда испытывают жажду, не смеются, пока не услышат смешного, и не говорят ничего, если им нечего сказать. А здесь — бегут, едут, скачут, шум, гам и грохот! Ни в чем никакой устойчивости и никакого смысла.

— Жизнь мою готова прозакладывать, — сказала миссис Додз, поглядывая на своего друга адвоката, — что джентльмен побывал внизу, в нашем новом Спа.

— Вы называете его Спа, сударыня? Если вы имеете в виду это новое заведение, что появилось там, у сент-ронанского источника, так это настоящий источник глупости и самохвальства. Шуму — как при башне вавилонской, а сумасбродства — как на ярмарке тщеславия! Ни в каком источнике, ни в каких ваших болотах не развелось столько лягушек, надутых, квакающих лягушек, как в этом Спа.

— О сэр! — вскричала тетушка Додз, восхищенная решительным осуждением ее модных соперников и полная готовности высказать свое уважение рассудительному незнакомцу, который вынес этот приговор. — Разрешите мне налить вам чашечку чаю?

И она немедленно завладела хлопотливыми обязанностями по управлению чайным столом, до сих пор находившимися в руках самого хозяина.

— Надеюсь, чай придется вам по вкусу, — сказала она путешественнику, который принимал ее услуги с признательностью, какую любители поговорить обычно испытывают к тем, кто их слушает с охотой.

— Чай хорош, насколько можно от него требовать, сударыня, — ответил мистер Тачвуд, — хоть, разумеется, и не совсем такой, какой я пивал в Кантоне у старого Фын-хуа. Но Небесная империя своих лучших чаев на Леденхол-стрит не посылает, так же как Леденхол-стрит не станет посылать свой лучший чай в Марчторн.

— Может быть, вы и правы, сэр, — ответила трактирщица, — осмелюсь сказать только, что, наверно, чай у мистера Байндлуза гораздо лучше того, которым вас поили в нашем Спа.

— Разве это чай, сударыня! Я там чаю и не видал. Просто лист ясеня и терновника в раскрашенных жестянках! Ливрейные макаки в пудренных париках разносили настой из него гостям, и кому нравилось, тот пил этот «чай» под кошащее мяуканье и попугайную трескотню всей гостиной. Я сожалел о временах «Зрителя», когда можно было положить на стол, что с тебя требовалось, и удалиться без дальнейших околичностей. Шалишь! Раздача этого изумительного настоя происходила под зорким наблюдением одного свихнувшегося синего чулка, и за несчастную скорлупку помоев каждому из нас полагалось вытерпеть все церемонии званого вечера.

— Ну, сэр, — заявила Мег Додз, — могу сказать, что если бы мне выпало счастье угощать вас у себя в Клейкемском подворье, которое держат уже два поколения нашей семьи, то — хоть я и не берусь утверждать, что вы получили бы такой чай, к какому

привыкли у себя в заморских странах, где он растет, — джентльмену вроде вас я подала бы самый лучший чай из того, что у меня есть, и вам за него не поставили бы в счет больше шести пенсов ни при мне, ни при моем отце.

— Если бы я только знал, сударыня, — сказал путешественник, — что старое подворье открыто по сей день, я, разумеется, остановился бы у вас. По утрам я посылал бы вниз за ихней водой. Доктора настаивают, чтобы я из-за моей желчи пил челтнемскую воду или какую-нибудь другую вроде нее. Впрочем, они это говорят, наверно, чтобы прикрыть свое собственное невежество, черт их побери! Я и подумал, что уж лучше ехать на здешние воды. Но я здорово попался: с таким же успехом можно было поселиться под колоколом. Этот молодой Сент-Ронан, верно, был не в своем уме, когда решил завести на старинной земле своих отцов такую ярмарку тщеславия.

— А вы знаете теперешнего Сент-Ронана? — спросила Мег.

— Только с чужих слов, — сказал Тачвуд. — Но я слышал об этой семье и, кажется, даже читал о них в истории Шотландии. Они, насколько я помню, стали теперь захудалым родом, не то что раньше. Нечего сказать, хороший способ поправить свои дела нашел этот молодой человек, проводя время с картежниками и шулерами.

— Жаль мне, коли это так, — сказала добрая Мег Додз. Наследственное уважение к роду Моубреев не позволяло ей поощрять сплетни о молодом лэрде, поэтому она прибавила: — Его предки были добры к моим, сэр. Может быть, он об этом и не помнит, однако мне не пристало говорить о нем то, чего не следует говорить о сыне его отца.

У мистера Байндлуза не было таких причин для сдержанности, и он стал бранить Моубрея, по его словам — легкомысленно проматывавшего свое состояние, да и не только свое.

— Я вправе говорить так, — сказал он, — потому что у меня на руках два его векселя по сто фунтов. Я их дисконтировал из чистой доброты и уважения

к его древнему роду, а он беспокоится о них не больше, чем о государственном долге Англии. Зато он носит по всем лавкам Марчторна и делает закупки для праздника, который решил затратить этой разряженной публике с источника. И теперь лавочникам приходится принимать его расписки в уплату за все, что они ему доставляют. Но они ведь когда-нибудь могут предъявить его векселя. А иной купец, как мне известно, не поверит и гроша ломаного под вексель с подписью Джона Моубрея ни на лицевой, ни на обратной стороне. Молодому лэрду следовало бы платить долги, которые он уже наделал, а не входить в новые ради того, чтобы накормить всю эту ораву дураков и льстецов.

— Его приготовления, кажется, пропадут даром, — сказал мистер Тачвуд. — Я слышал, будто празднество откладывается по болезни мисс Моубрей.

— Бедняжка, — сказала миссис Маргарет Додз — Она все нездорова последние дни.

— Говорят, у нее здесь что-то не в порядке, — отозвался путешественник, многозначительно постукивая по лбу.

— Бог весть, — ответила миссис Додз. — Я-то думаю, пожалуй, дело не в голове, а в сердце. Ее, бедненькую, все время носит туда-сюда, то вниз к источнику, то опять в гору, а дома нет для нее ни подходящего общества, ни покоя, и все идет прахом. Тут мудрено остаться в добром здоровье.

— Однако, — возразил Тачвуд, — говорят, ей стало хуже прежнего, и будто бы поэтому и отложен прием в Шоуз-касле. Да кроме того, теперь, когда на воды приехал этот молодой лорд, они, уж наверное, подождают ее выздоровления.

— Лорд! — в удивлении вскричала миссис Додз. — На источник приехал лорд! Ну, теперь с ними никакого сладу не будет! Час от часу не легче — лорд! Вот они возгордятся теперь — лорд! Господи помилуй! В отеле — лорд! Впрочем, это, поди, не настоящий лорд, мистер Тачвуд?

— Ну нет, моя милая, — отвечал путешественник. — Он английский лорд и, говорят, даже заседает

в палате лордов. Судачат, правда, что в его титуле есть трещинка.

— Ну, разумеется, да, наверное, и не одна! — быстро подхватила Мег, не в силах вынести мысли, что подлинный вельможа, избрав своей резиденцией Сент-Ронанские воды, может поднять, таким образом, значение отеля — соперника Клейкемского подворья. — Вот увидите, этот лорд окажется поддельным, это просто нанятый бродяга, который им недорого обойдется. Он, наверное, приехал будто бы больной и, разумеется, не проведет здесь и нескольких дней, как сразу выздоровеет, к чести их целебных вод!

— По правде сказать, сударыня, болезнь, которой он сейчас страдает, здешними водами не вылечить: у него плечо прострелено пистолетной пулей. Кажется, это случилось при попытке ограбления. Вот еще одно из ваших новшеств: в мое время в Шотландии о таких вещах не слыхивали. Раньше легче было наткнуться на феникса, чем на грабителя.

— А где это случилось, не знаете ли вы, сэръ? — спросил муж счетов и расчетов.

— Где-то поблизости от Старого городка, и если мне говорили правильно, то в прошлую среду.

— Я полагаю, вот и объяснение тех двух выстрелов, миссис Додз, — сказал стряпчий. — Ваш конюх слышал их в среду — наверно, это и было то нападение.

— Может быть, и так, а может быть, иначе, — ответила Мег. — Но только я без веских доводов от своего мнения не откажусь. — И, возвращаясь к предмету, от которого ее мысли были на несколько минут отвлечены занимательной беседой с мистером Тачвудом, она спросила:

— Мне бы хотелось знать, не слыхали ли вы, сударь, чего-нибудь о мистере Тирле?

— Если вы имеете в виду человека, к которому относится эта бумага, — сказал путешественник, вынимая из кармана печатное объявление, — так я о нем слышал даже чересчур много. На Сент-Ронанских водах только о нем и говорят, так что мне приходится

от этого Тиррела почти так же худо, как пришлось когда-то от своего Тиррела Вильгельму Рыжему. Больше всего осуждают его потому, что, оказавшись замешанным в какую-то глупейшую ссору, он не стал драться. А, по рассуждению этих мудрецов, ему это следовало сделать! Вот еще новое безумство, которое тоже укоренилось у вас. Прежде, бывало, ссорились и сходились на поединке или дрались на дуэли какие-нибудь старые заносчивые лэрды или младшие сынки хорошего рода. Они это делали по примеру своих древних предков, но уж людям без роду-племени такие глупости в голову никогда не приходили. А тут все поносят какого-то жалкого мазилку — ибо таково, насколько я понимаю, занятие нашего героя, — как будто он боевой офицер. У того доблесть является профессией, и, лишая офицера чести, вы лишаете его хлеба. А это приводит на память Дон-Кихота, который своего соседа Карраско принимал за странствующего рыцаря!

Мистер Байндлуз внимательно прочел бумагу, сохранившую уже известное читателю письмо сэра Бинго с осуждением, которое сент-ронанское общество нашло нужным высказать по поводу его дуэли с мистером Тиррелом. Затем, сдерживая, насколько позволяла ему смертная природа, свою радость от сознания превосходства собственного суждения над суждением ближнего, он произнес:

— Теперь вы видите, что я был прав, миссис Додз, и что вы без всякого для себя проку пустились в такое длинное путешествие. Парень предпочел не драться с сэром Бинго и удрал в кусты. По правде говоря, он, по-моему, оказался умней своего противника. Тут все это сказано черным по белому.

На что Мег ответила довольно сердито:

— Хоть вы человек и ученый, мистер Байндлуз, а все-таки, может быть, и ошибаетесь. Я велю лучше поразузнать об этом деле.

Тут спор о судьбе Тиррела снова возобновился, и путешественник поневоле также принял в нем некоторое участие.

Наконец, так и не добившись, чтобы опытный адвокат поддержал ее предположение, раздосадованная миссис Додз поднялась и приказала закладывать уиски. Привыкнув быть полновластной хозяйкой в своих владениях, она, однако, на этот раз просчиталась. Горбатый кучер, пользовавшийся в своем ведомстве столь же абсолютной властью, как миссис Додз в своем, объявил ей, что раньше, чем через два часа, ему свою скотинку в путь не собрать. Вынужденная ждать, пока ему заблагорассудится отправиться в дорогу, почтенная дама горько сетовала на протори и убытки, которые всегда терпит гостиница в отсутствие хозяина или хозяйки, и заранее горевала, представляя себе побитые тарелки, ложные счета, неприбранные комнаты и прочие бедствия и неприятности, ожидающие ее по возвращении.

Мистеру Байндлузу весьма хотелось вернуть расположение своей приятельницы и клиентки, в известной степени подорванное тем, что он осмелился противоречить ей в вопросе, столь близком ее сердцу. Поэтому он не только не предложил ей утешиться тем очевидным, хотя и неприятным соображением, что такой малопосещаемой гостинице едва ли грозят те беды, которых она опасалась, но, наоборот, всячески сочувствовал ей. И он даже сказал, что если мистер Тачвуд, как можно предполагать по его платью, приехал в Марчторн на почтовых, то миссис Додз могла бы воспользоваться этими лошадьми, чтобы скорейшим способом вернуться в Сент-Ронан.

— А знаете, — сказал вдруг мистер Тачвуд, — я, пожалуй, и сам сейчас поеду обратно. В таком случае я с удовольствием доведу вас домой, сударыня, да и проживу у вас несколько дней, если вы примете меня к себе. Женщина, которая, как вы, продолжает дело своего отца, — такая женщина, сударыня, вызывает мое глубочайшее уважение... Я, сударыня, жил в странах, где люди занимаются одним и тем же делом, передавая его от отца к сыну, на протяжении тысячелетий. И мне этот обычай нравится: он свидетельствует об упорстве и трезвости характера.

Миссис Додз, обрадованная таким предложением, развеселилась и заявила, что ради его удобства будет сделано все возможное. И пока ее друг, мистер Байндуз, разглагольствовал, как ее новому постояльцу будет хорошо в Клейкемском подворье, она в молчаливом восторге предвкушала блестящую и решительную победу, которую одержит над важными и преуспевающими соперниками, переманив к себе из отеля на Сент-Ронанских водах такого завидного постояльца.

— Мне угодить не трудно, сударыня, — сказал путешественник. — Я столько ездил, да еще так далеко, что привык не привередничать. Испанская вента, персидский хан, турецкий караван-сарай — мне все едино. Однако, так как я обхожусь без лакея — по правде сказать, терпеть не могу возить с собой этих дармоедов, — мне придется просить вас послать по утрам кого-нибудь за бутылкой воды на источник — в те дни, разумеется, когда я не буду ходить туда сам. Вода, пожалуй, и в самом деле мне помогает.

Миссис Додз с радостью обещала выполнять такую скромную просьбу.

— В самой воде-то вреда никакого нет, может быть, вода и пользу приносит, — милостиво заявила она и разъяснила, что недолюбливает только этот новый отель и стаю мартовских зайцев, которые именуют себя тамошней компанией. Люди, мол, пошучивают, будто святой Ронан сбросил дьявола прямо в источник, оттого вода в нем с тех пор отдает серой. Она считает, однако, все это пустейшими бреднями, потому что ей говорил такой осведомленный человек, как сам пастор, что святой Ронан был вовсе не какой-нибудь языческий угодник из Рима, а талдей, то бишь халдей, а это ведь совсем другое дело.

Так как все устраивалось к обоюдному удовольствию, был отдан приказ закладывать почтовую карету, и вскоре она уже стояла у дома мистера Байндуза. Добрая Мег поднялась на ступеньку кареты не без тайного чувства досады, потому что на дверцах виднелась надпись масляной краской «Отель Фокса

на Сент-Ронанских водах». Однако для излишней щепетильности уже не оставалось времени.

— Не думала я, — сказала она, усаживаясь, — что мне придется ехать когда-нибудь в ихней таратайке, да еще в такой, как эта, — тут на двоих едва хватит места! Когда я держала лошадей, можете мне поверить, мистер Тачвуд, в каждой из наших карет — а у меня их было две — легко умещалось четверо взрослых и столько же детей вдобавок. Этот дурак Энтони, надеюсь я, тронется с моим уиски, как только лошади покормятся. Вам в самом деле достало места, сэр? А то я потеснюсь.

— О сударыня, — отвечал путешественник, — я привычен к любым способам передвижения: паланкин, двуколка, носилки или почтовая карета — по мне все равно. Я, пожалуй, поместился бы в ореховой скорлупке вместе с королевой Мэб, лишь бы не тащиться позади. С вашего позволения, если вы, конечно, не будете возражать, я закурю сигару.

И разговор продолжался в том же духе.

Глава XVI

СВЯЩЕННИК

Имея ренты сорок фунтов в год,
За богача в округе он слывет.

Голдсмит. «Покинутая деревня»

Миссис Додз твердо и неколебимо продолжала стоять на том, что ее друг Тиррел умерщвлен кровавым капитаном Мак-Терком. Однако, так как розыски тела предполагаемой жертвы все еще оставались напрасными и обходились довольно дорого, она в конце концов потеряла надежду и начала отступать. «Я свой долг выполнила, пусть теперь этим делом занимаются те, кому надлежит им заниматься, а провидение в свое время само раскроет тайну», — такими доводами утешала себя добрая женщина и, проявив гораздо меньше упрямства, чем предполагал

мистер Байндлуз, осталась и при своем мнении и при своем банкире.

Бездействие и молчаливая уступчивость Мег в деле, которое она грозилась было расследовать до самого конца, быть может, вызывались тем, что бедного Тиррела заменил в качестве жильца в синей комнате и в качестве объекта ежедневных попечений и хлопот ее новый постоялец, мистер Тачвуд. Завладев дезертировавшим с источника джентльменом, Мег, по своему понятию, одержала решительную победу над соперниками. Подчас только это веское соображение и принуждало старую ворчливую Мег уступать различным капризам и требованиям, непрерывно возникавшим у нового постояльца. Никто столько не говорил о своих скромных привычках в еде и о безразличии к удобствам в пути, как Тачвуд; и, наверно, ни один путешественник не доставлял в гостинице столько хлопот, как он. В кулинарии у него были свои прихоти, и если не хотели делать по его указке, особенно же если в это время он чувствовал хоть маленький намек на приступ подагры, то он бывал привередлив, словно обучался в кондитерской самого Бедреддина Хассана и вот-вот повторит всю историю со злополучным сливочным тортом, в который забыли положить перцу. Он то и дело устанавливал в гастрономической науке новые правила, которые миссис Додз считала совершенной ересью, и поэтому они спорили так, что звенели стекла. Кроме того, постель ему полагалось стелить под определенным углом от подушки к ногам кровати, и малейшее отклонение от этого угла нарушало, по словам Тачвуда, его ночной покой и, уж во всяком случае, выводило его из себя. Так же прихотлив был он и относительно чистки своего платья, расстановки мебели у него в комнате и тысячи других мелочей, которые на словах совершенно презирал.

Может показаться странным, но такова уж противоречивость человеческой природы, что постоялец с таким капризным и причудливым нравом доставлял миссис Додз гораздо больше удовольствия, чем ее мирный и непрехотливый друг мистер Тиррел. Ее

новый жилец умел бранить, но умел и хвалить, а ни один артист вроде миссис Додз, знающий цену своему таланту, не остался бы равнодушным к одобрению такого знатока, как мистер Тачвуд. Гордость художника утешала ее за понесенные добавочно труды. Не последним было для почтенной хозяйки гостиницы и то соображение, что чем больше от постояльца хлопот, тем больше его счета и тем щедрей он обычно их оплачивает. Тут уж Тачвуд был настоящей жемчужиной среди постояльцев. Он никогда не отказывал себе в удовлетворении малейшей своей причуды, каких бы расходов она ему ни стоила и какие бы хлопоты ни приносила другим. И все это под уверения, что ко всему тому, чего он требовал, он совершенно и полностью равнодушен. «Очень ему нужен соус Берджес, когда он едал кускус, приправив его одним песком пустыни! Однако просто позор, что у миссис Додз не достанешь того, чего должно быть вволю в любом заведении рангом чуть повыше пивной!»

Короче говоря, он кипятился, раздражался, командовал и добивался всего, чего хотел. Весь дом ходил ходуном, но, когда дело касалось чего-либо важного, на мистера Тачвуда нельзя было сердиться, такую доброту и сердечность он проявлял. И хотя миссис Додз в дурную минуту рада была бы послать его на вершину Тинтока, она рано или поздно всегда кончала тем, что пела ему хвалы. Правда, она все-таки подозревала, что он тоже набоб, выводя это заключение из его рассказов о заморских странах, а также из того, как он потакал самому себе и как был щедр к другим — свойства, по ее мнению, присущие всем «индам». Но хотя, как уже слышал читатель, вообще-то миссис Додз выражала недоверие к этому роду любимцев фортуны, у нее хватало здравого смысла, чтобы понимать, что набобы, живущие по соседству и набивающие цену на птицу и яйца у крестьянок в округе, — это совсем не то, что набоб, который поселился в ее собственном подворье, забирает съестное в ее собственной кладовой и расплачивается без задержек и расспросов по любым счетам, какие только разрешит ему представить ее со-

весть. Короче говоря и возвращаясь к тому, на чем нам, может быть, давно следовало закончить речь, хозяйка и постоялец были весьма довольны друг другом.

Впрочем, едва потускнеет блеск новизны, скука втиснется куда угодно. Как только мистеру Тачвуду удалось устроить все по-своему в Клейкемском подворье, то есть когда он научил почтенную миссис Додз тайнам приготовления кэрри и малегатони, когда добился, чтобы служанка привыкла стелить ему постель с таким наклоном, как то рекомендует сэр Джон Синклер, и когда достиг кое-каких успехов в обучении горбатого кучера арабскому способу чистить лошадей, бес скуки стал одолевать нашего чудака. Кучи брошюр и газет, присылаемых из Лондона и Эдинбурга, оказались не в силах отразить этого нарушителя покоя, и мистер Тачвуд затосковал по обществу. Тут вполне естественным прибежищем мог оказаться источник, но мистера Тачвуда охватывал трепет ужаса при одном воспоминании о леди Пенелопе, от которой ему изрядно досталось в пору его краткого пребывания на Сент-Ронанских водах. И хотя прелесть пухлых форм прекрасной леди Бинкс могла бы соблазнить любого азиата, наш старичок путешественник давно перешагнул возраст, когда мечтают о султаншах и гаремах.

Наконец его осенила блестящая мысль. Как-то за завтраком, когда миссис Додз наливала ему чаю в большую чашку из какого-то особенного фарфора — он подарил ей целый такой сервиз, лишь бы она оказывала ему это одолжение, — он вдруг задал ей вопрос:

— Скажите, пожалуйста, миссис Додз, что за человек ваш священник?

— Человек как все прочие, — отвечала Мег Додз. — Кем ему еще быть, мистер Тачвуд?

— Человек как все прочие — это значит, что у него имеется обычный набор глаз, ушей, рук и ног, не так ли? Но разумный ли он человек?

— Разума-то в нем, пожалуй, не много, сэр, — отвечала добрая Мег. — И если бы угостить его вот

этим чаем, что вы получаете почтой из Лондона, он не отличил бы его от обыкновенного черного.

— Тогда у него не все органы на месте, миссис Додз: носа у него не хватает либо он не умеет им пользоваться, — сказал мистер Тачвуд. — Ведь это настоящий зеленый чай! А какой чудесный букет!

— Ну, может быть, — сказала хозяйка. — Только раз я налила ему из моей собственной заветной бутылки глоточек настоящего бренди, и с места мне не сойти, если, ставя рюмку на стол, он не похвалил... виски! Ни в одном приходе, а то и в целом синоде не найдется священника, который не умел бы отличить виски от бренди.

— Но что он за человек? Он у вас ученый? — добивался Тачвуд.

— Ученый? Учености-то у него хватает, — отвечала Мег. — Он даже поглупел от своей учености — пусть на усадьбе все прахом идет, лишь бы к нему не приставали. Смотреть больно, как запущен дом. Попадись только те две дуры, что дармоедствуют у бедняги, ко мне в науку на недельку, уж я выучила бы их убирать комнаты!

— А как он читает проповеди?

— Довольно прилично. Правда, он подчас вставит длинное слово или проявит такую ученость, что наши фермеры и лэрды вовсе перестают его понимать. Но что с того? — говорю я им: им же лучше, если они за свои деньги получают больше, чем им следует.

— А заботится он о своих прихожанах? Добр к бедным?

— Даже больше, чем надо, мистер Тачвуд. Он, воистину по слову евангельскому, не отворачивается от просящего у него. Все негодяи и бродяги, что рыщут по нашим дорогам, лезут к нему в карман без спросу.

— Рыщут по дорогам? А что бы вы сказали, если бы видели факиров, дервишей, бонз, имамов, нищенствующих монахов и всех прочих, которых видел я, миссис Додз? Впрочем, это неважно, я слушаю вас. А этот ваш священник часто бывает на людях?

— На людях? Да нет, — отвечала Мег, — он вовсе людей не видит, ни в своем дому, ни в чужом. Он спускается по утрам из спальни в длинном рваном халате, словно огородное чучело, и усаживается за свои книги. И если ему не принесут чего-нибудь поесть, так этот бедный полоумный не посмеет и спросить. Рассказывают, что он все сидит за книгами и так и будет поститься десять часов подряд, а это уж просто папистская ересь, хоть он и блюдет такой пост из одной забывчивости.

— Ну, хозяйюшка, тогда он все что угодно, но только не обыкновенный человек, как вы о нем говорили. Забыть про обед! Да он, верно, совсем спятил! Сегодня он со мной пообедал, и я буду не я, если не закачу ему такой обед, какого он долго не забудет.

— Смотрите, как бы не оказалось, что это легче пообещать, чем выполнить, — сказала миссис Додз. — Добряк, можно сказать, не понимает, что ест. Да он к тому же никогда не обедает на стороне — если вообще обедает. Выпьет молока с куском хлеба — вот и весь обед, да, может быть, еще две-три холодные картошки съест. И хоть он и хороший человек, а это у него языческий обычай, потому что всякий добрый христианин заботится о своем брюхе.

— Может быть, — отвечал Тачвуд. — Однако знал я людей, хозяйюшка, которые так заботились о своем брюхе, что больше уже не заботились ни о ком на свете. А пока — живет за дело и готовят обед на двоих, да повкуснее, да к трем часам минута в минуту. Подайте старого рейнвейна, что прислали от Кокберна по моему заказу, и того особого индийского хереса бутылку, да бутылку старого кларета из четвертого ящика, вы сами помните, где это вино, Мег. Постойте-ка, ведь он пастор, — значит, для него надо подать портвейну. Пусть все будет готово, только не ставьте вино на солнце, как на днях сделала эта глупышка Бек. Я сам спускаться в погреб не могу, но вы уж смотрите не перепутайте ничего.

— Будьте покойны, — запальчиво ответила Мег, — я в свой погреб лазить никому не позволю, пойду сама, поверьте мне. Только вы заказываете слишком

много вина на двоих, да притом ваш гость еще и священник.

— Ох, несообразительная вы особа! Неужто здесь, в верхнем поселке, не найдется женщины, которая только что произвела на свет еще одного глупца, и неужто, если вино останется, оно не пригодится ей для подкрепления сил?

— Ей больше пригодилось бы питье из пива с молоком, — заявила Мег. — Впрочем, раз вам так хочется — сделаем по-вашему! Ну, знаете, такого постояльца, как вы, еще не бывало у меня в доме!

Мег не успела закончить своей речи, как путешественник уже ушел, предоставив ей ворчать и суетиться на досуге сколько душе угодно. Сам же с поспешностью, присущей всем его действиям, когда ему приходила в голову какая-нибудь новая затея, отправился заводить знакомство с сент-ронанским священником. А пока мистер Тачвуд идет вниз по улице к пасторскому дому, мы постараемся представить его хозяина нашему читателю.

Достопочтенный Джосайя Каргил был сыном мелкого фермера из Южной Шотландии. Был он хилого сложения, и это обстоятельство заодно со склонностью мальчика к наукам, что нередко сопутствует слабому здоровью, заставило родителей, правда ценою некоторых жертв, дать сыну образование и готовить его в священники. Примириться с лишениями, связанными с этими расходами, им помогли семейные предания, рассказывавшие, что в жилах их сына текла кровь знаменитого Воанергеса пуританского ковенанта — Доналда Каргила, казненного гонителями в городе Куинсферри в годину печального царствования Карла II за то лишь, что, опираясь на всю полноту своей власти священнослужителя, он путем формального отлучения изверг из лона церкви и обрек сатане короля и королевское семейство вместе с сановниками, придворными и со всеми их присными. Но если Джосайя и в самом деле происходил от этого непреклонного поборника веры, то семейная пылкость, которую он мог унаследовать, умерялась мягкостью его собственного нрава и мирным характером

времени, в какое он имел счастье родиться. Все знавшие молодого священника дружно считали его кротким, уступчивым, прилежным приверженцем науки, который, мирно стремясь к достижению своей единственной цели — приобретению знаний, и особенно — знаний в области своей профессии, выказывал крайнюю терпимость ко всем, чьи занятия не были сходны с его собственными. Развлечения он предпочитал тоже самого кроткого, мирного и созерцательного характера и ограничивался обычно прогулками, почти всегда одинокими, по холмам и лесам, для прославления которых он грешил подчас стихами, да и то скорее потому, что не мог удержаться от искушения, чем в надежде на славу или награду, выпадающие на долю удачливого поэта. И действительно, он не только не пытался навязывать свои легкокрылые строки газетам и журналам, но краснел за свои поэтические попытки даже наедине с собой и редко настолько уступал своему порыву, чтобы доверить их бумаге.

По той же своей девичьей скромности наш молодой ученый подавлял в себе сильную природную склонность к рисованию, хотя сделанные им наброски не раз одобряли люди, с чьим суждением все считались. Однако именно этому оставленному в забросе дарованию, как быстрым ногам оленя в басне, было суждено сослужить ему службу, которой напрасно дожидался бы он от своей учености и прочих достоинств.

Лорду Бидмору, выдающемуся знатоку и любителю искусств, случилось искать домашнего учителя для своего сына и наследника, молодого Огастеса Бидмора. По этому поводу лорд совещался с одним профессором богословия, и тот назвал ему нескольких своих любимых студентов, из которых каждый, по его мнению, вполне подходил для замещения этой должности. Однако на один важный и неожиданный вопрос: «Умеет ли кандидат рисовать?» — профессор вынужден был всякий раз отвечать отрицательно. Правда, он прибавлял, что, по его понятию, такого таланта нечего ожидать от студентов богословия

и что такой талант, пожалуй, и вовсе нежелателен для них. Но ввиду настояний лорда Бидмора, считавшего это условие как бы *sine qua pop*,¹ он в конце концов припомнил среди студентов одного задумчивого юношу. Его с трудом можно было заставить повысить голос, даже когда ему приходилось отвечать свой урок, но зато про него говорили, что он обладает выдающимися способностями к рисованию. Этого для милорда Бидмора оказалось достаточно. Он пожелал посмотреть наброски молодого Каргила, и они убедили его, что с таким воспитателем его сын не преминет поддерживать наследственное право на звание знатока и обладателя хорошего вкуса, приобретение которого его отцу и деду стоило целого поместья, а ценность этого поместья ныне была наглядно представлена раскрашенными холстами в большой галерее Бидмор-хауза.

Затем, в результате произведенных расспросов об учености и нравственных качествах молодого человека, выяснилось, что всеми прочими нужными достоинствами он обладает даже в большей степени, чем, быть может, требовалось лорду Бидмору. И к удивлению сотоварищей-студентов, а особенно к своему собственному, Джосайя Каргил получил желаемое и желанное место домашнего учителя молодого мистера Бидмора.

Мистер Каргил умело и добросовестно исполнял свои обязанности при избалованном, хотя и добродушном мальчике, притом слабого здоровья и весьма средних способностей. Он, разумеется, никак не мог разжечь в нем глубокого и благородного вдохновения, которое отмечает молодые годы гения; все же его ученик во всем, чему учился, делал такие успехи, какие были ему доступны. Он понимал древние языки и мог со знанием дела рассуждать о прочитанном; он занимался науками и мог классифицировать раковины, сушить мхи и раскладывать по группам минералы; рисовал, не проявляя вкуса, но зато с большой точностью; и хотя не овладел в совершенстве ни од-

¹ Непременным (лат.).

ним предметом, все же в области литературы и науки узнал достаточно, чтобы заполнить свое время и отвлечь от соблазна свою душу, которая отнюдь не отличалась стойкостью.

Мисс Огаста Бидмор — кроме сына и дочери, у его милости других детей не было — тоже пользовалась наставлениями Каргила в тех отраслях знания, которые отец считал нужными для нее и которые учитель в состоянии был ей преподавать. Но ее успехи отличались от успехов брата так, как огонь небесный отличается от простого огня, разводимого крестьянином на своем чадающем очаге. Ее познания в итальянской и испанской литературе, в истории, а также в рисовании и в других художествах росли так быстро, что восхищали наставника и в то же время заставляли его быть начеку, чтобы в своем быстром и успешном продвижении ученица не перегнала учителя.

Увы, такое общение, само по себе чреватое опасностями, возникающими из самых лучших, самых добрых и притом самых естественных чувств с каждой стороны, оказалось в данном случае (как и во многих других) роковым для душевного мира наставника. Любое отзывчивое сердце простит слабость, которая, как мы сейчас увидим, повлекла за собой свою суровую кару. Правда, Каденус уверяет нас — пусть, кто хочет, верит ему, — будто в подобном опасном положении он сам соблюдал границы, нарушенные на свое несчастье злополучной Ванессой, его более пылкой ученицей.

Ему милее всех отрад
Был устремленный в книгу взгляд,
Но ученицей лишь своей
Умел он восхищаться в ней.

Однако Джосайя Каргил оказался менее удачливым или менее осторожным. И прежде, чем он заметил, к какой пропасти ведет его слепая, нерассуждающая страсть, допустил, чтобы прекрасная ученица стала невыразимо дорога ему.

Он, правда, был совершенно неспособен использовать возможности, какие предоставляло его положение

ние, чтобы опутать свою ученицу тенетами взаимного чувства. Избрать такой путь ему воспрещали честь и совесть, не говоря уже о том, что этот путь был несовместим с природной робостью, прямым нравом и невинностью его побуждений. Вздыхать и страдать втайне, принимать решение бежать прочь, чтобы прекратить встречи, сопряженные с такой опасностью, и со дня на день откладывать выполнение своего благоразумного плана, — вот и все, к чему мог себя принудить наставник. И, может статься, благоговейное чувство, с каким он взирал на дочь своего патрона, в сочетании с явной безнадежностью тайной страсти делало его любовь еще чище и бескорыстней.

Настал, однако, день, когда действия, которые давно подсказывал ему рассудок, уже не могли откладываться далее. Было решено, что молодой мистер Бидмор на целый год отправится путешествовать за границу, и патрон предложил мистеру Каргилу на выбор — либо сопровождать своего ученика, либо получить отставку с соответствующим пособием в виде награды за его педагогические труды. Едва ли можно сомневаться в том, что он предпочел: ведь, оставаясь с молодым мистером Бидмором, он как будто не окончательно отрывался от его сестры. Он мог быть уверен, что до него часто будут доходить вести об Огасте, что он изредка даже будет читать письма, которые ей придется писать брату; мог даже надеяться, что в этих письмах его подчас вспомнят как своего друга и наставника. И тихий, созерцательный и в то же время пылкий характер Каргила заставлял его обращаться к этому единственному утешению, словно к тайному источнику радости, который жизнь еще оставляла ему.

Но судьба приберегала для него удар, которого он был не в силах предвидеть. Предположение, что Огаста может сменить свое девичество на замужество, предположение, вполне вероятное при ее знатности, красоте и богатстве, никогда не приходило ему в голову. И, несмотря на внушенную себе твердую уверенность в том, что она никогда не будет принадле-

жать ему, он был невероятно поражен известием, что она стала собственностью другого.

Вскоре письма молодого мистера Бидмора возвестили отцу, что бедный мистер Каргил впал в нервическую горячку, затем — что он выздоравливает, но чрезвычайно ослабел духом и телом и потому сделался вовсе бесполезен в качестве дорожного спутника. Недолго спустя путешественники расстались, и Каргил один отправился в родные края. В дороге он находился в состоянии рассеянной меланхолии, под власть которой он подпал после перенесенного им нравственного потрясения и которая со временем стала главной чертой его характера. Никакое беспокойство о дальнейшем существовании не нарушало его размышлений, хотя потеря должности делала его будущее ненадежным. Правда, тут позаботился за него лорд Бидмор: будучи пустым фатом во всем, что касалось искусства, он во всех других отношениях был человеком справедливым и честным. Он искренне гордился тем, что помог проявиться талантам Каргила, и испытывал к нему заслуженную признательность за прекрасное выполнение важной задачи, доверенной ему в семье лорда.

Его милость уже давно секретно выкупил у семейства Моубреев право распоряжаться Сент-Ронанской бенефицией, которую занимал тогда очень старый священник, вскоре затем скончавшийся. И вот по приезде в Англию Каргил был сразу назначен священником в этот вакантный приход. Однако сам Каргил настолько равнодушно отнесся к такой перемене в своей жизни, что, вероятно, не позаботился бы сделать все, что следовало, для рукоположения, если бы это не было необходимо для обеспечения его матери, теперь уже ставшей вдовой и не имевшей никакой поддержки, кроме той, что ей оказывал сын. Он посетил мать в ее скромном убежище на окраине Марчторна, выслушал, как она изливала благодарения небу за то, что ей было даровано дожить до дня, когда сын достигнет должности, в ее глазах более почетной и желанной, чем должность епископа, и услышал, как она радовалась тому, что они теперь загни-

вместе, наслаждаясь скромным и независимым существованием, выпавшим на его долю, — услышал все это, и у него не стало силы разбить ее надежды и сокрушить ее горделивую радость в угоду своим романтическим переживаниям. Почти механически прошел он через обычные обряды и церемонии и был вскоре водворен в Сент-Ронанский приход.

При всех его романтических причудах, все же не в характере Джосайи Каргила было уступать меланхолии, бесполезной и ни к чему не ведущей. Он стал искать облегчения, правда, не в обществе людей, но в тиши кабинета. Его уединение оказалось тем более полным, что его мать, чье образование было таким же скудным, как и события ее жизни, чувствовала себя неловко в своем новом звании. Поэтому она охотно примирилась с тем, что сын ее отдалился от общества, и проводила все свое время в заботах о скромном хозяйстве священника, справляясь самостоятельно во всех тех случаях, которые могли бы принудить Каргила оторваться от своих любимых книг. Когда с возрастом деятельность домоправительницы сделалась для нее трудной, ей пришлось пожалеть о неумении сына надзирать за своим собственным хозяйством, и она стала поговаривать о браке и радостях семейной жизни. Однако на ее увещания мистер Каргил отвечал лишь пустыми и уклончивыми фразами. Когда же, достигнув глубокой старости, старая леди упокоилась на деревенском кладбище, в доме священника стало уж вовсе некому исполнять хозяйские обязанности. Впрочем, Джосайя Каргил и не искал себе никого, но покорно подчинился сопутствующим холостому состоянию бедствиям, которые почти равнялись тем, что осаждали прославленного Маго Пико в дни его безбрачия. Масло оказывалось плохо сбитым, и все, кроме служанки, взбивавшей его, и самого священника, объявляли, что оно вовсе несъедобно. Молоко пригорало в кастрюле, фрукты и овощи раскрадывались, а черные чулки священника были обычно заштопаны голубой или белой ниткой.

Все это ничуть не беспокоило мистера Каргила, ибо голова его была занята совсем другими предме-

тами. Пусть мои прекрасные читательницы не переоценивают достоинств Джосайи, предполагая, будто он, как Бельтенеброс в пустыне, долгие годы оставался жертвой своей несчастной и неудачной любви. Нет, к стыду мужского пола приходится признать, что безнадежная страсть, как бы отчаянна и глубока она ни была, не может длиться и отравлять существование долгие годы. Нужна надежда, нужна неопределенность, нужна взаимность, чтобы злодейка страсть могла длительное время властвовать над мужественным и гармоническим духом, который желает для себя свободы. Память об Огасте давно потускнела в душе Джосайи, и по временам он вспоминал ее лишь как приятный, но грустный и неясный сон; Джосайя Каргил теперь стремился к еще более прекрасной и робкой возлюбленной: короче говоря, он стремился к знанию.

Каждый час, какой он мог урвать у себя, — а он выполнял свои обязанности по приходу с рвением, делающим честь его уму и сердцу, — посвящался занятиям и проводился за книгами. Но этой погоне за знанием, как бы ни была она увлекательна и достойна уважения, он предавался с таким пылом, который умалял почтенную цель и даже самую полезность его трудов. Его ошибка была в том, что, с наслаждением погружаясь в свои глубокие и запутанные исследования, он забывал об обществе, которое ведь тоже имеет свои права. Знание же, добытое таким образом, неизбежно оказывается бесплодным и со смертью овладевшего им погибает для общества, как зарытый в землю клад скупца. В ущерб его занятиям шло и то, что, поскольку они велись ради удовлетворения всепоглощающей жажды знания и не были направлены к определенной цели, они поневоле обращались на предметы скорее любопытные, чем полезные, и, доставляя удовольствие самому ученому, сулили мало пользы человечеству вообще.

Запутавшись в своих трудных метафизических и исторических разысканиях, погруженный в себя и свои книги, мистер Каргил приобрел немало смешных привычек, что подвергло уединившегося в своем

кабинете ученого всеобщим насмешкам. Эти нелепые привычки портили его характер, хотя не могли совсем искоренить его врожденную приветливость и дружелюбие, а также навыки, приобретенные в хорошем обществе, посещавшем поместье лорда Бидмора. Каргил не только небрежно одевался, пренебрегал своей внешностью и отличался неуклюжими манерами, которыми легко обзаваются люди, много времени проводящие в одиночестве, но стал, пожалуй, самым рассеянным и невнимательным человеком среди всего ученого сословия, особенно приверженного к таким повадкам. Он постоянно попадал в неприятное положение, потому что не узнавал того, с кем ему приходилось говорить; сплошь да рядом заводил разговоры со старой девой о ее муже, с бездетной женщиной — о ее потомстве, с неутешным вдовцом — о здоровье супруги, которую сам же хоронил всего недели две тому назад, и никто легче его не впадал в дружеский тон с человеком, вовсе ему неизвестным, и не обходился как с чужим с тем, кто имел полное право считать себя его близким знакомым. Добряк постоянно путал пол, возраст и занятие; рассказывали, что когда, бывало, слепой нищий протягивал ему руку за подаванием, он в ответ учтиво снимал шляпу, отвешивая низкий поклон и выражая надежду, что его собеседник находится в добром здравии.

Среди своих собратий Каргил попеременно то вызывал уважение своей глубокой эрудицией, то подавал повод к насмешкам над своими нелепыми странностями. В последнем случае, не желая присутствовать при вызванном им же веселье, он имел обыкновение круто поворачиваться и уходить: несмотря на врожденную мягкость, любое противоречие тотчас порождало в нем раздражение, а насмешки окружающих внушали ему такое острое чувство обиды, какое совсем не совпадало с его непритязательностью и скромностью. Что касается прихожан, то, как и следует ожидать, они частенько посмеивались над своим пастором и подчас, как намекала миссис Додз, больше дивились его учености, чем извлекали из нее нази-

дание. Действительно, разбирая во время проповеди какой-нибудь библейский текст, он совсем забывал, что обращается к простой аудитории, а не держит *conspicio ad clementem*.¹ Ошибка эта происходила вовсе не из ученого самодовольства и не из желания выставить напоказ свою начитанность, но по той самой рассеянности, по причине каковой некий превосходный богослов, обращаясь к осужденным на смерть преступникам, прервал свою речь на половине и пообещал этим несчастным, которых наутро ожидала казнь, «закончить проповедь при первом удобном случае». Однако вся округа признавала, что мистер Каргил добросовестно и набожно исправляет свои пасторские обязанности, и, помня о его щедрой благотворительности, бедные прихожане прощали ему невинные странности, а зажиточные попечители, если и смеялись над рассеянностью мистера Каргила, в иных случаях все же имели мужество припомнить, что как раз эта-то рассеянность и мешала мистеру Каргилу, по примеру и обычаю других священников, просить об увеличении содержания и требовать постройки нового дома для причта либо починки старого. Однажды, правда, он выразил желание, чтобы попечители поправили крышу над его библиотекой, потому что эта крыша в дождь протекала самым «проливным образом»; однако, не дождавшись прямого ответа от нашего друга Миклема, который приуныл от такого требования и долго размышлял, как бы увильнуть от его исполнения, пастор мирно сделал необходимые починки на свой счет и больше не беспокоил попечителей по этому поводу.

Таков был достойный священнослужитель, любовь и дружбу которого наш *bon vivant*, проживавший в Клейкемском подворье, собирался снискать с помощью хорошего обеда и вина, нарочно выписанного от Кокберна. Вообще это, конечно, превосходное средство, но оно едва ли обещало оказаться особенно действенным в данном случае.

¹ Речь к духовенству (лат.).

ЗНАКОМСТВО

Вот в чем разница меж нами:
Мир я изучал ногами,
Вы же — головой своей;
В книгах вы о том читали,
Что глаза мои видали.
Ну, так кто из нас мудрей?

Батлер

Скорый на решения и поступки, наш путешественник твердым шагом отправился вниз по улице и прибыл к пасторскому дому, который, как мы уже рассказывали, представлял собою почти развалины. Полное запустение и беспорядок при входе заставили бы счесть дом вовсе необитаемым, если бы у двери не стояли какие-то лоханки с мыльной водой или с чем-то вроде этого, столь же непривлекательным. Лоханки эти были оставлены там словно нарочно для того, чтобы всякий, кому доведется из-за них переломать себе ноги, имел бесспорное доказательство, что в беде «повинна женская рука». Дверь еле держалась на петлях, и вход загораживала приспособленная для этого борона, которую, разумеется, надо было отодвинуть, если вы хотели войти. Садик при старом доме, пожалуй, придавал бы усадьбе оттенок уюта, будь он ухожен, но он был в самом полном запустении, до какого может дойти сад последнего лежебоки. Пасторский слуга (о которых говорят, что они всё делают наполовину, а этот в данный момент не делал вообще ничего) сидел в зарослях щавеля и крапивы, где утешался последними ягодами крыжовника, еще уцелевшими на обросших мохом кустах. Мистер Тачвуд окликнул его, чтобы узнать, где хозяин. Но этот болван, понимая, что его, как выражается закон, застигли на месте преступления, воровато бросился прочь, вместо того чтобы идти на зов, и вскоре к мистеру Тачвуду донеслись покрикивания и понукания — видно, парень вернулся к своей повозке, которую оставил по ту сторону полуразвалившейся садовой стенки.

Не дозвавшись слуги, мистер Тачвуд постучал тростью, сначала осторожно, затем сильнее; потом он уже кричал, звал и орал в надежде привлечь внимание кого-нибудь из обитателей дома, но в ответ не слышалось ни звука. Наконец, решив, что в таком заброшенном и покинутом месте нарушение неприкосновенности владения едва ли будет поставлено ему в вину, он с таким грохотом отодвинул в сторону препятствие, преграждавшее вход, что должен был непременно потревожить кого-нибудь в доме, если там была хоть одна живая душа. Но все было по-прежнему тихо. Тогда он вошел в коридор, увидел там сырые стены и побитые плиты пола, вполне соответствовавшие наружному виду дома, и открыл дверь налево, на которой, как это ни странно, сохранилась еще щеколда. Затем он вошел внутрь и оказался в жилой комнате, где обнаружил того, к кому шел.

Среди наваленных кучей книг и всякого накопленного вокруг бумажного хлама сидел в потертом кожаном кресле ученый сент-ронанский пастырь. Это был длинный, тощий человек, старше среднего возраста, со смуглым цветом лица, с тусклым и отсутствующим взглядом. Однако глаза его, видимо, были когда-то яркими, нежными и выразительными, а черты лица привлекали внимание. К тому же, несмотря на то, что пастор одевался весьма небрежно, он имел привычку совершать свои омовения с педантизмом мусульманина и, забывая об аккуратности, не забывал об опрятности. Он был бы, наверно, еще растрепанней, если бы от времени волосы его не поредели; теперь же они располагались главным образом по бокам головы и на затылке. Из одеяний, надлежащих его сану, на нем были только черные чулки, да и те без подвязок; на ногах красовались старые, стоптанные башмаки, служившие ему ночными туфлями. Насколько мог видеть Тачвуд, священник был обряжен еще в клетчатый халат, широкими складками облежавший его длинное исхудалое и согбенное тело и ниспадавший до вышеуказанных туфель. Он так внимательно занимался изучением лежавшего перед ним фолианта изрядной толщины, что не обратил

никакого внимания ни на шум, произведенный мистером Тачвудом при входе, ни на покашливание и хмыканье, которым тот считал нужным возвестить о своем присутствии.

Так как эти нечленораздельные звуки вовсе не были замечены, мистер Тачвуд, хоть и был врагом излишних церемоний, счел необходимым сообщить о деле, которое привело его сюда, и тем оправдать свое вторжение.

— Хм, сэр! Хм-хм! Вы видите перед собой человека, нуждающегося в знакомстве. Он взял на себя смелость посетить вас как доброго пастыря, который, по своему христианскому милосердию, быть может, захочет обрадовать своим обществом того, кому надоело его собственное.

Из всей этой речи до мистера Каргила дошли лишь слова «человека, нуждающегося...» и «христианское милосердие» — слова, ему хорошо знакомые и без промаха оказывавшие на него свое действие. Тусклым взглядом он посмотрел на посетителя и, не проверив своего первого впечатления, хотя полная и крепкая фигура незнакомца, сюртук без единой пылинки, трость с блестящим набалдашником, а более всего — надменная и самодовольная манера держаться отнюдь не напоминали ни платья, ни внешнего вида, ни повадок нищего, спокойно сунул ему в руку шиллинг и снова погрузился в свои научные занятия, прерванные приходом Тачвуда.

— Честное слово, дорогой сэр, — сказал гость, пораженный такой невероятной и невообразимой рассеянностью, — вы совершенно не поняли моей просьбы. Я к вам пришел совсем не с такой целью.

— Жалею, что подаяние мое недостаточно, друг, — сказал священник, не подымая глаз, — но это все, чем я сегодня могу вас наделить.

— Если вы будете так добры и хоть поглядите на меня, — сказал путешественник, — вы, вероятно, поймете, что чрезвычайно заблуждаетесь.

Мистер Каргил поднял голову, напряг свое внимание и, разглядев хорошо одетого, с виду вполне по-

рядочного джентльмена, воскликнул в великом смятении:

— Ах, да, да... Я действительно так был занят этой книгой... Надеюсь... Кажется, я имею удовольствие видеть моего достойного друга, мистера Лэвиндера?

— Ничего подобного, мистер Каргил, — отвечал мистер Тачвуд. — Не трудитесь припоминать — вы меня раньше никогда не видели. Но не буду отрывать вас от ваших занятий — я не спешу, и мое дело может подождать, раз сейчас вам недосуг.

— Весьма обязан, — сказал мистер Каргил. — Будьте любезны, садитесь, если только найдете стул — мне надо припомнить одну мысль... закончить один небольшой подсчет, и тогда я весь к вашим услугам.

Гость не без труда выискал среди ломаной мебели стул, достаточно крепкий, чтобы выдержать его вес, сел, положив руки на трость, и вперил внимательный взгляд в хозяина, который вскоре совершенно забыл о его присутствии. Последовала долгая пауза. Полное молчание нарушалось только шелестом листов фолианта, из которого мистер Каргил, по-видимому, делал себе выписки, да время от времени легкими возгласами удивления или досады, если пастор окунал перо — как это не раз случалось — в свою табакерку вместо стоявшей рядом чернильницы. Наконец, когда мистер Тачвуд уже начинал считать всю эту сцену не только своеобразной, но и скучной, ученый поднял глаза и, как бы обращаясь к самому себе, задумчиво произнес:

— Сколько же это будет от Аконы, то есть Акоры, то есть от Сен-Жан д'Акр, до Иерусалима?..

— Двадцать три мили к северо-северо-западу, — без промедления отвечал гость.

Тому факту, что на вопрос, заданный им самому себе, отвечает чужой голос, мистер Каргил удивился ничуть не более, чем если бы нашел это расстояние на карте; а может быть, он даже и не понял, каким образом были разрешены его сомнения, и продолжал думать лишь о своем тексте.

— Двадцать три мили... Ингульфус и Джефри Уайнсоф, — проговорил он, кладя руку на свою книгу, — не сходятся в этом вопросе.

— Тогда пошлите обоих этих болванов и лжецов ко всем чертям, — объявил путешественник.

— С их мнением можно спорить и не употребляя таких выражений, сэр, — строго заметил богослов.

— Прошу прощения, доктор, — сказал мистер Тачвуд. — Но неужели вы решитесь сравнивать этих сахарей со мною? Да ведь я обошел половину населенных стран земного шара, пользуясь своими ногами вместо циркуля!

— Так, значит, вы были в Палестине? — с жадным любопытством спросил мистер Каргил, приподнимаясь в кресле.

— Можете поклясться в этом кому хотите, доктор. И в Акре тоже. Да, я был там ровно через месяц после того, как Бони отступил, выяснив, что этот орешек ему не по зубам. Я обедал там с приятелем сэра Сидни, старым Джезар-пашой. Прекрасный был обед, жаль, что на десерт подали блюдо отрезанных носов и ушей, и это испортило мне пищеварение. Старому Джезару очень нравились такие шутки, и в Акре трудно было встретить человека, у которого лицо не было бы гладким, как моя ладонь. А я, черт побери, всегда очень дорожил своим обонятельным органом и на следующее утро выехал из города с такой скоростью, какая только была под силу самому колченогому дромадеру, который доставался когда-либо бедному пилигриму.

— Если вы, сэр, в самом деле побывали в Святой земле, — сказал мистер Каргил, начинавший подумывать, уж не смеется ли над ним этот легкомысленный весельчак, — вы можете оказать мне существенную помощь в вопросе о крестовых походах.

— Они приключились до меня, доктор, — ответил путешественник.

— К вашему сведению, мое любопытство касается географии стран, где происходили эти события, — ответил мистер Каргил.

— О, ну тогда ваше дело в шляпе, — сказал мистер Тачвуд, — за наше время я отвечаю. Копты, арабы, турки, друзья — я насквозь знаю их всех и могу порассказать вам о них столько, что вы будете знать их не хуже меня. Не выходя за порог своего дома, вы близко познакомитесь со всей Сирией, и она станет вам известна, как мне самому. Однако услуга за услугу — зато вы сделаете мне честь отобедать со мной.

— Я редко выхожу из дому, сэр, — нерешительно произнес священник, так как привычке к одиночеству и замкнутой жизни не легко было отступить даже перед надеждами, которые сулили ему слова путешественника. — Однако я не могу отказать себе в удовольствии сделать одолжение джентльмену, обладающему таким опытом.

— Ну, тогда, — сказал мистер Тачвуд, — назначим час... скажем, в три: я никогда не обедаю позже, и всегда точно, минута в минуту... А место... Пусть это будет Клейкемское подворье, вверх по улице. Там миссис Додз уже готовит сейчас такой обед, какой и не снился вашей учености, потому что рецепты кушаний я собирал со всех четырех концов света.

Заключив это соглашение, они расстались. Затем, пораздумав немножко об удивительной удаче, посылающей живого человека, чтобы тот разрешил его сомнения, из-за которых он тщетно обращался к старинным авторитетам, мистер Каргил вернулся к размышлениям и исследованиям, прерванным приходом мистера Тачвуда, и вскоре начисто забыл и о своем неожиданном посетителе и о принятом приглашении на обед.

Иначе обстояло с мистером Тачвудом, который если не был занят делом настоящей важности, то, как читатель уже имел возможность убедиться, способен был устраивать ужасный шум по самому пустячному поводу. В настоящем случае он до тех пор суетился и бегал в кухню, пока миссис Додз не потеряла терпение и не пригрозила пришить ему кухонную тряпку к фалдам сюртука. Впрочем, мистер Тачвуд ничуть не рассердился на эту угрозу, памятуя, что во всех посещенных им странах,

достаточно цивилизованных, чтобы похвалиться наличием поваров, эти артисты, трудясь среди своей огненной стихии, обладают привилегией проявлять раздражительность и нетерпение. Поэтому он отступил из знойных областей микрокосма, в котором царила миссис Додз, и посвятил свой досуг обычным занятиям всех бездельников, то есть слонялся по дому, чтобы нагулять себе аппетит, да посматривал на циферблат, проверяя, близится ли стрелка к трем часам. К счастью, ему удалось наконец найти себе занятие более важное. Стол в его синей гостиной был уже накрыт на два прибора самым изящным манером, принятым в Клейкемском подворье, однако хозяйка поглядывала «учтиво, но хитро» и высказывала сомнение, придет ли вообще священник, когда все будет готово.

Мистер Тачвуд не склонял своего слуха к таким намекам, но урочный час пробил, а о мистере Каргиле не было ни слуху ни духу. Нетерпеливый хозяин положил пять минут на разницу в часовых механизмах и на отклонение времени и решил выждать еще пять минут, снисходя к мешкотным сборам человека, отвыкшего от общества. Но едва истекли эти последние пять минут, как мистер Тачвуд устремился к дому пастора, правда не совсем так, как несется борзая или лань, однако со всей скоростью, на какую способен дородный и нагулявший себе изрядный аппетит пожилой джентльмен, которому не терпится сесть за стол. Он без церемоний ворвался в комнату пастора и застал достойного богослова в том же клетчатом халате, сидящим в том же самом кресле, точь-в-точь как он его оставил пять часов тому назад. Внезапное появление путешественника привело на память мистеру Каргилу хоть и не вполне ясное, но все-таки некое общее представление о том, что случилось утром, и он поспешил принести свои извинения:

— Ах, неужели пора? Я, право, мистер... э... э... э... То есть я хотел сказать, мой дорогой друг... Я, кажется, неучтиво обошелся с вами... Я забыл заказать обед... Но ничего, мы постараемся... Эппи! Эппи!

Не совсем по первому его зову и даже не по второму и не по третьему, а, как выражаются юристы, *ex intervallo*,¹ появилась наконец Эппи — босоногая девчонка с копной растрепанных волос, с толстыми икрами и красными руками — и заявила о своем прибытии громогласным: «Что вам угодно?»

— Есть у тебя что-нибудь к обеду, Эппи?

— Ничего, кроме хлеба и молока, но молока-то вволю. А чего вам еще?

— Видите, сэр, — сказал мистер Каргил, — вас, кажется, ожидает пифагорейское угощение. Но вы ведь путешественник, и, наверное, вам случалось радоваться и хлебу с молоком.

— Но не тогда, когда можно было раздобыться чем-нибудь получше, — возразил мистер Тачвуд. — Знаете, доктор, вы меня простите, но у вас, кажется, ум за разум заходит. Ведь это я пригласил вас к обеду к себе в гостиницу, что наверху на холме, а вовсе не вы меня.

— Ну, разумеется, — согласился мистер Каргил. — Правильно, я так и думал! Я помню, что мы договорились обедать вместе, твердо помню, а ведь это самое главное. Хорошо, сэр, я готов.

— А вы разве не переоденетесь сначала? — спросил гость, с удивлением замечая, что ученый собирается выйти с ним в своем клетчатом халате. — Ведь за вами побегут мальчишки со всего поселка, вы будете похожи на сову среди бела дня, и они соберутся вокруг вас, словно стая мелких пташек.

— Я сейчас же надену рясу, — сказал достойный пастор. — Буду готов в один миг. Мне так неудобно, что я заставляю вас ждать, дорогой мистер... э... э... я вдруг запамятовал ваше имя.

— Мое имя Тачвуд, сэр, к вашим услугам. Да вы, поди, его никогда раньше не слыхали, — отвечал путешественник.

— И правда, не слышал, совершенно верно. Так вот, мой добрый мистер Тачстон, может быть, вы присядете на минутку, пока мы сообразим, что нам

¹ Через известный промежуток времени (лат.).

делать? В каком мы странном рабстве у своего тела, мистер Тачстон! Заводим одежду, бережем ее, думаем о ней — сколько времени уходит! Ведь этот досуг, эти раздумья лучше было бы вкупе использовать на потребу нашей бессмертной души.

У мистера Тачвуда промелькнула мысль, что даже брамин или гимнософист могли бы с большей справедливостью упрекнуть себя за излишества в пище или одежде, чем этот мудрец, стоявший перед ним. Но он признал эту доктрину мистера Каргила, как признал бы какую-нибудь мелкую ересь, лишь бы дальнейшим разбором этого пункта не затягивать дела. В скором времени священник облачился в свое воскресное платье и на сей раз не сделал ни малейшей оплошности, только один его черный чулок оказался надетым наизнанку. Затем, счастливый как Босуэл, когда, торжествуя, он увозил доктора Джонсона на обед к Строну и Джону Уилксу, мистер Тачвуд имел удовольствие лично доставить мистера Каргила в Клейкемское подворье.

За обедом они сошлись ближе, и теперь на основе близкого знакомства каждый из них составил себе полную оценку свойств и познаний собеседника. Правда, ученый казался путешественнику педантом, который слишком держится систем, выработанных им в уединении кабинета, и не хочет от них отказываться, даже когда против них говорят голос и свидетельство опыта. Кроме того, мистер Тачвуд считал полное безразличие богослова к тому, что тот ел и пил, недостойным разумного и, следовательно, стряпающего существа, то есть такого существа, которое, по определению доктора Джонсона, из всех дневных трудов обед полагает наиважнейшим. Каргил не подходил под это определение и в этом отношении не достиг еще нужной степени образованности и развития. Но что с того? Ведь при всем своем аскетизме и педантизме он был все-таки понятливым собеседником.

Со своей стороны, священник не мог не рассматривать нового друга как в некотором роде эпикурейца и чревоугодника. Он не находил у него также ни прекрасного образования, ни изысканных манер,

отличающих аристократа, а в обхождении мистер Каргил научился разбираться еще в те времена, когда встречался со светским обществом. Не ускользнуло от ученого и то, что в списке недостатков мистера Тачвуда имелся грех, присущий многим путешественникам, — этакая легкая склонность расписывать свои приключения и много толковать о собственных подвигах. Но зато его знакомство с нравами Востока, которые и посейчас сохранились такими же, какими их застали крестоносцы, было как бы живым комментарием к сочинениям Гийома Тирского и Раймонда де Сен-Жиль, к мусульманским хроникам Абуль-Фараджа и писаниям других летописцев того отдаленного времени, которому посвящены были сейчас его занятия.

Поэтому между двумя чудаками быстро установились дружеские или, во всяком случае, приятельские отношения. И, к изумлению всех сент-ронанских прихожан, местный пастор снова вступил в общение и союз с одним из себе подобных, а именно с Клейкемским набобом, как они обычно потихоньку называли Тачвуда. Их встречи проходили подчас в долгих совместных прогулках. Впрочем, при этом они покрывали весьма ограниченное расстояние, как бы отмеренное по шнуру для упражнений в пешем хождении. Смотря по обстоятельствам, они гуляли либо по небольшой низинке у реки на окраине заброшенной деревни, либо по эспланаде перед старым замком. В любом случае расстояние, которое они проходили, никогда не превышало сотни ярдов. Бывало, хотя это случалось довольно редко, что священник обедал у мистера Тачвуда. Правда, теперь угощение уже не было таким великолепным, как в тот раз, когда мистер Каргил был приглашен впервые, ибо, подобно скромному владельцу золотого кубка в «Отшельнике» Парнела, мистер Тачвуд

Радужен был, как встарь, но тратил меньше.

В таких случаях беседа текла не так гладко и размеренно, как ей надлежит проходить меж людьми, так

сказать, светскими. Напротив, часто один размышлял о Саладине и Ричарде Львиное Сердце как раз в то самое время, когда предметом разглагольствований другого были Хайдер Али и сэр Эйр Кут. Но один говорил, а другой, видимо, слушал, а легкая, светская беседа, которая ведется лишь ради развлечения и удовольствия, не требует, быть может, более надежной и прочной основы.

В один из таких вечеров ученый сидел на своем месте за гостеприимным столом мистера Тачвуда (вернее, за столом хозяйшки Додз), и перед каждым из них стояла чашка отличного чаю — единственное угощение, всегда доставлявшее некоторое удовольствие мистеру Каргилу. Тут путешественнику принесли пригласительную карточку:

«Мистер и мисс Моубрей устраивают прием у себя в Шоуз-касле двадцатого числа сего месяца, в два часа дня. Гости могут явиться костюмированными. Живые картины».

— Устраивают прием? Ну и дураки, — объявил хозяин, комментируя приглашение. — Устраивают прием? Несколько вежливых слов, пожалуй, были бы уместней. А тут на кусочке картона возвещается, что вы можете пойти и перезнакомиться со всеми дураками прихода, если они захотят этого. В мое время обычно новоприбывшего приглашали «оказать честь» или «доставить удовольствие своим присутствием». Я полагаю, что в скором времени в нашем отечестве установится такой же порядок, как у бедуинов. Любый оборванный хаджи в зеленом тюрбане может там, не спросясь, откинуть полу шатра, войти и сунуть свою черную лапу в миску с рисом, в качестве извинения пробормотав только: «Селям алейкум!» Костюмированными! Живые картины — это что за новые дурачества? Но неважно... Доктор! Да ну же, доктор! В каких облаках он витает? Послушайте, матушка Додз, вы ведь знаете все новости — это то самое празднество, что откладывалось до выздоровления мисс Моубрей?

— Наверно, это самое, мистер Тачвуд. Двух приемов им в один сезон не устроить, да, может быть, не

очень умно и один-то задавать... Впрочем, им лучше знать.

— Доктор, да доктор же! Ну, он совсем не в себе и сейчас, поди, несется вскачь на мусульман бок о бок с могучим королем Ричардом! Послушайте, доктор, вы знаете что-нибудь об этих Моубреях?

— Да ничего особенного, — ответил мистер Каргил, помедлив. — Обычная история: величие, которого хватает на одно столетие, а в следующем оно угасает. Кажется, у Кэмдена говорится, что Томас Моубрей, великий маршал Англии, наследовал эту высокую должность вместе с герцогством Норфолкским, как внук Роджера Благочестивого, в тысяча триста первом году.

— Да что вы! Зачем забираться в четырнадцатый век! Я спрашиваю про этих сент-ронанских Моубре-ев! Да не засыпайте же, ответьте сначала на мой вопрос. И не глядите на меня, словно испугнутый заяц, я ничего страшного не говорю.

Священник забормотал что-то, путаясь в словах, как это случается либо с внезапно разбуженным лунатиком, либо с рассеянным человеком, который старается поймать ход своих мыслей, и затем все-таки довольно нерешительно ответил:

— Сент-ронанский Моубрей! Э... э... я знаю, то есть я знал эту семью.

— Вот, смотрите, они собираются устроить маскарад, так сказать *bal masqué*,¹ какой-то домашний спектакль и не знаю еще что, — промолвил мистер Тачвуд, передавая священнику карточку.

— Я видел что-то в этом роде недели две назад, — сказал мистер Каргил. — В самом деле, то ли я сам получил билет, то ли где-то видел такой же.

— А вы наверно знаете, что не были на этом празднике, доктор? — спросил набоб.

— Кто был? Я? Да вы шутите, мистер Тачвуд.

— Наверно? Вы утверждаете? — продолжал настаивать мистер Тачвуд, к своему великому удовольствию уже имевший случай заметить, что его ученый

¹ Костюмированный бал (франц.).

и рассеянный друг, зная за собой разные странности, никогда не был уверен, что с ним происходило наяву, а что во сне.

— Утверждаю? — растерянно повторил Каргил. — У меня такая слабая память, что я не люблю ничего утверждать. Но, сделай я что-нибудь до такой степени непривычное для меня, я бы запомнил, пожалуй, запомнил... и... Я твердо уверен, что не был там.

— Да и не могли там быть, — сказал набоб, который очень веселился, видя, как его друг путем рассуждения старается довести себя до уверенности, — ибо этот бал вовсе не состоялся. Он был отложен, и это уже вторичное приглашение. Вы тоже получите билет, так как первый раз вам его уже присылали. Знаете, доктор, вам надо пойти — мы с вами пойдем вместе. Я оденусь как имам — и, не смутясь, отвечу «Бисмиллах!»¹ на приветствие любого из гостей, кому придет в голову играть роль хаджи. А вы оденьтесь кардиналом или кем хотите.

— Как, я? — возмутился священник. — Но это не подобает моему сану, мистер Тачвуд! Такие чудачества совсем не в моих правилах.

— Тем лучше, вы измените своим правилам.

— А вы бы, в самом деле, лучше пошли к ним, мистер Каргил, — сказала миссис Додз. — Ведь это, вероятно, последний раз, что вы можете повидать мисс Моубрей. Ее, говорят, вот-вот выдадут замуж за одного из этих вертопрахов с источника и она уедет с ним в Англию.

— Замуж? — воскликнул священник. — Это невозможно!

— Но что тут невозможного, мистер Каргил? Ведь люди женятся каждый день, вы это знаете, да еще и сами окручиваете их вдобавок. Вы, может быть, скажете, что у бедняжки не все дома, но ведь вы понимаете, что если будут жениться только умные, так в мире народу поубавится. По-моему, умные-то люди как раз и не женятся, вроде нас с вами, мистер Кар-

¹ «Во имя аллаха!» (арабск.).

гил. Боже милостивый! Вам худо? Глотните-ка чего-нибудь!

— Понюхайте моей розовой эссенции, — предложил мистер Тачвуд. — Такой запах и мертвого оживит. Однако что же с вами приключилось? Минуту назад вы были совсем здоровы.

— На меня вдруг нахлынуло... — заговорил мистер Каргил, приходя в себя.

— Ох, мистер Каргил, — сказала миссис Додз. — Это все оттого, что вы поститесь подолгу.

— Верно, сударыня, — поддержал ее мистер Тачвуд. — А потом едите одну гороховую болтушку с кислым молоком. Вот желудок у вас и не принимает ни куска порядочной пищи: так захудалому фермеру неохота принимать зажиточного соседа, чтобы тот не увидел его голого поля. Ха-ха-ха!

— Неужели действительно толкуют о свадьбе мисс Моубрей из Сент-Ронана? — спросил священник.

— По правде говоря, эту новость принесла топушка Нелли, — сказала хозяйка. — А она, хоть и любит малость выпить, наверно не стала бы выдумывать или передавать небылицы — уж во всяком случае, не такой хорошей покупательнице, как я.

— Этого нельзя так оставить, — пробормотал мистер Каргил, словно про себя.

— Никак нельзя, — подтвердила тетушка Додз. — Стыд и позор, если они обратятся к этому кимвалу бряцающему, которого они зовут мистером Четтерли, когда у нас есть такая пресвитерианская труба, как вы, мистер Каргил. И коли хотите послушать моего скромного совета, мистер Каргил, то не мелите на вашей мельнице ту рожь, что причитается вам за помол.

— Ваша правда, кумушка, — сказал набоб. — Свадебных перчаток и лент упускать нельзя. И, пожалуй, мистеру Каргилу в собственных интересах лучше отправиться со мной на это дурацкое празднество.

— Я должен поговорить с этой молодой леди, — проговорил священник все так же задумчиво.

— Правильно, правильно, мой высокоученый друг, — подхватил набоб, — вот мы с вами бок о бок

и двинемся на них, и, ручаясь, с нашей помощью они будут приведены обратно в лоно матери нашей церкви. Ну, знаете, одна мысль о том, что тебя могут провести таким образом, вывела бы из состояния задумчивости даже магометанского сантона. А в каком платье вы поедете?

— В своем собственном, разумеется, — сказал священник, опоминаясь.

— Правда ваша и на этот раз. Вдруг они вздумают ковать железо, пока горячо, а кому захочется, чтобы его венчал переодетый пастор? Значит, мы едем на прием — это решено.

Священник выразил свое согласие при условии, что ему пришлют билет. И так как, возвратясь в пасторский дом, он тоже обнаружил приглашение, то теперь не имел уже поводов для отказа, даже если бы искал их.

Глава XVIII

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Граф Бассет У нас, джентльменов, кареты о четырех осях, и нередко случается, что уж какое-нибудь колесо да не в порядке.

«Рассерженный супруг»

Нашему рассказу придется теперь вернуться вспять, и, хотя это довольно чуждо нашей авторской манере, мы от диалогической формы перейдем к повествовательной и будем больше сообщать о происшедших событиях, чем о том, как отразились они на действующих лицах. Обещание наше будет, однако, лишь условным, ибо мы уже предвидим соблазны, которые могут затруднить нам его выполнение.

Приезд молодого графа Этерингтона на целебные Сент-Ронанские воды произвел огромное впечатление. Оно было еще усилено таким необычайным событием, как покушение на его особу, совершенное

в то время, когда он, желая сократить путь, шел лесом, в отдалении от кареты со слугами. Мужество, которое он проявил, отбиваясь от разбойника, равнялось разве что его великодушию, ибо граф отказался от каких-либо розысков бродяги, хотя в стычке и получил тяжелую рану.

Из трех «облаченных в черное граций», как прозвал их один из приятнейших собеседников нашего времени, Право и Медицина в образе мистера Миклема и доктора Квеклебена поспешили немедленно засвидетельствовать лорду Этерингтону свое почтение. Столь же благосклонная, хотя и более сдержанная Религия в лице преподобного мистера Саймона Четтерли также выказывала полную готовность принести свою посильную помощь в случае надобности.

Его светлость по только что упомянутым великодушным соображениям с благодарностью отклонил предложение мистера Миклема о розыске ранившего его преступника и лишь намекнул, что, быть может, у него найдется другой повод обратиться к его услугам. Зато граф предоставил заботам доктора свои раны — у него оказалась простреленной рука и вдобавок пустяковая царапина на виске. Графские милости к доктору оказались в этом случае столь велики, что мистер Квеклебен, ревнуя о здоровье лорда, предписал тому пройти месячный курс лечения водами, чтобы добиться полного и окончательного выздоровления. Его светлости не следует забывать, сказал доктор, что зарубцевавшиеся раны нередко открываются вновь, а воды Сент-Ронанского источника (как это доказано доктором Квеклебеном) исцеляют от всех хворей, которым подвержена плоть, и ничуть не уступают водам Барежа, облегчая выход наружу всяких осколков и других посторонних тел, которые могут иногда попасть вместе с пулей в человеческий организм и вызвать там сильное раздражение. Ведь доктор постоянно твердил, что хотя он не может объявить покровительствуемую им минеральную воду совершенной панацеей, все же он берется и словом и делом доказывать, что она обладает всеми главными

свойствами знаменитейших лечебных источников, какие только известны в мире. Короче говоря, любовь Алфея к Аретузе была шуткой по сравнению с чувствами доктора к своему любимому источнику.

Прибытие нового, и притом знатного, гостя весьма украсило этот уголок, посвященный веселью и попечениям о здоровье. Впрочем, молодой лорд сперва не так часто появлялся в общей столовой и в других местах стечения публики, как надеялось собравшееся на Сент-Ронанских водах достойное общество. Разумеется, его непродолжительные и редкие выходы в свет всецело оправдывались нездоровьем и раной.

Но зато, появляясь, он всех очаровывал своей чрезвычайно привлекательной внешностью и обращением. Даже ярко-красный шелковый платок, поддерживавший его раненую руку, наряду с бледностью и томностью красивого открытого лица, на котором потеря крови оставила свой след, только придавали его облику особую прелесть, совершенно неотразимую на взгляд многих дам. Всех привлекала его приветливость и в то же время задевала смешанная с нею спокойная пренебрежительность; и потому все искали его знакомства. Себялюбивый и расчетливый Моубрей, вульгарный и грубый сэр Бинго, привыкшие считать себя первыми людьми в здешнем обществе и уверенные, что оно считало их таковыми, оба потеряли почти всякое значение. Леди Пенелопа всячески раскидывала перед лордом сети своего остроумия и начитанности, а леди Бинкс старалась привлечь его внимание, полагаясь более на чары своей красоты. Остальные нимфы источника следовали несколько позади, придерживаясь того правила учтивости, согласно которому в европейском обществе на охоте первый выстрел по лучшей дичи предоставляется самой знатной особе среди гостей. Однако не одна прекрасная грудь вздымалась от волнения при мысли, что, быть может, их милости дадут маху несмотря на предоставленное преимущество и тогда не столь высокопоставленным, но, вероятно, не менее ловким охотникам тоже представится случай выказать свое искусство.

На то время, однако, что граф поневоле оказался лишенным общества, ему понадобилось (и это по крайней мере было вполне естественно) найти себе кого-нибудь, с кем он мог бы коротать одинокие часы в своих апартаментах. И Моубрей, рангом превосходивший отставного и всегда пьяного капитана Мак-Терка, блеском — обрюзгшего и ставшего пустым болтуном Уинтерблоссом, а тактом и здравым смыслом — сэра Бинго Бинкса, легко втерся в дружбу к его светлости. Втайне благословляя жалкого грабителя, чья пуля нечаянно заставила намеченную сквайром жертву отказаться от всякого общества, кроме его собственного, Моубрей стал понемногу прощупывать своего противника и пробовать его силу в различных азартных играх, в которые он предлагал играть якобы с единственной целью избавить больного от скуки.

Миклем выражал искреннее или притворное сочувствие успехам своего патрона и не пропускал случая справиться, как развивается интрига. Вначале он получал столь благоприятные известия, что ухмылялся от уха до уха, потирал руки и хихикал с такой радостью, какую вызывало в нем только удачное мошенничество. Однако Моубрей глядел мрачно и не разделял его веселья.

— Нет, тут все-таки кроется что-то, чего я не беру, — сказал он однажды. — Этерингтон — ловкач во всем, хитер чертовски и видал виды, а проигрывается, как младенец.

— Не все ли равно, почему он проигрывает, если вы-то выигрываете чин-чином? — спросил его друг и советник в делах закона.

— Дьявол его разберет, — отвечал Моубрей. — Я слишком уверен, что у него не хватит нахальства затеять подобную вещь, не то я подумал бы... черт побери, мне иногда кажется, что он меня дурачит и затевает какой-то фокус. Да нет, едва ли он пойдет на такую наглость... Впрочем, ведь обыграл же он Вулверайна — обчистил бедного Тома как липку. Том, правда, писал мне совсем другое, но потом все выяснилось. Хорошо же, я отомщу за Тома, раз его

милость, видимо, можно обставить, как и всех прочих.

— Вам, мистер Моубрей, лучше знать, — сказал стряпчий с притворным добродушием. — Но, знаете, не стоит хватать через край. Мне не хочется, чтобы вы разорили бедного мальчугана, как говорится, *lup-ditus*,¹ то есть начисто и дотла. Если он проиграет кое-что из своих наличных, ничего ему не станется, это может даже послужить уроком, которого он не забудет до конца жизни. Но, как человек порядочный, я не советую заходить дальше — уж пожалейте мальчишку, мистер Моубрей.

— А кто *меня* жалел, Миклем? — многозначительно спросил Моубрей. — Ну нет, пусть учится, а мы приберем к рукам и денежки и имение. Его поместье зовется Окендейл — заметьте-ка, Мик, Окендейл. Такое название сулит счастье. Нечего говорить о жалости, Мик, пусть белки Окендейла прыгают вниз и учатся ходить пешком. Разве троянский вождь, скитаясь, ждал пощады от греков? Да что мне греки! Я сам настоящий сулиот, а среди греков это самые доблестные воины.

Что мне страх? Что мне жалость? Их надо забыть,
Если хочешь визирю, как должно, служить.

А нужда, Мик, — закончил он дрогнувшим голосом, — нужда — командир посуровей визиря или паши, хотя тех воспевал Байрон и с ними воевал Скандербег!

В ответ на эту пылкую речь Миклем не то всхлипнул, не то хихикнул, не то заворчал, словно желая одним звуком выразить и притворную жалость к обреченной жертве, и сочувствие к замыслам патрона, и, наконец, предупреждение об опасностях пути, избранного для достижения цели.

Как ни похвалялся Моубрей своей сулиотской доблестью, а вскоре после этой беседы ему пришлось признать, что

Войной чревата встреча грека с греком,

¹ До основания, совершенно (лат.).

Мелкие схватки подошли к концу, и начиналось большое сражение, в которое обе стороны вступали с осторожностью — каждому из противников, вероятно, хотелось освоиться с тактикой врага, прежде чем раскрывать свою собственную. Они обычно играли в пикет — прекраснейшую из всех азартных игр, предаваясь которой не жаль пожертвовать своим состоянием. А в пикете Моубрей, — быть может, на свое несчастье, — с юных лет считался весьма искусным игроком, да и менее опытный граф Этерингтон тоже не был новичком. Они теперь играли на такие ставки, которые для Моубрея при нынешнем положении его дел были довольно значительными, хотя его антагонист, видимо, не считался с их величиной. Игра велась с переменным успехом, судя по тому, что Моубрей иной раз отвечал самоуверенной улыбкой на вопросительные взгляды своего друга Миклема, а иной раз избегал их, словно опасаясь, как бы его собственный взор не выразил горестного признания.

Итак, удачи чередовались с неудачами. Однако подготовка к серьезной игре длилась все же недолго, так как Моубрей, не считаясь с часом дня или ночи, проводил у Этерингтона много времени, и все это время посвящалось игре. Его светлость уже достаточно поправился, чтобы присутствовать на приеме в Шоуз-касле, да и мисс Моубрей, как стало известно, опять была в добром здоровье. Поэтому снова был поднят вопрос об этом празднестве; решено было добавить еще драматическое представление, но об этой затее мы расскажем потом подробнее. Всем, кто ранее был включен в список гостей, были вновь посланы приглашительные билеты. Разумеется, такое приглашение в качестве обитателя Сент-Ронанских вод в прошлом и соседа в настоящем получил и мистер Тачвуд, так как дамы дружно признавали, что хотя это товар несколько сомнительный и подчас убыточный, зря пренебрегать набобом не следует. Позвали и священника, как старого знакомого семьи Моубреев: ведь нельзя же было его пропустить, раз приглашали вообще всех друзей. Впрочем, образ жизни мистера

Каргила был всем известен, и предположить, будто он по этому поводу решится выйти из своего дома, было так же странно, как ожидать, чтобы сельская церковь сдвинулась со своего фундамента.

Однажды, когда уже были сделаны все эти приготовления, сент-ронанский лэрд вошел вдруг с ликующим видом в кабинет Миклема. Достойный грамотей повернул к патрону оседланный очками нос и, держа в одной руке пук бумаг, которые он только что перечитывал, а в другой шнурок, чтобы опять перевязать их, отложил пока эту операцию и приготовился самым внимательным образом выслушать сообщение Моубрея.

— Я обставил его! — торжествующе проговорил тот. И, понизив голос почти до шепота, продолжал: — Его светлость попался на этот раз, а я удвоил свое состояние, Мик, и даже более того! Погодите, не прерывайте меня... Теперь пора подумать о Кларе — пусть она погрееется на солнышке, даже если такое ведро предвещает бурю! Вы, верно, знаете, Мик, эти две чертовки, леди Пенелопа и леди Бинкс, постановили устроить у нас этакий *bal paré*, нечто вроде театрального представления, и кто захочет в нем участвовать, оденется в костюм по роли. Я понимаю их замысел: они думают, что у Клары не найдется подходящего костюма для этих дурачеств. Вот они и рассчитывают затмить ее: леди Пен — своими старомодными драгоценностями в плохой оправе, а миледи Бинкс — новомодными нарядами, на которые она променяла свое честное имя. Но, черт побери, им не довести Клару до такого унижения! Я заставил эту девчонку, горничную леди Бинкс, выболтать мне, что затевает ее хозяйка. Она будет одета гречанкой, в духе восточных персонажей Уила Аллена, разумеется. Но вот в чем загвоздка: во всем Эдинбурге есть только одна шаль, в которой стоит покрасоваться, и продается она в «Модном пассаже». Так вот, Мик, дружище, эту шаль надо раздобыть для Клары, а также всякие там муслины, кружева и прочую чепуху — вот записка, где все это перечислено. Немедленно отправляйте заказ. Леди Бинкс пишет с завтрашней почтой;

значит, наш заказ должен уйти сегодня с вечерней. Вот вам сто фунтов.

По издавна заведенной привычке никому ни в чем не отказывать, Миклем сразу взял банковский билет. Но, поглядев на него сквозь очки и продолжая держать в руке, он стал увещевать патрона.

— Это хорошая мысль, Сент-Ронан, очень хорошая. И я никак не могу сказать, что мисс Клара не заслуживает внимания и заботы с вашей стороны. Но я сильно сомневаюсь, что ей нужны все эти прекрасные наряды. Вы сами знаете, она не любит менять платья. Боже мой, да она полагает, что ее амазонка сойдет для любого приема! И если бы дело шло лишь о красоте — так оно и есть. Ей бы только чуточку румянца, бедняжке...

— Ну ладно, ладно, — нетерпеливо прервал его Моубрей. — Уж я сам знаю, нужно ли женщине нарядное платье.

— Вам, конечно, лучше знать, — сказал стряпчий, — но все-таки, может быть, снести эту сотню фунтов в банк? Ведь они могут пригодиться нашей юной леди на черный день.

— Вы просто дурак, Миклем. Какой там черный день, когда ей грозит обида! Нет, нет, достаньте все, что я прошу. Хоть раз да мы побьем их всех: может быть, тут дела и повернутся к лучшему.

— Ну, ну, хотел бы я, чтобы это было так, — проворчал Миклем. — А что же граф? Нашли вы его слабое место? Вам надо подцепить его крепко, вот в чем вопрос.

— Хотел бы я знать, как на него ответить, — задумчиво отозвался Моубрей. — Будь он проклят, этот граф. Он выше меня по знатности и положению в обществе, он вхож в лучшие клубы и на короткой ноге со всеми превосходительствами, высочествами и вообще со всякими недоступными персонажами. Моя порода проще, но, черт побери, в собачьей конуре выводятся псы и получше тех, что рождаются в барских покоях. Я думаю, что могу с ним потягаться. Во всяком случае, Мик, скоро станет ясно, одолею ли я его, и это уже утешение. Ну, да все равно,

выполняйте мое поручение и смотрите никого не называйте, чтобы не подводить моей служаночки.

На этом они расстались. Миклем занялся поручением патрона, а тот отправился на деле проверять надежды, шаткости которых он не мог скрыть от собственной проницательности.

Доверяясь наступившей полосе удач, Моубрей решил в тот же вечер привести дело к окончанию. Вначале все, казалось, благоприятствовало его замыслу. Они вдвоем пообедали в апартаментах лорда. Засиживаться за бутылкой считалось вредным для здоровья графа, а прогулка в сырой осенний вечер сулила так мало хорошего, что не хотелось идти даже к конюшням лорда, где под присмотром особо сведущего конюха содержались его лошади. Чтобы скоротать вечер, было естественно и почти необходимо обратиться к картам, и, как прежде, они выбрали пикет.

Сначала лорд Этерингтон проявлял за игрой выскомерное спокойствие и беспечность и не раз пропускал удобный случай, которым не преминул бы воспользоваться, будь он внимательней. Моубрей стал укорять лорда за невнимательность и, чтобы завлечь его, предложил увеличить ставку. Молодой вельможа выразил согласие, и через несколько ходов оба игрока уже пристально следили за картами, стараясь не упустить изменчивого счастья. Повороты игры были так часты, так многообразны и так неожиданны, что вскоре борьба захватила обоих до глубины души. Ставки все удваивались, и под конец игры в банке оказалась сумма, в общей сложности превышающая тысячу фунтов. Такая крупная игра требовала всех денег, какими Моубрей мог распоряжаться благодаря доброте своей сестры, и почти всего, что он выиграл до сих пор. Исход игры означал теперь для него победу или разорение.

Как лэрд ни старался, он не мог скрыть своего волнения. Он пил то вино — чтобы подстегнуть свое мужество, то воду — чтобы умерить возбуждение, пока наконец ему не удалось сосредоточить на игре все внимание и осторожность, на какие он был способен.

Сперва оба играли приблизительно с равной удачей и с умением, достойным игроков, отважившихся поставить на карту такую сумму. Однако ближе к концу фортуна решительно отвернулась от того из них, кому нужнее было ее благоволение. В безмолвном отчаянии Моубрей видел, что его судьба зависит от одной-единственной взятки, да еще при самых неблагоприятных обстоятельствах, так как ход был лорда Этерингтона. Но как может удержать милость фортуны тот, кто не печется о самом себе? В нарушение правил игры лорд Этерингтон сделал ошибку, простительную лишь последнему простофиле, когда-либо бравшемуся за карты: он назвал количество очков, не показав карты. Тогда, согласно обычаю, Моубрей оказался вправе назвать свою. Этот и следующий за ним ход позволили Моубрею закончить игру и сорвать банк. Лорд Этерингтон выказал досаду и неудовольствие. По мнению его милости, можно было бы по дружбе и не столь строго придерживаться правил, раз игра шла на такие небольшие ставки. Моубрею эти рассуждения показались непонятными. Тысяча фунтов, сказал он, для него не пустяк, и правила пикета не соблюдают разве только мальчишки да женщины. «А по мне, — добавил он, — лучше вовсе не играть, чем играть не по правилам».

— Пожалуй, что и так, дорогой Моубрей, — сказал граф. — Мне, честное слово, еще не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь выглядел таким несчастным, как вы во время своей неудачной игры. И это отвлекло мое внимание, когда я делал ход. Могу сказать с уверенностью, что ваше унылое лицо обошлось мне в тысячу фунтов. Умей я запечатлеть на холсте ваши горестные черты, я бы отомстил вам и вернул свои деньги, потому что за точное подобие я получил бы ни на пенни меньше, чем стоил мне оригинал.

— Шутите себе на здоровье, милорд, — отвечал ему Моубрей, — шутка оплачена с лихвой. За такую цену я снесу хоть десять тысяч шуток. Ну как? — продолжал он, снова собирая и тасуя карты. — Еще разок, чтобы вам отыграться? Как говорится, месть сладка,

— Сегодня у меня нет к ней охоты, — серьезно сказал граф, — не то вам пришлось бы похуже, Моубрей: не всегда же я забываю показывать карты, называя число очков.

— Вы, ваша милость, недовольны собою из-за ошибки, которая могла бы приключиться со всяким. Повезет или сделаешь хороший ход — все это дело случая.

— А что, если случай здесь ни при чем? — возразил лорд Этерингтон. — Что, если, садясь за карты с хорошим человеком, и притом со своим другом, вроде вас, например, предпочтешь лучше проиграть столько, сколько ты можешь себе позволить, чем выиграть сумму, с которой другу тяжело расстаться?

— Предполагая столь невероятный оборот дела — ибо, с вашего позволения, это легко утверждать, но никак нельзя проверить, — никто, по-моему, не посмел бы подумать, что это может относиться ко мне, или счесть, будто я играю крупней, чем мне пристало, милорд, — сказал Моубрей, которому предмет разговора начинал казаться щекотливым.

— Так что ваш приятель, — подхватил лорд Этерингтон, — потерял бы свои деньги, бедняга, да еще, пожалуй, нажил бы себе врага! Попробуем предположить другое. Допустим, что этот добрый и простодушный игрок хотел просить своего друга о чем-то очень важном и предпочел обратиться со своей просьбой тогда, когда тот был в выигрыше, а не в проигрыше?

— Если дело во мне, милорд, — ответил Моубрей, — так мне надо знать, чем я могу помочь вашей милости.

— Мою просьбу легко высказать, но так трудно взять обратно, что мне хотелось бы сначала собраться с духом. А, впрочем, надо же все-таки сказать... Моубрей, у вас есть сестра.

Моубрей вздрогнул.

— У меня действительно есть сестра. Но я не представляю себе, милорд, чтобы уместно было называть ее имя в нашем разговоре.

— Опять этот угрожающий тон! — по-прежнему шутливо заметил граф. — Какой приятный партнер! Сперва собирается перерезать мне горло за то, что выиграл у меня тысячу фунтов, а потом за то, что я предлагаю его сестре стать графиней!

— Графиней, милорд? — переспросил Моубрей. — Вы шутите, конечно: ведь вы никогда не видели Клары Моубрей.

— Возможно, и не видел, ну и что же? Я мог видеть ее портрет, как Паф выражается в «Критике», мог влюбиться по рассказам, или, чтобы уж не гадать больше, а то вы, кажется, не любите предположений, мог удовлетвориться сведениями, что она хороша собою, воспитанна, талантлива и что у нее большое состояние.

— О каком состоянии вы говорите, милорд? — спросил Моубрей, с тревогой вспоминая о правах, которые, по соображениям Миклема, могла предъявить сестра на его имущество. — Вы имеете в виду поместье? Но ведь нашей семье принадлежат только Сент-Ронанские земли или то, что от них осталось. А эти земли наследую я, милорд, наследую по неоспоримому праву майората.

— Пусть так, — сказал граф, — я и не зарюсь на здешние ваши горные владения, которые, спору нет,

Прославлены с времен былых
Отвагой воинов своих.

Я имею в виду поместье хоть и не столь романтическое, да побогаче. Это большое имение, под названием Неттлвуд: дом старый, зато стоит под сенью великолепных дубов; три тысячи акров земли — часть пахотной, остальное под выгоном и лесом, и только два клочка выгорожены для батраков; да еще разные права и привилегии, связанные с этим владением; да копи, рудники — чего-чего там только нет! И все это находится в Беверской долине.

— А какое дело моей сестре до всего этого? — в великом удивлении спросил Моубрей.

— Никакого. Но все это будет принадлежать ей, когда она станет графиней Этерингтон.

— Значит, поместье является собственностью вашей милости?

— Да нет же! И не будет моим, если ваша сестра не соизволит ответить согласием на мое предложение.

— Ваши загадки, милорд, потруднее шарад леди Пенелопы, — сказал Моубрей. — Придется мне обратиться за помощью к преподобному мистеру Четтерли.

← Вам не придется обращаться к нему, — сказал лорд Этерингтон. — Я сам подскажу вам разгадку, только выслушайте меня терпеливо. Вам известно, что английские вельможи не так берегут родовые гербы, как европейская знать: подчас мы не прочь подбить наши поношенные горностаевые мантии золотой парчой горожан. Вот и моему деду посчастливилось раздобыть себе богатую жену с неважной родословной — обстоятельство довольно неожиданное, принимая во внимание, что отец ее был из ваших соотечественников. И был у нее брат, еще богаче, чем она; он к тому же увеличил свое состояние, продолжая дело, послужившее в свое время к обогащению семейства. Наконец этот брат подвел итог, захлопнул счетные книги, бросил торговлю, умыл руки, поселился в Неттлвуде и зажил настоящим помещиком. Но затем моего достопочтенного двоюродного дедушку обуяло желание стать знатной персоной. Сначала он испробовал для этого женитьбу на девице из родовой семьи. Однако вскоре он понял, что хотя этот брак и принес известную пользу всему семейству, но его-то он мало украсил. И он положил сам стать родовитым дворянином. Его отец, в юности выехавший из Шотландии, как ни стыдно признаться, носил вульгарное имя Скроджи.¹ С этим злосчастным именем мой двоюродный дедушка самолично отправился в шотландскую геральдическую палату. Но ни Лайон, ни Марчмонт, ни Айлей, ни Сноудон не захотели ни вводить, ни поддерживать и никаким другим образом покровительствовать какому-то Скроджи. Из такого имени, как Скроджи, ничего нельзя было сделать. То-

¹ Тощий кустарник (шотл.).

гда мой достойный родственник решил прислониться к более прочной стороне дома и обосновать свой сан, обратившись к материнскому имени Моубрей. Тут ему повезло гораздо больше: какой-то проныра выкрал, кажется, для него отвод от вашего собственного родословного древа, мистер Моубрей сент-ронанский, веточку, которой вы, вероятно, и по сей день не хватились. Во всяком случае, за свои серебро и золото он приобрел кусок прекрасного пергамента с белым львом Моубреев в одной четверти герба и с тремя чахлыми кустиками семьи Скроджи — в трех остальных, и стал отныне называться мистер Скроджи-Моубрей или даже, как он подписывался, Реджиналд (крестили-то его Роналдом) С. Моубрей. У него был сын, который весьма непочтительно насмехался над всем этим, отказался от чести носить высокое имя Моубрей и стойко придерживался первоначального наименования отца, к великой досаде вышеупомянутого папаши, ибо имя Скроджи весьма раздражало его слух и портило настроение.

— Признаюсь, я выбрал бы из этих двух имен мое собственное, — сказал Моубрей. — Вкус у старого джентльмена, право, был получше, чем у молодого.

— Согласен. Но оба они были своенравные и нелепые чудачки и проявляли удивительное упрямство, унаследованное, уж не знаю, от Моубреев ли или от Скроджи. Оно часто приводило к ссорам, и в конце концов оскорбленный отец Реджиналд С. Моубрей выставил непокорного сына Скроджи за порог своего дома. И дорого бы обошелся сыночку его плебейский пыл, не приюти его бывший еще в живых партнер первого из всех Скроджи, который по сю пору вел прибыльное дело, когда-то доставившее богатство семье. Я рассказываю обо всех этих мелочах для того, чтобы по возможности сделать для вас ясным то крайне затруднительное положение, в котором сейчас очутился.

— Продолжайте, милорд, — сказал мистер Моубрей. — Нельзя отрицать — история эта довольно странная, и, наверно, не зря вы пересказываете мне все эти необыкновенные подробности.

— Именно так, клянусь честью, и вы скоро сами увидите, как все это важно. Когда отдал богу душу мой достойный двоюродный дедушка мистер С. Моубрей (я не хочу называть его именем Скроджи даже после его смерти), все предрекали, что он, наверно, ничего не оставил своему непослушному сыну. Так оно и оказалось. Но все при этом были уверены, что свое имение он завещает моему отцу, лорду Этерингтону, сыну его сестры, и в этом-то они и ошиблись: мой превосходный родственник полагал, оказывается, что, если поместье Неттлвуд (называемое также Моубрей-парк) перейдет к нашей семье без всякого ограничительного условия, то милому его сердцу имени Моубрей мало что прибудет и оно ничем больше не возвысится. При помощи ловкого стряпчего он составил завещание на мое имя (а я был тогда еще школьником), но поставил условием, чтобы я до наступления двадцатипятилетнего возраста взял в замужество молодую леди с хорошей репутацией по фамилии Моубрей и предпочтительно из семьи сент-ронанских Моубреев, буде таковая девица найдется в этом семействе. Вот разрешение моей загадки.

— И притом необычное, — задумчиво отозвался Моубрей.

— Признайтесь, — сказал лорд Этерингтон, кладя руку ему на плечо, — история кажется вам чуточку сомнительной, а пожалуй, и не только чуточку?

— Во всяком случае, милорд, — ответил Моубрей, — вас не удивит, что, будучи единственным близким родственником и опекуном мисс Моубрей, я, не в обиду будь сказано вашей милости, захочу поразмыслить над предложением, сделанным при таких странных обстоятельствах.

— Если у вас есть хоть малейшее сомнение относительно моего титула или состояния, я, разумеется, могу представить самые убедительные доказательства, — сказал граф Этерингтон.

— Здесь я охотно верю вам, милорд, — сказал Моубрей, — я нисколько не опасаясь обмана, когда его так легко обнаружить. Ваше поведение со мной, — тут он бросил многозначительный взгляд на банко-

вые билеты, которые все еще держал в руках, — допускаю, пожалуй, тоже подтверждает скрытые побуждения, о которых вы изволили сообщить. Но мне кажется странным, что вы, ваша милость, за все прошедшие годы ни разу даже не справились о девушке, которая, очевидно, является единственной подходящей особой, с которой, согласно условиям завещания вашего деда, вы могли бы вступить в брак. По-моему, об этом деле давным-давно следовало бы побеспокоиться, и даже теперь было бы естественней и пристойней сначала по крайней мере повидать мою сестру, а потом уж предлагать ей свою руку.

— Прежде всего, дорогой Моубрей, — сказал лорд Этерингтон, — признаюсь вам откровенно, без всякой обиды для вашей сестры, что охотно обошел бы это условие, если б мог. Ведь каждый предпочитает сам выбрать себе жену, а я вообще не спешил бы с женитьбой. Но мошенники адвокаты перебрали у меня кучу денег и годами водили за нос, а затем объявили напрямик, что условие придется выполнить, или для Неттлвуда сыщется другой хозяин. И вот я счел за лучшее явиться сюда самолично, чтобы представиться прекрасной даме. Но так как рана все это время мешала мне свидеться с нею и так как брат ее оказался человеком вполне светским, вы, я надеюсь, не посетуете на меня за то, что я постарался сначала завести дружбу с вами. Вся суть в том, что не пройдет и месяца, как мне уже минет двадцать пять лет. Без вашей поддержки, без удобного случая, который лишь вы можете мне предоставить, мне не успеть в такой короткий срок завоевать сердце столь достойной леди, как мисс Моубрей.

— А что же случится, если вы не заключите предполагаемого союза, милорд? — спросил Моубрей.

— Завещание моего деда потеряет силу, — сказал граф, — прекрасный Неттлвуд со старым домом, еще более старыми дубами, помещичьими правами и привилегиями, участками для батраков и всем прочим переходит по наследству к одному моему двоюродному брату — разрази его милосердный господь!

— Мало же вы оставили себе времени, милорд, чтобы предупредить такой исход, — заметил Моубрей. — Но раз уж так вышло, я постараюсь помочь вам чем сумею. Только нам надо установить отныне более равные отношения, милорд. Я, так и быть, признаюсь вам, что проиграть эту игру было бы для меня в данное время неприятно, но при таких обстоятельствах не могу считать, что я по-настоящему выиграл ее. Пусть это будет ничья, милорд.

— Ни слова об этом, если вы действительно друг мне, дорогой Моубрей. Я действительно ошибся, потому что у меня на уме, как вы сами понимаете, было не количество очков, а совсем другое. Вы выиграли, а я проиграл — все было по правилам. Мне, надеюсь, еще представится случай действительно оказать вам услугу и тем хоть отчасти заслужить право на ваше расположение. А сейчас вы мне не обязаны ничем, ровно ничем.

— Если вы так считаете, ваша милость... — проговорил Моубрей и тотчас перешел к тому, в чем он чувствовал себя гораздо уверенней. — Во всяком случае, милорд, никакие мои личные обязательства не помешают мне выполнить мой долг в качестве опекуна сестры.

— Я, несомненно, и не желаю ничего иного, — ответил граф Этерингтон.

— Поэтому мне приходится считать вполне серьезным предложение вашей светлости. Я полагаю, что оно теперь не может быть взято обратно, даже если при знакомстве с мисс Моубрей вы не нашли бы ее столь достойной внимания вашей светлости, как считает молва.

— Мистер Моубрей, — отвечал граф, — соглашение между нами будет так же твердо, как если бы я был повелителем какой-нибудь страны и просил в жены сестру соседнего короля, которую, согласно этикету, не видал и не мог видеть. Я вполне откровенен с вами и уже указывал, что вступить в эти переговоры меня заставляют не столько личные мотивы, сколько территориальные. После встречи с мисс Моу-

брей мои мотивы, несомненно, сменятся другими. Я слышал, она прекрасна.

— Несколько бледна, милорд, — ответил Моубрей.

— Румянец — первая из прелестей, которую теряют в модном свете, но ее легче всего восстановить.

— Может выясниться несходство характеров, — сказал Моубрей, — без всякой вины с любой из сторон. Насколько я понимаю, ваша милость расспрашивали о характере моей сестры. Она нрава приветливого и веселого, она разумна и получила хорошее воспитание, но все же...

— Я понимаю вас, мистер Моубрей, и избавлю от труда высказываться до конца. Я слышал, что в некоторых отношениях мисс Моубрей — со странностями. Говоря проще — у нее бывают причуды. Это неважно: ей, значит, не придется ничему учиться, когда она станет графиней и светской дамой.

— Вы говорите серьезно, милорд? — спросил Моубрей.

— Вполне и выскажусь еще яснее. Сам я покладист, жизнерадостен и легко переношу странности всех, с кем мне приходится бывать. Я уверен, мы с вашей сестрой будем счастливо жить вместе. Но на случай, если выйдет иначе, можно заранее принять меры, чтобы мы могли жить счастливо и врозь. У меня самого большое поместье, а Неттлвуд можно разделить.

— Ну, тогда, — сказал Моубрей, — остается прибавить очень мало. Что касается вашей милости, то спрашивать больше нечего. Однако за моей сестрой остается право свободного выбора, хотя я, со своей стороны, обещаю вашему сватовству мою поддержку.

— Полагаю, мы можем считать дело решенным?

— Если Клара даст согласие — конечно, можем, — отвечал Моубрей.

— Я думаю, личного нерасположения со стороны молодой леди опасаться нечего? — спросил молодой пэр.

— Не предвижу ничего подобного, милорд, — ответил Моубрей, — так как, по-моему, для этого нет никаких оснований. Но молодые девушки иной раз

бывают капризны, и если Клара, после всего того, что я скажу и сделаю, как это подобает брату, все-таки будет противиться... Есть же все-таки границы моему влиянию, переходить которые было бы жестоко.

Граф Этерингтон прошелся по комнате, затем остановился и сказал серьезно и неуверенно:

— Пока же я должен считать себя связанным, а молодую леди свободной, Моубрей? Не так ли?

— Так бывает во всех случаях, милорд, когда джентльмен сватается к даме, — ответил Моубрей. — Он, разумеется, связан своим предложением до тех пор, пока по истечении известного срока оно не будет принято или отвергнуто. Не моя вина, что вы объявили о своих желаниях, не убедившись заранее в склонности Клары. Но сейчас, покуда это дело известно только нам обоим, предоставляю вам право, если вы сочтете нужным, отказаться от вашего предложения. Кларе Моубрей ни к чему спешить с замужеством.

— А мне ни к чему пересматривать решение, о котором я сообщил вам. Я совсем не опасюсь, что передумаю после встречи с вашей сестрой, и не собираюсь отступаться от предложения, которое сделал. Но если уж вы выказываете такую чрезвычайную щепетильность, — продолжал он, — я могу увидеть мисс Моубрей и даже побеседовать с нею на этом вашем празднестве, без всякой нужды быть ей представленным. Я выбрал себе такой костюм, что мне самому необходимо надеть маску.

— Отлично, — сказал сент-ронанский лэрд. — Для нас обоих так будет лучше, и я рад, что вы хотите проявить предусмотрительность, милорд.

— Мне от нее проку не будет, — сказал граф. — Судьба моя решена наперед. Но если такой образ действий облегчит вашу совесть, я не буду возражать против него. Все это не отнимет лишнего времени, а время — моя главная забота.

На этом они пожали друг другу руки и расстались, не сказав более ничего любопытного для читателя.

Моубрей был рад остаться в одиночестве, чтобы обдумать все происшедшее и отдать себе отчет в своем душевном состоянии, сейчас неясном ему самому. Он не мог не понимать, что союз с богатым молодым графом ему и его семье может во всех отношениях принести такие большие выгоды, каких ему не извлечь из денег, которые он рассчитывал добыть, пользуясь своим превосходством в карточной игре или ловкостью на скаковой дорожке. Но вспоминая, что он отдал себя в полную власть лорду Этерингтону, он испытывал муки уязвленной гордости. И в том, что он избег окончательного разорения лишь благодаря снисходительности своего противника, отнюдь не было ничего утешительного для его оскорбленного самолюбия. Он чувствовал себя униженным в собственных глазах оттого, что Этерингтон не только не стал жертвой его хитрости, но сам глубоко проник в планы Моубрея и не довел его до полного разгрома лишь потому, что поражение не соответствовало планам самого лорда. К тому же Моубрей никак не мог отделаться от одного смутного подозрения: зачем было молодому вельможе предвирать добровольной потерей двух тысяч предложение, которое могло быть принято и само по себе, без такой жертвы? И, главное, почему он так стремился заручиться согласием брата на предполагаемый брак, ни разу не повидав девушки, с которой собирался соединиться? Как бы его ни подгоняло время, он мог подождать хотя бы до дня празднества в Шоуз-касле, на котором Клара непременно обязана была появиться. Все же, как ни странно казалось его поведение, оно было несовместимо и с какими-нибудь дурными намерениями. Ведь не станет же человек в виде предисловия к бесчестным поступкам жертвовать большой суммой денег и объявлять о своих видах на бесприданницу из хорошей семьи?

Обдумав все это, Моубрей пришел к выводу, что необычное поведение графа коренилось в опрометчивом и нетерпеливом нраве этого богатого молодого англичанина, для которого деньги не имели особого значения и который, преследуя очертя голову

прельстившую его в данную минуту цель, не привык действовать рассудительным или-заурядным образом. Моубрей лстыл себя надеждой, что если откроется что-нибудь еще, чего он не заметил сначала, тщательная осмотрительность с его стороны не преминет это сразу же обнаружить и он вовремя предупредит какие-либо опасные для сестры или для него самого последствия.

Погруженный в такие размышления, он постарался избежать назойливого мистера Миклема, который по обыкновению поджидал его, чтобы расспросить, как идут дела. Он вскочил на коня и, несмотря на поздний час, поскакал в Шоуз-касл. По дороге он все раздумывал, стоит ли сообщать сестре о сделанном предложении, чтобы подготовить ее к встрече с молодым графом в качестве жениха, пользующегося поддержкой брата. «Нет, нет! — таков был результат его раздумий. — Она может забрать себе в голову, будто граф думает не о том, чтобы сделать ее графиней, но о том, чтобы овладеть дедовским поместьем. Помолчим же до того времени, когда можно будет утверждать, что ее внешность и душевные свойства оказали влияние на его выбор. Не будем ничего говорить, пока это дурацкое празднество не пройдет благополучно».

Г л а в а XIX

ПИСЬМО

Без устали он шел со мною вместе,
Теперь передохнуть он хочет? Ладно.

«Ричард III»

Едва Моубрей покинул графские апартаменты, как тот засел за послание к одному своему другу и помощнику. Это послание мы теперь предлагаем вниманию читателя, так как оно может отлично представить взгляды и побуждения лорда Этерингтона.

Оно было адресовано Генри Джекилу, капитану N-ского полка, в гостиницу «Зеленого дракона» в Харроугейте и содержало следующее:

«Дорогой Гарри,

Вот уже десять дней, как я жду тебя здесь с таким нетерпением, с каким не ждали еще никого на свете. И теперь должен объявить, что уже считаю твое отсутствие признаком измены и нарушения присяги. Не вздумал ли ты добиваться самостоятельности, словно какой-нибудь новоявленный король, посаженный на престол Наполеоном? Ведь ты, надеюсь, не забыл, что все твое величие — дело моих рук, и едва ли ты воображаешь, что из всех завсегдатаев Сент-Джеймской кофейни я выбрал тебя своим товарищем ради твоей, а не своей пользы? Посему отложи в сторону все свои собственные дела, забудь на время богатых вдов и простаков, ждущих, чтобы ты их обчистил, и отправляйся сюда, где мне вот-вот может понадобиться твоя помощь. Да что я говорю — *«может понадобиться!»* Она мне *уже* нужна, о нерадивый друг и союзник, и притом нужна до зарезу. Знай же: за время, что я здесь, я уже участвовал в поединке, был ранен и едва не застрелил своего противника. И застрели я его, меня могли бы за это повесить, ввиду отсутствия свидетельства Гарри Джекила в мою пользу. Я приближался уже к концу своего пути, но, не желая, по некоторым причинам, просзжать через Старый городок, вышел из кареты и отправил ее с людьми большой дорогой, а сам пошел по тропинке и углубился в лес, лежащий между старым и новым поселком. Не прошел я и полумили, как услышал за собою шаги, — и чье же лицо увидел я, оглянувшись? Самое ненавистное в мире и отвратительное для меня лицо — лицо, что украшает фигуру моего надежного советчика и возлюбленного родича Сент-Фрэнсиса. Он, видимо, смешался не менее меня при этой неожиданной встрече и не сразу нашелся, но затем все-таки спросил, что я делаю в Шотландии, «противно своему обещанию», как он изволил

выразиться. В ответ я сказал, что он явился сюда в нарушение своего. В свое оправдание он сказал, будто приехал, получив сведения, что я нахожусь на пути в Сент-Ронан. Но, черт побери, откуда ему было прослышать о моей поездке, если ты не предал меня, Гарри? Ибо я знаю наверно, что о моем намерении не слыхала от меня ни одна душа на свете, кроме тебя. Затем, с наглым видом превосходства, которое основывается у него на том, что он называет «прямой души», он предложил, чтобы мы оба покинули здешние края, так как не можем принести сюда ничего, кроме беды.

Я тебе рассказывал, как трудно противиться спокойствию и уверенности, которые, черт знает откуда, берутся у него в таких случаях. Но я решил, что на этот раз ему не взять верх. Однако тут я не видел другого средства, как только впасть в неистовый гнев, а это, благодарение небу, мне всегда удается безо всякого труда. Я обвинил его в том, что, злоупотребив когда-то моей юностью, он ставит себя судьей моих поступков и прав. Свою дерзкую речь я сопровождал резкими, ироническими и презрительными выражениями и потребовал немедленно дать мне удовлетворение. Со мной были пистолеты, которые я обычно беру в дорогу (*et pour cause*),¹ а у джентльмена, к моему удивлению, оказались при себе свои. Чтобы соблюсти равные условия, я заставил его взять один из моих пистолетов. То были настоящие «кухенриттеры», заряженные двумя пулями каждый. Но я запомнил это обстоятельство. Я хотел было поспорить еще, но подумал, да и теперь думаю, что самые веские доводы, какими мы с ним можем обменяться, лучше искать на острие шпаги и в дуле пистолета. Мы выстрелили почти одновременно и, кажется, оба упали; я-то, во всяком случае, упал. Через минуту я очнулся с простреленной рукой и с царапиной на виске — это меня и оглушило. Вот и заряжай пистолет двумя пулями! Приятеля моего нигде не было видно, и мне не оставалось ничего другого, как, обливаясь

¹ И очень кстати (франц.).

по дороге кровью, словно недорезанный теленок, идти лешком к Сент-Ронанским водам. Там я рассказал жуткую историю про грабителя, которой не поверил бы никто на свеге, если бы не моя графская корона и не мои «омоченные кровью кудри».

Вскоре, когда я водворился в гостинице и уже лежал в постели, я узнал с досадой, что навлек на себя все эти неприятности по собственному нетерпению. Предоставь я только моему приятелю идти своим путем, я, весьма возможно, избавился бы от него без лишних хлопот. Он, видимо, условился на это утро о поединке с одним болваном баронетом, который, как говорят, попадает в пулю на лету, и, пожалуй, этот баронет избавил бы меня от Сент-Фрэнсиса без всякого труда и риска с моей стороны. Тем временем неприбытие к месту дуэли ввергло мастера Фрэнсиса Тиррела, как он предпочитает именоваться, в чрезвычайную немилость у здешнего хорошего общества. Его заклеямили трусом и объявили, что он недостойн называться джентльменом. Что думать обо всем этом деле — я и сам не понимаю. И мне очень нужна твоя помощь, так как я хочу разузнать, что же могло стать с этим человеком, который, словно зловещий призрак, столько раз расстраивал и опрокидывал самые хитрые мои расчеты. Из-за своего нездоровья я не выхожу и осужден на бездействие; впрочем, рана моя быстро заживает. Едва ли он умер: будь он ранен смертельно, мы так или иначе услышали бы о нем — не мог же он исчезнуть, как исчезают с лица земли пузыри, порожденные природой. Здоров и благополучен он тоже не может быть: я видел ясно, что он закачался и стрелял, уже падая. К тому же я его знаю; могу поклясться, что, не будь он тяжело ранен, он сперва долго навязывался бы мне со своей дурацкой помощью, а потом, как всегда сохраняя хладнокровие, отправился бы улаживать счеты с сэром Бинго Бинксом. Не беспокойтесь, Сент-Фрэнсис не из тех, кто оставляет такие дела недоделанными! Надо отдать ему справедливость, вдобавок к своему самообладанию и дерзости, он чертовски храбр. Значит, если он тяжело ранен, он и сейчас где-нибудь

неподалеку и, может быть, скрывается умышленно. Я это должен разведать, и мне нужна твоя помощь, чтобы порасспросить местных жителей. Поспешив же сюда, Гарри, если ты в будущем рассчитываешь на что-либо с моей стороны.

Хороший игрок, Гарри, всегда постарается употребить с выгодой даже плохие карты. Я тоже решил использовать свою болезнь, и моя рана помогла мне добиться, чтобы Monsieur le Frère¹ стал на мою сторону.

Ты сам понимаешь, насколько для меня важно было уяснить себе характер этого нового актера, вступающего в запутанную драму моих приключений. Сообщаю тебе, что это совершенное чудовище по нелепости — шотландский щеголь — можешь судить до чего он непохож на наших модных щеголей! Каждая черта национального характера восстает в них, когда кто-нибудь из этого злосчастного племени берется играть роль, которая их собратьям с Острова святых удастся так легко. Они сообразительны, это правда, но до такой степени лишены всякой непринужденности, такта, гибкости и ловкости в обхождении, что при любой попытке казаться веселыми и беззаботными всегда испытывают настоящую муку. На одном повороте гордость помешает, на другом — бедность, на третьем — педантизм, на четвертом — mauvaise honte,² столько препятствий сбивает их с дороги, что им никак не доскакать до финиша и не выиграть кубка.

Нет, Гарри, в доброй старой Англии только люди степенные могут опасаться каледонского нашествия — в модном свете шотландцы побед не одержат. Они прекрасные банкиры, так как вечно погружены в размышления, сколько процентов можно присоединить к основному капиталу. Они — отличные солдаты; хоть и не такие герои, какими хотели бы считаться, но, по моему, в храбрости не уступят своим соседям и гораздо легче поддаются дисциплине. Они прирожденные адвокаты, у них каждый помещик проходит ад-

¹ Братец (франц.).

² Ложное самолюбие (франц.).

вокатскую науку, а терпение и хитрость, свойственные их нраву, позволяют им и в прочих отраслях преодолевать трудности, которые не по плечу другим нациям, или использовать преимущества, которых иные не заметят у себя под самым носом. Но житель Каледонии не создан, конечно, для светской жизни, и его попытки быть изящным, непосредственным и веселым напоминают лишь неуклюжие прыжки и скачки осла из басни. Однако у шотландца тоже есть одна сфера (но только у себя на родине), где принятая на себя роль ему удастся. Так и Моубрей — этот мой шурин — будет уместен в заседании Северного собрания или на скачках в Лите. Он может поговорить пять минут о спорте, а следующие полчаса — о местных политических делах или о сельском хозяйстве. Но едва ли надо уверять тебя, Гарри, что все это будет выглядеть неважно на лучшей, южной стороне Твида.

Несмотря на все сказанное мною, выловить эту форель оказалось нелегко. Да мне бы и не сладить с ним, если бы с самонадеянностью северянина он не уверился, что я могу стать легкой добычей: такую мысль через Вулверайна ухитрился ему внушить ты — благословенна будь твоя хитрость и премудрость!

Он пустился в это многообещающее предприятие и, как ты и сам мог бы предсказать заранее, встретил противника себе не по зубам. Я, разумеется, воспользовался своей победой лишь ради того, чтобы заручиться его поддержкой для достижения моей главной цели. Однако я видел, что во время наших переговоров гордость моего джентльмена была сильно задета и никакие преимущества, которые такой брак сулит его проклятому семейству, не могли полностью вытравить досаду от понесенного поражения. Он все-таки проглотил свою обиду, и мы с ним — по крайней мере сейчас — добрые друзья и союзники, хотя и не настолько близкие, чтобы я решился доверить ему всю свою странную и запутанную историю. О завещании пришлось сообщить, так как это обстоятельство служит достаточной причиной, чтобы спешить со сватовством, и такое частичное раскрытие

тайны на время избавляет меня от необходимости быть с ним откровенным до конца.

Как видишь, я еще ни в чем не уверен. Кроме возможности появления моего кузена — а это вероятно, разве что он ранен тяжелее, чем я смею надеяться, — мне, пожалуй, надо опасаться еще вздорной неприязни самой Клары или каких-нибудь выходок со стороны ее мрачного брата. Одним словом — и пусть это будет магическое слово, которым колдуны вызывают на помощь дьявола, — Гарри Джекил, ты мне *нужен*.

Хорошо зная твою природу, могу тебя уверить, мой друг, что приезд сюда для выполнения служебных обязанностей может споспешествовать не только моей, но и твоей собственной выгоде. Здесь есть один болван — я уже упоминал о нем, — по имени сэр Бинго Бинкс, из которого можно вытянуть кое-что, стоящее если не *моего*, то, во всяком случае, *твоего* труда. Баронет — настоящая ворона, и когда я появился здесь, он проходил обучение у Моубрея. Но по неумелости шотландец выдрал с десятков перьев у него из крыла, не соблюдая никаких правил осторожности, и баронет испугался и оробел. Теперь он будет против Моубрея, которого и боится и ненавидит сразу. Умелой руке вроде твоей стоит только погладить его разок-другой — и птица твоя со всеми перьями и потрохами. Кроме того,

.. ручаюсь головой,
Владеет Бинго чудною женой!

Очаровательная женщина, Гарри, в меру полная и выше среднего роста, как раз в твоем вкусе и красива, как Юнона. Она с такой брезгливостью поглядывает на своего мужа, которого презирает и ненавидит, и так ясно дает понять, что могла бы поглядывать совсем иначе на кого-нибудь, кто нравился бы ей больше мужа, что, право, грешно не предоставить ей такой случай. Если ты хочешь испробовать счастье около мужа или около жены, я не буду ни препятствовать, ни вмешиваться. Но для этого тебе, ра-

зумеется, надо явиться по этому моему вызову, не то мои обстоятельства могут так обернуться, что дела и мужа и жены окажутся в пределах моей собственной компетенции. Итак, Гарри, если хочешь воспользоваться всеми этими намеками, тебе лучше поторопливаться: это нужно и ради твоей выгоды и ради того, чтобы помочь мне соблюсти мою.

Твой, Гарри, — в зависимости от твоего поведения —

Этерингтон.

Закончив это красноречивое и поучительное послание, молодой граф потребовал к себе своего лакея Солмза и поручил ему немедленно и притом собственноручно снести письмо в почтовую контору.

Глава XX

ЖИВЫЕ КАРТИНЫ

Пьеса — это именно то, что нужно!

«Гамлет»

Наконец настал знаменательный день, о котором так много думало и говорило благородное общество Сент-Ронанских вод. Чтобы сделать его более интересным и значительным, леди Пенелопа Пенфезер уже давно подала мистеру Моубрею мысль, что гости, обладающие талантом и светскостью, могли бы предложить остальным членам общества занятное развлечение, представив несколько сцен из какой-нибудь популярной пьесы: сама она ни одной минуты не сомневалась, что тут-то ей и предстоит особенно ярко блеснуть. Мистер Моубрей, на этот случай, видимо, передавший все бразды в ручки ее милости, отнюдь не возражал против ее предложения, он только заметил, что уже не остается времени приготовить для спектакля старый холл Шоуз-касла, и потому сценой и декорациями неизбежно должны будут служить

расположенные на старинный лад живые изгороди и аллеи сада. Но когда план этот стал обсуждаться с другими членами общества, он провалился по обычной в подобных случаях причине, а именно потому, что трудно было найти исполнителей для второстепенных персонажей. На первые роли кандидатов было более чем достаточно, но это оказались большей частью люди слишком важные, чтобы потешать других, разве что им дана была возможность выступить в самой главной роли. Среди же немногих представителей лишенной честолюбия мелкоты, которых можно было так уговорить и улестить, чтобы они согласились сыграть второстепенных персонажей, было столько людей со слабой памятью, короткой памятью, предательской памятью, что в конце концов от этого плана пришлось с отчаяния отказаться.

Тогда леди Пенелопа предложила другое. Речь шла о том, что итальянцы называют комедией масок, то есть не о настоящей драме, в которой актеры исполняют текст, написанный определенным автором, а такой, где заранее намечена интрига и разработаны наиболее важные сцены, а диалог актеры должны симпровизировать в зависимости, как говорит Петруччо, от того, сколько им природой отпущено ума. Развлечение это очень любят в Италии, особенно в Венеции, где в подобных пьесах с давних пор фигурируют одни и те же персонажи, ставшие уже традиционными: этот род представлений, в котором больше от игры масок, чем от настоящего театра, именуется *commedia dell'arte*. Но именно вследствие того, что здесь требуется все время проявлять импровизированное остроумие или же способность к заменяющей его живой болтовне, он для застенчивого характера британцев еще более чужд, чем настоящее драматическое представление, где вся ответственность за диалог и чувства персонажей лежит на авторе, а исполнителям остается только подобающим образом выразить все это через игру.

Но в леди Пенелопе недаром жил дух пламенный, деятельный и жаждущий новизны: дважды потерпев неудачу, она выработала третий проект, имевший

больше успеха. Предложение ее состояло на этот раз в следующем: некоторая — и немалая — часть гостей, одетых в костюмы хорошо известных исторических личностей или сценических персонажей, должна была составить группу, представлявшую некое историческое событие или сцену из пьесы. В подобном представлении, которое можно назвать живой картиной, не нужно было даже играть пантомимически: от исполнителей требовалось лишь одно — составить группу, олицетворяющую один из ярких и важных моментов какой-нибудь хорошо известной сцены, действующие лица которой как бы застыли в паузе без слов и без движения. В подобного рода представлениях не подвергаются испытанию ни изобретательность, ни память участников. К тому же — и в глазах благородного общества это являлось добавочным преимуществом — здесь не было резкого различия между героем и героиней группы и менее важными персонажами, окружавшими его или ее на сцене. Каждый, кто не сомневался в своей внешней привлекательности или в преимуществах своего костюма, мог рассчитывать на значительную долю внимания и одобрения со стороны публики, даже если он стоял не на первом и самом видном месте, как главные персонажи. Поэтому, когда предложено было, чтобы собравшееся общество или те из гостей, что пожелают одеться подходящим образом, образовало одну или несколько групп, которые можно будет по желанию разнообразить и видоизменять, предложение это было принято с восторгом, как блестящая идея, сулившая каждому участнику существенную долю возможного успеха.

Моубрей, со своей стороны, обещал так приспособить место действия, чтобы актеры немного представления оказались отделены от зрителей и могли разнообразить живые картины, удаляясь со сцены, а затем появляясь на ней снова в иных, еще не изображавшихся сочетаниях. Подобного рода постановка, где красивые одежды и выразительные позы заменяют искусство или талант, оказалась весьма по вкусу большинству присутствующих дам. И даже леди

Бинкс, смягчить вечное недовольство которой редко кому удавалось, согласилась на это предложение — с полнейшим, конечно, равнодушием, но все же не-скольکو менее угрюмо, чем обычно.

Теперь оставалось только порыться в местной библиотеке и найти какую-нибудь пьесу, достаточно знаменитую, чтобы привлечь к себе внимание, и в то же время подходящую для намеченной цели. Во время этих розысков просмотрены были «Британский театр» Белла, «Современная и старинная драма» Миллера и еще около двадцати случайно попавших под руку томов, где самые разнообразные трагедии и комедии соседствовали друг с другом без малейшего намека на какой-либо отбор или план, словно пассажиры в почтовой карете. Но леди Пенелопа безапелляционно и решительно высказалась за Шекспира, как автора, чьи бессмертные творения неизменно живы в памяти у всех. Поэтому был избран Шекспир, а из его произведений — «Сон в летнюю ночь», пьеса, которая изобиловала разнообразными персонажами и множеством сцен, подходящих для предполагавшейся постановки. Тут большинство членов общества принялись соревноваться друг с другом в розысках невозможно большего количества экземпляров отдельных изданий «Сна в летнюю ночь» или того тома собрания сочинений Шекспира, куда эта пьеса входит, какое только можно было раздобыть в округе: несмотря на заявление леди Пенелопы, что всякий грамотный человек знает Шекспира наизусть, выяснилось, что те из его произведений, которые редко идут на сцене, мало кому известны в Сент-Ронане, если не считать лиц, пышно именуемых «любителями чтения».

Как только предполагавшиеся участники постановки освежили в своей памяти содержание пьесы, первым делом приступили к распределению ролей. Роль Тезея единогласно поручили Моубрею, как хозяину, которому, естественно, и подобало изображать герцога Афинского. Костюм амазонки — пернатый шлем, короткое платье и узкие котурны небесно-голубого шелка с бриллиантовыми пряжками — прими-

рил леди Бинкс с ролью Ипполиты. Мисс Моубрей оказалась выше ростом, чем леди Пенелопа, и потому ей по необходимости выпала роль Елены, а леди пришлось удовлетвориться ролью строптивой Гермии. Решено было сделать приятное юному графу Этерингтону, предложив ему изображать Лизандра, однако его милость отклонил это предложение и, предпочитая комическое трагическому, согласился выступить лишь в роли великодушного Основы. Тут он столь замечательно проявил свою способность к юмору, что все пришли в восхищение как от его согласия исполнить роль актера, изображающего Пирама, так и от исполнения им этой роли.

Изображать Эгея единодушно поручили капитану Мак-Терку, и его упорный отказ выступить иначе, как в полном костюме шотландского горца, едва не расстроил все предприятие. Под конец это препятствие было устранено ссылкой на авторитет Чайлд-Гарольда, отметившего сходство между одеянием греков и шотландских горцев,¹ и все общество, пренебрегши различием в окраске, решило, что пестрая юбка из шерсти цвета клана Мак-Терка вполне сойдет за юбку греческого горца, что Эгей может быть арнаутом, а капитан — Эгеем. Четтерли и художник, скитальцы по профессии, согласились скитаться по сцене в ролях влюбленных афинян, Деметрия и Лизандра. А мистера Уинтерблоссом, который по лености своей строптиво и упорно отказывался от участия в представлении, леди Пенелопа в конце концов подкупила античной или якобы античной камеей и уговорила сыграть роль Филострата, распорядителя увеселений при дворе Тезея, разумеется, если подагра почтенного джентльмена позволит ему достаточно

¹ «Арнауцы, или албанцы, — говорит лорд Байрон, — поразили меня своим сходством с шотландскими горцами в одежде, облике и образе жизни. Даже горы их подобны каледонским, только климат в них более мягкий. Юбка, хотя и белого цвета, художавость, подвижность, диалект, звучащий на манер кельтского, и отвага жителей — все как бы переносило меня назад, в Морвен». — Примечание ко второй главе «Паломничества Чайлд-Гарольда». (*Прим автора.*)

долго оставаться на лужайке — их сценических подмостках.

Кисейные усыпанные блестками шаровары, огромный тюрбан из серебристого газа и крылышки из него же, вкупе с вышитыми туфельками, сразу превратили мисс Диггз в Оберона, короля эльфов, хотя царственной важности его не слишком соответствовала беззаботная веселость этого подростка и неудержимый восторг, с которым девушка облачилась в свои прелестные одежды. Младшая сестра ее изображала Титанию, а два-три подчиненных им эльфа избраны были в семьях, обслуживавших целебный источник: убедить родителей оказалось нетрудно, и они позволили своим еще совсем юным детям покрасоваться в изящных костюмах, хотя и покачивали головами как при виде мисс Диггз в одних панталонах, так и в не меньшей степени при взгляде на весьма откровенно выставленную всем напоказ правую ногу леди Бинкс, чем сент-ронанская публика обязана была ее костюму древней амазонки.

Доктору Квеклебену поручили изображать Стену с помощью деревянной кобылы или ширмы, на которых развешивается для просушки белье. Старик стряпчий пригодился для роли Льва. Прочие персонажи драмы, сочиненной Основой, легко нашлись среди безымянных посетителей источника. Теперь, когда отыскалась подходящая пьеса, все весело приступили к репетициям в костюмах и прочим приготовлениям.

Однако даже красноречие доктора не смогло заставить миссис Блоуэр принять участие в этом предприятии, хотя всем очень хотелось, чтобы она выступила в роли Тисбы.

— Правду сказать, — ответила она ему, — не очень-то я люблю все эти представления. Джон Блоуэр, славный мой муженек, — моряки ведь всегда ищут, где бы повеселиться, — повел меня как-то раз поглядеть какую-то миссис Сиддонс; так пока мы вошли, я думала, нас до смерти задавят; платье, что на мне было, перевернулось сзади наперед, не говоря уже о том, что влегело это нам в четыре новешень-

ких шиллинга; а потом появились три страшные старухи с метлами — такие и жену моряка околдуют. Я там достаточно долго сидела, ну и решила убираться подобру-поздорову, и Джон Блоуэр вывел меня оттуда, но пришлось-таки ему поработать локтями. Миледи Пенелопа Пенфитер и другие важные господа пусть думают что хотят, а по мне, доктор Кваклебен, выставяться не в том виде, в каком творец нас создал, — самое настоящее кощунство. Да и менять имя, которое нам дали при крещении, по мне, не лучше самого богопротивного язычества. И хотя Тисби — я думаю, это Тибби, только по-гречески, — может, и хорошее имя, но окрестили меня Маргарет, так я Маргарет и останусь до самой смерти!

— У вас, дорогая миссис Блоуэр, совершенно ошибочный взгляд на эти вещи, — сказал доктор. — Ничего серьезного не будет, это всего-навсего некое плацебо — небольшое развлечение с целью повысить настроение публики и тем самым помочь целебному действию вод: веселость — великая возбудительница здоровья.

— Вы уж мне о здоровье не говорите, доктор Киттлпин! Разве бедный Мак-Дарк станет здоровее от того, что будет на манер вывески табачника в морозное утро красоваться в шотландской юбке со своими коленками, несчастными, худосочными, посиневшими, словно васильки? Должна вам сказать, жалкое это зрелище. Или, может быть, кому-нибудь полезно и приятно будет видеть вас самих, доктор, как это вы разгуливаете с деревянной ширмой на спине, окленной бумагой и раскрашенной под оштукатуренную каменную стену? Не стану я и смотреть на весь этот суетный вздор, доктор Киттлкин, и, если не найдется ни одного порядочного человека, чтобы со мной побыть — я ведь не намерена целый вечер сидеть одна, — так я пойду к мистеру Саурбраусту, солодовнику. Он человек приятный и любезный, к тому же весьма положительный, а сестрица его — женщина вполне достойная.

«Будь он проклят, этот Саурбрауст! — подумал доктор. — Знай я, что он станет мне поперек дороги,

он бы не так скоро вылечился от своей диспепсии». Дорогая миссис Блоуэр, — продолжал он, но уже вслух, — я сам готов признать эту затею нелепой, но все без исключения элегантные и светские люди, что приехали на воды, решили присутствовать на представлении. Вот уж месяц, как вся округа только о нем и говорит, и еще с год будет говорить. Советую вам, дорогая моя миссис Блоуэр, подумайте, как плохо это будет выглядеть, если вы не появитесь. Ведь тогда никто не поверит, что вам был послан приглашительный билет, никто, даже если вы повесите его себе на шею, как ярлычок на аптечную склянку, миссис Блоуэр.

— Если вы это имели в виду, доктор Кикхербен, — сказала вдова, встревоженная тем, что она может оказаться вне хорошего общества, — так я пойду на представление, как и все. А если дело это постыдное и греховное, то пусть весь стыд падет на голову тех, кто его затеял. Но только я уж ни за что не надену никаких папистских личин — я ведь и девушкой и замужней женщиной прожила в Норт Лите, не знаю уж сколько лет, а характер у меня такой, что я ни святому, ни грешнику не уступлю. Ну, а кто обо мне позаботится, раз вы собираетесь изображать оштукатуренную стену, доктор Кикинбен?

— Дорогая моя миссис Блоуэр, если таково ваше твердое решение, я не стану разыгрывать роль стены. Ее милость должна будет принять во внимание мою профессию; она, наверно, поймет, что первое дело для меня и гораздо более важное, чем все спектакли в мире, — оберегать своих пациентов, а если речь идет о том, чтобы позаботиться о такой больной, как вы, миссис Блоуэр, то мой долг пожертвовать всей драматургией, от Шекспира до О'Кифи.

Сердце вдовы ликовало, когда она выслушала столь великодушное решение. Ведь и правда, не откажись доктор от намерения, которому она выразила столь крайнее неодобрение, она усмотрела бы в его упорстве самое меньшее признак полного нарушения верности. Поэтому по взаимному между ними уговору решено было, что доктор доставит свою

милую вдову в Шоуз-касл без маски и плаща и что размалеванная ширма вместо спины доктора Квеклебена будет водружена на широкие плечи некоего захудалого адвоката, вполне подходящего для роли Стены, ибо череп его по твердости мог поспорить с известкой и камнем самого добросовестного строителя.

Нам незачем распространяться о том, как много физических и духовных сил затрачено было всем обществом в промежутке между разработкой столь замечательного плана и приведением его в исполнение. Не станем мы и пытаться рассказывать, как богачи в поисках восточных украшений засыпали письмами эдинбургский «Модный пассаж» и посылали туда комиссионеров; как те, кому бриллианты были не по карману, заменяли их стекляшками или бристоольскими подделками; как местных лавочников выводили из себя требования на товары, о которых они до того и понятия не имели; и, наконец, как трудолюбивые пальчики наиболее бережливых девиц и дам скручивали тюрбаны из носовых платков, превращали нижние юбки в шальвары, пороли и шили, кроили и резали и портили множество вполне приличных платьев и юбок, стараясь изготовить нечто напоминающее древнегреческие одеяния. Кто опишет чудеса, которые неутомимые иголки и ножницы с помощью наперстков и ниток создавали из серебристого газа и узорчатой кисеи? И кто достойным образом покажет, как нимфы источника, которым, может быть, и не вполне удалось уподобиться греческим язычницам, достигли, во всяком случае, того, что утратили даже малейшее сходство с добропорядочными христианками?

Нет также необходимости перечислять все различные средства передвижения, к коим прибегнул бомонд, чтобы перебраться с источника на зрелище в Шоуз-касл. Они были так же разнообразны, как возможности и притязания их владельцев — от господских выездов с форейторами до скромных наемных экипажей с оплатой по таксе, — впрочем, нет, именно не по таксе, — в которых прибывали особы более низ-

кого ранга. Ради этих последних две почтовые кареты гостиницы превратились, можно сказать, в регулярно курсирующие дилижансы — так часто совершали они рейсы между гостиницей и замком. Это был удачный день для фореяторов, но чистое мучение для несчастных почтовых лошадей: редко бывает, чтобы в каком-нибудь обществе все составляющие его группы либо только благоденствовали, либо только страдали от одних и тех же причин.

И действительно, нехватка средств передвижения была так велика, что пришлось обратиться к самой Мег Додз с униженной просьбой предоставить ее старое уиски для *курсирования* (фраза была сформулирована именно так) по Сент-Ронанскому курорту на один лишь этот день и за весьма приличную мзду. Но ради низкой корысти неукротимая Мег, разумеется, не стала мириться со своими соседями из ненавистной курортной гостиницы.

— Моя коляска, — заявила она, — обслуживает только моего постояльца и пастора, и даже самому черту я не дам ею пользоваться. Пусть каждый заботится сам о себе.

В соответствии с этим данное средство передвижения и выехало в назначенный час, скрипя своим старым кожаным верхом, а в нем, заботливо скрытый шторками от взоров деревенской мелкоты, сидел набоб Тачвуд в костюме индийского купца или, как они именуются, «шрофа». Священнослужитель, может быть, и не проявил бы такой же пунктуальности, если бы к нему непрерывно не поступали письма и записки от его клейкемского приятеля, многочисленные, как куски газет, украшающие хвост змея, которого запускает школьник; они с раннего утра до самого вечера вынуждали его быть начеку, так что мистер Тачвуд нашел его вполне одетым, а уиски прождало у дверей только десять минут, употребленных мистром Каргилом на поиски очков, каковые наконец были благополучно обнаружены у него же на носу.

В конце концов мистер Каргил, вместе со своим новым другом, здоров и невредим прибыл в Шоуз-

касл. Ворота этого дома с визгом обступила толпа ребятишек, которые при виде странных фигур, вылезавших из каждого экипажа, выражали столь необузданный восторг, что даже пасмурное чело и всем хорошо известный голос приходского сторожа Джонни Терлснека оказались бессильны совладать с ними, хотя Джонни находился во дворе с этой именно целью. Однако два грума или конюха, вооруженные кнутами, все же оттеснили со двора эту шумную ораву, которой, по всеобщему мнению, несколько покровительствовала Клара Моубрей; и детям осталось лишь приветствовать визгом и восторженными кликами пестро разодетых гостей, по мере того как те проходили по дорожке от ворот к крыльцу.

Клейкемского набоба и пастора встретили возгласы не менее громкие. Первый заслужил их непринужденностью, с какой он носил белый тюрбан; второй — тем, что вообще редко появлялся на людях; оба же вместе — необычайностью зрелища, которое представлял собою почтенный священнослужитель в одежде более старомодного покроя, чем теперь можно увидеть даже на вселенском соборе шотландской церкви, выступавший рука об руку и, видимо, состоявший в наилучших отношениях с парсом купеческого звания. Оба они на миг задержались у ворот внутреннего двора, любуясь фасадом старинного дома, чья величавость потревожена была столь непривычно веселым событием.

Шоуз-касл, хоть и назывался замком, отнюдь не походил на укрепление, и сохранившееся до наших дней здание истари предназначалось лишь для того, чтобы в нем с удобством проживала мирная семья. У него был низкий, тяжелый фасад, перегруженный украшениями того напыщенного стиля, который не столько сочетал в себе, сколько смешивал античность и готику и был весьма распространен в царствование Иакова VI Шотландского и его злосчастного сына. Двор представлял собою небольшой квадрат, две стороны которого заняты были строениями, предназначавшимися для владельца и его семьи, а третья — конюшнями, единственной частью замка, которой уде-

лялось достаточно внимания, ибо нынешний мистер Моубрей привел их в отличный порядок. С четвертой стороны квадрат замыкала защитная стена, в которой пробиты были главные ворота. Все вместе представляло собою одно из тех сооружений, которые еще можно обнаружить в некоторых старых шотландских поместьях, где безудержное стремление сделать их парковыми (одно время употребляли именно такое выражение) не заставило владельцев снести благородные защитные пристройки, которыми их более мудрые отцы прикрывали свои дома, и подставить жилью резкому северо-западному ветру, уподобляясь пятидесятилетней старой деве, готовой дрожать от холода, лишь бы она могла услаждать общество выставленными напоказ костлявыми красными локтями и морщинистой шеей и грудью.

Через двустворчатую, гостеприимно распахнутую по случаю праздника дверь все общество вступило в темный и низкий холл, где стоял сам Моубрей в костюме Тезея, но без герцогской шапочки и мантии, с должной любезностью встречая гостей и указывая, куда каждому из них следует идти. Тех, кому предстояло принять участие в утреннем представлении, провели в одну из старых гостиных, превращенную в артистическое фойе и соприкасавшуюся с рядом комнат в правом крыле дома, приспособленных на скорую руку под актерские уборные, где артисты могли привести в порядок или закончить свой туалет. Все прочие, кто не участвовал в затеваемом спектакле, направлены были налево, в большую, ничем не обставленную столовую, которой уже давно не пользовались, откуда решетчатая стеклянная дверь вела в сад с дорожками, обсаженными тисом и остролистом; садовник, старый и седовласый, подрезал и подстригал эти кусты по правилам, которые некий голландец почел достойными прославления и воспел в дидактической поэме об *Ars topiaria*.¹

Небольшая дикая рощица, окружавшая прелестную, совершенно гладкую зеленую лужайку и, в свою

¹ Искусстве садовода (лат.).

очередь, окаймленная высокой живой изгородью, вроде описанной выше, сочтена была самым подходящим местом для живых картин. Она была удобна во многих отношениях: прямо против лужайки возвышался небольшой холмик, на котором устроили сиденья для зрителей, получавших тем самым полную возможность обозревать весь этот театр под открытым небом, так как мелкую поросль и кустарник вырубili и на месте их водрузили временные ширмы, которые раздвигались приставленными для этого слугами и, таким образом, заменяли поднимающийся занавес. Крытые шпалеры, проходившие через другую часть сада и примыкавшие к двери в правом крыле замка, казалось, были прямо-таки предназначены для предполагавшегося зрелища, ибо давали участникам представления удобный и незаметный для зрителей доступ на сцену. Столь подходящие со всех точек зрения условия побудили действующих лиц — во всяком случае, тех, кто согласился с такой постановкой дела, — расширить до некоторой степени свой первоначальный план: вместо одной картины, как предполагалось сначала, оказалось возможным показать избранному обществу три или четыре, взятые из разных частей пьесы, что делало спектакль и более длительным и более разнообразным, не говоря уже о таком преимуществе, как чередование эпизодов трагических и комических.

Сперва гости бродили по саду, что мало кому было интересно, и пытались угадать, кто именно, заразившись праздничным настроением, переоделся странствующим певцом, коробейником, пастухом, горцем и так далее, а затем потянулись к месту, куда привлекали их приготовленные для зрителей скамьи и ширма, скрывавшая естественную театральную сцену в рощице, и где все подогревало любопытство, особенно же водруженный над лужайкой транспарант с надписью, взятой из пьесы: «Вот эта зеленая лужайка будет нашей сценой, эти кусты боярышника — уборной, и мы можем представлять все в точности».¹

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник,

Прошло минут десять, и по рядам зрителей уже пробежал приглушенный ропот нетерпения, как вдруг из ближайшей живой изгороди раздался первый звук скрипки Гоу — там расположился его маленький оркестр. Когда он с пылом истинного горца заиграл стратспей, все тотчас же смолкло. Когда же бурный темп танца сменился адажио и полились замирающие жалобные звуки «Розлин-касл», эхо восторженных рукоплесканий, которыми шотландцы всегда встречали и награждали талантливому певца их страны, вывело старые стены замка из сонного оцепенения.

— Вот поистине достойный сын своего отца, — сказал Тачвуд священнику, так как они оба поместились рядом, почти в самом центре мест, отведенных для зрителей. — Немало лет прошло с тех пор, как я в последний раз слышал старину Нийла, в Инвере и, правду сказать, до поздней ночи с ним засиделся за оладьями и этелским пивом. Никогда я не думал, что еще при жизни его услышу другого такого же исполнителя. Но тсс! Занавес поднимается.

Действительно, ширма была отодвинута, и глазам зрителей предстали Гермия, Елена и их возлюбленные в позах, соответствующих сцене всеобщей путаницы, вызванной ошибкой Пэка.

Мистер Четтерли и художник исполняли свои роли не лучше и не хуже, чем это вообще делают любители; они испытывали довольно сильное смущение из-за экзотических одеяний, в которых красовались на глазах у всего общества, — и это все, что о них можно было сказать.

Что до леди Пенелопы, то от подобной неуместной слабости она была защищена несокрушимой броней самомнения. Она жеманничала, передвигалась мелкими шажками и, несмотря на невзрачность всей своей особы и на ущерб, который время нанесло ее лицу, и без того никогда не отличавшемуся красотой, видимо, изо всех сил стремилась как можно ярче изобразить прекрасную дочь Эгея. Некоторая мрачность, свойственная характеру Гермии, еще увеличилась, когда леди Пенелопа обнаружила, что мисс Моубрей одета лучше, чем она: открытие это было сделано лишь не-

давно, ибо Клара только один раз участвовала в репетициях, да и то не в сценическом костюме. Однако ее милость не допустила, чтобы там, где она рассчитывала на триумф, тягостное чувство собственного несовершенства возобладало над ее стремлением блеснуть своей игрой и заставило ее существенно изменить заранее выработанную манеру исполнения. Характер представления не давал актерам много лицедействовать, но леди Пенелопа заменила движение такой серией ужимок, которая — по крайней мере разнообразием — могла поспорить с необычайной манерой самого Гаррика: он недаром говаривал, что «колесит» по сцене. Неказистые свои черты она искажала то гримасой безумной любви, обращая лицо к Лизандру, то с выражением изумления и оскорбленного достоинства поворачивала его к Деметрию; под конец она устремила взор на Елену, и черты ее постарались как можно лучше изобразить ярость соперницы, которая уже не в состоянии облегчить наболевшее сердце одними слезами и вот-вот прибегнет к помощи ногтей.

Невозможно было представить себе большего несходства в выражении лица, фигуре, поведении, чем между Гермией и Еленой. Последнюю изображала мисс Моубрей, такая прекрасная в своем чужеземном наряде, что все взоры были прикованы к ней. Она стояла на сцене, как часовой на том месте, где ему велели быть. Она еще раньше заявила брату, что хотя, уступая его докучным настояниям, ей и пришлось согласиться на участие в представлении, она будет лишь частью картины, но не действующим лицом. И действительно, вряд ли изображение на картине могло быть неподвижнее, чем она. Лицо мисс Моубрей выражало, по-видимому, глубокую печаль или озабоченность, что вполне соответствовало ее роли, и временами по нему пробегала легкая тень иронии или насмешки, словно она втайне презирала все это представление и даже самое себя за свое согласие принять в нем участие. Однако прежде всего она робела, и чувство это окрасило ей щеки румянцем, хотя и легким, но все же слишком ярким для ее обычной бледности. И когда зрители увидели во всем

изяществе и роскоши пышного восточного одеяния ту, кого они привыкли видеть одетой весьма скромно, неожиданность этого контраста еще усилила для них ее очарование, так что взрыв рукоплесканий, наградивший участников представления, относился, можно сказать, к ней одной и мог по своей непосредственной искренности поспорить с тем, которого добивается от публики самый совершенный исполнитель.

— Ох, бедняжка леди Пенелопа! — вздохнула достойная миссис Блоуэр, которая, преодолев свои сомнения насчет допустимости подобного спектакля, теперь смотрела его с живейшим интересом. — И жалко же мне ее бедного личика: оно у нее работает, как паруса на кораблике Джона Блоуэра в свежий ветер; ох, доктор Каклехин, как вы думаете, а ведь хорошо было бы, будь это только возможно, пройтись по нему горячим утюжком, чтобы хоть немножко разгладить морщины?

— Тсс, тсс, милая моя миссис Блоуэр! — сказал доктор. — Леди Пенелопа — дама знатная и моя пациентка, такие люди всегда замечательно играют, и вы должны понимать, что на любительских спектаклях свистеть не принято, гм!

— Можете говорить что хотите, доктор, но нет ничего глупее старой дуры. Другое дело, если бы она была так же молода и хороша, как мисс Моубрей, — я и понятия не имела, что это такая красавица: все ведь от платья, вся разница. Какая на ней шаль! Смело можно сказать, что во всей Шотландии такой не сыщешь. Настоящая индийская, ручаюсь.

— Настоящая индийская! — произнес мистер Тачвуд презрительным тоном, несколько смутившим миссис Блоуэр. — А как они, по-вашему, выглядят?

— Да, право, не знаю, сэр, — ответила она, двигаясь поближе к доктору, так как, по сделанному ею впоследствии признанию, ей не понравились иноземный облик и резкий тон путешественника. Затем, оправив на плечах свой собственный покров и собравшись с мужеством, вдова добавила: — В Пейзли выделяют превосходные шали, их и не отличишь от заграничных.

— Не отличишь пейзажных шалей от индийских? — переспросил Тачвуд. — Да ведь разницу и слепой распознает, едва дотронется до них кончиками пальцев. Но эта шаль действительно самая лучшая, какую я видел в Британии, и, глядя отсюда, можно подумать, что это и впрямь настоящая този.

— Да, в ней должно быть очень приятно, в этой козе, — сказала миссис Блоуэр. — Теперь я ее хорошо разглядела и должна сказать, что это просто красота.

— Они называются «този», а не «кози», сударыня, — продолжал путешественник, — хотя шрофы в Сурате в тысяча восемьсот первом году и говорили мне, что их выделывают из козьего пуха.

— Вы, наверно, хотели сказать — овечьего, сэр? Козья шерсть слишком груба для пряжи.

— Верно, сударыня, для пряжи она не очень-то годится, но надо иметь в виду, что они употребляют только подшерсток. А какие у них краски! Эта този сохранит свой цвет, даже когда от нее останется один лоскуток, — люди там передают такие шали по наследству своим внукам.

— Да, цвет и впрямь красивый, — заметила дама, — вроде как шерсть на спине у мыши, только с красноватым оттенком. Интересно, как он у них называется.

— Цвет этот там очень любят, сударыня, — сказал Тачвуд, оседлав своего любимого конька. — Мусульмане говорят, что он представляет нечто среднее между цветом шкуры слона и груди фаугхта.

— По правде сказать, я и сейчас не очень-то пойму, что это за цвет.

— Фаугхта, сударыня, — слово, которым мавры (ибо у индусов он будет «холлах») обозначают одну породу голубя, священного у индийских мусульман, так как они считают, что грудка его окрасилась кровью Али. Но смотрите, сцена кончается. Мистер Каргил, вы сочиняете проповедь, друг мой? О чем это вы задумались?

В продолжение всей этой сцены мистер Каргил, не отрываясь, созерцал Клару Моубрей напряженным

и тревожным взором, хотя, казалось, сам не сознавал этого. И когда голос приятеля вывел его из задумчивости, он воскликнул:

— Прелестная, несчастная!.. Да, я должен пови-
даться с ней и повидаюсь!

— Повидаться с ней? — переспросил Тачвуд, слишком привыкший к странностям своего друга, чтобы доискиваться, почему или зачем он говорит и делает то-то и то-то. — Ну конечно, вы повидаетесь и даже поговорите с ней, если вам этого так хочется. Говорят, — продолжал он, понижая голос до шепота, — будто Моубрей разорен. Не замечаю, чтоб это было так — одевает он свою сестру, как бегуму. Видали вы когда-нибудь такую великолепную шаль?

— Роскошь, весьма дорого стоящая, — сказал мистер Каргил с глубоким вздохом. — Хотел бы я, чтобы шаль была уже полностью оплачена!

— Что-то не похоже. Вероятнее всего, шаль взята в кредит. А что до цены, то я хорошо знаю, как однажды в Индии за такую вещь дали тысячу рупий. Но тсс, тсс, сейчас Натаниэл опять заиграет, право слово, да и ширму отодвигают. Ну, они, во всяком случае, шадят нас и не устраивают длинных перерывов в своих дурачествах. Люблю в подобных забавах быстрый темп и веселый огонек. Никакой радости нет, когда шутовство превращается в какие-то похороны, а бубенчики звенят на манер погребального колокола.

Раздались звуки музыки, сперва медленной, но закончившейся легким и стремительным аллегро, и на сцене возникли существа, созданные щедрым на самые богатые и чудесные выдумки воображением — шекспировские Оберон и Титания. Пигмейское величие предводителя фей было превосходно передано юной мисс Диггз. Скромность не помешала ее усилиям изобразить Оберона с должным достоинством, и она двигалась по сцене, вполне сознавая, сколь изящен изгиб ее ножек, облеченных в телесного цвета шелк, украшенных жемчужными нитями и возвышавшихся во всем этом блеске над сандалиями алого цвета. Сверкавший камнями венец придавал еще

больше величия хмурому челу короля эльфов в тот миг, когда он во главе своих приближенных вступил на сцену и приветствовал супругу, появившуюся в окружении своей свиты.

Неспособность детей оставаться продолжительное время неподвижными была должным образом принята во внимание, и их явление представляло скорее пантомиму, чем живую картину. Маленькая королева эльфов играла свою роль не хуже, чем ее сумрачный повелитель, и на высокомерие, сквозившее в его хмурым приветствии:

Не в добрый час я при сиянье лунном
Надменную Титанию встречаю ¹ —

она ответила взглядом, полным чисто женской раздражительности и пренебрежения.

Из прочих детей одни, как это всегда бывает, оказались сообразительными и смелыми, другие — неловкими и робкими. Но детской резвости всегда обеспечены аплодисменты, на которые не скупятся взрослые из чувства жалости, смешанного, быть может, с некоторой завистью. К тому же среди зрителей было немало любящих папаш и мамаш: шумные восторги, по-видимому относившиеся ко всем исполнителям, особенно пылко устремлялись из глубины родительских сердец к их собственным Джекки и Мариям — ибо имя Мэри, прелестнейшее и классичнейшее из шотландских имен, теперь не употребляется в нашей стране. Таким образом, эльфы порезвились, потанцевали и исчезли, сопровождаемые рукоплесканиями.

Затем на сцене появились антимаски, если можно так выразиться, Основа и его труппа, и гром аплодисментов встретил юного графа, с исключительным вкусом и умением превратившего себя в некое подобие афинского ремесленника. Он был в греческом одеянии, но так явственно отличавшемся от костюмов более благородных персонажей, что зрители сразу распознали облик неотесанного рабочего-ткача. В част-

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

ности, особенно шумно выражал свой восторг Тачвуд, из чего легко можно было заключить, насколько удачен костюм: подобно многим другим критикам, сей почтенный джентльмен не отличался изысканным вкусом, но зато обладал превосходной памятью на мелочи, и, хотя наиболее выразительные черты и жесты актера могли пройти для него незамеченными, он не простил бы ему ошибки в покрое рукава или цвета шнура для ботинок.

Но искусство графа Этерингтона не ограничивалось одной лишь удачной внешностью: не повези ему в жизни, он, подобно Гамлету, мог бы благодаря своим способностям получить хорошее место в театральной труппе. Пользуясь лишь средством пантомимы, он так удачно изображал несокрушимое самодовольство Основы, что все зрители, особенно те, кто хорошо знал пьесу, бесконечно веселились. А когда Пэк «преобразил» его, он нес на своих плечах ослиную голову, символ его нового высокого положения, с таким самоуверенным величием, что метаморфоза, и без того достаточно забавная, стала неотразимо комической. Тот же юмор проявил он затем и в своих забавах с феями и в разговоре с господами Паутинкой, Горчичным Зернышком, Душистым Горошком и прочими слугами Титании: все просто помирали со смеху, видя с какой важностью он приглашает их доставить ему удовольствие — почесать его волосатую морду. Моубрей и для Пэка подобрал подходящего актера — это был странного вида мальчик из сент-ронанского Старого городка, с маленькими глазками и огромными ушами, торчавшими словно башенки готического строения. Это необыкновенное существо так удачно изображало веселого и насмешливого духа, что вся группа даже несколько напоминала общеизвестную очаровательную картину сэра Джошуа, изображающую Пэка и находящуюся в великолепной коллекции картин и рисунков на темы Достопамятного барда.

Однако это и погубило сент-ронанского Доброго малого Робина, из которого впоследствии не вышло ничего добропорядочного: он, по выражению Мег

Додз, «свихнулся» и ушел с труппой странствующих актеров.

Представление закончилось парадным шествием всех исполнителей. Моубрей сообразил, что тут юный лорд мог незаметно для других, но обстоятельно рассмотреть хотя бы внешность его сестры Клары; при этом он невольно с молчаливой гордостью сделал заключение, что его сестра в своем театральном костюме, со всем, что прибавило к ее красоте искусство, превосходит даже блистательную амазонку, леди Бинкс. Правда, Моубрей был вообще не такой человек, чтобы отдать предпочтение одухотворенности черт бедной Клары перед напоминавшей восточную султаншу красотой надменной аристократки, ибо красота эта сулит поклоннику все разнообразие, которое можно найти в лице, привлекательном при любой перемене выражения и изменяющемся так часто, как этого требует страстная, неукротимая натура, не признающая никаких преград и презиравшая все увещевания. Надо все же отдать Моубрею справедливость: даже если предпочтение его вызвано было не столько чистотой вкуса, сколько родственной пристрастностью, он в данном случае полностью ощутил все превосходство Клары. И в конце представления он с гордой улыбкой спросил у графа, доволен ли тот проведенным вечером. Остальные исполнители уже разошлись, а юный лорд все еще находился на сцене и с трудом освобождался от своей громоздкой личины, когда Моубрей задал ему этот вопрос, в который, несмотря на его бесхитростную форму, был, конечно, вложен затаенный смысл.

— Я согласился бы вечно носить свою ослиную голову, — ответил тот, — при условии, что глаза мои всегда будут получать то же наслаждение, которые они испытывали во время последней сцены. Моубрей, ваша сестра — ангел.

— Смотрите, как бы эта ослиная голова не испортила вам вкус, милорд, — отозвался Моубрей. — Но зачем вы явились с нею на парад исполнителей? Я думаю, вам следовало ее снять.

— Стыдно сознаться, — возразил граф, — но ведь, по правде говоря, первое впечатление — самое важное, и я подумал, что мне разумнее не появляться в первый раз перед вашей сестрой в обличье хвастуна Основы.

— Тогда, милорд, вы все-таки переоденетесь к обеду, если мы назовем так наш второй завтрак?

— Я как раз собирался удалиться с этой целью в свою комнату, — ответил граф.

— Я же, — сказал Моубрей, — должен выйти на авансцену и распустить зрителей: они, я вижу, все еще сидят разинув рот и ждут продолжения.

На том они и расстались. Моубрей в костюме герцога Тезея вышел из-за ширмы и объявил об окончании живых картин, которые они имели честь представить перед уважаемым обществом, поблагодарил зрителей за весьма благосклонное отношение к исполнителям и добавил, что если собравшиеся сообразуют для развлечения с часок погулять по саду, то по истечении этого времени звон колокола призовет их в дом, где им предложена будет закуска. Сообщение это встречено было аплодисментами, которых заслуживает *Amphitryon ou l'on dine*.¹ Гости покинули свои места напротив импровизированной сцены и разбрелись по достаточно обширному саду, ища, чем бы поразвлечься, или стараясь своими силами изобрести для себя развлечения. В последнем им оказала большое содействие музыка, и вскоре пар двенадцать, а то и больше, «закружились в легкой причудливой пляске» (люблю процитировать неизбитую фразу) под звуки «Монимуска».

Прочие гуляли по саду, встречая в конце каждой зеленой аллеи какие-нибудь необычайные маски и заражая других веселым изумлением, которое они сами испытывали. Разнообразие костюмов, непринужденный юмор, проявленный в переодевании теми, кто им обладал, всеобщая готовность испытывать удовольствие и давать его другим, — все это делало маленький маскарад даже более веселым, чем другие раз-

¹ Амфитрион, у которого обедают (франц.).

влечения, потребовавшие значительно более основательных и роскошных приготовлений. Содействовал этому также необычный и забавный контраст между фантастическими фигурами, блуждающими по саду, и самим садом — мирным убежищем, которому подстриженные живые изгороди, правильность планировки и старинный облик нескольких фонтанов и искусственных каскадов, где на этот раз хозяин заставил наяд вспомнить свои былые игры, придавали вид необыкновенной простоты и уединенности, так что вся эта сцена, казалось, более соответствовала нравам минувшего, чем нынешнего поколения.

Глава XXI

ЗАГАДКИ

Ведь танцы, игры, песни, маскарад —
Всегда любви передовой отряд

«Бесплодные усилия любви»

Герои, скройтесь с омраченной сцены.

Там же¹

Мистер Тачвуд и неразлучный друг его мистер Каргил бродили в описанной нами веселой толпе, причем первый крайне презрительно критиковал все замеченные им попытки подражать восточным одеяниям и подчеркивал свою собственную удачливость в этом смысле, приветствуя по-арабски или по-персидски проходящих мимо гостей в тюрбанах, а священник, видимо поглощенный какой-то очень важной мыслью, тщетно искал повсюду глазами прекрасную исполнительницу роли Елены. Наконец перед взором его мелькнула знаменитая шаль, по поводу которой приятель его выказал такую ученость, и, отделившись от Тачвуда с совершенно не свойственной ему тревожной стремительностью, он бросился догонять ту, на ком она была надета.

¹ Перевод Ю. Корнеева.

— Ей-богу, — заметил его спутник, — доктор сам не свой! Священнослужитель рехнулся! Духовная особа спятила, дело ясное! И как это, черт побери, он, с трудом находящий дорогу от Клейкема к своему дому, решается без посторонней помощи ринуться в подобный водоворот? С таким же успехом он может рассчитывать пересечь Атлантику без кормчего. Надо мне догнать его, пока не приключилось беды.

Но осуществить это дружеское намерение путешественнику помешала мчавшаяся по аллее толпа, центром которой был капитан Мак-Терк, разносивший двух псевдогорцев за то, что они осмелились снять брюки и заменить их шотландской юбкой, не изучив предварительно гэльского языка. Что истый кельт осыпал обоих несчастных обманщиков насмешками и оскорблениями, понятно было, разумеется, лишь по его тону и выражению лица, но капитан столь явно кипел негодованием, что фигуры в шотландских пледах, два неотесанных парня из некоего большого промышленного города, быстро раскаялись в своей дерзости и теперь старались как можно скорее выбраться из сада, предпочтя лучше отказаться от своей доли угощения, чем претерпеть последствия, к которым мог привести гнев этого Термаганта шотландских гор.

Не успел Тачвуд обойти это препятствие и вновь приняться за поиски священнослужителя, как путь ему снова преградила кучка людей, напоминавших вербовщиков во флот; ими предводительствовал сэра Бинго Бинкс, который так силился поестественнее изобразить пьяного боцмана, что действительно казался сильно выпившим, хотя на моряка походил довольно мало. Испустив град проклятий, от которых выбросилась бы на берег целая флотилия плавучих церквей, он призвал Тачвуда пристать, будь он проклят, к его борту, ибо — пусть даже все его старые доски разойдутся по швам — он должен снова пуститься в море, какой бы потрепанной посудиною он ни был. Бодрые клики его больше напоминали возгласы охотника, обнаружившего лисью нору, чем матросское приветствие.

На это Тачвуд тотчас же возразил:

— Всеї душой готов пуститься в плавание, только не под командованием сухопутного моряка. Послушай-ка, братец, а ты знаешь, что из конской упряжи применяется на корабле?

— Ну, ну, нечего дурака валять, старый франт, — ответил сэр Бинго. — На кой черт нужна на корабле конская упряжь? Что мы, на морских коньках ездим, что ли? Полагаю, братец, теперь мы с тобой квиты.

— А ты, отродье пресноводного пескаря, никогда не плававшее дальше Собачьего острова, — отпарировал путешественник, — ты хочешь разыгрывать моряка, а сам никогда не слыхал о бриделе у булиня, о седле бушприта, об уздечке троса, о подпруге для рангоута, о кнуте в подъемном гордене для мелкого такелажа. Вот как можно вывести на чистую воду попрошайку и сберечь шестипенсовик, когда он клянчит у тебя милостыню под личиной безработного матроса. Убирайся-ка подобру-поздорову, а не то констебль отведет всю вашу банду в рабочий дом.

Это разоблачение расхваставшегося боцмана встречено было всеобщим хохотом, и баронету осталось только отступить, бормоча:

— Будь ты проклят, старый болтун! Вот черт, кто бы подумал, что от этого старого ночного колпака можно услышать столько морских словечек!

За Тачвудом, ставшим теперь центром внимания, увязались два-три бездельника, от которых он постарался избавиться как можно скорее. С нетерпением, отчасти не соответствовавшим его восточному наряду, он разыскивал своего спутника, боясь, как бы с отсутствующим Каргилом не случилось каких-либо неприятностей. Будучи человеком добродушнейшим, мистер Тачвуд отличался в то же время редкой самоуверенностью и весьма склонен был считать, что его присутствие, совет и помощь до крайности необходимы тем, среди кого он живет, и притом не только в чрезвычайных обстоятельствах, но и в самых обычных житейских делах.

Тем временем столь тщетно разыскиваемый им мистер Каргил старался не потерять из виду прекрасную индийскую шаль, служившую для него флагом,

который дает знать о присутствии преследуемого корабля. Наконец ему удалось подойти так близко, что он смог взволнованным шепотом произнести:

— Мисс Моубрей, мисс Моубрей, я должен с вами поговорить.

— А что вам нужно от мисс Моубрей? — отозвалась, не поворачивая головы, прелестная девушка, на которой была эта красивая шаль.

— Мне надо сообщить вам одну тайну, очень важную тайну, но место здесь совсем неподходящее. Не отворачивайтесь от меня. Ваше счастье в этой, а может быть, и в будущей жизни зависит от того, выслушаете ли вы меня.

Желая, вероятно, дать ему возможность поговорить с нею наедине, девушка повела его к одной из старомодных, скрытых в самой густой зелени беседок, которые всегда попадаются в таких садах, как сад Шоуз-касла. И, закутавшись в шаль, чтобы хоть немного скрыть лицо, она остановилась прямо против мистера Каргила в полутьме, под куполообразной сенью мощного платана, ожидая обещанного ей сообщения.

— Говорят, — сказал священник настойчиво и торопливо, но тихо, как человек, желающий, чтобы его слышал только тот, к кому он обратился, — говорят, что вы намерены выйти замуж.

— Может быть, вас любезно оповестили также и за кого? — отозвалась девушка столь равнодушным тоном, что это несколько озадачило священника.

— Юная леди, — ответил он торжественным тоном, — даже если бы мне под присягой сообщили о подобном легкомыслии, я бы этому не поверил. Неужто вы забыли, в каком положении сейчас находитесь? Неужто вы забыли, что мое обещание хранить тайну, и без того, может быть, греховное, вовсе не было безусловным? Или, может быть, вы думали, что существо, ведущее такую затворническую жизнь, как я, навсегда умерло для мира, хотя и блуждает по земле? Знайте, юная леди, что если уж я вправду умер для радостей жизни и ее повседневной суеты, я тем более жив, когда речь заходит об исполнении долга.

— Клянусь честью, сэр, если вы не соблаговолите говорить более ясно, я не смогу не только ответить вам, но даже понять вас, — ответила девушка. — Речь ваша слишком серьезна для маскарадной шутки и в то же время недостаточно ясна, чтобы эта серьезность стала мне понятной.

— Это раздражение, мисс Моубрей? — спросил священник еще более взволнованным тоном. — Или, может быть, легкомыслие? Или безумие? Но даже после воспаления мозга мы сохраняем воспоминание о причинах нашей болезни. Полноте, вы должны понимать меня и, несомненно, понимаете, когда я говорю, что не позволю вам совершить величайшее преступление ни ради того, чтобы достичь богатства и высокого положения, ни даже ради того, чтобы стать императрицей. Долг мой для меня ясен. И если я услышу хотя бы слово о вашем брачном союзе с этим графом или кто бы он там ни был, знайте, что я сорву покров тайны, так что ваш брат, и жених, и весь свет узнают о вашем истинном положении и о невозможности для вас заключить союз, на который вы идете — я вынужден это сказать — вопреки законам божеским и человеческим.

— Но, сэр, — ответила девушка не столько с тревогой, сколько в полном изумлении, — вы ведь даже не сказали мне, какое вам дело до моего замужества и какие доводы вы можете против него выставить.

— Сударыня, — ответил мистер Каргил, — при вашем теперешнем душевном состоянии и в таком окружении я не могу подробнее распространяться на эту тему. Сейчас для нее и время отнюдь не подходящее и — должен это с сожалением отметить — сами вы к ней совершенно не подготовлены. Достаточно того, что вы знаете, на какой скользкой почве стоите. При более подходящем случае я готов, как повелевает мне долг, разъяснить вам всю чудовищность того, что вы, говорят, намереваетесь совершить, разъяснить вам это со всей прямоотой, подобающей человеку хотя и скромному, но призванному толковать своим собратьям законы творца. Покамест же я могу

не опасаться, что после такого предупреждения вы решитесь на неосторожный шаг.

Сказав это, он отошел от девушки с достоинством, которое придает нам сознание исполненного долга, но в то же время с глубочайшей болью, причиненной ему легкомыслием той, к кому он обратился. Она не пыталась удержать его, но, услышав приближающиеся голоса в одной из примыкавших к платану аллей, вышла из-под дерева и скрылась в другой аллее.

Священник, направившийся в противоположную сторону, столкнулся лицом к лицу с какой-то шептавшейся и хихикавшей парочкой: при внезапном его появлении эти двое, видимо, сразу переменили тон с довольно фамильярного по отношению друг к другу на более церемонный. Дама была не кто иная, как прекрасная царица амазонок: по всей видимости, она переняла недавнюю склонность Титании к буюну Основе, ибо вела упомянутую нами интимную беседу с последним представителем цеха афинских ткачей, который совершенно преобразился, побывав в только что отведенной ему комнате и приняв более изящный облик испанского кавалера былых времен. Теперь он щеголял в плаще, с пышным пером на шляпе, шпагой, кинжалом и гитарой, одетый так, словно готовился исполнить серенаду под окном своей дамы. Он был в богато расшитом камзоле, и на груди у него, как принадлежность национального костюма, висела шелковая маска, которую можно было сразу надеть, чтобы избежать нескромного взгляда.

Иногда очень рассеянных людей, вопреки этому их свойству, озаряет внезапное воспоминание, словно солнечный луч, прорвавшийся вдруг сквозь густой туман и ярко осветивший какой-то определенный предмет ландшафта, и тогда они начинают действовать с полной уверенностью и убежденностью. Так бывало и с мистером Каргиллом. И вот сейчас, не успев он взглянуть на испанского кавалера, в котором не узнал ни графа Этерингтона, ни хвастуна Основу, как с волнением схватил его за руку; кавалер попытался вырваться, но Каргилл, не отпуская его, вскричал горячо и вместе с тем торжественно:

— Я рад, что встретился с вами. Небо послало вас сюда в назначенный им час.

— Благодарю вас, сэр, — весьма холодно ответил лорд Этерингтон. — Думаю, что встреча наша доставила радость лишь вам одному, так как я вас что-то не припоминаю.

— Разве имя ваше не Балмер? — спросил священник. — Я знаю, я иногда могу ошибиться... Но я уверен, что вас зовут Балмер.

— Ни я сам, ни восприемники мои об этом и не слыхивали. Полчаса назад меня звали Основой, отсюда, может быть, и произошло все недоразумение, — ответил граф вежливо, но крайне холодно и сдержанно. — Разрешите мне пройти, сэр: мне надо проводить даму.

— В этом нет необходимости, — возразила леди Бинкс. — Предоставляю вам и вашему старому другу вспоминать былое знакомство, — ему, кажется, нужно вам что-то сказать.

С этими словами дама удалилась, видимо довольная случаем выказать притворное равнодушие к обществу его милости в присутствии человека, застигшего их в момент, когда между ними, казалось, возникала самая пламенная близость.

— Вы задерживаете меня, сэр, — сказал граф Этерингтон мистеру Каргилу. Тот, удивленный и несколько растерявшийся, все еще стоял прямо против молодого дворянина и так близко к нему, что граф не мог бы двинуться дальше, не оттолкнув Каргила. — Я, право же, должен проводить даму, — добавил он, делая еще одну попытку пройти вперед.

— Молодой человек, — сказал мистер Каргил, — вам не удастся обмануть меня. Я уверен, разум мой убеждает меня, что вы действительно Балмер, которого само небо прислало сюда, чтобы преступление было предотвращено.

— А вас, — сказал лорд Этерингтон, — человека, которого, насколько мне подсказывает память, я никогда в жизни не встречал, вас направил сюда сам дьявол, чтобы вызвать скандал.

— Прошу прощения, сэра, — сказал священник, пораженный тем, что граф возражает ему с таким спокойным упорством, — прошу прощения, если ошибся... то есть если я действительно ошибся... но это не так... я уверен, что прав! Та же наружность, та же улыбка... нет, я не ошибся. Вы — Вэлентайн Балмер, которого... Но я не стану упоминать здесь о ваших личных делах... Довольно: вы — Вэлентайн Балмер.

— Вэлентайн? Вэлентайн? — с раздражением отозвался лорд Этерингтон. — Я ни Вэлентайн, ни Орсон. Разрешите откланяться, сэра.

— Оставайтесь, сэра, оставайтесь, я требую этого, — сказал священник. — Если вы не желаете раскрыть, кто вы такой, то, может быть, лишь потому, что забыли, кто я? Так позвольте мне назвать себя: я distinguished Джосайя Каргил, пастор в Сент-Ронане.

— Раз уж вы лицо, столь достойное уважения, сэра, — ответил молодой дворянин, — до чего, впрочем, мне совершенно нет дела, я полагаю, что когда вы утром выпиваете что-либо слишком крепкое, вам лучше выспаться дома, прежде чем появляться в обществе.

— Во имя неба, юный джентльмен, — продолжал мистер Каргил, — оставьте эти несвоевременные и неподобающие шутки и скажите мне прямо: не вы ли — я все еще твердо в этом уверен — тот молодой человек, который семь лет назад вверил мне некую важную тайну? Если бы я сейчас раскрыл ее постороннему человеку, то и сам был бы огорчен до глубины души и последствия этого могли бы оказаться крайне пагубными.

— Вы проявляете в отношении меня большую настойчивость, сэра, — сказал граф, — и взамен я буду с вами совершенно откровенен. Я не тот человек, за которого вы меня принимаете. Ступайте искать его где хотите, а еще лучше — поищите-ка свой собственный разум, ибо — должен сказать со всей прямо-той — вы гнете куда-то не туда.

Сказав это, он сделал движение, свидетельствовавшее о самом решительном намерении двинуться

дальше, так что мистеру Каргилу осталось лишь уступить и дать ему дорогу.

Достойный священнослужитель продолжал стоять на месте как вкопанный. По свойственной ему привычке думать вслух, он воскликнул, обращаясь к самому себе:

— Воображение мое сыграло со мной немало удивительных штук, но эта из них самая необычайная! Что мог подумать обо мне этот молодой человек? Наверно, разговор с этой несчастной юной особой так подействовал на меня, что глаза мои обманулись и я связал с ее историей первого же встретившегося мне человека. Что должно было подумать обо мне это совершенно постороннее лицо?

— Да то же, что думает о тебе любой, кто тебя знает, пророк, — произнес дружеский голос Тачвуда. И, чтобы окончательно пробудить священнослужителя, приятель хлопнул его по плечу. — А именно, что вы злосчастный лапутский философ, которому в толпе оторвали полу кафтана. — Ну, ну, пойдемте — раз я снова подле вас, можете ничего не бояться. Да что с вами? Сейчас я к вам присмотрелся, и взгляните вы, по-моему, так, словно увидели василиска, хотя зверь этот вряд ли существует, иначе я встретил бы его где-нибудь во время моих странствий. Но вы какой-то бледный и перепуганный. Да что же, черт побери, случилось?

— Да ничего, — ответил священник, — кроме того лишь, что я сейчас сотворил неслыханную глупость.

— Подумаешь, беда! Тут не о чем вздыхать, пророк. Это случается с каждым по меньшей мере дважды в сутки.

— Но я едва не выдал постороннему человеку тайну, затрагивающую честь некоей старинной фамилии.

— Вот уж это напрасно, доктор, — сказал Тачвуд, — наперед будьте осторожны. И вообще я посоветовал бы вам даже с вашим церковным сторожем Джонни Тирлснеком начинать разговор лишь после того, как вы, задав три ясных вопроса и получив три

ясных ответа, не убедитесь, что перед вами действительно означенный Джонни в своей телесной субстанции и что воображение ваше не наделило кого-то другого подпаленным париком и потертым коричневым кафтаном достойного Джонни. Ну, ну, пойдете.

С этими словами он потащил за собой озадаченного священника, хотя тот тщетно приводил всевозможные доводы, чтобы только бежать от этих игрищ, в которые он оказался столь неожиданно замешан. Он жаловался на головную боль, но его приятель уверил, что стоит ему отведать какого-нибудь кушанья или пропустить стаканчик, и она тотчас же пройдет. Он ссылался на дела, но Тачвуд отвечал, что единственное его дело — сочинять проповедь на ближайшее воскресенье, до которого остается всего два дня. Под конец мистер Каргил признался, что ему не хотелось бы повстречаться снова с человеком, в котором он с таким упорством старался усмотреть знакомого, а это — теперь уж он уверен — было лишь игрой его воображения. Путешественник презрительно отверг все эти шепетильные соображения, заявив, что встречи между гостями носят здесь совершенно такой же случайный характер, как общение на каком-нибудь постоялом дворе, и ни к чему никого не обязывают.

— Так что вам незачем обращаться к нему хотя бы с одним словом извинения или чего-либо подобного, а пожалуй — да, так даже будет лучше, — я, как человек, знающий свет, сам скажу за вас надлежащие слова.

Разговаривая со священником, Тачвуд тащил его к дому, куда их призывал обещанный звон колокола. Гости собирались в уже упоминавшейся старой гостиной, чтобы перейти оттуда в столовую, где приготовлено было угощение.

— А теперь, доктор, — продолжал деятельный приятель мистера Каргила, — давайте посмотрим, кто из этих людей оказался жертвой вашей ошибки. Не то ли вон животное в костюме шотландского горца? Или же нахальная скотина, пытающаяся выдать себя за боцмана? Ну, кто же из них? А, вот появились и

остальные — одна парочка за другой, на ньюгетский манер: молодой хозяин дома со старой леди Пенелопой — он, кажется, собирается разыгрывать Одиссея? — и граф Этерингтон с супругой лорда Бинго. А я-то полагал, что ему следовало выступать об руку с мисс Моубрей.

— Как вы сказали, граф..? — с волнением спросил священник. — Как это вы назвали молодого человека в испанском костюме?

— Ого! — сказал путешественник. — Выходит, я обнаружил домового, который вас напугал? Пойдемте-ка, пойдемте, я вас с ним познакомлю!

С этими словами он потащил его к лорду Этерингтону и, прежде чем духовное лицо успело членораздельно выразить протест, церемония представления состоялась:

— Милорд Этерингтон, позвольте мне представить вам мистера Каргила, пастора здешнего прихода, ученого джентльмена, у которого голова частенько пребывает в Святой земле, хотя друзьям его в это время кажется, будто он среди них. Он жестоко казнится, милорд, из-за того, что принял вашу милость бог знает за кого. Но, познакомившись с ним, вы убедитесь, что он способен наделать немало еще более странных ошибок, а потому мы надеемся, что ваша милость не примет оплошность за оскорбление.

— Где не было желания оскорбить, там не может быть никакого оскорбления, — весьма учтиво ответил лорд Этерингтон. — Это мне надо просить у достопочтенного джентльмена прощения за то, что я убежал от него, не дав ему как следует объясниться. Прошу его извинить меня за резкость, неизбежную, если принять во внимание место и обстоятельства: я в это время провожал даму.

Мистер Каргил не спускал глаз с молодого аристократа, пока тот говорил все это с равнодушным спокойствием человека, извиняющегося перед нижестоящим для того, чтобы его не могли счесть невежей, но с полнейшим безразличием к тому, будет ли его извинение сочтено удовлетворительным. И пока священник смотрел на лорда, его столь твердое

убеждение, что граф Этерингтон и юный Вэлентайн Балмер — одно лицо, таяло, как иней в лучах утреннего солнца, и под конец рассеялось совсем, так что он сам начал удивляться, как оно могло прийти ему в голову. Несомненно, в чертах лица имелось какое-то разительное сходство, иначе он не впал бы в подобное заблуждение. Но весь облик, интонация, манера говорить были совершенно несхожи, и так как внимание мистера Каргила приковывали теперь именно эти особенности, он склонен был считать, что оба лица не имеют между собой ничего общего.

Священнику оставалось теперь только, в свою очередь, извиниться, отойти от почетного места за столом и устроиться где-нибудь среди людей более простого звания, которые он, несомненно, предпочел бы при своей скромности. Но внезапно им завладела леди Пенелопа Пенфезер: задержав его самым изящным и любезным образом, она настояла на том, чтобы мистер Моубрей представил их друг другу и чтобы мистер Каргил сел за стол рядом с ней. Она столько слышала о его учености и его достоинствах, ей так хотелось свести с ним знакомство, что она и помыслить не может о том, чтобы упустить такую возможность, исключительно редкую из-за ученых занятий мистера Каргила и его затворнической жизни. Словом, ее милость устремилась на охоту за интересным и уклоняющимся от общества гостем и, захватив свою добычу, вскоре с торжеством усадила ее подле себя.

Таким образом, Тачвуд и его друг снова разлучились: первого из них леди Пенелопа не пригласила и даже попросту вовсе не заметила, так что ему пришлось сесть на одно из менее почетных мест, где он вызвал у своих соседей немалое изумление быстротой, с которой отправлял себе в рот вареный рис с помощью струганных палочек.

Мистер Каргил, оказавшийся без всякой дружеской поддержки под огнем леди Пенелопы, вскоре нашел этот обстрел настолько быстрым и частым, что его любезность, в течение уже многих лет редко подвергавшаяся испытанию светской болтовней, быстро

испарилась. Леди Пенелопа начала с того, что попросила мистера Каргила подсесть поближе, ибо инстинктивный страх перед светскими дамами заставил его отодвинуться подальше. В то же самое время она выразила надежду, что он не очень опасается ее, как сторонницы епископальной церкви: ее отец принадлежал к этому исповеданию; «правда, — продолжала она, изобразив на лице то, что считала лукавой улыбкой, — мы вели себя не очень примерно в сорок пятом году, как вы, наверно, слышали, но все это уже давно кончилось», и она уверена, что мистер Каргил достаточно либерален, чтобы не проявлять из-за этого неприязненных чувств или отчужденности. Пусть он не сомневается, что она далека от неодобрительного отношения к пресвитерианской службе; она, право же, часто хотела послушать ее там, где она могла бы пленить ее и просветить (любезная улыбка), то есть в сент-ронанской церкви, и надеется это сделать, как только мистер Моубрей получит заказанную им в Эдинбурге печь, которая должна просушить для нее церковные скамьи.

Все эти речи, сопровождавшиеся широкими улыбками и всяческими ужимками, и любезность, простиравшаяся до напоминаний о том, что священнику надо допить чашку чая, переслащенного, дабы скрыть недостаток крепости и аромата, — все это не требовало и не получало в ответ ничего, кроме любезных взглядов и утвердительных кивков.

— Ах, мистер Каргил, — продолжала неистощимая леди Пенелопа, — профессия ваша так много требует и от сердца человека и от его разума, она так связана со всем, что есть доброго и милосердного в нашем существе, с нашими самыми лучшими и чистыми чувствами, мистер Каргил! Вы знаете слова Голдсмита:

Всегда готов он долг свой исполнять —
За всех молиться, чувствовать, рыдать.

Драйден тоже создал неподражаемый образ приходского священника, хотя время от времени мы узнаем, что есть и живой человек, вполне способный

соревноваться с ним (тут еще одна многозначительная ужимочка и выразительная улыбка).

Душе он подчинил свои желанья,
Почти грехом в нем стало воздержанье,
Но все-таки к другим он не был строг,
Суровостью облечь себя не мог:
Лицо его светилось добротой
И искренностью ясной и святой.

Пока ее милость декламировала, блуждающий взор священника свидетельствовал о том, что мысли его где-то далеко: может быть, он обдумывал, как устроить перемирие между Саладином и Конрадом Монсерратским, а возможно, его занимали и какие-либо события текущего дня. Во всяком случае, леди Пенелопа принуждена была одернуть своего рассеянного слушателя, задав ему наводящий вопрос:

— Вы ведь хорошо знаете Драйдена, мистер Каргил?

— Не имел чести быть ему представленным, сударыня, — ответил Каргил, выведенный из задумчивости, но лишь наполовину уразумевший, что именно у него спросили.

— Как так, сэр? — изумленно воскликнула дама.

— Сударыня!.. Миледи!.. — растерянно забормотал мистер Каргил.

— Я спросила, нравится ли вам Драйден. Но вы, ученые, так рассеяны, — может быть, вам послышалось — Лейден.

— Преждевременно угасший светильник, сударыня, — сказал мистер Каргил. — Я хорошо его знал.

— Я тоже, — живо ответил небесно-голубой чулочек. — Он говорил на десяти языках. Какое унижение для меня, бедняжки: я ведь могу похвалиться только пятью! Но с того времени я кое-чему научилась. Вы должны помочь мне учиться дальше, мистер Каргил, — это было бы человеколюбиво с вашей стороны. Но, может быть, вы боитесь обучать особу женского пола?

То, что при этих словах вспомнилось мистеру Каргилу, пронзило сознание его такой же острой болью,

как если бы в тело его вошла рапира. Невозможно не отметить здесь, что неугомонный болтун в обществе подобен торопливому прохожему в уличной толпе: помимо прочих доставляемых им неприятностей, он обязательно наступает кому-нибудь на мозоль и задевает чьи-либо чувства, не зная и не замечая этого.

— Кроме того, теперь, когда мы с вами так хорошо познакомились, вы непременно должны помочь мне в моей скромной благотворительности, мистер Каргил. Есть тут эта Энн Хегги... Я ей вчера кое-что послала, но говорят — мне бы не следовало упоминать об этом, но ведь никому не приятно, когда то небольшое, что ты можешь дать, попадает в недостойные руки, — говорят, она не совсем порядочная особа, короче говоря — невенчанная мать, мистер Каргил, а мне совсем не годится потакать распутству.

— Я полагаю, сударыня, — серьезным тоном возразил священник, — что бедственное положение этой несчастной женщины вполне оправдывает щедрость вашей милости, даже если поведение ее неблаговидно.

— О, я не какая-нибудь ханжа, уверяю вас, мистер Каргил, — ответила леди Пенелопа. — Если уж я лишаю кого-либо своей поддержки, то по самой уважительной причине, никак не иначе. Я могла бы рассказать вам об одной своей близкой приятельнице, которую поддерживала наперекор всему общественному мнению тут на водах, потому что в глубине души не сомневаюсь — она лишь немного безрассудна, и больше ничего, просто безрассудна. О, мистер Каргил, как можно так многозначительно глядеть туда, напротив нас, — кто бы мог подумать, что вы на это способны? Фи, как это можно — сразу показывать, о ком именно идет речь!

— Даю честное слово, сударыня, я совершенно не понимаю...

— Фи, фи, мистер Каргил, — продолжала она со всем возмущением и удивлением, какие только можно было высказать конфиденциальным шепотом, — вы поглядели на миледи Бинкс... Я знаю, что вы подумали, но это ошибка, уверяю вас, вы совершенно

заблуждается. Конечно, я предпочла бы, чтобы она не так откровенно флиртowała с молодым лордом Этерингтоном, мистер Каргил, — ведь ее положение особенно щекотливо. Мне кажется, она ему самому наскучила: смотрите, мы еще не успели сесть за стол, как он уже уходит — вот удивительно! И, кроме того, не кажется ли вам странным, что мисс Моубрей не присоединилась к нам?

— Мисс Моубрей? Что вы сказали о мисс Моубрей? Разве она не здесь? — вздрогнув, спросил мистер Каргил, и лицо его выразило живой интерес, которого он дотоле отнюдь не проявлял к словообильным излияниям ее милости.

— Ах, бедняжка мисс Моубрей, — сказала леди Пенелопа, понизив голос и качая головой, — она еще не появлялась, и брат ее как раз пошел наверх, чтобы привести ее сюда, так что пока нам остается только смотреть друг на друга. Как все это странно! Но вы знаете Клару Моубрей?

— Я, сударыня? — переспросил мистер Каргил, проявляя теперь вполне достаточно внимания. — Да, правда, я знаю мисс Моубрей, то есть знал ее несколько лет тому назад... Но вашей милости ведь известно, что она долго болела... Во всяком случае, здоровье ее было расстроено, и я давно не встречался с этой юной леди.

— Знаю, дорогой мистер Каргил, знаю, — продолжала леди Пенелопа все тем же глубоко сочувственным тоном, — знаю. Весьма, весьма прискорбные обстоятельства лишили ее вашего руководства и дружеского совета. Все это мне хорошо известно, и, сказать по правде, я беспокою вас и навязываю вам свое знакомство главным образом ради бедной Клары. Вместе с вами, мистер Каргил, мы могли бы сделать чудеса для излечения ее больной души, уверена, что могли бы... конечно, если бы вы отнеслись ко мне с полным доверием.

— А мисс Моубрей выражала желание, чтобы ваша милость беседовали со мной о вещах, касающихся ее? — спросил священник, выказывая гораздо больше осторожной проницательности, чем могла пред-

положить за ним леди Пенелопа. — В таком случае я был бы счастлив услышать, что именно она вам сказала, и ваша милость может располагать всем немногим, на что я способен.

— Я... я... я не могу со всей определенностью утверждать, что мисс Моубрей прямо поручила мне говорить с вами, мистер Каргил, на этот счет, — несколько нерешительно ответила ее милость. — Но я так привязана к милой девочке, и к тому же, знаете, этот союз может привести к нежелательным последствиям.

— Какой союз, леди Пенелопа? — спросил мистер Каргил.

— Ну вот, мистер Каргил, вы уж очень далеко зашли, отстаивая свои привилегии шотландца: я не задала вам ни одного вопроса, на который вы не ответили бы другим вопросом. Давайте поговорим хоть пять минут с полной откровенностью, если, конечно, вы сообразовались.

— Мы будем говорить столько времени, сколько пожелает ваша милость, — ответил мистер Каргил, — при условии, что речь будет идти о делах вашей милости или моих собственных, если, конечно, предположить, что последние хоть на миг могут вас заинтересовать.

— Ах, какой вы! — сказала леди Пенелопа с деланным смехом. — Вам бы следовало быть не пресвитерианским, а католическим священником. Какого бесценного исповедника потерял прекрасный пол в вашем лице, мистер Каргил, и как искусно вы сумели бы вывернуться, когда ваши духовные дочери взяли бы расспрашивать вас!

— Насмешка вашей милости слишком жестока, чтобы я мог должным образом отпарировать ее, — ответил мистер Каргил, кланяясь более непринужденно, чем ожидала бы ее милость.

Слегка подавшись назад, он положил конец беседе, которая начала его несколько смущать. В этот момент шепот удивления пронесся по столовой, куда только что вошла мисс Моубрей об руку с братом. Причина этого шепота станет понятнее, если мы расскажем, что произошло между братом и сестрой.

УГОВОРЫ

Нельзя идти на праздник в этих
тряпках:

Пойдем ко мне, наденьте мой костюм

«Укрощение строптивой»¹

Войдя с леди Пенелопой в зал, где были накрыты столы, Моубрей со смешанным чувством тревоги, досады и раздражения заметил, что сестра его отсутствует, а на руке лорда Этерингтона, которому по его расчету подобало бы вести к столу хозяйку дома, повисла леди Бинкс. Окинув комнату быстрым, тревожным взглядом, он убедился, что сестры его так нигде и нет. Присутствующие дамы, как выяснилось, ничего о ней не знали, и только леди Пенелопа сказала, что сейчас же после того, как окончилось представление, она перекинулась с Кларой несколькими словами у нее в комнате.

Туда-то Моубрей и поспешил отправиться, громко посетовав на то, что сестра его так долго переодевается, но про себя надеясь, что запоздала она не по какой-либо более существенной причине.

Он быстро взбежал вверх по лестнице, безо всяких церемоний вошел в гостиную сестры и, постучавшись в туалетную комнату, попросил ее поторопиться.

— Все общество ждет не дождется, — сказал он, стараясь говорить шутливым тоном, — а сэр Бинго Бинкс требует твоего присутствия, чтобы поскорее наброситься на холодное мясо.

— Кормушки засыпаны доверху, — ответила Клара из-за двери, — сейчас, сейчас!

— Нет, шутки в сторону, Клара, — продолжал брат, — ведь леди Пенелопа тоже мяучит, словно голодная кошка.

— Иду, иду, котик, — ответила Клара тем же тоном, что и раньше, и с этими словами вошла в ком-

¹ Перевод П. Мелковой.

нату. Она сняла все свои украшения, и теперь на ней был костюм для верховой езды — любимый ее наряд.

Брата это удивило и рассердило.

— Честное слово, Клара, — сказал он, — ты себя ведешь возмутительно. Я спускаю тебе все твои причуды при обычных обстоятельствах, но уж сегодня-то ты могла бы сделать мне милость и выглядеть как моя сестра, как леди, принимающая у себя в доме гостей.

— Ну вот еще, милый Джон, — ответила Клара, — если гостям хватает угощения, я не понимаю, зачем мне думать о том, как они наряжены, а им — волноваться по поводу того, что на мне надето простое платье.

— Нет, нет, Клара. Это не годится, — возразил Моубрей, — ты обязательно должна вернуться в свою комнату и как можно скорее переодеться. Нельзя сойти вниз к гостям в этом платье.

— Можно, Джон, и я так и сделаю. Сегодня я уже выступала для твоего удовольствия бог знает в каком виде и теперь решила весь остаток дня провести одетая как обычно, то есть так, чтобы видно было, что я не принадлежу к свету и не хочу иметь никакого отношения ко всем его затеям.

— Честное слово, Клара, я заставлю тебя раскаяться, — сказал Моубрей более резко, чем он обычно говорил с сестрой.

— Не сможешь, милый Джон, — хладнокровно возразила она, — разве что прибьешь меня, но думаю, что тогда придется раскисаться тебе самому.

— Уж не знаю, как с тобой следовало бы обращаться, — пробормотал Моубрей сквозь зубы, но, овладев собою, проговорил вслух: — Долгий опыт показал мне, Клара, что твое упорство в конце концов перешибет мой гнев. Давай сразу уговоримся: оставайся в своем старом платье, раз уж тебе хочется выставляться в нем напоказ, но хотя бы накинь на плечи шаль — ею все восхищаются, каждая наша гостья мечтает рассмотреть ее получше: никто не верит, что она настоящая индийская.

— Будь мужчиной, Моубрей, — ответила сестра, — занимайся лошадиными попонами и оставь в покое шали.

— А ты будь женщиной, Клара, и думай о них, когда этого требуют обычаи и пристойность. Ну, возможно ли это? Неужто ты не дашь себе труда сделать для меня такой пустяк?

— Сделала бы, если бы могла, — ответила Клара. — Но раз уж тебе надо знать правду, то — не сердись на меня — шали у меня больше нет. Я подарила ее... отдала той, кому, может быть, и надлежит быть ее владелицей. Правда, она обещала мне что-нибудь дать взамен. Я отдала ее леди Пенелопе.

— Да, — ответил Моубрей, — она подарит тебе какое-нибудь произведение своих собственных прелестных ручек, я полагаю, или даже парочку рисунков ее милости, сделанных для каминной ширмы. Клянусь душой, честное слово, это никуда не годится! Это очень скверно по отношению ко мне, Клара, этому нет названия. Даже если бы шаль была дешевая, ты могла бы ценить ее хотя бы как мой подарок. Ну что ж, спокойной ночи. Мы как-нибудь обойдемся без тебя.

— Нет, милый Джон, подожди минутку, — сказала Клара, удержав его за руку, когда он сердито повернулся к двери. — Ведь нас только двое близких друг другу людей на белом свете, не будем ссориться из-за какой-то тряпки.

— Вот так тряпка! — вскричал Моубрей. — Она стоит пятьдесят гиней, бог свидетель, которые мне не так-то легко скопить, а ты говоришь — тряпка!

— О, дело не в цене, — возразила Клара. — Это был твой подарок, и ты прав: одного этого достаточно, чтобы бережно хранить до самой смерти даже самый жалкий лоскуток ее. Но, право же, у леди Пенелопы был такой несчастный вид, и бедное личико ее кривилось такими гримасами огорчения и досады, что я уступила ей шаль и согласилась говорить всем, что она мне дала ее надеть на время представления. Наверно, она опасалась, что я пойду на попятный или что ты отберешь у нее шаль, как наследственное иму-

щество, потому что она лишь ненадолго накинула ее на плечи, чтобы, так сказать, утвердить свое право собственности, а затем отправила с нарочным к себе в гостиницу.

— Черт бы побрал, — вспыхнул Моубрей, — эту жадную, бессовестную ведьму. Сердце у нее жесткое, как камень, злобное, себялюбивое, а она навела на него лоск чувствительности и хорошего вкуса.

— Нет, Джон, в данном случае она имела основание жаловаться. Шаль была предназначена ей или же почти предназначена — она показала мне письмо из магазина, но какой-то твой агент перехватил ее, заплатив наличными, — ведь перед этим не устоит ни один торговец. Ах, Джон, сдается мне, твой гнев на добрую половину вызван тем, что не удался твой план досадить бедной леди Пенелопе, и причин для негодования у нее, кажется, больше, чем у тебя. Ну-ну, у тебя уже то преимущество перед нею, что впервые эта шаль была выставлена напоказ твоей сестрой — если, конечно, на моих бедных плечах она могла считаться выставленной, — так что пусть уж леди Пенелопа мирно пользуется ею дальше. А теперь пойдем ко всем этим милым людям, и ты увидишь, как приветливо и учтиво я буду себя вести.

Моубрей, балованное дитя, привыкшее, чтобы его причудам потакали, был крайне расстроен неудачей своего замысла досадить леди Пенелопе, но сразу понял, что с сестрой ему говорить об этом больше не следует. Про себя же он обозвал леди Пен истинной гарпией и синим чулком и поклялся отомстить ей, совершенно напрасно забывая, что он первый вмешался в это необыкновенно важное дело, став поперек дороги ее милости, имевшей определенные виды на означенную шаль.

«Но я покажу ей! — думал он. — Ее милость еще попляшет у меня за свое поведение. Пусть не воображает, что ей удалось безнаказанно провести бедную полупомешанную девушку вроде Клары; ей еще и так и этак придется об этом услышать».

Преисполненный столь благородных и глубоко христианских чувств к леди Пенелопе, он спустился

вместе с сестрой в столовую и подвел ее к предназначенному ей хозяйскому месту. Встретивший Клару шепот изумления был и вправду вызван ее неподобающим для данного случая туалетом. Придвигая сестре стул, Моубрей извинился за ее запоздалое появление и притом еще в костюме для верховой езды.

— Какие-то дүхи, — заметил он, — Пэк или другой проказливый чертик — порылись у нее в гардеробе и унесли все, что можно было надеть к столу.

Со всех сторон посыпались любезные протесты: да можно ли требовать, чтобы мисс Моубрей еще раз переодевалась ради них, гостей; да ведь на сцене она сияла, как солнце, а теперь в будничном платье светит, как полная луна (этот комплимент был отпущен достопочтенным мистером Четтерли); да ведь мисс Моубрей у себя дома, где она в полном своем праве обрядиться, как ей удобнее. Последняя любезность, не менее, во всяком случае, уместная, чем предшествующие, была вкладом добрейшей миссис Блоуэр, которой мисс Моубрей и ответила особым, весьма приветливым поклоном.

После столь подходящего к случаю комплимента миссис Блоуэр вполне могла бы заткнуть фонтан своего красноречия, как выразился бы доктор Джонсон, но ведь известно, что никто не умеет остановиться вовремя. Она высунулась вперед с блаженной улыбкой на своем широком добром лице и так же громогласно, как ее покойный супруг, когда он в ветреный день переговаривался на судне со своим помощником, выразила удивление, почему это мисс Клара Моубрей не надела ту чудную шаль, в которой была на сцене: она ведь сидит тут на самом сквозняке. Боится, верно, как бы не запачкать ее в тарелке с супом, или в соуснике, или еще в чем... А вот у нее, у миссис Блоуэр, есть три шали, за которые, правда, заплачено дороже, чем они стоят, и если бы мисс Моубрей согласилась поносить одну из них, — хоть они подделка под индийские, — плечикам ее в ней было бы так же тепло, как в настоящей, и не так жалко было бы ее замарать.

— Очень любезно с вашей стороны, миссис Блоуэр, — сказал Моубрей, не в силах противостоять искушению, которым явилась для него эта речь, — но сестра моя еще не занимает настолько высокого положения, чтобы позволить себе отбирать у своих друзей шали.

Леди Пенелопа побагровела до самых глаз, и на языке у нее уже вертелся очень резкий ответ. Однако она не дала ему сорваться, но самым дружеским образом кивнула мисс Моубрей, весьма выразительно на нее при этом взглянув, и сказала:

— Так вы, значит, сообщили своему брату о маленькой сделке, которую мы заключили нынче утром? *Tu me lo ragherai.*¹ Честно предупреждаю вас: берегитесь, чтобы какой-нибудь ваш секрет не стал мне известным. Больше ничего я вам не скажу.

От каких пустяков зачастую зависят важные события жизни человеческой! Если бы леди Пенелопа поддалась своему первоначальному гневному порыву, все, вероятно, закончилось бы одной из тех полукOMICESКИХ-полусерьезных стычек, которыми ее милость и мистер Моубрей не раз уже забавляли общество. Больше всего, однако, надо опасаться мщения подавленного и отложенного. И события, о которых мы здесь повествуем, тесно связаны с последствиями открытого недоброжелательства леди Пенелопы. Она решила, что вернет Кларе шаль, которую рассчитывала было получить в собственность по весьма сходной цене, но втайне дала себе слово отомстить и брату и сестре, чувствуя, что до известной степени обладает ключом к кое-каким их семейным делам и что на этой позиции может расположить свои батареи. Старые обиды, соперничество с сент-ронанским лэрдом, главная роль, отведенная Кларе на сегодняшнем представлении, — все это соединилось с непосредственной причиной озлобления, и теперь леди Пенелопе оставалось только обдумать наиболее действенный план мести.

Пока все эти мысли проносились в ее голове, Моубрей искал глазами графа Этерингтона, полагая,

¹ Ты мне за это заплатишь (*итал.*).

что самым подходящим делом было бы официально познакомить его с сестрой во время угощения или, во всяком случае, до разъезда гостей: знакомство могло послужить прелюдией к более близким отношениям, которым по намеченному плану предстояло между ними завязаться. К величайшему его удивлению, молодого графа нигде не было видно, место же, занятое им прежде рядом с леди Бинкс, спокойно присвоил себе Уинтерблоссом, так как это был самый удобный и мягкий стул в комнате, стоявший ближе всего к месту хозяйки, куда обычно ставятся самые изысканные угощения. Сей добропорядочный джентльмен сказал ее милости два-три плоских комплимента насчет исполнения ею роли царицы амазонок и тотчас же предался гораздо более интересному занятию — разглядыванию блюд через стеклышко, свисавшее с его шеи на золотой цепочке мальтийской работы. Несколько секунд Моубрей недоумевал, осматривался по сторонам и удивлялся, а потом обратился к бывшему светскому красавцу и спросил его, куда исчез Этерингтон.

— Удалился, — ответил Уинтерблоссом, — поручив мне передать вам прощальный привет; кажется, у него заныла раненая рука. Честное слово, этот суп удивительно аппетитно пахнет. Леди Пенелопа, могу я иметь честь передать вам тарелочку? Нет? А вам, леди Бинкс? Тоже отказ — как это жестоко! Я вынужден, подобно языческому жрецу, сам поглотить жертву, отвергнутую божеством.

Тут он завладел тарелкой супа, которую тщетно предлагал дамам, а дальнейшие заботы по раздаче тарелок переложил на мистера Четтерли:

— Умилостивлять богов, сэр, — это ваша профессия .. гм!

— Не думал я, что лорд Этерингтон покинет нас так рано, — сказал Моубрей. — Что ж, справимся как-нибудь и без его помощи.

С этими словами он занял свое место на нижнем конце стола, изо всех сил стараясь сыграть как можно лучше роль гостеприимного и веселого хозяина, в то время как сестра его, занимая почетное место на

противоположном конце, с полной естественности грацией и любезностью старалась, чтобы каждый из гостей чувствовал себя непринужденно и был всем доволен. Однако исчезновение — столь внезапное и неожиданное — лорда Этерингтона, дурное настроение леди Пенелопы, на которое все обратили внимание, и упорная, хоть и молчаливая мрачность леди Бинкс набросили на все общество некую тень, подобную осеннему туману, окутывающему живописный ландшафт. Женщины были не в духе, ощущали скуку и даже какое-то им самим непонятное раздражение; мужчины тоже никак не могли развеселиться, хотя испытанное средство — старый рейнвейн и шампанское — кое-кому развязало языки. Леди Пенелопа распрощалась первая, под тем удачно найденным предлогом, что возвращаться домой по такой плохой дороге будет затруднительно и даже просто небезопасно. Леди Бинкс попросила ее милость предоставить ей место в своем экипаже, так как их карету, добавила она, придется предоставить сэру Бинго, который, судя по его приверженности к зеленой бутылке, пешком домой не дойдет. После того как обе эти дамы отбыли, задерживаться было бы дурным тоном, и, как всегда бывает при отступлении армии, опередить друг друга старались теперь все, кроме Мак-Терка и еще нескольких закоснелых пьяниц, которые не привыкли угощаться таким образом ежедневно и потому благоразумно решили полностью использовать удобный случай.

Мы не станем останавливаться на тех трудностях, с которыми связан был разъезд такого множества гостей при недостатке перевозочных средств, хотя происходившие при этом задержки и столкновения были, разумеется, еще тягостнее, чем утром, ибо теперь уже ни у кого не было перспективы веселого времяпрепровождения, мирившей с временными неудобствами. Многие проявили такое нетерпение, что, хотя вечер был непогожий, предпочли идти пешком, чем уныло дожидаться возвращения экипажей, и, уходя, единогласно решили, что во всех неприятностях виноваты хозяин и хозяйка дома, наприглашав-

шие к себе такую уйму народа и не позаботившиеся о том, чтобы проложить более короткую и удобную дорогу от Шоуз-касла к водам. «Ведь так легко было бы привести в порядок пешеходную тропу у Оленьего камня!» — досадовали гости.

Вот и вся благодарность, которую мистер Моубрей получил за устройство праздника, стоившего ему больших хлопот и затрат и с таким нетерпением ожидавшегося всем избранным обществом на водах.

— Очень было занято, — сказала добродушная миссис Блоуэр, — только жаль, что чересчур утомительно. А уж сколько газа и кисеи даром пропало!

Но ухаживание доктора Квеклебена было столь успешным, что добрую женщину весьма утешила перспектива простуд, ревматических приступов и других болезней, которые были подхвачены в этот день гостями и предоставляли обильную жатву для ученого джентльмена, в благополучии коего она сама была весьма заинтересована.

Несмотря на то, что большая часть гостей разошлась, Моубрей, имевший склонность к служению Бахусу, не смог уклониться от возлияний этому веселому богу, хотя в данном случае у него не было желания предаваться оргии. Однако ни песни, ни каламбуры, ни шутки не могли поднять его настроения, настолько раздосадован был он тем, что устроенный им прием завершился отнюдь не так, как он рассчитывал. Однако же гостям важнее всего было выпить, и они вовсе не собирались скучать из-за того, что хозяин дома не принимал участия в их веселье, а продолжали осушать бутылку за бутылкой, обращая на мрачный вид мистера Моубрея не больше внимания, чем если бы они бражничали в каком-нибудь «Гербе Моубреев», а не в их родовом поместье. К полуночи он наконец освободился и нетвердой поступью добрался до своей спальни, где сразу же повалился на кровать, проклиная себя и своих сотоварищей и желая своим гостям застрять во всех болотах и трясинах, в какие только можно попасть между Шоуз-каслом и Сент-Ронанскими водами.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Ты хочешь быть невестою Христовой,
Весталкой, но тебе я помешаю!
Поклонника я привожу к тебе,
Который преуспел в семи искусствах,
Что дамам так милы: он молод, знатен,
Он весел, храбр, красив, богат и щедр.

«Монахиня»

Утро после кутежа всегда располагает к размышлению даже самого закоренелого бражника. И вот, обдумывая все, происходившее накануне, молодой сент-ронанский лэрд не нашел в нем ничего утешительного, кроме разве того, что в данном случае он проявил невоздержанность не по своему желанию, а по обязанности хозяина дома, поскольку собутыльники считали это его обязанностью.

Однако после пробуждения его смущал не столько чад воспоминаний о пирушке, сколько пелена загадочности, которой словно окутаны были намерения и поступки его нового союзника, графа Этерингтона.

Этот молодой дворянин видел мисс Моубрей, объявил, что он в восторге от нее, горячо и вполне добровольно возобновил предложение, сделанное им еще за глаза, и, однако же, он не только не искал возможности быть представленным девушке, но даже внезапно покинул общество для того, чтобы избежать необходимой встречи, которая должна была между ними состояться. Флирт его милости с леди Бинкс также не ускользнул от внимания проницательного Моубрея, и он увидел, что миледи столь же поспешно оставила Шоуз-касл. И Моубрей дал себе слово разузнать либо через посредство миссис Джингем, прислужницы ее милости, либо каким-нибудь другим способом, что означает это совпадение. В то же время он мысленно дал себе клятву не допустить, чтобы даже самый знатный пэр королевства воспользовался сватовством к мисс Моубрей как предлогом для того, чтобы прикрыть другую, более потаенную интригу.

Впрочем, сомнения его на этот счет в значительной мере рассеялись после прихода одного из грумов лорда Этерингтона с нижеследующим письмом:

«Любезный Моубрей,

Вы, наверно, были удивлены моим вчерашним исчезновением перед самой трапезой и до того, как вы вернулись к столу и ваша прелестная сестрица осчастливила его своим появлением. Должен повиниться в своем безрассудстве и делаю это тем более смело, что начал переговоры с вами не на слишком романтической основе, и потому вы не заподозрите меня в желании предаться романтизму. Однако в течение всего вчерашнего дня мне действительно была невыразимо тягостна мысль быть представленным даме, от чьей благосклонности зависит счастье всей моей дальнейшей жизни, на публичном празднестве и среди столь смешанного общества. На прогулке я еще мог носить маску, но за столом ее неизбежно пришлось бы снять, и тем самым состоялась бы церемония представления — волнующее событие, которое я хотел бы отложить до более подходящего времени. Я рассчитываю, что вы разрешите мне навестить вас сегодня утром в Шоуз-касле, и надеюсь — с трепетом надеюсь, — что мне позволено будет приветствовать мисс Моубрей и просить у нее прощения за то, что вчера я не дождался ее выхода. С величайшим нетерпением жду вашего ответа.

Навеки преданный вам и т. д.

Этерингтон».

«Что ж, надо полагать, что все это написано искренне и честно, — раздумывал Сент-Ронан, неторопливо складывая дважды прочитанное им письмо. — Трудно и требовать более удовлетворительного объяснения. К тому же в письме этом черным по белому, как выразился бы старый Мик, написано то, что до этого было всего лишь нашим частным разговором. Получить утром такую записку — замечательное средство от головной боли».

Мысленно произнося эти слова, он сел и написал в ответ, что с удовольствием примет лорда Этерингтона в любое подходящее для его милости время. Он даже проследил за отъездом грума и убедился, что тот галопом помчался домой с поспешностью человека, знающего, что его быстрого возвращения ожидает нетерпеливый хозяин.

Несколько минут Моубрей провел в одиночестве, с удовольствием помышляя о весьма вероятных последствиях задуманного брака: высокое положение для его сестры, а главное, для него самого, разнообразные выгоды от близкого родства с человеком, который — он имел достаточно оснований так полагать — глубоко посвящен во все и способен оказать ему весьма существенную материальную поддержку в игре на скачках и прочих спортивных увлечениях. Затем он послал слугу предупредить мисс Моубрей, что намерен позавтракать вместе с нею.

— Полагаю, Джон, — сказала Клара, когда брат ее вошел в комнату, — что ты с удовольствием выпьешь чего-нибудь менее крепкого, чем вчера: вы там кутили чуть ли не до вторых петухов.

— Да, — ответил Моубрей, — старый Мак-Терк, ненасытный пьяница, которому и нескольких бочек мало, сбил меня с пути истинного. Но вчерашний день прошел, и больше они меня в такое дело не втянут! А что ты скажешь о масках?

— Что ж, — сказала Клара, — они разыгрывали свои роли не хуже, чем вообще подобные люди разыгрывают джентльменов и леди в обыденной жизни, то есть весьма суматошно и не весьма пристойно.

— По-моему, только один из них вел себя прилично — испанец, — заметил ее брат.

— О, мне он тоже бросился в глаза, — ответила Клара, — но на нем все время была маска. На мой взгляд, удачнее всего был старый индийский купец или что-то в этом роде; испанец же, как мне показалось, только и делал, что горделиво прохаживался да брэнчал на гитаре для забавы леди Бинкс.

— Однако испанец этот — очень неглупый малый, — продолжал Моубрей. — Ты догадалась, кто он?

— Нет, конечно. Да мне это и не интересно. Строить подобные догадки ничуть не лучше, чем заново смотреть все это нелепое представление.

— Ладно, — согласился брат. — Во всяком случае, ты должна признать, что роль Основы была сыграна хорошо, против этого не поспоришь.

— Да, — ответила Клара, — эта достойная личность вполне заслуживала того, чтобы до самого конца не снимать своей ослиной головы. Но почему ты его вспомнил?

— Да я подумал только, что он и красивый испанец, может быть, одно и то же лицо, — отозвался Моубрей.

— Значит, одним дураком меньше, чем мне казалось, — с полнейшим равнодушием сказала Клара.

Брат закусил губу.

— Клара, — начал он. — Я считаю, что ты хорошая, добрая девушка, да к тому же и неглупая, но, пожалуйста, не умничай и не чуди. Самые невыносимые на свете люди — те, что делают вид, будто они не такие, как все. Этот джентльмен был граф Этерингтон.

Заявление это, хотя Моубрей и старался придать ему многозначительность, не произвело на Клару никакого впечатления.

— Надеюсь, что пэра он изображает лучше, чем идальо, — ответила она безразличным тоном.

— Да, — сказал Моубрей, — он один из самых красивых людей нашего времени, и у него изысканнейшие манеры: тебе он очень понравится, когда ты с ним ближе познакомишься.

— Понравится или нет — это не имеет никакого значения, — ответила Клара.

— Ты очень ошибаешься, — серьезным тоном возразил Моубрей, — это может оказаться весьма важным.

— Вот как! — улыбнулась Клара. — Значит, я настолько важная особа, что мое одобрение необходимо для того, кого ты считаешь принадлежащим к самым выдающимся людям? Без этого он не выдержит испытания в Сент-Ронане? Ну, так я передам свои полномочия леди Бинкс, и она примет твоего нового рекрута вместо меня.

— Все это вздор, Клара, — сказал Моубрей. — Лорд Этерингтон явится сюда сегодня утром: он хочет с тобой познакомиться. Я рассчитываю, что ты примешь его как моего личного друга.

— С величайшей готовностью. Но после этого посещения ты уж обещаешь мне, что будешь встречаться с ним, как и с прочими твоими друзьями, на водах; мы же с тобой условились, что в мою гостиную ты не будешь приводить ни хлыщей, ни пойнтеров: одни раздражают моего кота, а другие — меня.

— Ты совершенно неправа, Клара. Этот гость ничего общего не имеет с теми, которых я тебе представлял. Я рассчитываю, что он часто будет бывать у нас и что вы станете лучшими друзьями, чем тебе кажется. У меня много причин желать этого, но сейчас нет времени все их излагать.

Клара некоторое время молчала, затем она бросила на брата тревожный, испытующий взгляд, словно хотела прочесть самые сокровенные его помыслы.

— Мне пришло в голову... — начала она после минутного размышления изменившимся, взволнованным тоном, — но нет, не могу думать, что небо хочет так жестоко поразить меня, и еще меньше — что удар будет нанесен твоей рукой.

Она быстро подошла к окну, распахнула его, потом опять закрыла, вернулась на свое место и произнесла с принужденной улыбкой:

— Бог тебя прости, брат, но ты меня пугаешь.

— Я не хотел этого, Клара, — сказал Моубрей, чувствуя, что ее надо успокоить. — Я только в шутку намекал на те счастливые случаи, о которых другие дсвушки всегда подумывают, хотя ты, кажется, отнюдь не строишь подобных расчетов.

— Хотела бы я, чтобы ты, милый Джон, — сказала Клара, стараясь совладать с собой, — сам последовал моему примеру и тоже перестал рассчитывать на счастливые случаи: тебе от этого пользы не будет.

— Откуда ты знаешь? Я докажу тебе, что ты неправа, глупышка, — ответил Моубрей. — Вот чек, по которому ты получишь всю ту сумму, которую я тебе

должен, да еще кое-что сверх того. Но не поручай этого дела старому Мику — пусть им займется Байндлуз: из двух окаянных плутов надо все же выбрать того, который почестнее.

— Но почему ты сам не отошлешь чек Байндлузу, брат?

— Нет, нет, — возразил Моубрей, — он может спутать его с другими моими счетами, и тогда ты окажешься в накладе.

— Что ж, я рада, что ты отдал мне деньги; я хочу купить новую книжку Кэмбела.

— Желаю тебе насладиться своим приобретением, только не пили меня за то, что я не способен наслаждаться вместе с тобой; в книгах я смыслю не больше, чем ты в карточных ставках. А теперь будь же серьезной и скажи мне, поведешь ли ты себя как примерная девочка, то есть перестанешь ли капризничать и примешь этого английского аристократа как подobaет настоящей леди?

— Это нетрудно, — сказала Клара, — но... но... я приму его только как гостя. Прошу тебя, не требуй от меня большего. Скажи ему сразу, что я существо жалкое — и телом, и духом, и характером, и рассудком, а самое главное — скажи, что я могу принять его лишь один раз.

— Ничего подобного я ему не скажу, — отрезал Моубрей. — Лучше мне теперь же поговорить с тобой начистоту. Я думал, что можно будет обойтись без этого разговора, но раз уж его не избежать, то чем скорее, тем лучше. Ты должна понять, Клара Моубрей, что посещение лорда Этерингтона имеет особую цель; цель эта мне известна, и я ее одобряю.

— Так я и думала, — произнесла Клара тем же изменившимся голосом, каким она недавно говорила. — У меня уже было предчувствие беды! Но перед тобою, Моубрей, не девочка: я не могу принять и не приму этого вельможу.

— Как! — вскричал Моубрей. — Ты смеешь отвечать мне таким тоном? Поразмысли хорошенько и помни: если у нас выйдет несогласие, тебе со мной не потягаться.

— Можешь не сомневаться, — продолжала она более горячо, — я не приму ни его, ни кого-либо другого, если он явится с подобной целью, и все уговоры и угрозы будут совершенно бесполезны: мое решение неизменно.

— Честное слово, сударыня, — сказал Моубрей, — для скромной молодой леди, ведущей уединенный образ жизни, вы проявляете основательное упрямство. Но ты увидишь, что и у меня его хватит. Если ты не согласишься принять моего друга лорда Этерингтона, и притом со всей учтивостью, которую должна проявлять к человеку, пользующемуся моим уважением, то клянусь богом, Клара, ты для меня уже не дочь моего отца. Подумай, ты лишаешься привязанности и поддержки брата! И из-за чего? Из-за пустых соображений этикета. Думаю, что даже в твоём романтическом воображении не возникнет мысль, будто мы возвратились к временам Клариссы Гарлоу и Хэрриет Байрон, когда девушек выдавали замуж насильно. И с твоей стороны чудовищно тщеславно предполагать, что лорд Этерингтон, оказывающий тебе честь уже одной мыслью о женитьбе на тебе, не удовлетворится пристойным и вежливым отказом. Не такой уж ты, по-моему, бесценный приз, чтобы воскрешать из-за тебя романтическую эпоху.

— Мне нет дела до того, какая сейчас эпоха, — сказала Клара. — Говорю тебе, что я не приму ни лорда Этерингтона, ни кого-либо другого на тех условиях, о которых ты говорил: я не могу этого сделать, не хочу и не должна. Пожелай ты, чтобы я его приняла, — это ведь могло бы не иметь никакого особого значения, — ты привел бы его на общих для всякого гостя основаниях, а на таких я его не приму.

— Ты и примешь его и выслушаешь, — сказал Моубрей. — Я ведь так же упрям, как и ты, и так же готов забыть, что я тебе брат, как ты забыла, что у тебя имеется таковой.

— Значит, пришло время, — ответила Клара, — когда этот дом, некогда наш отцовский дом, оказался

слишком тесен для нас обоих. Я позабочусь о себе сама, а тебя да благословит бог.

— Вы довольно хладнокровно к этому относитесь, сударыня, — сказал брат, прохаживаясь взад и вперед по комнате с волнением, сквозившим в каждом взгляде и жесте.

— Да, ибо я часто об этом думала, — ответила она. — Да, брат, мне часто приходило на ум, что ты постараться воспользоваться родной сестрой для своих планов и замыслов, если все другие твои ставки будут биты. Час этот пробил, и, как видишь, я к нему подготовилась.

— И куда же ты намереваешься уйти? — спросил Моубрей. — Полагаю, что, как единственный твой родственник и естественный покровитель, я имею право это знать: тут ведь замешана честь и моя и всей нашей семьи.

— Твоя честь! — сказала она, бросив на него пронизательный взгляд. — Твоя выгода, хочешь ты сказать, каким-то образом зависит от того, где я буду. Но можешь не беспокоиться — лучше вниз головой с обрыва, лучше на дно реки, чем жить во дворце, но потерять свободу.

— Ты, однако же, ошибаешься, — сурово произнес Моубрей, — если рассчитываешь на большую свободу, чем по моему разумению тебе можно предоставить без вреда для тебя самой. Закон разрешает, а рассудок и даже родственное чувство требуют, чтобы ты находилась под наблюдением ради твоей же безопасности и душевного покоя. Если все, что говорят, правда, ты при жизни отца слишком много бродила одна по лесам.

— Да, это правда, это правда, Моубрей, — плача промолвила Клара. — Да сжалится надо мной бог, и да простит он тебе, что ты попрекнул меня состоянием моего рассудка. Я знаю, что иногда мне нельзя доверяться моему собственному разумению, но тебе ли напоминать мне об этом?

Моубрей и смягчился и немного растерялся.

— Это еще что? — сказал он. — Наговорила мне обидных вещей, заявила, что готова уйти из моего

дома, а теперь, когда я потерял терпение и резко отвел, плачешь!

— Скажи, милый брат, что ты говорил не всерьез! — вскричала Клара. — О, скажи, что ты говорил не всерьез! Не отнимай у меня свободы — это все, что у меня осталось, а она — бог свидетель! — слабое утешение в моих горестях. Я стану улыбаться всему и всем, стану ходить на воды, стану наряжаться, как ты пожелаешь, говорить все, что ты захочешь, но, пожалуйста, дай мне здесь, дома, быть одной, дай мне без свидетелей плакать в родном доме и не заставляй убитую горем сестру покончить с собой у твоей двери. Жить мне осталось недолго, но пусть не твоя рука обрежет нить этой жизни. Не тревожь меня, дай мне спокойно уйти из этого мира. Прошу не столько ради себя, сколько ради тебя самого. Мне так хочется, Моубрей, чтобы ты после моей смерти иногда вспоминал обо мне, вспоминал без угрызений совести, которые неизбежны, если ты будешь со мною жесток. Пожалей меня хотя бы ради себя самого. От тебя я не заслужила ничего, кроме сострадания. Нас только двое близких людей, зачем же нам мучить друг друга?

Слова эти сопровождались целым потоком слез и раздирающими душу рыданиями. Моубрей не знал, на что решиться. С одной стороны, он был связан данным графу обещанием. С другой — сестра его была не в таком состоянии, чтобы принять подобного гостя. Более того — если бы он силою принудил ее к этому, она, весьма вероятно, держала бы себя таким образом, что уже совершенно невозможным оказался бы предполагаемый брачный союз, на котором он построил столько воздушных замков. Встав перед этой дилеммой, он снова прибег к уговорам.

— Клара, — сказал он, — как я уже не раз говорил тебе, я твой единственный родственник и покровитель. Если у тебя есть существенная причина не вести переговоров, которые собирался начать граф Этерингтон, и не дать ему в конце концов какого-то вежливого ответа, то ты просто обязана довериться мне. При жизни отца — во всяком случае, в последние годы его жизни — ты весьма злоупотребляла этой

свободой, которую, видимо, так высоко ценишь. Скажи мне, уж не появилось ли у тебя в то время какой-нибудь безрассудной привязанности, которая делает для тебя такой угрозой появление лорда Этерингтона?

— Угрозой! — подхватила мисс Моубрей. — Ты выбрал подходящее выражение, и ничто не может быть для меня ужаснее этой угрозы, разве что ее осуществление.

— Я рад, что ты как будто приходишь в себя, — ответил брат, — но это не ответ на мой вопрос.

— Неужели, — сказала Клара, — для того, чтобы отказываться от замужества или хотя бы от выслушивания докучных предложений, нужно уже быть связанной словом, данным другому, или еще чем-либо? Немало молодых людей уверяют, что до самой смерти останутся холостяками; почему же мне нельзя в двадцать три года записаться в старые девы? Дай мне, как любящий брат, сделать это, и когда у тебя появятся дети, никто не будет так ласкать и журить, так нянчить и школить своих племянников, как их тетя Клара.

— Так почему бы не сказать всего этого лорду Этерингтону? — спросил Моубрей. — Прежде чем отказываться от встречи с ним, подожди, пока он не совершит этой страшной вещи — не сделает предложения. Кто знает, может быть, причуда его пройдет: ты говоришь, что он ухаживал за леди Бинкс, а ведь ее милость достаточно ловка и красива.

— Пусть бог поможет им обоим (лишь бы все обошлось по-честному) и она удержит его милость при себе! — сказала Клара.

— Ну что ж, — продолжал брат, — раз дело обстоит так, я не думаю, чтобы милорд доставил тебе много беспокойства; самое большее, что тебе, может быть, придется сделать — это вежливо отказать ему. После того как он говорил об этом с человеком моего положения, он не может отступить, пока ты сама не пособишь ему.

— Если это все, — сказала Клара, — то при первом же удобном случае он получит такой ответ, что сможет обручиться с любой дочерью Евы, кроме Кла-

ры Моубрей. Я так хочу отпустить пленника на свободу, что, кажется, жажду теперь этого посещения еще сильнее, чем только что страшилась его.

— Нет, нет, торопиться некуда, — возразил брат. — Ты не можешь отказать, пока он не задаст тебе вопроса.

— Разумеется, — сказала Клара, — но я хорошо знаю, как сделать, чтобы он и вопроса не задал. Я возвращу леди Бинкс ее поклонника, не приняв от него в виде выкупа никакой любезности.

— Это уж никуда не годится, Клара, — ответил Моубрей. — Ты не должна забывать, что он мой друг и гость и что его нельзя оскорблять в моем доме. Пусть все идет само собой. К тому же подумай одну минутку, Клара, не лучше ли тебе все-таки немного поразмыслить. Предложение, которое он намеревается сделать, весьма заманчиво: титул, богатство и, что еще важнее, право широко пользоваться этим богатством.

— Это уже вне рамок нашего молчаливого уговора, — возразила Клара. — Я и так уступила больше, чем считала для себя возможным, согласившись принять этого графа как обычного гостя. А теперь ты одобрительно говоришь о его притязаниях. С твоей стороны это недобросовестно, Моубрей. Берегись, я снова начну упрячиться и совсем откажусь его видеть.

— Делай как хочешь, — ответил Моубрей, который понял, что, лишь играя на ее привязанности к нему, он сможет добиться от нее каких-нибудь уступок, — делай как хочешь, дорогая Клара, но только, ради бога, утри слезы.

— И веди себя, — сказала она, пытаясь улыбнуться и одновременно выполняя его просьбу, — веди себя, хочешь сказать ты, «как все люди на этом свете». Впрочем, моя цитата все равно пропадет впустую — ты ведь не читаешь ни Прайора, ни Шекспира.

— И слава богу! — отозвался Моубрей. — Голова у меня и без того забита. Стану я еще, как ты и леди Пен, перегружать ее лишним хламом — стихами! Ну, вот и отлично: подойди к зеркалу и приведи себя в порядок.

Для того чтобы женщина утратила всякий интерес к своей внешности, надо, чтобы горе и страдание окончательно сломили ее. Даже сумасшедшая в Бедламе плетет себе венок из соломы и носит его не без некоторой претензии на элегантность. Мы знаем некую вдову, которая искренне оплакивала недавнюю утрату, но тем не менее носила траур с известного рода скорбным изяществом, доходившим почти до кокетства. Клара Моубрей, как бы она ни пренебрегала на первый взгляд своей внешностью, тоже сохранила свою манеру одеваться, хотя туалет ее всегда был прост и отнимал очень мало времени. Она сняла с головы шапочку для верховой езды и, распустив золотой шнурок индийской работы, связывавший ее локоны, слегка тряхнула головой, так что они пышной темной блестящей волной рассыпались по ее стройному, гибкому стану, покрыв его до самой талии. И пока брат, стоя, смотрел на нее со смешанным чувством гордости, любви и сострадания, она, вооружившись большим гребнем и без помощи какой-нибудь *femme d'atours*,¹ сделала себе простую и красивую прическу, какие мы видим на статуях греческих нимф.

— Теперь надо только найти лучшую мою муфту, — сказала она, — и пусть являются принцы и пэры, я готова их встретить.

— Вот еще, муфту! Уже лет двадцать как все позабыли о муфтах! Они вышли из моды до твоего рождения.

— Это не так важно, Джон, — ответила сестра. — Когда у женщины, особенно у такой заядлой старой девы, как я, в руках муфта, — это признак, что она не намерена царапаться. Таким образом, муфта служит своего рода белым флагом и освобождает от необходимости надевать перчатки, что столь предусмотрительно советует девиз наших родичей Мак-Интошей.²

¹ Камеристки (*франц.*).

² Общеизвестно, что в гербе этого древнего рода изображен кот, поднявшийся на задние лапы, и под ним надпись: «Не трдай кот без перчатки». (*Прим. автора.*)

— Пусть будет по-твоему, — сказал Моубрей, — все равно тебя не переупрямишь. — Но что это? Еще письмо? Сегодня утром нас просто засыпают почтой!

— Может быть, небу угодно было, чтобы его милость принял во внимание все опасности, которые ожидают его в этом заколдованном месте, и решил не пускаться на авантюры, — предположила мисс Моубрей.

Брат бросил на нее недовольный взгляд и распечатал письмо, адресованное ему, с припиской: «Срочно и секретно». Содержание письма, весьма изумившее его, будет изложено в начале следующей главы.

Глава XXIV

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ

.. Прочтите, герцог, это вот письмо.

Я нищ,
Но выставлю бойца, который кровью
Докажет все, что сказано в письме.

«Король Лир»¹

В письме, которое Моубрей получил и прочел в присутствии сестры, содержалось следующее:

«Сэр,

У Клары Моубрей друзей не много, — может быть, и ни одного, кроме вас — по праву кровного родства, и пишущего эти строки — по праву самой сердечной, искренней и бескорыстной привязанности, какую мужчина когда-либо питал к женщине. Я пишу об этом с достаточной определенностью, ибо хотя мало вероятно, чтобы мне еще когда-нибудь пришлось видаться или беседовать с вашей сестрой, я хочу, чтобы вы вполне ясно представляли себе причину того интереса ко всему, что ее касается, которого я не утрачу до последнего дыхания.

Лицо, именующее себя лордом Этерингтоном, находится, как мне известно, неподалеку от Шоуз-касла

¹ Перевод Б. Пастернака.

и намеревается свататься к мисс Моубрей. С общепринятой точки зрения легко представить себе, что это лицо может выставить свое предложение в таком свете, который сделает его весьма лестным. Но прежде чем вы окажете этому претенденту поощрение, которого, казалось бы, заслуживают его намерения, наведите, пожалуйста, справки, действительно ли он обладает значительным состоянием, неоспоримо ли положение, занимаемое им в обществе, и не удовлетворяйтесь поверхностными сведениями и о том и о другом. Человек этот может оказаться обладателем состояния и титула, а единственным его правом на них будут алчность и дерзость, с которыми он их присвоил. Если мистер Моубрей, как можно полагать, ревниво блюдет честь своего дома, подобный союз нанесет ему только величайший ущерб. Все сказанное исходит от человека, способного доказать то, что он пишет».

После первого беглого ознакомления со столь необычным посланием Моубрей склонен был увидеть в нем злонамеренную выходку кого-либо из тех, кто лечился на водах. Ведь изобилующие на курортах пошляки нередко прибегают к анонимным письмам как безопасному и легкому способу морочить людей, к тому же безошибочно рассчитанному на то, чтобы вызвать как можно больше смутнения и доставить как можно больше неприятностей. Но более тщательно обдумав все, он поколебался в своем первоначальном мнении и, внезапно очнувшись от раздумья, в которое был погружен, спросил, где посланец, доставивший письмо. «Кажется, в холле», — ответил слуга, и Моубрей устремился в холл. Нет, посланца там уже не было, но Моубрей мог еще видеть удаляющегося по аллее человека. Он окликнул его, ответа не последовало, и он побежал догонять посланца, по виду — крестьянина. Заметив, что за ним гонятся, человек этот прибавил шагу и, выйдя из аллеи, быстро свернул на одну из боковых тропок, хаотически протоптанных сборщиками орехов или просто гуляющими в зарослях кустарников и деревьев, окружавших замок: из-за этих зарослей последний, без сомнения, и получил

свое название — Шоуз, ибо словом этим означаетс^я на шотландском наречии такой именно лес.

Раздосадованный явным желанием этого человека избежать встречи, Моубрей преследовал его довольно долго, пока не запыхался. Беглец уже давно скрылся из виду, и Моубрей в конце концов подумал, что предстоящий визит лорда Этерингтона требует его присутствия в замке.

Молодой лорд действительно прибыл в Шоуз-касл спустя лишь несколько минут после ухода Моубрея; было странно даже, что они не встретились в аллее. Слуга, к которому он обратился, подумал, что хозяин все равно сейчас возвратится, так как вышел без шляпы, и потому без доклада впустил гостя в столовую, где Клара с книгой в руках сидела у окна, настолько погруженная в чтение или в свои мысли, что даже не подняла головы, пока лорд Этерингтон, подойдя ближе, не произнес: «Мисс Моубрей...» Она вздрогнула и в смертельном испуге громко вскрикнула — сперва один раз, потом другой, когда лорд сделал еще один шаг вперед и уже более твердым голосом сказал:

— Клара!

— Не подходите, не подходите, — вскричала она, — если хотите, чтобы я взглянула на вас и осталась жива!

Лорд Этерингтон остановился, словно колеблясь и не зная, приблизиться ему или отойти; она же быстро и неясно забормотала что-то, умоляя его уйти и обращаясь к нему при этом то как к живому человеку, то — еще чаще — словно к призраку, порожденному ее воображением.

— Я знала это, — бормотала она, — я знала, что произойдет, если меня заставят думать об этих вещах. Брат, заговори со мной, заговори со мной, пока у меня еще сохранился разум, и скажи, что передо мною стоит только бесплотная тень! Но это не тень — оно тут, подле меня, во плоти, в облике живого существа!

— Клара, — сказал граф решительным, но более мягким голосом, — соберись с духом и успокойся.

Да, я не тень, я много выстрадавший человек и пришел требовать своих прав на то, чего был несправедливо лишен. Теперь у меня не только право, но и власть, и мои требования должны быть выслушаны.

— Никогда, никогда! — повторила Клара Моубрей. — Раз удел мой — отчаяние, пусть отчаяние и придаст мне мужества. Нет у вас прав — никаких. Я вас не знаю, я не желаю знать вас!

— Не отрекайся от меня, Клара, — ответил граф. Как теперь отличались тон его и манеры от тех, которыми восхищалось в нем светское общество! Сейчас голос и облик его были торжественны, трагичны и почти суровы, как у судьи, произносящего приговор над преступником. — Не отрекайся от меня, — повторил он. — Я — твой рок, и только от тебя зависит, будет он благостным или горьким.

— Как смее вы это говорить? — сказала Клара, и глаза ее загорелись гневом, хотя побелевшие губы дрожали от страха. — Как смее вы это говорить, зная, что над нами то же небо, которым вы торжественно поклялись, что никогда больше не увидите меня без моего согласия?

— Клятву я давал на определенном условии: Фрэнсис Тиррел, как он себя именует, клялся в том же самом, а разве он с тобой не виделся? — Граф устремил на нее пронзительный взгляд. — Он виделся с тобой, ты не смеешь этого отрицать. Почему же клятва, которую он разорвал, как паутину, для меня должна быть железной цепью?

— Увы! Мы виделись лишь мгновение, — сказала мисс Моубрей, пав духом и опустив голову.

— Пусть хоть двадцатую долю мгновения, пусть хоть самую ничтожную долю, на какую можно делить время, и все же вы встретились, он видел тебя, ты говорила с ним. Так и меня ты тоже должна увидеть, тоже должна выслушать! Не то я сперва предъявлю свои права на тебя перед лицом всего света, а защитив их, разыщу и уничтожу проклятого соперника, дерзнувшего посягнуть на них.

— Как можете вы это говорить? — повторила Клара. — Как можете вы разрывать эти естественные узы? Есть ли у вас сердце?

— Есть, и оно будет мягче воска, едва ты выразишь малейшую прихоть — только бы ты согласилась восстановить справедливость. Но даже гранит, даже самое твердое вещество в природе не поспорит с ним в твердости, если ты станешь упорствовать в бесплодном сопротивлении. Клара Моубрей, я — твой рок.

— Нет, гордец, — произнесла Клара, поднимаясь с места. — Бог не даст даже одному черепку разбить другой без своего святого соизволения; судьба моя в руках господя, а против его воли даже воробей не упадет на землю. Уйди, я сильна своей верой в помощь божью.

— Ты это искренне говоришь? — спросил граф Этерингтон. — Сперва поразмысли, чего ты можешь ждать. Я не какая-нибудь сомнительная или двусмысленная личность. Тебе предлагается не просто имя мужа, я сулю тебе не убогую участь в неизвестности и нужде, с боязнью прошлого и тревогой о будущем. Кроме того, было время, когда ты благосклонно отнеслась бы к подобному сватовству. Сейчас я занимаю высокое положение среди знатных людей страны, я предлагаю тебе, как своей жене, разделить и честь, выпавшую мне на долю, и подобающее богатство. Твой брат мне друг и благосклонно относится к моему сватовству. Я подниму из праха и снова сделаю знаменитым ваш древний род. Жить ты будешь согласно своим желаниям, даже капризам. Моя самоотверженность настолько велика, что я, если ты будешь настаивать на столь суровой мере, позволю тебе поселиться отдельно от меня, жить своим собственным домом и обещаю не вмешиваться в твою жизнь, пока моя преданная любовь и неизменная заботливость не победят твою непреклонность. На все это в будущем я согласен. То же, что между нами происходит, должно быть сокрыто от общества. Но ты станешь моею, Клара Моубрей!

— Никогда, никогда! — ответила она с возрастающей горячностью. — Я могу лишь повторить свой

отказ, но он будет обладать всей силой клятвы. Ваше положение для меня — ничто, ваше богатство я презираю. Ни по шотландским законам, ни по законам естества брат мой не имеет права принудить меня к замужеству. Мне ненавистно ваше предательское поведение и мерзки выгоды, которые вы рассчитываете получить благодаря ему. А если бы закон и отдавал вам мою руку, то вы получили бы руку мертвой.

— Увы, Клара, — сказал граф, — ты тщетно бьешься в сетях. Но сейчас я больше не буду настаивать: мне предстоит еще другая встреча.

Он уже собирался уходить, но тут Клара, рванувшись вперед, схватила его за руку и тихим, внушительным голосом повторила заповедь:

— Не убий!

— Не опасайся насилия с моей стороны, — отозвался лорд мягким тоном, пытаясь удержать ее руку, — оно может быть только следствием твоей суровости. Фрэнсису ничто с моей стороны не грозит, разве что ты будешь очень уж неблагоразумна. Дай мне лишь то, в чем ты не можешь отказать ни одному приятелю твоего брата, — возможность видеться с тобой время от времени, сдержи хотя бы немного свое неодолимое отвращение ко мне, и я тоже удержу в границах мой справедливый гнев, который иначе будет неукротим.

Клара освободила свою руку и, отпрянув, ответила:

— Над нами небо, которое рассудит, кто из нас двоих прав. Вы злоупотребляете предательски захваченной властью, вы разбиваете сердце, никогда не сделавшее вам зла, вы ищете брачного союза с несчастной, единственное желание которой — обвенчаться с могилой. Если брат мой приведет вас сюда — ничего не поделаешь, и если появление ваше может предупредить кровавое и противоестественное насилие — пусть будет так. Но моего согласия на ваши посещения нет. И если бы мне дан был выбор, то пусть бы мои глаза ослепли на всю жизнь, только бы им не видеть вас, и пусть бы уши мои засыпала могильная земля, только бы им не слышать ваш голос!

Граф Этерингтон с горделивой улыбкой ответил:

— Даже это, сударыня, я выслушаю без гнева. Как тщательно ни стараетесь вы, чтобы в согласии вашем отсутствовали малейшие признаки любезности и дружелюбия, я принимаю разрешение посещать вас — ибо так я понимаю ваши слова.

— Нет, не понимайте их так, — ответила она. — Я только терплю ваше присутствие как неотвратимое зло. Беру небо в свидетели, что, если бы речь шла не о предотвращении еще худшего, еще более ужасного зла, я не примирилась бы и с этим.

— Пусть же будет только примиренность, — сказал он. — Я так благодарен вам хотя бы за это, мисс Моубрей, что все это останется между нами; впрочем, и вам, наверно, нежелательно, чтобы об этом знали другие. И если только я не буду вынужден прибегнуть к самозащите, то можете быть уверены, что я не предприму каких бы то ни было насильственных действий. А теперь избавляю вас от своего присутствия.

С этими словами он вышел из комнаты.

Глава XXV

ОБЪЯСНЕНИЯ

Печать, не обижайся, что сломалась.

*Шекспир*¹

В холле Шоуз-касла граф Этерингтон встретился с Моубреем, который возвратился после безуспешного преследования человека, доставившего анонимное письмо, и только сейчас узнал, что граф Этерингтон беседует с его сестрой. Оба были несколько смущены: Моубрей никак не мог выбросить из головы то, что стояло в анонимном письме; а лорд Этерингтон, несмотря на хладнокровие, которое ему удалось сохранить, был все же сильно взволнован своим бурным

¹ Перевод Б. Пастернака,

объяснением с Кларой. Моубрей спросил графа, видел ли он его сестру, и пригласил его вернуться в гостиную. Лорд ответил на это самым безразличным тоном, какой ему удалось принять, что он уже имел честь пробыть несколько минут в обществе молодой леди и не хочет больше докучать мисс Моубрей.

— Полагаю, вы были достаточно любезно приняты, милорд? — спросил Моубрей. — Надеюсь, что Клара в мое отсутствие достойным образом выполнила обязанности хозяйки дома?

— Мое неожиданное появление, по-видимому, застало мисс Моубрей несколько врасплох, — ответил граф, — слуга ввел меня без доклада. А если первая встреча происходит внезапно и случайно, всегда возникает известная неловкость, особенно когда нет третьего человека, выступающего в роли церемониймейстера. Судя по тому, как держала себя молодая леди, я подозреваю, что вы недостаточно строго хранили нашу тайну, друг мой. Я и сам ощущал некоторое смущение при первой беседе с мисс Моубрей, но теперь это все позади. Раз уж лед сломан, я надеюсь, что мне еще не раз представится благоприятный случай гораздо больше оценить счастье, которым является для меня личное знакомство с вашей прелестной сестрой.

— Будем надеяться, — сказал Моубрей. — Но раз уж вы теперь покидаете нас, я хотел бы обменяться с вашей милостью несколькими словами, а холл место для этого неподходящее.

— Не возражаю, дорогой Джек, — ответил Этерингтон, следуя за ним с ощущением какой-то смутной тревоги: так, может быть, чувствует себя паук, когда он видит, что расставленной им паутине угрожает опасность, и, раскачиваясь в самом центре ее, смотрит во все стороны и не понимает, куда ему раньше всего броситься на защиту. Такова часть — и немалая часть — расплаты, всегда ожидающей тех, кто, пренебрегая «правилами честной игры», добивается своих целей интригами и обманом.

— Милорд, — сказал Моубрей, когда они вошли в комнату, где лэрд хранил свои ружья, рыболовную

снасть и другие принадлежности для спорта, — должен признать, вы проявили со мной полную искренность, более того — вы охотно шли мне навстречу. Поэтому когда до меня доходят слухи, порочащие вашу милость, я не могу не довести их тотчас же до вашего сведения. Вот анонимное письмо, которое я только что получил. Может быть, ваша милость узнает почерк и сумеет, таким образом, обнаружить автора.

— Узнаю, чья это рука, — ответил граф, взяв протянутое ему Моубреем письмо, — и должен вам сказать, что это единственная рука, которая посмела бы начертать порочащую меня клевету. Я надеюсь, мистер Моубрей, что для вас просто немыслимо рассматривать эти гнусные выпады иначе, как заведомую ложь?

— То, что я, не наведя предварительно никаких справок, сразу передал письмо вашей милости, ясно говорит о том, что я считаю его содержание ложью, милорд. В то же время я ни на одно мгновение не усомнюсь, что ваша милость имеет полную возможность самым убедительным и очевидным образом опровергнуть столь неискусную клевету.

— Без сомнения, я могу это сделать, мистер Моубрей, — сказал граф. — Не говоря уже о том, что я действительно владею сейчас состоянием и титулом моего отца, покойного графа Этерингтона, я готов представить в подтверждение моих прав брачный контракт моего отца, свидетельство о моем крещении и показания всей округи. Все это и будет представлено мною в кратчайший срок: я полагаю, вы согласитесь, что никто не возит с собой подобных документов в почтовой карете.

— Разумеется, милорд, — сказал Моубрей, — достаточно, если их можно получить, как только они потребуются. Но разрешите мне спросить, милорд, кто писал это письмо и какое злобное чувство рассчитывает он утолить столь наглым и столь легко опровержимым обвинением?

— Он является, — сказал Этерингтон, — или, в всяком случае, по общему мнению, считается близким, к сожалению весьма даже близким моим род-

ственником, в сущности — братом по отцу, но незаконным. Отец мой любил его, я тоже: у него есть необыкновенно привлекательные черты, и он слывет человеком отлично образованным. Но при этом голова у него не совсем в порядке, коротко говоря — он в некотором смысле помешанный, что и проявляется довольно обычным образом: несчастный юноша часто оказывается во власти нелепых фантазий и верит в свое высокое достоинство и величие — это, может быть, наиболее частое следствие безумия, — которые и внушают ему глубочайшую неприязнь к самым близким его родственникам и в особенности ко мне. Внешне, однако, речью, манерами, он производит впечатление вполне нормального человека, настолько, что многие мои друзья усматривают в его выходках скорее злонамеренность, чем помешательство. Но думаю, мне простительно, если я более мягко сужу о том, кто, как полагают, является отпрыском моего отца. И правда, мне очень жаль беднягу Фрэнка, который мог бы показать себя в свете самым достойным образом.

— Могу я спросить, как зовут этого джентльмена? — сказал Моубрей.

— Снисходительность моего отца дошла до того, что он дал ему наше фамильное имя — Тиррел, и назвал Фрэнсисом, как звали его самого. Но единственное имя, на которое он по-настоящему имеет право, — Мартини.

— Фрэнсис Тиррел! — вскричал Моубрей. — Но ведь так зовут того человека, который здесь, на водах, всех перебудоражил как раз перед приездом вашей милости. Вы, может быть, видели вывешенное тут объявление.

— Видел, мистер Моубрей, — ответил граф. — Пожалуйста, не будем больше касаться этого предмета: он-то и является причиной, по которой я не хотел упоминать о моем родстве с этим несчастным человеком. Но для людей с повышенной возбудимостью довольно обычная вещь — затевать безо всякого повода ссоры, а затем бесславно уклоняться от последствий.

— Впрочем, — сказал мистер Моубрей, — ему могли и помешать вовремя появиться на месте поедин-

ка — это, кажется, было как раз в тот день, когда ваша милость получили рану. А если я не ошибаюсь, вы тоже нанесли удар человеку, который вас ранил.

— Моубрей, — произнес лорд Этерингтон, понизив голос и взяв его за руку, — правда, я это сделал и рад отметить, что, каковы бы ни были последствия этого происшествия, серьезными они быть не могут. После мне пришло в голову, что человек, который на меня таким странным образом напал, имел некоторое сходство с несчастным Тиррелом, но ведь я не видел его много лет. Во всяком случае, он не очень пострадал, если способен сейчас продолжать свои козни с целью оклеветать меня.

— Ваша милость довольно спокойно относитесь к этой истории, — заметил Моубрей, — спокойнее, думается мне, чем отнеслись бы многие люди, едва-едва избежавшие, подобно вам, такой беды.

— Ну, во-первых, я вовсе не уверен, что риск подобного несчастья был так уж велик, — сказал лорд Этерингтон. — Как я вам неоднократно говорил, мне не удалось по-настоящему разглядеть негодяя. Во-вторых, я вполне уверен, что сколько-нибудь длительных последствий для него столкновение наше не имело. Слишком уж я старый охотник на лисиц, чтобы прийти в ужас от прыжка лошади, коли она уж прыгнула, и не похож на героя известного рассказа, потерявшего сознание утром при виде пропасти, по краю которой он полз ночью, будучи пьян. Человек, писавший это, — тут лорд Этерингтон кончиком пальца дотронулся до письма, — жив настолько, что способен угрожать мне, и если он был ранен моей рукой, то это случилось тогда, когда он покушался на мою жизнь: шрам, напоминающий об этом происшествии, останется у меня на всю жизнь.

— Я, разумеется, далек от того, чтобы осуждать вашу милость, — сказал Моубрей, — за то, что вы сделали при самозащите, но обстоятельства могли все же обернуться весьма неприятным образом. Смею я спросить, что намерены вы предпринять в отношении этого злосчастного джентльмена, находящегося, по всей вероятности, где-то неподалеку от нас?

— Прежде всего я должен обнаружить его местопребывание, — ответил лорд Этерингтон, — а потом уж обдумать, что надо сделать для безопасности бедного малого, а заодно и моей. Весьма возможно также, что найдутся стяжатели, способные покуситься на сохранившееся у него имущество: уверяю вас, что средства у него достаточные для того, чтобы соблазнить очень и очень многих, которые преспокойно оберут несчастного, потакая всем его причудам. Могу я просить вас навести, с вашей стороны, справки и известить меня, если вы увидите его или прослышите о нем?

— Непременно сделаю это, милорд, — обещал Моубрей, — но единственное известное мне его обиталище — это старая Клейкемская гостиница, которую он избрал своим местопребыванием. Сейчас его там уже нет, но, может быть, старая ведьма хозяйка что-нибудь и знает о нем.

— Не премину навести справки, — сказал лорд Этерингтон. С этими словами он любезно распрощался с Моубреем, вскочил в седло и поехал по аллее к воротам.

«Хладнокровный молодчик, — подумал Моубрей, глядя ему вслед, — чертовски хладнокровный молодчик мой шурин, то есть будущий шурин: подстрелил сводного брата и ощущает при этом не больше угрызений совести, чем если бы стрелял в тетерева. Как бы он поступил со мной, если бы нам случилось повздорить? Ну что ж, я стреляный воробей и на ногу себе наступить не дам: дело иметь ему придется не с каким-нибудь простофилей, а с самим Джеком Моубреем».

Тем временем граф Этерингтон поспешил возвратиться к себе домой в отель. Не слишком довольный событиями текущего дня, он начал писать своему корреспонденту, агенту и доверенному капитану Джекилу письмо, которое, по счастью, мы имеем возможность представить вниманию читателя.

«Друг Гарри,

Говорят, что о беде, грозящей дому, узнают по тому, что из него убегают крысы; о беде, грозящей государству, — по отпадению его союзников; а о том, что

плохи дела у человека, — по тому, что от него отворачиваются друзья. Если это верно, то твое последнее письмо не сулит мне ничего доброго. Думается мне, ты походил и пожил бок о бок со мною вполне достаточно для того, чтобы обрести некоторое доверие к моему *savoir faire*¹ и хоть немножко поверить в мои возможности и способности. Какой же упорный дьявол внушил тебе вдруг то, что я, по твоему мнению, должен, видимо, считать разумной осмотрительностью или щепетильной совестливостью, но что, на мой взгляд, является лишь признаком робости и недружелюбия ко мне? Ты не можешь и помыслить о «поединке между столь близкими родичами», дело представляется тебе «весьма щекотливым и сложным»; далее ты утверждаешь, что суть его я тебе никогда полностью не разъяснил и — более того — что если я рассчитываю на твое деятельное участие в нем, то должен почтить тебя своим полным, ничем не ограниченным доверием, без которого ты не можешь оказать мне желаемую поддержку. Таковы твои выражения.

Что касается щепетильных соображений насчет близкого родства и тому подобного, то все обошлось более или менее благополучно и наверняка больше не повторится. Кроме того, разве тебе никогда не приходилось слышать о раздорах между друзьями? И разве они не имеют в таких случаях права на те привилегии, которые обычай предоставляет джентльменам? К тому же откуда мне знать, действительно ли этот чертов малый со мной в родстве? Говорят, что только очень уж умный сын точно знает, кто его отец; я же не притязаю на такой ум, который позволил бы мне распознать в человеке незаконного сына моего отца. Вот все, что можно сказать по поводу родства. Что же касается до полного и ничем не ограниченного доверия к тебе — ну, знаешь, Гарри, это то же самое, как если бы я попросил тебя посмотреть на свои часы и сказать мне, который час, а ты бы ответил, что не можешь сообщить этого в точности, так как не обследовал пружин, противовесов, колесиков и вообще всего

¹ Умению жить (франц.).

внутреннего механизма этого приспособления для измерения времени. Суть же дела сводится к следующему. Гарри Джекил, парень не глупее всякого другого, полагает, что друг его, лорд Этерингтон, прижат к стене и что он, Гарри, достаточно хорошо зная обстоятельства жизни вышеназванного благородного лорда, может принудить его милость сообщить ему всю свою историю целиком. И, может быть, Гарри также вполне основательно считает, что являться хранителем некоей тайны в целом и почетнее и, вероятно, даже выгоднее, чем знать лишь половину ее. Короче говоря, он решил использовать все имеющиеся у него в руках козыри. Другой человек, добрейший мой Гарри, взял бы на себя труд напомнить тебе былые времена и обстоятельства и под конец высказать скромное мнение, что ежели Гарри Джекила сейчас попросили оказать какую-то услугу вышеупомянутому благородному лорду, то вознаграждение за нее Гарри получил заблаговременно. Но я не стану этого делать, так как содействие друга, помогающего мне в надежде на грядущие выгоды, я предпочитаю помощи, которую мне оказывают в благодарность за прошлые блага. Это ведь как на псовой охоте: в первом случае собака лучше чует след лисы и быстрее бежит за нею, во втором — след теряется, собака чует его хуже и не может догнать лису. Посему я уступаю обстоятельствам и готов поведать тебе всю историю, хоть она и длинновата, в надежде, что под конец ты почувешь такую дичь, за которой устремись со всех ног.

Итак, дело в следующем. Фрэнсис, пятый граф Этерингтон и мой глубокочтимый родитель, был, что называется, человеком весьма эксцентричным, то есть ни мудрецом, ни безумцем: у него хватало здравого смысла не бросаться в колодец, но тем не менее я сам свидетель, как во время находивших на него припадков гнева ему случалось впадать в такую ярость, что он способен был бросить туда кого-нибудь другого. Многие считали, что в голове у него не все в порядке, но я не хочу быть птицей, которая гадит в собственном гнезде и т. д., и потому умолкаю на этот счет. Сей не вполне уравновешенный пэр был в остальном

человек привлекательной наружности и образованный, с выражением лица несколько высокомерным, но удивительно приятным, когда он того хотел, — одним словом, это был мужчина, который мог иметь успех у прекрасного пола.

Лорд Этерингтон, каким я его описал, совершая, по обычаю, путешествие во Францию, отдал свое сердце, — а кое-кто уверяет, что он не пожалел и руки, — некоей прекрасной сироте, Мари де Мартиньи. Считается (подчеркиваю, что я ни в чем не уверен), что отпрыском этого союза и является докучная личность по имени Фрэнсис Тиррел, как он себя называет, или Фрэнсис Мартиньи, как предпочел бы называть его я: последнее имя более соответствует моим видам, равно как первое — его претензиям. Я слишком хороший сын, чтобы согласиться с предполагаемой законностью брака моего глубокочтимого и добрейшего отца с означенной Мари де Мартиньи, ибо сей глубокочтимый и добрейший родитель мой по возвращении в Англию сочетался перед лицом церкви браком с моей горячо любимой и наделенной богатым приданым матушкой — Энн Балмер из Балмер-холла, от какового счастливого союза и происхожу я, Фрэнсис Вэлентайн Балмер Тиррел, столь же законный наследник достояния моих отца и матери, сколь гордым носителем их древних имен был я с самого начала. Но благородные эти и богатые супруги, хотя небо и благословило их союз, даровав им такой залог любви, как я, жили между собой весьма несогласно, и эти неважные отношения еще ухудшились, когда глубокочтимый батюшка мой, послав во Францию за Лжесозием, этим злосчастливым Фрэнсисом Тиррелом-старшим, настоял, чтобы последний, вопреки приличиям, жил в его доме и во всех отношениях разделял преимущества того воспитания, которое так необыкновенно пошло на пользу настоящему Созию — Фрэнсису Вэлентайну Балмеру Тиррелу, в то время обычно именовавшемуся лордом Окендейлом.

Многообразны были супружеские ссоры, возникавшие между благородными лордом и леди из-за этого неблагоприятного соединения двух отпрысков — закон-

ного и незаконного, и нередко мы, предмет всех раздоров, становились их свидетелями, что было столь же благоразумно со стороны родителей, сколь и благопристойно. Однажды моя высокочтимая матушка, дама, в выражениях не стеснявшаяся, нашла, что язык, принятый в ее кругу, не способен выразить всю силу ее великодушных чувств, и потому, позаимствовав у простонародья два крепких словца, она прилепила их к Мари де Мартиньи и ее сыну Фрэнсису Тиррелу. Никогда еще особа, увенчанная графской короной, не приходила в ярость более необузданную, чем та, что нашла на моего глубокочтимого батюшку: в пылу спора он, последовав примеру моей матушки, заявил ей, что если в его семье имелись когда-либо девка и байстрюк, то это как раз она и ее отпрыск.

Я и тогда был малый сообразительный, и меня весьма потрясли эти слова, вырвавшиеся в необузданном раздражении у моего глубокочтимого батюшки. Правда, он тотчас же овладел собою и так как, может быть, вспомнил слово «двоеженство», а моя мать подумала о последствиях превращения из графини Этерингтон в миссис Балмер — ни жену, ни девицу, ни вдову, между ними и установился мир, не нарушавшийся в течение некоторого времени. Но разговор этот глубоко врезался в мою память, тем более что однажды, когда я попытался повести себя в отношении любезного друга Фрэнсиса Тиррела со всем авторитетом законного сына и лорда Окендейла, старик Сесил, доверенный камердинер моего отца, пришел в негодование и даже намекнул на возможность того, что нам с братом придется обменяться местами. В обоих этих случаях я усмотрел некий ключ к длинным проповедям, которыми часто угощал нас, мальчиков, особенно же меня, наш батюшка, — проповедям на тему об исключительном непостоянстве судеб человеческих, о шаткости даже самых обоснованных расчетов и надежд и о необходимости настолько преуспеть во всех полезных отраслях знания, чтобы успехи в них могли при неблагоприятных обстоятельствах заменить положение и богатство. Как будто искусство или наука могут заменить графский титул и двенадцать тысяч

в год! Все эти разглагольствования весьма тревожили мой ум, ибо я усматривал в них стремление подготовить меня к неприятным житейским переменам. Когда же я подрос настолько, что оказался в состоянии потихоньку навести все справки, какие только были в пределах возможного для меня, то еще больше убедился, что мой высокочтимый батюшка питает намерения превратить Мари де Мартиньи в честную женщину, а Фрэнсиса — в моего законного старшего брата, если не при жизни своей, то хотя бы посмертно. Окончательно же убедился я в этом после того, как небольшая интрижка, которую я завел с дочкой моего воспитателя, навлекла на мою голову жесточайший гнев родителя: он услал меня и моего брата в Шотландию с очень жалким содержанием и без всяких рекомендательных писем, если не считать письма к некоему весьма степенному, чтобы не сказать угрюмому, старому профессору, и запретил мне носить звание лорда Окендейла, приказав довольствоваться именем моего деда по матери — Вэлентайна Балмера, поскольку имя Фрэнсиса Тиррела уже занято.

Тут уж, несмотря на страх, который внушали мне приступы отцовской ярости, я решился заметить, что раз мне приходится отказаться от титула, то не могли я сохранить хотя бы свою фамилию, а брат мой пусть носит фамилию своей матери. Видел бы ты гневный взгляд, который папенька метнул в мою сторону, когда я произнес эти смелые слова! «Ты, — сказал он и остановился, словно подыскивая выражение посильнее, чтобы заполнить паузу, — ты сын своей матери и вылитый ее портрет» (ничего хуже он, видимо, придумать не мог); носи же ее имя, носи его терпеливо и не выставляясь напоказ, не то, клянусь честью, тебе во всю твою жизнь не носить другого».

Угроза эта наложила мне на уста печать. Затем, уже по поводу моей интрижки с упомянутой выше дочерью воспитателя, отец стал распространяться насчет безумия и преступности тайных браков; предупредил меня, что в стране, куда я еду, нередко под ворохом цветов таится брачная петля и человек

ощущает ее на своей шее в момент, когда он меньше всего рассчитывал украсить подобным галстуком; наконец, уверил меня, что у него особые намерения насчет моего и Фрэнсиса устройства в жизни и что он никогда не простит тому из нас, кто, поторопившись завязать подобные узы, воспрепятствует его планам.

Сие перемешанное с угрозами наставление я выслушал спокойнее, ибо оно в равной степени относилось и к моему сопернику. Итак, нас выпроводили в Шотландию, сосворенных словно два пойнтера в одной упряжке и — за одного из нас я, во всяком случае, могу поручиться — с обоюдным неприязненным чувством. Неоднократно ловил я устремленный на меня странный взгляд Фрэнсиса, выражавший нечто вроде жалости и тревоги; раз или два он как бы попытался начать разговор о положении, в котором мы оказались по отношению друг к другу, но у меня не было желаний вести задушевную беседу. Ввиду того, однако же, что, по указанию отца, мы должны были считаться не родными, а двоюродными братьями, между нами вскоре установились отношения если не дружеские, то, во всяком случае, товарищеские.

Что думал Фрэнсис, я не знаю; но, со своей стороны, должен признаться, что рассчитывал при первой же возможности поправить отношения с отцом, хотя бы и за счет соперника. Но Фортуна, не предоставив мне подобной возможности, вместо того завела нас обоих в такой странный и запутанный лабиринт, какого эта капризная богиня не ставила на пути еще ни одному человеку и из которого я и посейчас стараюсь выбраться хитростью или силой. Доныне дивлюсь я странному стечению обстоятельств, сплетшему такую сложную сеть событий.

Отец мой был страстный охотник, и мы с Фрэнсисом оба унаследовали его склонность, но увлечение наше было еще острей и восторженней. Эдинбург, где довольно сносно зимой и весной, летом становится неприятен, а осенью это самое унылое *séjour*,¹ на какое только может быть осужден смертный. Все уве-

¹ Местопребывание (франц.).

селительные заведения закрыты; из порядочного общества никого в городе не остается, а те, кто не имеет возможности уехать, скрываются в каком-нибудь укромном уголке, словно стыдятся, что их могут увидеть на улице. Дворяне отправляются в свои поместья, горожане — на морские купанья, адвокаты разъезжаются по судебным округам, стряпчие — к своим сельским клиентам, и все вообще — на охоту. Мы, горестно чувствовавшие, как зазорно оставаться в городе во время мертвого сезона, не без труда добились от графа разрешения поехать в какое-нибудь глухое местечко, где можно стрелять дичь, если только нам удастся получить на это разрешение просто как английским студентам Эдинбургского университета, не ссылаясь на что-либо иное.

В первый год нашей ссылки мы ездили в горные местности Шотландии, но так как нашей охоте всячески препятствовали лесные сторожа и их помощники, на второй год мы обосновались в деревушке Сент-Ронан, где тогда не было курорта, фешенебельной публики, игорных столов, не было и никаких чудачков, кроме полоумной старухи — хозяйки гостиницы, в которой мы поселились. Местечко пришлось нам по вкусу. Наша хозяйка поддерживала дружеские связи с неким стариком, доверенным лицом одного дворянина, не живущего в своем поместье, — так получили мы разрешение охотиться на его землях, которым и воспользовались — я с большим увлечением, Фрэнсис с несколько меньшим. Нрава он был задумчивого, довольно замкнутый и часто предпочитал охоте одинокие прогулки среди красивого дикого ландшафта, окружающего деревушку. Кроме того, он любил рыбную ловлю — нелепейшую из людских забав; это тоже способствовало тому, что мы очень часто блуждали порознь. Меня это, пожалуй, даже устраивало: не то чтобы я в то время ненавидел Фрэнсиса, не то чтобы общество его было мне противно — нет, просто неприятно постоянно быть с человеком, чьи интересы, на мой взгляд, находились в полном противоречии с моими. Кроме того, я даже несколько презирал его за, видимо, все усиливающееся у него равнодушие к охоте.

Но у этого джентльмена вкус был лучше, нежели я думал: если он не охотился за куропатками среди холмов, так зато выследил в лесу фазана.

Кларе Моубрей, дочери владельца сент-ронанского поместья, которое отличалось не столько доходностью, сколько живописностью, было в то время лет шестнадцать; воображению трудно представить себе более живую в своей непосредственности и более прекрасную лесную нимфу, чем была она, неискушенная, как ребенок, во всем, что касалось мирских дел, но с острым, как игла, умом во всем, чему ей удалось обучиться; ни от кого не ждавшая зла и по природе обладавшая жизнерадостным складом ума, который вносил оживление и веселье всюду, где бы она ни появилась. Делала она что хотела, следуя лишь своим влечениям: отец ее, довольно угрюмый и ворчливый старик, был прикован подагрой к своему креслу, а единственная ее подружка, девушка более низкого звания, привыкла с почтением относиться ко всем причудам мисс Моубрей, сопровождая ее, правда, во всех ее пеших и верховых прогулках, но и не помышляя о том, чтобы препятствовать ее прихотям и забавам.

Пустынность этой местности (в то время) и простота ее жителей делали подобные блуждания, видимо, вполне безопасными. Фрэнсис — везло же ему, собаке! — сделался спутником обеих девушек благодаря вот какому случаю. Мисс Моубрей и подружка ее переоделись крестьянками, чтобы подшутить над семьей одного довольно состоятельного фермера. Проказа эта вполне удалась, и они возвращались домой после захода солнца, как вдруг им повстречался деревенский парень, своего рода Гарри Джекил, который, пропустив предварительно один-два стакана виски, не распознал за крестьянским платьем голубую кровь и пристал к дочери сотни благородных предков, словно она простая молочница. Мисс Моубрей стала громко возмущаться, спутница ее принялась кричать; вот тут-то появился кузен Фрэнсис с ружьем за плечами и вскоре обратил мужлана в бегство.

Таково было начало знакомства, которое стало уже довольно близким, когда я его обнаружил. Пре-

красная Клара поняла, видимо, что бродить по лесам под охраной более безопасно, чем одной, и мой начитанный и чувствительный родич сделался почти что постоянным ее спутником. В их возрасте естественно было, что они не так-то скоро поймут друг друга, однако полное доверие и близость установились между ними еще до того, как я услышал об их встречах.

Здесь, Гарри, мне придется сделать паузу и заключение послать тебе в другом конверте. Ра́на в локоть, которую я получил в тот день, отдается в кончиках пальцев, и ты, уж пожалуйста, не слишком брани меня за почерк».

Глава XXVI

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИСЬМА

Как! сам я должен размотать
 пред всеми
Клубок своих безумств?

*Шекспир*¹

«Берусь снова за перо, Гарри, чтобы сообщить тебе, не скрывая, какое я испытал изумление, когда Фрэнсис, вынужденный к тому обстоятельствами, посвятил меня в свою любовную интригу. Мой степенный кузен влюбился! Он уже на краю пропасти — тайного брака! Он, который по любому поводу (что отнюдь не улучшало наших взаимоотношений) читал мне наставления насчет сыновнего долга, готов и сам сбросить докучливую узду! Никогда в жизни не сумел бы я сказать, какое чувство во мне тогда преобладало — изумление или злорадство. Я попытался говорить с ним так же, как он говорил со мной, но либо моим речам не хватало убедительности, либо он не способен был внимать голосу рассудка. Он настаивал на том, что положение у нас с ним не одинаковое, что злополучные обстоятельства его рождения (как он выразился), во всяком случае, делают его хотя бы до

¹ Перевод М. Донского.

некоторой степени независимым от воли отца, что один из родственников по матери завещал ему небольшое состояние, которое мисс Моубрей согласилась с ним разделить, и, наконец, что он нуждается не в советах моих, а в помощи. Поразмыслив с минуту, я пришел к убеждению, что поступил бы неблагоприятно не только по отношению к нему, но и к самому себе, если бы отказался всеми силами содействовать его планам, столь соответствующим сыновнему долгу. Мне вспомнились все слышанные от высокородного нашего батюшки обличения шотландских и вообще всяческих тайных браков — обличения тем более пыльные, что, может быть, по этой части он сам был не совсем безупречен. Я вспомнил, что мой степенный братец всегда ходил в любимчиках, вспомнил также — да как можно было их забыть? — зловещие намеки на возможность передачи наследственного имущества и ранга старшему сыну вместо младшего. Не надо было быть кудесником, чтобы предвидеть, что, буде Фрэнсис совершил бы неискупимое преступление — вступил в тайный брак с шотландской красавицей, наш родитель потерял бы всякое желание совершить подобную передачу. Все достоинства моего брата были бы заслонены его непростительным неповиновением, в то время как мои, не затененные более отцовским предубеждением и пристрастностью, засияли бы природным своим блеском. Эти соображения, с быстротой молнии промелькнувшие в моем уме, побудили меня согласиться помогать Фрэнку в затеянной им опасной игре. Мне следовало только остерегаться, чтобы мое участие в этом деле было не слишком явным и не привлекло к себе внимания отца. Впрочем, этого я не слишком опасался: бурные и яростные вспышки его гнева поражали, подобно молнии, всегда что-нибудь одно, но зато с неукротимой силой.

Вскоре я убедился, что влюбленные нуждаются в моей помощи больше, чем я мог предположить, ибо являлись полнейшими новичками в ведении каких бы то ни было интриг, которые для меня было таким же легким и естественным делом, как ложь. Какой-то болтливый согладатай обнаружил, что Фрэнсис про-

гуливается с Кларой, новость эта дошла до старого Моубрея, который ужасно разгневался на дочь, хотя и не знал, что ее преступление состоит не только в таком пустяке, как личное знакомство с безвестным английским студентом. Он запретил ей общаться с Фрэнсисом и решил, выражаясь языком мирового судьи, избавить округу от нашего присутствия. Предусмотрительно не упоминая о вине своей дочери, он подал жалобу на Фрэнсиса, якобы для того, чтобы наказать его за браконьерство в своих владениях, на самом же деле с целью выжить его из округа. Его приметы были подробно указаны всем лесничим и сторожам в окрестностях Шоуз-касла, и какие бы то ни было встречи с Кларой стали для него невозможны, разве что с очень большим риском. Влюбленные до того встревожились, что мастер Фрэнсис счел за благо ради мисс Моубрей тайно удалиться в соседний городок Марчторн и незаметно жить там, общаясь с Кларой только посредством переписки.

Тогда-то я и стал для влюбленных единственным якорем надежды; тогда-то моя изобретательность и ловкость подверглись настоящей проверке. Слишком долго было бы рассказывать, в каких обличьях и к каким только выдумкам ни прибегал я, орудуя в качестве агента, почтальона, передатчика и поддерживая связь между двумя разлученными голубками. У меня в подобных делах тоже бывало немало беспокойства, но я никогда и вполовину столько не трудился, сколько ради этой парочки. Я лазил через заборы, перепрыгивал речки, сбивал собак со следа, не рисковал попасть под удар дубинкой или ружейный выстрел. И при всем том за все свои труды я не стяжал себе ни славы, ни пользы, если не считать в отдаленном будущем упомянутой мною выгоды. Должен признаться, Клара Моубрей была так прекрасна, так безгранично доверяла другу своего возлюбленного, так часто дружески встречалась со мною наедине, что, думалось мне порою, она, по совести говоря, могла бы, не проявляя излишней строгости, хоть чем-нибудь вознаградить столь беззаветного труженика. Но всем обликом своим она была сама чистота, а я в то время

был настолько неискушен, что не знал, как я смогу выпутаться и пойти на попятный, если начну действовать слишком смело. Словом, я решил, что лучше уж буду по-прежнему расчищать русло для беспрепятственного течения счастливой любви, в надежде что течение это и мне в конце концов принесет графский титул и состояние.

Поэтому я не предпринял ничего, что могло бы породить какие бы то ни было подозрения, и в качестве самого доверенного друга влюбленных подготовил все для их тайного брака. Приходский священник согласился совершить церемонию, но мне пришлось, дабы убедить его, привести довод, за который Клара не поблагодарила бы меня, знай она, что я к нему прибег. Я уверил этого доброго человека, что если он откажется выполнить в данном случае свои обязанности, то тем самым воспрепятствует слишком удачливому любовнику честно поступить с соблазненной девушкой. И пастор, у которого, как я убедился, была в характере известная склонность к романтизму, решился, приняв во внимание, что дело не терпит отлагательств, любезно оказать им помощь и соединить их вечными узами, хотя его самого могли впоследствии обвинить в нарушении своего долга. Старик Моубрей большую часть времени проводил у себя в комнате, за дочерью его с тех пор, как Фрэнк перебрался в другое место, наблюдали менее тщательно, брат ее (об этом мне следовало упомянуть раньше) отсутствовал, и нами было решено, что влюбленные встретятся в старой сент-ронанской церкви, когда сумерки совсем сгустятся, и, как только церемония совершится, отправятся в почтовой карете в Англию.

Невозможно представить себе радость и благодарность моего примерного братца, когда все приготовления были закончены и оставалось только назначить день. Он считал, что воспарил на седьмое небо, а между тем терял всякую надежду на положение и состояние и в девятнадцатилетнем возрасте обрекал себя при весьма скромных средствах женой и, повсей вероятности, детьми. Будучи сам еще моложе, я тем не менее все время изумлялся его полнейшему непо-

ниманию жизни, и мне было просто стыдно, что я позволял ему порою разговаривать со мной тоном наставника. И это сознание моего превосходства притупляло чувство ревности, охватывавшее меня при мысли о том, что он получает прекрасную добычу, которая без моей помощи никогда бы ему не досталась.

В разгар этих событий я получил от отца письмо, по ряду причин довольно долго пролежавшее на нашей эдинбургской квартире, затем попавшее на прежнее наше местожительство в горах, снова вернувшееся в Эдинбург и наконец добравшееся до меня в Марчторн в самый критический момент. Это был ответ на одно мое письмо, где — между прочими вещами, которые всегда пишутся примерными мальчиками своим папашам, то есть описаниями местности, сведениями об учении, об охоте и так далее — я, чтобы заполнить должным образом страницу, сообщил отцу и кое-что о семье владетелей Сент-Ронана, неподалеку от которого писал данное письмо. Я и представления не имел, какое впечатление произведет это имя на моего высокородного батюшку, но в письме его все было выражено до конца. Он предлагал мне как можно теснее и ближе познакомиться с мистером Моубреем и, если понадобится, сообщить ему как бы невзначай, кто мы на самом деле такие и какое занимаем положение. Мудро памятуя при этом, что мы можем пренебречь отеческим наставлением, если он не подкрепит его каким-либо веским доводом, его милость чистосердечно посвятил меня в тайну завещания, выражавшего последнюю волю моего двоюродного деда по матери, мистера С. Моубрея из Неттлвуда; ознакомившись с ней, я к своему величайшему изумлению и смятению убедился, что старшему сыну и наследнику графа Этерингтона завещано обширное и прекрасное поместье при условии, что он заключит брачный союз с девушкой из семейства сент-ронанских Моубреев.

Праведное небо! От изумления глаза у меня полезли на лоб. А я-то тут делал все, чтобы поскорее женить Фрэнсиса на девушке, чья рука должна была

обеспечить мне богатство и независимость! Притом, как ни значителен был первый проигрыш, он еще не был последним. О женитьбе отец мой говорил как землемер, но о неттлвудском поместье — как страстный влюбленный. Он пламенел вожделением к каждому его акру и распространялся о том, что оно примыкает к его собственному имению, как об обстоятельстве, не только делавшем их объединение весьма желанным, но как бы предопределявшем его по указанию самой природы. Он, правда, присовокупил, что, ввиду молодости обеих сторон, о брачном союзе разговаривать сейчас еще рано, но ясно было, что в глубине души он одобрил бы любой смелый поступок, укорачивающий тот промежуток времени, который должен был истечь до слияния Окендейла и Неттлвуда в одно поместье.

Тут-то и наступило крушение всех моих надежд. Было ясно как день, что тайный брак, проступок, в сущности, непростительный, становился пустячным и даже похвальным в глазах моего отца, ежели он сочел его наследника с Кларой Моубрей. И если, как я того опасался, отец наш имел возможность установить законность рождения моего брата, ничто не побудило бы его к этому так властно, как уверенность в том, что при этом условии совершится объединение Неттлвуда и Окендейла. Катастрофа, которую я подготавливал в убеждении, что тем самым мой соперник окажется в немилости у родителя, если бы ее оказалось невозможным предотвратить, превратилась бы для моего отца в сильнейшую побудительную причину, в основной повод для того, чтобы отдать предпочтение правам брата перед моими.

Я ушел к себе в комнату, запер дверь, стал читать и перечитывать письмо отца, но, вместо того чтобы предаться бесплодному отчаянию (никогда не надо этого делать, Гарри, даже в самом безнадежном положении), принялся старательнейшим образом обдумывать, нельзя ли чем-нибудь помочь делу. Помешать совершению брачного обряда было легче легкого: для этого было бы более чем достаточно коротенькой записки, потихоньку доставленной мистеру Моу-

брею. Тогда предложение можно было возобновить уже при покровительстве и содействии моего отца, однако при любых обстоятельствах роль, сыгранная мною в интриге между Кларой и моим братом, исключала для меня возможность домогаться ее руки. Среди этого смятения чувств в моем изобретательном уме и дерзновенном сердце возникла мысль — а что, если жениха изображу я? Не забудь, что эта необычайная идея родилась в очень юном мозгу, сперва я отогнал ее, она возвратилась, затем возвратилась еще и еще раз, подверглась всестороннему рассмотрению, потом я свылся с ней и наконец принял ее. Уговориться с Кларой и священником о времени и месте встречи было нетрудно, ибо вся связь между влюбленными шла через меня, а сходство мое с Фрэнсисом в фигуре и росте, то обстоятельство, что мы должны были сойтись переодетыми до неузнаваемости, полумрак в церкви, спешка, в которой должен был совершиться обряд, — все это, полагал я, помешало бы Кларе узнать меня. Священнику мне достаточно было сказать, что, хотя речь у нас шла о моем друге, в действительности счастливец являюсь я сам. Первое имя мое было, как и у него, Фрэнсис. А ко мне Клара была всегда так ласкова, доверчива, проявляла такую лестную для меня сердечность, и я со своим тщеславием *d'un amoureux de seize ans*¹ и самоуверенностью вполне убедил себя, что, когда она окажется в полной моей власти и стыд да еще тысяча других противоречивых чувств помешают ей пойти на попятный, я смогу примирить ее с заменой одного супруга другим.

Наверно, ни у одного умалишенного никогда еще не зарождался в мозгу столь безумный план. Еще более удивительно, — но это тебе хорошо известно, — он так удался, что бракосочетание наше было беспрепятственно совершено священником в присутствии одного из моих слуг и сговорчивой Клариной приятельницы. Мы сели в экипаж и были уже на расстоянии мили от церкви, когда мой злосчастный или счастливый брат

¹ Шестнадцатилетнего влюбленного (*франц.*).

силой остановил карету; каким образом он разузнал о моей маленькой проделке, я так никогда и не выяснил: Солмз проявил себя верным слугой в столь многих случаях, что в этом я не мог его подозревать. Я выскочил из кареты, послал к черту братские чувства и, охваченный яростью, но в то же время стыдясь своего поступка, бросился на Фрэнсиса с охотничьим ножом, который взял с собой на всякий случай. Но тщетно — я был опрокинут, испуганные лошади понесли, и я попал под колеса кареты.

На этом заканчивается мой рассказ. Больше я ничего не видел и не слышал вплоть до дня, когда очнулся, совсем больной, за много миль от места, где произошло столкновение. Ухаживал за мною Солмз. В ответ на мои лихорадочные расспросы он коротко сообщил, что мастер Фрэнсис отправил юную леди в дом ее отца и она, видимо, тяжело заболела из-за всего, что ей пришлось перенести. Врачи, сказал он, считают мое положение еще опасным и добавил, что Тиррел, находящийся тут же в доме, очень обеспокоен моим состоянием. Одно упоминание о нем ухудшило мое состояние и раны мои раскрылись. Как ни странно, лечивший меня врач, степенный джентльмен в парике, нашел, что это пошло мне на пользу. Должен сказать, что меня все это порядком напугало, но зато подготовило к посещению мастера Фрэнка, перенесенному мною с кротостью, на которую он не мог бы рассчитывать, если бы в жилах моих струилось столько же крови, сколько обычно. Но плохое самочувствие и ланцет врача заставляют терпеливо переносить увещания. В конце концов ради того, чтобы избавиться от его окаянного присутствия и не слышать больше его дьявольски спокойного голоса, я далеко не сразу и весьма неохотно согласился на предложенный им выход: мы оба должны навеки распрощаться друг с другом и с Кларой Моубрей. Выслушав это последнее условие, я заколебался.

— Она стала моей женой, — сказал я, — и я имею право считать ее таковой.

Слова эти вызвали целый град высоконравственных упреков, причем Фрэнсис заявил, что Клара

отказывается от супружества со мною, оно ей отвратительно, и, кроме того, раз один из брачащихся обманным путем заменил настоящего жениха, весь обряд по законам любой христианской страны является недействительным. Странно, что мне самому это не пришло в голову. Но мои представления о браке основывались в значительной мере на пьесах и романах, где такие проделки, как моя, часто применяются для развязки, причем незаконность их совершенно не принимается во внимание. К тому же я, как уже говорилось, может быть слишком поспешно положился на свою способность убедить столь юную невесту, как Клара, чтобы она удовлетворилась заменой одного красивого юнца другим.

Когда Фрэнсис, выйдя из комнаты, избавил меня от своего присутствия, за дело принялся Солмз. Он говорил о гневе моего отца, буде вся эта история до него дойдет; о мщении со стороны сент-ронанского Моубрея, человека очень гордого и в то же время сурового; о риске, которому я подвергаюсь, бросив вызов законам, и бог знает еще о каких пугалах, над которыми я просто посмеялся бы, если бы был немного постарше. Ну, словом, я подписал капитуляцию, поклялся исчезнуть навеки и, как здесь говорят, изгнал себя из пределов Шотландии.

Но тут... Гарри, оцени мой ум и проникнись к нему уважением. Во время этих переговоров против меня было решительно все: в войне между мною и Фрэнсисом я был нападающей стороной, получил ранение и, можно сказать, находился в плену у противника. И все же я сумел так хорошо использовать большее, чем у меня, стремление господина Мартиньи к миру, что мне удалось добавить к договору один пункт, весьма выгодный для меня и в той же мере ущемляющий его. Упомянутый господин Мартиньи обязался принять на себя все бремя гнева моего высокочтимого родителя, и наша разлука, которая, несомненно, должна была вывести его из себя, изображалась как дело его рук, а не моих. Будучи любящим, почтительным сыном, я упорно стоял на том, что не соглашусь

ни на какие условия, могущие навлечь на меня папашину немилость. Таково было *sine qua non*¹ наших переговоров.

Voilà ce que c'est d'avoir des talents!²

Мосье Фрэнсис, кажется, готов был все грехи взвалить себе на плечи, лишь бы навеки разлучить свою невинную горlinkу и коршуна, который на нее так дерзко напал. Мне неизвестно, что именно он написал отцу. Что до меня, то в своем письме болезнь мою я изобразил как последствие несчастного случая и добавил, что, поскольку мой брат и сотоварищ внезапно покинул меня без объяснения причины, я считал бы необходимым возвратиться в Лондон за новыми указаниями и жду только разрешения его милости, чтобы вернуться в отчий дом. Разрешение я вскоре получил и, согласно своим ожиданиям, обнаружил, что отец мой взбешен непослушанием брата. Спустя немного времени я даже получил полное основание думать (да и как могло быть иначе, Гарри?), что, получше узнав достоинства и любезный нрав своего законного наследника, отец утратил всякое желание, если только оно у него возникало ранее, изменить мое положение в обществе. Возможно, престарелый пэр немного стыдился своего собственного поведения и не осмеливался сознаться перед собранием праведных (ибо на старости лет он ударился в благочестие) в тех мелких шалостях, которым, видимо, предавался в дни своей юности. Возможно, что помогла мне и кончина моей глубокочтимой матушки, ибо при жизни ее шансы мои были исключительно низки — чего только не сделает муж, чтобы насолить жене? Впрочем, ладно: отец умер, почил рядом со своими высокочтимыми праотцами, и я беспрепятственно стал именоваться вместо родителя его милостью.

Как поддерживал я выпавшую мне на долю честь, ты, Гарри, да и все наши веселые ребята хорошо

¹ Непременное условие (*лат.*).

² Вот что значит иметь таланты! (*франц.*).

знаете. Остальное могут досказать Ньюмаркет и Тэттерсол. Полагаю, что в местах, где так ценится везение, мне везло ни больше, ни меньше, чем всем другим, поэтому распространяться об этом не стоит.

Теперь, Гарри, предположим, что ты сейчас в на-строении морализировать, то есть предположим, что в игре тебе не повезло, что твое охотничье ружье дало осечку, что некая особа посмотрела на тебя косо, словом, что произошло нечто, нагнавшее на тебя степенность, и ты желаешь, чтобы твое серьезное расположение духа принесло пользу и мне. «Любезный Этерингтон, — скажешь ты с состраданием в голосе, — ты редчайший безумец! Начинаешь заново ворошить дело и без того скандальное, которое к тому же может доставить бездну неприятностей всем его участникам. Дело это могло бы навеки заглухнуть, если бы ты сидел тихо, но оно наверняка разгорится, как уголь, когда его начнут ворошить кочергой. Я хотел бы задать вашей милости только два вопроса, — скажешь ты, делая свой обычный изящный жест — поправляя ворот рубашки и прилаживая узел галстука, жест, заслуживающий особого места в «Тьетании», — только два вопроса, а именно: не раскаиваешься ли ты в прошлом и не опасаясь ли будущего?» Эти твои вопросы, Гарри, способны завести нас очень далеко, ибо они касаются и минувших времен и грядущих, одним словом — всей человеческой жизни. Тем не менее попытаюсь ответить на них, как смогу.

Раскаиваюсь ли я в прошлом? — спрашиваешь ты. Да, Гарри, думаю, что раскаиваюсь, но это не то раскаивание, которое проповедуют пасторы и которое подобно твоему, когда у тебя с похмелья головная боль. Я раскаиваюсь так, как раскаиваются, сделав неверный ход в игре. Мне следовало бы с самого начала повести атаку на молодую особу, воспользоваться отсутствием господина Мартиньи и моим частым общением с нею и добиться, если бы это оказалось возможным, чтобы любовь свою она перенесла с него на меня. План же, принятый мною, хотя сам по себе достаточно ловкий и смелый, являлся созданием новичка, чей скороспелый ум не мог правильно рассчи-

тать все шансы. Вот как обстоит дело с моим раскаянием. Опасаюсь ли я будущего? Я не перережу тебе глотку, Гарри, за этот вопрос, — я ведь сам предположил, что ты мне его задаешь, — но спокойно скажу тебе, что никогда в жизни не испытывал страха. Наверно, этого чувства у меня нет от рождения; во всяком случае, оно мне незнакомо. Когда это распроклятое колесо прошло по моей груди, когда пистолетная пуля засела у меня в плече, я ощутил не больше волнения, чем если бы рядом хлопнула пробка от шампанского. Но я не хотел бы, чтобы ты считал меня болваном, способным идти на всевозможные неприятности, беды, опасности (грозящие мне сейчас, не говоря уже о значительных денежных затратах) без вполне уважительной причины. Вот все насчет страха.

С самых разных сторон доходят до меня слухи, разговоры, намеки, что на мой ранг и положение в обществе готовится нападение, а оно может исходить только от этого Мартиньи (не хочу называть его Тиррелом — именем, которое он украл). Покушение это я рассматриваю как нарушение договора между нами, согласно коему — если правильно, как это делаю я, понимать истинный смысл и значение его, — Фрэнсис должен был, не вмешиваясь ни во что, предоставить моему высокочтимому батюшке и мне уладить наши дела, то есть фактически мерзавец должен был отказаться от своих прав, буде таковые у него имелись. Уж не рассчитывает ли он, что я откажусь от своей жены и — что еще важнее — от неттлвудского имения старого Скроджи Моубрея, чтобы доставить удовольствие субъекту, желающему лишить меня титула и всего достояния? Нет, черт бы меня побрал! Раз он нападает на меня в таком существенном пункте, я отвечу контратакой по месту не менее для него чувствительному. В этом он может быть уверен. А теперь ты, наверно, обрушишься на меня со вторым изданием своих увещаний по поводу вражды между родичами, противных законам природы поединков, насильственных действий, вызывающих возмущение у всех, и так далее и тому подобное, и к увещаниям этим с удо-

вольствием добавишь старый припев насчет того, как хорошо, когда братья живут в мире и дружбе. Я не стану терять времени на выяснение того, вызваны ли все эти щепетильные соображения заботой о графе Этерингтоне, его безопасности и доброй славе, и не беспокоится ли друг Гарри Джекил гораздо более о том, как посмотрят на его вмешательство в это щекотливое дело военные власти. Не останавливаясь на этом вопросе, я коротко и ясно скажу, что еще лучше тебя понимаю, какое безумие доводить дело до такой крайности, что вовсе не имею подобного намерения и приглашаю тебя сюда отнюдь не с этой целью. Даже если бы я послал вызов Мартиньи, он отказался бы встретиться со мной, а все менее церемонные способы улаживания такого рода дел совершенно вышли из моды.

Правда, когда мы в первый раз сошлись лицом к лицу, я, как ты уже знаешь, поддался горячности. И с тобой может случиться, что ты с подходящей дистанции и в порыве увлечения подстрелишь (или, вернее, попытаешься подстрелить — ты ведь не всегда попадаешь в цель) фазанью самку, даже не подумав о чудовищности своего поступка. Верно, что людьми из нашего рода движет какой-то *ignis fatuus*,¹ — он струился в жилах моего отца, затем с той же силой перешел в мои, и по временам власть его становится непреодолимой. Передо мной враг, в руках у меня пистолет — вот единственное, о чем я тогда подумал. Но в дальнейшем я буду начеку, тем более что с его стороны вызова не последует. Напротив, должен признать истину, хотя и старался несколько затушевать ее в первом своем рассказе об этом деле (как «Гэзетт», когда она сообщает о поражении), — я уверен, что он никогда по доброй воле не стал бы в меня стрелять и что пистолет его выстрелил сам собой, когда он падал. Ты меня достаточно хорошо знаешь и можешь быть вполне уверен, что больше меня никогда не угораздит стрелять в несопротивляющегося противника, будь он хоть десять раз моим братом.

¹ Блуждающий огонек (лат.).

Что же касается твоей длинной тирады насчет ненависти к родному брату, Гарри, то знай, что я ненавижу его не больше, чем всех египетских первенцев ненавидят те, кого они лишают родового наследия, и так далее. Из двадцати наших землевладельцев нет ни одного, который бы не был ненавистен своему младшему брату как гнуснейший камень преткновения на его жизненном пути. Лишь в такой мере я и ненавижу мосье Мартиньи. В остальном он мне даже скорее симпатичен. И если бы он только умер, я с радостью дал бы согласие на его канонизацию. А пока он жив, я вовсе не хочу, чтобы он подвергался таким искушениям, как титул и богатство — главные препятствия для жизни, полной самоотречения, ведущего к святости.

Здесь ты снова прерываешь меня своими нескромными вопросами: если у меня нет намерения вызвать ссору с Мартиньи, зачем вообще я с ним сталкиваюсь? Почему не поступать согласно Марчторнскому договору и не жить в Англии, не приближаясь к Сент-Ронану и не домогаясь своей супруги-девственницы?

Разве я не говорил тебе, что хочу положить конец его постоянным покушениям на мое достоинство и положение в обществе? Разве я не говорил, что хочу соединиться с моей женой Кларой Моубрей и получить неттлвудское имение, по праву принадлежащее мне благодаря браку с нею? А чтобы ты полностью был посвящен в мою тайну, знай, что хотя Клара и очень привлекательная женщина, но так мало значит для меня, не слишком страстного супруга, что я как раз надеюсь, пожертвовав кое-какими супружескими правами на нее, добиться уступок в области гораздо более для меня важной.

Не буду отрицать, что именно нежелание поднимать шум и навлекать на себя нарекания заставило меня настолько пренебречь своими интересами, что скоро уже истечет срок, в течение которого я должен был по завещанию старого Скроджи Моубрея получить права на его наследство, если стану перед лицом всего света супругом Клары Моубрей из сент-ронанских Моубреев. Время идет, время пришло, я должен

схватить его за хохол, иначе оно пройдет мимо! Неттлвуд будет для меня потерян, а если к тому же мне вчинят иск с целью оттянуть у меня титул Окендейл, дело мое совсем дрянь. Поэтому я должен сейчас действовать, рискуя всем, действовать решительно и быстро, и вот мой план кампании, который, разумеется, может быть изменен в зависимости от обстоятельств. Я получил, вернее сказать — купил, у Моубрея разрешение ухаживать за его сестрой. У меня есть то преимущество, что, если она согласится на брак со мною, это навсегда положит конец каким бы то ни было неприятным слухам и воспоминаниям, основанным на прежнем ее поведении. В таком случае я наверняка получаю неттлвудское поместье и могу вести борьбу за отцовское наследие. Я даже уверен в том, что в случае столь счастливого для меня исхода сердце мосье Мартиньи будет так основательно разбито, что он оставит помыслы о дальнейшей борьбе, на все махнет рукой и, как настоящий влюбленный, укроется в каких-нибудь заморских дебрях.

Но предположим, у означенной леди настолько дурной вкус, что она заартачится и отвергнет меня; тем не менее я думаю, что ее благополучие или душевное спокойствие так же дорого Мартиньи, как Гибралтар испанцам, и что он пойдет на любые жертвы, чтобы только я прекратил свои домогательства. И вот мне нужен человек, который в качестве моего доверенного лица войдет в сношения с этим субъектом, ибо не стану отрицать, что если я буду вынужден лично общаться с ним, у меня может внезапно пробудиться прежнее желание перерезать ему горло. Поэтому приезжай немедленно и помоги мне. Приезжай — ведь ты меня знаешь: услуги я без награды не оставляю. Скажу точнее: проявив верность мне в этом деле, ты получишь возможность выкупить некую неприятную закладную, не прибегая к услугам племени Иссахарова. Приезжай поэтому без дальнейших оговорок и дальнейшего промедления. Даю тебе слово, что предназначенная тебе в этой драме роль не таит в себе ни риска, ни срама.

Кстати о драме. Тут была сделана жалкая попытка устроить в обглоданном крысами доме Моубрея нечто вроде театрального представления. Внимания достойны были две вещи. Первая — что я утратил всю свою хваленую храбрость и в решительный момент предпочел бежать с поля битвы, чем предстать перед мисс Кларой Моубрей. В этой связи прошу тебя заметить, что я личность необыкновенно скромная и деликатная, а вовсе не буян и забияка, каким ты меня изображаешь. Второй примечательный факт — более тонкого свойства, ибо касается некоей прекрасной дамы, видимо решившей броситься в мои объятия. Мы, люди умные, образуем своего рода удивительное франкмасонское братство: просто поражаешься, как это мы сразу находим общий язык с заброшенными женами и обиженными дочерьми. Если ты не приедешь сразу, то, без сомнения, не получишь одну из тех наград, которые я тебе обещал в прошлом письме. Ни один школьник не припрятет для товарища пряник без того, чтобы не сгорать желанием самому откусить хоть кусочек. Так что если ты не появишься и не проследишь за своими интересами, не говори потом, что я тебя не предупреждал. Что до меня, то перспектива такой интрижки не столько радует меня, сколько смущает, — ведь мне предстоит немедленно заняться дельцем несколько иного свойства. Загадку эту я разъясню тебе при встрече.

Заканчиваю свое длинное послание. Если побуждения, по которым я действовал, вполне ясны, подумай, в каком сложном переплете обстоятельств оказался я по воле судьбы и как много зависит, естественно, от случайностей.

Вчера я, можно сказать, начал осаду, ибо предстал перед Кларой. Прием был не слишком любезный, что не столь важно: я другого и не ожидал. Вызванный моим приходом страх оказал на нее такое действие, что она согласилась терпеть мои посещения в качестве гостя своего брата, что уже является известным успехом. Она привыкнет видеть меня и с меньшей горечью станет вспоминать о сыгранной мною с ней шутке. С другой стороны, та же

сила привычки избавит меня от некоего неприятного чувства вроде угрызений совести, которое поднимается во мне всякий раз, как я на нее смотрю. Adieu! Будь здоров. Братски твой

Этерингтон».

Глава XXVII

ОТВЕТ

Посланец, ты приносишь ценный груз:
Селитру с серой. Не было бы взрыва!

Старинная пьеса

«Я получил оба твои длинные письма, дорогой мой Этерингтон, и прочел их с величайшим изумлением и величайшим интересом. То немного, что я ранее знал о твоём шотландском приключении, было отнюдь не достаточно для того, чтобы подготовить меня к истории, столь злосчастно запутанной. По-видимому, ignis fatuus, который, как ты говоришь, главенствовал в жизни твоего отца, правит судьбами всего вашего дома — так необычайно и странно все, что ты мне сообщил. Но n'importe! ¹ Этерингтон, ты был мне другом, ты поднял меня, когда я был повержен в прах, и, что бы там обо мне ни думал, я весь к твоим услугам — больше из благодарности за прошлое, чем в надежде на будущее. Я не мастер на длинные речи, но в сказанном ты можешь быть уверен, пока я Гарри Джекил. Ты заслужил мою привязанность, Этерингтон, и она с тобой.

Может быть, я полюбил тебя даже больше с тех пор, как узнал о твоих затруднениях: прежде, дорогой мой Этерингтон, ты был до такой степени предметом зависти, что не мог быть до конца предметом любви. «Вот ведь счастливец!» — таков был припев у всех, упоминавших твое имя. Еще бы! Положение, средства, чтобы его поддерживать, везение вполне

¹ Неважно (франц.).

достаточное для того, чтобы восполнить любую брешь, которую ты делал в своих доходах, довольно ума, чтобы использовать это везение или же заменить его, когда оно тебе все же изменяло... Карта тебе шла такая, словно ты ее выбирал, кости падали так, словно ты им подсказывал. Шар у тебя устремлялся в лузу, словно по велению твоего взгляда, а не от удара кием. Ты, можно сказать, вел фортуна на поводу, и не будь ты вполне порядочным человеком, легко было бы заподозрить, что удаче твоей несколько помогает искусство. Пари ты всегда выигрывал, а если делал ставку на скачках, можно было с уверенностью назвать лошадь, которая первой придет к финишу: это всегда бывала та, на которую ты больше всего поставил. На охоте ни один твой выстрел не пропадал даром. А женщины! Со своей наружностью, манерами, фигурой и прежде всего даром речи — каких только опустошений не производил ты в их рядах, праведный боже! И все это время над головой твоей висел дамоклов меч! Положение твое было под сомнением! Богатство — непрочным! А везение, не изменявшее тебе во всем другом, равно как и непререкаемый успех у женщин, покинуло тебя именно теперь, когда ты вознамерился заключить союз на всю жизнь, союз, которого требует забота о благосостоянии! Этерингтон, я в полном изумлении! Моубреевское дело, а также ссору с этим Тиррелом, или Мартиньи, я всегда считал большой неприятностью, но все же был очень далек от того, чтобы подозревать, насколько сложны твои затруднения.

Однако незачем мне продолжать в тоне, который, давая исход моему удивлению, вряд ли тебе приятен. Довольно. Бремя моих обязательств перед тобою представляется мне менее тяжким, раз я хоть отчасти могу с ним расквитаться. Но даже если бы мне удалось полностью выплатить свой долг, привязанность моя к тебе нисколько не ослабела бы. С тобой говорит друг, Этерингтон, и, если речи его вполне откровенны, не думай, прошу тебя, что твоя исповедь побудила его к оскорбительной фамильярности, но считай меня человеком, который в деле чрезвычайной важ-

ности хочет говорить с предельной прямоотой, дабы избежать хоть малейшего недоразумения.

Твое поведение во всем этом деле, Этерингтон, до самого последнего времени отнюдь не свидетельствовало о хладнокровии и рассудительности, которые ты так замечательно проявляешь, когда это тебе желательно. Я не говорю о твоём обманном бракосочетании — эта мальчишеская выходка не пошла бы тебе на пользу, даже если бы удалась: что за супругу ты приобрел бы, если бы эта самая Клара Моубрей согласилась на обмен, к которому ты ее понуждал, и перешла без малейшего затруднения от одного жениха к другому? Какой я ни бедняк, но я с уверенностью скажу, что ни Неттлвуд, ни Окендейл не соблазнили бы меня жениться на такой... Из соображений пристойности пропуска заполнять не стану.

Не могу, дорогой Этерингтон, простить тебе и обман, в который ты ввел беднягу пастора, когда вынудил его совершить обряд, тем, что опорочил в его глазах несчастную девушку: на нее, может быть, легло из-за этого несмываемое пятно. Не очень-то это благородная *ruse de guerre*¹! Как бы то ни было, своей хитростью ты не многого добился, разве что девушке трудно будет доказать, что она введена в обман, ибо в противном случае брака твоего как бы вовсе и не было. Конечно, совершенный обряд может послужить тебе, но лишь для того, чтобы заставить ее согласиться на более прочный союз из страха перед неприятным и длительным судебным разбирательством по этому вопросу. Принимая во внимание преимущества, которыми ты сейчас обладаешь, в сочетании с твоим умением убеждать и влиянием ее брата, я полагаю, что в этом ты можешь преуспеть. Женщины вообще находятся в рабской зависимости от своей репутации. Я знал таких, которые пожертвовали добродетелью ради спасения доброй славы, а ведь последняя, в сущности, лишь тень первой. Поэтому я и считаю возможным, что Клара Моубрей решит лучше уж стать графиней, чем сделаться предметом пересудов для всей

¹ Военная хитрость (франц.).

Великобритании, покуда между вами будет вестись судебный процесс, который, пожалуй, растянется на большую часть вашей жизни.

Но, принимая во внимание душевное состояние мисс Моубрей, может пройти довольно много времени, прежде чем она на это решится, и тут, опасаясь я, тебе способен наставить палок в колеса твой соперник, — не стану оскорблять тебя, называя его твоим братом. И вот в этом случае — с величайшим удовольствием думается мне — я смог бы оказать тебе содействие, при обязательном условии, что ты оставишь какие бы то ни было помыслы о насильственных действиях. Хотя тебе и удастся оправдать в своих собственных глазах происшедшую между вами дуэль, нет ни малейшего сомнения, что любое последовавшее при этом несчастье рассматривалось бы обществом как тягчайшее преступление, а закон подверг бы виновного самой суровой каре. И при всем, что я сказал о своей готовности оказать тебе всяческую услугу, мне отнюдь не желательно лезть в петлю, — шея у меня и так достаточно длинная. Но — шутки в сторону, Этерингтон, — в этом деле тебе полезно руководствоваться добрым советом. В каждой строчке твоего письма сквозит ненависть к этому человеку, даже когда ты стараешься соблюсти полнейшее хладнокровие. Но и тогда, когда ты изображаешь веселость, я распознаю твои чувства на этот счет. А чувства эти такие, — говорю это не как проповедник с кафедры, — которые постарается как можно скорее вырвать из своей груди каждый не то чтобы хороший, но просто разумный человек, стремящийся жить в согласии с обществом и избегать всеобщего презрения, а то и насильственной смерти, кары братоубийцы, вызывающей всеобщее одобрение и удовлетворение. Поэтому услуги мои, если они стоят того, чтобы ты их принял, предлагаются тебе под тем неременным условием, что эту нечестивую ненависть ты подавишь всей силой своего мощного разума и будешь избегать всего, что способно привести к катастрофе, подобной той, которой ты дважды едва избежал. Я не прошу, чтобы ты хорошо относился к этому человеку, ибо отлично

знаю, как глубоко укоренилось в тебе предубеждение. Я прошу только, чтобы ты избегал встреч с ним и считал его существом, которое в случае, если бы вы встретились, не может явиться для тебя предметом личной вражды.

На этих условиях я тотчас же приеду к тебе в твоё Спа: я жду только твоего ответа, чтобы усесться в почтовую коляску. Я-то и разыщу твоего Мартиньи и имею смелость полагать, что мне удастся убедить его пойти тем путем, на который столь указуют как его подлинные интересы, так и твои, то есть исчезнуть и избавить нас от своей особы. Если это будет необходимо, тебе придется пожертвовать крупной суммой денег. Чтобы он улетел, ему надо будет приделать крылья, и ты должен дать мне на это все полномочия. Не думаю, чтобы тебе пришлось опасаться каких-либо серьезных последствий судебного процесса. Твой отец бросил зловещий намек в тот момент, когда был взбешен против своей супруги и раздражен сыном. И я почти не сомневаюсь, что слова его породила мгновенная вспышка гнева, хотя и замечая, что они произвели на тебя глубокое впечатление. Во всяком случае, о предпочтении незаконного сына он говорил как о чем-то, что в его власти даровать или удерживать, и умер он, ничего в этом отношении не предприняв. В семье вашей, видимо, есть склонность к незаконным бракам, и возможно, что он прибег к какой-либо форме бракосочетания с левой стороны, чтобы одолеть стыдливость и успокоить совесть французской дамы. Заставить же меня поверить, что имело место что-либо вроде настоящего, законного обряда, могли бы только очень внушительные доказательства.

Итак, повторяю тебе — у меня почти нет сомнения, что каковы бы ни были притязания Мартиньи, будет нетрудно с ним сговориться и заставить его покинуть Англию. Еще легче будет сделать это, если он действительно питает к мисс Кларе Моубрей такую романтическую страсть, как ты говоришь. Мы без труда убедим его, что, согласится она принять руку твоей милости или нет, ее мир и душевный покой явно требуют того, чтобы он уехал из Англии. Положись на

меня, я найду способ поколебать его, а для успеха твоих планов ведь не существенно, что разделяет вас с Мартиньи — расстояние или могила. Существенно же то, что первое ты можешь обеспечить с честью и вполне безопасно, а второе если и будет достигнуто, то ценою того, что все, замешанные в такое дело, окажутся на положении отверженных и навлекут на себя заслуженную кару. Скажи одно слово, и к тебе явится твой признательный и преданный

Генри Джекил».

Автор сего увещания в эпистолярной форме получил со следующей почтой такой ответ:

«Мой признательный и преданный Генри Джекил пишет мне в выпретенном тоне, которого отнюдь не требуют обстоятельства. Да разве, о мой подозрительный советчик, я не повторял сто раз, что искренне раскаиваюсь в этом глупейшем поединке и твердо намерен смирить свой нрав и впредь быть осторожнее? Для чего же ты напустился на меня со своей бесконечной проповедью насчет отверженности, кары, братоубийства и так далее? В смысле аргументации ты ведешь себя как мальчик, который застрелил своего первого зайца и не поверит, что тот убит, пока не выстрелит в него вторично. Ну и адвокат вышел бы из тебя! Ты так долго распространялся бы по поводу самого пустячного дела, что в конце концов несчастный, замученный судья решил бы дело вопреки справедливости только ради того, чтобы как-нибудь тебе отомстить. Если я должен повторять сказанное уже раз двадцать, то знай: я не намерен обойтись с этим субъектом так, как обошелся бы со всяким другим. Раз уж в жилах его течет кровь моего отца, пусть она спасет шкуру, унаследованную им от его матери. Итак, приезжай безо всяких дальнейших условий и уговоров. Странное ты все же существо! Прочитав твое письмо, можно подумать, будто ты сам обнаружил, что можешь быть мне полезен в качестве посредника и сам нашел доводы, которыми во время переговоров с этим субъектом его легче всего убе-

дить покинуть страну. Да ведь это же путь, намеченный мною в моем последнем письме! Ты нахальнее самых нахальных цыган, ибо не просто присваиваешь мои мысли, переворачивая их так, чтобы они казались твоими, но ко всему еще, вооружившись ими, преспокойно являешься клянчить у ворот их законного родителя! Никто не сравнится с тобой в умении похищать чужое изобретение и приспособливать его на свой лад! Как бы то ни было, Гарри, но, если не считать некоторого тщеславия и самоуверенности, ты честнейший из всех достойных доверия людей и по своему даже умный, хотя отнюдь не такой гений, за какого ты себя выдаешь. Я согласен на твои условия, приезжай, и как можно скорее. Хотя у тебя хватило великодушия не упоминать о данном мною обещании, я по-прежнему считаю его в силе. Твой

Этерингтон.

Р. С. Должен сделать одно небольшое предупреждение — никому в Харроугейте не называй моего имени, не говори ни о своем намерении встретиться со мной, ни куда направляешься. Что касается причины твоего путешествия, то призывать тебя к молчанию на этот счет я считаю даже излишним. Не знаю, естественно ли такое беспокойство для тех, кому приходится действовать втайне, или же природа наделила меня чрезмерной подозрительностью, но я никак не могу избавиться от мысли, что за мной беспрестанно наблюдает какой-то неуловимый соглядатай. Хотя я старательно скрыл свое намерение приехать сюда от всех, кроме тебя, которого я не могу подозревать в болтливости, оно стало известно этому Мартиньи, и он очутился здесь еще до меня. Мало того — я не сказал ни слова, не сделал ни намека относительно моих видов на Клару, но здешние сплетники уже пустили слух о предстоящем браке между нами еще до того, как я поговорил об этом с ее братом. Правда, в таком обществе, как здесь, только и говорят, что о замужествах да женитьбах, и эти разговоры, встревожившие меня оттого, что они соответст-

вуют моим личным планам, может быть являются лишь неопределенными слухами — порождением местных пересудов. Тем не менее я чувствую себя как та несчастная женщина из старинной повести, которая чувствовала, что за нею следит через портьеру некий глаз.

В последнем моем письме я забыл тебе сообщить, что во время одного празднества меня узнал старый священник, совершивший надо мною и Кларой обряд бракосочетания около восьми лет назад. Он настойчиво обращался ко мне как к Вэлентайну Балмеру — меня знали тогда под этим именем. Теперь мне вовсе не хотелось доверяться ему, и потому я просто отбросил его, как бросают старую перчатку. Это было тем легче, что мне пришлось иметь дело с одним из самых рассеянных людей, какие когда-либо спали с открытыми глазами. Я уверен, что убедил его, будто все ему почудилось и что на самом деле он меня никогда прежде не видел. Таким образом, твой благородный упрек насчет моих былых намеков о том, насколько далеко зашло дело у влюбленных, является совершенно беспредметным. В конце концов если сказанное мною было не очень-то правдиво — а я согласен, что несколько преувеличил, — то, полагаю, это уж по вине Мартиньи. Я убежден, что ему все благоприятствовало — и чувство и удачнейшие обстоятельства.

Вот, Гарри, этот посткриптус, длиннее, чем само письмо; но заканчиваю я тем же припевом: приезжай, и поскорее».

Глава XXVIII

ИСПУГ

Так лисья на ветвях дрожат
Под ветра буйный вой,
Так бегством трусивших солдат
Подавлен вождь-герой.

.

Все, кто над этим задумывался, были вполне уверены, что нетерпеливый и капризный старый набоб скоро повздорит со своей хозяйкой миссис Додз и

ему надоест пребывание в Сент-Ронане. Предполагалось, что человеку, столь заботящемуся о самом себе и столь любопытному до чужих дел, старая сент-ронанская гостиница мало что даст и для удовлетворения его вкусов и для удовлетворения его любопытства. Бездельники, собравшиеся на водах, не раз уже намечали день и час его отъезда. Однако всякий раз, как позволяла погода, среди них появлялся старый Тачвуд: загорелое, цвета темного ореха, лицо, заботливо укутанная широким индийским платком шея, неизменно прижатая к плечу трость с золотым набалдашником, которая, как свидетельствовали его коренастая фигура и быстрый шаг, была для него скорее знаком известного достоинства, чем опорой при ходьбе. Он стоял среди прочей публики, отрывисто отвечая на вопросы и громко делая всевозможные замечания о присутствующих с полнейшим безразличием к тому, что они могли вызвать обиду. Едва только пожилая жрица протягивала ему стакан целебной влаги, он, кратко пожелав ей доброго дня, поворачивался на каблуках и уходил либо в дом священника к своему другу мистеру Каргилу, либо в гостиницу, чтобы провести время за каким-нибудь развлечением с соседями по Старому городку.

Говоря по правде, достойный джентльмен навел порядок у миссис Додз в той мере, в какой она ему это разрешила, но мудро отказался от дальнейших нововведений, хорошо зная, что не всякий камень нужно полировать до полного блеска. Затем он приступил к наведению порядка в доме мистера Каргила, и, даже не позаботившись о том, чтобы получить разрешение достопочтенного джентльмена, он осуществил у него превращения не менее чудесные, чем если бы их совершил самый благожелательный домовой. Полы время от времени подметались, ковры иногда выбивались, тарелки и блюда стали чище, в чайнице теперь всегда был чай, а в сахарнице — сахар, и в положенное время в кладовке всегда можно было найти кусок мяса. Старшая из двух служанок стала носить платье из хорошей материи, у младшей на голове появился красивый чепец, и она ходила по

дому такая чистенькая и хорошенькая, что одни считали ее слишком привлекательной для услужения холостяку священнику, а другие говорили, что им непонятно, с чего это старому дурню набобу заботиться о туалете юной девицы. Но мистер Тачвуд не обращал внимания на все эти недоброжелательные пересуды, даже если слышал о них, что весьма сомнительно. Ко всем этим переменам следует добавить, что сад теперь содержался в порядке, а пахотная земля прихода возделывалась.

Талисман, благодаря которому достигнуты были столь благотворные улучшения, заключался частично в чаевых, частично в неусыпной заботе. Щедрость старого чудака давала ему право браниться, когда он замечал, что не все в порядке. Слуг, предававшихся нерадению и лени, оживила введенная мистером Тачвудом новая система поощрения и наблюдения, а пастор, не отдававший себе полного отчета, откуда сие идет, пожинал плоды трудов своего деятельного друга. Иногда, заслышав шум и гам неподалеку от своего кабинета, он поднимал голову и спрашивал, что означают эти докучные звуки, но, получив ответ, что так распорядился мистер Тачвуд, снова принимался за работу, уверенный, что все в полном порядке.

Но даже расчистка авгиевых конюшен в доме священника не могла удовлетворить титаническую жажду деятельности мистера Тачвуда. Он притязал на неограниченное господство в сент-ронанской деревушке и, как большинство людей с неукротимой натурой, в значительной мере достиг авторитета, которого домогался. Он объявил войну всем мелким, но зато извечным порокам старозаветного шотландского местечка: тут навозная куча, с незапамятных времен отравлявшая воздух под окнами коттеджа, переносилась на задний двор; там разбитая тачка и вышедшая из употребления тележка убирались с дороги; а еще где-то старая шляпа или лоскут синей материи, воткнутые для защиты «от зимних ветров дуновенья» в оконный проем, вынимались оттуда, выбрасывались в сточную канаву и заменялись куском

вполне доброкачественного, прозрачного стекла. Способ, которым достигались все эти изменения, был тот же, к которому мистер Тачвуд прибегал в доме священника — деньги и увещания. Последние сами по себе были бы оставлены без внимания и, возможно, вызвали бы даже отпор, но, смягченные и подслащенные небольшим даянием в подмогу затеянной реформе, они западали в сердца слушателей и большей частью превозмогали их возражения. Впрочем, жители деревни твердо верили, что мистер Тачвуд — богач, и среди них господствовало мнение, что хотя он не держит ни слуг, ни экипажей, он может, если пожелает, скупить половину земель в стране. Ведь роскошные кареты и пышные ливреи не содействуют наполнению кошельков, наоборот — они их опустошают, и потому люди, полагавшие, что знают, о чем говорят, добавляли, что старик Терпenni, равно как и мистер Байндлуз, выложили бы больше денег по одному слову мистера Тачвуда, чем по совместному обязательству доброй половины светских людей, съехавшихся на воды. Такое мнение расчищало путь человеку, всегда с готовностью раздававшему или ссужавшему деньги. Толки о его богатстве отнюдь не уменьшало даже то, что в делах он не склонен был беззаботно пренебрегать своими интересами, а напротив, ясно показывал, что отлично понимает ценность того, с чем готов расстаться. Поэтому немногие решались противостоять капризам старого чудака, имевшего и желание и возможность проявлять любезность к тем, кто готов был содействовать его причудам. Таким образом, этот странный пришелец сумел в течение весьма немногих дней или, может быть, недель завоевать преданность населения в несравненно большей степени, чем это удавалось кому бы то ни было с тех пор, как деревню покинули старые господа. Даже власть барона-бэйли, хотя облечен ею был старик Миклем, являлась как бы второстепенной инстанцией по сравнению с авторитетом мистера Тачвуда, которому словно бы добровольно присягнули жители Сент-Ронана.

Имелись, однако же, упрямы, не желавшие признавать этой утвердившейся над ними власти и с

характерным для своих соплеменников упорством отказывавшиеся внимать советам пришельца, хорошим ли, худым ли — безразлично. У них навозные кучи не убирались, и дорогу перед их домами по-прежнему загромождали деревянные обломки. Случалось даже, что в то время, когда мистер Тачвуд особенно ревностно заботился об улучшении условий жизни в деревне, он едва не испытал участи, нередко выпадающей на долю великих реформаторов: жизнь его оказалась в опасности по причине одного из тех безобразий, которые не были еще устранены, несмотря на все его усилия.

Однажды во время жатвы набоб, не зная, чем бы ему заняться вечером, но желая воспользоваться тем, что луна светила ярко, решил применить свой обычный способ рассеяния скуки и отправился к священнику. Уж он был уверен, что если ему даже не удастся затеять диспут на какую-либо тему с самим пастором, там всегда найдется что-нибудь такое, что можно будет покриковать и привести в порядок.

В данном случае он обратился к младшей служанке пастора с наставлением о необходимости носить чулки и башмаки. Так как добрый совет его был подкреплён подарком в виде шести пар белых бумажных чулок и двух пар отличных кожаных башмаков, он был воспринят не только с уважением, но даже с благодарностью. А когда мистер Тачвуд, уходя и заканчивая свое наставление, слегка ушипнул девушку за подбородок, она только заалелась и хихикнула. Гриззи была до такой степени благодарна мистеру Тачвуду, что, обратив его внимание на облака, скрывшие луну, заботливо предложила проводить его с фонарем до Клейкемской гостиницы, чтобы по дороге он на что-нибудь не наткнулся. Независимый по натуре путешественник даже и слушать не пожелал о чем-либо подобном. Коротко уверив ее, что ему случалось без всякого фонаря целыми ночами ходить по улицам Парижа и Мадрида, он смело пустился в обратный путь.

Тем не менее он пережил приключение, которое, если это не клевета на благоустройство Парижа и

Мадрида, могло бы случиться с ним и в любой из этих блистательных столиц, а не только в такой жалкой деревушке, как Сент-Ронан. Перед дверью Сандерса Джаупа, крестьянина-собственника и человека довольно видного, который был «сам на своей земле барон и плевал на всех», зияла зловонная яма, именуемая в Шотландии помойкой. Местоположение сего вместилища мерзости Тачвуду было хорошо известно, ибо Сандерс Джауп был подлинным главой тех, кто стоял за обычаи предков, и упорно держался этого старинного паскудства, которое нашему путешественнику отчасти удалось вывести. Доверившись своему обонянию, он сделал довольно большой круг, чтобы избежать неприятного и небезопасного приближения к этой грязной клоаке, но, пытаясь увернуться от Харибды, налетел на Сциллу. Иными словами, он подошел к самому краю небольшого рва, отделявшего проселочную дорогу от пешеходной тропы, оступился и упал с высоты трех-четыре футов в бежавшую по дну канавы воду. Все полагали, что шум, произведенный падением, или, во всяком случае, крики о помощи должны были долететь до дома Сандерса Джаупа. Но, по словам сего достойного человека, он был в то время погружен в чтение вечерних молитв; объяснение это принято было за чистую монету, хотя кое-кто слышал, как Сандерс в частных беседах намекал, что деревня жила бы спокойнее, «если бы этот старый назойливый болван так и остался в канаве».

Но фортуна берегла беднягу Тачвуда, чьи слабости порождены были самыми лучшими намерениями и потому отнюдь не должны были навлечь на него столь тяжелой участи. Один прохожий услышал его крики о помощи, осторожно подошел к краю канавы, в которую упал Тачвуд, и, удостоверившись, насколько это можно было сделать в темноте, в достаточной твердости почвы, не без труда помог ему наконец оттуда выбраться.

— Вы ранены? — спросил добрый самаритянин у предмета своих забот.

— Да нет, черт побери, нет, — ответил Тачвуд, крайне раздосадованный своим злостью и его

причиной. — Уж не думаете ли вы, что, побывав на вершине Афона, на краю утеса высотой в тысячу футов, круто обрывающегося над самым морем, я могу страшить такого падения?

Но тут он пошатнулся, и оказавший ему помощь незнакомец удержал его за руку, чтобы он не упал вторично.

— Боюсь все же, что вы пострадали больше, чем вам кажется, сэр, — сказал незнакомец. — Позвольте мне проводить вас домой.

— С превеликим удовольствием, — ответил Тачвуд. — Хотя и невероятно, чтобы мне в таком пустячном деле понадобилась помощь, я все же очень обязан вам, друг мой. И если до Клейкемской гостиницы вам со мною по пути, я с величайшей благодарностью приму вашу руку.

— Она вполне в вашем распоряжении, сэр, — сказал незнакомец. — По правде говоря, я рассчитывал заночевать в Клейкемской гостинице.

— Рад это слышать! — подхватил Тачвуд. — Вы будете моим гостем, и я заставлю их там как следует позаботиться о вас. Вы, видимо, очень любезный молодой человек, и мне приятно опираться на вашу руку. Я передвигаюсь так плохо из-за ревматизма — это уж неизбежное горе всех, кто, пожив в жарком климате, обосновывается среди здешних окайнных туманов.

— Опирайтесь крепко и шагайте так медленно, как только пожелаете, сэр, — сказал добродушный помощник, — дорога здесь плохая.

— Верно, сэр, но почему она плохая? — сказал Тачвуд. — Только потому, что старый болван и тупица Сандерс Джауп не дает ее выровнять. Засел он у дороги, сэр, и препятствует малейшему улучшению. И если человек не хочет попасть в его чертовскую сточную яму и стать на всю жизнь противным самому себе и страшным для других, он подвергается риску сломать себе шею, как сейчас чуть не случилось со мной.

— Боюсь, сэр, — отозвался его спутник, — что зато вы навредили себе больше. Помните, у Свифта сказано: «В грязь упадешь, сняжков не набьешь».

— Да зачем это в благопристойном месте нужно делать выбор между синяками и грязью? — возразил Тачвуд. — Почему в таком селении, как это, ты не можешь ночью пойти куда тебе нужно без того, чтобы не пострадали твоё обоняние или шея? Наши шотландские чиновники, сэр, гроша медного не стоят. Сюда бы турецкого кади — он дал бы этому мерзавцу хорошую взбучку, или калькуттского мэра — он бы ему показал, или хотя бы только что назначенного английского мирового судью — негодай и грязь свою убрал бы, да еще получил бы как следует. Но вот мы и пришли: Клейкемская гостиница. Эй вы там — Эппи Эндерсон, Бини, мальчишка Бутс! Миссис Додз! Вы что, заснули или померли? Я тут едва не убится, а вы меня заставляете ждать под дверью.

Эппи Эндерсон явилась со свечой, а за нею Бини — горничная, неся другую свечу. Но едва взглянули они на двоих людей, стоявших на крыльце под вывеской, с громким скрежетом раскачивавшейся от ветра, как Бини завизжала, уронила свечу — из тех, что по четыре штуки на фунт, — в заново отлакированном подсвечнике, а Эппи Эндерсон, подхватив ее визг и раскачивая над головой своим светильником, точно вакханка, взметнувшая ввысь факел, со всех ног устремилась в противоположную сторону.

— Да, я, видимо, не худо выгляжу, — произнес мистер Тачвуд, тяжело припадая к плечу своего спасителя и отирая покрытое потом лицо, — мне казалось, что я не так уж серьезно ранен, но вот сейчас я совсем ослабел — потеря крови, наверно, порядочная.

— Надеюсь все же, что вы ошибаетесь, — сказал незнакомец, — но раз никто не хочет нам посветить, давайте пройдем в кухню, там-то уж будет свет.

Он помог старому джентльмену добраться до кухни, где горела лампа и ярко пылал огонь в очаге. При свете можно было убедиться, что предполагаемая кровь была не чем иным, как водой, что протекала в канаве и, следовательно, чистотой не отличалась, но, во всяком случае, была почище той, в которую пострадавший попал бы несколько ниже, где в канаву вливается сток из ямы, защищающей

подступы к Сандерсу Джаупу. Успокоенный повторными уверениями своего нового друга, что это именно так, пожилой джентльмен стал двигаться бодрее, а спутник его, желая оказать ему помощь, подошел к двери и крикнул, чтобы принесли таз с водой. Когда он открыл дверь, послышался голос спускавшейся по лестнице миссис Додз. Говорила она повышенным, негодующим тоном, что было для нее вполне обычно, но к этому примешивались и другие нотки, свидетельствовавшие о некотором смятении.

— Негодницы этакие, бездельницы, небось ничего вы не увидите хуже самих себя, дуры несчастные! Призрак! Какой-нибудь бродяга с болот, который ради одной из вас же и притащился сюда с гнусной целью. Призрак, видите ли! Подними-ка фонарь, конюх Джон. У призрака этого, наверно, две обыкновенные руки. Дверь-то открыта. В кухне кто-то есть. Иди-ка вперед с фонарем, Джон.

Именно в этот решительный момент незнакомец открыл в кухне дверь и узрел хозяйку, приближавшуюся к нему во главе своего домашнего воинства. Конюх и горбатый почтальон, один с фонарем и вилами, другой со свечой и метлой, составляли авангард, центром являлась сама миссис Додз, которая говорила зычным голосом и потрясала каминными щипцами, а обе служанки — часть армии, не заслужившая доверия после того, как была обращена в бегство, — прикрывали тыл. Но, несмотря на столь прекрасную диспозицию, не успел незнакомец показать свое лицо и произнести «миссис Додз», как все воинство охватила паника. Авангард в полнейшем замешательстве отступил, причем бегство конюха было столь поспешным, что он опрокинул хозяйку; та от страха сцепилась с ним, схватив его за уши и за волосы, и оба отчаянным голосом завопили. Служанки вновь обратились в бегство, укрывшись на темном чердаке, именовавшемся их комнатой, а горбатый кучер вихрем умчался в конюшню, где, охваченный ужасом, но подчиняясь профессиональному инстинкту, принялся седлать лошадь.

Между тем незнакомец, вызвавший своим появлением весь этот хаос, вырвал вопящего конюха из рук миссис Додз и, отбросив его в сторону крепким туманом, стал поднимать и успокаивать поверженную хозяйку, спрашивая ее в то же время:

— Но из-за чего, черт побери, произошла вся эта нелепая суматоха?

— А зачем, во имя божье, — ответила почтенная дама, упорно не размыкая век, но своим обычным едким тоном, в котором, однако, чувствовался страх, — зачем это вы являетесь пугать людей в приличном доме, где с вами, когда вы были во плоти, обращались вполне учтиво?

— Да чем я мог испугать вас, миссис Додз? Одним словом, откуда этот бессмысленный страх?

— А разве, — сказала миссис Додз, слегка приоткрыв глаза, — разве вы не дух Фрэнсиса Тиррела?

— Я, мой старый друг, безо всякого сомнения, и есть Фрэнсис Тиррел.

— Я так и знала, так и знала! — воскликнула добрая женщина, снова объятая ужасом. — И, по-моему, стыдно вам, призраку, что нет у вас дела получше, чем пугать бедную трактирщицу.

— Даю честное слово, что я не призрак, а вполне живой человек, — ответил Тиррел.

— Значит, вас не убивали? — спросила миссис Додз все тем же неуверенным тоном и только чуть-чуть приоткрывая глаза. — Вы уверены, что вас не убили?

— Право же, сударыня, мне об этом решительно ничего не известно, — ответил Тиррел.

— Но я-то сейчас наверняка паду жертвой злодеяния, — подал голос старик Тачвуд из кухни, где он все время пребывал безмолвным свидетелем этой необычайной сцены. — Если мне сейчас же не принесут воды, чтобы умыться, это будет самое настоящее убийство.

— Бегу, сэр, бегу, — ответила госпожа Додз, вновь обретая речь, свойственную ее профессии. — Одну минуточку, сэр. Как верно, что я живу на честный заработок, — сказала она, уже совсем приходя в себя

и глядя на Тиррела более спокойно, — так же, видимо, верно, что это и вправду вы, мистер Фрэнк, — вы во плоти и крови. И недаром я здорово отругала обеих глупых девок, что хотели из вас сделать мертвеца, а из меня дуру. Призрак! Подумать только! Уж я им покажу призраков. Если бы они больше думали о своей работе, чем о всяких глупостях, так не угощали бы меня подобными бреднями. Никуда не годится лошадь, что пугается стога соломы! Призраки! Да кто это слышал о призраках в порядочном доме? У кого чистая совесть, тому нечего бояться духов. Но как я рада, что Мак-Терк не убил вас, мастер Фрэнси!

— Да идите вы наконец сюда, тетушка Додз, если не хотите, чтоб я наделал беды! — завопил Тачвуд и схватил стоявшую на столе тарелку, словно намеревался запустить ею в хозяйку, чтобы обратить на себя ее внимание.

— Ради всего святого, не разбейте ее! — вскричала встревоженная хозяйка, зная, что у Тачвуда крайняя степень раздражения находила порою выход за счет ее посуды, хотя затем причиненный ущерб всегда щедро возмещался. — Боже мой, сэр, да в своем ли вы уме? Ведь вы разрозните мне сервиз. Ради бога, поставьте на место фарфоровую тарелку и возьмите оловянную: она вам так же хорошо послужит. Но спаси нас боже! Посмотрела я на вас и понять не могу — что же это такое с вами стряслось? Куда это вы свалились? Подождите, я сейчас принесу воды и полотенце.

И правда, жалостный вид нового постояльца заглушил в даме любопытство насчет судьбы, постигшей прежнего: все свое внимание она тотчас же отдала мистеру Тачвуду и, без конца охая и ахая, стала помогать ему мыться и вытираться. Обе обратившиеся в бегство служанки успели уже вернуться в кухню и, ретиво обслуживая мистера Тачвуда, старались подавить смех, одолевавший их при воспоминании о панике, которой поддалась их хозяйка. Усиленная мойка и вытирание в конце концов устранили следы грязи и песка, и почтенный путешественник не без некоторого

труда убедился, что он больше перепачкался и перепугался, чем существенно пострадал.

Тем временем Тиррел не спускал глаз с набоба, и ему казалось, что в чертах лица, выступавших из-под грязевой маски, он узнает облик доброго знакомого. После того как операция закончилась, он уже не мог удержаться и прямо спросил мистера Тачвуда, не имеет ли он удовольствие видеть друга, который, когда они оба находились в Смирне, так помог ему в денежных делах?

— Не стоит говорить об этом, совсем не стоит, — поспешно перебил Тачвуд. — Я тоже рад вас видеть, чрезвычайно рад. Да, это я. И вы увидите, что я все тот же благожелательный старый болван, каким был в Смирне, всегда готовый раскошелиться, не помышляя при этом, как снова получить деньги обратно. Неважно, так уж было написано у меня на челе, по турецкому выражению. Сейчас я пойду к себе в комнату и переоденусь, а когда вернусь, вы со мной отужинаете: миссис Додз нам чего-нибудь соорудит. Лучше всего бы жареную птицу с грибным соусом, а к ней горячего вина с пряностями — то, что вы называете плотти: это выбьет у меня из памяти помойку старого пресвитерианина.

С этими словами путешественник стал подниматься по лестнице к себе в комнату. Тиррел, вооружившись подсвечником, собрался сделать то же самое.

— Мистер Тачвуд живет в синей комнате, миссис Додз. Полагаю, мне можно занять желтую?

— Не полагайте ничего подобного, мистер Фрэнсис Тирл, пока вы мне не расскажете чистосердечно, где вы пропадали все это время и убили вас в конце концов или нет?

— Мне кажется, что насчет последнего у вас никаких сомнений не остается, миссис Додз?

— В известном смысле — да. И все-таки меня дрожь пробирает, когда я гляжу на вас и думаю, что столько дней и недель считала, будто вы уже гниете в сырой земле. А теперь вы стоите передо мной здравый

и невинный и требует себе комнату, как всякий другой.

— Можно подумать, добрый мой друг, что вы огорчены, видя меня живым.

— Не в этом дело, — ответила миссис Додз, которая необыкновенно искусно устанавливала и обосновывала все причины того, на что она считала себя вправе жаловаться. — Но со стороны такого порядочного человека, как вы, мистер Тирл, это все-таки очень странный поступок: ушли с квартиры, не сказав ни единого слова, а меня вынудили искать повсюду ваше мертвое тело, и я чуть было не отказала честнейшему мистеру Байндлузу как своему поверенному лишь за то, что он лучше меня знает, на какие штучки способны люди вроде вас. А там, на водах, повесили объявление со всеми подписями, где сказано, что вы, мистер Фрэнсис, принадлежите к самым отъявленным негодьям из тех, что еще не попали на виселицу. Как по-вашему, можно такую личность пустить в порядочный дом?

— Предоставьте все это дело моим заботам, миссис Додз, и вы увидите, что оно устроится к вашему полному удовольствию. Мне кажется, мы уже давно знаем друг друга, и вы можете поверить мне, что я вполне достоин провести под вашим кровом одну ночь (большего я не прошу), пока не восстановлю своего доброго имени. Для этого-то я главным образом и совершил свое явление.

— Явление! — повторила миссис Додз. — Право же, мистер Тирл, меня дрожь пробирает, да и поглядеть на вас — вы как мертвец бледный! Но думается мне, — попыталась она пошутить, — если бы вы были призраком, то, приняв во внимание наше старое знакомство, не стали бы лишать меня постояльцев своим появлением, а ходили бы себе пристойным образом по стенам старого замка или у церкви. В этой церкви и на кладбище, где она стоит, страшные вещи творились, мистер Тирл. Я к вечеру стараюсь и не смотреть в ту сторону.

— Я совершенно такого же мнения, — сказал Тирл со вздохом, — и в известном смысле даже похож

на те привидения, о которых вы говорите, ибо, подобно им, я столь же напрасно являюсь в те места, где был в свое время счастлив. Но к чему говорить с вами загадками? Истинная правда состоит в том, что в тот день, когда я от вас ушел, со мной произошел несчастный случай, и последствия его не давали мне до сегодняшнего дня вернуться в Сент-Ронан.

— Вот как, сэр? И вы решили, что не к чему вам беспокоиться — написать хоть строчку или послать кого-нибудь с весточкой о себе! Могли все-таки подумать, что здесь кое-кто о вас тревожится, не говоря уже о тех, кто ездил туда-сюда и нанимал людей искать ваше тело.

— Я очень охотно возьму в должной мере все затраты, вызванные моим исчезновением, — ответил постоялец. — Раз навсегда заверяю вас, что если я в течение некоторого времени жил в Марчторне, не подавая признаков жизни, то отчасти из-за болезни, отчасти из-за очень спешного дела весьма личного характера.

— В Марчторне! — вскричала тетушка Додз. — Подумать только! И у кого же вы обосновались в Марчторне, позвольте вас спросить?

— В «Черном быке», — ответил Тиррел.

— Ага, у старого Тома Лоури. Томас — человек почтенный, дом у него честный, порядочный — никаких там жуликов и вертопрахов. Очень рада слышать, что вы остановились в таком хорошем месте. Начинает мне сдаваться, дружок, что вы не пропадете. Вид у вас такой, будто вас всякий вокруг пальца обкрутит, а выходит, что вы не дадите наступить себе на ногу. Но входите же в общий зал. Я уж вижу, что ничего больше из вас не выжмешь, а здесь вы только мешаете — мне пора подавать ужин.

Тиррел, весьма довольный тем, что может ускользнуть от допроса, которому его беззастенчиво подвергала любопытная хозяйка, направился в столовую, где к нему тотчас же присоединился мистер Тачвуд, переодевшийся с ног до головы и пребывавший в отличном настроении.

— А вот и ужин! — воскликнул он. — Садитесь и давайте посмотрим, что нам приготовила миссис Додз. Свидетельствую, милейшая хозяйка, что плотти у вас превосходное с тех пор, как я научил вас класть в него ровно столько пряностей, сколько требуется.

— Очень рада, что плотти вам по вкусу, но я умела его готовить еще до того, как познакомилась с вашей милостью. Мистер Тирл может это подтвердить: уж сколько раз я варила плотти для него и для любезнейшего Вэлентайна Балмера!

Это сделанное весьма некстати замечание исторгло у Тиррела тяжкий вздох. Но путешественник, целиком поглощенный своими собственными воспоминаниями, видимо не заметил его волнения.

— Вы — женщина самонадеянная, — сказал мистер Тачвуд. — Кто же, черт побери, знает, как при-мешать к вину пряности, лучше того человека, который побывал там, где они произрастают? Я видел, как на солнце созревали мускатный орех и гвоздика, а здесь, клянусь Юпитером, едва-едва набухает в своем стручке горох. Ах, как весело мы проводили вечера в Смирне! Ей-богу, мне кажется, что ветчина и доброе вино как-то вкуснее в стране, где считается, что прикасаться к ним — грех. Ей-богу же, по-моему, многие честные мусульмане думают так же: запрет их пророка придает вкус ветчине и букет кипрскому вину. Помните старого хаджи Гуссейна с его зеленым тюрбаном? Как-то я сыграл с ним штуку — налил ему в шербет пинту коньяку. Клянусь богом, старик постарался заметить это лишь после того, как осушил все до последней капли. Тогда он погладил свою длинную белую бороду и произнес: «Аллах керим», что означает «бог милостив», миссис Додз; мистер Тиррел ведь отлично понимает эти слова. «Аллах керим», — сказал он, выпив добрый галлон пунша на коньяке! «Аллах керим», — сказал старый лицемер, словно совершил доблестнейший поступок на свете!

— А почему нет? Почему порядочный человек не может воздать хвалу богу, выпив стакан пунша? — спросила миссис Додз. — Это ведь куда лучше, чем

ссора, драка и ругань: человек должен благодарить создателя за блага земные.

— Верно сказано, уважаемая тетушка Додз, — ответил путешественник. — Так и должна говорить хозяйка гостиницы, это речи, достойные самой миссис Куикли. За ваше здоровье, и прошу вас поддержать мой тост перед уходом.

— Ничего я не стану поддерживать на ночь, мистер Тачвуд. За этот вечер я такого страху набралась, да еще должна была пробовать плотти, пока варила его, что голова у меня уже и без того кругом пошла. Мастер Тирл, желтая комната для вас приготовлена. И знаете, джентльмены, завтра воскресенье, и я не могу дольше задерживать служанок ради вас, не то они воспользуются этим, чтобы в день господень валяться в постели до восьми часов. Так что, когда вы покончите с плотти, я буду вам очень обязана, если вы зажжете свои комнатные свечки, потушите здесь вот эти двойные крученые и сами найдете дорогу в свои комнаты. Деликатные люди вроде вас должны подавать пример другим. А теперь — обоим вам доброй ночи.

— Клянусь богом, — заметил Тачвуд, когда она удалилась, — хозяйка наша становится упрямой, как трехбунчужный паша! Но как бы то ни было, она дала нам разрешение допить наше зелье. Так что вторично пью за ваше здоровье, мистер Тиррел, и желаю вам удачи на родине.

— Благодарю, мистер Тачвуд, — ответил Тиррел. — Желаю вам того же и от всего сердца надеюсь, что у вас гораздо больше шансов на осуществление этих добрых пожеланий. Вы меня выручили, сэр, в момент, когда некий недобросовестный агент, по указанию, как я вполне основательно полагаю, могущественного и деятельного врага, на время оставил меня без средств. Потом я попытался через контору, связанную с вами деловыми отношениями, возместить вам хотя бы денежную часть моего долга, но деньги были мне возвращены с извещением, что вы уже покинули Смирну.

— Верно, верно, покинул Смирну и очутился здесь, в Шотландии. Что касается денег, то об этом мы поговорим в другой раз. Я ведь тоже ваш должник за то, что вы меня вытащили из канавы.

— Этого я вам в счет не поставлю, — сказал Тиррел с улыбкой, хотя вообще был отнюдь не в веселом расположении духа. — Но, ради бога, поймите меня правильно. Затруднительное положение, в котором я оказался в Смирне, было лишь временным, я вполне способен и твердо намерен вернуть вам долг и, разрешите мне добавить, весьма этого желаю.

— В другой раз, в другой раз, — отмахнулся мистер Тачвуд, — времени у нас много, мистер Тиррел. К тому же в Смирне вы мне говорили что-то о судебном процессе, а законники лакомы до денег. В делах самый лучший наш советник — туго набитый кошелек.

— Для моего процесса, — сказал Тиррел, — средств мне хватит.

— А защита у вас хорошая? Защита хорошая? — спросил Тачвуд. — Ответьте мне, пожалуйста, на этот вопрос.

— Я советовался со своим поверенным, — ответил Тиррел, втайне раздосадованный тем, что его приятель рассчитывает воспользоваться оказанной ему раньше услугой как предлогом для того, чтобы задавать больше вопросов о его делах, чем то допускалось приличиями и учтивостью.

— С вашим поверенным, знающим все законы, не так ли, мой мальчик? Но вам-то нужен совет друга, поколесившего по белу свету, знающего и свет и людей, человека вдвое старше вас, который, может быть, даже старается найти обделенного судьбой юношу, чтобы быть ему полезным и помочь даже больше, чем я могу выразить словами. А что до всяких там поверенных, то от них вы получите добрых советов ровно хонько на свою гинею — вам даже не прикинут тринадцатого на дюжину, как у булочника.

— Думаю, что мне не придется долго искать друга, какого вы описываете, — сказал Тиррел, который уже не мог сделать вид, что не понимает намеков

старшего джентльмена, — раз я сижу рядом с мистером Перегрином Тачвудом. Но положение сейчас таково, что дела мои тесно связаны с делами других людей, чьи секреты я не имею права сообщать посторонним, и потому не могу воспользоваться советом вашим или другого лица. Возможно, что вскоре мне придется отказаться от подобной сдержанности и заявить о своих правах во весь голос. Когда время это наступит, я не премину при первом же представившемся случае довериться вам во всем.

— Правильно; довериться — здесь самое подходящее слово. Кто мне доверялся, тот в этом не раскаивался. Подумайте, какие выгоды получил бы паша, если бы послушался меня и прорыл канал через Суэцкий перешеек. Турки и христиане, люди, говорящие на самых различных языках и живущие в самых различных странах, все обращались за советами к старому Тачвуду, шла ли речь о постройке мечети или о получении денег по чеку. Ну хорошо! Доброй ночи, доброй ночи.

С этими словами он взял свой подсвечник и потушил один из тех, что стояли на столе, кивком головы указал Тиррелу, что ему следует выполнить свою часть поручения, возложенного на них обоих хозяйкой, столь же пунктуальным образом, и они удалились каждый в свою комнату, испытывая друг к другу весьма несходные чувства.

«Надоедливый и любопытный старик, — думал Тиррел. — Помнится мне, он едва избежал в Смирне палочных ударов за то, что давал некоему турецкому кади советы, которых тот не спрашивал. А между тем он оказал мне услугу, дающую ему нечто вроде права приставать ко мне. Ну что ж, буду отбиваться от его назойливости как сумею».

«Не дается этот Фрэнк Тиррел, — думал путешественник, — так и норовит ускользнуть. Ну и пусть! Даже если он будет петлять, как лисица, я его поймаю. Решено, что его дела станут моим делом, а уж если я не смогу этого добиться, то никто другой и по-давно не сможет».

Высказав это филантропическое намерение, мистер Тачвуд улегся в постель, где подушки находились под самым удобным для него углом к матрацу, и, в высшей степени довольный собой, заснул.

Глава XXIX

ПОСРЕДНИЧЕСТВО

Идите с богом.
Не станем слушать ваши возраженья.
Примите, поразмыслив, предложение.

«Король Генрих IV», ч 1¹

Тиррел поднялся и позавтракал очень рано, имея намерение избежать новой встречи с мистером Тачвудом; ему предстояло некое дело, где вмешательство этого деятельного джентльмена было бы для него крайне неудобным. Он знал, что его репутация на Сент-Ронанских водах была публично опорочена, и решил требовать столь же открытого обеления своей чести, убежденный в том, что, какие бы важные дела ни привели его в Шотландию, все они должны отойти на второй план, пока не будет восстановлено его доброе имя. С этой целью он решил отправиться в гостиницу на водах к завтраку, когда там будет в сборе все общество, и уже взял шляпу, собираясь выйти, когда к нему явилась миссис Додз с сообщением, что «его спрашивает какой-то джентльмен», а за нею вошел франтоватый молодой человек в сюртуке военного образца с шелковыми кантами и меховой отделкой и в фуражке. Сейчас костюм этот всем примелькался, но в то время его носили только гении высшего разряда. Незнакомец не отличался ни красотой, ни безобразием, но во внешности его была изрядная доля претенциозности, а на лице лежала печать холодной самоуверенности людей, воспитанных в сознании своего превосходства. Со своей стороны, он взгляделся в

¹ Перевод Е. Бируковой.

Тиррела, и так как тот всем своим видом не соответствовал, быть может, представлениям о постояльце Клейкемской гостиницы, он посбавил важности и учтиво представился в качестве капитана Джекила, офицера Н-ского гвардейского полка, протянув одно- временно Тиррелу свою визитную карточку.

— Полагаю, что вы господин Мартиньи?

— Я — Фрэнсис Тиррел, сэр, — ответил, выпрямившись, Тиррел. — Мартиньи — фамилия моей матери, и я никогда ее не носил.

— Я здесь не для того, чтобы спорить по этому поводу, мистер Тиррел, хотя и не имею полномочий признать то, в чем пославший меня, по-видимому, имеет какие-то основания сомневаться.

— Вы, я полагаю, посланы сэром Бинго Бинксом? — сказал Тиррел. — Я не забыл, что между нами произошла злосчастная ссора.

— Я не имею чести знать сэра Бинго Бинкса, — ответил капитан Джекил. — Я пришел по поручению графа Этерингтона.

Несколько мгновений Тиррел молчал. Затем произнес:

— Теряюсь в догадках насчет того, что джентльмен, именующий себя графом Этерингтоном, может передать мне через посредство такого лица, как вы, капитан Джекил. Я считал бы, принимая во внимание наше с ним злополучное родство и отношения, возникшие между нами, что более подходящими посредниками были бы в данном случае юристы.

— Сэр, — сказал капитан Джекил, — вы заблуждаетесь насчет данного мне поручения. Я вовсе не должен передать вам вызов от графа Этерингтона. Как мне известно, вы состоите в близком родстве, что сделало бы подобное намерение противным здравому смыслу и законам природы, и могу вас уверить, что согласился бы скорее пожертвовать жизнью, чем быть замешанным в столь противоестественное предприятие. Я хотел бы, если это возможно, служить между вами посредником.

До этого момента они разговаривали стоя. Сейчас Тиррел предложил посетителю стул и, усевшись

в свою очередь, первый нарушил следовавшее затем неловкое молчание:

— Испытав в течение долгого времени столько несправедливостей и обид от вашего друга, я был бы рад, капитан Джекил, услышать хотя бы теперь что-либо способное заставить меня лучше думать и о нем самом и о его намерениях в отношении меня и других людей.

— Мистер Тиррел, — сказал капитан Джекил, — разрешите мне говорить вполне откровенно. Несогласие между вами и вашим братом возникло от такого множества противоположных интересов, что вы не можете быть друзьями. Но из этого отнюдь не следует с неизбежностью, что вы должны оставаться в смертельной вражде.

— Я не враг моему брату, капитан Джекил, — сказал Тиррел, — и не был им никогда. Но другом его я быть не могу, и он слишком хорошо знает, какая непреодолимая преграда легла между нами из-за его собственного поведения.

— Мне известны, — медленно и многозначительно произнес капитан Джекил, — в общих чертах по крайней мере некоторые подробности вашей злосчастной размолвки.

— Если так, — сказал Тиррел, и лицо его вспыхнуло, — вам должно быть также понятно, как тягостно для меня быть вынужденным беседовать на такую тему с человеком мне совершенно посторонним, мало того — другом и доверенным лицом того, кто... Но я не стану оскорблять ваших чувств, капитан Джекил, и потому постараюсь подавить свои. Словом, будьте любезны сообщить мне то, что вам поручено было мне передать, так как я вынужден отправиться нынче же утром на воды, чтобы уладить некое дело, близко меня затрагивающее.

— Если вы имеете в виду причину, помешавшую вам явиться на поединок с сэром Бинго Бинксом, — сказал капитан Джекил, — то все дело уже разъяснено, и инцидент может считаться исчерпанным. Я собственноручно сорвал оскорбительное для вас объявление и заявил, что отвечаю за ваше доброе

имя перед всяким, кто вознамерился бы в нем усомниться.

— Сэр, — ответил до крайности изумленный Тиррел, — премного обязан вам за ваши добрые намерения, тем более что понятия не имею, чем заслужено мною ваше вмешательство. Признаюсь однако, что оно меня не вполне удовлетворяет: я привык сам защищать свою честь.

— Осмелюсь заметить, что во всех случаях задача эта для вас не трудна, — ответил Джекил, — особенно же в данном случае, так как вряд ли кто-либо возьмет на себя смелость выступить против вас. Может быть, мое вмешательство и явилось бы совершенно неуместным, если бы на меня не было возложено поручение, требующее конфиденциальной беседы с вами. По соображениям моей личной чести я и должен был выступить поручителем за вашу. Мне известна вся правда об этом деле от моего друга, графа Этерингтона, который всю жизнь должен благодарить небо, не давшее ему совершить тогда чудовищное преступление.

— Вашему другу, сэр, было за что благодарить небо, но еще больше было в его жизни такого, за что ему следовало просить у бога прощения.

— Я не духовное лицо, сэр, — живо возразил капитан Джекил, — но и меня учили, что это можно сказать о большинстве смертных.

— Не мне, во всяком случае, это отрицать, — сказал Тиррел, — но вернемся к тому, о чем мы говорили. Неужто вы взяли на себя смелость, капитан Джекил, сообщить всем и каждому подробности такого необычного поединка, как тот, что произошел между мною и вашим другом?

— Конечно нет, сэр, — ответил Джекил. — Я считал, что дело это крайне щекотливое и оба вы равно заинтересованы в том, чтобы оно не вышло наружу.

— Могу ли я узнать в таком случае, — сказал Тиррел, — каким же иным способом оправдали вы мою неявку на свидание, о котором мы условились с сэром Бинго Бинксом?

— Так как в обществе я хорошо известен в качестве джентльмена и человека чести, мне достаточно было, сэр, поручиться своим словом в моей личной осведомленности насчет того, что вы были ранены на поединке с одним из моих друзей, но что соображения осторожности требуют предать забвению подробности этого дела. Думаю, что никто не решится оспаривать мои слова или счесть мои заверения недостаточно удовлетворительными. А если в данном случае и нашелся бы чересчур уж недоверчивый человек, я найду способ удовлетворить его. Пока же вопрос о вашем изгнании из общества на водах разрешен самым лестным для вас образом. И сэр Бинго Бинкс, принимая во внимание свое участие в распространении столь оскорбительных для вас слухов, желает, чтобы о вашей с ним первоначальной ссоре теперь не было даже речи, и выражает надежду, что с обеих сторон последуют взаимное прощение и забвение всей этой истории.

— Честное слово, капитан Джекил, — ответил Тиррел, — вы и вправду вынуждаете меня признать, что я вам кругом обязан. Вы разрубили узел, который мне было бы весьма трудно распутать. Должен откровенно признаться, что, хотя я и решил во что бы то ни стало смыть наложенное на меня пятно, мне было бы очень нелегко оправдаться, не упоминая обстоятельства, которые, хотя бы ради памяти моего отца, следовало навсегда покрыть мраком забвения. Надеюсь, что друг ваш не страдает от последствий своей раны?

— Его светлость почти совершенно оправился, — сказал Джекил.

— И я надеюсь, у него хватает справедливости признать, что, насколько это зависело от моей воли, я совершенно неповинен в намерении ранить его?

— Он отдает вам полную справедливость в этом, равно как и во всем другом, — ответил Джекил, — сожалеет о своем неистовстве и полон решимости быть на будущее время осторожнее.

— Что ж, — сказал Тиррел, — значит, пока все хорошо. А теперь могу я еще раз спросить, что же именно поручил вам передать мне ваш друг? Если бы

поручение исходило не от него, неизменно проявлявшего в отношении меня лживость и коварство, ваше личное благородство и честность заставили бы меня надеяться, что ваше посредничество действительно может прекратить эту противоестественную вражду.

— В таком случае я начну, сэр, и притом в более благоприятной обстановке, чем рассчитывал, излагать вам суть моего к вам дела, — сказал капитан Джекил. — Если молва не лжет, вы готовитесь, мистер Тиррел, начать судебный процесс с целью отнять у вашего брата его состояние и титул.

— Ваши выражения не совсем точны, капитан Джекил, — возразил Тиррел, — я начну судебный процесс, — если вообще начну его, — с целью защитить свои собственные права.

— Это ведь одно и то же, только сказано иными словами, — заметил посредник. — Я не призван решать, насколько обоснованны ваши притязания, но вы сами должны согласиться, что они весьма недавнего происхождения. Покойная графиня Этерингтон умерла, обладая — открыто и неоспоримо обладая — правом на свое положение в обществе.

— Если у нее не было подлинного права на него, сэр, — ответил Тиррел, — то она, пользуясь им так долго, получила больше, чем ей полагалось, а обиженная женщина, чьи права были ущемлены, именно поэтому лишилась того, что ей в действительности принадлежало.

— Для того чтобы поколебать права нынешнего графа Этерингтона на его титул, сэр, права, столь прочно утвердившиеся в общественном мнении, понадобились бы весьма и весьма веские доказательства.

Тиррел вынул из своего бумажника листок и, протянув его капитану Джекилу, добавил только:

— Я далек от мысли уговаривать вас отказаться от защиты прав вашего друга. Но, думается мне, документы, список которых я вам даю, могут поколебать вашу уверенность в его правах.

Капитан Джекил прочитал вполголоса:

— «Свидетельство о бракосочетании, совершенном достопочтенным Зеедекией Кемпом, капелланом бри-

танского посольства в Париже, между Мари де Бельрош, графиней де Мартиньи, и высокочтимым Джоном, лордом Окендейлом»; «Письма Джона, графа Этерингтона, и его супруги под именем госпожи де Мартиньи друг к другу»; «Свидетельство о крещении»; «Заявление графа Этерингтона, сделанное им на смертном одре»... Все это очень хорошо, но могу я спросить вас, мистер Тиррел, действительно ли намереваетесь вы выступить против вашего брата решительно и бесповоротно?

— Он забыл, что он мой брат: он поднял на меня руку.

— Вы тоже пролили его кровь, притом дважды, — сказал Джекил. — Свет не спросит, кто из братьев обидчик; он спросит — кто из них получил и кто нанес наиболее тяжкую рану.

— Ваш друг, сэр, нанес мне тяжкую рану, — возразил Тиррел, — которая не закроется, пока я буду владеть своей памятью.

— Понимаю, сэр, — сказал капитан Джекил. — Вы имеете в виду историю мисс Моубрей.

— Не начинайте со мною разговора об этом, сэр! — вскричал Тиррел. — О важнейших моих правах — правах, относящихся к моему положению в обществе, моёму благосостоянию, чести моей матери, я мог еще рассуждать с некоторой долей сдержанности. Но не говорите больше ни слова о предмете, который вы только что затронули, если не хотите иметь дело с человеком, лишившимся рассудка! Как можете вы, сэр, услышав об этой истории хотя бы в общих чертах, воображать, что я способен помыслить об этом коварном поступке с двумя несчастными, хладнокровно и бесчеловечно совершенном вашим другом, и не...

Он вскочил с места и возбужденно зашагал взад и вперед по комнате.

— С тех пор как враг рода человеческого нарушил блаженство первобытной невинности, не совершалось столь изменнического деяния, не уничтожались так беспощадно надежды на счастье, не обрекались на столь неотвратимое горе два злополучных

существа, имевших глупость слепо довериться предателю! Если бы это его поведение внушено было страстью, поступок, совершенный им, был бы все же деянием человека — злодея, разумеется, но все же человеческого существа, действующего под влиянием человеческих чувств. Но он поступил как спокойный, хладнокровный, расчетливый дьявол, движимый самыми низменными и гнусными корыстными побуждениями в сочетании — как я твердо уверен — с прочно и давно укоренившейся ненавистью к человеку, чьи притязания могли, по его мнению, повредить его правам.

— Меня огорчает, что вы в таком возбуждении, — спокойно сказал капитан Джекил. — Я уверен, что лорд Этерингтон действовал под влиянием совсем иных побуждений, чем те, которые вы ему приписываете. И если вы сообразовались хотя бы только выслушать меня, мы, может быть, найдем способ уладить эту злосчастную ссору.

— Сэр, — сказал Тиррел, снова садясь на стул, — я буду слушать вас спокойно, так же как я оставался бы спокоен под зондом хирурга, исследующего гнойную рану. Но если вы затронете самое чувствительное место, если вы заденете открытый нерв, не рассчитывайте, что я смогу терпеть, не дрогнув.

— Вот я и стараюсь проделать всю операцию как можно скорее, — ответил капитан Джекил, имевший то преимущество, что в течение всей этой беседы он сохранял самое невозмутимое хладнокровие. — Из всего, что вы мне сказали, мистер Тиррел, я делаю вывод, что душевный покой, счастье и честь мисс Моубрей вам исключительно дороги.

— А кто осмеливается касаться ее чести? — пылко вскричал Тиррел. Впрочем, он тотчас же взял себя в руки и добавил спокойным, но в то же время глубоко проникновенным тоном:

— Сэр, она мне дороже зеницы ока!

— Таковы же и чувства моего друга, — сказал капитан, — и он решил дать мисс Моубрей полное удовлетворение.

— Единственная для него возможность дать ей полное удовлетворение — это удалиться отсюда, не разговаривать с ней, не думать о ней и даже не видеть ее во сне.

— Лорд Этерингтон мыслит иначе, — возразил капитан Джекил. — Он полагает, что если с его стороны и было причинено мисс Моубрей некое зло, чего я отнюдь не обязан признавать, он лучше всего может искупить его, предложив ей разделить с ним его титул, знатность и богатство.

— Его титул, знатность и богатство, сэр, так же фальшивы, как и он сам, — с бешенством произнес Тиррел. — Чтобы он женился на Кларе Моубрей? Никогда!

— Вы должны иметь в виду, — ответил Джекил, — что богатство моего друга зависит не только от исхода судебного процесса, которым вы ему угрожаете, мистер Тиррел. Отнимите у него, если сможете, окендейлское поместье, — у него останется еще значительное состояние, унаследованное им от матери. А в отношении его бракосочетания с мисс Моубрей он считает, что ежели она сама не пожелает, чтобы обряд был повторен — в этом он всецело готов подчиниться ее решению, — им обоим достаточно будет заявить, что церемония эта уже состоялась.

— То был обман, сэр! — воскликнул Тиррел. — Выдать себя за другое лицо — это подлый, гнусный обман, которого постыдился бы последний из негодяев, заключенных в Ньюгетскую тюрьму!

— Но этому нет никаких доказательств, мистер Тиррел. Свидетельство, выданное пастором, безупречно: Фрэнсис Тиррел и Клара Моубрей соединены священными узами брака — таков смысл документа. Имеется и копия... Нет, погодите минуточку, сэр. Вы говорите, что имела место подмена одного лица другим. Я не сомневаюсь, что вы утверждаете то, чему верите на основании слов мисс Моубрей. Она была застигнута врасплох, ее в известном смысле принудил согласиться на брак человек, за которого она и вышла; затем, при виде прежнего поклонника, которому она, без сомнения, давала легкомысленные

клятвы, ей стало стыдно; удивительно ли, что, не имея поддержки от супруга, она переменяла тон и возложила на того, кто отсутствовал, вину за свое собственное непостоянство? В столь критический момент женщина будет искать самых неправдоподобных оправданий, только бы не признать себя виновной.

— В этом деле шутки неуместны, — произнес Тиррел. Лицо его побледнело, голос дрожал от гнева.

— Я говорю совершенно серьезно, сэр, — возразил Джекил. — Во всей Британии нет ни одного судебного учреждения, которое приняло бы во внимание слова мисс Моубрей — единственное, что она может предъявить, и притом в деле, затрагивающем лично ее, в то время как целый свод доказательств прямых и косвенных говорит о том, что она по доброй воле согласилась выйти замуж за джентльмена, помогающего в настоящее время ее руки. Простите меня, сэр, я вижу, вы крайне возбуждены; я отнюдь не намерен оспаривать ваше право верить в то, что вы считаете наиболее вероятным, я лишь позволяю себе обратить ваше внимание на то впечатление, которое доказательства, по всей вероятности, произведут на лиц беспристрастных.

— Ваш друг, — ответил Тиррел, стараясь изобразить спокойствие, которого на самом деле у него не было, — возможно, рассчитывает такого рода аргументами прикрыть свою подлость. Но это ему не удастся: правду знает небо, знаю и я; кроме того, на свете есть еще один беспристрастный свидетель, который может удостоверить, что мисс Моубрей стала жертвой гнуснейшего обмана.

— Вы имеете в виду ее кузину по имени, кажется, Ханна Эруин, — ответил Джекил. — Как видите, я хорошо осведомлен обо всех обстоятельствах дела. Но как разыскать эту Ханну Эруин?

— Я не сомневаюсь, что она появится в час, удобный небу, к посрамлению того, кто воображает, будто единственный свидетель его предательства, единственный, кто может раскрыть всю эту запутанную тайну, либо уже не числится среди живых, либо по крайней мере не может быть поставлен лицом к лицу с ним,

чтобы свести на нет все его козни. Да, сэр, оброненное вами замечание полностью объяснило мне, почему ваш друг, или, называя его настоящим именем, мистер Вэлентайн Балмер, не затеял своих махинаций раньше, а начал их именно сейчас. Он считает достоверным, что Ханна Эруин находится за пределами Британии или же не может быть вызвана в суд. Но не исключено, что он жестоко ошибается.

— Мой друг вполне уверен в благоприятном для себя исходе дела, — ответил Джекил, — но из уважения к даме он не хотел бы затевать процесс и тем самым затрагивать ряд обстоятельств, которые было бы крайне тягостно предавать огласке.

— Предавать огласке! — повторил Тиррел. — Во всем виноват предатель, заложивший огромной силы мину, а теперь делающий вид, будто он не желает поджигать фитиль. О, как проклинаяю я родство между нами, связывающее мне руки! Я был бы счастлив занять в обществе самое жалкое и презируемое место, если бы такой ценой обрел один час для мщения этому сверхлицемеру! Одно не подлежит сомнению, сэр: ваш друг не получит своей жертвы живой. Его домогательства убьют Клару Моубрей, до краев наполнив чашу его преступлений убийством одной из прекраснейших... Но довольно! Я уподоблюсь женщине, если скажу еще хоть слово об этом!

— Мой друг, — сказал Джекил, — раз уж вы предпочитаете называть его так, не меньше вашего желает оберечь чувствительность мисс Моубрей. И с этой целью он, не ссылаясь на прошлое, обратился к ее брату на предмет сватовства, которое пришлось тому весьма по душе.

— Вот как? — вздрогнув, произнес Тиррел. — А мисс Моубрей?

— Она отнеслась к этому настолько благосклонно, что согласилась видеть лорда Этерингтона гостем в Шоуз-касле.

— Ее, наверно, принудили дать согласие! — вскричал Тиррел.

— Она дала его добровольно, — сказал Джекил, — так, во всяком случае, меня заверили. А может

быть, — и это представляется мне вполне естественным, — она настолько стремится затушевать это неприятное дело, что готова покрыть его пеленой вечного забвения, согласившись принять руку лорда Этерингтона. Я вижу, сэр, что причиняю вам боль, и весьма сожалею об этом. У меня нет права призывать вас к великодушию. Но если чувства мисс Моубрей действительно были таковы, неужели вы нанесете ущерб ее чести, настаивая на своих былых притязаниях и воскрешая давно минувшую неприглядную историю? Неужели требовать от вас этого — значит требовать слишком многого?

— Капитан Джекил, — торжественно произнес Тиррел, — я не имею никаких притязаний. Те же, которые я имел, не существуют больше из-за предательского поступка, благодаря которому ваш друг так ловко сумел занять мое место. Даже если бы Клара Моубрей обрела всю ту свободу, которую может предоставить ей закон, объявляющий ее так называемый брак недействительным, для меня, во всяком случае, для меня, единственного, быть может, на всем свете человека, препятствие останется навсегда неустранимым, ибо брачное благословение произнесено было над нею и тем, кого я вынужден на этот раз называть *братом*. — На последнем слове он запнулся, как будто ему стоило мучительного труда произнести его. — Нет, сэр, в этом деле я не имею никаких личных видов, их давно уже нет. Но я не допущу, чтобы Клара Моубрей сделалась женой негодяя, и буду бодрствовать над нею с помыслами такими же чистыми, какие могут быть у ангела-хранителя. Я был причиной постигшей ее беды, я первый уговорил ее сойти со стези долга, и я более чем кто бы то ни было обязан охранить ее от несчастья, от преступления, а ей не избегать соприкосновения с ними, если она станет женой этого человека. Я никогда не поверю, что она этого желает, никогда не поверю, что в здравом уме и твердой памяти она согласится выслушать столь гнусное предложение. Но разум ее — увы! — зиждется не на той твердой основе, которой он мог гордиться прежде, а ваш друг очень хорошо знает, на пружины

каких страстей ему надо нажимать для того, чтобы смутить и встревожить ее дух. Угроза огласки может вызвать у нее согласие на этот мерзостный союз, если ее не доведут до самоубийства, которое представляется мне наиболее вероятным исходом. Поэтому я и буду тверд там, где она слаба. Вашему другу, сэр, придется, во всяком случае, соскрести со своих предложений их яркую позолоту. Я докажу мистеру Моубрею из Сент-Ронана, насколько ложны притязания вашего друга и на титул и на богатство. И думаю, что, при всем своем ослеплении возможностью союза с богатым пэром, он сумеет защитить свою сестру от домогательств разорившегося мота.

— Дело ваше, сэр, еще не выиграно, — ответил Джекил, — и даже если вы его выиграете, у вашего брата останется достаточно средств, чтобы притязать на более блестящую партию, чем мисс Моубрей, — достаточно и без обширного неттлвудского поместья, на которое этот брак давал ему права. Но я бы хотел полюбовного соглашения между вами, если оно возможно. Вы ведь заявили, мистер Тиррел, что в этом деле вам чужды какие бы то ни было личные виды и стремления и что заботят вас исключительно покой и благополучие мисс Моубрей?

— Клянусь честью, это единственная цель моего вмешательства! Я отдал бы все, чем обладаю, за то, чтобы мисс Моубрей обрела хоть час покоя, ибо счастья ей уже не суждено изведать.

— Полагая, что она будет несчастна, — сказал Джекил, — вы, как я понимаю, основываетесь на характере моего друга. Вы считаете его человеком без нравственных принципов и, поскольку он провел вас в одной юношеской интриге, делаете вывод, что и теперь, в более зрелом возрасте, ему нельзя доверить счастье женщины, о которой вы так заботитесь?

— Не исключены и другие причины, — живо возразил Тиррел. — Но вы можете опираться и на те, о которых упомянули: их вполне достаточно, чтобы оправдать мое вмешательство.

— Ну, а если я предложил бы вам прийти к соглашению на нижеследующей основе? Лорд Этерингтон

не пытается выдать себя за человека страстно влюбленного. Он охотно возвращается в свете и не намерен удаляться от него. Здоровье у мисс Моубрей слабое, душевное состояние — неустойчивое; она, по всей вероятности, предпочла бы уединенную жизнь. Допустим, — это только предположение, — что брак между двумя лицами, находящимися в таком положении, необходим или выгоден для них обоих; допустим, что такой брак обеспечивает одной из сторон крупное состояние, а другую ограждает от всех последствий неприятной огласки, причем достигается это одним лишь совершением над ними брачного обряда. Предварительно мог бы быть заключен договор о раздельном жительстве супругов, обеспечивающий приличное содержание жене и формальный отказ мужа от каких бы то ни было притязаний на совместную жизнь. Такие вещи происходят чуть ли не ежедневно, если не в самый день свадьбы, то еще до окончания медового месяца. Мисс Моубрей была бы хорошо обеспечена, свободна и даже носила бы графский титул, если бы, — допуская, что ваши домогательства обоснованны, — вы согласились уступить его супругам.

Наступило продолжительное молчание, в течение которого Тиррел неоднократно менялся в лице, а Джекил внимательно наблюдал за ним, не торопя его с ответом. Наконец Тиррел сказал:

— Многое в вашем предложении, капитан Джекил, может быть и соблазнило бы меня принять его: таким образом был бы разрушен этот гордиев узел и достигнут компромисс, до известной степени обеспечивающий мисс Моубрей спокойное существование в будущем. Но я скорее доверился бы змее с ядовитым жалом, чем вашему другу, разве что он будет по рукам и ногам связан соображениями личной выгоды. Кроме того, я уверен, что несчастная женщина погибнет, будучи поставлена перед необходимостью встречаться с ним, даже если эти встречи сведутся лишь к тем мгновениям, когда они будут стоять рядом у алтаря. Есть и другие возражения...

Он внезапно умолк, задумался на миг, а затем продолжал спокойным, полным самообладания тоном:

— Может быть, вы и теперь еще думаете, что у меня есть свои личные, корыстные побуждения. И, может быть, вы считаете себя вправе питать в отношении меня те же подозрения, которые — откровенно в этом признаюсь — порождают у меня все предложения, исходящие от вашего друга. Тут уж ничего не поделаешь. Я могу противопоставить этому неблагоприятному впечатлению лишь честный и откровенный разговор. И вот теперь я хочу сделать *вам* — в духе полной честности и откровенности — свое предложение. Друг ваш привержен к титулу, богатству и всем светским преимуществам, во всяком случае, не меньше, чем это свойственно прочим светским людям, — это вы должны признать, а я не стану оскорблять вас предположением, что он привержен к ним сверх меры.

— Мне известно очень мало людей, которые не стремились бы ко всем этим благам, — ответил капитан Джекил, — и я готов чистосердечно согласиться, что он и не делает вида, будто взирает на них с философским равнодушием!

— Отлично, — подхватил Тиррел. — Впрочем, сделанное вами только что предположение указывает, что его стремление получить руку мисс Моубрей целиком или же почти целиком внушено корыстными побуждениями, поскольку вы считаете, что он согласился бы в самый день свадьбы расстаться с нею, лишь бы ему за это было обеспечено владение неттлвудским поместьем.

— Предположение я сделал от себя, не будучи уполномочен на это, — ответил Джекил. — Но зачем отрицать — из самой сути его следует, что я ни в какой мере не считаю лорда Этерингтона пылким влюбленным.

— Прекрасно, — отозвался Тиррел. — Так вот, поймите сами и заставьте его хорошо понять, что богатство и титул, которыми он сейчас владеет, зависят от моей доброй воли, что ежели я предъявлю свои права, о которых гласит прочитанная вами только что бумага, ему придется распрощаться с графским титулом, превратиться в обыкновенного человека, ли-

шиться большей части своего богатства, и эта потеря далеко не уравнивается неттлвудским поместьем, даже если он его получит, а получить его он может лишь после судебного процесса, исход которого сомнителен и который сам по себе достаточно постыден.

— Согласен, сэр, — сказал Джекил, — довод ваш убедителен. Что же вы предлагаете?

— А то, что я откажусь от предъявления своих прав на титул и состояние, что я предоставлю Вэлентайну Балмеру владеть захваченным титулом и незаслуженным богатством, что я приму на себя строжайшее, торжественное обязательство не оспаривать у него владения титулом графа Этерингтона и связанными с этим званием поместьями, но при условии, что он даст женщине, чей душевный мир он навеки нарушил, пройти остаток злосчастного жизненного пути, не докучая ей брачными предложениями или какими-либо иными домогательствами, основанными на его же предательском поступке, короче говоря — при условии, что на будущее время он перестанет докучать Клару Моубрей своим присутствием, речами, письмами, посредничеством третьих лиц и будет вести себя по отношению к ней так, словно его и вовсе не существует.

— Предложение это — необычайное, — сказал капитан. — Могу я спросить, вполне ли серьезно вы его делаете?

— Ваш вопрос не удивляет меня и не обижает, — ответил Тиррел. — Я, сэр, такой же человек, как все другие, и не делаю вида, будто я выше того, к чему люди обычно стремятся — почетного места и некоторого уважения в обществе. Я отнюдь не романтический чудак, не придающий значения жертве, на которую он идет. Я отказываюсь от положения, которое должно быть для меня тем ценнее, что с ним связано, — говоря это, он покраснел, — доброе имя моей глубоко мною чтимой матери. Решая не притязать на него, я тем самым нарушаю последнюю волю умирающего отца, который хотел, чтобы я заявил свои права и тем самым показал всему свету его раскаяние, ускорившее, может быть, его кончину: ведь он надеялся.

что столь открытый акт раскаяния хоть немного уменьшит его вину. Я отвергаю высокое положение у себя на родине и добровольно становлюсь безыменным изгнанником, ибо когда у меня будет полная уверенность, что покой Клары Моубрей обеспечен, я тотчас же покину пределы Британии. Все это я делаю, сэр, не в минутном приступе пылких чувств, а отлично понимая и зная цену тому, от чего отказываюсь; тем не менее я это делаю, делаю по доброй воле, ибо для меня лучше пойти на это, чем стать причиной новых бед для той, кому я уже причинил достаточно и даже чересчур много зла.

Несмотря на все его усилия, голос изменил Тиррелу, когда он кончил свою речь, и, ощутив, что на глаза его навертываются слезы, он должен был на мгновение отвернуться к окну.

— Стыжусь своего ребячества, — сказал он, снова обращаясь к капитану Джекилу, — но пусть оно послужит доказательством моей искренности, даже если покажется вам смешным.

— Я менее всего расположен смеяться над вашими чувствами, — сказал Джекил тоном, полным уважения, ибо, хотя он уже давно вел жизнь светского повесы, сердце его не до конца очерствело, — менес всего. Я не могу дать немедленный ответ на такое необычайное предложение, как ваше. Могу только заметить, что достоинство пэра, насколько мне известно, неотчуждаемо; отказаться от него или передать его другому по своей воле нельзя. Если вы действительно граф Этерингтон, я не вижу, каким образом ваш отказ от титула мог бы пойти на пользу моему другу.

— Вам, сэр, он, возможно, и не пошел бы на пользу, — серьезным тоном произнес Тиррел, — потому что вы, может быть, побрезговали бы возможностью присвоить себе права и носить титул, вам по закону не принадлежащие. Но вашему другу подобная щепетильность отнюдь не присуща. Если он может сейчас изображать графа в глазах света, то это доказывает, что его честь и совесть и в дальнейшем окажутся весьма покладистыми.

— Могу я получить копию списка этих документов, чтобы показать их моему доверителю? — спросил Джекил.

— Охотно отдам вам список, сэр, — ответил Тиррел, — тем более что это ведь тоже копия. Но, — добавил он с саркастической усмешкой, — друг капитана Джекила, по-видимому, доверился ему не полностью. Могу его заверить поэтому, что лицо, давшее ему поручение, превосходно знает содержание этой бумаги и у него имеются точные копии всех перечисленных в ней документов.

— Сомневаюсь, чтобы это было возможно, — с негодованием возразил Джекил.

— Это вполне возможно, и так это и есть! — ответил Тиррел. — Незадолго до смерти отец мой прислал мне вместе с трогательным признанием своих заблуждений список этих документов и при этом сообщил, что подобную же бумагу он отправил вашему другу. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что он это сделал, хотя мистер Балмер и мог счесть более для себя удобным не ставить вас об этом в известность. Одно обстоятельство — одно из многих — хорошо обрисовывает его натуру и вместе с тем подтверждает, насколько он опасался моего возвращения в Британию. Он нашел способ подкупить одного бесчестного агента, через которого отец мой при жизни снабжал меня средствами, и добиться, чтобы тот не переводил мне денег, необходимых для моего возвращения с Востока, так что я вынужден был одолжаться у одного приятеля.

— Вот как? — сказал Джекил. — Об этих бумагах я услышал сейчас впервые. — Могу я спросить, где и у кого на хранении находятся оригиналы?

— Когда мой отец умирал, я находился на Востоке, — ответил Тиррел, — и он сдал документы на хранение в контору одного весьма уважаемого торгового дома, с которым вел дела. Они находились в конверте, адресованном на мое имя, который, в свою очередь, лежал в конверте, адресованном главе фирмы.

— Вы, конечно, понимаете, — сказал капитан Джекил, — что я не могу высказаться по поводу

необычайного предложения, которое вам угодно было сделать, — предложения отказаться от прав, основанных на этих документах, — пока я не получу возможности ознакомиться с ними.

— Вы получите эту возможность. Я напишу, чтобы мне их выслали по почте, — это небольшой пакет.

— Вот, следовательно, и все, о чем мы можем пока говорить, — сказал капитан. — Если документы эти действительно не могут быть оспорены, я, разумеется, посоветую моему другу Этерингтону принять ваш отказ от столь важных притязаний, даже если ради этого ему придется распроститься со своими матримонIALными расчетами. Я полагаю, вы не намерены взять назад свое предложение?

— Я не привык менять свои решения и еще менее — изменять своему слову, — ответил Тиррел несколько высокомерным тоном.

— Надеюсь, мы расстаемся друзьями? — спросил Джекил, вставая, чтобы распроститься.

— Во всяком случае, не врагами, капитан Джекил. Я признаю, что должен быть благодарен вам за то, что вы помогли мне выпутаться из этой глупой истории на водах. В настоящий момент мне было бы до крайности неудобно оказаться вынужденным доводить до конца легкомысленно затеянную ссору.

— Значит, вы появитесь среди нас? — спросил Джекил.

— Я отнюдь не желаю произвести впечатление, будто скрываюсь от общества, — ответил Тиррел. — Такое поведение может мне повредить, а у меня есть враг, готовый воспользоваться любым преимуществом. Для меня существует лишь один путь, капитан Джекил, — путь правды и чести.

Капитан Джекил откланялся и удалился. Как только он вышел из комнаты, Тиррел запер дверь на ключ и, вынув из внутреннего нагрудного кармана какой-то портрет, вглядывался в него со скорбной нежностью, пока на глазах у него не выступили слезы.

Это был портрет Клары Моубрей, на котором она изображалась такой, какой была в дни их юной любви. Писал его он сам, ибо уже тогда у него начали развиваться способности к живописи. И теперь в тонких чертах лица уже не столь юного оригинала можно было легко узнать прелестный облик девушки в ее раннем расцвете. Но что случилось с румянцем, игравшим на ее щеках? С лукавым огоньком в глазах, свидетельствующим о сдержанной веселости? С выражением радостного спокойствия, придававшим всем ее чертам сходство с вечно юной Эвфрозиной? Увы! Все это давно исчезло. Скорбь наложила на нее свою тяжелую руку, румянец юности поблек, бесхитростное веселье во взоре сменилось подавленной озабоченностью, а если взгляд и оживлялся, то в нем сквозила лишь язвительная насмешка.

— Какой упадок! Какой упадок! — вскричал Тиррел. — И все это по вине одного негодяя! Могу ли я довершить это гнусное дело и стать ее убийцей? Не могу, не могу! Я должен быть тверд в своем решении, я пожертвую всем — положением, титулом, богатством, громким именем. Даже мщением! Мщение, единственное, что у меня осталось, я тоже принесу в жертву, чтобы она обрела весь тот душевный мир, который способна еще вкушать.

Исполненный решимости, он сел и написал письмо торговой фирме, где хранились документы о его рождении и другие бумаги, подтверждающие его права, с просьбой переслать ему по почте пакет, в котором они находились.

Тиррел вовсе не был лишен ни честолюбия, ни стремления пользоваться уважением в обществе — черт, свойственных обычно пылкому уму и глубокой, чувствительной натуре. Он запечатал и отправил письмо дрожащей рукой, с влажными глазами, но с твердой решимостью в сердце. Это был первый шаг к отказу в пользу его смертельного врага от титула и места в жизни, которые принадлежали ему по праву наследования, но так долго оставались сомнительными и как бы колебались между ними обоими.

Глава XXX

НЕЖДАННАЯ ПОМЕХА

Клянусь честью, я провожу тебя до конца улицы... Я вроде репейника: раз пристал — не отцеплюсь, а?

«Мера за меру»¹

Стояла уже глубокая осень. В тех местах, где на траву попадали лучи солнца, она была омыта обильной росой, но там, где зеленый ковер лежал в тени, его покрывала ледяная корочка, хрустевшая под ногами Джекила, когда он возвращался сент-ронанским лесом. Листья ясеня отделялись от ветвей и падали на тропу, даже не сдутые ветром. Туман все еще лежал на холмах, и высокая старинная башня Сент-Ронана была окутана плотной дымкой. Лишь с одной стороны, где солнце, борясь с туманом, пробило в нем брешь, виднелась башенка, выступавшая на одном из углов старой крепости: на нее постоянно слетались воробьи, за что она и получила в народе прозвание Вороньей башни. Ниже, однако, все было открыто и освещено, и красношейка пела вовсю, стараясь одна заменить весь уже отсутствующий птичий хор. Яркая осенняя листва пестрела на прогалинах и на склонах неглубоких оврагов пятнами ржавчины и золота, между которыми вспыхивали вдруг алые гроздья рябины. А тут и там поднималась высокая старая ель, древний житель этого края, осенняя своими ветвями другие деревья, и стойкость ее темной зелени, казалось, торжествовала победу над более ярким, но преходящим великолепием окружающей растительности.

Таков ландшафт, который столь часто описывают в стихах и прозе, но который тем не менее всегда оказывает воздействие на наш взгляд и слух и вызывает у нас, когда мы видим его, чувства и помыслы, созвучные концу года. Немногим чужды подобные настроения, и даже Джекил, хотя он был поглощен со-

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

ображениями, не слишком располагавшими к созерцательности, замедлил шаг, любуясь необычайной красотой пейзажа.

К тому же он, может быть, не слишком торопился явиться к графу Этерингтону: после беседы с Тиррелом он был уже не так склонен оказывать ему услуги. Выяснилось, что сей дворянин нарушил свое обещание и не до конца доверился другу. Он не сообщил ему о существовании важных документов, от которых, по-видимому, зависел теперь весь исход предпринятых переговоров, и тем самым ввел его в заблуждение. Теперь, вынув из кармана и перечитав объяснительное послание лорда Этерингтона, Джекил гораздо яснее, чем раньше, понял, насколько нынешний обладатель титула был встревожен притязаниями брата. И он ощутил нечто вроде сострадания к другу — столь естественным показалось ему чувство робости, помешавшее Этерингтону сразу же сообщить даже самому верному человеку то, что было для него чревато наибольшей опасностью. Вспомнил он также, что лорд Этерингтон в свое время чрезвычайно благодетельствовал его; что он, со своей стороны, обещал молодому аристократу всеми силами помочь ему избавиться от неприятностей, которые, казалось, обрушивались на него со всех сторон; что в качестве доверенного лица он узнал самые секретные обстоятельства его жизни и что лишь очень основательная причина могла бы послужить ему, Джекилу, оправданием, если бы он в такой момент бросил друга на произвол судьбы. И все же он не мог не пожалеть о том, что взял на себя такие серьезные обязательства, что дело его друга столь неблагоприятно и сам этот друг так мало достоин помощи.

— Прекрасное утро, сэр, для такого чертовски сырого климата, — почти на ухо Джекилу произнес чей-то голос, внезапно выведя его из задумчивости. Он сделал полуоборот и узрел рядом с собою нашего доброго знакомого Тачвуда в широком индийском платке, обмотанном вокруг шеи, в просторных сапогах, сшитых специально для подагрических ног, в хорошо напудренном круглом парике и с неизменной

тостью с золотым набалдашником, поднятой над плечом на манер сержантской алебарды. Окинув старика презрительным взглядом, Джекил, в соответствии со своими модными представлениями, сразу зачислил его в категорию обыкновенных чудаков, с которыми можно обращаться так, как, по мнению молодых гвардейцев, заслуживает человек любой породы, не принадлежащей к изысканному обществу. Джекил слегка наклонил голову, и с языка у него почти бессознательно сорвалось: «Вам лучше знать, сэр». Он произнес эту фразу очень холодным тоном, рассчитанным на то, чтобы пресечь развязность старого джентльмена и его поползновения втереться в круг людей, до которых ему далеко. Но мистер Тачвуд был не слишком чувствителен к попыткам поставить его на место. Он слишком много скитался по белу свету и был слишком уверен в своих личных достоинствах, чтобы легко отступить или же позволить своей скромности воспрепятствовать какой-либо его затее.

— Мне лучше знать, сэр? — ответил он. — Я слишком долго жил на свете, чтобы не знать все, что мне нужно, и не узнавать всего, что меня заинтересует. Вот и вас я узнаю, раз мы встретились и вместе отправились в Сент-Ронан.

— Но я только помешаю вашим размышлениям по какому-либо достойному поводу, — ответил Джекил. — К тому же я всего-навсего скромный молодой человек, робеющий от иного общества, кроме своего собственного. Да и хожу я медленно... очень медленно. Желаю вам здравствовать, мистер э... э... боюсь, что запаятовал ваше имя, сэр.

— Мое имя! Ну, память у вас, значит, вроде гончей Пэта Мэртафа, которая упускает зайца, еще не поймав его. Вы моего имени никогда и не слыхали. Я зовусь Тачвуд. Что вы скажете об этом имени теперь, когда узнали его?

— Я не особенно хороший знаток фамилий, — ответил Джекил, — и для меня безразлично, зоветесь ли вы Тачвуд или Тачстон. Но мне сдается, что я задерживаю вас, сэр. В гостинице завтрак уже почти закончен, а прогулка, наверно, вызвала у вас аппетит.

— Вот он и пригодится мне ко второму завтраку, можете быть уверены, — сказал Тачвуд. — Я пью утренний кофе, как только спущу ноги с постели и суну их в бабуши — так всегда делают на Востоке. Никогда не пью за завтраком ихнего чаю: в гостинице подают не чай, а воду с молоком, честное слово. Что же до медленной ходьбы, то у меня недавно был приступ подагры.

— Вот как? Очень за вас огорчен. Но если вы не расположены завтракать, то я, наоборот, голоден. Так что пожелаю вам всего наилучшего, мистер Тачстон.

Но хотя молодой воин прибавил шагу, навязчивый спутник не отставал от него, проявляя живость, отнюдь, казалось бы, не соответствующую его возрасту и телосложению, и притом не переставая говорить, словно он желал доказать, что легкие его ни в малейшей степени не страдают от быстрой ходьбы.

— Что ж, молодой человек, если вы любитель пройтись бодрым шагом, я от вас не отстану, и к черту эту подагру. Ваше счастье, конечно, что вы молоды, но думаю, что по дороге от Старого городка до вод я прошагаю не медленнее вас, всей стопой, — только, разумеется, не бегом. При равном весе я на дистанцию в милю не отстал бы и от Баркли.

— Честное слово, вы благодущнейший старый джентльмен, — сказал Джекил, замедляя шаг. — И раз уж мы путешествуем вместе, хотя необходимости в этом я не вижу, мне, пожалуй, придется убавить ради вас парусов.

С этими словами он, видимо придумав новый способ избавиться от докучного спутника, приостановился, достал сафьяновый портсигар, закурил сигару с помощью карманного огнива и двинулся дальше, пуская сколько мог дыма прямо в лицо навязчивому спутнику.

— *Vergeben Sie, mein Herr*, — сказал он, — *ich bin erzogen im kaiserlichen Dienst, muß rauchen ein klein wenig*.¹

¹ Простите, сударь, я уж так привык на имперской службе — всегда должен немного покурить (нем.).

— Rauchen Sie immerfort, — ответил Тачвуд, доставая, в свою очередь, внушительную пенковую трубку, которая свисала на цепочке с его шеи в нагрудный карман, — habe auch mein Pfeifchen, sehen Sie den lieben Topf! ¹

И он принялся возвращать своему спутнику если не пыл его, то, во всяком случае, дым — мощными клубами и притом с лихвой.

«Черт бы побрал старого мошенника, — подумал Джекил, — он слишком стар и толст, чтобы обойтись с ним по методу профессора Джексона. Ей-богу, не знаю, что с ним делать. Он тоже со здешних вод — надо держаться с ним похолоднее, не то от него уже никак не отвяжешься».

В соответствии с этим решением он зашагал дальше, посасывая сигару с таким рассеянным видом, как у самого мистера Каргила, и не обращая ни малейшего внимания на Тачвуда. А тот тем временем продолжал болтать так, словно обращался к самому внимательному слушателю в Шотландии — например, к любимому племяннику богатого старого холостяка-ворчуна или к адъютанту генерала, похожего на заржавленное ружье и повествующего об американской войне.

— Итак, сэр, вы видите, что я могу поладить с любым случайным попутчиком, ибо какими только способами я не путешествовал — от каравана до простой тележки. Но лучше всего быть в самом избранном обществе, и потому я счастлив, что повстречался с таким приятным для меня джентльменом, как вы. Серьезное, внимательное выражение вашего лица напоминает мне Элфи-бея: вы можете говорить ему что-нибудь по-английски или на любом другом языке, о котором он понятия не имеет, можете читать ему Аристотеля, — ни один мускул на его лице не дрогнет. Дайте ему только его трубку, и он будет сидеть на подушке с таким видом, будто понимает каждое сказанное вами слово.

¹ Курите сколько угодно. У меня тоже с собой трубочка. Поглядите, какой прелестный горшочек! (нем.).

Капитан Джекил с легким раздражением отбросил окурок сигары и принялся насвистывать арию из оперы.

— Ну вот, а сейчас вы просто вылитый маркиз де Рокамболь, еще один из лучших моих друзей: пока вы ему что-нибудь говорите, он все время свистит. Он уверяет, что привык к этому во время террора, когда люди радовались, что могут свистеть, доказывая тем самым, что шея у них не перерезана. Кстати, поскольку речь зашла у нас об именитых людях, — что вы думаете об этой истории между лордом Этерингтоном и его братом или кузеном, как некоторые считают?

При этом вопросе Джекил вздрогнул, проявив такую степень волнения, которая, если бы здесь присутствовал кто-нибудь из его великосветских друзей, нанесла бы смертельный удар его притязаниям на место среди избранных.

— Какой истории? — спросил он, едва ему удалось обрести некоторое самообладание.

— Как! Вы не знаете последних новостей? Фрэнсис Тиррел, которого все общество еще недавно считало трусом, оказывается, такой же порядочный человек, как любой из нас. Он отнюдь не скрылся из боязни, как бы сэр Бинго Бинкс не перерезал ему глотку, а как раз в тот самый момент сделал доблестную попытку умертвить своего старшего брата, или более законного брата, или двоюродного брата, или какого-то другого столь же близкого родственника.

— Мне кажется, вы введены в заблуждение, сэр, — сухо сказал Джекил, стараясь вновь вернуть себе обличье равнодушного человека.

— Мне говорили, — продолжал Тачвуд, — что секундантом у них во время поединка был некто Джекил. Славный малый, сэр, один из тех изысканных джентльменов, которым мы платим за то, что они полируют мостовую на Бонд-стрит и смотрят на пару грубых сапог и шерстяных чулок так, будто те, кто их носит, не принадлежат к числу людей, оплачивающих этих джентльменов. Впрочем, я полагаю, что

главнокомандующий уволит его в отставку, когда узнает о происшедшем.

— Сэр! — яростно вскричал Джекил, но тут же понял, как глупо сердиться на чудака вроде его собеседника, и продолжал более спокойным тоном: — Вы введены в заблуждение. Капитан Джекил понятия не имел о деле, о котором вы упомянули. Вы говорите о человеке, которого совершенно не знаете. Капитан Джекил... (Тут он запнулся, возмущенный при одной мысли, что ему приходится защищаться от подобного обвинения со стороны подобного человека.)

— Конечно, конечно, — сказал путешественник, посвоему истолковывая молчание Джекила, — он не стоит того, чтобы мы о нем говорили, но вообще-то я думаю, что он знал об этом деле, во всяком случае, не меньше нас с вами.

— Сэр, это с вашей стороны либо грубая ошибка, либо сознательная дерзость, — ответил офицер. — Как бы нелепо или нахально вы себя ни вели, я не могу допустить, чтобы вы по неведению или неучтивости отзывались о капитане Джекиле с неуважением. Я капитан Джекил, сэр.

— Весьма возможно, весьма возможно, — сказал Тачвуд с крайне вызывающим безразличием. — Я, впрочем, так и думал.

— В таком случае, сэр, вы легко можете догадаться, что должно произойти, когда джентльмен слышит, как на него неосновательно и непростительно клеветают, — ответил капитан Джекил, удивленный и взбешенный тем, что, когда он объявил свое имя и звание, к этому отнеслись так безразлично. — Советую вам, сэр, не заходить слишком далеко в расчете на ваш возраст и незначительное положение в обществе.

— Я никогда не захожу дальше, чем имею основание считать нужным, капитан Джекил, — с невозмутимым спокойствием ответил Тачвуд. — Как вы уже изволили заметить, я слишком стар для такой идиотской затеи, как дуэль. Кстати, ни у одного народа, кроме как у европейских безумцев и дураков, она не практикуется. Что же касается палочки, которую вы

вертите в руках со столь благородным видом, об этом оружии тоже не может быть речи. Послушайте-ка, молодой человек: четыре пятых своей жизни я провел среди людей, у которых жизнь ценится не более, чем пуговица на вороте рубашки. В подобных обстоятельствах каждый научается защищать себя, как может. И любой, кто поднимет на меня руку, должен считаться с последствиями. При мне всегда находится пара бульдогов, уравнивающих старость и молодость. Поэтому предположите, что вы меня уже отхлестали, и, пожалуйста, предположите также, что я прострелил вас навывлет. Одна и та же доза воображения вполне достаточна и для того и для другого.

С этими словами он извлек пару великолепных, отлично сработанных и богато украшенных пистолетов.

— Вам бы встретиться со мной, когда при мне нет моих инструментов, — сказал он, с многозначительным видом застегивая сюртук над боковым карманом, остроумно приспособленным для того, чтобы прятать оружие. — Вижу, что вы недоумеваете, как со мной обходиться, — заметил он фамильярным и вместе с тем доверительным тоном. — Но, говоря по правде, каждый, кто замешан в это сент-ронанское дело, немножко не в себе, у каждого немножко *tête exaltée*,¹ короче говоря — каждый несколько свихнулся. И я не пытаюсь разыгрывать большего умника, чем все прочие.

— Сэр, — сказал Джекил, — ваше поведение и речи столь необычны, что я должен решительно и прямо спросить вас: намереваетесь вы нанести мне оскорбление или нет?

— Я и не помышлял об оскорблении, молодой человек, все было сказано безо всякой задней мысли и вполне чистосердечно; мне просто хотелось, чтобы вы знали, о чем, возможно, говорят в свете.

— Сэр, — поспешно возразил Джекил, — свет может лгать сколько ему угодно. Но я не присутство-

¹ Голова не в порядке (франц.).

вал при поединке между Этерингтоном и мистером Тиррелом, — я находился в нескольких сотнях миль от них.

— Ага, — сказал Тачвуд, — значит, поединок между ними *был*. Это-то я и хотел выяснить.

— Сэр! — вскричал Джекил, который слишком поздно сообразил, что, торопясь выгородить себя, он подвел приятеля. — Я не хотел бы, чтобы вы сделали неправильный вывод из выражения, которое я употребил, не подумав, так как торопился оправдать себя. Я имел в виду только то, что если дуэль, о которой вы говорите, и произошла, мне об этом известно не было.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, я не злоупотреблю тем, что узнал, — сказал Тачвуд. — Но даже если бы вам удалось съесть произнесенные вами слова под лучшим рыбным соусом (а лучший — это берджес), я-то уже получил нужные мне сведения.

— Ваша настойчивость выглядит несколько странно, сэр, — ответил Джекил.

— О, в этом отношении я кремень, скала. Что я узнал, то узнал, но во зло не употреблю. Послушайте, капитан, у меня нет дурных намерений против вашего друга, может быть, даже наоборот; но он на неверном пути, сэр, он плохо рассчитал, хотя и воображает, что очень проницателен. И я говорю вам это, так как считаю, что вы (оставив в стороне ваши аристократические замашки) «скорее честный», как говорит Гамлет.¹ Но если даже это и не так — что ж, ничего не поделаешь. В пустыне приходится порою брать проводником бедуина, которому среди возделанных полей и аспара не доверишь. Поэтому я хотел бы кое в чем вам довериться, но окончательного решения пока еще не принял.

— Честное слово, сэр, я крайне польщен и намерением вашим и колебаниями, — сказал капитан Джекил. — Только что вы изволили заметить, что в каждом, кто в этом деле замешан, есть какая-нибудь странность.

¹ Перевод М. Лозинского.

— Да, да, все они несколько не в себе, с сумасшедшинкой или что-то вроде. Это я говорил и могу доказать.

— Я был бы рад услышать ваши доказательства, — сказал Джекил. — Надеюсь, себя вы не исключаете из этого числа?

— О, ни в малейшей степени, — ответил Тачвуд, — я один из самых сумасшедших стариков, которые когда-либо спали не на соломе и находились не в доме для умалишенных. Но я вижу, отлично вижу, вы, в свою очередь, тоже хотите закинуть удочку, капитан; вам хочется знать, насколько я посвящен во все эти секреты. Ладно, будущее покажет. А пока вот вам мои доказательства. Со стороны старого Скроджи Моубрея сумасшествием было предпочитать имя Моубрей имени Скроджи; со стороны молодого Скроджи сумасшествие — упорно отвергать это имя. Старый граф Этерингтон поступил как умалишенный, вступив в тайный брак с французенкой, и как совершенно ошалелый безумец — открыто женившись затем на англичанке. Что касается здешних добрых людей, то сент-ронанский Моубрей, безусловно, лишился рассудка, если хочет отдать свою сестру человеку, о котором в точности не знает, кто это такой. Она также не в своем уме, раз не хочет идти за него, потому что знает, кто он и что между ними произошло. А самый отъявленный безумец — ваш друг, ибо он домогается взять ее в жены, хотя риск так велик. Мы же с вами, капитан, сумасшедшие без корысти, за компанию, раз мы по доброй воле вошли в круг этих неистовых, утративших разум людей.

— Уверяю вас, сэр, все, что вы говорите, для меня чистейшая загадка, — ответил смущенный Джекил.

— Загадки можно отгадать, — сказал Тачвуд, кивнув головой. — И если у вас есть хоть малейшее желание разгадать мою, имейте в виду, пожалуйста, что сегодня при первой нашей встрече я постарался *faire les frais de la conversation*,¹ как говорят французики.

¹ Сделать все для поддержания беседы (франц.).

Если вы желаете второй встречи, приходите в Клейкемскую гостиницу миссис Додз в любой день до субботы, ровно в четыре: там вас ожидают не издохшие от голода длинноногие скелеты, именующиеся за вашим табльдотом пулярками, а настоящая читтагонгская птица! Я достал миссис Додз производителей этой породы у Бена Вандеваша, голландского маклера. Вам подадут пулярку прямо со сковородки, с гарниром из риса и грибов. Если вы можете обойтись простой вилкой вместо серебряной и аппетит у вас неплохой — добро пожаловать. Вот и все. Желаю вам доброго пути, дорогой лейтенант, ибо капитан гвардии ведь всего-навсего лейтенант.

С этими словами, не дожидаясь ответа, старый джентльмен внезапно свернул на боковую тропинку к целебному источнику, ответвлявшуюся от тропы к гостинице.

Недоумеая, с кем вел он этот странный разговор, Джекил стоял и смотрел ему вслед, пока внимание его не привлек мальчуган, который, осторожно оглядываясь по сторонам, вышел из соседней рощицы с прутиком, только что срезанным и, вероятно, в нарушение существовавшего на этот счет запрета; видно было, что мальчик готов скрыться обратно в ту же рощу, в случае если ему повстречается кто-нибудь заинтересованный в том, чтобы расправиться с маленьким преступником. Капитан Джекил сразу же распознал в нем одного из подающих надежды юных шалопаев, которые добывают себе довольно скудное пропитание во всех общественных местах, бегая по поручениям, чистя сапоги, помогая на конюшне кучерам и конюхам, гоняя ослов, открывая ворота и так далее, причем все это занимает у них одну десятую времени; остаток же его уходит на азартную игру, дремоту на солнышке и вообще подготовку к профессии карманного воришки либо как таковой, либо в соединении с профессией официанта, конюха или фрейтора. Юный представитель преступного мира был одет в довольно плохонькие штаны, половину — приблизительно — какой-то курточки, так что, наподобие Пентаполина Обнаженной Руки, он совершал все

свои деяния с оголенным правым плечом. Третью того, что некогда было шляпой, покрывала его волосы, добела выцветшие от солнца, а на лице, коричневом как пряник, сверкала пара глаз, которые, по способности своей выслеживать то, что грозило их обладателю бедой или сулило ему выгоду, можно было сравнить с соколиными. Одним словом, это был воплощенный Пэк из живых картин в Шоуэ-касле.

— А ну, подойди, висельник, — сказал Джекил, — и скажи мне, не знаешь ли ты старого джентльмена, который только что свернул на эту тропинку, — вон он, его еще видно.

— Это набоаб, — ответил мальчик. — Узнаю его спину — другой такой на водах не сыщешь, ваша честь.

— А что такое, по-твоему, набоаб, негодник?

— Набоаб? Набоаб? — переспросил мальчишка. — Ну, я думаю, это человек из заморских стран, у которого пропасть денег, вот он и швыряет ими направо-налево. Они все с лица желтые, как апельсин, и хотят, чтобы все было по-ихнему.

— А зовут этого, как ты выражаешься, набоаба?

— Тачвуд его зовут, — сказал осведомитель. — Он каждое утро бывает на источнике.

— Я никогда не видел его за табльдотом.

— Верно, — ответил мальчик. — Это чудной старикан: он ни с кем не водится и поселился там, в Клейкеме. Как-то раз он дал мне полкроны, но запретил играть на них в орел или решку.

— И ты, конечно, послушался?

— Нет, не послушался: я проиграл ее в «угадай, в какой руке».

— Ну вот тебе шестипенсовик. Можешь проиграть его хоть самому черту, если захочешь.

С этими словами он выдал юному шалопаю мзду и одновременно наградил его таким подзатыльником, что тот в один миг исчез. Сам же отправился в комнату лорда Этерингтона и, на свое счастье, нашел его в полном одиночестве.

СПОР

Уж лучше с меднолобыми глупцами,
С мальчишками мне говорить,
чем с теми,
Кто осторожно на меня глядит.

«Ричард III»¹

— Ну, ну, Джекил, — вскричал лорд Этерингтон. — Какие вести от неприятеля? Ты его видел?

— Видел, — ответил Джекил.

— И в каком умонастроении ты его нашел? Не в слишком для нас благоприятном, по-видимому: вид у тебя смущенный и озабоченный, что свидетельствует о проигрыше. Я часто говорил тебе, что в таких случаях ты выглядишь побитой собакой, и это сразу тебя выдает. А когда ты напускаешь на себя храбрость и делаешь хорошую мину при плохой игре, твой гордый взгляд всегда напоминает мне штандарт, лишь до половины поднятый на мачте и свидетельствующий не о торжестве и вызове неприятелю, а об унынии и упадке духа.

— Я ведь только держу в руках карты вашей милости, — ответил Джекил, — и молю небо, чтобы никто не заглядывал в них через мое плечо.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Когда я возвращался лесом, ко мне пристал один бесцеремонный старик, по прозвищу набоб, а по имени Тачвуд.

— Такой мне тут встречался, — сказал лорд Этерингтон. — Ну и что же?

— Ничего, — ответил Джекил, — кроме того, что он, видимо, знает о твоих делах гораздо больше, чем тебе хотелось бы. Он пронюхал о поединке между тобой и Тиррелом, и, что еще хуже — приходится признаться в этом, — ему удалось выудить у меня нечто вроде подтверждения его подозрений.

— Черт побери, да ты с ума сошел! — вскричал лорд Этерингтон, бледнея. — Уж он-то, во всяком слу-

¹ Перевод А. Радловой.

чае, разболтает об этом повсюду. Ты меня просто погубил.

— Надеюсь, что нет, — сказал Джекил. — Уверен даже, что нет. Ему известно об этом деле лишь в общих чертах, только одно — что между вами произошло какое-то столкновение. Да не приходи ты из-за этого в такое уныние, не то я, кажется, пойду и пережду ему глотку, чтобы он молчал.

— Проклятая неосторожность! — воскликнул граф. — И как это ты позволил ему пристать к тебе с разговорами?

— Сам не знаю, — ответил Джекил. — Он умеет морочить голову почище, чем десяток самых скучных докторов любых наук; присасывается, как ракушка к скале, — ну, сущий двойник Морского старика, а уж от того, как известно, избавиться было невозможно.

— А не мог ты перевернуть его на спину, как черепаху, да и сбежать? — спросил лорд Этерингтон.

— И получить за мои труды унцию свинца в спину? Нет, нет, я ведь повстречался с настоящим разбойником. Старик, имейте в виду, был вооружен, словно собирался грабить народ на большой дороге.

— Ладно, оставим его. А Мартиньи, или Тиррел, как ты его называешь, он что говорит?

— Тиррел, или Мартиньи, как называет его ваша милость, — ответил Джекил, — не желает и слушать ваших предложений. Он не соглашается доверить заботам милорда счастье мисс Моубрей. Более того — я не встретил у него одобрения, даже когда намекнул, что за признанием брака или вторым брачным обрядом тотчас же последует раздельное проживание супругов, что, полагаю, я мог ему предложить.

— А по какой причине отказывается он от такого разумного предложения? — спросил лорд Этерингтон. — Он надеется сам жениться на девушке?

— По-видимому, он считает, что все обстоятельства делают это невозможным, — ответил Джекил.

— Как! Значит, он намерен разыгрывать собаку на сене — и сам не ест и другим не дает? Ну, так у него ничего не получится. С тех пор как мы с тобою в последний раз виделись, Джекил, она обошлась со

мной как с паршивым псом. И, клянусь богом, она станет моей, чтобы я мог сломить ее гордыню, а у него все нутро перевернется от этого зрелища.

— Нет, подожди, подожди! — сказал Джекил. — Кажется, я могу передать тебе от его имени кое-что более для тебя подходящее, чем то удовольствие, которое ты получил бы, дразня его. Он готов купить то, что называет душевным покоем мисс Моубрей, за отказ от своих притязаний на титул и состояние вашего отца. И я очень удивился, милорд, когда он показал мне список документов, которые, боюсь, делают его успех более чем вероятным, если они действительно существуют.

Лорд Этерингтон взял список и, казалось, стал внимательно вчитываться в него, а Джекил продолжал:

— Он написал лицу, у которого хранятся эти бумаги, чтобы их ему немедленно выслали.

— Посмотрим, что они собой представляют, когда их пришлют, — сказал лорд Этерингтон. — Они придут по почте?

— Да, и, возможно, очень скоро, — ответил Джекил.

— Что ж, он как-никак мой брат, хоть и с левой стороны, — сказал лорд Этерингтон, — и мне не очень хотелось бы, чтобы он попал на каторгу за подлог, ибо я полагаю, что именно так и кончится его попытка кляузничать, основываясь на бумагах, о которых он говорит.

— Послушайте, милорд, — воскликнул Джекил, — Тиррел утверждает, что ты их видел, что, во всяком случае, для тебя сделаны были копии и ты их получил. Так он говорит.

— Он лжет, — ответил лорд Этерингтон, — когда заявляет, что я знаю об этих бумагах. Вся эта история, на мой взгляд, — пена, мыльные пузыри, взбитый белок, словом — самая невесомая вещь на свете, что и обнаружится с появлением этих бумаг, если они вообще появятся. Все это от начала до конца — одно запугивание, и я тебе удивляюсь, Джекил: неужто ты до того любишь взбитые сливки, что спокойно про-

глотил такое воздушное изделие? Нет, нет, я знаю, как непререкаемы мои права, и использую их таким образом, что у всех моих недругов ни кровинки не останется. Что же касается этих бумаг, то теперь я припоминаю, что мой поверенный говорил о какой-то присланной ему копии документов, но оригиналы так и не появлялись. И держу пари на что угодно — там нет ничего, кроме фальшивок. Если бы я думал иначе, разве я не сказал бы тебе?

— Надеюсь, конечно, что сказали бы, милорд, — ответил Джекил, — ибо я никак не смогу быть вам полезен, если не буду иметь чести пользоваться вашим неограниченным доверием.

— Ты им пользуешься, пользуешься, друг мой, — сказал Этерингтон, пожимая ему руку. — И раз эти твои переговоры можно считать безрезультатными, придется мне придумать какой-нибудь другой способ избавиться от этого свихнувшегося и весьма докучливого малого.

— Только без насилия, милорд, — напомнил ему еще раз и весьма торжественным тоном Джекил.

— Да нет, нет, нет же, клянусь небом! Неужто, маловер ты этакий, я должен давать клятвы, чтобы успокоить твою щепетильную совесть? Напротив, если мы не поладим добром, вина будет не моя.

— И для твоей и для его репутации было бы лучше всего пойти на мировую, — ответил Джекил, — и если ты действительно этого хочешь, я попытаюсь подготовить Тиррела. Сегодня он появится в гостинице или за табльдотом, и было бы в высшей степени нелепо устраивать сцену.

— Да, да, разыщи его, дорогой Джекил, и убеди, какое безумие выставлять семейные разногласия на показ и на забаву людям. Пусть все увидят, что два медведя могут сойтись, не разодравшись. Ступай, ступай, я тоже сейчас выхожу, ступай и помни, что я тебе полностью, безгранично доверяю... Ступай, ублюдок, неслыханный болван, — продолжал он, едва Джекил вышел из комнаты, — ума у тебя хватит лишь настолько, чтобы погубить самого себя вмешательством в дела, до которых ты не дорос. Но в обществе

у милейшего Джекила отличная репутация, он храбрец и вообще личность, которая может придать благородный вид сомнительному делу. Кроме того, он — моя креатура, я его, можно сказать, выкупил, и было бы нелепым расточительством не использовать его. Но что касается доверия, честнейший Хэл, то о нем не может быть и речи, кроме случаев, когда этого не избежать. Если мне и нужно было бы доверенное лицо, то вот идет человек получше тебя — у Солмза нет излишней щепетильности, он всегда отпустит мне — за деньги, конечно, — усердия и скрытности на всю полученную им сумму.

В этот момент в комнату как раз входил камердинер его милости. Это был не лишенный важности, учтивый и уже немолодой человек с бледным лицом, темными задумчивыми глазами, говоривший мало и неторопливо и весьма старательно исполнявший все свои обязанности.

— Солмз... — начал лорд Этерингтон и сразу же запнулся.

— Милорд...

Наступило молчание. Затем лорд Этерингтон опять сказал «Солмз», а слуга ответил «Слушаю, ваша милость», и снова последовала пауза, пока граф, словно опомнившись, не произнес:

— А, вспомнил, что я хотел сказать — насчет доставки почты. Здесь она, кажется, приходит нерегулярно?

— Довольно регулярно, милорд, если речь идет о гостинице, но жители деревни получают письма с переборами.

— А почему, Солмз? — спросил его милость.

— Старуха, хозяйка маленькой гостиницы в деревне, в плохих отношениях с женой начальника почтовой конторы: одна не желает посылать за письмами, другая не позволяет приносить их в деревню, так что на пути от почты до деревни письма то теряются, то доставляются не по тому адресу, а иногда их возвращают обратно на главный почтамт.

— Я не хотел бы, чтобы это случилось с одним пакетом, который должен на днях прийти: он уже

мог бы сейчас находиться здесь, а может быть, придет в начале той недели. Это от одного осла-формалиста, честного квакера, который адресует мне письма, пользуясь моим личным именем и фамилией — как Фрэнсису Тиррелу. Он вполне способен перепутать и название гостиницы, а я не хочу, чтобы пакет попал в руки мосье Мартиньи — вы ведь знаете, что он проживает где-то по соседству? Проследите за тем, чтобы пакет благополучно дошел до меня, Солмз, без шума, понимаете? Потому что люди способны вообразить, будто я хочу получить не мне адресованное письмо.

— Я отлично понимаю, милорд, — сказал Солмз, и бледное лицо его совершенно не изменилось, хотя он прекрасно понял, какой именно услуги от него ждут.

— Вот деньги, чтобы выкупить пакет на почте, — сказал граф, суя камердинеру в руку крупный банковый билет, — а сдачу вы оставите себе на всякие случайные расходы.

Эти слова тоже были поняты как должно. И Солмз, слишком тонкий и осторожный человек, чтобы показать свою проницательность или проявить неуместную благодарность, положил банковый билет в бумажник и заверил милорда, что его распоряжение будет выполнено совершенно точно.

— Вот настоящий конфидент: за деньги он сделает все, что мне нужно, — произнес в полном восторге лорд Этерингтон. — Никаких требований довериться ему или давать объяснения, никаких попыток сорвать покров, которым, словно газовым шарфом, прикрыто тонкое дело. Все мои мотивы он принимает за *argent comptant*; ¹ нужно только, чтобы они подкреплялись самым лучшим доводом, то есть тем же *argent comptant*. Но и тут я полностью никому доверяться не намерен: как мудрый полководец, я сам выйду на разведку.

Приняв такое решение, лорд Этерингтон надел сюртук и шляпу и, стремительно покинув свои апар-

¹ Наличные, в переносном смысле — чистая монета (*франц.*).

таменты, направился в книжную лавку, служившую одновременно почтовой конторой и библиотекой. Находясь в самом центре гулянья (как именовалась широкая, обсаженная деревьями улица, ведущая от гостиницы к источнику), она являлась самым подходящим местом встречи для всевозможных сплетников и бездельников.

Появление графа вызвало, как всегда, сенсацию среди гуляющих на бульваре. Но — нашептывала ли ему это уязвленная совесть или же для такого впечатления были какие-то настоящие причины — он не мог не подумать, что встречаются его нынче с какой-то сдержанностью. Его привлекательная внешность и непринужденные манеры производили обычный эффект, и все, с кем он заговаривал, принимали его внимание как честь. Однако никто не предлагал, как это бывало раньше, пройти с ним вместе или присоединиться к компании. Казалось, что он является скорее предметом внимательного наблюдения, чем одним из обычных членов общества. И, желая избежать любопытных взглядов, которые начинали его смущать, он завернул на маленькое торжище новостей и литературы.

Он вошел незамеченным, как раз когда леди Пенелопа только что закончила чтение каких-то стихов и теперь толковала их со всем пылом *femme savante*,¹ хранящей в памяти нечто такое, чего не повторяют более одного раза.

— Копию? Разумеется, нет! — долетело до ушей лорда Этерингтона из группы, центром которой являлась ее милость. — Честь прежде всего: я не могу предавать беднягу Четтерли; кроме того, его милость — мне друг и человек знатный, так что нельзя... У вас этой книги нет, мистер Потт? Вы не получили Стация? Никогда у вас не найти того, на что хотелось бы взглянуть.

— Мне очень жаль, миледи, но сейчас ни одного экземпляра нет. Я жду несколько штук в посылке следующего месяца.

¹ Ученой женщины (франц.).

— «Пока отсутствует» — ваш неизменный ответ, мистер Потт, — заметила леди Пенелопа. — Кажется, если бы я спросила у вас самое последнее издание корана, вы бы сказали, что оно поступит в следующем месяце.

— Право же, не могу сказать, миледи, — ответил мистер Потт. — Нигде еще не видел объявления о выходе этого произведения. Но не сомневаюсь — если вообще в этом могут быть сомнения, — что в следующем месяце экземпляры поступят ко мне.

— Книжные запасы мистера Потта всегда paulo post futurum,¹ — сказал мистер Четтерли, только что всшедший в лавку.

— Ах, это вы, мистер Четтерли? — воскликнула леди Пенелопа. — Вы будете повинны в моей смерти. Нигде не могу я найти эту «Фиваиду», где Полиник и его брат...

— Тсс, миледи, тсс! Ради всего святого! — промолвил поэт-священник, бросив взгляд в сторону Этерингтона. Леди Пенелопа поняла и умолкла. Но она сказала совершенно достаточно для того, чтобы привлечь внимание путешественника Тачвуда: он поднял голову от газеты, которую читал, и, не обращая ни к кому из присутствующих в отдельности, воскликнул тоном, полным презрения к географическим познаниям леди Пенелопы:

— Полиник? Полли Нищая! В Фиваиде такого поселения нет. Фиваида в Египте. Мумии присылают оттуда. Я побывал в катакомбах, очень занятных пещерах... Туземцы забросали нас камнями, точнее говоря — щебнем, честное слово. За это мой янычар всю деревню наказал палками...

Пока он говорил, лорд Этерингтон, словно в расеянности, поглядывал на письма, расставленные в ряд на каминной доске, и вел неторопливый разговор с миссис Потт, чья наружность и манеры вполне соответствовали ее положению — она была привлекательна, весьма изящно одета и довольно жеманна.

¹ В ближайшем будущем (лат.).

— Здесь много писем, адресатов которых вы, видимо, не смогли разыскать?

— Очень много, милорд, и это очень досадно, так как мы вынуждены возвращать их в почтовую контору: с нас взыскивают, если они теряются. А как уследишь за каждым отдельным письмом?

— А среди них попадаются любовные письма? — спросил его милость, понижая голос.

— Фи, милорд, откуда же мне знать? — ответила миссис Потт, понижая голос до той же октавы.

— О, всякий может распознать любовное письмо — то есть всякий, кто их когда-либо получал. Они всегда небрежно сложены, но старательно запечатаны, почерк на конверте неровный, свидетельствующий о том, как сильно волновался отправитель... Ну вот, например, — сказал он, указывая своим хлыстом на одно из писем, лежащих на каминной доске, — это, должно быть, любовное письмо.

— Хи-хи-хи! — рассмеялась миссис Потт. — Простите за смех, милорд, но — хи-хи-хи! — это письмо от некоего Байндлуза, банкира, к старухе матушке Додз, владелице трактира в Старом городке.

— В таком случае, миссис Потт, ваша соседка, миссис Додз, обрела в лице мистера Байндлуза возлюбленного, если, конечно, рука у банкира не сведена параличом. С вашей стороны очень жестоко задерживать это письмо у себя.

— Чтобы я стала ей его доставлять? Эта старая брюзга кабатчица долго будет ждать, пока я ей отправлю письма! Она ведь не желает пользоваться королевской почтой и продолжает посылать письма со старым возчиком, словно в округе нет почтовой конторы. Но ничего, на днях к ней явится судейский чиновник!

— О, вы слишком жестоки! Любовные письма вы, во всяком случае, должны отсылать по назначению. Поймите же, чем старше она становится, тем меньше ей, бедняжке, можно терять время.

Но в этом деле миссис Потт шуток не допускала. Она знала о застарелой ненависти почтенной матроны к ней и ее учреждению и приходила от нее в ярость,

как государственный чиновник приходит в ярость от деятельности радикала. Поэтому она ответила довольно угрюмо, что кто посылает письма через ее заведение, тому и будут их доставлять, и что ни матушка Додз, ни кто-либо из ее постояльцев не получат ни единой строчки из сент-ронанской канторы, если сами не придут за ней и не выкупят ее.

Весьма вероятно, что в этом заявлении содержалась основная суть тех сведений, которые лорд Этерингтон решил вытянуть из миссис Потт, затеяв с ней легкий флирт. Когда она увидела, что он замолчал, как бы для того, чтобы не раздражать ее неприятным предметом разговора, и жеманно-кокетливым тоном попросила его указать еще какое-нибудь любовное письмо, он только небрежно ответил, «что для этого он должен сам написать ей таковое». После чего, отойдя от ее маленького трона, у которого велась эта конфиденциальная беседа, он медленно прошел через узкую книжную лавку, слегка кивнул леди Пенелопе, поравнявшись с нею, и вышел на бульвар, где увидел зрелище, которое смутило бы любого человека, менее владеющего собой.

Едва он вышел из лавки, как туда, еле переводя дух, вбежала маленькая мисс Диггз, сгорая от любопытства и нетерпения.

— Ах, миледи, миледи, что вы тут задержались? Сейчас на гулянье вышел с того конца мистер Тиррел, а лорд Этерингтон идет как раз в ту сторону, и они должны встретиться. Ой, господа, да идите же скорей поглядеть, как они сойдутся! Любопытно, заговорят они друг с другом или нет. Надеюсь, что драки не будет. Ой, да идемте же, миледи!

— Вижу, что мне действительно надо с вами пойти, — сказала леди Пенелопа, — но, милочка моя, ужасно странно, что вы так интересуетесь чужими делами. Хотела бы я знать, что сказала бы на это ваша мама.

— Ах, не все ли равно, что скажет мама! Никто с ней не считается — ни папа, ни другие. Пойдемте, милая леди Пен, а не то я побегу одна. Мистер Четтерли, заставьте же ее пойти!

— Да, видимо, я должна пойти, — согласилась леди Пенелопа, — иначе я бог знает чего от вас наслушаюсь.

Несмотря на этот строгий тон и забыв в то же самое время, что люди из порядочного общества никогда не должны выказывать торопливость, леди Пенелопа вместе с теми из своей свиты, кого ей удалось наспех собрать, необыкновенно быстро зашагала по бульвару, видимо, просто из снисходительности к любопытству мисс Диггз, поскольку ее милость заявила, что сама она ни в малейшей степени его не испытывает.

Наш друг путешественник тоже услышал сообщение мисс Диггз. Внезапно прервав рассказ о Великой пирамиде, который после упоминания о Фиваиде напрашивался, так сказать, сам собой, он повторил тревожные слова хорошенькой мисс: «Надеюсь, что драки не будет», выскочил из лавки и помчался вдоль бульвара так стремительно, как только могли выдержать его крепкие нижние конечности. Если уж путешественник настолько забыл свою важность, а леди Пенелопа — свое тонкое воспитание, что они убыстрили шаг, дабы стать свидетелями встречи Тиррела и лорда Этерингтона, то легко предположить, что у всех остальных членов общества чувство приличия также не устояло перед любопытством и они, боясь пропустить ожидавшуюся сцену, зашпешили не меньше, чем любители бокса, которые торопятся на состязание.

По правде сказать, встреча братьев не удовлетворила тех, кто ожидал бурного ее исхода, тем не менее она оказалась достаточно интересной для тех зрителей, которые привычны были разуметь язык подавленных страстей, прорывающихся наружу как раз в тот миг, когда те, кто их испытывает, больше всего стараются их скрыть.

За Тиррелом, как только он вышел на бульвар, сразу же последовало несколько досужих парочек. Теперь количество их возросло настолько, что он с удивлением и неудовольствием увидел себя в центре толпы, следившей за каждым его движением. Сэр

Бинго и капитан Мак-Терк первыми пробрались сквозь толпу и обратились к нему со всей учтивостью, на какую были способны.

— Ваш слуга, сэр, — проворчал сэр Бинго, протягивая в знак примирения и дружбы правую руку без перчатки. — Ваш слуга. Огорчен, что между нами произошло недоразумение; крайне огорчен, честное слово.

— Не говорите больше об этом, сэр, — ответил Тиррел, — все забыто.

— Превосходно, право же, весьма благородно с вашей стороны: надеюсь, мы будем часто видеться. — На этом сэр Бинго умолк.

Более велеречивый капитан продолжал:

— Ох, ей-богу же, у нас вышла ужасная ошибка. Я готов отхватить себе палец перочинным ножом за то, что написал все это. Клянусь душой, я царапал на бумаге так старательно, что процарапал дырку. Ох, подумать только: дожил до того, что допустил такую неучтивость по отношению к джентльмену, который был занят честным поединком. Но, дорогой Тиррел, вам же следовало написать нам. Откуда мы могли знать, что вы так обременены делами чести — дважды в один день должны были сводить счета!

— Я был ранен совершенно неожиданным... случайным образом, капитан Мак-Терк. Я не писал, так как в тот момент обстоятельства обязывали меня к некоторой секретности. Но, едва поправившись, я решил восстановить в ваших глазах свое доброе имя.

— О, да вы уже это сделали, — сказал капитан, с понимающим видом кивнув головой. — Капитан Джекил, весьма порядочный молодой человек, разъяснил нам, сколь благородно было ваше поведение. Гвардейцы — славные ребята, хотя и любят иногда похорохориться, да и воображают безо всяких оснований, что они выше нас, армейцев. Но он нам все сообщил и хотя не было ни слова сказано о некоем прекрасном лорде, о его столкновении с разбойником, о его ране и еще о многом другом, мы все отлично разбираемся, что к чему. И если закон вам не может

помочь, а между вами вышла размолвка, то почему бы двум джентльменам не уладить дело один на один? А если между вами и есть родство, то почему родичи не могут вести себя в отношении друг друга как люди чести? Правда, кое-кто говорит, будто вы сын его отца, и тут родство, пожалуй, слишком уж близкое. Как-то я сам едва не вызвал на дуэль моего дядю Дугела: никому не известно, где в таких делах проходит граница дозволенного. Но потом я подумал, что раз между определенными степенями родства запрещены браки, недопустимы между ними и поединки. Что же касается двоюродных братьев — подумаешь! — тут все в порядке! Пли, Флэниген. Но вот и сам милорд идет прямо на нас, как олень-вожак, а за ним и все стадо.

Тиррел на несколько шагов опередил своих назойливых спутников, лицо его то краснело, то бледнело, как это бывает у человека, принуждающего себя приблизиться и прикоснуться к животному или пресмыкающемуся, к которому он чувствует неодолимое отвращение и омерзение, в старину объяснявшееся врожденной антипатией. Эта принужденность, замеченная всеми, и ее следствие — изменившееся выражение лица — несколько повредили ему в глазах зрителей, на которых произвела впечатление твердая походка, гордая осанка и вместе с тем непринужденность графа Этерингтона, владевшего не хуже любого другого человека в Англии нелегким искусством делать хорошую мину при плохой игре.

Он сошелся с Тиррелом столь же спокойно, сколь и холодно, и, поклонившись ему с ледяной формальной учтивостью, громко произнес:

— Полагаю, мистер Тиррел де Мартиньи, что, поскольку вы не сочли нужным избежать этой неприятной встречи, вы расположены также не забывать о нашем родстве и не делать нас обоих забавой для хорошего общества?

— Вам не придется опасаться моей запальчивости, мистер Балмер, — ответил Тиррел, — если только вы сумеете застраховать себя от последствий своей собственной.

— Очень этому рад, — сказал граф с тем же спокойствием, но понизив голос так, чтобы его слышал один Тиррел. — Так как мы вряд ли будем искать частых встреч, я позволю себе напомнить о моем предложении договориться, которое я сделал вам через посредство моего друга, мистера Джекила.

— Оно было неприемлемо, — ответил Тиррел, — как по причинам, о которых вы можете догадаться, так и по другим, уточнять которые не стоит. Я тоже послал вам предложение, обдумайте его хорошенько.

— Я и обдумаю, — ответил лорд Этерингтон, — когда увижу, что оно подкреплено документальными доказательствами, о коих вы говорили, хотя не верю в их существование.

— Язык ваш говорит не то, что подсказала бы ему совесть, — заметил Тиррел, — но я пренебрегаю упреками и не желаю никаких споров. Я дам знать капитану Джекилу, когда получу бумаги, которые, по вашим словам, так необходимы для того, чтобы вы могли высказать свое мнение о моем предложении. Но, между прочим, не рассчитывайте меня обмануть. Я нахожусь здесь со специальной целью следить за вашими кознями и расстраивать их. И не сомневайтесь: пока я жив, они вам не удадутся. А теперь, сэры или милорды — обращение можете выбрать сами, — будьте здоровы.

— Одну минуту, — сказал лорд Этерингтон. — Раз уж мы обречены на то, чтобы мозолить друг другу глаза, пусть общество знает, что ему о нас думать. Вы — философ и не придаете цены общественному мнению, но мне, человеку суетному, светскому, желательно быть с ним в ладу. Джентльмены, — сказал он, несколько повышая голос, — мистер Уинтерблоссом, капитан Мак-Терк, мистер... — как его зовут, Джекил? Ах да, Миклем — вам, кажется, известно, что этот джентльмен, мой близкий родственник, и я ведем спор о правах, который препятствует нам жить в согласии друг с другом. Однако мы не намерены докучать вам своими семейными распрями. И пока этот джентльмен, мистер Тиррел, или как там ему угодно называться, является членом здешнего обще-

ства, я буду вести себя по отношению к нему также, как в отношении любого чужого мне человека, имеющего то же преимущество. До свидания, сэр, до свидания джентльмены. Увидимся, как всегда, за обедом. Пойдем, Джекил.

С этими словами он взял Джекила под руку, неторопливо выбрался из толпы и удалился, оставив благодаря непринужденности и внешней сдержанности своего поведения большую часть общества предрасположенной в его пользу. Какое-то неодобрительное ворчание, в котором неясно различались довольно нелюбезные слова по его адресу, исходили, правда, из галстука сэра Бинго, но на них почти не обратили внимания; от зоркой публики вод не ускользнуло то обстоятельство, что чувства баронета в отношении благородного графа были совершенно противоположны чувствам, которые проявляла леди Бинкс, и что хотя он стыдился выказывать или даже неспособен был ощущать сколько-нибудь бурную ревность, характер его с некоторых пор стал довольно раздражительным. Впрочем, прекрасная половина его не считала нужным придавать этому обстоятельству какое-либо значение.

Между тем граф Этерингтон удалялся вместе со своим наперсником, торжествуя победу, которую он одержал благодаря своей светской ловкости.

— Видишь, Джекил, — сказал он, — я могу выйти из затруднительного положения, столкнувшись с любым жителем Англии. Ты сделал грубую ошибку, рассеяв туман, сгустившийся благодаря тому случаю во круг этого субъекта. С таким же успехом можно было сразу же обнародовать всю историю нашего поединка: ведь все равно кто угодно догадается о нем, сопоставляя время, место и обстоятельства. Но не ломай голову, придумывая себе оправдания. Ты заметил, как я утвердил свое естественное превосходство над ним — подавил его гордостью своего законного происхождения, принудил к молчанию в присутствии всего общества. Это дойдет до Моубрея через его поверенного, и ему еще сильнее захочется породниться со мной. Я знаю, что он обеспокоен моим флиртом

с одной дамой — здешней львицей: ничто так не ставляет человека ценить блестящую возможность, как угроза потерять ее.

— Больше всего на свете хотел бы я, чтобы ты оставил помыслы о мисс Моубрей, — сказал Джекил, — и принял предложение Тиррела, если он сможет доказать его выгодность.

— Да, если, если... Но я совершенно уверен, что у него нет тех прав, о которых он заявляет, и что его документы — только фикция. Что это ты смотришь на меня так, словно хочешь прочесть во мне какую-то удивительную тайну?

— Хотел бы я знать, что ты *bona fide*¹ думаешь об этих документах, — ответил Джекил, в немалой степени изумленный уверенным и невозмутимым тоном своего друга.

— Слушай ты, самый подозрительный из светских хлыщей, — сказал Этерингтон, — да что, черт побери, хочешь ты от меня услышать? Могу ли я, выражаясь юридическими терминами, доказать тебе, что такого-то факта не существует? Разве не вполне допустимо, что такие бумаги могут существовать, хотя я никогда не видел их и ничего о них не слыхал? Одно я могу сказать твердо: я больше всех на свете заинтересован в том, чтобы отрицать их существование. И поэтому я не признаю, что они существуют, пока не буду вынужден это сделать, увидев их и, кроме того, твердо убедаясь в их подлинности.

— Я не могу упрекать тебя за недоверчивость в данном случае, милорд, — сказал Джекил. — Но все же я думаю, что ты мог бы удовлетвориться графским титулом и наследственным поместьем и послать Неттлвуд ко всем чертям.

— Так же, как ты пустил на ветер свое наследство, Джекил. Однако предварительно ты постарался использовать его до последнего шиллинга. Чего бы ты ни дал за возможность поправить свои дела браком! Будь искренен.

¹ По совести говоря (лат.).

— Может быть, я и соблазнился бы, — сказал Джекил, — особенно в нынешних своих обстоятельствах. Но если бы они оставались прежними, я бы отверг состояние, которое можно получить через женщину, в особенности если его обладательница — большая девушка со странностями, да еще ненавидящая меня так, как эта мисс Моубрей, проявляя в данном случае дурной вкус, ненавидит тебя.

— Больная! Нет, нет, вовсе она не больна, здоровье у нее не хуже, чем у любого другого, ничем не страдающего человека. А что до ее бледности — то, честное слово, она от этого еще интереснее. Когда я видел ее в последний раз, мне показалось, что она может соперничать с самой прекрасной статуей Каны.

— Да, но к тебе она равнодушна, а сам ты насколько не любишь ее.

— Я-то к ней отнюдь не равнодушен, — сказал граф. — С каждым днем она становится для меня все привлекательней: ее недоброжелательство разжигает меня. К тому же она имеет дерзость бросать мне вызов и выражать презрение перед своим братом и на глазах всего общества. Я испытываю к ней своего рода ненавидящую любовь и влюбленную ненависть. Словом, думать о ней — означает пытаться разгадать загадку, совершать промах за промахом и говорить глупость за глупостью. И если у меня когда-нибудь будет возможность, я заставлю ее поплатиться за все свои выходки.

— Какие выходки?

— Пусть сам дьявол тебе ответит, я бессилен их описать. Но вот пример. С тех пор как брат ее настоял на том, чтобы она меня принимала или, вернее, чтобы она выходила, когда я бываю в Шоуз-касле, можно подумать, что она просто изощряется в способах показать мне, как мало она меня уважает и как ей неприятно мое присутствие. Вместо того чтобы одеваться как следует приличной даме, особенно при гостях, она выбирает какое-нибудь причудливое, давно вышедшее из моды или совсем небрежное одеяние, в котором кажется странной, если уж не вовсе смеш-

ной: какие-то тройные тюрбаны из газа всевозможных цветов на голове, лоскутья чего-то вроде старой обивки вместо шалей и мехов, ботинки на толстых подошвах, кожаные перчатки немыслимого краснокоричневого цвета. Боже милостивый, Хэл, один вид ее уборов мог бы свести с ума целый синклит модисток. А ее телодвижения! Она то сутулится, то сидит в кресле вразвалку, как выражаются женщины, положив ногу на ногу и скрестив руки на груди. Если бы богиня грации бросила на все это взор, она обратилась бы в бегство, чтобы уже не возвращаться.

— И ты, Этерингтон, хочешь сделать графиней эту странную, беспорядочно одетую дуреху с грубыми манерами, ты, чей критический взор заставляет добрую половину города одеваться особенно тщательно? — воскликнул Джекил.

— Все это шутики, Хэл, которые она выделяет нарочно, чтобы от меня избавиться, сбить меня с толку, внушить мне отвращение. Но меня не так-то легко провести. Брат приходит в отчаяние — кусает ногти, подмигивает ей, покашливает, делает знаки, она же изображает полнейшее непонимание. Надеюсь по крайней мере, он бьет ее, когда я уйду. Будь я уверен в этом, у меня было бы хоть какое-то утешение.

— Весьма милосердная надежда. Чувства, которые ты сейчас испытываешь, могут дать понять девушке, чего ей ожидать после свадьбы. Но, — продолжал Джекил, — неужто ты, так искусно проникающий в тайные глубины женского сердца, не можешь избрести какой-нибудь способ разговорить ее?

— Разговорить? Что ты! После первого потрясения, вызванного моим приходом, она решила просто не замечать моего присутствия. А для того чтобы уничтожить меня окончательно, она выбрала самое подходящее занятие — вяжет чулок! От какой проклятой допотопной старухи, жившей еще до изобретения прядильной машины, научилась она этому ремеслу — знает один бог. Но она постоянно торчит у меня на глазах со своим рукодельем, приколотым к ее колену, — и это не хорошенький шелковый чулочек,

с помощью которого так мило кокетничала Жанетта из Амьена, когда Тристрам Шенди смотрел, как она работает; нет, это нечто вроде мешка из грубой шерсти, предназначенного какому-нибудь нищему, страдающему плоскостопием, у которого пятки как у слона. И вот она сидит скрючившись, считает петли и отказывается говорить, слушать, смотреть на кого-либо под тем предлогом, что это сбивает ее со счета!

— Занятие изящное, что и говорить! Удивляюсь только, как оно еще не излечило ее благородного поклонника, — сказал Джекил.

— Будь она неладна! Но нет, нет, я не дам ей перехитрить меня. И потом вдруг, посреди всей этой игры в грубость и тупость, когда ей уже кажется, что она расстроила брата и замучила меня, от нее летят такие искры возбуждения, что я право не знаю, чего мне хочется — расцеловать ее или отхлестать.

— Так, значит, ты твердо решил довести это странное дело до конца? — спросил Джекил.

— Да, да, да, мой мальчик! Клара и Неттлвуд — навеки! — ответил граф. — Впрочем, этот ее братец тоже бесит меня: он не делает для меня и половины того, что мог бы и должен бы сделать. У него, видишь ли, тоже чувство чести, у этого разорившегося лошадника, который проглотил мои две тысячи фунтов, как пойнтер проглотил бы кружок масла. Я замечаю, что он виляет; у него, как и у тебя, Хэл, имеются подозрения насчет моих прав на отцовский титул и состояние. Как будто даже с десятой частью Неттлвудского поместья я не был бы блестящей партией для женщины из их нищенской семьи. И он еще вертит туда и сюда, этот недопеченный шотландский пирог! Он раздумывает, осторожничает, чего-то выжидает, ведет со мной какую-то игру, этот кусок ячменного теста! Ужас как хочется между делом задать ему как следует!

— Что ж, готовь ему самую ужасную месть: брата я тебе уступаю, он самодовольный фат и заслуживает хорошего урока. Но за сестру я хотел бы вступить.

— Посмотрим, — ответил граф и вдруг прибавил: — Скажу тебе откровенно, Хэл, ее причуды до того забавны, что иногда мне кажется, будто я из духа противоречия почти полюбил ее. Во всяком случае, согласись она махнуть рукой на прошлое и забыть злосчастную шутку, которую я тогда с нею сыграл, только она сама была бы виновата, если бы я не сделал ее счастливой.

Глава XXXII

У СМЕРТНОГО ЛОЖА

Он здесь, он хочет вырвать у меня
В мой смертный час признание вины.
Священника! Пусть он отгонит призрак!

Старинная пьеса

Мирный исход встречи между графом Этерингтоном и Тиррелом, одно предвкушение которой создавало такую сенсацию, принес разочарование публике. Ожидалось, что произойдет какая-нибудь потрясающая сцена. Вместо этого обе стороны словно угрюмо сговорились соблюдать нейтралитет, а ведение войны предоставить судейским. Все поняли, что дело будет решаться не в трибунале Беллоны, а в трибунале Фемиды. И хотя оба тяжёбщика продолжали обитать в близком соседстве и время от времени встречались то на общей прогулке, то за общим столом, они не обращали внимания друг на друга — разве что обменивались в таких случаях сдержанным молчаливым поклоном.

Дня через два-три публику перестала занимать распря, которая велась так хладнокровно. И если о ней еще думали, то лишь удивляясь тому, что оба врага продолжают жить на водах и своей взаимной нелюбезностью напускают холода среди людей, собравшихся здесь полечиться и повеселиться.

Но, как известно читателю, сколь тягостны ни были для братьев их случайные встречи, у них име-

лись весьма основательные причины проживать в близком соседстве: лорду Этерингтону это нужно было для того, чтобы осуществить свои намерения в отношении мисс Моубрей, Тиррелу — для того, чтобы по возможности расстроить его планы, обоим вместе — для того, чтобы дожидаться ответа от той лондонской фирмы, где хранились документы, оставленные покойным графом.

Джекил, стремившийся всеми силами помочь другу, нанес тем временем визит старику Тачвуду в Старом городке, рассчитывая, что он будет так же охотно, как и при первой встрече, распространяться насчет ссоры между братьями, и надеясь проявить достаточно ловкости, чтобы выяснить, откуда тот получил сведения о делах благородной семьи Этерингтонов. Однако старый путешественник не выказал того доверия, которого так ожидал Джекил. Фернандо Мендес Пинто, как прозвал его граф, изменил свои намерения или же просто был в необщительном расположении духа. Единственное достойное упоминания проявление его доверия заключалось в том, что он сообщил молодому офицеру драгоценный рецепт соуса кэрри в порошке.

Поэтому Джекилу оставалось лишь полагать, что Тачвуд, видимо, всю свою жизнь с увлечением вмешивавшийся в чужие дела, добыл сведения, которыми, по всей видимости, обладал о делах Этерингтона, из тех таинственных источников, откуда так часто доходят до широкой публики важные секреты, к удивлению и смущению тех, кого они касаются. Он счел это тем более вероятным, что Тачвуд отнюдь не был слишком разборчив в собеседниках: неоднократно замечали, что со слугой джентльмена он разговаривает так же охотно, как с самим джентльменом, и с горничной леди — так же, как и с самой леди. Известно, что если человек не брезгает подобной компанией, любит сплетни и в то же время готов заплатить за удовлетворение своего любопытства, не будучи слишком требователен по части точности получаемых сведений, он всегда может собрать значительное количество анекдотов из частной жизни.

Капитан Джекил сделал вполне естественный вывод, что осведомленность этого беспокойного старика восходит именно к такому источнику. Капитан сам был живым свидетельством искусства, с которым Тачвуд вел перекрестный допрос, — ведь тот одним коварно сделанным замечанием вырвал у него признание о поединке между братьями. Поэтому после беседы с набобом он доложил графу, что, в общем, по его мнению, нет оснований особенно опасаться путешественника, который хотя и добыл каким-то способом сведения о некоторых существенных фактах, относящихся к этой примечательной истории, но сведения эти у него настолько отрывочные и смутные, что, по-видимому, он даже не знает точно, являются ли противники в назревающей тяжбе родными или двоюродными братьями и, кажется, не имеет представления о фактах, лежащих в основе дела.

Как раз на следующий день после этого *éclaircissement*¹ насчет Тачвуда лорд Этерингтон зашел, как обычно, в книжную лавку, взял там свои газеты и, бросив взгляд на полку, где лежали, дожидаясь, пока их востребуют, письма, предназначенные для Старого городка, с сильно бьющимся сердцем заметил, что хорошенькая почтарша бросила с величественным презрением в ту же кипу довольно толстый пакет, адресованный Фрэнсису Тиррелу, эсквайру. Он тотчас же отвел глаза, словно опасаясь, что один взгляд его, брошенный на этот важный пакет, может породить догадку о его намерениях или выдать его глубочайший интерес к содержимому конверта, с которым так пренебрежительно обошлась его приятельница миссис Потт. В этот момент дверь лавки отворилась, и вошла леди Пенелопа Пенфезер со своей неизменной спутницей — маленькой мисс Диггз.

— Видели вы мистера Моубрея? Заходил ли сюда нынче утром мистер Моубрей Сент-Ронан? Не знаете ли вы, где мистер Моубрей, миссис Потт? — Этими вопросами, нагромождая их друг на друга, дама, сведущая во всяческой письменности, забросала даму,

¹ Разъяснения (франц.).

ведающую письмами, которая едва успевала давать отрицательный ответ на каждый из них в отдельности.

— Мистера Моубрея не было. Он сегодня не заходил. Только что его слуга взял почту и сказал, что мистер Моубрей не появится.

— Боже милостивый, какая досада! — вскричала леди Пенелопа с глубоким вздохом и упала на один из диванчиков с таким удрученным видом, что мистер Потт и его супруга тотчас же засуетились подле нее: первый раскупорил флакончик с летучей солью, так как он был не только книготорговец и почтарь, но и фармацевт, а вторая устремилась за стаканом воды. Сильнейшее искушение пронзило лорда Этерингтона насквозь — от глаз до кончиков пальцев. Каких-нибудь два шага — и рука его дотянулась бы до пакета, на который никто не обращал внимания и на содержимом которого основывались, по всей вероятности, надежды и права его соперника в борьбе за титул и состояние. Разве среди всеобщего смятения нельзя незаметно завладеть им? Но нет, нет, нет. Попытка была слишком опасной, чтобы на нее решиться. Впав в противоположную крайность, Этерингтон вообразил, что навлекает на себя подозрения уже тем, что предоставляет леди Пенелопе разыгрывать волнение и тревогу, даже не делая сочувственного вида, к чему его, пожалуй, обязывало ее положение в обществе.

Поддавшись этому опасению, он так рьяно и торопливо стал оказывать знаки внимания этой даме, что зашел дальше, чем ему хотелось. Леди Пенелопа объявила, что она бесконечно обязана его милости: вообще-то ей по натуре не свойственно так поддаваться внешним обстоятельствам, но сейчас произошло нечто столь странное, волнующее, печальное, что — нельзя не признаться — она совершенно подавлена. Впрочем, она имеет право похвалиться тем, что свои личные огорчения переносит довольно стойко; но она не в силах владеть собой, когда на глазах ее страдают другие.

Лорд Этерингтон спросил, может ли он чем-нибудь помочь — леди Пенелопе нужен был мистер

Моубрей Сент-Ронан, слуга графа выполнит ее поручение, если она пожелает послать за мистером Моубреем.

— О нет, нет! — ответила леди Пенелопа. — Я считаю даже, что вы, любезный лорд, будете здесь полезнее мистера Моубрея, если, конечно, вы являетесь мировым судьей.

— Мировым судьей? — переспросил крайне удивленный лорд Этерингтон. — Да, я выполняю эти функции, но не в шотландских графствах.

— О, не в этом суть! — сказала леди Пенелопа. — Если вы соблаговолите ненадолго отправиться со мной, я объясню вам, каким образом вы можете совершить одно из самых добрых, милосердных и великодушных дел на свете.

Удовольствие, которое лорд Этерингтон испытывал, совершая добрые, милосердные и великодушные дела, не было так безгранично, чтобы он не стал мысленно выискивать какой-нибудь способ увильнуть. Но тут, бросив случайный взгляд в сторону стеклянной двери, он увидел, что к почтовой конторе приближается его слуга Солмз.

Мне доводилось слышать об одном воре, занимавшемся кражей овец, который сделал своего пса таким ловким сообщником в этом нечистом ремесле, что мог посылать его за добычей и одного, и ему удалось даже воспитать в несчастном животном способность не узнавать своего хозяина, если они при этом случайно встречались. По всей видимости, лорд Этерингтон действовал по тому же принципу: не успел он издали завидеть своего подручного, как уразумел необходимость предоставить ему свободное поле действий для всех его махинаций.

— Мои письма возьмет слуга, — сказал он, напуская на себя самый безразличный вид, — я должен проводить леди Пенелопу.

И, предложив ей тотчас же свои услуги как мировой судья или в любом другом угодном ей качестве, он поспешно взял ее под руку и вывел из лавки, даже не дав ей очнуться от недомогания и вновь обрести необходимую подвижность. Своим худым, острым

профилем леди Пенелопа почти прижималась к его уху, желтые и красные перья щекотали ему нос, костлявая рука высокочтимой особы словно крючком сжимала его локоть, но он стойко переносил подавленное хихиканье и усмешки более юных дам, которых они встречали, пересекая бульвар.

Правда, когда он, увлекаемый леди Пенелопой, удалялся с бульвара, ему удалось, хотя и на расстоянии, обменяться многозначительным взглядом с Солмзом. Ноги несли его за спутницей, в ушах жужжали слова, толковавшие ему о деле, по которому они шли, но уму его было совершенно безразлично, куда они идут и зачем: мысли лорда были заняты исключительно пакетом в груди невестребованных у миссис Потт писем и его дальнейшей судьбой.

Наконец, сделав над собой усилие, лорд Этерингтон понял, что его рассеянность может показаться странной и, как нашептывала ему совесть, даже подозрительной в глазах спутницы. Заставив себя поэтому собрать необходимую долю внимания, он впервые проявил любопытство насчет того, куда же они направляются. Оказалось однако, что именно этого вопроса ему и не следовало бы задавать, если бы он хоть немного прислушивался к весьма многословным объяснениям ее милости, которая ни о чем другом и не говорила.

— Ну вот, любезный лорд, — сказала она, — приходится думать, что вы, владыки всего сущего, считаете нас, жалких женщин, совсем глупыми и пустыми созданиями. Я сказала вам, как мне тягостно говорить о маленьких благодеяниях, которые я кое-кому оказываю, а вы требуете, чтобы я вторично излагала вам всю эту историю. Но надеюсь все же, вашу милость не удивляет то, что я почла своим долгом сделать в этом печальном случае. Может быть, я слишком прислушивалась к голосу своего сердца — он часто вводит нас в заблуждение.

Желая добиться объяснений, но опасаясь спрашивать прямо, дабы не показать, что излившийся только сейчас поток трогательного повествования про-

мчался мимо него, лорд Этерингтон счел наилучшим для себя выходом заявить, что леди Пенелопа не могла ошибиться, поступая согласно велениям своего разума.

Однако комплимент этот не явился достаточно пряным соусом для пресыщенного вкуса этой дамы. И вот, как настоящая обжора, она принялась черпать похвалы суповой ложкой.

— Разума? Да неужто вы, мужчины, знаете женщин так мало, что думаете, будто разум у нас может перевешивать чувство? Это значило бы слишком многого требовать от нас, несчастных жертв нашей чувствительности. Так что вы заранее должны простить меня, если я забыла все заблуждения этого грешного, несчастного создания, когда увидела, как оно страдает. Конечно, я не хотела бы, чтобы мой юный друг мисс Диггз или ваша милость подумали, будто я, жалея бедную, злосчастную грешницу, забываю о ее виновности. О нет! Что следует чувствовать в таких случаях, проникновенно выражают стихи Уолпола:

Любви к страдающим полна,
Душа волненья не чуждалась:
Не знала слабостей она,
Но чувства в ней смягчала жалость.

«Ах ты, самая постылая из всех *grécieuses*,¹ — подумал его милость. — Неужто изо всей твоей болтовни не выудить ни одного осмысленного слова, которое бы мне хоть что-нибудь разъяснило!»

Но леди Пенелопа продолжала:

— Если бы вы только знали, милорд, как удручает меня в подобных случаях моя ограниченность в средствах! Но мне удалось собрать кое-что среди добрых людей на водах. Я попросила этого жалкого эгоиста Уинтерблоссом пойти со мной поглядеть, в каком тяжелом положении находится несчастная, а он, бессердечная скотина, ответил мне, что опасается заразиться! Заразиться роди... родильной горячкой!

¹ Жеманниц (франц.).

Может быть, с моей стороны нескромно произносить это слово, но наука ведь не имеет пола. Впрочем, я всегда обтиралась крепким туалетным уксусом и ни разу не переступила порога ее комнаты.

При всех пороках Этерингтона, он не был лишен той жалости к людям, которая выражается в подаче милостыни.

— Мне очень жаль, — сказал он, вынимая кошелек, — что ваша светлость не обратились ко мне.

— Простите, милорд, но с такими просьбами обращаются лишь к друзьям, а ваша милость всегда так заняты леди Бинкс, что мы редко имеем удовольствие видеть вас в том, что я называю «мой маленький кружок».

Не ответив на этот намек, лорд Этерингтон протянул леди Пенелопе две гинеи и заметил, что бедной женщине нужна, по-видимому, врачебная помощь.

— Я это и говорила, — ответила леди Пенелопа, — и обращалась к этому мерзкому Квеклебену, который, надо сказать, мне кое-чем обязан. Но это гнусное чудовище ответило: «А кто будет платить?» Он что ни день становится все невыносимее, с тех пор как уверился в том, что женится на этой толстой, краснощекой вдове. Не мог же он рассчитывать, что я из своих жалких средств... К тому же, милорд, разве нет такого закона, что власти графства, или приход, или кто-то там еще должны оплачивать лечение немощных?

— Мы уж изыщем способ добиться помощи доктора, — сказал лорд Этерингтон, — и, по-моему, полезнее всего будет, если я вернусь в гостиницу и пошлю его к больной. Боюсь, что я лично мало чем могу помочь женщине, страдающей родовой горячкой.

— Родильной, милорд, родильной, — поправила леди Пенелопа наставительным тоном.

— Пусть родильной, — согласился лорд Этерингтон. — Чем же я-то могу ей помочь?

— О милорд, вы забыли, что эта Энн Хегги, о которой я вам говорила, явилась сюда с одним ребенком на руках, а с другим... словом, она собралась вторично стать матерью, — и обосновалась в той жал-

кой хижине, — о чем я вам тоже толковала. Кое-кто считает, что пастору следовало отправить ее в приход, к которому она принадлежит. Но он очень странный, чудаковатый и вялый человек, не слишком ревностно выполняющий свои обязанности. Как бы то ни было, но она живет здесь, и, надо сказать, милорд, в ней есть что-то, отличающее ее от обычных бедняков, это не какая-нибудь отталкивающая личность, которой, отвернувшись, бросаешь шестипенсовик. Заметно, что она видывала лучшие дни, или, как говорит Шекспир, «многое могла бы порассказать». Правда, я не очень хорошо знаю ее историю. Только сегодня, когда я зашла к ней узнать, как она себя чувствует, и послала свою горничную к ней в хижину, чтобы передать ей кое-какие пустяки, о которых и упоминать не стоит, выяснилось, что ум ее озабочен чем-то, связанным со здешними Моубреями: моя горничная сказала, что бедняжка при смерти и кричит, чтобы к ней привели мистера Моубрея или какое-нибудь должностное лицо, так как она хочет сделать какое-то важное сообщение. Вот я и побеспокоила вас и потащила с собой: нам надо, если это возможно, узнать у несчастной женщины, что она желает сообщить. Надеюсь, что это не убийство, от всего сердца надеюсь, хотя молодой Сент-Ронан был всегда человек странный, неуравновешенный, неистовый, безрассудный... *Sgherro insigne*,¹ как говорят итальянцы. Но вот и ее хижина, милорд. Зайдите, пожалуйста.

Упоминание о сент-ронанских Моубреях и связанной с ними тайне свело на нет уже возникшее у лорда Этерингтона намерение предоставить леди Пенелопе заниматься делами милосердия без его помощи. Теперь он с не меньшим, чем у этой дамы, любопытством остановился у хижины крайне жалкого вида, где до и после своих родов проживала несчастная женщина, чью горестную участь не слишком облегчила показная благотворительность леди Пенелопы. При ней находилась одна бедная старуха из числа получающих пособие от прихода; мизерную сумму,

¹ Изрядный злодей (*итал.*).

которая ей выдавалась еженедельно, пастор несколько увеличил, с тем чтобы старуха имела возможность помочь неизвестной.

Леди Пенелопа подняла щеколду и, после минутного колебания, вошла в хижину: боязнь заразиться боролась в ней с мучительным желанием узнать то неизвестное, чего она не могла отгадать и что, может быть, угрожало благополучию Моубреев. Любопытство, впрочем, скоро одержало верх, и она переступила порог, а следом за ней вошел и лорд Этерингтон. Подобно другим дамам, благотворительствующим в хижинах бедняков, она принялась выговаривать ворчливой старухе за неряшливость и грязь, разбранила приготовленную для больной пищу и особенно старательно расспрашивала, куда девалось вино, которое она принесла, чтобы сварить укрепляющее питье. Но бабка была не настолько ослеплена высоким положением и щедростью леди Пенелопы, чтобы покорно выслушивать ее нарекания.

— Кому приходится зарабатывать себе на хлеб одной рукой, — сказала она, ибо другая, парализованная, беспомощно свисала у нее вдоль тела, — у тех есть дела поважнее, чем мести полы. Ежели ее милости угодно будет прислать сюда свою бездельницу девку с метлой, в доме можно будет навести какую угодно чистоту. Этой дамочке даже полезно будет пошевелиться: по крайней мере она в конце недели сможет сказать, что хоть немного поработала.

— Вы слышите, как разговаривает эта старая ведьма, милорд? — спросила леди Пенелопа. — Вот она, ужасающая неблагодарность бедняков. А вино, сударыня, где вино?

— Вино? Да там его и было-то всего полмачкина. И что это за питье — слабое, безвкусное, жиденькое! Вино-то мы, ясное дело, выпили, не выплескивать же его за спину. А чтоб оно принесло хоть какую-то пользу, выпили его как оно было, безо всяких ваших сахаров и приправ. По правде говоря, лучше бы я и не пробовала этой кислятины. Если бы церковный сторож не подлил мне капельку виски, я бы ноги протянула от питья вашей милости, потому что...

Тут лорд Этерингтон прервал ворчливую бабу, сунув ей в ладонь серебряную монету и одновременно велел помолчать. Старая ведьма взвесила полученную крону в руке и поплелась в свой угол за печкой, бормоча себе под нос:

— Ну, это хоть на что-то похоже, хоть на что-то похоже. Это тебе не войти в дом, повертеться и выйти, надавав распоряжений, точно ты невесть какая хозяйка, да в субботу вечером оставить какой-нибудь несчастный шиллинг.

С этими словами она уселась за свою прялку и начала прясть, вооружась своей дочерна прокуренной трубкой, из которой вскоре поплыли облака столь зловонного дыма, что леди Пенелопа обратилась бы в бегство, не будь в ней так сильна решимость услышать признания больной. Что же касается мисс Диггз, то она кашляла, чихала, нетерпеливо топталась на месте и в конце концов выбежала из хижины, заявив, что не может выдержать больше в таком дыму, хотя бы ей предстояло выслушать предсмертные слова двадцати больных женщин, тем более что леди Пенелопа перескажет ей все, если признания эти будут стоить того, чтобы их пересказывать.

Лорд Этерингтон стоял теперь перед убогой кроватью, где на тощем волосяном матрасе простерта была несчастная женщина. В эти последние, видимо, минуты жизни ей не давали покоя пронзительные крики старшего ребенка, на которые она отвечала лишь слабыми стонами, время от времени, насколько позволяли ей силы, отвлекаясь от его непрерывного плача и обращая взор на другую сторону своего жалкого одра, где лежало несчастное существо, которое она недавно родила. Его дрожащее тельце было едва прикрыто рваным одеялом, его распухшее свинцово-бледное личико и полуоткрытые глазки, казалось, уже не ощущали, как ужасно положение, в котором оно находится и от которого его, видимо, вскоре должна была избавить смерть.

— Вам, наверно, очень худо, бедняжка, — сказал лорд Этерингтон. — Говорят, вы вызывали к себе какое-нибудь должностное лицо?

— Мне надо было видеть мистера Моубрея из Сент-Ронана. Джона Моубрея из Сент-Ронана. Эта леди обещала привести его ко мне.

— Я не Моубрей из Сент-Ронана, — сказал лорд Этерингтон, — но я мировой судья и член парламента. К тому же я личный друг мистера Моубрея и, может быть, либо как официальное лицо, либо как его друг окажусь в силах чем-нибудь вам помочь.

Бедная женщина довольно долго молчала. Когда она вновь заговорила, в голосе ее звучало сомнение.

— Миледи Пенелопа Пенфезер здесь? — спросила она, как можно шире раскрыв тускнеющие глаза.

— Ее милость здесь и слышит вас, — ответил лорд Этерингтон.

— Тем хуже для меня, — сказала умирающая или казавшаяся умирающей женщина, — если я должна доверить такую важную тайну мужчине, о котором ничего не знаю, и женщине, о которой знаю только, что она довольно болтлива.

— Это я-то болтлива? — вскричала леди Пенелопа, но по сделанному лордом Этерингтоном знаку тотчас же постаралась сдержаться, а несчастная больная, с трудом отдававшая себе отчет в окружающем, по-видимому, не расслышала ее слов. Несмотря на свое тяжелое состояние, она заговорила вполне отчетливо и даже несколько возвысив голос. Хотя на речи больной в довольно сильной степени сказывалось ее лихорадочное состояние, тон и слова, которые она употребляла, свойственны были человеку, занимающему более высокое общественное положение.

— Я не то отверженное создание, которым кажусь на первый взгляд, — сказала она. — Во всяком случае, не такой я была рождена! О, если бы я действительно была настоящим отверженным существом! О, если бы я была злосчастной нищенкой из самых подонков общества, подыхающей с голоду бродяжкой, безмужней матерью, незнание иной доли и бесчувственность помогли бы мне перенести свою участь, как бездомному животному, безропотно умирающему на том тощем поле, где оно голодало всю жизнь. Но я, рожденная и воспитанная для лучшей жизни, не утратила

памяти о ней, и от этого мое нынешнее положение, мой позор, моя нищета, мое падение, зрелище моих умирающих крошек, ощущение, что и моя смерть так близка, становятся для меня предвкушением ада.

Самодовольство и напыщенность леди Пенелопы не устояли перед этим устрашающим вступлением. Она всхлипнула, задрожала и, может быть, впервые за всю свою жизнь ощутила настоящую, а не деланную потребность поднести к глазам платок. Лорд Этерингтон тоже был тронут.

— Добрая женщина, — сказал он, — если помощь, необходимая вам в таком состоянии, может вас хоть сколько-нибудь успокоить, я сделаю так, чтобы она была вам полностью оказана и чтобы о ваших детях позаботились.

— Да благословит вас бог! — отозвалась бедная женщина, бросив взгляд на лежащее подле нее жалкое тельце. — И да будете вы достойны благословения божия, — добавила она после краткой паузы, — ибо оно не принесет добра недостойным!

Вероятно, лорд Этерингтон ощутил укоры совести, ибо он несколько торопливо произнес:

— Если вам и впрямь нужно доверить мне что-нибудь, как должностному лицу, говорите, добрая женщина. Пора уже оказать вам помощь, и я позабочусь, чтобы это было немедленно сделано.

— Еще одну минуту, — сказала она. — Дайте мне облегчить мою душу, пока я еще на этом свете, ибо никакая человеческая помощь уже не продлит мое земное существование. Я родилась в хорошей семье — тем горше мой нынешний позор! Я получила хорошее воспитание — тем тяжелее моя вина. Я, правда, всегда была бедна, но не ощущала всех бедствий нищеты. Я вспоминала о ней лишь тогда, когда тщеславие порождало у меня дорогостоящие и пустые потребности, ибо подлинная нужда мне была незнакома. Я состояла компаньонкой молодой леди более высокого положения, чем мое, тем не менее моей родственницы. У нее был такой милый и кроткий характер, что она относилась ко мне как к родной сестре и готова была разделить со мной все, что ей принадле-

жало... Кажется, я не в силах продолжать свой рассказ!.. К моему горлу подкатывает комок, когда я вспоминаю, как я отблагодарила ее за сестринскую любовь! Я была старше Клары, мне следовало давать ей советы при выборе книг для чтения и укреплять в ней разум. Но собственные мои склонности влекли меня к произведениям, которые, карикатурно искажая природу, тем не менее пленяют воображение. Мы зачитывались этими безрассудствами до того, что под конец создали сами для себя некий романтический мирок и готовы были устремиться в лабиринт любых приключений.

У Клары воображение было ангельской чистоты, мое же... но о нем нет нужды распространяться. Недреmlющий враг рода человеческого подослал к нам обольстителя в самый опасный момент!

Тут она смолкла, словно ей трудно было подобрать нужные слова, а лорд Этерингтон, приняв заботливый вид, повернулся к леди Пенелопе и спросил, не будет ли ее милости неприятно слушать дальнейшие признания этой несчастной? Кажется, они относятся к вещам... к вещам, которые были бы тягостны для слуха ее милости.

— Та же мысль пришла и мне в голову, милорд. По правде сказать, я сама намеревалась предложить вашей милости удалиться и оставить меня наедине с этой бедной женщиной. Принимая во внимание мой пол, она станет гораздо откровеннее в отсутствие вашей милости.

— Верно, сударыня. Но не забудьте, что я вызван был в качестве официального лица.

— Тсс! — сказала леди Пенелопа. — Она опять говорит.

— Считается, что каждая женщина, проявившая уступчивость, становится рабой своего обольстителя, но я продала свою свободу не человеку, а дьяволу! Он заставлял меня пособничать ему в его гнусных кознях против моей подруги и хозяйки и — увы! — обрел во мне слишком послушное орудие, ибо я из зависти стремилась погубить невинность, которую сама утратила. Не слушайте меня больше, уйдите, предоставьте

меня моей участи. Я самая гнусная из всех тварей, когда-либо живших на свете, и больше всего я гнусна самой себе, ибо даже теперь, когда я раскаиваюсь, некий тайный голос шепчет мне, что, будь я сейчас той, кем была тогда, я бы и теперь наделала таких же, а то и еще худших подлостей. О, если бы небо помогло мне избавиться от этой страшной мысли!

Она закрыла глаза, сложила свои исхудалые руки и подняла их к небу, как человек, мысленно произносящий молитву. Затем руки разжались и неслышно упали на убогое ложе, но глаза не открылись, а черты лица оставались совершенно неподвижными. Леди Пенелопа слегка вскрикнула, закрыла рукой глаза и отбежала подальше от кровати, а лорд Этерингтон, чье лицо внезапно омрачилось от какого-то сложного сплетения мыслей, продолжал пристально смотреть на несчастную, словно стараясь распознать, погасла ли в ней последняя искра жизни. Мрачная старуха сиделка подбежала к кровати, держа в руках надтреснутый стакан с каким-то крепким питьем.

— Ну что, теперь вы вознаграждены за каждый пенни своих благодеяний? — сказала она с презрительной усмешкой. — Вы и самую жизнь нашу покупаете за свои шиллинги, шестипенсовики, гроши и боддлы: вы заставили несчастную говорить, пока она не изнемогла вконец, а теперь стоите, будто никогда не видели, как женщина теряет сознание. Пустите, я дам ей напиться — от слов, знаете ли, в глотке пересыхает. Не стойте на дороге, миледи, если вы и вправду леди: от таких, как вы, пользы нет, когда смерть стоит за плечами.

Леди Пенелопа, оскорбленная, но еще более напуганная поведением старой ведьмы, теперь с радостью приняла вторичное предложение лорда Этерингтона увести ее из хижины. Он, впрочем, перед уходом не преминул еще кое-что подать старухе, которая стала плаксивым тоном благодарить за милостыню:

— Пусть сам всевышний ведет вас среди треволений грешного мира!.. И пусть сам дьявол надувает вам паруса! — добавила она своим обычным голосом, когда посетители исчезли за жалким порогом

хижины. — Вот уж пара безмозглых дураков! Не дадут человеку помереть спокойно безо всяких там микстур и снадобий.

— Исповедь несчастного создания, — сказал лорд Этерингтон леди Пенелопе, — по всей видимости, касается вещей, к которым законы не имеют отношения, а поскольку вещи эти могут нарушить мирное существование почтенной семьи и нанести ущерб репутации молодой женщины, лучше будет, если мы не станем больше ни о чем расспрашивать.

— Я не согласна с вашей милостью, — сказала леди Пенелопа, — совершенно не согласна. Вы, я полагаю, догадались, о ком она вела речь?

— Право же, ваша милость слишком высокого мнения о моей догадливости.

— Да разве она не назвала одного имени? — спросила леди Пенелопа. — Вы, милорд, нынче утром что-то уж слишком непонятливы.

— Имени? Да нет, я как будто не слышал. Хотя, правда, она упомянула какую-то... Кэтрин, кажется.

— Кэтрин! — воскликнула леди Пенелопа. — Нет, милорд, она говорила о Кларе, имени в этих местах довольно редком, и я думаю, носит его некая юная леди, о которой вашей милости должно быть кое-что известно, если ваши вечерние ухаживания за леди Бинкс не до конца изгладили у вас из памяти утренние визиты в Шоуз-касл. Вы, милорд, человек предприимчивый. Советую вам присоединить к предметам вашего внимания также миссис Блоуэр, и тогда в списке у вас будут сразу и девушка, и замужняя женщина, и вдова.

— Честное слово, вы слишком строги, миледи. Окружаете себя каждый вечер самыми умными и талантливыми людьми, каких здесь только можно найти, а потом высмеиваете несчастного чудака отшельника, не решающегося приблизиться к вашему заколдованному кругу, за то, что он якобы ищет развлечений на стороне. Вы не просто царствуете — это тирания, турецкая деспотия.

— Ах, милорд, милорд, я вас отлично знаю, — сказала леди Пенелопа. — Ваша милость были бы

весьма огорчены, если бы не имели возможности сделать свое присутствие желанным в любом кругу, куда вам благоугодно вступить.

— Иными словами, — ответил лорд Этерингтон, — я буду прощен, если сегодня вечером вторгнусь в общество, окружающее вашу милость?

— В каком бы обществе лорд Этерингтон ни пожелал показаться, он всюду будет принят как самый приятный гость.

— В таком случае я сегодня же вечером приду получить прощение и использовать дарованную мне привилегию. А теперь, — он заговорил так, словно ему удалось установить с ее милостью доверительные отношения, — что вы на самом деле думаете об этой нелепой истории?

— О, надо полагать, что она касается мисс Моубрей. Она всегда была девушка со странностями. В ней есть что-то такое, чего я никогда не могла переносить, что-то вызывающее... Впрочем, это, может быть, слишком уж сильное слово... Что-то самоуверенное, самодовольное, и хотя я поддерживала с ней отношения, как с сиротой из хорошей семьи и девушкой, о которой мне ничего худого не известно, что-то в ней меня всегда неприятно поражало.

— Не сочтет ли ваша милость правильным не давать огласки этой истории, — во всяком случае, до тех пор, пока не выяснится точно, в чем же, собственно, дело? — спросил граф, словно подсказывая собеседнице ответ.

— Можете быть уверены, что речь не шла о хорошем, а о самом плохом. Вы слышали, эта женщина сказала, что она толкнула Клару на погибель, и сами знаете, что она имела в виду Клару Моубрей, — ведь она так хотела поведать все ее брату, Сент-Ронану.

— Совершенно верно, я об этом не подумал, — ответил лорд Этерингтон, — все же, если эта история распространится, бедная девушка окажется в очень тяжелом положении.

— О, по моей вине она, во всяком случае, не распространится. Я и не намекну о чем-либо подобном. Но встречаться с мисс Моубрей, как прежде, я теперь

уже не смогу. Мне, милорд, приходится считаться со своим положением в обществе, я вынуждена окружать себя только избранными. Это мой долг перед обществом, если даже не говорить о моих личных склонностях.

— Разумеется, леди Пенелопа, — сказал лорд Этерингтон. — Но примите во внимание, что здесь, где все глаза неизбежно устремлены на вашу милость, малейшая с вашей стороны холодность по отношению к мисс Моубрей — в конце-то концов мы меньше всего можем быть уверены, что с нею не все ладно, — погубит ее в глазах здешнего общества и вообще перед лицом всего света.

— О милорд, — ответила леди Пенелопа, — что касается того, правдива эта история или нет, у меня есть особые причины «считать эту странную повесть правдой». Мне стало известно кое-что таинственное от одного весьма достойного, хотя и весьма странного человека (ваша милость знает, как я люблю оригиналов), местного приходского священника, который дал мне понять, что с мисс Кларой не все обстоит благополучно, что она... ваша милость извинит меня, что я не выражаюсь ясно. О нет! Я боюсь... я боюсь, что все это слишком верно. Вы, я думаю, знаете мистера Каргила, милорд?

— Да... нет... Впрочем, кажется, я с ним встречался, — сказал лорд Этерингтон. — Но как могла мисс Моубрей взять его себе в исповедники? Ведь пресвитериане не признают тайной исповеди. Может быть, она обращалась к нему по поводу бракосочетания. Полагаю... будем надеяться... что брак был заключен... Может быть, действительно все дело в этом. Каргил, то есть священник, говорил вам что-нибудь такое?

— Ни слова, ни единого слова. Но я вижу, куда вы гнете, милорд: вы хотите придать всему этому благородный вид.

И браком называли, чтоб это слово

Прикрыло срам деяния худого.

Так поступила царица Дидона. Каким образом священник узнал тайну — не могу вам сказать; он чело-

век скрытый. Но мне известно, что он и слышать не хочет о том, чтобы мисс Моубрей вышла за кого бы то ни было замуж; он, несомненно, знает, что в таком случае она принесла бы бесчестье в какую-нибудь порядочную семью, и, по правде сказать, я с ним совершенно согласна, милорд.

— Может быть, мистер Каргил знает, что мисс Моубрей вступила с кем-то в тайный брак, — сказал граф. — Мне думается, что это самое естественное объяснение; прошу у вашей милости прощения за то, что осмеливаюсь с ней не согласиться.

Но леди Пенелопа, по всей видимости, решительно не желала стать на такую точку зрения.

— Нет, говорю я вам, нет, — возразила она. — Не может она быть замужем. Будь это так, разве та несчастная женщина сказала бы, что мисс Моубрей погибла? Между браком и гибелью, знаете ли, есть разница.

— Говорят, что многие считают эти понятия синонимами, — ответил граф.

— Вы острите, милорд, но в просторечии если мы говорим о женщине, что она погибла, то имеем в виду нечто противоположное замужеству. Не могу более обстоятельно распространяться на подобную тему, милорд.

— Охотно доверяюсь более компетентному суждению вашей милости, — сказал лорд Этерингтон. — Я лишь призываю вас соблюдать в этом деле некоторую осторожность. Я соберу возможно более точные сведения об этой женщине и сообщу вам результаты. И я надеюсь, что из уважения к почтенной семье Сент-Ронанов ваша милость не станете спешить с тем, чтобы нанести ущерб доброму имени мисс Моубрей.

— Я не такой человек, чтобы распространять сплетни, милорд, — гордо выпрямившись, ответствовала леди Пенелопа. — Однако должна сказать, что Моубрей не имеют никаких оснований рассчитывать на мою снисходительность. Я с полным правом могу сказать, что первая ввела в моду этот курорт, и это имело немалое значение для их владений. Тем не менее мистер Моубрей во всем решительно, милорд,

выступает против меня и всех окружающих его мало-воспитанных людей побуждает вести себя самым странным образом. Когда строился Бельведер, он не допустил, чтобы расходы оплачивались из средств, собранных всем нашим обществом, и только потому, что это я дала рабочим план и все распоряжения. Так же было и с чайной комнатой, и с установлением часа, когда начинать танцы, и с подпиской на «Повесть из рыцарских времен» — новую вещь мистера Раймера. Словом, у меня нет никаких причин уважительно относиться к господину Моубрею сент-ронанскому.

— Но бедная девушка... — начал лорд Этерингтон.

— Бедная девушка? Эта бедная девушка умеет проявлять такую же наглость, как богатая девушка, уж будьте уверены. Была тут одна история, в которой она возмутительно поступила со мной, и из-за совершенного пустяка — какой-то шали. Никто меньше меня не обращает внимания на тряпки, милорд. Слава богу, мысли мои заняты совсем другими вещами, но неуважение и недоброжелательство сказываются именно в мелочах. И мисс Клара отмерила мне полную меру и того и другого, не говоря уже о дерзостях, которые я по тому же поводу должна была выслушать от ее брата.

«Остается только одно, — думал граф, когда они подходили к курорту, — запугать этот проклятый синий чулок, эту злобную, мстительную кошку».

— Вашей милости, — произнес он, — несомненно, известно, какие денежные пени наложены были недавно по делам о распространении слухов, порочащих знатных дам. Ссылка на частные беседы за чайным столом не была признана достаточной для защиты некоторых красивых злоязычниц от последствий их слишком откровенного и смелого злословия, нанесшего ущерб доброй славе кое-кого из их приятельниц. Словом, советую вам не забывать, что обо всей этой истории мы знаем пока очень мало.

Леди Пенелопа любила деньги и боялась судов. Совет Этерингтона, подкрепленный тем, что она знала о добрых чувствах Моубрея к сестре и его мстительном и раздражительном характере, в данный момент

привел ее почти что в то самое расположение духа, в каком хотел бы оставить ее граф. Леди Пенелопа стала уверять, что никто больше, чем она, не озабочен доброй славой обездоленной девушки, даже если предположить ее вину доказанной, обещала молчать о признаниях больной нищенки и выразила надежду, что лорд Этерингтон подойдет к ее чайному столу в самом начале вечера, так как она хотела бы познакомиться с некоторыми из своих protégés, которых — она убеждена в этом — милорд найдет достойными его советов и покровительства. В этот момент они дошли до дверей ее комнаты, и миледи распрощалась с графом, одарив его самой любезной улыбкой.

Глава XXXIII

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Земля, земля! Скорей, ребята,
Убавить надо парусов,
Шкот выбирай живей, ребята, —
Все злее волны у бортов.

«Шторм»

«Небо надо мной что-то темнеет. Похоже на бурю», — думал Этерингтон, совершая краткий переход в комнату леди Пенелопы; шел он медленно, скрестив руки и надвинув на лоб свою белую шляпу. У хлыща старой школы, одного из тех остряков и вертопрахов, которых отлично изображал Конгрив, это означало бы измену самому себе. Но современный светский щеголь не считает унижительным напускать на себя благородную угрюмую важность мастера Стивена. Поэтому лорд Этерингтон мог сколько угодно предаваться своим мрачным мыслям, не привлекая ничьего внимания. «Сейчас-то я заткнул пробкой эту старую знатную склянку из-под уксуса. Но характер у нее такой едкий, что он живо разъест затычку. Что же делать?»

Оглянувшись по сторонам, он увидел своего верного камердинера Солмза, который, проходя мимо

него и с должным почтением притронувшись к шляпе, промолвил: «Письма для вашей милости лежат в шкатулке».

Хотя это были самые простые слова, произнесенные к тому же вполне безразличным тоном, сердце лорда Этерингтона подпрыгнуло у него в груди, словно от них зависела вся его судьба. Сделав, однако, вид, будто сообщение Солмза не произвело на него никакого впечатления, он только сказал камердинеру, чтобы тот оставался внизу на случай, если ему вздумается позвонить, и вошел в свою комнату, где тотчас же запер дверь на ключ и задвижку, не бросив даже взгляда на стол, где стояла шкатулка для писем.

По своему обыкновению лорд Этерингтон хранил у себя один ключ от шкатулки с письмами, а доверенному слуге вручал другой. Шкатулка была снабжена секретным замком, и граф, таким образом, мог не опасаться, что в его корреспонденции станут рыться любопытные: такая предосторожность отнюдь не бесполезна для тех, кто часто живет в гостиницах и меблированных комнатах.

— С вашего позволения, мистер Брам, — произнес граф, всовывая ключ в замочную скважину и словно подшучивая над своим собственным волнением, как он подшучивал бы над волнением постороннего человека. Он поднял крышку и увидел тот самый пакет, объем которого и написанный сверху адрес так недавно обратили на себя его внимание в почтовой конторе. *Тогда* он бы многое дал за то, чтобы обладать возможностью, которая предоставлялась ему теперь. Но ведь многие из тех, кто без зазрения совести задумывал преступление, колеблются, находясь на самой его грани. Первым побуждением лорда Этерингтона было раздуть огонь в камине: он держал в руках письмо, охваченный почти непреодолимым искушением бросить его в пламя, даже не вскрыв конверта. Но хотя он уже освоился с преступлением, в своем самом подлом обличье оно ему еще не было известно: он пока ни разу не совершал поступков низких или, во всяком случае, почитаемых в свете низ-

кими. Он был дуэлянт, но это вполне соответствовало духу времени; распутник — в глазах света его извиняли молодость и высокое положение; смелый и удачливый игрок — у всех это вызывало восхищение и зависть. Было у него немало и других грешков, к которым приводят подобные привычки и подобное поведение, однако они как-то мало замечались в человеке высокого происхождения, достаточно богатом и одаренном, чтобы достойно поддерживать свой ранг. Но то дело, которое он сейчас задумал, было совсем иного рода. О нем нельзя и заикнуться на Бонд-стрит, нельзя и шепотом говорить на мостовой Сент-Джеймса! Это ведь нечто вроде мелкого жульничества, для которого кодекс чести не знает снисхождения.

Погруженный в такого рода размышления, лорд Этерингтон некоторое время колебался. Но дьявол всегда умеет прибегнуть к логике, убедительной для его последователей. Граф вспомнил о несправедливости, совершенной в отношении его матери и его самого, ее отпрыска: ведь отец сперва перед лицом всего света передал ему наследственные права, а теперь, в посмертном документе, пытается опозорить память одной и нанести удар надеждам другого. Уж конечно, обладая этими наследственными правами, он имел и нравственное право защищать их от всех покушений всеми действенными средствами, каковы бы эти средства ни были, и даже в случае необходимости уничтожить те документы, с помощью которых враги его старались осуществить свои недобрые замыслы против его чести и его интересов.

Это рассуждение одержало верх, и лорд Этерингтон снова был уже готов бросить обреченный пакет в огонь, но тут ему пришло в голову, что поскольку решение уже принято, надо осуществить его как можно обстоятельнее и с этой целью убедиться, что в пакете действительно содержатся бумаги, которые ему желательно уничтожить.

Никогда еще сомнение не оказывалось столь оправданным. Едва только он сломал печать и разорвал конверт, как убедился к величайшему своему огорчению, что в руках у него лишь копии тех документов,

о которых просил Фрэнсис Тиррел, слишком опрометчиво рассчитывая, что их вышлют ему по первому же требованию. Письмо одного из компаньонов фирмы, которой они были сданы, гласило, что, ввиду отъезда главы предприятия, лица, принявшие их на хранение, младшие партнеры, не считают себя вправе пересылать столь важные бумаги даже самому мистеру Тиррелу, хотя они решились вскрыть пакет, и настоящим препровождают ему заверенные копии, которые, надо надеяться, вполне устроят мистера Тиррела, если он намеревается посоветоваться с адвокатом или предпринять что-либо в этом роде. Принимая во внимание щекотливость всего этого дела и отсутствие главы фирмы, они решили сохранить подлинники у себя, разве что те потребуются для предъявления суду.

Проклиная на все лады нелепую педантичность автора этого послания, лорд Этерингтон бросил сопроводительное письмо в огонь и, бросившись в кресло, провел рукой по глазам, словно зрение у него ослабело от того, что он прочел. Еще за мгновение перед тем он считал, что стоит ему сделать одно движение — и ничто больше не сможет угрожать его титулу и унаследованному состоянию. И вот он оказывается под угрозой потерять их на веки вечные. В памяти его стремительно ожило то, что свету было не очень хорошо известно, а именно, что безудержное мотовство с самого юного возраста почти поглотило состояние, полученное им от матери. И если он не хотел превратиться в разоренного и не знающего откуда добыть денег мота, ему теперь просто необходимо было завладеть Неттлвудским поместьем, получить которое пять минут назад он стремился лишь как любой богатый человек стремится приумножить свое состояние.

Но на пути его к овладению этим достоянием судьба поставила новое препятствие — кающуюся женщину, которую он видел сегодня утром и которая — он имел вполне достаточно оснований так думать — возвратилась в эти места, чтобы во всем оправдать Клару Моубрей. Вполне возможно было, что она намеревается представить историю тайного брака

своей подруги в настоящем свете. От нее, впрочем, можно было бы избавиться; имелась, вероятно, и возможность заставить мисс Моубрей, запугав ее или действуя через брата, поскорее согласиться на брачный союз с ним, пока он еще носит титул графа Этерингтона. Поэтому он и решил добиться этого любыми усилиями, любыми кознями. Не последним доводом в пользу этого решения явилась мысль, что в случае удачи он одержал бы над Тиррелом, своим успешным соперником в борьбе за отцовское наследство, такую победу, что тот уже не ведал бы покоя до самого конца своей отравленной жизни.

Прошло несколько минут, и его стремительное изощренное воображение уже начертало план использования единственной возможности, еще, по-видимому, у него остававшейся. Сознывая, что времени терять нельзя, он тотчас же приступил к осуществлению этого плана.

Он позвонил, и в комнату его милости немедленно явился Солмз. Граф, словно и впрямь надеясь обмануть своего выдавшего виды слугу, невозмутимо заявил ему:

— Вы принесли мне пакет, предназначавшийся какому-то человеку, живущему в Старом городке. Перешлите его туда. Погодите, сперва я его запечатаю.

Он снова запечатал пакет, вложив в него все ранее содержащиеся в нем бумаги, кроме сопроводительного письма (которое он сжег), и отдал его камердинеру, присовокупив при этом:

— Надеюсь, в дальнейшем вы таких ошибок не повторите.

— Прошу у милорда прощения. Теперь буду внимательнее — я ведь подумал, что письмо адресовано вашей милости.

Таков был ответ Солмза, слишком ловкого, чтобы показать, что он все отлично понимает и — тем более — что допущенная им ошибка вызвана была распоряжением самого графа.

— Солмз, — продолжал граф, — на почте вам не зачем упоминать о своем промахе: это только вызовет сплетни среди здешних бездельников. Сделайте

только так, чтобы джентльмен, которому адресовано письмо, наверняка получил его. Да, вот еще что, Солмз: я вижу, вон там идет по улице мистер Моубрей; передайте ему приглашение отобедать сегодня со мной в пять часов. У меня болит голова, и я не в состоянии переносить вопли дикарей, насыщающихся за табльдотом. Еще одно: передайте от меня почтительный привет леди Пенелопе Пенфезер и скажите, что я не премину иметь честь появиться у ее милости сегодня вечером к чаю, в соответствии с полученным от нее — будь оно неладно! — приглашением. Напишите записку в подобающих выражениях, как сумеете. Закажите обед на двоих, и пусть нам подадут бургундского той же марки.

Слуга уже собирался уходить, когда хозяин добавил:

— Пойдите-ка. Есть еще одна вещь, поважнее тех, о которых я только что сказал. Солмз, вы чертовски неудачно провели дело с этой бабенкой Эруин.

— Я, милорд? — спросил Солмз.

— Да, вы, сэр. Разве вы не сказали мне, что она отправилась в Вест-Индию с каким-то вашим приятелем и разве я не дал им сотни две фунтов на дорогу?

— Так точно, милорд.

— В том-то и дело, что, оказывается, это «никак нет, милорд», — сказал лорд Этерингтон. — Она возвратилась обратно в самом жалком состоянии, издыхает от голода и, без сомнения, готова за кусок хлеба сделать и сказать все, что угодно. Как это случилось?

— Наверно, Биддалф отнял у нее все деньги, а ее самое вышвырнул на улицу, — ответил Солмз так, словно говорил о самой естественной в мире вещи. — Но я-то настолько хорошо знаю, что представляет собой эта женщина, и настолько хорошо осведомлен о ее истории, что берусь в двадцать четыре часа увезти ее в такое место, откуда ей никогда не вернуться. Пусть только ваша милость на это время обойдется без моих услуг.

— Так вы и займитесь этим тотчас же. Но имейте в виду — она в покаянном настроении и к тому же очень тяжело больна.

— В успехе я не сомневаюсь, — ответил Солмз. — Прошу извинения у вашей милости, но я полагаю, что если смерть и ангел-хранитель держат эту женщину за одну руку, то мы с дьяволом, схватившись за другую, стащим ее куда следует.

— Так идите и действуйте, — сказал Этерингтон. — Но смотрите, Солмз, будьте пообходительней и позаботьтесь, чтоб она ни в чем не терпела нужды. Я причинил ей достаточно зла, хотя натура ее и сам дьявол немало мне помогли.

Наконец Солмзу дали возможность удалиться для выполнения всех этих разнообразных поручений, заверив его, что он не понадобится в ближайшие двадцать четыре часа.

— Отлично! — произнес граф, когда конфиденент его ушел. — Теперь пружина пущена в ход, она хорошо смазана и заставит работать всю машину. А вот и Гарри Джекил — как раз в самое подходящее время. Это он насвистывает на лестнице. Есть в этом малом какая-то душевная легкость, которая вызывает во мне и зависть и презрение. Но сейчас добро пожаловать, он мне нужен.

Джекил вошел в комнату со словами:

— Я был очень рад, когда увидел, что один из твоих лакеев накрывает у тебя в гостиной стол на двоих, Этерингтон. Я уж боялся, что ты решил обедать за табльдотом со всей этой нудной оравой.

— Но второе место предназначается не тебе, Хэл, — ответил лорд Этерингтон.

— Вот как? Надеюсь, что я могу претендовать хотя бы на третье место?

— Ни на первое, ни на второе, ни на третье, капитан. Дело в том, что мне нужно поговорить с глазу на глаз с мистером Моубреем сент-ронанским, — ответил граф. — Кроме того, у меня к тебе большая просьба: пойди еще раз к этому Мартиньи. Пора уже ему предъявить документы, если они существуют, во что я ничуть не верю. Он давно уже мог получить их из Лондона. Мне кажется, я достаточно долго откладывал важнейшее дело на основании одних его слов.

— Вполне понимаю твоё нетерпение, — сказал Джекил, — и тотчас же выполняю твою просьбу. Раз уж ты выжидал по моему совету, я и обязан положить ожиданию конец. В то же время должен заметить, что если у Тиррела нет тех бумаг, о которых он говорил, то все же он на свое счастье обладает такой твердокаменной уверенностью в своих правах, какой не проявили бы все стряпчие, вместе взятые.

— Скоро ты сам сможешь разобраться во всем этом, — сказал лорд Этерингтон. — А теперь иди. Что это ты на меня так странно смотришь?

— Да сам не знаю. Не нравится мне почему-то твой предполагаемый разговор с Моубреем. Не будь с ним слишком уж беззастенчив, Этерингтон. Ему с тобой не потягаться — не хватит у него ни ума, ни выдержки.

— А ты попробуй сказать ему это, Джекил, — ответил граф. — Его шотландская гордость тотчас же поднимется до точки кипения, и в знак благодарности он пошлет в тебя пулю из пистолета. Этот напыщенный деревенский петух считает себя важной птицей, несмотря на уже полученный от меня урок. Как тебе нравится? Он имеет наглость считать мое ухаживание за леди Бинкс несовместимым с намерением жениться на его сестре! Да, Хэл, этот неуклюжий шотландский лэрд, которому едва под силу покорить какую-нибудь молочницу или в лучшем случае вертихвостку горничную, желает выступить в качестве моего соперника!

— Ну, в таком случае прощай Сент-Ронан! Этот обед будет для него роковым. Этерингтон, по твоей улыбке я вижу, что ты затеваешь против него какую-то каверзу. Очень хочется мне предупредить его.

— Я бы сам этого хотел, — ответил граф. — Мне бы это пошло только на пользу.

— Уж не вызов ли ты мне бросаешь? Так знай, я предостерегу его, если повстречаю.

Друзья расстались. И вскоре в одной из аллей для прогулок навстречу Джекилу попался Моубрей.

— Сегодня вы обедаете с Этерингтоном? — спросил капитан. — Извините меня, мистер Моубрей, если я скажу вам одно только слово: остерегайтесь.

— Но чего мне остерегаться, капитан Джекил, если я обедаю с вашим другом и человеком чести? — ответил Моубрей.

— Лорд Этерингтон, разумеется, является и тем и другим, мистер Моубрей. Но он — игрок, и большинству из нас с ним не тягаться.

— Благодарю вас за предупреждение, капитан Джекил. Я только грубый шотландец — что правда, то правда, но кое-что и я смыслю. Когда два джентльмена затевают игру, предполагается, что оба действуют честно. А раз это само собой разумеется, то я имею смелость полагать, что не нуждаюсь в предостережениях от кого бы то ни было, даже от капитана Джекила, хоть он, наверно, куда опытней меня.

— В таком случае, сэр, — сказал Джекил, поклонившись с холодным видом, — мне больше нечего вам сказать и надеюсь, что вы на меня не в обиде. «Ах ты самодовольный фат!» — добавил он мысленно, когда они расстались. — Как правильно судит о нем Этерингтон, и каким ослом я был, что вмешался! Надеюсь, Этерингтон повыщиплет у него последние перышки».

Он двинулся дальше разыскивать Тиррела, а Моубрей направился в комнату графа как раз в том расположении духа, какое было всего удобнее для намерений Этерингтона, который совершенно верно разгадал характер Моубрея, когда разрешил Джекилу сделать ему дружеское предостережение. Человек, считавшийся одним из светских львов, предположил, что он, Моубрей, настолько слабее своего противника, проявил к нему сострадание, сделал ему доброжелательное предостережение! Все это было желчью и уксусом для его гордой души: чем острее было в нем сознание, что он ниже графа во всех искусствах, которым они предавались, тем больше он силился быть с ним, хотя бы внешне, на равной ноге.

После первой, так хорошо запомнившейся ему партии в пикет Моубрей решался пытаться счастья против лорда Этерингтона лишь в мелких ставках. Но самолюбие заставляло его воображать, что теперь он

вполне разобрался в том, как играет его противник, и по обыкновению всех, кто приучился к игре, он время от времени испытывал желание взять реванш. Ему хотелось поскорее освободиться от долга лорду Этерингтону — денежное обязательство было для него мучительно, так как оно не давало ему возможности открыто объясниться с Этерингтоном насчет его флирта с леди Бинкс: ухаживание это он вполне справедливо считал оскорблением для своей семьи, принимая во внимание те отношения, которые Этерингтон стремился установить между собой и Кларой Моубрей. Один вечер удачи мог избавить его от этого обязательства, и Моубрей был погружен в такого рода сны наяву, как раз когда Джекил остановил его. Непрошенное предостережение лишь пробудило в нем дух противоречия и решимость показать советчику, как мало оснований имеет он отрицательно судить о его способностях. При подобном расположении духа его разорение, явившееся следствием этого вечера, отнюдь не показалось ему не только заранее обдуман-ным, но даже хотя бы просто сознательным делом рук графа Этерингтона.

Напротив, сама жертва первая предложила играть, играть по крупной, с удвоенными ставками. Лорд Этерингтон вел себя совершенно иначе — часто предлагал уменьшить ставки или даже совсем бросить игру, но делал это всегда с видом такого превосходства, что лишь подхлестывал Моубрея, заставляя его рисковать все отчаяннее. Когда же под конец Моубрей проиграл сумму, которая для него была просто неслыханной, граф бросил карты и заявил, что опаздывает на чаепитие к леди Пенелопе, куда он дал твердое обещание прийти.

— Разве вы не дадите мне отыграться, милорд? — спросил Моубрей, собрав карты и тасуя их с крайне озабоченным видом.

— Не сегодня, Моубрей: мы и без того слишком долго играли, вы проиграли слишком много, может быть больше, чем в состоянии сейчас заплатить.

Вопреки своему решению сохранять хотя бы внешнее спокойствие, Моубрей заскрежетал зубами.

— Но торопиться вам незачем, — сказал граф. — Собственноручная расписка ваша вполне заменит на- личные.

— Нет, клянусь богом! — вскричал Моубрей. — Вто- рично я на это не попадусь. Лучше уж продаться са- мому дьяволу, чем вашей милости: с той поры я ни на мгновение не был сам себе хозяин.

— Не очень-то это дружеские речи, Моубрей, — сказал граф. — Вы сами хотели играть, а кто хочет играть, должен помнить, что может остаться в проиг- рыше.

— А тот, кто выиграл, рассчитывает, что ему за- платят, — взорвался Моубрей. — Я это знаю не хуже вашего, милорд, и рассчитаюсь с вами. Я заплачу вам свой проигрыш, клянусь богом! Уж не сомневаетесь ли вы, что я заплачу вам, милорд?

— У вас такой вид, будто вы намерены заплатить мне остро отточенной монетой, — заметил лорд Эте- рингтон, — а я полагаю, что это не соответствует тем отношениям, в которых мы с вами сейчас нахо- димся.

— Клянусь душой, милорд, — сказал Моубрей, — я не очень понимаю, каковы именно эти отношения, и, чтобы все мне стало ясно раз и навсегда, был бы очень рад узнать это. Вы начали ухаживать за моей сестрой, часто бываете в Шоуз-касле, вам предостав- лены все возможности добиться успеха, а дело не сдвигается с мертвой точки: все словно качается взад и вперед, как на детской лошадке. Может быть, вы считаете, что окончательно взнуздали меня и мне уж некуда податься? Но как бы вам не пришлось убе- диться в обратном! Вы, ваша милость, можете содер- жать гарем, если вам угодно, но моей сестре в нем не бывать.

— Вы раздражены и потому несправедливы, — сказал Этерингтон. — Вы отлично знаете, что в прово- лочках не виноват никто, кроме вашей сестры. Я очень хочу, страстно жажду поскорее сделать ее леди Эте- рингтон, и ничто, кроме ее злосчастного предубежде- ния против меня, не отдаляет заключение союза, по стольким причинам крайне для меня желательного.

— Хорошо, — ответил Моубрей, — я сам этим займусь. Не вижу оснований, по которым она может отказываться от брака, делающего честь ее семье и одобренного мною, главой семьи. Дело это можно устроить в течение двадцати четырех часов.

— Чему я был бы безгранично рад, — сказал лорд Этерингтон. — Вы убедитесь, как искренне желаю я породниться с вами. Что же касается пустяковой суммы, которую вы проиграли...

— Для меня это не пустяки, милорд, для меня это — разорение. Но все деньги будут вам выплачены. Позвольте мне все же заметить, милорд, что выигрывшем этим вы обязаны не столько своему искусству, сколько везению.

— Пожалуйста, не будем больше об этом сейчас говорить, — сказал лорд Этерингтон. — Утра вечера мудренее; но послушайтесь моего совета и не будьте слишком резки с сестрой. Некоторая твердость в обращении с молодыми девицами иногда полезна, но излишняя строгость...

— Я попрошу вашу милость не давать мне на этот счет советов. Как бы ценны они ни были в любых других делах, с собственной сестрой, думается мне, я могу говорить по-своему.

— Раз вы сегодня вечером в таком сердитом настроении, Моубрей, — ответил граф, — вы, я полагаю, не почтите своим присутствием чаепитие ее милости, хотя оно, вероятно, последнее в этом сезоне?

— Почему вы так думаете, милорд? — возразил Моубрей. Из-за своего проигрыша он стал упрячиться и противоречить по любому затронутому в разговоре поводу. — Почему мне не проявить уважения к леди Пенелопе или какой-нибудь другой благородной даме? Конечно, я не имею титула, но полагаю, что мое происхождение...

— Дало бы вам право стать хоть страсбургским каноником — это само собой разумеется. Но мне сдается, что вы сейчас настроены недостаточно похристиански, чтобы идти в монахи. Я хотел только сказать, что у вас с леди Пен были всегда как будто не очень приятельские отношения.

— Во всяком случае, она прислала мне приглашение на свой знаменитый вечер, и я намерен пойти. Посижу там с полчаса, а затем вернусь в Шоуз-касл, и завтра утром вы узнаете, что я предпринял для скорейшего устройства ваших брачных дел.

Глава XXXIV

ЧАЕПИТИЕ

Спустите шторы и диван придвиньте,
Пусть из сосуда, что бурлит, свистит,
Горячий рвется пар; разлить пора
По чашкам веселящий, но не пьяный
Напиток; дружно встретим мирный вечер.

Каупер, «Задача»

С приближением холодного и дождливого времени года общество на водах так поредело, что обеспечивать необходимое количество гостей на своих чаепитиях леди Пенелопа могла, лишь всячески улещивая даже тех, кого она ранее считала далеко не ровней себе. Она одарила любезной улыбкой даже доктора и миссис Блоуэр — их брак был уже делом решенным. Событие это вполне могло содействовать доброй славе нового курорта среди богатых вдовушек и занимающихся врачеванием джентльменов, у которых знаний было больше, чем пациентов. Вот парочка и явилась к леди Пенелопе, причем доктор улыбался, всячески проявляя галантность и даже афишируя свое признанное и одобренное дамой ухаживание, точь-в-точь индюк, разводящий те же самые церемонии по тому же поводу!

Старик Тачвуд также явился на приглашение ее милости, главным образом, видимо, по причине своей непоседливости, не дававшей ему уклоняться от посещения даже таких сборищ, к которым он обычно выказывал отвращение. Среди гостей можно было заметить и мистера Уинтерблоссома: верный своему обычному эпикуреизму, он обстреливал леди Пенелопу беглым огнем комплиментов в надежде одним из

первых заполучить чашку чая. Присутствовала также леди Бинкс. Красивое лицо ее имело в должной мере сердитое выражение: она была, как обычно, раздражена против мужа и раздосадована тем, что лорд Этерингтон отсутствовал как раз тогда, когда ей хотелось вызвать ревность сэра Бинго. Она открыла, что это самый действенный способ мучить баронета, и пользовалась им с варварским наслаждением извозчика, обнаружившего на спине своей клячи болезненное место, по которому можно чувствительнее всего хлестнуть. Собрались у леди Пенелопы и все другие обычные ее посетители. Явился даже Мак-Терк, хотя он и считал, что бессмысленно расходовать такое количество кипятка на что-либо иное, кроме пунша. В последнее время у него установилось нечто вроде приятельских отношений с путешественником. Не то чтобы у них было нечто общее в характере или взглядах: напротив, именно то обстоятельство, что они были в достаточной мере несходны, обеспечивало им возможность взаимного общения на почве разногласий и споров. И в данном случае они очень скоро нашли повод вступить в оживленные прения.

— Перестаньте твердить мне о законах чести, — говорил Тачвуд, притом гораздо громче, чем полагается в светском разговоре, — все это один вздор, капитан Мак-Терк, силки на вальдшнепов. Здравомыслящие люди в них не попадаются.

— Честное слово, сэр, — ответил капитан, — я просто удивлен, что слышу от вас такие вещи. Запомните, сэр; ведь честь для человека — это воздух, которым он дышит, шорт поberi!

— Ну, так пусть такой человек задохнется и убирается к черту, — возразил его противник. — Говорю вам, сэр, эти ваши дуэли не только противны Христову учению и запрещены законом, но, кроме того, они просто нелепейший, идиотский обычай. Ни один порядочный дикарь не настолько глуп, чтобы заниматься таким делом: он берет лук или ружье — в зависимости от того, что у них принято — и стреляет в своего врага из-за кустов. Это отличный способ, ибо,

вы сами понимаете, в этом случае гибнет только один человек.

— Клянусь, сэр, — заявил капитан, — если вы станете проповедовать такие теории в хорошем обществе, они, я уверен, в конце концов доведут кого-нибудь до виселицы.

— Благодарю вас от всего сердца, капитан, но я отнюдь не стараюсь возбуждать между людьми распри и предоставляю войны тем, кто ими живет. Я только говорю, что не знаю ни одного народа, кроме наших неосмысленных предков здесь, на северо-западе, настолько глупого, чтобы у него был в ходу обычай дуэли. Он не известен ни африканским неграм, ни в Америке.

— Не говорите мне этого, — сказал капитан, — янки предпочтет стреляться дробью из мушкета, чем стерпеть оскорбление. Джонатана-то уж я знаю.

— Ни одному из множества индийских племен не знаком этот обычай.

— Шорт бы меня побрал! — вскричал капитан Мак-Терк. — Да разве я не был пленником Типпу в Бангалоре? И разве, когда наступил блаженный день нашего освобождения, мы не ознакомили его четырнадцатью поединками, основа которых заложена была нами в доме плена, как выражается писание, и в которые мы вступили тут же, на гласисе форта? Клянусь, вы бы подумали, что идет перестрелка между двумя враждебными отрядами, — такой частый был огонь. А я сам, капитан Мак-Терк, сражался против троих, не отступив ни на шаг с места, где стоял.

— Ну, а что, сэр, вышло из этого христианского способа возблагодарить небо за ваше освобождение?

— Да в конце концов очень небольшой список потерь, — ответил капитан. — Один был убит на месте, один умер от ран, двое тяжело ранены, трое легко, да маленький Дункан Мак-Файл без вести пропал. Мы ведь поотвыкли от пистолета после длительного заключения. Теперь вы сами видите, как мы улаживали между собой дела в Индии.

— Поймите же, капитан, — возразил Тачвуд, — что я говорил только о туземцах-язычниках, которые хоть и язычники, а все-таки живут светом своего нравственного разума и среди которых поэтому можно найти больше примеров добродетельной жизни, чем среди таких людей, как вы. Вы же хотя и называете себя христианами, а об истинном смысле своей религии и обязательствах, которые она на вас налагает, знаете не больше, чем если бы, как говорится, оставили свое христианство на мысе Доброй Надежды и забыли прихватить его с собой, возвращаясь обратно.

— Клянусь богом, должен сказать вам, сэр, — вскричал капитан, повышая голос, задирая нос и втягивая в себя воздух с негодующим и грозным видом, — что я ни вам, ни кому-либо другому не позволю порочить меня таким образом. Слава богу, немало есть свидетелей тому, что я такой же добрый христианин, как любой другой, хотя и бедный грешник, разумеется: все мы грешники, даже лучшие из нас. Берусь доказать это с клинком в руке. Шорт возьми! Сравнить меня с какими-то черномазыми язычниками, туземцами, которые за всю свою жизнь не единого раза не были в церкви, поклоняются каменным и деревянным идолам и качаются на стеблях бамбука, как обезьяны. Да они и есть звери!

Гневная эта речь закончилась негодующим рычанием, вырвавшимся из глотки Мак-Терка и прозвучавшим как некое одобрение его внутреннего существа возмущенным словам, исходившим из внешних органов. Однако она не произвела ни малейшего впечатления на Тачвуда, который на гневный тон и взор обращал так же мало внимания, как и на самое цветистое красноречие. Весьма возможно, что между проповедником христианства и миротворцем разыгралась бы к величайшему удовольствию собравшихся настоящая ссора, если бы внимание их обоих, особенно Тачвуда, не было отвлечено от предмета их спора появлением лорда Этерингтона и Моубрея.

Первый был, как обычно, весь — изящество, улыбочивость, приветливость. Однако на этот раз, вместо того чтобы сказать по своему обыкновению несколько

любезных слов всем гостям и немедленно отойти к леди Бинкс, граф держался подальше от той части комнаты, где пребывал его прекрасный, но мрачный кумир. Теперь он не отходил от леди Пенелопы Пенфезер, стойко перенося всю диковинную, бессвязную, жеманную *bavardage*,¹ которую эта дама, блистая своими дарованиями и благоприобретенной эрудицией, исключительно обильно низвергала на своих гостей.

Некоему достойному язычнику, если не ошибаюсь — одному из героев Плутарха, привиделся ночью во сне образ Прозерпины, которой он долгое время поклонялся. Лик богини искажен был гневным возмущением и угрожал ему возмездием за то, что он со свойственным политеисту непостоянством стал избегать ее алтарей ради поклонения какому-то более модному божеству. Но и сама богиня преисподней не могла бы принять более надменного и негодующего вида, чем тот, с которым леди Бинкс время от времени поглядывала на лорда Этерингтона, словно предупреждая его о последствиях забвения вассальной верности, которую молодой граф всегда проявлял в отношении нее и которую он теперь, неизвестно почему — не иначе как с целью нанести ей публичное оскорбление, — свидетельствовал ее сопернице. Но сколь убийственны ни были эти взгляды, какая в них ни сверкала угроза, лорду Этерингтону важнее было улестить леди Пенелопу, чтобы она молчала насчет исповеди больной женщины, и он не мог особенно усердно умиротворять леди Бинкс. Первое было делом неотложной необходимости, второе, даже если оно и волновало его сколько-нибудь, можно было, пожалуй, на время отложить. Если бы обе дамы продолжали более или менее терпимо относиться друг к другу, он мог бы сделать попытку примирить их. Но их скрытая взаимная вражда сильно обострилась именно теперь, когда конец сезона должен был разлучить их, по всей вероятности, навсегда, так что у леди Пенелопы не имелось уже причин быть любезной

¹ Болтовню (франц.).

с леди Бинкс, а у супруги сэра Бинго — домогаться ее любезности. Богатство и мотовство одной из них не могло уже бросать яркого отблеска на общество, окружавшее ее высокочтимую приятельницу, а общение с леди Пенелопой — быть полезным или необходимым леди Бинкс. Поэтому ни одна из этих дам уже не стремилась скрывать взаимное презрение и враждебность, которые они давно питали друг к другу. И каждый, кто в этот решающий момент становился на сторону одной из них, не мог, разумеется, ожидать дружелюбного отношения от ее соперницы. До нас не дошло определенных сведений о том, имелись ли у леди Бинкс какие-либо особые причины гневаться на измену лорда Этерингтона, но передавалось, что между ними произошло очень резкое объяснение, когда распространились слухи, что посещения его милостью Шоуз-касла вызваны были желанием обрести там подругу жизни.

Говорят, что женский ум умеет быстро находить самое верное средство отомстить за действительное или кажущееся пренебрежение. Пока леди Бинкс кусала свои красивые губки и перебирала в уме лучшие способы мщения, судьба послала ей молодого Моубрея сент-ронанского. Она взглянула на него и попыталась привлечь его внимание кивком и любезной улыбкой: в обычном своем состоянии он при этом тотчас же устремился бы к ней. Получив в ответ лишь рассеянный взгляд и поклон, она стала внимательнее наблюдать за ним и по его блуждающему взору, беспрерывно меняющемуся цвету лица и нетвердой походке заключила, что он выпил значительно больше обычного. Однако выражение его лица и взгляд свидетельствовали не столько об опьянении, сколько о тревоге и отчаянии человека, подавленного размышлениями столь глубокими и тягостными, что он уже не отдает себе отчета в окружающем.

— Вы заметили, как плохо выглядит мистер Моубрей? — спросила она громким шепотом. — Надеюсь, он не слышал того, что леди Пенелопа сказала только что о его семье?

— Разве что от вас услышит, миледи, — отозвался мистер Тачвуд, который при появлении Моубрея прекратил спор с Мак-Терком. — Думаю, что он вряд ли может услышать это от кого-либо другого.

— В чем дело? — отрывисто спросил Моубрей, обращаясь к Четтерли и Уинтерблоссому. Но первый несколько растерянно уклонился от прямого ответа, заявив, что не прислушивался к разговору, который вели между собой дамы, а Уинтерблоссом вышел из положения со своей обычной хладнокровной и осторожной учтивостью, — он, видите ли, не обращал особого внимания на то, что говорилось, так как вел с миссис Джонс переговоры о дополнительном куске сахара в кофе, «что представляло собой нелегкую дипломатическую задачу», — добавил он, понизив голос. — «Сдается мне, что ее милость взвешивает вестиндские товары на граны и скрупулы».

Если этот саркастический выпад имел целью вызвать у Моубрея улыбку, то его постигла неудача. Моубрей, всегда державшийся довольно натянуто, приблизился с еще более чопорным видом, чем обычно, и обратился к леди Бинкс:

— Могу я спросить у вашей милости, что именно, касающееся моей семьи, имело честь привлечь внимание общества?

— Я ведь только слушала, мистер Моубрей, — ответила леди Бинкс, явно наслаждаясь нарастающим гневом, отражавшимся на лице Моубрея, — я не являюсь королевой вечера и потому никак не расположена отвечать за принятое беседой направление.

Моубрей, которому было не до шуток, но который в то же время не хотел обращать на себя всеобщее внимание настойчивыми расспросами у всех на глазах, бросил яростный взгляд на леди Пенелопу, занятую оживленным разговором с лордом Этерингтоном, двинулся было по направлению к ним, но затем, словно сделав над собой усилие, резко повернулся и вышел из комнаты. Через несколько минут, когда собравшиеся стали с насмешливым видом кивать и подмигивать друг другу, вошел один из слуг гостиницы и незаметно сунул какую-то записку миссис Джонс,

которая, быстро пробежав ее глазами, собралась было выйти из комнаты.

— Джонс! Джонс! — вскричала леди Пенелопа с удивлением и недовольством.

— Тут понадобился ключ от чайного ящика, ваша милость, — ответила Джонс, — я сию минуту вернусь.

— Джонс! Джонс! — снова возопила хозяйка. — Да нам вполне хватит... — Она хотела добавить — «чая», но лорд Этерингтон сидел так близко, что ей неловко было закончить фразу, и она возложила все надежды на то, что Джонс сама хорошо сообразит, что хотела сказать хозяйка, и не найдет требуемого ключа.

Тем временем Джонс проворно проскользнула в комнату, представлявшую собой нечто вроде помещения для экономки — на этот вечер камеристка являлась *locum tenens*¹ таковой, чтобы иметь возможность поскорее подавать все, что могло понадобиться для так называемого вечера леди Пенелопы. Здесь она обнаружила мистера Моубрея сент-ронанского и с места в карьер обрушилась на него.

— Ну вот, мистер Моубрей, разве джентльмены так поступают? Я убеждена, что из-за вас потеряю место. Что это за спешка такая, неужто нельзя было часок подождать?

— Я хочу знать, Джонс, — ответил Моубрей тоном, которого горничная от него, может быть, не ожидала, — что именно ваша хозяйка говорила сейчас насчет моей семьи?

— Фи! Вы звали меня лишь за этим? — ответила миссис Джонс. — Да что она могла сказать? Вздор какой-нибудь. Кто обращает внимание на ее слова? Уж во всяком случае, не я.

— Нет, милейшая Джонс, — сказал Моубрей, — я настаиваю, чтобы вы мне это сказали: я должен узнать и узнаю.

— Как же это, мистер Моубрей? Да разве я смею передавать? Ей-богу же, сюда идут. А если обнару-

¹ Исполняющей обязанности (лат.).

жится, что вы тут со мной говорите... Право же, кто-то идет.

— Пусть сам черт является, если ему угодно! — сказал Моубрей. — Но я не отстану от вас, моя красавица, пока вы мне не расскажете того, что я хочу знать.

— Господи, сэ, вы меня просто пугаете! — ответила Джонс. — Ведь все в комнате слышали так же хорошо, как и я. Миледи говорила насчет мисс Моубрей... что теперь она будет избегать ее общества, так как мисс Моубрей... мисс Моубрей...

— Так как моя сестра — что? — резким голосом вскричал Моубрей, хватая Джонс за руку.

— Господи, сэ, господа, я боюсь, — чуть не плача произнесла Джонс, — ведь не я же это говорила, а леди Пенелопа.

— А что эта сумасшедшая, эта старая ядовитая гадюка осмелилась сказать о Кларе Моубрей? Говорите все без обиняков, не то, клянусь богом, я вам покажу!

— Пустите, сэ! Пустите, ради бога, вы мне руку ломаете! — кричала перепуганная горничная. — Право же, я не могу сказать о мисс Моубрей ничего худого. Только миледи о ней говорила так, словно она не такая, какой ей бы следовало быть. Господи, сэ, нас кто-то подслушивает за дверью! — И Джонс, высвободившись внезапным рывком, устремилась в гостиную.

Моубрей стоял на месте, словно окаменев от услышанного. Он не понимал, чем могла быть вызвана столь гнусная клевета, и недоумевал, как ему поступить, чтобы воспрепятствовать распространению скандальных слухов. К вящему своему смущению он теперь убедился в правоте миссис Джонс — их действительно подслушивали, ибо, выходя из комнаты, он столкнулся с мистером Тачвудом.

— Что вы тут делаете, сэ? — суровым тоном спросил Моубрей.

— Ну, ну, ну, — ответил путешественник, — если уж на то пошло, что вы сами тут делаете, сударь мой?

Клянусь богом, леди Пенелопа очень уж боялась за свой запас чая, и я решил заглянуть сюда, чтобы она сама не пошла разыскивать миссис Джонс: ведь ее вторжение было бы, вероятно, куда неприятнее моего.

— Вздор все это, сэр, — сказал Моубрей, — в гостиной, где пьют чай, такая адская жара, что я решил немного посидеть здесь, а потом вошла эта юная особа.

— И теперь, когда вместо нее явился старик, вы убегаете? — сказал Тачвуд. — Послушайте, сэр, я вам больше друг, чем вы думаете.

— Сэр, вы вмешиваетесь не в свое дело. Мне от вас ничего не нужно, — ответил Моубрей.

— Тут-то вы и ошибаетесь, — ответил старый джентльмен, — ибо я могу снабдить вас тем, в чем так нуждается большинство молодых людей — деньгами и добрым советом.

— Держите и то и другое при себе, пока у вас не попросят, — сказал Моубрей.

— Да я бы так и сделал, сударь мой, но у меня возникло какое-то пристрастие к вашей семье. А в ней, видимо, поколения два, а то и три, нуждаются и в том и в другом.

— Сэр, — сердито произнес Моубрей, — вы слишком пожилой человек для того, чтобы изображать шута и получать то, чего заслуживают шуты.

— Или, как я полагаю, обезьяны, то есть больше тычков, чем монет. Ладно, во всяком случае, я не так молод, чтобы ссориться с дерзкими мальчишками. Однако я могу доказать вам, мистер Моубрей, что о ваших делах мне известно больше, чем вы думаете.

— Весьма возможно, — ответил Моубрей, — но я был бы вам крайне обязан, если бы вы больше занимались своими.

— Возможно. Однако же ваш сегодняшний проигрыш лорду Этерингтону не пустяк и ни для кого не секрет.

— Мистер Тачвуд, я желаю знать, откуда вы получили эти сведения,

— Это совсем не важно по сравнению с тем — верны они или не верны, мистер Моубрей, — ответил старый джентльмен.

— Но для меня крайне важно, сэр, — сказал Моубрей. — Одним словом, получили вы эти сведения от лорда Этерингтона непосредственно или же он их первоисточник? Ответьте мне только на этот один вопрос, и я буду знать, что обо всем этом думать.

— Даю вам честное слово, — сказал Тачвуд, — что ни прямо, ни косвенно лорд Этерингтон меня ни о чем не оповещал. Говорю это, чтобы вас успокоить, и надеюсь теперь, что вы меня терпеливо слушаете.

— Простите, сэр, — перебил его Моубрей, — еще один вопрос. Насколько я понимаю, в гостиной, когда я туда вошел, говорилось что-то неуважительное о моей сестре?

— Гм, гм, гм! — нерешительно произнес Тачвуд. — Очень жаль, что у вас такой острый слух. Кто-то говорил несколько легкомысленно о вещах, которые, осмелюсь заявить, объясняются весьма просто. А теперь, мистер Моубрей, разрешите мне сказать вам серьезно несколько слов.

— А теперь, мистер Тачвуд, нам с вами не о чем больше говорить. Доброй ночи!

Моубрей пронесся мимо старого джентльмена, тщетно пытавшегося удержать его, и, бросившись в конюшню, потребовал свою лошадь, которая была уже оседлана и ждала его. Но даже краткие мгновения, понадобившиеся для того, чтобы вывести ее из дверей конюшни, привели его в иступленное нетерпение. Еще большее раздражение вызвал в нем доносившийся до него голос Тачвуда, который то умоляюще, то ворчливо продолжал взывать:

— Мистер Моубрей, всего несколько слов, мистер Моубрей, иначе вы пожалеете. Можно ли ехать в такую погоду, мистер Моубрей? Черт побери, не можете вы пять минут обождать, что ли?

Единственным ответом охваченного нетерпением лэрда были приглушенные, но яростные проклятия,

и когда наконец привели лошадь, он, ничего больше не слушая, вскочил в седло. Несчастная лошадь дорого заплатила за проволочку, в которой никак не была повинна. Едва очутившись в седле, Моубрей так ударил ее шпорами, что благородное животное стало брыкаться, поднялось на дыбы и помчалось вперед, как серна, через камни и пни кратчайшей, но, как мы знаем, самой плохой дорогой в Шоуз-касл. Лошади инстинктивно чувствуют настроение всадника и в соответствии с ним становятся бешеными, неукротимыми или, наоборот, смиренными и кроткими. И хотя Моубрей уже не прищипоривал своего благородного скакуна, тот словно ощущал внутренний зуд, терзавший его хозяина. Конюх некоторое время прислушивался к частому звонкому стуку копыт, пока он не стих в дальнем лесу.

— Если Сент-Ронан доскачет домой, не сломав шеи, — пробормотал он, — значит, его хранит сам дьявол.

— Милость божья над нами! — воскликнул путешественник. — Он скачет, как аравийский бедуин! Но в пустыне нет ни придорожных деревьев, ни оврагов, ни обрывов, ни рек, ни ручьев. Ладно. Надо мне самому взяться за дело, а то оно пойдет до того плохо, что даже я ничем помочь не смогу. Слушайте вы, конюх, дайте мне сейчас же пару упряжных, самых лучших, до Шоуз-касла.

— До Шоуз-касла, сэр? — несколько удивленно переспросил конюх.

— Да. А вы разве дороги туда не знаете?

— По правде говоря, сэр, нам так редко приходится возить туда публику — вот разве тогда, на праздник, — что и впрямь позабудешь дорогу. Но ведь сам Сент-Ронан только сейчас был здесь.

— Ну и что из того? Он поехал вперед распорядиться насчет ужина. Пошевеливайтесь, не теряйте времени.

— Слушаюсь, сэр, — сказал конюх и тотчас же позвал возницу.

СПОР

Sedet post equitem atra cura...¹

Через поля, леса, овраги
Ездок, исполненный отваги,
Несется по прямой.
А спутник мрачный, неотвязный —
Забота, призрак безобразный,
Приткнулась за спиной.

Гораций

В этот вечер для Моубрея действительно оказалось счастьем то, чем он всегда хвастался, — что держит он только самых лучших лошадей, — а также то, что конь, на котором он мчался, обладал крепкими ногами и хорошим чутьем в той же мере, как резвостью и пылом. Те, кто на следующий день заметил следы его копыт на неровной и холмистой дороге, по которой он был пущен своим разъяренным хозяином, без труда могли убедиться, что и конь и всадник раз десять находились на волосок от гибели. Положить роковой предел дальнейшим упражнениям Моубрея в верховой езде особенно легко могла одна вытянувшаяся над самой дорогой ветвь корявого низкорослого дуба. Когда Моубрей ударился головой об это препятствие, сила удара была значительно ослаблена его шляпой с высокой тульей, однако оказалась достаточной, чтобы сломать ветку, разлетевшуюся на мелкие щепки. К счастью, она была насквозь прогнившей; тем не менее все изумлялись, как при таком сильном ударе она не нанесла ему тяжелой раны. Сам Моубрей даже не заметил того, что произошло.

Вряд ли сознавая и то, что он мчался с совершенно невероятной быстротой, быстрее, может быть, чем даже вслед за собаками на охоте, Моубрей спрыгнул с седла у дверей конюшни и бросил поводья конюху, который воздел руки к небу от изумления при виде того, в каком состоянии была любимая хозяй-

¹ Сидит за спиной всадника жестокая забота (лат.).

ская лошадь. Однако, решив, что хозяин, наверно, хватил лишнего, он благоразумно воздержался от каких-либо замечаний.

Едва несчастный ездок перестал ощущать быстроту, посредством которой он пытался елико возможно свести на нет время и пространство, отделявшие его от места, куда он наконец прибыл, как ему стало казаться, что он отдал бы весь мир за то, чтобы моря и пустыни пролегали между ним и домом его отцов, и прежде всего — между ним и сестрой, с которой ему предстояло решительное объяснение.

«Сейчас для этого самое подходящее место и время, — подумал он, кусая губы, — надо объясниться начистоту; пусть я узнаю самое худшее — с неуверенностью должно быть покончено раз и навсегда».

Он вошел в дом и принял свечу из рук старого слуги, который, заслышав стук копыт, поспешил открыть дверь.

— Сестра у себя в гостиной? — спросил он, нота-ким глухим голосом, что слуга ответил вопросом на вопрос:

— А как себя чувствует ваша милость?

— Прекрасно, Патрик, превосходно, как никогда, — ответил Моубрей и, повернувшись спиной к старику, словно для того, чтобы тот не мог проверить, соответствует ли выражение лица словам, он направился к сестре.

Звук его шагов в коридоре отвлек Клару от ее мыслей, быть может довольно невеселых; но шел Моубрей так медленно, что она успела прибавить света в лампе и огня в камине, прежде чем он появился в комнате.

— Ты славный человек, брат, — сказала она, — что так рано вернулся. В награду у меня есть для тебя хорошая новость. Конюх привел домой Триммера: он лежал подле мертвого зайца, которого нагнал у самого Драмлифорда. Пастух запер его в кошаре и ждал, пока за ним не пришли.

— Клянусь душой, лучше бы он его повесил! — отозвался Моубрей.

— Как! Повесить Триммера? Твоего любимца, самого быстрого пса в округе? Да еще нынче утром ты чуть не плакал, что его нет, и готов был убить всех на свете!

— Чем больше я люблю какое-либо живое существо, — ответил Моубрей, — тем больше у меня оснований желать, чтобы оно обрело покой в смерти. Ни мне, ни тем, кого я люблю, не будет уже счастья на белом свете.

— Такими словами ты меня не пугаешь, Джон, — ответила Клара, вся дрожа, хотя и пытаюсь скрыть тревогу, — ты меня к ним давно уже приучил.

— Тем лучше. Значит, известие о нашем разорении не будет для тебя ударом.

— Пусть уж оно наступит, — сказала Клара, — нам

Так часто нищета грозила,
Что весть о ней нас не сразила,

как можем мы повторить вслед за славным Робертом Бернсом.

— К чертям Бернса и всю его чепуху! — вскричал Моубрей с раздражением человека, твердо решившего сердиться на всех и вся, кроме себя самого — истинной причины зла.

— С чего это ты посылаешь к черту беднягу Бернса? — невозмутимым тоном спросила Клара. — Он же не виноват в том, что ты нынче проигрался, — в этом, полагаю, все дело.

— Как тут не потерять терпение! — воскликнул Моубрей. — Ей говоришь о разорении старинного дома, а она отвечает цитатами из виршей мужика в подбитых гвоздями сапогах! Думаю, что твой пахарь, став еще беднее, чем был, всего-навсего обойдется без обеда или без привычной порции эля. Его товарищи воскликнут: «Эх, бедняга!» — и, не задумываясь, станут кормить из своего закрома и поить из своей бочки, пока его закром и его бочка снова не наполнятся. А вот обедневший джентльмен, разорившийся человек с положением, униженный отпрыск высокого рода, утративший могущество вельможа —

вот кто действительно достоин жалости, вот кто утратил не просто обед или кружку пива, а честь, положение, доверие, репутацию, да, наконец, само свое доброе имя!

— Ты все это декламируешь, чтобы нагнать на меня страху, — сказала Клара, — но, друг мой Джон, я знаю тебя и твои штуки и заранее примирилась со всем, что может случиться. Скажу больше: я так долго балансировала на этой вышке — положении в свете, если это выражение можно к нам отнести, что голова у меня закружилась от неустойчивости моей славы и я ощущаю странное желание поскорее ринуться вниз. Говорят, сам дьявол внушает его людям, стоящим на краю башни. Во всяком случае, я хотела бы, чтобы прыжок был уже совершен.

— В таком случае радуйся, если это тебе угодно: прыжок уже совершен, и мы с тобой — благородные нищие, как говорится в Шотландии, существа, которым их двоюродные, троюродные, четвероюродные и пятиюродные родичи дадут, ежели заблагорассудится, местечко на краю своего стола или посадят в карету рядом с горничной, если нас не будет мутить от езды спиной к упряжке.

— Пусть себе и дают это тем, кто захочет принять, — сказала Клара, — но я твердо решила есть только тот хлеб, который заработаю сама. Я умею делать кучу разных вещей — не одна, так другая даст мне те небольшие деньги, в которых я буду нуждаться. Я уже несколько месяцев, Джон, проверяю, какая самая маленькая сумма нужна мне для жизни, и ты бы развеселился, узнав, как она ничтожна.

— Есть разница, Клара, между опытом, который делаешь для развлечения, и настоящей бедностью: первое — маскарад, и его можно в любой момент прекратить; второе — бедствие на всю жизнь.

— По-моему, брат, — возразила Клара, — вместо того чтобы высмеивать мои добрые намерения, тебе следовало бы показать мне на собственном примере, как я должна осуществлять их.

— А что, по-твоему, я должен делать? — спросил он запальчиво. — Стать кучером, берейтором, доез-

жачим? Я получил такое воспитание и так применял его, что только на это и способен. За такую работу кое-кто из бывших знакомых, может быть, и швырнет мне крону на чай по старой дружбе.

— Не так, Джон, думают и говорят о настоящей беде рассудительные люди, — ответила ему сестра. — И потому я не верю, что дело обстоит так серьезно, как ты изображаешь.

— А ты верь в самое худшее, что только можешь придумать, — заявил он, — и то будет еще недостаточно плохо! У тебя уже нет ни единой гиней, ни дома, ни друга. Пройдет еще день-другой — и, весьма возможно, у тебя даже брата не будет.

— Милый Джон, ты слишком много выпил и слишком быстро скакал.

— Да, ради таких новостей стоило спешить, особенно к молодой леди, которая их так спокойно выслушивает, — с горечью ответил Моубрей. — Полагаю, что на тебя произведет так же мало впечатления, если я скажу, что предотвратить нашу гибель в твоей власти.

— Ценой моей гибели, правда? Брат, я сказала, что тебе не нагнать на меня страху, но ты сумел это сделать.

— Как! Ты думаешь, что я снова буду торопить тебя принять предложение лорда Этерингтона? Конечно, это могло бы спасти все. Но благоприятный день прошел.

— И я радуюсь этому всей душой, — сказала Клара. — Пусть исчезнут вместе с ним все причины для раздоров между нами! Но пока ты говорил, я боялась, что все твои речи были долгим кружным путем к этой именно цели, и ты пытался убедить меня в том, что буря разразилась, лишь для того, чтобы я примирилась с необходимостью укрыться в гавани.

— Да ты, сдается мне, и в самом деле рехнулась, — отозвался Моубрей. — Можно ли дойти до такой нелепости, чтобы радоваться отсутствию единственной возможности спасти и себя самое и меня от разорения, нужды и позора?

— От позора, брат? — переспросила Клара. — Думается мне, что честная бедность — не позор.

— Это уж зависит от того, как люди пользовались богатством, Клара. Но пора мне перейти к сути дела. Ходят какие-то странные слухи, и, ей-богу, от них мертвый может в гробу перевернуться. Не решаюсь даже говорить о них ясней, не то, пожалуй, в эту комнату войдет наша покойница мать. Клара Моубрей, догадываешься ли ты, что я имею в виду?

Клара делала отчаянные попытки заговорить, но после неоднократных бесплодных усилий смогла произнести лишь односложное «Нет!».

— Клянусь богом, мне стыдно, мне даже страшно объяснять тебе, в чем дело! Клара, скажи мне, что вынуждает тебя так упорно отвергать любое брачное предложение? Не то ли, что ты считаешь себя недостойной быть женой порядочного человека? Говори! Злые языки чернят твою репутацию, говори же! Дай мне право заставить клеветников проглотить ту ложь, которую извергли их глотки, и когда я завтра окажусь среди них, то буду знать, как мне обойтись с теми, кто набрасывал на тебя тень. Разорение постигло наш дом, но пусть ничей язык не осмелится пятнать его честь. Говори, говори же, несчастная! Почему ты молчишь?

— Оставайся дома, брат, — сказала Клара, — оставайся дома, если ты заботаешься о чести нашей семьи; убийством беды не поправишь. Оставайся дома, и пусть обо мне говорят все, что угодно: вряд ли обо мне можно сказать хуже, чем я заслуживаю!

Страсти всегда бушевали в душе Моубрея с неукротимой силой, но теперь он был распален вином, стремительной ездой и пережитым за игрой потрясением. Он стиснул зубы, сжал кулаки, уставился глазами в пол, как человек, принимающий ужасное решение, и еле слышно пробормотал:

— Ее убить мало!

— О нет, нет, нет! — вскричала перепуганная девушка, бросаясь к его ногам. — Не убивай меня, брат. Я желала смерти, думала о смерти, молила бога о смерти, но так ужасно сознавать, что она близка!

О, только бы не пролилась моя кровь, брат, только бы не ты ее пролил!

Говоря все это, она обнимала его колени, а взгляд ее и голос выражали беспредельный ужас. И не без основания: замок их стоял вдали от какого бы то ни было жилья, брат ее был человек неистовый, безудержно вспыльчивый, да еще доведенный до отчаяния своим разорением; все это, вместе взятое, делало вполне возможным, что их необычный разговор закончится каким-нибудь ужасным преступлением.

Моубрей сложил руки на груди, не разжимая кулаков, не поднимая головы, а сестра продолжала цепляться за его колени, жалобно моля пощадить ее жизнь.

— Безумная! — сказал он наконец. — Пусти меня! Кому нужна твоя никчемная жизнь? Кому важно — жива ты или мертва? Живи, если можешь, и пусть все тебя ненавидят и презирают так же сильно, как я.

Он схватил ее за плечо и одной рукой оттолкнул от себя. Когда же она поднялась с пола и снова попыталась обнять его, он вторично отбросил ее резким толчком или ударом в плечо — то, что он сделал, можно было счесть и тем и другим, — и притом с такой силой, что Клара, будучи очень слабой, снова очутилась бы на полу, если бы за ней не стоял стул, на который она упала. Он свирепо взглянул на нее, на миг сунул руку в карман, потом метнулся к окну, с силой распахнул его и высунулся наружу так далеко, что еще немного, и он бы упал.

Охваченная ужасом, но еще в большей мере удрученная его злобой, Клара продолжала звать:

— О брат, скажи, что на самом деле ты так не думаешь! О, скажи, что ты не хотел меня ударить! Чего бы я ни заслужила, не будь моим палачом. Это не по-человечески, это противно природе — ведь нас на свете только двое!

Он не отвечал. Тут она заметила, что он все еще высовывается из окна — а оно было на втором этаже дома и выходило во двор, — и к ее страху за себя примешалось новое опасение. Робко с заплаканными глазами и поднятыми руками она подошла к разгне-

ванному брату и опасливым, но все еще цепким движением ухватила за полы его сюртука, словно стараясь оградить его от последствий отчаяния, которые он готов был обрушить сперва на нее, а теперь на себя.

Он почувствовал, что сестра схватила его за край одежды, и, сердито обернувшись, сурово спросил, что ей нужно.

— Ничего, — ответила она, выпуская из рук полу сюртука, — но скажи мне, кого это ты высматривал там?

— самого дьявола! — запальчиво воскликнул Моубрей. Затем он откинул голову назад и взял ее за руку. — Клянусь душой, Клара, если рассказы о таких вещах правдивы, то это истинная правда. Он только что стоял рядом со мною и нашептывал мне, чтобы я убил тебя. Иначе откуда бы возникла у меня мысль о моем охотничьем ноже? Да, ей-богу, о нем, и сейчас, в эту минуту, я еще сжимаю его рукоятку. Мне сдается, что я вижу, как дьявол улетает прочь, как он летит над лесом, над скалой, над озером, бросая на воду багрово-красный адский отблеск своих драконьих крыл! Клянусь душой, я не верю, что это игра воображения! Не могу отогнать от себя мысль, что мной владел злой дух, что я находился во власти адского наваждения! Но он исчез, туда ему и дорога; отправляйся вслед за ним и ты, услужливое орудие зла!

Он вынул из кармана правую руку, в которой все это время зажат был его охотничий нож, и при последних словах швырнул его во двор. Затем, с каким-то печальным и торжественным спокойствием закрыв окно, он за руку подвел сестру, едва передвигавшую ноги, к креслу, где она обычно сидела.

— Клара, — сказал он после краткого мрачного молчания, — мы должны хладнокровно и тщательно обдумать, что нам предпринять. Если мы не откажемся от игры, нам еще может выпасть удача. Пятно, которого не видно, как бы не существует; скрытый позор — не настоящий позор. Слышишь ты меня, несчастная? — внезапно и сурово повысил он голос.

— Да, брат, я слушаю тебя, брат, — торопливо ответила она, боясь, что даже малейшая задержка с ответом может снова пробудить в нем неукротимую ярость.

— Так вот что надлежит сделать, — сказал он. — Ты должна выйти замуж за этого Этерингтона — это неотвратимо, Клара. Не тебе жаловаться на то, что сделали неизбежным твоя порочность и безрассудство.

— Но, брат... — дрожа, произнесла девушка.

— Молчи. Я знаю все, что ты скажешь. Ты его не любишь? Я люблю его не больше, чем ты. Более того — он тоже тебя не любит. Если бы у него была любовь к тебе, я, может быть, постеснялся бы отдать ему тебя после твоего признания. Но ты должна выйти за него, Клара, хотя бы из ненависти, или ради своей семьи, или ради чего угодно. Ты должна выйти за него и выйдешь.

— Брат, милый брат, одно только слово!..

— Не для отказа, не для уговоров — время для этого прошло, — ответил Моубрей. — Когда я думал, что ты такова, какой считал тебя еще утром, я мог давать тебе советы, но не властен был принуждать тебя. Но раз тобою запятнана честь нашей семьи, было бы только справедливо скрыть по возможности этот позор. И он будет скрыт любой ценой, даже если бы потребовалось продать тебя в рабство.

— Ты делаешь еще хуже, ты поступаешь со мной еще жесточе. Рабыню на торгу мог бы купить добрый господин, ты же лишаешь меня и этой возможности — ты выдаешь меня за человека, который...

— Не бойся его, не ожидай от него зла, на какое бы зло он ни был способен, — сказал брат. — Я знаю, из каких побуждений он женится. И когда, подчинившись мне в этом, ты вновь обрешь брата, пусть Этерингтон лучше сам собственными зубами сорвет себе все мясо с костей, чем доставит тебе хоть малейшую неприятность. Ей-богу, я злобно ненавижу его — он во всем меня превзошел, и нахожу даже некоторое утешение в том, что он не обретет в тебе го

совершенство, каким я тебя считал! Даже падшая, ты для него еще слишком хороша.

Несколько осмелев от его более мягкого и даже почти ласкового тона, Клара не удержалась и сказала, хотя едва слышно:

— Я надеюсь, что этого не будет, надеюсь, что он ценит свое положение, честь и благополучие слишком высоко, чтобы разделить их со мною.

— Пусть он выразит такие сомнения вслух, если только посмеет, — сказал Моубрей. — Но он не осмелится колебаться: он знает, что отказаться от женитьбы на тебе — означает для него подписать в тот же миг смертный приговор самому себе, или мне, или нам обоим. Да и расчеты его из тех, от которых не отказываются из-за одной чрезмерной шепетильности. Поэтому, Клара, не лелей в сердце мысль, что для тебя есть возможность избежать этого брака. Он уже записан в книге судеб. Поклянись, что ты не поколеблешься.

— Нет, не поколеблюсь, — вымолвила она прерывающимся голосом — так страшно ей стало, что его снова может охватить приступ прежней неукротимой ярости.

— Никаких возражений — даже шепотом, даже на-мском! Подчинись своей участи, ибо она неизбежна.

— Я подчиняюсь, — все тем же дрожащим голосом ответила Клара.

— А я, — объявил он, — избавлю тебя, по крайней мере сейчас, а может быть, и навсегда, от расспросов о том, в чем ты призналась. Слухи о твоём неблаговидном поведении доходили до меня и тогда, когда я был в Англии. Но кто из тех, кто ежедневно наблюдал тебя и на чьих глазах протекала в последние годы твоя жизнь, мог бы им поверить? Обо всем этом я буду сейчас молчать и, может быть, вообще никогда не заговорю, если, конечно, ты не вздумаешь перечить моей воле или уклоняться от участи, которую обстоятельства сделали неизбежной. А теперь — время уже позднее. Иди, Клара, спать и обо всем, что я тебе сказал, думай как о чем-то вы-

нужденном необходимостью, а не моим личным желанием.

Он протянул руку, и она не без некоторого колебания и страха вложила в нее свою дрожащую ладонь. Так, с сумрачной торжественностью, словно на похоронах, он провел сестру через всю галерею, увешанную семейными портретами, в конце которой находилась комната Клары. Луна, проглянувшая в этот миг сквозь плотную пелену туч, предвещающих непогоду, озарила двух последних отпрысков древнего рода, которые рука об руку неслышно скользили, скорее как тени усопших, чем как два живых человека, через холл, мимо портретов, на которых изображены были их предки. Одни и те же мысли владели ими обоими, но, бросая беглый взгляд на поблекшие от времени изображения, ни он, ни она не решились произнести вслух: «Эти люди и предвидеть не могли, какое несчастье постигнет их дом!» У дверей спальни Моубрей выпустил руку сестры и сказал:

— Клара, сегодня перед сном тебе следовало бы поблагодарить бога за то, что он спас тебя от страшной опасности, а меня — от смертного греха.

— Я сделаю это, — ответила она, — непременно сделаю.

Торопливо, словно упоминание о происшедшем вновь вызвало в ней прежний страх, Клара пожелала брату доброй ночи, и едва сестра очутилась за дверью, как он услышал, что она повернула ключ в замке и вдобавок задвинула оба засова.

— Понимаю тебя, Клара, — пробормотал Моубрей сквозь зубы, услышав скрежет первого, а затем и второго засова. — Но даже если бы тебе удалось укрыться под громадой самого Бен-Невиса, тебе не избежать предназначенной судьбы. Да! — говорил он про себя, медленно и угрюмо шагая по освещенной луной галерее и не зная, что ему делать — вернуться в гостиную сестры или удалиться в свою одинокую спальню, как вдруг внимание его привлек какой-то шум во дворе.

По правде сказать, было еще не так поздно, но в Шоуз-касле гости бывали настолько редко, что если бы

Моубрей не услышал стука колес во дворе, он подумал бы скорее о грабителях, чем о посетителях. Но так как — он это ясно расслышал — во двор въехал экипаж, ему сразу пришло в голову, что это, наверно, лорд Этерингтон решил, несмотря на довольно позднее время, переговорить с ним о всяких слухах насчет его сестры и, может быть, заявить, что с его притязаниями на ее руку теперь покончено. Торопясь узнать даже самое худшее и так или иначе решить вопрос, Моубрей возвратился в гостиную, откуда только что вышел и где еще горел свет, и, громко позвав Патрика, который, как он слышал, о чем-то говорил с возницей, велел ему пригласить посетителя в гостиную мисс Моубрей. Но из длинного коридора и тех двух-трех ступенек, которыми он заканчивался, до Моубрея донеслись не легкие шаги молодого дворянина, а чья-то тяжкая поступь, вернее даже топот. И когда дверь открылась, перед ним предстала не изящная фигура лорда Этерингтона, а плотная, четырехугольная масса, которую являл собою мистер Перегрин Тачвуд.

Глава XXXVI

РОДИЧ

Он родственные заявил права
И родичем был признан.

«Покинутая деревня»

Удивленный описанным в конце предыдущей главы неожиданным и нежеланным появлением этого гостя, Моубрей в то же время ощутил некоторое облегчение оттого, что его решительное объяснение с лордом Этерингтоном на время откладывается. Поэтому он раздраженно, но с внутренним удовлетворением спросил, по какой причине мистер Тачвуд удостоил его своим посещением в столь поздний час.

— По необходимости, которая и дряхлую старуху заставит бегать, а не по доброй воле, могу вас заве-

рить, — ответил Тачвуд. — Бог мой, мистер Моубрей, я предпочел бы лезть на Сен-Готардский перевал, чем с опасностью для жизни трястись в этой проклятой старой повозке по вашим дорогам, на которых вот-вот сломаешь себе шею. Знаете, кажется, придется потревожить вашего дворецкого, чтобы он принес мне чего-нибудь промочить горло. Меня одолевает такая жажда, словно я подрядился сдельно грузить уголь. Наверно, у вас имеется портер или доброе старое шотландское пиво.

Проклиная в душе нахального посетителя, Моубрей велел слуге принести вина и воды. Тачвуд смешал их в стакане, который и осушил до дна.

— Домочадцев у нас мало, — сказал хозяин, — я сам редко бываю дома и еще реже принимаю гостей, когда мне случается не выходить. Сожалею, что не могу предложить вам пива, если вы его предпочитаете.

— А как же! — молвил Тачвуд, наливая себе, однако, второй стакан хереса с водой и добавляя туда большой кусок сахара, чтобы, заметил он, предотвратить хрипоту, которую может вызвать эта ночная поездка. — Разумеется, предпочитаю, да и все предпочитают, кроме французов и всяких там денди. Извините меня, мистер Моубрей, но вам бы следовало заказать у Мио бочонок темного портера, который готовят на вывоз в колонии: он сохраняется сколько угодно времени и в любом климате. Я пил его в таких местах, где он обходился в гинеею кварта, считая наценку.

— Когда я буду ожидать, что вы удостоите меня своим посещением, мистер Тачвуд, я постараюсь, чтобы у нас было все, что вам по вкусу, — ответил Моубрей. — Но сейчас вы прибыли без предупреждения, и я был бы рад узнать, с какой целью, ежели таковая имеется.

— Вот это я называю перейти к делу, — сказал мистер Тачвуд, протягивая свои толстые ноги в старомодной защитной оболочке, именуемой гамашами, так, чтобы упереться подошвами в каминную решетку. — Клянусь жизнью, в такое время года огонь —

лучшее украшение дома. Беру на себя смелость подкинуть поленце. Не странное ли дело, между прочим, что в Шотландии нигде не увидишь связки хвороста? А ведь у вас тут столько мелкоколосья, мистер Моубрей! Удивляюсь, как это вы не найдете какого-нибудь парня из центральных графств, чтоб он научил ваших людей вязать хворост.

— Неужто вы приехали в Шоуз-касл, — несколько раздраженно спросил Моубрей, — лишь для того, чтобы посвятить меня в тайны вязания хвороста?

— Не совсем, не совсем, — отвечал невозмутимый Тачвуд. — Но в любом деле есть правильный и неправильный путь, а сказанное мимоходом полезное слово всегда бывает к месту. Что же до моей непосредственной и главной цели, то — могу вас уверить — это дело довольно срочное, раз оно привело меня в дом, где мое появление меня самого крайне удивляет.

— Вполне разделяю ваше удивление, — серьезным тоном произнес Моубрей, заметив, что гость сделал паузу, — и вам давно уже пора рассеять его.

— Отлично, — сказал Тачвуд. — Прежде всего я должен спросить вас, слышали ли вы когда-нибудь о некоем старом джентльмене по имени Скроджи, которому пришлось в то, что он, бедняга, называл своей головой, стыдиться этого имени, хотя его носили многие почтенные и уважаемые люди? Поэтому он соединил его с вашим именем — Моубрей, якобы звучащим более рыцарственно, более на нормандский лад.

— Я слышал о таком, хотя лишь совсем недавно, — ответил Моубрей. — Звался он Реджиналд Скроджи Моубрей. У меня есть основания считать несомненным его родство с нашей семьей, хоть вы и говорите об этом с насмешкой, сэр. Насколько мне известно, мистер С. Моубрей распорядился в отношении своих семейных дел таким образом, что его наследник должен был бы еще ближе — путем брачного союза — породниться с нашей семьей.

— Верно, верно, мистер Моубрей, — ответил Тачвуд. — И, ясное дело, не вам рубить корни того гене-

алогического древа, которое должно принести вам золотые яблоки — ха!

— Отлично, сэр, продолжайте, я вас слушаю, — сказал Моубрей.

— Может быть, до вас также дошло, что этот старый джентльмен имел сына, который охотно срубил бы сие генеалогическое древо на дрова, полагая, что Скроджи звучит не хуже, чем Моубрей, и несколько не стремился к воображаемому дворянству, которое можно было обрести, лишь изменив свое настоящее имя и в некотором смысле отрехшись от своих настоящих родичей?

— Кажется, я слышал от лорда Этерингтона, — ответил Моубрей, — ибо все свои сведения о семье Скроджи я имею от него, что старому мистеру Скроджи не повезло с сыном, который во всем ему перечил, не желая воспользоваться ни одной из представлявшихся счастливых возможностей укрепить и приумножить процветание их дома, усвоил себе низменные вкусы, привычку к бродяжничеству и преследовал самые странные цели, за что отец и лишил его наследства.

— Совершенно верно, мистер Моубрей, — продолжал Тачвуд, — человек этот испытал на себе гнев своего отца за то, что презирал внешний блеск и мишуру, больше стремился делать деньги в качестве честного торговца, чем бросать их на ветер, как бездельник дворянин, никогда не подзывал наемный экипаж, если можно было идти пешком, и биржу предпочитал Сент-Джеймскому парку. Короче говоря, отец лишил его наследства именно за то, что у него были все качества, нужные для того, чтобы удвоить свое имущество, а не промотать его.

— Все это, может быть, вполне соответствует действительности, мистер Тачвуд, — сказал Моубрей, — но, извините, какое отношение имеет мистер Скроджи-младший к вам или ко мне?

— К вам или ко мне? — вскричал Тачвуд, словно удивленный этим вопросом. — Ко мне-то уж он, во всяком случае, имеет большое отношение: ведь я сам и есть этот человек.

— Черт побери! — произнес Моубрей, от изумления широко раскрывая глаза. — Но как же, мистер э... э... ваше имя Тачвуд, П. Тачвуд — Пол, я полагаю, или Питер, судя по тому, что я прочел в книге посетителей на водах.

— Перегрин, сэр, Перегрин — такое имя дала мне при крещении мать, ибо как раз в то время, когда она рожала меня, вышел в свет «Пегррин Пикл». А мой бедный полоумный отец согласился, так как считал, что это имя благородное и родовое в семье Уиллоуби. Мне-то оно не нравится, и я всегда пишу только первую букву «П», а перед фамилией вы, может быть, заметили еще и «С», так что теперь я обозначаюсь как П. С. Тачвуд. В Сити у меня был старый приятель, большой шутник, так он всегда называл меня Постскриптус Тачвуд.

— В таком случае, — сказал Моубрей, — если вы в действительности мистер Скроджи tout court,¹ следует предполагать, что имя Тачвуд — вымышленное?

— Как, черт возьми! — возразил мистер П. С. Тачвуд. — Вы, что же, думаете, что во всей Англии нет имени, кроме вашего, мистер Моубрей, которое могло бы на законном основании соединиться с моей фамилией Скроджи? Знайте же, что я получил имя Тачвуд, а с ним и порядочный куш денег, от некоего старца, моего крестного, которому очень понравилось, что у меня хватило ума заняться коммерцией.

— Что ж, сэр, у всякого свой вкус. Многие сочли бы за лучшее пользоваться наследственным имуществом, сохраняя отцовское имя Моубрей, вместо того чтобы нажить новое состояние, получив чужую фамилию Тачвуд.

— А кто вам сказал, что мистер Тачвуд был мне чужой? — сказал путешественник. — По-моему, он имел больше прав на сыновнее почтение с моей стороны, чем бедный старик, который на старости лет стал валять дурака, пытаясь стать джентльменом. Он был партнером моего деда в крупной фирме Тачвуд, Скроджи и К^о. Разрешите заметить вам, что торго-

¹ Коротко, просто (*франц.*).

вый дом может явиться таким же переходящим из поколения в поколение наследием, как и поместье: партнеры человека — его отцы и братья, а старшего клерка можно уподобить чему-то вроде двоюродного брата.

— Я отнюдь не имел намерения обидеть вас, мистер Тачвуд Скроджи.

— Простите — Скроджи Тачвуд, — поправил старик. — Сперва идет ветка Скроджи — ведь она должна сгнить, прежде чем превратиться в трут Тачвуд¹ — ха, ха, ха! — вы меня поняли?

«Вот уж старый чудак! — подумал Моубрей. — И говорит-то он со всем достоинством, какое человеку придают доллары. Но я буду с ним любезен, пока не выяснится, куда он гнет».

— Вы шутник, мистер Тачвуд, — продолжал он вслух. — Я только хотел сказать, что, хотя вы и не придаете значения своему родству с нашей семьей, я все же не могу забыть, что такое обстоятельство существует, и потому сердечно рад приветствовать вас в Шоуз-касле.

— Благодарю, благодарю вас, мистер Моубрей. Я был уверен, что вы правильно ко всему отнесетесь. По правде сказать, я не приехал бы навязываться вам в качестве знакомого, или родича, или тому подобного, если бы не подумал, что теперь, когда вы в беде, с вами будет легче поладить, чем с вашим отцом в дни благоденствия.

— Вы знали моего отца, сэр? — сказал Моубрей.

— Да, да, я однажды уже приезжал сюда и представлялся ему. Видел вас и вашу сестру, когда вы были еще детьми, думал тогда упомянуть вас обоих в своем завещании, прежде чем отправляться в плавание вокруг мыса Доброй Надежды. Но, бог мой, хотел бы я, чтобы мой бедняга отец видел, какой мне оказали прием! Правда, я постарался, чтобы старый джентльмен, тогдашний Моубрей Сент-Ронан, не пронюхал про денежные мешки — может быть, он стал бы

¹ Непереводимая игра слов: scrog означает особый вид низкорослого дерева, а touchwood — трут.

от этого любезнее. Дня два-три все шло более или менее сносно, пока мне не намекнули, что занятая мною комната понадобится хозяевам, которые ожидают прибытия герцога Черт-Знает-Там-Какого, и что моя кровать предназначена его камердинеру. «Пропавши пропадом все благородные родственники!» — сказал я себе, тотчас же отправился во второе кругосветное путешествие и забыл и думать о Моубреях; они вспомнились мне только с год назад.

— Что же напомнило вам о нас?

— А вот что, — сказал Тачвуд. — Я на некоторое время обосновался в Смирне (я ведь зарабатываю деньги, где мне вздумается: я и здесь уже обделал одно небольшое дельце), и вот, находясь в Смирне, как я уже говорил, мне довелось завести знакомство с Фрэнсисом Тиррелом.

— Незаконным братом лорда Этерингтона? — спросил Моубрей.

— Да, все его считают таковым, но, между прочим, он, по-видимому, и есть настоящий лорд Этерингтон, а тот красавчик — как раз побочный сын.

— Черт побери! Вы меня удивляете, мистер Тачвуд.

— Не сомневаюсь, что удивил, не сомневаюсь. Честное слово, я и сам иногда удивляюсь, какой оборот принимают вещи в этом мире. Тем не менее сомнений тут быть не может — доказательства лежат в несгораемом ящике нашего торгового дома в Лондоне. Они были сданы туда на хранение старым графом: он еще задолго до смерти раскаялся в подлости, учиненной им с мисс Мартиньи, но у него все не хватало мужества восстановить в правах законного сына, а там уж могильщик отправил его в последнее убежище.

— Милостивый боже, сэра! — вскричал Моубрей. — Неужто вы все время знали, что я вот-вот отдам свою единственную сестру в жены обманщику?

— А какое мне было до всего этого дело, мистер Моубрей? — ответил Тачвуд. — Вы бы весьма разгневались, заподозри кто-нибудь, что вы недостаточно

проницательны, чтобы как следует позаботиться о самом себе и о своей сестре. К тому же лорд Этерингтон, как он там ни плох в других отношениях, до самого последнего времени отнюдь не был обманщиком, а если и был, то невольным, ибо он только занимал положение, предоставленное ему отцом. И должен сказать, что когда, возвратившись в Англию, я узнал, что он отправился сюда с целью, как мне казалось, свататься к вашей сестре, я, по правде говоря, счел, что разумнее он и поступить не может. Сами посудите: разве бедный парень, которому предстоит распрощаться с титулом и богатством, не вправе взять от своего положения лучшее, что оно еще может ему дать? И если, последние дни нося свой титул, он женится на красотке и тем самым станет обладателем неттлвудского поместья — что тут худого? Это очень хороший способ смягчить удар от падения.

— Для него, конечно, очень хороший и очень удобный, но позвольте вас спросить, сэр, а как будет с честью моей семьи?

— Ну, а мне-то какое дело до чести вашей семьи? — сказал Тачвуд. — Или я должен был заботиться о ней, потому что из-за нее лишился наследства? И будь этот Этерингтон или Балмер порядочным человеком, я не стал бы вмешиваться в это дело, даже если бы все на свете Моубрей, когда-либо щеголявшие в тонких сукнах, погибли под развалинами Иерихона.

— Очень вам обязан! — с возмущением вскричал Моубрей.

— Больше, чем предполагаете, — ответил Тачвуд. — Правда, я считал, что этот Балмер, даже объявленный незаконным сыном, мог быть вполне подходящей партией для вашей сестры, принимая во внимание, какое поместье оба они получали в приданое. Но теперь, когда я обнаружил, что он негодяй, во всех отношениях негодяй, я не хочу, чтобы приличная девушка выходила за него замуж, даже если он получит вместо Неттлвуда все Йоркширское графство. Вот я и явился раскрыть вам глаза.

От необычного известия, столь внезапно сообщенного Тачвудом, голова у Моубрея пошла кругом, как у человека, обнаружившего, что он стоит на краю пропасти. Тачвуд заметил это смятение и со свойственной ему скромностью решил, что это гений его произвел столь сильное впечатление на Моубрея.

— Выпейте-ка стакан вина, мистер Моубрей, — сказал он с благодушным самодовольством, — стакан старого хереса, ничто так не проясняет ум; и не опасайтесь меня, хоть я и явился к вам столь внезапно и со столь ошеломительными известиями: вы найдете во мне обыкновенного, простого, среднего человека, у которого, как и у всех, есть свои недостатки, который тоже делает ошибки. Признаюсь, что жизненный опыт, почерпнутый в путешествиях, частенько побуждает меня к навязчивости, но лишь потому, что я всякое дело сделаю лучше любого другого и мне нравится, когда на меня дивятся. Такая уж моя повадка. Но, в общем, я *un bon diable*,¹ как говорят французы. Вот и сейчас я сделал чetyреста — пятьсот миль и явился в эти места, чтобы тихо и спокойно привести в порядок все ваши делишки как раз тогда, когда вы считаете, что все находится в отчаяннейшем положении.

— Благодарю вас за добрые намерения, — сказал Моубрей, — но не могу не заметить, что они оказались бы гораздо более действенными, если бы вы меньше хитрили со мной и откровенно сообщили все, что вам известно о лорде Этерингтоне. Теперь же все зашло слишком далеко. Я обещал ему мою сестру в жены, я принял на себя ряд личных обязательств в отношении его, да есть и другие причины, которые, боюсь, заставят меня сдержать данное этому человеку слово — граф он или не граф.

— Как! — вскричал Тачвуд. — Вы отдадите свою сестру низкому негодяю, способному ограбить почтовую контору и убить родного брата лишь потому, что проиграли ему пустяковую сумму денег? Вы допустите, чтобы он торжествовал, потому что он не

¹ Славный малый (франц.).

только обманщик, но к тому же ловкий игрок? Ну и хороши же вы, мистер Моубрей Сент-Ронан. Вы просто-напросто один из блаженных барашков, которых отправляют на пастбище обростать шерстью и которые возвращаются домой начисто остриженными. Черт возьми, вы воображали себя мельничным жерновом, а оказываетесь мешком зерна; вы пустились в полет, как сокол, а возвращаетесь голубем; вы скалили зубы на филистимлян, а они их вырвали у вас до последнего!

— Все это очень остроумно, мистер Тачвуд, — возразил Моубрей, — но никакими острыми словами не выплатить этому Этерингтону, или как бы он там ни звался, тех многих сотен, которые я ему проиграл.

— Ну, значит, богатство должно сделать то, чего не может остроумие, — сказал старик Тачвуд. — Я должен за вас заплатить, вот и все. Послушайте-ка, сэр, я недаром хожу пешком по земле: если я трудился, то и собрал жатву и теперь скажу, как одно лицо в старинной пьесе:

Мне хватит: я могу свой нрав потешить.

Между старым П. С. Тачвудом и его причудой никакие сотни, даже тысячи преграды не поставят. А моя причуда состоит сейчас в том, чтобы сделать из вас, мистер Моубрей Сент-Ронан, свободного человека, свободного, как дикарь в лесу. Почему это вы напустили на себя такой суровый вид, молодой человек? Я полагаю, что вы все же не осел, способный вообразить, будто его достоинство унижено тем, что плебей Скроджи приходит на помощь столь устрашающе благородной древней фамилии Моубреев.

— Разумеется, я не такой дурак, — ответил Моубрей, по-прежнему не поднимая глаз, — чтобы отвергнуть помощь, являющуюся для меня тем, что для утопающего — брошенная ему веревка, но тут есть одно обстоятельство... — он оборвал свою речь и залпом осушил стакан вина, — обстоятельство, упоминать о котором мне крайне тягостно... Но вы, кажется, явились ко мне как друг, и лучше всего я могу доказать свое доверие вам как другу, если скажу, что

речи, которые леди Пенелопа Пенфезер вела о моей сестре, свидетельствуют о том, что Кларе пришлось время упорядочить свое положение. И добавлю, что весьма опасаясь, как бы разрыв отношений моей сестры с этим человеком не повредил сильнейшим образом ее доброй славе. Они получают Неттлвуд, а жить смогут раздельно: он предложил, что примет соответствующие меры в самый день свадьбы. Положение замужней женщины поставит ее выше всяких сплетен и спасет от нужды, от которой — должен с горестью признать это — я в скором времени уже не буду в состоянии ее избавить.

— Позор! Позор! Позор! — вскричал Тачвуд и заговорил еще резче и быстрее, чем обычно. — Неужто вы можете отдать свою плоть и кровь человеку вроде этого Балмера даже теперь, когда вы знаете, что он за птица, только потому, что озлобленная старая дева распространяет сплетни о вашей сестре? Не больно вы уважаете высокочтимое имя Моубреев! Знай мой бедный, старый простоватый родитель, на что готовы пойти носители этих двух звучных слогов лишь ради того, чтобы обеспечить себе кусок хлеба, он поставил бы благородных Моубреев не выше смиренных Скроджи. Полагаю, что и молодая особа такая же... так же торопится выйти замуж за кого попало?

— Простите, мистер Тачвуд, — ответил Моубрей, — истинные чувства моей сестры совершенно противоположны тому, что вы ей приписываете, и настолько, что мы с ней сейчас расстались почти в ссоре из-за того, что я поддерживаю домогательства этого господина. Бог свидетель однако, что я так поступил лишь потому, что не видел иного выхода из крайне неприятного положения. Но поскольку вы расположены, сэр, вмешаться в это дело и помочь мне выпутаться из крайне сложных обстоятельств, которые, готов признать, еще усложнились из-за моей опрометчивости, я готов все передать в ваши руки, как если бы вы были моим отцом, вставшим из могилы. Все же не могу не выразить удивления, что вы так хорошо осведомлены обо всех этих делах.

— Разумные речи, молодой человек! — одобрил путешественник. — Что же касается моей осведомленности, то я уже довольно давно знаю о кознях этого господина Балмера так подробно, словно находился подле него, когда он выкидывал свои подлые штуки с вашей семьей. Сейчас вы, наверно, и не подозреваете, — продолжал он конфиденциальным тоном, — что событие, которого вы еще так недавно желали, в известном смысле состоялось уже раньше и что брачный обряд между вашей сестрой и человеком, именующимся лордом Этерингтоном, уже имел место?

— Берегитесь, сэр! — запальчиво вскричал Моубрей. — Не злоупотребляйте моим благодушием — это не предмет для дерзких шуток, место и время для них тоже неподходящие.

— Я говорю вполне серьезно, и это такая же правда, как то, что я питаюсь хлебом насущным, — возразил Тачвуд. — Обряд совершил мистер Каргил, и имеются два живых свидетеля, которые слышали, как были произнесены слова: «Я, Клара, беру тебя, Фрэнсиса», или же другие соответствующие слова, принятые шотландской церковью вместо этой священной формулы.

— Это невозможно, — объявил Моубрей. — Каргил не осмелился бы сделать такую вещь: совершить тайно то, о чем вы говорите, значило бы для него лишиться прихода. Ставлю свою душу против лошадиной подковы, что это выдумка. А вы являетесь, сэр, ко мне, когда семью нашу постигло бедствие, с рассказами, в которых не больше истины, чем в алкоране.

— В алкоране (или, точнее, в коране, ибо «ал» — грамматический член) имеются кое-какие бесспорные истины; но дело сейчас не в этом. Мне придется изумить вас еще больше. То, что ваша сестра вступила в брак с этим самым Балмером, присвоившим титул лорда Этерингтона, — истинная правда. Но правда и то, что брак этот не стоит и мараведиса, ибо она в тот миг думала, что сочетается с другим лицом, одним словом — с Фрэнсисом Тиррелом, который

и является тем, за кого выдает себя Балмер, — дворянином с высоким положением и богатством.

— Я не могу уразуметь во всем этом ни единого слова, — сказал Моубрей. — Сейчас же пойду к сестре и спрошу у нее, есть ли хоть капля правды в этой необыкновенной истории.

— Не уходите, — сказал Тачвуд, удерживая его. — Я объясню вам решительно все. А чтобы несколько успокоить вас, скажу сразу, что Каргил согласился совершить брачный обряд лишь потому, что вашу сестру оклеветали, уверив его, что брак — единственная возможность спасти ее репутацию. И я лично уверен, что в основе сплетен, распускаемых леди Пенелопой, лежат только отголоски этих клеветнических слухов.

— Если бы я мог так думать, — сказал Моубрей, — если бы я мог думать, что это правда — а ведь тут не трудно было бы усмотреть причину странного поведения моей сестры, — если бы иметь право считать, что это верно, я пал бы ниц перед вами, как перед ангелом божьим!

— Хорошенький, нечего сказать, ангел! — сказал Тачвуд, кинув отнюдь не восторженный взор на свои короткие, толстые конечности. — Слыхали вы когда-нибудь, чтобы ангелы носили гамаши? Или, может быть, по-вашему, ангелов посылают с небес спасать разорившихся лошадников?

— Называйте меня как хотите, мистер Тачвуд, — сказал молодой человек, — только пусть ваш рассказ будет правдой, а моя сестра — невинной.

— Хорошо сказано, сэр, — ответил старик, — хорошо сказано. Так, значит, вы готовы руководиться моей осмотрительностью и жизненным опытом. Смотрите же, никаких опрометчивых действий, никаких дуэлей, никаких драк. Предоставьте мне действовать за вас, и ваша лодка войдет в гавань под всеми парусами.

— Сэр, я должен чувствовать и поступать как джентльмен... — начал Моубрей.

— Как дурак, — прервал его Тачвуд, — вот самое подходящее слово. Ничто так не устроило бы этого

Балмера, как завершить все свои гнусности стрельбой: он отлично знает, что человек, умеющий расщепить пулю об острие перочинного ножика, всегда может сохранить нечто вроде доброй славы, несмотря на любые свои подлости. Но я уж постараюсь закрыть для него этот выход. Садитесь, будьте благо-разумны и выслушайте эту странную историю во всех подробностях.

Моубрей послушно сел, и Тачвуд на свой манер и с большим количеством характерных для него вводных замечаний поведал ему о юной любви Клары и Тиррела, о причинах, побудивших Балмера сперва содействовать их переписке в надежде, что своей тайной женитьбой брат окончательно погубит себя в глазах отца, о перемене в его намерениях, когда он увидел, какое значение придает старый граф женитьбе своего предполагаемого наследника на мисс Моубрей, об отчаянной выходке, которую он учинил, заняв место брата, и обо всех последствиях ее, которых здесь незачем напоминать, поскольку сам виновник весьма подробно изложил их в переписке с капитаном Джекилом.

Когда рассказ был окончен, Моубрей, совершенно ошеломленный необычайными вещами, которые он услышал, некоторое время оставался в задумчивости, а затем спросил, какие существуют доказательства, что эта странная история правдива.

— Показания, — ответил Тачвуд, — человека, принимавшего деятельнейшее участие во всех этих интригах с самого начала и до конца. На мой взгляд, он такой же прожженный негодяй, как сам дьявол, с тою лишь разницей, что это смертное исчадие ада творит зло, я полагаю, не ради самого по себе зла, а ради сопряженной с ним выгоды. Не могу сказать, послужит ли ему это защитой перед судом совести, но в его характере все же была человечность, и потому мой старый знакомец всегда готов был творить и добро и зло, лишь бы выгода была та же.

— Клянусь душой, — сказал Моубрей, — вы, кажется, имеете в виду Солмза! Я всегда подозревал, что он отъявленный мерзавец, а теперь, выходит, он

к тому же и предатель. Но как вам удалось свести с ним знакомство, мистер Тачвуд?

— Тут был особый случай, — сказал Тачвуд. — Мистер Солмз — необычайно деятельная личность, и его не вполне удовлетворяет ведение только тех дел, которые поручает ему хозяин. Вот он и решил обстричь одно дельце для себя самого: считая, по видимому, что покойный граф Этерингтон позабыл достаточно вознаградить его за верную службу в качестве камердинера своего сына, он решил исправить эту забывчивость стофунтовым вексельком на нашу фирму с подписью, весьма похожей на подпись покойного. Эта ошибочка его была обнаружена, и мистер Солмз, *porteur*¹ данного векселька, был бы отдан под охрану полицейского офицера с Боу-стрит, если бы я не изыскал способа освободить его под условием, что он сообщит мне во всех подробностях тайную историю, которую я только что пересказал вам. Насколько я мог узнать Тиррела в Смирне, он вызвал во мне большое сочувствие, которого, как вы легко поймете, никак не умалили страдания, пережитые им из-за изменнического поведения брата. Пользуясь услугами этого Солмза, я расстраивал все искусные замыслы его хозяина. Так, например, едва узнав, что Балмер намеревается сюда приехать, я устроил так, что Тиррел получил анонимное предупреждение: я понимал, что оно заставит его с дьявольской поспешностью сорваться с места, чтобы помешать планам Балмера. Я хотел, чтобы все действующие лица собрались вместе у меня на глазах и я мог бы сводить и разводить их, как мне взбредет на ум.

— В данном случае, — сказал мистер Моубрей, — вы явились виновником поединка между братьями, в котором оба они могли погибнуть.

— Не могу отрицать, не могу, — ответил несколько смутившийся Скроджи, — но это уж случайность, все предусмотреть невозможно. Черт побери, меня опять едва не провели, так как Балмер послал того

¹ Предъявитель (франц.).

парня, Джекила (он не такая уж черная овца, есть и у него белые волоски), договориться с Тиррелом на условиях, моему агенту неизвестных. Но бог милостив, я все раскрыл, а уж каким способом — вы вряд ли догадаетесь.

— Весьма вероятно, что не догадаюсь, — ответил Моубрей. — Источники, из которых вы черпаете сведения, обнаружить так же нелегко, как нелегко уразуметь ваш довольно-таки непростой способ действий.

— Ну и что ж, — возразил Тачвуд. — Простак от своей простоты погибает, а я действую осмотрительно и внимательно оглядываюсь по сторонам. А что до источников сведений, то я даже подслушивал, сэр, да, подслушивал: я знал, как пользоваться стенным шкафом с двойной дверью, который завела себе моя хозяйка, и не раз заходил туда — не реже, чем она сама. Такой изящный джентльмен, как вы, наверно предпочел бы перерезать человеку горло, я полагаю, чем подслушивать из стенного шкафа, даже если бы речь шла о предупреждении убийства?

— Разумеется, сэр, мне бы это и в голову не пришло, — сказал Моубрей.

— Ну, а мне пришлось, — ответил Скроджи, — и я узнал достаточно, чтобы намекнуть Джекилу о вещах, которые, кажется, вызвали у него отвращение к порученному ему делу, так что дичь теперь у меня в руках. Балмер может довериться только Солмзу, а Солмз пересказывает мне все.

Тут Моубрей не мог не выказать известного раздражения.

— Поскольку, сэр, вы так любезно занялись делами, весьма близко затрагивающими нашу семью, я предпочел бы, чтобы вам благоугодно было с самого начала быть со мною откровеннее. Ведь я в течение нескольких недель состоял в дружбе с проклятым негодяем, которому должен был бы перерезать глотку за его гнусное поведение с моей сестрой. Ведь я терзал ее и себя и каждый вечер позволял обирать себя мошеннику, с которого вы, будь на это ваша добрая воля, могли сорвать маску, сказав одно только слово. Я полностью отдаю должное вашим благим намере-

ниям, сэр, но, клянусь душой, не могу не пожалеть о том, что ваше поведение не было более откровенно и окружено меньшей таинственностью. И я очень опасаясь, что ваш вкус к ловкой игре одержал верх над осмотрительностью и что из-за этого все спуталось в такой клубок, который вам самому будет очень трудно размотать.

Тачвуд только улыбнулся и покачал головой с горделивым сознанием своего превосходства.

— Молодой человек, — сказал он, — когда вы хоть немного пошатаетесь по белу свету, особенно же за пределами этого тесного островка, вы убедитесь, что для доведения таких дел до благополучного конца требуется больше умения и ловкости, чем представляют себе недогадливый Джон Буль или неотесанный шотландец. Тогда вы узнаете, как творится на этом свете политика, в которой всё — мины и контрмины: то делаешь ложный выпад, то наносишь настоящий удар. Я смотрю на вас, мистер Моубрей, как на молодого человека, избалованного долгим сидением дома и общением с дурной компанией. И если вы согласитесь следовать моим советам, я берусь направить на путь истинный ваше разумение и одновременно восстановить ваше состояние. Не возражайте мне, сэр! Я по собственному опыту отлично знаю, как в подобных случаях отвечают молодые люди: они самонадеянны, сэр, так самонадеянны, словно исколесили весь белый свет. Я терпеть не могу возражений, терпеть не могу. И скажу вам по правде — из-за того, что Тиррелу взбрело на ум все время возражать мне, я предпочел открыться вам, а не ему. Я хотел, чтобы он бросился в мои объятия и доверился моему руководству. Но он заколебался, а я презираю колебания. Если он воображает, что у него хватит ума самому вести свои дела, пусть попробует, пусть попробует, я отнюдь не отказываюсь в подобающее время и в должном месте сделать для него все, что от меня зависит, но пускай он немного дольше побудет в смущении и растерянности. Теперь, мистер Моубрей, вы видите, что я за старый чудак, и можете сразу ответить мне — согласны ли вы сле-

довать моим планам. Но говорите сразу, сэр: я не навижу, когда люди колеблются.

Пока Тачвуд произносил свою речь, Моубрей молча принимал решение. Он был отнюдь не так неопытен, как полагал его собеседник. Во всяком случае, он отлично понимал, что имеет дело с упрямым, капризным стариком, желающим при самых благих намерениях, чтобы все шло так, как ему вздумается, и, как многие политики невысокого полета, действующим с помощью интриг и всяческой таинственности в делах, которые гораздо успешнее можно было бы вести смело и в открытую. Но в то же время ему было ясно, что Тачвуд, в некотором роде его родственник, человек богатый, бездетный и расположенный стать ему другом, был тем, кого стоило приручить: ведь путешественник сам откровенно признался, что его благоволение к Фрэнсису Тиррелу рассеялось или по крайней мере несколько поостыло именно из-за того, что тот не проявил к нему достаточного уважения. Моубрей принял в соображение и то, что сам он отнюдь не находился в таких обстоятельствах, которые позволили бы ему пренебречь первой озабившей его улыбкой фортуны. Вот почему, подавив в себе высокомерие единственного сына и наследника благородной фамилии, он почтительно ответил, что находится в таком положении, когда совет и помощь мистера Скроджи Тачвуда для него особенно ценны, и ради них он готов подчинить свои мнения и взгляды точке зрения более опытного и дальновидного друга.

— Прекрасно сказано, мистер Моубрей, прекрасно. Предоставьте мне заправлять вашими делами, и мы, не теряя времени, приведем их в полный порядок. Я вынужден просить у вас на ночь приюта: на дворе темно, как в волчьей пасти. Еще более обязан буду вам, если вы распорядитесь устроить на ночь и беднягу возницу с его лошадьми.

Моубрей позвонил. Явился Патрик, который был крайне удивлен, когда старый джентльмен, не дав хозяину дома открыть рот, велел приготовить себе постель и зажечь огонь в камине, «поскольку, друг мой, — прибавил он, — у вас тут не так уж часто

бывают гости. Проследите, чтобы простыни не были сырые, и скажите горничной, чтобы постель она стелила не совсем ровно, а с наклоном от подушки к ногам дюймов в восемнадцать. Да, вот что еще: у кровати поставьте мне кувшин с ячменной водой и выжмите туда сок лимона. Впрочем, нет: питье у вас получится кислое, как сам Вельзевул, — лимон принесите на блюдце, я сам сделаю смесь».

Патрик слушал, словно ошалев, голова его, как у китайского болванчика, механически поворачивалась из стороны в сторону — от гостя к хозяину, как будто он спрашивал у последнего, сон то или явь. Едва Тачвуд умолк, как Моубрей подтвердил все им сказанное.

— Все надо сделать, как желает мистер Тачвуд, чтобы он чувствовал себя удобно.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Патрик, — я передам Молли, и мы все сделаем как можно лучше. Но только уже поздновато...

— Потому-то, — перебил Тачвуд, — чем скорее мы отправимся спать, тем будет лучше, друг мой. Что до меня, то я должен встать пораньше, у меня есть дело, от которого зависят жизнь и смерть. Оно и вас касается, мистер Моубрей, но о нем поговорим завтра. Пусть кучер распряжет лошадей, и уложите его спать.

Тут Патрик решил, что у него под ногами твердая почва, и он может оказать сопротивление, к чему его весьма побуждал безапелляционный тон пришельца.

— Вряд ли из этого что-нибудь выйдет, — сказал Патрик, — почтовым лошадям нет доступа в наши конюшни. Конюх всегда опасается: откуда нам знать, нет ли у них сапа.

— Сегодня мы должны пойти на риск, Патрик, — сказал, хотя и неохотно, Моубрей, — но, может быть, мистер Тачвуд разрешит отправить лошадей обратно, с тем чтобы завтра утром их опять подали?

— Ни в коем случае, — возразил Тачвуд, — птичка вылетела — потом лови. Сегодня мы их отпустим, а завтра их не пришлют, у нас же завтра уйма дел. К тому же бедные клячи устали, а в писании сказано:

«Блажен иже скоты милует». Ну, словом, если лошадей сегодня же отправят в Сент-Ронан, я за компанию отправлюсь вместе с ними.

Часто случается — думаю, повинна в этом извращенность человеческой природы, — что человеку, обуянному гордыней, поступиться каким-либо пустяком труднее, чем уступить в подлинно важном деле. Подобно другим молодым джентльменам своего круга, Моубрей был до нелепости непреклонен, когда дело касалось жесткого порядка, установленного на конюшнях, и даже лошади лорда Этерингтона не допускались в эту святая святых, куда сейчас он вынужден был поставить двух жалких одров. Однако он уступил, и притом со всей любезностью, на какую только был способен. Патрик же, воздев руки и возведя очи к небу, удалился выполнять отданные ему распоряжения, но в нем прочно засела мысль, что этот старик не иначе как переодетый дьявол, раз по его дудке пляшет сам вспыльчивый хозяин Шоуз-касла, да еще в деле, которое он до того считал первостепенно важным.

— Господь да прострет милосердную руку свою над этим несчастным домом! — воскликнул, уходя, Патрик. — Я в нем родился, и, кажется, придется мне пережить его гибель.

Глава XXXVII

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Не такая ночь, чтобы купаться.

«Король Лир»¹

Когда наутро после этого памятного разговора Моубрей очнулся от беспокойного сна, в мыслях его царил разброд. Сперва в его сознании возникло ужасное воспоминание о вчерашнем разговоре с сестрой, которую он, в сущности, любил так сильно, как

¹ Перевод Б. Пастернака,

только способен был кого-нибудь любить, и которая покрыла бесчестьем его и свое родовое имя. Затем он припомнил и обеляющий Клару рассказ Тачвуда и стал убеждать себя, во всяком случае попытался убедить, что Клара, наверно, поняла его обвинение как нечто относящееся к ее и Тиррела любви, приведшей к столь роковым последствиям. Затем он снова усомнился, как это все могло случиться, и снова им овладел страх — не было ли за всем этим чего-то более важного, чем нежелание сестры сознаться в обмане, учиненном с нею Балмером. Но потом он опять вернулся к первой, более приятной мысли, вспомнив, что сестра ни за что не соглашалась выйти за человека, которого он ей сватал, и, естественно, должна была считать, что, узнай брат о ее тайном браке, ей уже не было бы спасения.

«Да, да, разумеется, — мысленно повторял он, — она подумала, что эта история заставит меня еще решительнее содействовать планам негодяя, как лучшему способу замять столь неприятное дело. Да, это так, и она была, конечно, права: если бы он был настоящим лордом Этерингтоном, я сам считал бы, что ничего другого ей не остается. Но так как он не лорд Этерингтон, а обманщик и к тому же негодяй, я удовольствуюсь тем, что изобью его дубинкой до смерти, как только ускользну из-под опеки этого старого, упрямого, сующего нос не в свое дело самодура. Но что можно сделать для Клары? Фальшивый брак этот — мыльный пузырь, и обе стороны должны считаться свободными. Она любит этого сумрачного господина, который в конце концов оказался законным отпрыском старинного древа. Я от него не в восторге, хотя в нем есть что-то от настоящего лорда. Убежден, что бродяга художник не смог бы проявить столько присутствия духа в таком деле, как тайный брак. Думаю, что она могла бы выйти за него замуж, если этому не воспротивится закон: она получила бы и графский титул, и Окендейл, и Неттлвуд — все вместе. Бог мой, да мы еще можем остаться в выигрыше: ведь этот старый Тачвуд богат как еврей, у него по меньшей мере сто тысяч. Будь у него хоть на шесть

пенсов меньше, он не разговаривал бы таким не допускающим возражений тоном. Он обещал наладить мои дела — значит, не надо мне дергаться, пока меня чистят скребницей. Только бы закон допустил брак Клары с тем, другим, графом. Ясно, что женщина не может выйти замуж сперва за одного брата, потом за другого, но если брак с одним из них не был истинным и законным, то не должно быть препятствий к браку с другим. Надеюсь, законники не станут по этому поводу городить вздор, и Клара не выкажет никакой глупой щепетильности. Но, клянусь честью, первое, на что я должен надеяться, это чтобы вся история оказалась правдой, ибо источник ее все же сомнительный. Надо сейчас же идти к Кларе, узнать от нее правду и обдумать план действий».

Стараясь разобраться в странном хаосе событий, подавлявших его сознание, молодой сент-ронанский лэрд то произносил все это мысленно, то бормотал себе под нос и в то же время торопливо одевался.

Спустившись в гостиную, где они накануне ужинали и где сейчас стол накрыт был к завтраку, он послал за девушкой, прислуживавшей его сестре, и спросил, встала ли мисс Моубрей.

— Она еще не звонила, — ответила девушка.

— Обычно она встает раньше, — сказал Моубрей, — но вчера вечером она была очень взволнованна. Поди, Марта, и скажи, чтобы она поскорее вставала; скажи, что у меня для нее отличные новости; а если у нее болит голова, я сам приду и расскажу ей все еще до того, как она встанет. Лети, как молния.

Марта исчезла, но минуты через две возвратилась.

— Госпожа не слышит, сэр, а уж я стучала вовсю. Дай бог, — добавила она с обычной у простонародья склонностью к дурным предсказаниям, — чтобы мисс Клара была здорова; никогда она так крепко не спала.

Моубрей вскочил с кресла, в которое незадолго перед тем бросился, бегом пустился через галерею и довольно сильно постучался в дверь к сестре. Ответа не последовало.

— Клара, милая Клара! Ответь мне хоть слово, скажи, что ты не больна. Вчера вечером я тебя напугал, я слишком много выпил, я вспылil — прости меня! Ну же, Клара, не будь злопамятной, скажи хоть одно слово, скажи, что ты не больна!

Он делал довольно длинные промежутки между своими отрывистыми фразами, стучал все сильнее, все громче, прислушивался все тревожнее и тревожнее, — ответа не было. Под конец он попытался открыть дверь и обнаружил, что она закрыта на ключ или на задвижку.

— Мисс Моубрей когда-нибудь запирается? — спросил он у горничной.

— Никогда еще этого не бывало, сэр. Она не запирает двери, чтобы я могла утром войти и открыть ставни.

«Вчера вечером у нее было достаточно причин для того, чтобы принять меры предосторожности», — подумал брат, и вдруг ему вспомнилось, что он слышал, как звякнул засов.

— Ну же, Клара, — продолжал он в жестокой тревоге, — не глупи. Если ты не откроешь, мне придется взломать дверь, — вот и все. Ведь, может быть, ты больна и не в состоянии ответить. Если ты только сердита на меня — скажи. Она не отвечает, — сказал он, обернувшись к горничной, подле которой стоял теперь Тачвуд.

Моубрей охвачен был такой тревогой, что не заметил гостя и продолжал говорить, не обращая на него внимания:

— Что же делать? Может быть, она больна, или спит, или в обмороке. Если я взломаю дверь, она, при своем нервном состоянии, пожалуй, до смерти напугается. Клара, милая Клара! Скажи хоть слово — и можешь оставаться у себя в комнате сколько хочешь.

Ответа не было. Горничная мисс Моубрей, до того слишком взволнованная и испуганная, чтобы сообщать, припомнила теперь, что из комнаты ее госпожи ведет прямо в сад черная лестница, и высказала

предположение, что Клара могла выйти таким способом.

— Выйти? — переспросил донельзя обеспокоенный Моубрей, бросив взгляд в окно, за которым в мутном свете ноябрьского утра все затягивал густой туман или, вернее, мелкий дождик. — Выйти в такую погоду? Но ведь мы можем проникнуть к ней по этой же лестнице.

С этими словами, предоставив гостю поступать как ему вздумается — оставаться в доме или следовать за ним, — он даже не выбежал, а вылетел в сад и увидел, что задняя дверь, открывавшаяся туда с черной лестницы, была широко распахнута. Охваченный неясным, но тягостным предчувствием, он устремился наверх, к двери, выходящей из гардеробной его сестры на площадку лестницы: она также была распахнута, а дверь между гардеробной и спальней — полуоткрыта.

— Клара, Клара! — кричал Моубрей. Он уже потерял надежду услышать ответ, в голосе его звучал только смертельный страх. И страх этот оказался вполне обоснованным.

Мисс Моубрей в комнате не было. Там царил полный порядок, свидетельствовавший, что она не раздевалась на ночь и не ложилась в постель. Обуреваемый страхом и угрызениями совести, Моубрей бил себя кулаком по лбу.

— Я напугал ее до смерти, — приговаривал он, — она убежала в лес и там погибла.

Словно желая окончательно убедиться, что Клары нигде нет, Моубрей еще раз окинул взглядом комнату, а затем, по-прежнему во власти страха, бросился в гардеробную, едва не опрокинув путешественника, который из вежливости не решался войти в спальню.

— Вы обезумели, словно хамако,¹ — сказал Тачвуд. — Давайте посоветуемся, и я уверен, что придумаю...

¹ Безумец (турецк.).

— К чертям ваши выдумки! — вскричал Моубрей, забывая в своем раздражении, еще усилившемся от беспокойства, об уважении, которое сам же вознамерился проявлять к старику. — Если бы вы действовали более откровенно и рассудительно, этого бы не случилось!

— Да простит вам бог, молодой человек, если ваши упреки несправедливы, — сказал путешественник, убирая руку, которую он сперва положил на плечо Моубрея, — и да простит он мне, если я поступал ошибочно, стараясь сделать как лучше. Но ведь мисс Моубрей могла уйти на воды! Я велю запрягать и тотчас же отправлюсь туда.

— Да, да, поезжайте, — рассеянно произнес Моубрей. — Благодарю вас, благодарю вас!

Он быстро прошел через весь сад, словно желая поскорее избавиться и от гостя и от своих мыслей, и кратчайшим путем устремился к калитке, за которой находилась довольно обширная роща. Клара велела сделать в ней просеку к летнему домику, сколоченному из грубых досок и обвитому зеленью.

Пробегая через сад, он повстречал садовника, уроженца южной Шотландии и старого слугу Моубреев.

— Видел ты мою сестру? — спросил лэрд скороговоркой, невнятной от охватившего его страха.

— Что вы спрашиваете, лэрд Сент-Ронан? — ответил ему старик, тугой на ухо и вдобавок не слишком понятливый.

— Видел ты мисс Клару? — закричал Моубрей и раза два приглушенно выругался, раздраженный тупостью садовника.

— Ясное дело, видел, — неторопливо ответил садовник. — А разве нельзя видеть мисс Клару, лэрд Сент-Ронан?

— Где и когда? — с живостью спросил Моубрей.

— Да только вчера, после чаю, как раз перед тем, как вы прискакали. И быстро же вы неслись, — сказал старик Джозеф.

«Я такой же болван, как и он, что теряю время на разговоры с этим старым кочном капустой!» — сказал себе Моубрей и побежал к упомянутой уже калитке, выходявшей на просеку, которая обычно именовалась аллеей мисс Клары. Двое или трое шепчущихся между собой слуг, чьи лица выражали огорчение, беспокойство и страх, последовали за хозяином, желая чем-нибудь помочь ему, но боясь навязывать свои услуги вспыльчивому молодому человеку.

У калитки он наконец нашел след той, кого повсюду искал. Ключ, которым Клара могла отпереть любую дверь, торчал в замке. Ясно было, что она проходила здесь, но когда и с какой целью?.. Моубрей даже не решался строить догадок. На расстоянии четверти мили или немного более того тропа шла через рощу дубов и яворов и подходила к обрывистому берегу довольно широкой горной речки, где становилась крутой, каменистой, трудной для слабоногих и довольно страшной для слабонервных. Часто она змеилась по самому краю скалистой гряды, нависшей в этом месте над потоком, который то шумел и пенился в быстром своем течении, то словно замирал, образуя, однако, глубокие круглые водовороты. Когда Моубрей подумал, какие искушения таило это опасное место для возбужденной и отчаявшейся души, его словно обожгло дуновением самума, и ему пришлось на миг остановиться, чтобы перевести дух и подавить ужасное предчувствие, прежде чем он смог продолжать свой путь. Спутники его ощущали тот же страх.

— Бедняжка, бедняжка! Только бы она не оставалась совсем одна! Только бы господь послал ей кого-нибудь, — шептал Патрик девушкам, а те — друг другу.

В этот момент за спинами их раздался голос старого садовника, который кричал:

— Хозяин, лэрд Сент-Ронан, хозяин, я нашел, я нашел...

— Ты нашел мою сестру? — вскричал брат Клары, задыхаясь от волнения.

Старик не ответил, пока не подошел совсем близко, а подойдя, произнес со своей обычной медлительностью в ответ на повторные расспросы хозяина:

— Нет, мисс Клару я не нашел, а нашел одну вещь, о которой вы бы очень жалели, — ваш замечательный охотничий нож.

С этими словами он протянул упомянутый предмет его владельцу. Тот, вспомнив обстоятельства, при которых он накануне вечером выбросил его за окно, и сразу же подумав, к каким последствиям мог привести вечерний разговор с сестрой, с проклятием схватил нож и снова швырнул его — на этот раз в речку. Слуги переглянулись: каждому из них вспомнилось, что этот нож был одной из любимых вещей хозяина, вообще большого любителя подобных предметов, и теперь они были вполне уверены, что от беспокойства за сестру Моубрей, хотя, может быть, и временно, просто не в своем уме. Он заметил их смущенные, недоуменные взгляды и, заставив себя, насколько мог, успокоиться, велел Марте и другой девушке, а также Патрику возвратиться к дому. Горничным он приказал обыскать аллеи по ту сторону Шоуз-касла, а Патрику — звонить в замковый колокол, «чтобы, — добавил он, изображая уверенность, которой далеко не имел, — мисс Моубрей услышала его и вернулась, как бы далеко она ни зашла на прогулке». Распорядился он также, чтобы конюх с лошадьми ждал его у места, именовавшегося Гремячим мостом, так как речка образовывала там шумный водопад, над которым был перекинут легкий дощатый мостик для пешеходов. Избавившись, таким образом, от своих спутников, он со всей быстротой, на какую только был способен, отправился дальше все по той же тропе: сестра его очень любила гулять по ней; может быть, она и на этот раз отправилась сюда просто по привычке, будучи в таком душевном состоянии, когда — у него было слишком много оснований опасаться этого — о выборе для нее не могло быть и речи.

Вскоре он уже был у летнего домика, представлявшего собой, в сущности, беседку с крышей и тремя стенами, так как передняя стена отсутствовала, а пол был красиво устлан мелким гравием. Беседочка эта, словно гнездо сокола, прилепилась почти на самом краю обрывистого выступа — самой высокой точки скалистого гребня, о котором уже упоминалось. Бедная Клара особенно любила ее из-за открывавшегося оттуда вида на долину. На грубо сколоченном из дерева столике в беседке лежала одна из ее перчаток. Моубрей поспешно схватил перчатку — она была пропитана влагой. Накануне дождя не было, так что если бы Клара оставила ее здесь вчера утром или в течение дня, она бы не могла быть в таком состоянии. Несомненно, Клара побывала здесь ночью, когда шел сильный дождь.

Убедившись, что Клара приходила сюда в момент, когда волнение и страх, дойдя до отчаяния, заставили ее бежать из отцовского дома, Моубрей бросил быстрый, полный ужаса взгляд с обрыва в глубь пропасти, где бурлил поток. Ему почудилось, что в сумрачном его рокоте он слышит предсмертные стоны сестры, клочья белой пены показались ему обрывками ее одежды, но более обстоятельный осмотр подтвердил, что никаких следов несчастья здесь не обнаруживалось. Спускаясь вниз по тропе, уже по ту сторону беседки, он заметил в месте, где глинистая почва была влажной и вязкой, отпечаток ноги; малый размер его и форма ботинка убедили Моубрея, что это след той, кого он искал. Он устремился вперед со всей быстротой, которая все-таки позволяла бы ему внимательно выискивать подобные же следы. Ему казалось, что их попадаетеся немало, хотя они уже не были так отчетливы — их размыл выпавший за ночь сильный дождь. Обстоятельство это, видимо, доказывало, что та, кто оставила эти следы, проходила здесь несколько часов назад. Под конец, оставив позади все многообразные извивы этой длинной и весьма романтической тропы, но так и не обнаружив ничего существенного, Моубрей очутился на берегу реки,

именовавшейся Сент-Ронанским ручьем, в том месте, где пешеходы пересекают ее по Гремячему мосту, а верховые — через брод несколько ниже по течению. Тут беглянка могла либо продолжать свои блуждания в родном лесу по тропинке, которая, змеясь на протяжении мили, опять привела бы ее к Шоуз-каслу, либо свернуть на мостик и выйти на дрянную проезжую дорогу, по которой люди добирались до Старого городка. После минутного размышления Моубрей заключил, что наиболее вероятным было второе предположение. Он сел на лошадь, которую конюх привел сюда по его приказанию, и, велев слуге вернуться домой по пешеходной тропе, которую сам он уже не мог обследовать, поехал по направлению к броду. За ночь вода в речке сильно прибывала, и конюх решился заметить своему хозяину, что пытаться переезжать ее вброд сейчас довольно опасно. Но у Моубрея и разум и чувства находились в таком возбуждении, что он не мог внимать благоразумным советам. Как ни фыркала и ни пятилась назад лошадь, он дал ей шпоры и заставил войти в бурлящий поток, хотя вода, высоко поднявшись, перехлестывала через луку и заднюю часть седла. Лишь благодаря своей силе и сообразительности благородное животное сумело удержаться на линии брода. Если бы бурное течение одолело его и унесло к порогам пониже переправы, последствия могли бы оказаться роковыми. Однако Моубрей благополучно выбрался на противоположный берег, к величайшей радости восхищенного слуги, который, не сходя с места, следил за этим рискованным предприятием. После этого Моубрей быстро помчался к Старому городку, решив, если там он не получит никаких вестей о сестре, поднять настоящую тревогу и предпринять поиски повсюду, ибо в этом случае ее исчезновение из Шоуз-касла все равно было бы уже не скрыть. Мы же пока оставим его в состоянии неуверенности, дабы ознакомить читателя с теми вполне реальными бедами, которых он, несмотря на все свои дурные предчувствия и омраченную совесть, не мог предвидеть.

КАТАСТРОФА

Кто этот белый призрак, что блуждает
Средь бурной ночи? Девы наших сел
В такое время выходить не станут,
Чтоб скорбь свою в рыданиях изливает.

Старинная пьеса

Горе, стыд, смятение, страх — все это сразу обрушилось на несчастную Клару Моубрей в миг, когда она рассталась с братом после бурного и грозившего ей новыми бедами объяснения, о котором нам уже пришлось поведать читателю. В течение ряда лет она жила под угрозой, что ее тайна обнаружится, мысль об этом беспрерывно угнетала ее, и вот то, чего она опасалась, наконец обрушилось на нее. Безудержное неистовство брата, дошедшее до того, что он стал угрожать ей смертью, в сочетании с прежним ее душевным смятением вызвало в ней такое острое чувство страха, которое, по-видимому, могло толкнуть ее только на одно действие — побег, подсказанный слепым инстинктом самосохранения, как самый легкий способ избавиться от смертельной опасности.

У нас нет возможности проследить каждый шаг несчастной девушки в ту ночь. Вероятно, она убежала из Шоуз-касла, услышав, как подъехал экипаж мистера Тачвуда, и решив, что явился лорд Этерингтон. Таким образом, пока Моубрей предавался надеждам, на которые, казалось, давало ему право все, рассказанное путешественником, сестра его во мраке, под проливным дождем брела по трудной и даже опасной горной тропе, которую мы уже описывали. Идти было настолько мучительно и опасно, что девушка, более изнеженная воспитанием, либо упала бы в полном изнеможении, либо вынуждена была бы возвратиться туда, откуда бежала. Но постоянные одинокие прогулки Клары приучили ее не уставать и не бояться хождения по ночам. А те более глубокие причины для страха, которые и обратили ее в бегство, сделали Клару нечувствительной к опасностям, подстерегавшим

ее на дороге. Она миновала беседку, как доказывала оставленная там перчатка, и пешеходный мостик, хотя было почти чудом, что в такую темную ночь она так безошибочно прошла по узкой тропинке, где не раз при самом незначительном отклонении в сторону, несомненно, могла бы упасть с большой высоты и лишиться жизни.

Возможно однако, что душевные и физические силы Клары начали уже изменять ей, когда она приблизилась к Старому городку, — недаром она задержалась у одинокой хижины, где жила старая нищенка, которая на некоторое время приютила у себя умиравшую в раскаянии Ханну Эруин.

Обитательница хижины признала, что она слышала стук в дверь и жалобные стоны, с которыми Клара умоляла впустить ее. Но старая ведьма была из тех, чье сердце злосчастье превращает в камень: она упорно не открывала, побуждаемая скорее озлоблением против всего рода человеческого, чем охватившим ее суеверным страхом, хотя упрямо утверждала, что ночная путница упрашивала таким мелодичным и нежным голосом, который мог быть только у существа сверхъестественного. Старуха призналась также, что, когда она услышала, как несчастная просительница удаляется, сердце ее смягчилось и она уже намеревалась открыть дверь, чтобы предложить девушке хотя бы приют на ночь. Но не успела она «дотащиться до двери и поднять засов», как бедняжки уже и след простыл. Это лишь укрепило старуху в мысли, что все случившееся было дьявольским наваждением.

Есть основания полагать, что, получив отказ в приюте, бедняжка больше не пыталась пробудить в людях жалость и добиться доступа под чей-либо кров, пока не дошла до дома мистера Каргила; там в самой верхней комнате еще горел свет по причине, требующей некоторого разъяснения.

Читателю известны причины, побудившие Балмера, присвоившего себе титул лорда Этерингтона, услатить за пределы Англии единственного свидетеля, который, как он опасался, мог бы или пожелал бы раскрыть его гнусную проделку с несчастной Klarой Моубрей.

Из трех, помимо жениха и невесты, человек, присутствовавших при бракосочетании, один священник был полностью и до конца обманут. Солмза Этерингтон считал беззаветно преданным ему. Таким образом, если с помощью этого слуги как-нибудь устранить Ханну Эруин, то — не без основания считал он — никаких доказательств учиненного им предательства представить нельзя. Поэтому Солмзу, его сподручному, дано было, как, наверно, помнит читатель, поручение поскорее удалить ее куда-нибудь, и тот доложил своему господину, что старания его увенчались успехом.

Но с тех пор, как Солмз подчинился влиянию Тачвуда, ему все время приходилось срывать все те планы, которым он якобы самым ревностным образом содействовал; путешественник же тешился (и это было для него величайшим наслаждением) тем, что под каждую мину, заложенную Балмером, он подводил контрмины и мог рассчитывать на приятную возможность взорвать сапера его же собственным снарядом. С этой целью Тачвуд, едва он узнал, что у его фирмы затребованы оригиналы документов, сданных на хранение покойным графом Этерингтоном, тотчас же направил туда письмо с распоряжением послать только копии и, таким образом, воспрепятствовал отчаянной попытке Балмера завладеть этими бумагами. По той же причине, когда Солмз доложил ему о настоятельном желании своего господина удалить Ханну Эруин из пределов страны, Тачвуд велел слуге позаботиться, чтобы больную осторожно перенесли в пасторский дом — Каргила он без труда уговорил предоставить ей временное убежище.

Для этого славного человека, которого смело можно было назвать добрым самаритянином, безотрадное положение несчастной женщины являлось вполне достаточным основанием для того, чтобы приютить ее. Он был, разумеется, не из тех, кто стал бы спрашивать, не заразная ли у нее болезнь, или добиваться каких-либо других сведений, нередко оказывающихся препятствием для благотворительности и гостеприимства иных, более осторожных человеколюбцев. Но для того чтобы еще больше заинтересо-

вать пастора в ее судьбе, мистер Тачвуд написал ему, что больная (которую священник, впрочем, знал и раньше) располагает некоторыми существенно важными сведениями, касающимися одной весьма уважаемой и знатной семьи, и что он сам, а также мистер Моубрей сент-ронанский в качестве должностного лица собираются сегодня же вечером явиться к нему в приходский дом, чтобы снять с нее показания по этому важному делу. Таково в действительности и было намерение путешественника, и, вероятно, он осуществил бы его, если бы этому не помешали, с одной стороны, его самолюбивое желание действовать по-своему и придавать своей особе излишнюю значительность, а с другой — бешеное нетерпение Моубрея, которое, как известно читателю, заставило его галопом ускакать в Шоуз-касл, а Тачвуда — последовать за ним в карете. Об этой перемене Тачвуд известил священника запиской, которую отправил, когда садился в карету.

В записке этой он просил окружить больную самым заботливым уходом, обещал быть в пасторском доме вместе с мистером Моубреем рано утром и, проявляя в данном случае свою неизменную, прочно укоренившуюся в нем самоуверенность, побуждавшую его все и всегда делать самому, настоятельно просил своего друга, мистера Каргила, до его приезда не принимать от больной показаний или исповеди, разве что она будет находиться при последнем издыхании.

Солмзу удалось без труда перевезти больную из убогой хижины в дом священника. Правда, появление сообщника ее преступления сперва напугало эту женщину. Но Солмз не постеснялся убедить ее, что он, так же как она, раскаивается в совершенном и намерен доставить ее в место, где с них обоих будут сняты показания, благодаря чему они смогут хотя бы до известной степени исправить причиненное ими обоими зло. А когда он пообещал ей также, что за нею станут хорошо ухаживать и позаботятся о ее детях, она охотно отправилась вместе с ним в дом священника. Сам же он решил держаться в стороне, пока все дело не разъяснится, и отнюдь не показываться на глаза

своему хозяину, чья звезда, как он отлично понял, быстро опустится с высоты, на которой до того блистала.

Священник пошел проведать несчастную больную, что делал неоднократно и раньше, когда она жила в хижине неподалеку от него, и велел как можно лучше ухаживать за ней. В течение всего дня она, казалось, чувствовала себя лучше. Но оттого ли, что ее начали слишком хорошо кормить, дабы поддержать изможденную плоть, оттого ли, что угрызения совести стали мучить ее с удвоенной силой, когда нужда перестала угрожать ей, — во всяком случае, около полуночи наступил кризис, и находившаяся при ней сиделка пошла доложить священнику (всецело занятому в это время осадой Птолемаиды), что весьма сомневается, доживет ли больная до утра, а между тем на сердце у нее лежит какая-то тяжесть, и она хотела бы, как выразилась сиделка, «признаться чистосердечно», прежде чем умереть или потерять сознание.

Возвращенный к действительности столь плачевным событием, мистер Каргил сразу же стал энергичным, хладнокровным и решительным человеком с ясным умом, каким он неизменно становился, когда ему приходилось вступать на стезю долга. Понимая по различным намекам своего друга Тачвуда, что дело это было крайне важное, он как из чувства человечности, так и сознавая свою неопытность решил послать за каким-нибудь сведущим человеком. Слуге своему он велел взять верховую лошадь и ехать на воды за доктором Квеклебенom. А так как одна из горничных заметила, что «миссис Додз как никто умеет обходиться с больными», девушку тут же отправили позвать на помощь хозяйку Клейкемской гостиницы, ибо она никогда не отказывала в своем содействии, если оно могло принести пользу. Слуга оказался «злосчастным послом», как говорят шотландцы: он либо не нашел доктора, либо нашел его занятым каким-то более доходным делом, чем оказание помощи нищенке по вызову священника, от которого не приходилось ожидать особенно хорошего вознаграждения. Девушка была удачливей. Хотя наша приятельница матушка Додз собиралась уже укла-

дываться спать — в необычно поздний час из-за беспокойства по поводу неожиданного отсутствия мистера Тачвуда, добрая старушка только поворчала немного на священника, которому с чего-то взбрело на ум пускать к себе нищенок, но тем не менее тотчас же надела плащ с капюшоном и деревянные калоши и пошла к воротам со всей поспешностью доброй самаритянки; одна из служанок освещала ей путь фонарем, другая осталась стеречь дом и обслуживать мистера Тиррела, который добровольно вызвался сидеть и дожидаться возвращения Тачвуда.

Но еще до того, как госпожа Додз прибыла в пасторский дом, больная вызвала к себе мистера Каргила и потребовала, чтобы он записал ее признания, пока она еще живет и дышит.

— Я боюсь, — добавила она, приподнявшись на постели и дико озираясь по сторонам, — что если я признаюсь в своем грехе человеку, не имеющему священнического сана, дух зла, которому я служила, унесет свою добычу — и плоть и душу, пока они еще не отделились друг от друга, как бы мало времени ни оставалось им пребывать вместе.

Мистер Каргил хотел сказать ей несколько слов духовного утешения, но она ответила нетерпеливо и раздраженно:

— Не надо лишних речей, не надо! Дайте мне произнести то, что я должна сказать, и собственноручно подписаться под своим признанием. И, пожалуйста, как верный слуга божий, призванный свидетельствовать истину, пишите только то, что я вам скажу, и ничего больше. Я хотела поведать все это Сент-Ронану и даже начала рассказывать другим, но рада, что не сделала этого, ибо я знаю вас, Джосайя Каргил, хотя вы меня давно забыли.

— Весьма возможно, — сказал Каргил. — Но я вас и вправду не припомню.

— А ведь когда-то вы знали Ханну Эруин, — сказала больная, — Ханну Эруин, которая была подругой и родственницей мисс Клары Моубрей и которая сопровождала ей в ту греховную ночь, когда она была обвенчана в сент-ронанской церкви.

— Вы хотите сказать, что вы и есть та самая девушка? — сказал Каргил, подняв свечу, чтобы увидеть лицо больной. — Не могу этому поверить!

— Не верите? — спросила больная. — И правда, есть разница между пороком, торжествующим во всех своих кознях, и пороком, окруженным всеми ужасами смертного ложа.

— Не отчаивайтесь, — сказал Каргил. — Благодарить божья всемогуща, одно сомнение в этом — уже великий грех.

— Пусть так. Я ничего не могу поделать, сердце мое окаменело, мистер Каргил. И нечто таящееся здесь, — тут она положила руку на грудь, — шепчет, что если бы жизнь и здоровье возвратились ко мне, я забыла бы даже об этих своих муках и стала бы такой же, какой была. Я отвергла благодать божью, мистер Каргил, и не по неведению, ибо грешила с открытыми глазами. Я — отверженная, и потому не заботьтесь обо мне.

Он опять попытался прервать ее, но она продолжала:

— А если вы и впрямь желаете мне добра, дайте мне облегчить мое сердце от тяжелого бремени, и, может быть, тогда я стану лучше и способна буду вас слушать. Вы говорите, что не узнали меня. Но если я скажу вам, как часто вы отказывались совершить втайне то, о чем вас просили, как часто вы заявляли, что это против канонических правил; если я скажу, каким доводам вы уступили, и напому вам ваше намерение — признаться в нарушении канонов перед вашими собратьями на церковном суде, разъяснить им, что побудило вас это сделать, и подчиниться их решению, которое, как вы уверяли, не могло не быть суровым, — тогда вы убедитесь, что жалкая нищенка говорит с вами голосом некогда веселой, бойкой и находчивой Ханны Эрвин.

— Верю! Верю! — вскричал мистер Каргил. — Убежден вашими доказательствами и верю, что вы та, чье имя произнесли.

— Значит, один трудный шаг уже сделан, — молвила она. — Я давно облегчила бы свою совесть при-

знанием, если бы не проклятая гордыня, которая заставляла меня стыдиться нищеты, хотя и не остановилась перед грехом. Этими доводами, которые выставлял перед вами молодой человек, известный вам под именем Фрэнсиса Тиррела, хотя ему более подобало зваться Вэлентайном Балмером, мы ввели вас в грубый обман. Вам не послышалось, что сейчас здесь кто-то вздохнул? Надеюсь, в комнате никого нет. Надеюсь также, что умру после того, как мое признание будет подписано и запечатано, и я не услышу, как все будут повторять мое имя. Думаю, что вы не позвали сюда своих слуг, чтобы они стали свидетелями моей гнусности и позора? Я не могла бы этого перенести.

Она замолчала и прислушалась — слух, обычно ухудшающийся от болезни, иногда, наоборот, болезненно обостряется. Мистер Каргил уверил ее, что в комнате, кроме него, никого нет.

— Но, несчастная женщина, — добавил он, — к чему же вы подготавливаете меня такими страшными словами?

— Как бы страшно ни было то, что вы подозреваете, правда еще ужаснее. Я была преступной сообщницей ложного Фрэнсиса Тиррела. Клара любила настоящего. Когда роковой обряд совершился, обмануты оказались и невеста и священник. А я была той преступницей, которая, потворствуя во всем еще худшему, если это возможно, злодею, помогла совершить и эту непоправимую беду.

— Несчастная! — вскричал священник. — Неужто вам мало было того, что вы делали? Зачем вы устроили так, чтобы невеста одного брата стала женой другого?

— Я делала, — ответила больная, — только то, что мне указывал Балмер, а он был настоящий мастер на гнусности. Через своего подручного, Солмза, ему удалось выдать меня замуж за человека, которого он изображал богачом. Но это был негодяй; он худо обращался со мной, обобрал меня, продал. О, если дьяволы умеют смеяться — я слыхала, что умеют, — как они будут веселиться, когда Балмер и

я попадем в их застенки! Но послушайте: сейчас я уверена — здесь кто-то дышит, дрожит.

— Вы только запутаетесь, если станете поддаваться воображению. Успокойтесь, говорите, но на этот раз, хотя бы на этот раз говорите правду!

— Да, я скажу правду, скажу ее из ненависти к человеку, который, отняв у меня добродетель, отдал меня затем в жертву и на потеху самому низкому из таких людей, как он. Потому-то я и явилась сюда сорвать с него личину. Я прослышала, что он опять домогается женитьбы на Кларе, и добралась сюда, чтобы все рассказать Моубрею. Вы недоумеваете, почему я откладывала это до последней решительной минуты? Но разве легко мне было оказаться лицом к лицу с ее братом, если я так вела себя в отношении Клары? А между тем у меня уже не стало ненависти к ней, после того как я узнала, насколько она несчастна, несчастна до того, что находится на грани безумия. Я перестала ее ненавидеть. Мне жаль было, что судьба не связала ее с человеком получше Балмера, я полна была жалости к ней, когда Тиррел вырвал ее из его рук, и, может быть, вы помните, что это я уговорила вас не оглашать этого брака.

— Помню, — ответил Каргил. — Вы ссылались на то, что в случае огласки мисс Моубрей грозила бы опасность со стороны ее собственной семьи. Я и скрывал это, пока до меня не дошел слух, что она вторично собирается замуж.

— Так вот, — сказала больная, — Клара Моубрей должна бы простить меня. Зло, которое я причинила ей, уготовано было самой судьбою, добро же я сделала по своей воле. Мне надо увидеть ее, Джосайя Каргил, надо увидеть ее, прежде чем я умру: я не могу молиться, пока не увижусь с ней, я не могу слушать речей утешения, пока не увижу ее. Если я не получу прощения от такого же праха земного, как я сама, как же надеяться мне...

При последних словах она вздрогнула и слабо вскрикнула, ибо занавески кровати со стороны, противоположной той, у которой сидел Каргил, медленно раздвинула чья-то слабая рука, и в просвете пока-

залась фигура Клары Моубрей: с ее промокшего платья и разметавшихся длинных волос стекали струйки дождя. Умиравшая поднялась с подушек и, сидя, выпрямилась; глаза ее вылезали из орбит, губы дрожали, лицо побелело; изможденные руки судорожно сжимали простыню, словно она старалась удержаться за нее; все существо ее выражало такой ужас, как будто эти слова признания вызвали призрак подруги, которую она предала.

— Ханна Эруин, — сказала Клара своим обычным мягким и нежным голосом, — моя давняя подруга, мой беспричинный враг! Обратись же к тому, у кого на всех нас хватит милосердия, обратись к нему с полной верой, ибо я простила тебя от всей души, словно ты никогда и не обидела меня; обратись к нему от всей души, как сама я жажду отпущения своих грехов. Прощай! Прощай!

Она выскользнула из комнаты, прежде чем священник успел убедиться, что перед ним не бесплотный призрак. Он устремился вниз и позвал на помощь, но никто из слуг не откликнулся, ибо, слыша из комнаты умирающей глубокие, тяжкие стоны, все понимали, что она испускает дух. И миссис Додз со служанкой прибежали только для того, чтобы присутствовать при последовавшей вскоре кончине Ханны Эруин.

Не успело это совершиться, как прибежала в страшном испуге другая оставшаяся в гостинице служанка и сообщила своей хозяйке, что какая-то дама, словно призрак, вошла в дом и теперь умирает в комнате мистера Тиррела. Мы должны на свой лад рассказать, как именно это случилось.

Мисс Моубрей находилась все время в таком тяжелом душевном состоянии, что и менее сильное потрясение, чем то, которое причинил ей неистовый гнев брата, в сочетании с усталостью, опасностью и страхом, испытанными ею во время ночного бегства, могло бы лишить ее последних физических сил и совсем подорвать душевные. Ранее мы уже говорили, что свет в доме священника, по-видимому, привлек ее внимание, и среди общего смятения в доме, никогда не отличавшемся особым порядком, она бес-

препятственно поднялась по лестнице, незамеченной вошла в комнату и подслушала исповедь Ханны Эруин — рассказ, которого было вполне достаточно для того, чтобы обострить ее душевную болезнь.

У нас нет возможности установить, искала ли она Тиррела или же, как в первом случае, ее привлёк свет в окне, горевший, несмотря на то, что кругом все уже было погружено во тьму. Во всяком случае, Клара явилась затем к своему злосчастному возлюбленному. Он сосредоточенно писал, как вдруг в большом старинном зеркале, висевшем на стене прямо против него, что-то блеснуло. Он поднял глаза и увидел фигуру Клары, державшей свечу (взятую ею в коридоре) в вытянутой руке. На мгновение он застыл, не спуская глаз с этого страшного призрака, и лишь потом решился повернуться к живому существу, отраженному в зеркале. Когда же он сделал это, неподвижные бледные черты Клары почти убедили его в том, что перед ним бесплотное видение, и он вздрогнул, когда она, склонившись к нему, взяла его за руку.

— Пойдемте, — торопливо сказала она, — пойдемте: мой брат преследует меня, он хочет нас обоих убить. Пойдемте, Тиррел, надо бежать, нам это будет нетрудно. Ханна Эруин опередила нас... Но если он нас догонит, не надо с ним биться... Вы должны мне обещать... Слишком часто уж это бывало... Но в будущем вы станете благоразумнее.

— Клара Моубрей! — воскликнул Тиррел. — Вот как мы наконец свиделись! Стойте, не уходите, — добавил он, так как она сделала движение, чтобы уйти, — останьтесь, останьтесь, сядьте.

— Мне надо идти, — ответила она, — надо идти, меня зовут. Ханна Эруин пошла вперед, чтобы все сказать, и я должна идти за ней. Вы меня не отпускаете? Если вы станете удерживать меня силой, я, конечно, должна буду сесть, но надолго меня вы все-таки не удержите.

Тут с Кларой сделался сильнейший приступ судорог, подтверждавший, что ей и вправду предстоит последний путь во мрак. Служанка, явившаяся наконец на крики и звонки Тиррела, придя в ужас от

этого зрелища, тотчас же убежала в пасторский дом и, как мы уже знаем, сообщила там о случившемся.

Старая хозяйка гостиницы, для которой одно печальное событие сменилось другим, только дивилась на обратном пути, как это за одну ночь может произойти столько бед. Каково же было ее удивление, когда, вернувшись к себе, она нашла там девушку из дома, который всегда был ей дорог, хотя она давно не имела с ним общения, и нашла в состоянии почти полного безумия, причем у хлопотавшего подле нее Тиррела оставалось немногим больше душевных сил, чем у несчастной больной.

Чуждачества миссис Додз были только поверхностной ржавчиной на ее характере, не затронувшей его прирожденную энергию и нравственную силу. Сострадание, которое она испытывала, отнюдь не лишало ее способности мыслить и действовать с решительностью, требуемой обстоятельствами.

— Мистер Тиррел, — сказала она, — мужчина тут лишний. Вставайте и уходите в другую комнату.

— Я не двинусь отсюда ни на шаг, — заявил Тиррел. — Я не оставлю ее ни на миг, пока она или я еще живы.

— Это недолго будет продолжаться, мистер Тиррел, если вы не прислушаетесь к голосу рассудка.

Тиррел встал, словно до него дошло кое-что из ее слов, но стоял, не двигаясь с места.

— Ну, ну, — сказала сострадательная хозяйка, — нечего вам стоять и смотреть на зрелище, от которого перевернется сердце и почерстнее вашего. Вы сами должны понять, что нельзя вам здесь оставаться, а мы хорошо позаботимся о мисс Кларе, и я каждые полчаса буду извещать вас, как она себя чувствует.

Тиррел не мог отрицать ее правоты и потому позволил увести себя в другую комнату, оставив мисс Моубрей на руках хозяйки и ее помощниц. В смертельной тревоге отсчитывал он время не столько по часам, сколько по тому, как часто верная своему обещанию миссис Додз появлялась возвестить ему: сперва — что Кларе не лучше, затем — что ей хуже, потом — что она, по всей видимости, не доживет до

утра. Доброй хозяйке пришлось прибегнуть ко всем мольбам и уговорам, на какие она только была способна, чтобы удерживать Тиррела, обычно спокойного и хладнокровного, но приходившего в безудержное неистовство, когда в нем начинали говорить страсти: он непременно хотел ворваться в комнату больной и собственными глазами убедиться, как чувствует себя его возлюбленная. Наконец наступил долгий промежуток — несколько часов, — настолько долгий, что Тиррел начал обретать радостную надежду: ему казалось, что Клара спит и сон может восстановить ее душевные и телесные силы. Миссис Додз, решил он, не входит к нему, чтобы не потревожить забытие больной. И, словно движимый теми же чувствами, какие он приписывал ей, Тиррел перестал расхаживать от волнения взад и вперед по комнате и, бросившись на стул, старался не пошевелить даже мизинцем и задерживал, сколько мог, дыхание, как будто он сидел у изголовья больной.

Было уже довольно позднее утро, когда хозяйка снова вошла к нему с лицом серьезным и озабоченным.

— Мистер Тиррел, — сказала она, — вы христианин.

— Тсс, тсс, ради бога! — прошептал он. — Вы тревожите мисс Моубрей.

— Ее, бедняжку, уже ничто не потревожит, — сказала миссис Додз. — Но те, кто довел ее до этого, должны получить по заслугам.

— Да, должны, должны, — произнес Тиррел, ударя себя кулаком по лбу, — и я отомщу за нее всем и каждому! Можно мне увидеть ее?

— Лучше не надо, — ответила добрая женщина, но он пронесся мимо нее и ворвался в комнату.

— Она мертва? Не осталось ни искры жизни? — вскричал он, обращаясь к местному врачу, достойному человеку, которого вызвали ночью из Марчторна. Медик покачал головой. Тиррел бросился к кровати и собственными глазами убедился, что существо, чьи горести он и вызвал и разделил, уже нечувствительно ко всем земным страданиям. С воплем отчаяния схватил он бледную руку умершей, орошал

ее слезами, покрывал поцелуями и некоторое время вел себя как человек, лишившийся рассудка. Под конец, вняв непрерывным уговорам и просьбам присутствующих, он дал увести себя в другую комнату, куда за ним последовал врач, желая хоть немного облегчить его горе теми скорбными утешениями, которые еще были в данном случае возможны.

— Раз вы принимаете так близко к сердцу участь этой девушки, — сказал он, — для вас, может быть, будет утешением, хотя и грустным, если вы узнаете, что причиной смерти явилось давление на мозг, вероятно сопровождавшееся кровоизлиянием. По симптомам, которые я наблюдал, могу смело сказать, что, если бы даже удалось спасти жизнь больной, рассудок не возвратился бы к ней никогда. В подобном случае, сэр, даже самые любящие родственники должны признать, что смерть — благо по сравнению с таким существованием.

— Благо? — переспросил Тиррел. — Почему же мне в нем отказано? Знаю, знаю почему! Я должен жить, пока не отомщу.

Он вскочил со стула и быстро сбежал вниз по лестнице. Но у самых дверей гостиницы его остановил Тачвуд, который только что с самым тревожным и мрачным выражением лица вышел из подъехавшего экипажа.

— Куда это вы? Куда? — спросил он, хватая Тиррела за плечо и с силой останавливая его.

— Мстить! Мстить! — вскричал Тиррел. — Прочь с дороги, не то — берегитесь!

— Отмщение принадлежит богу, — произнес старик, — и он поразил виновного. Сюда, сюда, — продолжал он, таща Тиррела в дом. — Знайте, — сказал он, как только привел или, вернее, втолкнул его в комнату, — что Моубрей Сент-Ронан пол часа назад дрался на поединке с Балмером и убил его на месте.

— Убил? Кого? — переспросил пораженный Тиррел.

— Вэлентайна Балмера, названного графа Этерингтона.

— Вы принесли весть о смерти в дом, который посетила смерть. И мне теперь не для чего жить, — ответил Тиррел.

спрыгивая с коня и небрежно бросая поводья на ветку дерева.

— Что это значит, мистер Моубрей? — спросил Этерингтон, выпрямляясь, в то время как Джекил и капитан Мак-Терк недоуменно переглянулись.

— Это значит, сэр, что вы — негодяй и обманщик, присвоивший себе имя, на которое не имеете права, — ответил Моубрей.

— Это, мистер Моубрей, оскорбление, за которое мы с вами должны рассчитаться, не сходя с места.

— Да если бы вы и пожелали уйти отсюда, вам пришлось бы унести с собой кое-что потяжелее слов, — ответил Моубрей.

— Довольно, довольно, милостивый государь. Незачем прищипывать лошадь, которая и не думает упираться. Джекил, вы окажете мне любезность быть моим секундантом?

— Конечно, милорд, — сказал Джекил.

— А так как, видимо, нет надежды покончить дело соглашением, — произнес миролюбивый капитан Мак-Терк, — я, да поможет мне бог, счастлив буду поддержать моего достойного друга Моубрея Сент-Ронана своим присутствием и добрым советом. Какая удача, что мы здесь при необходимом оружии! Такое дело было бы крайне нежелательно откладывать и решать где-нибудь без свидетелей.

— Но я хотел бы сперва узнать, — сказал Джекил, — из-за чего произошла внезапная вспышка.

— Из-за ничего, — ответил Этерингтон, — мистер Моубрей, видимо, попал пальцем в небо. Он всегда знал, что его сестрица разыгрывает умалишенную, а сейчас, я полагаю, услышал от кого-нибудь, что в свое время она разыграла... дурочку.

— Ну, будет! — вскричал капитан Мак-Терк. — Давайте-ка, милейший капитан, заряжать пистолеты и отмерять расстояние, ибо, клянусь душой, если эти господа станут угощать друг друга такими конфетками, они пожалуй захотят стреляться через носовой платок, шорт побери!

При таких дружелюбных намерениях секунданты очень скоро отмерили должное расстояние. Оба со-

перника были известны как превосходные стрелки, и капитан даже предложил Джекилу побиться с ним об заклад на пинту гленливата, что первые же два выстрела уложат обоих. И он оказался почти прав: пуля лорда Этерингтона скользнула по виску Моубрея в тот самый миг, когда пуля Моубрея пронзила его сердце. Он подпрыгнул на ярд от земли и пал мертвым. Моубрей же стоял неподвижно, словно окаменев; опущенная рука его свисала вдоль тела, пальцы сжимали оружие смерти, дуло которого еще дымилось. Джекил подбежал поднять своего друга, а капитан Мак-Терк, надев очки, стал на одно колено, чтобы посмотреть ему прямо в лицо.

— Жаль, что нет здесь доктора Квеклебена, — произнес он, протирая очки и пряча их в шагреновый футляр. — Впрочем, он нужен был бы только для проформы: бедняга мертв, как гвоздь. Моубрей, мой мальчик, — обратился он к сент-ронанскому лэрду, беря его под руку, — нам с вами надо как можно скорее отправляться, чтобы не вышло хуже. У меня тут мой пони, вы на своей лошади — до Марчторна доберемся. Капитан Джекил, желаю вам доброго утра. Вам возвращаться пешком в гостиницу, не возьмете ли мой зонтик? По-моему, собирается дождь.

Не проехав в сопровождении своего спутника и ста ярдов. Моубрей бросил поводья и заявил, что не поедет дальше, пока не узнает, что с Кларой. Капитан начал уже находить, что подопечный у него слишком несговорчивый, когда мимо них проехал в своей почтовой карете Тачвуд. Узнав Моубрея, он велел остановить и сообщил ему, что сестра его находится в Старом городке и что сведения эти он получил на водах, куда из деревни присылали за врачом, которого, однако, не удалось привезти, ибо местный эскулап доктор Квеклебен был сегодня утром потихоньку обвенчан с миссис Блоуэр мистером Четтерли и новобрачные, как положено, уехали в свадебное путешествие.

В обмен на эти новости капитан Мак-Терк сообщил ему об участии лорда Этерингтона. Старик настоятельно посоветовал им немедленно бежать, и тотчас

же снабдил их средствами, заверяя, что окружит несчастную девушку всяческой помощью и заботами. Моубрея ему удалось убедить в том, что если он не уедет куда-нибудь подальше, его с сестрой весьма скоро разлучит тюрьма. Моубрей и его спутник помчались в южном направлении, благополучно добрались до Лондона, а оттуда вместе же отправились на полуостров, где в это время шли самые жаркие бои.

К повествованию нашему остается добавить немного. Мистер Тачвуд еще жив, строит всевозможные беспредметные планы и продолжает увеличивать свое состояние, не имея, по-видимому, никакого наследника. Старик неоднократно пытался сделать таковым Тиррела, навязывая ему при этом и свое покровительство. Однако эти поползновения лишь окончательно утвердили последнего в решимости покинуть страну. С той поры о нем никто ничего не слыхал, хотя ему стоит лишь появиться, чтобы получить титул и поместья Этерингтонов. Многие считают, что он стал членом одной из общин моравских братьев, которым и ранее жертвовал значительные суммы денег.

После отъезда Тиррела никто не решается строить догадок, как поступит старик Тачвуд со своими деньгами. Он часто говорит о пережитых им разочарованиях, но не хочет не то что понять, а даже допустить, что они были до некоторой степени вызваны его же страстью ко всевозможным хитростям и интригам. Многие полагают, что в конце концов наследником его окажется Моубрей Сент-Ронан. В последнее время сей джентльмен развил в себе качество, всегда вызывающее к человеку расположение у его богатых родственников: он стал исключительно бережливо относиться к тому, чем владеет.

Капитан Мак-Терк, едва ему снова довелось понюхать пороху, загорелся таким воинственным пылом, что снова перешел из запаса на действительную службу и уговорил своего спутника поступить в армию добровольцем. Позже Моубрей получил офицерский чин, и тогда обнаружилось поразительное различие в поведении между молодым сент-ронанским лэрдом и лейтенантом Моубреем. Первый был, как

мы знаем, расточителен, любил веселую и беспутную жизнь. Второй жил исключительно на свое жалование и при этом отказывал себе в удобствах и даже в приличных условиях существования, если мог таким образом сберечь лишнюю гинею. Он бледнел от волнения, если в редких случаях ему приходилось играть в вист по шести пенсов за фишку. Эта расчетливость и даже известная скупость мешают ему пользоваться у себя в полку той доброй славой, на которую он имел бы право благодаря своей храбрости и ревностному несению службы. Тот же мелочный, придирчивый счет фунтов, шиллингов и пенсов замечается у него и во взаимоотношениях с поверенным Миклемом — в противном случае тот собрал бы в свою пользу значительно большую мзду с сент-ронанского поместья, которое сейчас на попечении опекунов; имение уже начинает процветать, особенно с тех пор, как некоторые долги, весьма смахивающие на ростовщические, были выплачены мистером Тачвудом, который удовлетворился гораздо более умеренным процентом.

Вообще же в отношении поместья мистер Моубрей давал такие обстоятельные указания — и о том, как увеличивать доход с него, и о том, какие участки прикупать, — что старый Уинтерблоссом, с лукавым видом постукивая пальцем по своей обтянутой сафьяном табакерке, — а это всегда предшествовало у него какому-нибудь острому словцу, — любил говорить, что Моубрей дает обратный ход естественным природным превращениям и, побыв мотыльком, вновь обращается в куколку. Впрочем, эта бережливость, представляющая собой довольно обычную разновидность скупости, основывается, может быть, на той же страсти к приобретательству, которая в свое время гнала его к игорному столу.

Но в одном весьма примечательном отношении мистер Моубрей отказался от правил экономии, которыми руководствовался во всем остальном. Выкупив за очень большие деньги тот участок, который он ранее продал под гостиницу, жилые дома, магазины и т. п. вокруг Сент-Ронанских вод, он отдал категорический

приказ все это снести, и не допускает существования в своих владениях каких-либо зданий общественного пользования, кроме гостиницы в Старом городке, где непрерываемо царит миссис Додз, чей характер отнюдь не улучшился от времени, а властность не уменьшилась от полного отсутствия конкуренции.

Никто не мог бы с уверенностью сказать, почему же мистер Моубрей, со своей нынешней бережливостью, отказался от статьи, которая приносила бы ему значительный доход. Одни считали, что он слишком хорошо помнил свои бывшие безрассудства, другие утверждали, что все эти строения связывались для него с горестной судьбой его сестры. Люди из простонародья уверяли, что в бальном зале гостиницы появляется призрак лорда Этерингтона, а люди ученые говорили об ассоциации идей. Но все были согласны в том, что сейчас мистер Моубрей достаточно богат, чтобы потакать своим причудам, а в данном случае такова была его причуда.

Места у целебного источника вернулись к своему прежнему запустению. Светские львы и львицы со своими многочисленными приспешниками в синих сюртуках и еще более синих чулках, музыканты и танцоры, художники и дилетанты, писатели и критики разлетелись во все стороны, как голуби из разрушенной голубятни, на поиски других увеселительных мест и навсегда покинули Сент-Ронанские воды.

КОММЕНТАРИИ

«СЕНТ-РОНАНСКИЕ ВОДЫ»

Роман «Сент-Ронанские воды» обдумывался автором в течение лета 1823 года, был написан в ближайшие же месяцы и к концу года вышел из печати. Ему предшествовал «Квентин Дорвард», действие которого развивается во Франции XV века, и опубликованные ранее романы, опирающиеся, как правило, в своем сюжете на важные события из истории Англии. «Сент-Ронанские воды» обрывают этот ряд. Фабулу романа Вальтер Скотт освободил от связи с какими-либо известными историческими фактами, и это единственный роман Скотта, полностью ориентированный на живой материал современности. Содержание его по времени совпадает с годами молодости автора, по месту действия связано с ближайшими окрестностями его собственного имения. Биограф сообщает, что, разглядывая одну живописную деревушку, Вальтер Скотт в июле 1823 года говорил своим спутникам по прогулке: «А что, если написать роман, героем которого был бы здешний житель, а действие не выходило бы за околицу деревни?.. Под крышами этих домишек, наверно, найдется достаточно материала и для трагедии и для комедии... Я думаю, что в этот самый миг там разыгрываются события поистине романтические; надо только обработать их должным образом, и выйдет роман, который будет стоять всех наших вымышленных историй...»

Как бы в соответствии с таким планом действие «Сент-Ронанских вод» ограничено пределами самой узкой округи. Автор еще сужает жизненную сферу романа, вводя в него названия,

взятые с карты местности, граничащей с Эбботсфордом. Имена действующих лиц иногда даже повторяют имена людей, реально существовавших. Так, владычицу Клейкемского подворья Вальтер Скотт назвал подлинным именем хозяйки одной деревенской гостиницы, где ему самому случалось останавливаться. Более того — в авторской речи мелькают ссылки на личных друзей Скотта, людей ничем не знаменитых, кроме коротких отношений с писателем. Все это придает новому произведению Скотта характер особой и интимной достоверности. Современники, читавшие его роман, охотно искали — и часто находили — среди персонажей «Сент-Ронанских вод» прототипы своих знакомых, а обитатели одного небольшого курорта в Шотландии, признав описание места действия романа за описание их собственного поселка, выражали желание переименовать свой источник и называть его отныне Сент-Ронанским.

Десятые и двадцатые годы в Англии отмечены чрезвычайным обострением классовой борьбы. Развитие машинной индустрии тяжело отзывалось на материальном положении рабочих и имело последствием жесточайшую эксплуатацию и безработицу. Ухудшались также и условия жизни для земледельческого пролетариата: помещики превращали свои владения в пастбища для овец и сгоняли с земли арендаторов. Бедственное положение рабочего класса в Англии было в эти десятилетия частой темой книг и статей в европейской печати; известен интерес к этому вопросу и в России. Ко времени написания романа «Сент-Ронанские воды» в Англии учащаются выступления батраков, фермеров и рабочих — разрушителей машин; происходят мятежи во флоте и в армии, нередко кровавые столкновения с полицией. Правительство ссылало бунтовщиков на каторжные работы и не останавливалось перед смертными приговорами. Вальтер Скотт не раз отмечает в своих дневниках и письмах эти события, однако в романе о них нет упоминания. Вальтер Скотт, который в исторических романах обычно прямо и непосредственно указывает на генеральные конфликты эпохи, в этом романе поступает иным образом. Смысл и содержание современных конфликтов не обладали для Скотта той определенностью и законченностью, которую он привык находить в историческом прошлом. В дневнике его есть запись о том, что ему «представляется труднейшим жанром... описание действительной жизни современного общества, оттенки которой столь неуловимы, что их очень трудно закрепить на полотне». Не усматривая с достаточной ясностью,

в чем состояли первопричины, следствия и результаты современных конфликтов, Вальтер Скотт давал им только косвенное выражение, издали подходил к важнейшим темам современности. На первых же страницах романа изображается запустение шотландской деревни; по ходу развития фабулы часто появляются ее нищие обитатели, но автор обходит молчанием причины этих явлений. Подчеркнуто местный характер романа тоже указывает на желание писателя воздержаться от слишком широких социальных обобщений.

Роману свойственна антибуржуазная тенденция. Чистоган правит современным обществом, проникает его большие и малые дела и становится у Скотта как бы знаменем нового времени. Единственный мотив поведения, поглощающий все остальные для большинства действующих лиц, — это жажда денег. Стяжательство, стремление к богатству направляет действия графа Этерингтона, самого активного лица в романе. И хотя события романа разворачиваются в захолустье шотландской провинции, вдалеке от больших городов, а действующие лица взяты главным образом из помещичьей среды и дельцы, купцы и предприниматели почти не появляются на сцене, тем не менее и здесь деньги решают все. Их сила стала универсальной.

Одна из существенных тем Скотта — контраст между старой и новой Шотландией, говоря шире — контраст между патриархальной, старинной и новейшей буржуазной цивилизацией с ее техническими завоеваниями, с ее материальным прогрессом. В какой-то степени Старый городок Сент-Ронан — одна сторона этой коллизии, поселок у источника Сент-Ронанские воды — другая. Вальтер Скотт далек от прямолинейности консервативных романтиков, отметавших все новое во имя старинных укладов жизни. Но он не желает и превращаться в апологета буржуазности. Заметны его симпатии к иным чертам прошлого, однако оплакивать прошлое он предоставляет персонажам несколько комического свойства и в пользу прошлого не высказывается непосредственно, от собственного лица. Что же касается современности, то Скотту, так же как и другим писателям — его сверстникам, очень трудна была задача отделить прогресс современного общества от его буржуазных форм. Он не желает принимать эти формы, но он не желает и отказываться от прогресса. Интересно в этой связи одно высказывание Скотта в письме к Джоанне Бейли, его приятельнице. Скотт пишет ей по поводу железной дороги, прокладываемой неподалеку: «Я наблюдаю

растущее могущество пара отчасти с гордостью, отчасти с печалью, отчасти досадуя и отчасти радуясь ему».

Как бы то ни было, Вальтер Скотт никогда не отказывается от сопоставлений старины и новизны. Важнее, чем та или иная эмоциональная оценка обеих сторон, сравнительная характеристика их. Вальтер Скотт как бы прибегает к сравнительно-историческому методу: современность познается глубже, когда рядом с нею картины недавнего прошлого.

Как и в других романах Скотта, в этом тоже присутствует национальная тема. Она не подчеркнута, а только просвечивает здесь. В неприязненных речах местных жителей против приезжих англичан, как подпочва этой неприязни, звучит глухое недовольство шотландцев, потерявших свою национальную самостоятельность.

Особый предмет критики Скотта — «высший свет», светское общество, населяющее Сент-Ронанские воды. Критика эта настолько остра, что подчас переходит в настоящий памфлет. Карикатурный характер изображения светского общества, наряду с тем обстоятельством, что большинство отрицательно изображенных персонажей — англичане, вероятно, послужил основанием для резких нападков на роман и в Эдинбурге и в Лондоне. Вальтер Скотт, тори, консерватор по своим политическим убеждениям, в этом романе отнюдь не проявляет себя сторонником аристократии. Светское общество в изображении Скотта лишено серьезных интересов, погрязает в пустых развлечениях, занято интригами, сплетнями и пересудами. Здесь все поддельно — чувство и просвещение, титул и богатство. Любопытна полемика автора против светского кодекса чести, против дуэлянтства, распространенного в светской среде. В дуэлях он не усматривает ничего романтического, в противоположность многим своим современникам в континентальной Европе. Кстати, у Скотта был и личный повод нападать на обычай дуэли — один из его близких друзей погиб на поединке в том же году, когда писался роман.

Роман «Сент-Ронанские воды» в целом носит меланхолическую окраску. Ее никак нельзя считать подсказанной какими-либо биографическими мотивами, так как в пору писания этого романа Скотт находился на вершине славы и успеха. К меланхолии располагало автора, очевидно, созерцание судеб современного ему общества, обремененного коллизиями, для которых он не предвидел безболезненного разрешения.

По своей литературной традиции этот роман примыкает к жанру так называемого готического романа, имевшего в конце XVIII и начале XIX века чрезвычайное распространение. В «Сент-Ронанских водах» налицо многие сюжетные мотивы, характерные для этого жанра. Тайна, разделяющая героя и героиню, их погубленная любовь, братья — соперники в любви и соперники по наследованию титула, трагический исход и гибель героини — все это признаки готического романа. Но у Скотта готический роман перестает быть эмоциональным жанром, откинута мистика промысла, иррациональная психология и феодальный колорит. Роману присущи тот социальный анализ, тот интерес к современным нравам и быту, которые сближают его с произведениями английских реалистов восемнадцатого века и ведут к реалистам века девятнадцатого.

«Сент-Ронанские воды» оказали в свое время заметное влияние как на английскую, так и на общеевропейскую литературу. Появившись в конце 1823 года, роман в 1824 году уже вышел в Париже во французском переводе и не замедлил появиться в книжных лавках Петербурга и Москвы, где многие в то время спешили познакомиться «с романом новым Вальтер Скотта». Отклики на него засвидетельствованы у Пушкина, о нем писал — и оценивал его высоко — Белинский, его читали Достоевский и Тургенев. Исторические романы Скотта имели важнейшее значение не только в пределах исторического жанра. Они стали школой для европейских романистов, посвятивших себя изображению современной жизни. В «Сент-Ронанских водах» сам Вальтер Скотт показал пример перехода от романа исторического к роману, прямо обращенному к европейской современности,

Стр. 7. *Вордсворт* Уильям (1770—1850) — английский поэт-романтик, представитель «озерной школы». В эпиграфе — несколько измененная цитата из стихотворения «Скачок оленя».

Стр. 8. «*Эвелина*» — вышедший в 1778 г. роман английской писательницы Фрэнсис Берни (1752—1840).

«*Супружество*» — изданный в 1818 г. роман английской писательницы Сьюзен Ферриер (1782—1854).

Эджуорт Мария (1767—1849) — английская писательница, автор нравоучительных романов из светской жизни, а также повестей, рисующих быт ирландской провинции. Ее творчество получило высокую оценку Вальтера Скотта,

Остин Джейн (1775—1817) — английская писательница, автор семейно-бытовых романов, написанных в реалистической манере.

Чарлот Смит (1749—1806) — английская писательница. Наиболее известный ее роман — «Старое поместье» (1793).

Стр. 10. *Дрокенсер* — драчун и забияка, персонаж из пьесы «Репетиция», поставленной в 1671 г., авторами которой были герцог Бакингом и несколько других писателей.

Стр. 11. ...«*на лету подстрелить любую глупость*» — цитата из поэмы «Опыт о человеке» (1734) английского поэта Александра Попа (1688—1744).

К югу от Твида — то есть в Англии, так как по реке Твид проходит граница между Шотландией и Англией.

Стр. 12. *Скелтон Джон* (1460—1529) — английский поэт, автор аллегорических и сатирических произведений.

Совы султана Махмуда. — Во время правления султана Махмуда (1785—1839) в Турции царил разорение из-за неудачных войн и частых восстаний в стране.

Каледония — старинное название и поэтическое обозначение Шотландии; римляне называли Каледонией всю северную часть Британии.

Дэвид Макферсон (1746—1816) — историк; издавал старые шотландские хроники; имеется в виду его книга по исторической географии Шотландии (1796).

Стр. 13. *Форт* — река в Шотландии, вблизи устья которой стоит Эдинбург.

Стр. 15. «*Памятники*» *Перси*. — Под названием «Памятники старинной английской поэзии» поэт и ученый Томас Перси (1729—1811) издал в 1765 г. антологию средневековых английских и шотландских баллад, а также песен и стихотворений XVI—XVII вв.; сборник имел важное значение для развития английской литературы.

Стр. 16. *Пресвитериане* — особое течение среди протестантов, близкое к кальвинистам. Пресвитериане держатся более демократической церковной организации, не признают иерархии, не имеют епископов. Пресвитерианская церковь возникла в Шотландии и в конце XVI в. была объявлена государственной.

Стр. 17. *Дом Дугласов* — могущественный род шотландских феодалов, сыгравший большую роль в жизни страны в средние века.

Иаков II (1633—1701) — последний английский король из династии Стюартов, правивший с 1685 по 1688 г. Он стремился установить абсолютную монархию с господством католической церкви и жестоко подавлял в Шотландии все попытки национального сопротивления.

Данбарская битва. — В 1650 г. в городе Данбаре шотландское войско, собранное сыном казненного короля Карла I, было наголову разбито английской революционной армией под начальством Кромвеля.

Кромвель Оливер (1599—1658) — выдающийся деятель английской буржуазной революции XVII в., полководец пуританской армии.

Аллен Рэмзи (1686—1758) — поэт и собиратель шотландской народной поэзии. *Уильям Уорти* — персонаж одной из его баллад.

...после революции... — Имеется в виду переворот 1688 г., когда был свергнут Иаков II и при поддержке английской буржуазии престол был передан новому королю, Вильгельму III, власть которого стала впредь ограниченной.

Стр. 18. *Лэрд* — в Шотландии название землевладельца, помещика.

Стр. 19. *Королева Бесс* — английская королева Елизавета I (1533—1603).

Эразм Роттердамский (1466—1536) — гуманист, сторонник Реформации, ученый-филолог, враг схоластики. Происходил из Голландии, но проживал также в Германии и Англии.

Стр. 22. *Тони Лэмкин* — невежественный, хвастливый и самодовольный помещик, персонаж комедии Голдсмита «Она склопнется ради победы» (1773).

Дик Тинто — художник, персонаж романа «Ламмермурская невеста».

Стр. 25. *Амариллида* — пастушка, героиня стихотворения Вергилия; часто встречается как имя сельской красавицы в поэзии XVIII в.

Хай-стрит — одна из главных улиц в Эдинбурге.

...«верного среди неверных»... — цитата из «Потерянного рая» (V, 823) — поэмы Джона Мильтона (1608—1674), великого английского поэта и политического деятеля эпохи английской революции XVII в.

Стр. 26. *Кумушка Куикли* — трактирщица, женщина ловкая и словоохотливая; действующее лицо в хрониках Шекспира

«Король Генрих IV» и «Король Генрих V», а также в комедии «Виндзорские проказницы».

Стр. 27. *...великан Римский Папа в «Пути паломника»...* — «Путь паломника» — аллегорический роман писателя-пуританина Джона Баньяна (1628—1688), где глава католической церкви, как заклятый враг пуритан, изображается в виде злобного чудища.

Вергилий (70—19 г. до н. э.) — римский поэт, автор поэмы «Энеида», одной из героинь которой является Дидона. Вергилий имел большое влияние на средневековую поэзию в Европе и сохранил свое значение поэтического образца и в эпоху Возрождения и классицизма. В XVIII в. были часты подражания, переделки, а также пародийные переложения Вергилия. Цитата взята из IV книги «Энеиды».

Бутс. — Этот «вольный перевод» принадлежит самому Скотту.

Стр. 32. *Мастер Фрэнси.* — Мастер (сударь) — слово, применяющееся в качестве почтительного обращения; ставится перед именем юноши либо перед именем ремесленника или ученого.

Стр. 37. *...не держусь квакерской веры...* — Квакеры — протестантская секта, образовавшаяся в середине XVII в. в Англии и позже распространившаяся в Северной Америке; квакеры соблюдают простоту в быту, отрицают воинскую повинность и обходятся без священников, заменяя их проповедниками из своей среды.

Матушка Бакен — Элспет Бакен (1738—1791), основательница одной из пуританских сект.

Стр. 38. *Купель Вефизды* — по преданию, источник в Иерусалиме, известный чудесными исцелениями окунавшихся в него больных.

Стр. 39. *Роб Бернс* — Роберт Бернс (1759—1796), шотландский поэт, в своих балладах и песнях следовавший народной традиции.

Епископальники — последователи епископальной церкви, созданной на основе церковной реформы XVI в. и управляемой епископами, но отрицающей верховное руководство папы римского.

Методисты — протестантская секта, возникшая в начале XVIII в.

Стр. 40. *...в троицу и в Мартынов день...* — Троица и Мартынов день (11 ноября) — дни расчета и уплаты ренты.

Инвеститура — документ, удостоверяющий ввод во владение.

Стр. 44. *Правительство любому строю нужно...* — Эпиграф Скотта, также как и к главам VI, IX, X, XI, XXIII, XXVII, XXXII, XXXIII, XXXVIII, XXXIX.

Стр. 45. *Пиблз* — местность неподалеку от поместья Скотта.

Стр. 47. *Нэш* Ричард (1674—1762) — знаменитый в свое время английский щеголь, игрок и законодатель мод. Долгое время был признанным устроителем празднеств и вообще направлял светскую жизнь в модном в XVIII в. курорте Бат, на северо-западном побережье Англии.

Стр. 48. *Сквайр* — помещик, наиболее значительный земле-владелец в приходе. «Сквайр» — английское название помещика, в противоположность шотландскому обозначению «лэрд».

Стр. 49. *...каледонским Гименеем...* — намек на обстоятельства свадьбы сэра Бинго (в Шотландии заключение брака не обставлялось такими формальностями, как в Англии).

Стр. 50. «*Любовь растений*» — опубликованная в 1789 г. поэма, вернее — стихотворный трактат по ботанике, английского писателя и ученого Эразмуса Дарвина (1731—1802).

Сказка про Фортуньо — английская сказка, героиня которой, переодевшись в мужское платье и назвавшись мужским именем, совершает с помощью своих товарищей различные подвиги.

Стр. 51. *Сэр Джон Фальстаф* — действующее лицо в исторической хронике Шекспира «Король Генрих IV» и комедии «Виндзорские проказницы».

Стр. 52. *Гаррик Дэвид* (1717—1779) — знаменитый английский актер и руководитель театра.

Фут Сэмюель (1720—1774) — английский актер и драматург.

Боннел Торнтон (1724—1768) — писатель-сатирик и издатель журнала.

Лорд Келли. — Имеется в виду Хью Келли (1739—1777), драматург и журналист.

Стр. 53. *Боу-стрит* — улица в Лондоне, на которой помещается главное полицейское управление.

Стр. 54. *Кэм* — речка, протекающая через территорию Кэмбриджского университета.

Айсис — одна из двух небольших речек, протекающих через территорию Оксфордского университета.

Джек Пудинг — шут в народной английской комедии.

Стр. 55. *Прайор Мэтью* (1664—1721) — английский поэт, автор лирических песен, эпиграмм и баллад.

Стр. 56. *Исполнены его потребности все* — несколько измененные Скоттом слова из 280 гимна англиканской церковной службы.

Бельведер (итал.) — в средние века — высокая дозорная башня; позднее так называли возвышенность, откуда открывался далекий и красивый вид.

Стр. 57. *Негус* — горячий напиток, приготовленный из нескольких сортов вина.

Тамаринд — дерево из породы бобовых, растущее в тропических областях; бобы тамаринда применяются в кондитерской промышленности и в медицине.

Клейкемское подворье — от слова «клею» — крюк, на шотландском диалекте; крюком заканчивается епископский посох святого Ронана, изображенного на вывеске Мер.

Стр. 60. *Асканий* — сын Энея, главного героя «Энеиды» Вергилия, мифический основатель одного из древних римских городов и родоначальник римских цезарей. Цитата взята из песни IV, стих 159.

Камберленд — графство на северо-западе Англии, так называемая Страна озер, где жил поэт Вордсворт.

Сиднемский луг — южное предместье Лондона.

Сент-Джеймская площадь — площадь в центре Лондона.

...до берегов Босфора — намек на Байрона, который, когда Скотт писал свой роман, был в Греции.

Стр. 64. *...встретиться... с французами...* — В начале XIX в. Англия вела борьбу против Наполеона — англичане воевали с французами в Испании, где Англия поддерживала испанцев.

Стр. 66. *Джонсон Сэмюел* (1709—1784) — английский писатель и литературный критик.

Александр Поп — см. прим. к стр. 11.

Стр. 69. *«Как вам это понравится»* — комедия Шекспира. Цитата (V, 5) несколько изменена Скоттом — у Шекспира сказано: «Все это можно купить».

Стр. 70. *...человек менее всего одинок, будучи в одиночестве* — слова римского государственного деятеля Циципона.

Ликорида. — Под этим именем римский поэт Галл (69—26 г. до н. э.) выводил в своих элегиях некую актрису.

Стр. 71. *Тимон Клейкемский* — так назван здесь Тиррел по аналогии с человеконенавистником Тимоном Афинским, героем одноименной пьесы Шекспира,

Стр. 81. *Буэнос-Айрес*. — Имеется в виду прилегающий к столице Аргентины скотоводческий район.

Стр. 84. *Андреа Феррара* — итальянский оружейный мастер, работавший в Шотландии в XVI в.

Стр. 87. *Кресло Банко*. — В трагедии Шекспира «Макбет» на пиру оставленное пустым кресло занимает призрак предательски убитого Банко.

Олдермен — член городского управления или совета графства.

Чернокудрая Дама — персонаж из одноименной баллады английского поэта Сэмюэла Колриджа (1772—1834).

«*Скользя, как ночь, из края в край...*» — несколько измененная цитата из поэмы Колриджа «Старый моряк».

Стр. 88. *Мэтью Льюис* (1775—1818) — английский писатель, автор романа «Монах», романтических баллад и трагедий.

Стр. 89. *Лувр* — парижский музей, помещающийся во дворце, носившем это название.

Эвфрозина — одна из спутниц богини любви в греческой мифологии — «радостная» (греч.).

Пенсерозо — задумчивый (итал.). Название стихотворения Джона Мильтона.

Стр. 90. *Орlando* — герой романа в стихах «Неистовый Роланд» итальянского поэта Лодовико Ариосто (1474—1533). В припадке любовной тоски Орlando удаляется от людей в леса и сочиняет там стихи в честь своей возлюбленной.

Арденнский лес — район на северо-востоке Франции, где будто бы происходили события, описанные у Ариосто.

Стр. 91. *Аркадия* — местность в Греции, которая в древности изображалась счастливой страной.

Стр. 92. *Каупер* Уильям (1731—1800) — английский поэт, реалист и моралист.

Стр. 93. ...«*порхая шаловливо на носках*» — цитата из стихотворения Мильтона «Аллегро» (радостный — итал.).

Стр. 95. *Валаам* — библейский пророк, остановленный на неправедном пути своей ослицей, чудесно наделенной в этот миг человеческой речью.

Стр. 96. *Люгер* — небольшое судно с четырехугольным парусом.

Стр. 97. *Мак-Грегор* — один из эдинбургских врачей того времени.

Стр. 99. *Болезнь одоматозного характера* — нездоровье, вызванное опухолью.

Магнум — большая винная бутылка, около 2½ литров.

«*Бинго*» — песенка на текст Берема (1788—1845).

Стр. 100. *Литский рейд*. — Лит — город в устье реки Форт, служащий портом для Эдинбурга.

Стр. 102. *Карака* — большое грузовое судно.

Стикс — река, за которой, по верованиям древних греков, начиналось царство мертвых.

Стр. 103. *Двенадцатое августа* — день начала охоты в Шотландии.

Стр. 109. «*Когда б, как львы, они пришли сюда...*» — неточная цитата из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» (акт V, сц. 1).

Лорд Честерфилд (1694—1773) — английский дипломат, автор «Писем к сыну», в которых излагаются правила поведения в светском обществе.

Стр. 110. *Томас Раймер* — шотландский поэт XIII в., с течением времени сам сделавшийся героем легенд и баллад.

«*Доброй ночи, сударыни! Доброй ночи вам, милые дамы...*» — слова Офелии из «Гамлета» Шекспира (акт IV, сц. 5).

«*Подайте мне карету!*» — слова Офелии, там же.

Коня, коня! — слова Ричарда III из одноименной пьесы Шекспира (акт V, сц. 4).

Стр. 114. *Оссиан* — мифический кельтский герой и народный певец. Шотландский поэт Джеймс Макферсон (1736—1796) опубликовал в 1762—1765 гг. собственное переложение древних кельтских легенд, выдав их за подлинные «Песни Оссиана».

Стр. 116. *Сорок пятый год*. — В 1745 г. в Шотландии произошло восстание в связи с последней попыткой реставрации Стюартов, организованной Карлом Эдуардом, правнуком казнённого короля и претендентом на престол Англии и Шотландии. Восстание это послужило сюжетом романа Скотта «Уэверли».

Стр. 118. *Файвз-корт* — площадка для игры в файвз — особой игры в мяч.

Стр. 119. *Достойно ли мужчины это?* — Шекспир, «Макбет» (акт III, сц. 4).

Сиддонс Сара (1755—1831) — английская актриса, славилась исполнением ролей в пьесах Шекспира и особенно роли леди Макбет, слова которой повторяет здесь Клара Моубрей.

Стр. 125. *Лев рыкающий и лев посрамленный* — характерные изображения льва на рыцарских гербах.

Бетти Фой — персонаж из стихотворения Вордсворта «Слабоумный мальчик».

Стр. 132. ...«*все мы — актеры, а мир всего-навсего — подмостки*» — цитата из комедии Шекспира «Как вам это понравится» (акт II, сц. 7).

Стр. 135. *Отель Лонга* — известная лондонская гостиница того времени.

Стр. 140. *Оруноко* — герой романа «Оруноко, или Царственный раб» (1688) английской писательницы Афры Бен (1640—1689).

Стр. 142. *Нобль* — старинная золотая монета.

Стр. 144. *Аутер-хауз* — крыло здания университета в Эдинбурге, где занимались студенты-юристы.

Стр. 158. *Макиавелли* (1469—1527) — итальянский государственный деятель и писатель. Здесь — символ изощренного дипломата и хитреца.

Стр. 159. «*Король и не король*» — пьеса английских драматургов Фрэнсиса Бомонта (1584—1616) и Джона Флетчера (1579—1625).

Стр. 161. ...*на дороге в... Ковентри*. — «Быть изгнанным в Ковентри» — выражение, означающее: «подвергнуться всеобщему осуждению».

Стр. 170. «*Виндзорские проказницы*» — комедия Шекспира. Цитата из III акта, сц. 1.

Белчер — известный боксер того времени.

Стр. 175. *Коронер* — следователь по делам об убийствах.

Стр. 179. *Боб Эйкрз* — персонаж из комедии Шеридана (1751—1816) «Соперники» (1775), неуклюжий и простоватый помещик, превращающийся в светском обществе в хвастуна и труса.

Стр. 180. *Махаон* — один из героев Троянской войны, владевший искусством врачевания.

Стр. 183. *Герцог Веллингтон* (1769—1852) — английский политик и генерал, в 1805—1814 гг. стоял во главе английских сил на континенте, выступавших против Наполеона.

Стр. 184. «*Мера за меру*» — комедия Шекспира. Цитата из II акта, сц. 2.

Стр. 185. *Пиккадилли* — улица в центре Лондона.

Стр. 189. «*Поспешай медленно*» — выражение римского императора Августа (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.),

Стр. 198. *«Король Иоанн»* — историческая хроника Шекспира. Цитата из I акта, сц. 1.

Стр. 199. *Фартинг* — самая мелкая английская монета.

Каури — раковина, служившая разменной монетой в Индии.

Пайса — индийская мелкая монета.

Стрэнд — деловой квартал и улица банков в Лондоне.

Брюс Джеймс (1730—1794) — английский путешественник.

Гондар — город в Эфиопии.

Индоссамент — подтверждающая подпись на обороте векселя.

Уиллоуби — дворянский род в Шотландии. В сборнике Томаса Перси имеется баллада «О храбром лорде Перегрине Уиллоуби».

Стр. 202. *Американская война* — война американских колоний за независимость, которую они вели с Англией в 1775—1783 гг.

«Бушуете вы, как вода, и не будет вам успеха» — цитата из библии (Книга Бытия, 49, 4).

Том Пейн (1737—1809) — англо-американский просветитель, публицист, сторонник независимости американских колоний.

Стр. 203. *Регана с Гонерильей* — дочери короля из трагедии Шекспира «Король Лир».

Святой Эгидий — отшельник VII в., аскет, покровитель калек и нищих.

Стр. 204. *Дисконтировать* — учесть вексель.

Спа — известный курорт во Франции; вообще — источник минеральных вод, целебный источник.

Ярмарка тщеславия — аллегорическое изображение мирской суеТЫ в книге Баньяна «Путь паломника».

Стр. 205. *Небесная империя* — старое название Китая при монархии.

Леденхол-стрит — улица в Лондоне, где производится торговля съестными припасами.

«Зритель» — журнал, издававшийся в Лондоне в начале XVIII в.; в это время в Лондоне распространились кофейни, где за кофе и чаем — напитками, лишь недавно вошедшими в употребление, вершились литературные дела. Время это получило шутовское название «век кофеев».

Стр. 206. *Челтнем* — курорт минеральных вод в Англии.

Стр. 209. *Вильгельм Рыжий* (1056—1100) — английский король, утвердивший власть норманнов в Англии; был убит на охоте неким Уолтером Тиррелом.

Стр. 211. *Вента, хан, караван-сарай* — испанское, персидское и турецкое названия постоялого двора.

Стр. 212. *Королева Мэб* — в английском фольклоре королева фей, о ней рассказывает Меркуцио в «Ромео и Джульетте» Шекспира.

Голдсмит Оливер (1728—1774) — английский писатель, поэт и драматург.

Стр. 213. *Бедреддин Хассан* — персонаж из сказок «Тысяча и одна ночь», отличавшийся кулинарным искусством.

Стр. 215. *Кэрри* — острый соус, индийское национальное блюдо.

Малегатони — пряная похлебка в Индии.

Сэр Джон Синклер (1754—1835) — английский экономист и писатель, составивший экономическое описание Шотландии.

Стр. 218. *Воанергес* — «сын грома» (греч.); в евангелии — прозвище некоторых апостолов, проповедников христианского учения.

Ковенант — заключенный в 1643 г. союз Шотландии с английским парламентом против короля Карла I; целью соглашения являлось установление пресвитерианской церкви в обеих странах.

Доналд Каргил (1619—1682) — участник Ковенанта; отлучение короля было объявлено в 1680 г.

Карл II — сын казненного Карла I, восстановивший монархию в Англии и Шотландии; занимал королевский престол с 1660 по 1685 год.

Стр. 221. *Каденус, Ванесса* — герои поэмы Джонатана Свифта (1667—1745). Свою ученицу Эстер Свифт изобразил под именем Ванессы, себя — под именем Каденуса.

Ему милее всех отрад... — цитата из этой поэмы.

Стр. 224. *Маго Пико* — персонаж из книги Хэлибертона «Записки Маго Пико» (1761).

Стр. 225. *Бельтенеброс* — одно из прозвищ Амадиса Галльского, героя рыцарского романа XV в.

Стр. 228. *Батлер Сэмюел* (1612—1680) — английский поэт, автор иронично-комической поэмы «Гудибрас», направленной против пуритан. В эпиграфе — цитата из этой поэмы.

Стр. 231. *Акона, Аккора, Сен-Жан д'Акр* — разные названия Аккры, города в Сирии, в 1191 г. захваченного крестоносцами.

Стр. 232. *Бони* — фамильярное прозвище Наполеона Бонапарта; речь идет об египетском походе Наполеона в 1798—1799 гг.

Джезар-паша (1735—1804) — авантюрист из Боснии. Командовал египетской армией Али-паши, удерживал Бейрут против турок, успешно защищал в 1799 г. Аккру от Наполеона.

Стр. 235. *Пифагорейское убожество* — то есть весьма скудное. Последователи греческого философа Пифагора вели аскетический образ жизни.

Стр. 236. *Гимнософисты* — индийские философы, аскеты, проводившие время в созерцании и размышлении.

Босуэл Джеймс (1740—1795) — друг и собеседник доктора Джонсона (см. прим. к стр. 66), написавший его биографию; в 1776 г. устроил обед, на котором должен был быть Джон Уилкс (1727—1797), известный либерал и публицист. Так как Джонсон держался консервативных убеждений, то встречу эту организовать было трудно. Однако благодаря стараниям Босуэла она состоялась, и между Джонсоном и Уилксом завязались дружеские отношения.

Строн — книгоиздатель, друг Джонсона.

Стр. 237. *Гийом Тирский* (1130—1190) — средневековый историк крестовых походов.

Раймон де Сен-Жиль — средневековый летописец.

Абуль-Фарадж (1226—1286) — сирийский историк и ученый.

Парнел Томас (1679—1718) — английский писатель, журналист, автор поэмы «Отшельник».

Стр. 238. *Саладин* (1138—1193) — первый султан Египта, завоеватель Сирии, успешно боровшийся с крестоносцами.

Ричард Львиное Сердце (1157—1199) — король Англии, участник крестовых походов.

Хайдер Али (1722—1782) — правитель Индии, объединивший под своей властью большую часть индийской территории; вел решительную борьбу с Ост-Индской компанией и был главным противником англичан в Азии.

Сэр Эйр Кут — генерал английской армии, много путешествовавший по Азии в середине XVIII в.

Хаджи — мусульманин, совершивший паломничество в Мекку; отличительный признак хаджи — зеленая чалма.

Стр. 239. *Кэмден* Уильям (1551—1623) — английский историк и археолог, составивший первое описание Англии.

Стр. 242. *Сантон* — мусульманин-отшельник.

«*Рассерженный супруг*» — комедия, начатая драматургом Джоном Ванбру (1664—1726) и законченная Колли Сиббером (1671—1757).

Стр. 243. *Барез* — курорт с минеральными водами на юге Франции.

Стр. 244. *...любовь Алфея к Аретузе...* — В греческих мифах рассказывается о любви речного бога Алфея к нимфе Аретузе. Спасаясь от Алфея, она превратилась в источник, но Алфеей из любви к ней стал рекою, чтобы их воды соединились.

Стр. 246. *Окендейл* — «дубовая долина». Дубовый листок со времен реставрации Стюартов в 1680 г. был их эмблемой. Моубрей же по рождению своему принадлежит к сторонникам Стюартов, поэтому название поместья намеченной им жертвы кажется ему счастливым предзнаменованием.

Сулиоты — греко-албанское горное племя, в XVIII—XIX вв. отважно сопротивлявшееся туркам.

«Что мне страх...» — Байрон, «Паломничество Чайлд-Гарольда», песнь III, строфа 72.

Скандербег (1405—1468) — национальный герой Албании, возглавивший борьбу с турецкими поработителями.

«Войной чревата встреча грека с греком». — Цитата из пьес Натаниеля Ли (1653—1692).

Стр. 248. *Уил Аллен* (1782—1850) — шотландский художник, жанрист и баталист, проживший около десяти лет в России.

Стр. 253. *Паф* — персонаж из комедии Шеридана «Критик» (1779).

Стр. 254. *Лайон* — местность на южном берегу Корнуэлла.

Айлей — самый южный из Гебридских островов; место действия поэмы Скотта «Повелитель островов».

Сноудон — самая высокая гора в Уэльсе, в южной части Англии.

Стр. 262. В эпиграфе цитата из «Ричарда III» Шекспира (акт III, сц. 1).

Стр. 263. *Харроугейт* — город на северо-западе Англии, который славится своими минеральными источниками.

...Сент-Джеймской кофейни... — Сент-Джеймская кофейня в Лондоне — средоточие фешенебельной жизни.

Стр. 265. *...омоченные кровью кудри*. — Цитата из «Макбета» Шекспира (акт III, сц. 4).

...пузыри, порожденные природой — отклик на известные строки из «Макбета» (акт 1, сц. 2) — слова Банко.

Стр. 266. *Остров святых*. — Островом святых и ученых называли во времена раннего средневековья Ирландию, где сохранились монастыри с грамотеями и учеными.

Стр. 269. В эпитафии цитата из «Гамлета» Шекспира (акт II, сц. 2).

Стр. 270. *Петруччо* — герой комедии Шекспира «Укрощение строптивой».

Стр. 276. ...от Шекспира до О'Кифи — О'Кифи Джон (1747—1833) — английский драматург, автор посредственных фарсов и оперетт.

Стр. 279. ...*Иакова VI Шотландского и его злосчастного сына*. — Иаков VI — сын Марии Стюарт; родился в Эдинбурге в 1566 г.; после смерти английской королевы Елизаветы унаследовал английский престол под именем Иакова I (1603—1625). Его сын Карл I (1625—1649) был казнен по приговору революционного парламента.

Стр. 282. *Гоу* — семья шотландских музыкантов, композиторов, собирателей и издателей старинных шотландских песен. Здесь имеются в виду Натаниель Гоу (1763—1831) и его отец Нйил Гоу (1727—1807).

Стр. 285. *Сураг* — город в Индии.

...*кровью Али*. — Али — четвертый мусульманский калиф, муж дочери Мохаммеда Фатимы, убитый в городе Куфе. У мусульман-шиитов почитается как святой.

Стр. 286. ...*одевает он свою сестру, как бегуму*. — Бегума — женский княжеский титул в Индии.

Стр. 287. *Не в добрый час я при сиянье лунном...* — Цитата из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» (акт II, сц. 1).

Стр. 288. ...*картина сэра Джошуа*... — Имеется в виду английский художник Джошуа Рейнолдс.

...*в великолепной коллекции картин и рисунков на темы Достопочтенного барда*. — Речь идет о собранной английским гравёром и торговцем картинами Бойделом (1718—1804) коллекции картин и рисунков на темы Шекспира.

Стр. 290. «*Монимуск*» — старинный шотландский танец.

Стр. 291. В эпитафии цитаты из комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви» (акт IV, сц. 3 и акт V, сц. 2).

Стр. 292. *Термагант* — персонаж старинных фарсов и моралите, изображающий вымышленное христианской фантазией «мусульманское божество».

Стр. 298. *Вэленгайн* (или Валентин) и *Орсон* — герои одноименного рыцарского романа (XV в.).

Стр. 299. ...*злосчастный лапутский философ* — намек на комические персонажи из «Путешествия Гулливера» Свифта, фи-

лософов страны Лапуты, в лице которых Свифт высмеял важных и напыщенных лжеученых своего времени.

Стр. 303. *...мы вели себя не очень примерно в сорок пятом году...* — намек на поддержку сторонниками шотландской епископальной церкви последнего представителя династии Стюартов, принца Карла, так называемого претендента, во время восстания 1745 г.

Драйден Джон (1631—1700) — английский драматург и поэт.

Стр. 304. *Конрад Монсерратский* — один из участников третьего крестового похода.

Лейден Джон (1775—1811) — ученый-востоковед и знаток шотландского фольклора.

Стр. 308. В эпиграфе цитата из комедии Шекспира «Укрощение строптивой» (акт III, сц. 2).

Стр. 322. *...новую книжку Кэмбела.* — Томас Кэмбел (1777—1844) — английский поэт и литературный критик.

Стр. 323. *...к временам Клариссы Гарлоу и Хэрриет Байрон...* — Кларисса Гарлоу — героиня одноименного романа английского писателя Ричардсона (1689—1761). Хэрриет Байрон — героиня романа того же писателя «Сэр Чарлз Грандисон».

Стр. 329. В эпиграфе цитата из трагедии Шекспира «Король Лир» (акт V, сц. 1).

Стр. 335. В эпиграфе цитата из «Короля Лира» (акт IV, сц. 6).

Стр. 343. *Лжесозий* — персонаж из пьесы римского комедиографа Плавта «Амфитрион», бог Меркурий, принявший облик Созия, слуги царя Амфитриона.

Стр. 349. В эпиграфе цитата из исторической хроники Шекспира «Ричард II» (акт IV).

Стр. 358. *Ньюмаркет и Тэттерсол.* — Ньюмаркет — город в Англии, где до сих пор происходят скачки и бега и ведется азартная игра. Тэттерсол — конский рынок в Лондоне.

Стр. 361. «*Гэзетт*» — официальный орган английского правительства, печатавший все правительственные постановления, распоряжения и т. п.

Стр. 363. *...к услугам племени Иссахарова* — то есть к услугам ростовщиков-евреев. Иссахар — в библии родоначальник одного из двенадцати израильских племен.

Стр. 375. *Барон-бэйли* — должностное лицо, стоящее во главе шотландской баронии (части графства, как административной единицы).

Стр. 377. *...пытаясь увернуться от Харибды, налетел на Сциллу.* — Харибда и Сцилла — чудовища античной мифологии, подстерегавшие путешественников по обеим сторонам Мессинского пролива, в самом узком его месте.

Добрый самаритянин — персонаж евангельской притчи, оказавший помощь путнику.

Стр. 387. *Трехбунчужный паша* — одно из высших званий в военной и гражданской администрации старой султанской Турции. В торжественных случаях перед пашами носили их знаки отличия — один, два или три бунчука (конских хвоста).

Стр. 390. В эпитафе цитата из исторической хроники Шекспира «Король Генрих IV», ч. 1 (акт V, сц. 1).

Стр. 410. В эпитафе цитата из пьесы Шекспира «Мера за меру» (акт IV, сц. 3).

Стр. 413. *Баркли* — известный в начале XIX в. английский спортсмен-пешеход.

Стр. 414. *...по методу профессора Джексона.* — Имеются в виду приемы кулачного боя, которым обучал Джексон, известный во времена Скогга тренер по боксу (1769—1845).

Стр. 418. *...как говорит Гамлет.* — Цитата из «Гамлета» (акт III, сц. 1).

Аспар — старинная мелкая турецкая монета.

Стр. 420. *...настоящая читтагонгская птица.* — Читтагонг — портовый город в Бенгалии (Индия).

...наподобие Пентаполина Обнаженной Руки. — Намек на персонаж одного из средневековых рыцарских романов (см. «Дон-Кихот» Сервантеса, гл. XVIII).

Стр. 422. В эпитафе цитата из исторической хроники Шекспира «Ричард III» (акт IV, сц. 2).

Стр. 423. *...двойник Морского старика...* — Имеется в виду сказочный персонаж из «Путешествий морехода Синдбада» («Тысяча и одна ночь»).

Стр. 426. *Хэл* — одно из уменьшительных имен от Генри.

Стр. 428. *Стаций* — римский поэт I в. н. э., автор поэмы «Фиваида», в которой рассказывается о борьбе между сыновьями фиванского царя Эдипа Этеоклом и Полиником.

Стр. 429. *В Фиваиде такого поселения нет.* — Тачвуд, не сведущий в литературе, путает поэму «Фиваида», где речь идет о греческих Фивах, с Фиваидой — местностью в Египте.

Стр. 438. *«...с самой прекрасной статуей Кановы».* — Канова Антонио (1757—1821) — знаменитый итальянский скульптор.

Стр. 440. *Тристрам Шенди* — герой романа английского писателя Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди».

Стр. 441. ...*не в трибунале Беллоны, а в трибунале Фемиды*. — В античной мифологии Беллона — богиня войны, Фемида — богиня правосудия.

Стр. 442. *Фернандо Мендес Пинто* (1509—1583) — португальский путешественник, посетивший страны Ближнего Востока и Индию, где побывал и Тачвуд.

Стр. 447. ...*стихи Уолпола*. — Уолпол Горацио (1717—1797) — английский писатель.

Стр. 450. ...*полмачкина*. — Мачкин — шотландская мера жидкостей, соответствующая английской пинте (0,568 литра).

Стр. 455. *Боддл* — шотландская мелкая монета.

Стр. 458. *Царица Дидона*. — См. прим. к стр. 27.

Стр. 461. ...*отлично изображал Конгрив*... — Конгрив Уильям (1670—1729) — английский комедиограф.

Стр. 462. *Мистер Брам*. — Намек на известного в те времена изобретателя различных специальных и секретных замков.

Стр. 463. ...*нельзя и заикнуться на Бонд-стрит... на мостовой Сент-Джеймса*. — Имеются в виду улицы в аристократическом районе Лондона.

Стр. 475. *Джонатана-то уж я знаю*. — Джонатан — прозвище американцев.

...*пленником Типпу в Бангалоре*. — Речь идет об одном из национальных героев Индии, Типпу Салбе (1749—1799), последнем набобе Майсора, борце за независимость Индии против англичан.

Стр. 477. *Плутарх* — греческий историк I—II вв. н. э., автор книги «Сравнительные жизнеописания».

Стр. 485. В эпиграфе цитата из книги од Горация.

Стр. 495. ...*под громадой самого Бен-Невиса*. — Бен-Невис — самая высокая вершина Грэмпианских гор в Шотландии.

Стр. 497. *Сен-Готардский перевал* — один из самых высоких и крутых перевалов в Альпах, между Францией и Италией.

Стр. 500. ...*вышел в свет «Пereгрин Пикл»*. — Имеется в виду роман английского писателя Тобайаса Смоллетта (1721—1771).

Стр. 503. ...*погибли под развалинами Иерихона*. — Иерихон — в библии город хананеян, превратившийся в развалины от одного звука боевых труб израильского войска.

Стр. 507. *Мараведис* — старинная испанская медная монета.

Стр. 512. *Джон Буль* — прозвище англичан.

Стр. 515. В эпиграфе цитата из трагедии Шекспира «Король Лир» (акт III, сц. 4).

Стр. 529. *...занятому в то время осадой Птолемаиды.* — Имеется в виду Птолемаида Сирийская, или Сен-Жан д'Акр — крепость, взятая французским королем Филиппом-Августом и английским королем Ричардом Львиное Сердце во время третьего крестового похода (1191).

Стр. 541. *Гленливат* — шотландская водка.

Стр. 542. *...полуостров, где в это время шли самые жаркие бои.* — Имеется в виду Пиренейский полуостров (см. прим. к стр. 64).

Моравские братья — одна из наиболее ранних протестантских сект, возникшая в Чехии в XV в. и отличавшаяся особенно суровыми требованиями нравственной чистоты.

Е. ЛОПЫРЕВА

О Г Л А В Л Е Н И Е

СЕНТ-РОНАНСКИЕ ВОДЫ

Введение	7
Глава I. Хозяйка старого подворья	12
Глава II. Приезжий	27
Глава III. Состав министерства	41
Глава IV. Приглашение	55
Глава V. Эпистолярное красноречие	67
Глава VI. Застольная беседа	80
Глава VII. Чаепитие	92
Глава VIII. После обеда	111
Глава IX. Свидание	126
Глава X. Дела финансовые	137
Глава XI. Братская привязанность	151
Глава XII. Вызов	159
Глава XIII. Обманутые надежды	170
Глава XIV. За советом	181
Глава XV. Любитель старины	198
Глава XVI. Священник	212
Глава XVII. Знакомство	223
Глава XVIII. Превратности судьбы	242
Глава XIX. Письмо	262
Глава XX. Живые картины	269
Глава XXI. Загадки	291
Глава XXII. Уговоры	308
Глава XXIII. Предложение	317

<i>Глава XXIV. С глазу на глаз</i>	329
<i>Глава XXV. Объяснения</i>	335
<i>Глава XXVI. Продолжение письма</i>	349
<i>Глава XXVII. Ответ</i>	365
<i>Глава XXVIII. Испуг</i>	372
<i>Глава XXIX. Посредничество</i>	390
<i>Глава XXX. Нежданная помеха</i>	410
<i>Глава XXXI. Спор</i>	422
<i>Глава XXXII. У смертного ложа</i>	441
<i>Глава XXXIII. Разочарование</i>	461
<i>Глава XXXIV. Чаепитие</i>	473
<i>Глава XXXV. Спор</i>	485
<i>Глава XXXVI. Родич</i>	496
<i>Глава XXXVII. Исчезновение</i>	515
<i>Глава XXXVIII. Катастрофа</i>	525
<i>Глава XXXIX. Заключение</i>	539
Комментарии	545

Е. А. Лопыревой переведены «Введение» и главы I—XIX,
Н. Я. Рыковой — главы XX—XXXIX,

ВАЛЬТЕР СКОТТ
Собрание сочинений, т. 16

Редактор Б. Томашевский
Художник Б. Воронецкий
Художественный редактор
Л. Чалова

Технический редактор
Э. Марковская

Корректор Э. Урицкая

Сдано в набор 19/V 1964 г.
Подписано к печати 26/IX 1964 г.
Бумага 84×108¹/₃₂—17,875 печ. л. =
=29,32 усл. печ. л. Уч.-изд. л.
27,634. Тираж 300 000 экз. За-
каз № 1055. Цена 1 р. 15 к.

Издательство
«Художественная литература»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» имени
А. М. Горького «Главполиграф-
прома» Государственного компи-
тета Совета Министров СССР
по печати. Гатчинская, 26